

ВЕСТНИК

МГИМО—УНИВЕРСИТЕТА

№3(30) 2013
Москва

Главный редактор:

Торкунов А.В. – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Заместитель главного редактора:

Подберезкин А.И. – доктор исторических наук, профессор, проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России.

Редакционный совет

Торкунов А.В. – ректор МГИМО(У) МИД России, председатель Редакционного совета, академик РАН (Россия).

Артизов А.Н. – руководитель Федерального архивного агентства Российской Федерации, доктор исторических наук (Россия).

Богатуров А.Д. – доктор политических наук, профессор (Россия).

Волджи Т. – профессор политических наук университета Аризоны (США).

Грум Дж. – профессор международных отношений университета Кент (Великобритания).

Давид Д. – Исполнительный вице президент Французского института международных отношений (Франция).

Де Танги А. – главный научный сотрудник Центра международных исследований (СЕРИ)/Сьянс По, профессор (Франция).

Дынкин А.А. – директор ИМЭМО РАН, академик РАН (Россия).

Кокошин А.А. – академик РАН (Россия).

Коробков А.В. – профессор университета Мидл Теннеси (США).

Лавров С.В. – министр иностранных дел Российской Федерации.

Лукин В.П. – уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Мальгин А.В. – кандидат политических наук, проректор по общим вопросам МГИМО(У) МИД России.

Мионов С.М. – руководитель фракции «Справедливая Россия» в Государственной Думе Российской Федерации VI созыва (Россия).

Нарышкин С.Е. – председатель Государственной Думы Российской Федерации VI созыва (Россия).

Пивоваров Ю.С. – директор ИНИОН РАН, академик РАН (Россия).

Подберезкин А.И. – проректор по научной работе МГИМО(У) МИД России, заместитель председателя Редакционного совета, доктор исторических наук, профессор (Россия).

Примаков Е.М. – академик РАН (Россия).

Приходько С.Э. – Заместитель Председателя правительства Российской Федерации – Руководитель аппарата правительства Российской Федерации.

Рогов С.М. – директор Института США и Канады РАН, академик РАН (Россия).

Саква Р. – декан Школы политики и международных отношений Кентского университета (Великобритания).

Серегин А.В. – ответственный секретарь Бюро редакционно-издательского совета МГИМО(У) МИД России.

Степашин С.В. – председатель Счетной палаты Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор (Россия).

Титаренко М.Л. – директор Института Дальнего Востока РАН, академик РАН (Россия).

Чубарьян А.О. – директор Института всеобщей истории РАН, академик РАН (Россия).

Научный совет:

Алексеева Т.А. – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой политической теории МГИМО(У) МИД России.

Булатов Ю.А. – доктор исторических наук, профессор, декан факультета международных отношений МГИМО(У) МИД России.

Воскресенский А.Д. – доктор политических наук, профессор, декан факультета политологии МГИМО(У) МИД России.

Гладков Г.И. – кандидат педагогических наук, профессор, начальник управления языковой подготовки и Болонского процесса МГИМО(У) МИД России.

Енгибарян Р.В. – доктор юридических наук, профессор, директор Международного института управления МГИМО(У) МИД России.

Ильин М.В. – доктор политических наук, профессор, профессор кафедры сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России.

Кириллов В.Б. – кандидат исторических наук, доцент, проректор по учебной работе МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Легойда В.Р. – кандидат политических наук, доцент кафедры международной журналистики, главный редактор журнала "Фома", председатель Синодального информационного отдела Московского патриархата.

Лебедева М.М. – доктор политических наук, профессор, заведующий кафедрой мировых политических процессов России МГИМО(У) МИД России.

Наринский М.М. – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России.

Ноздрева Р.Б. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой менеджмента и маркетинга МГИМО(У) МИД России.

Орлов А.А. – кандидат исторических наук, директор Института международных исследований МГИМО(У) МИД России.

Платонова И.Н. – доктор экономических наук, профессор, заведующая кафедрой МЭО и ВЭС МГИМО(У) МИД России.

Салыгин В.И. – доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН, директор Международного института энергетической политики и дипломатии МГИМО(У) МИД России.

Скворцов Я.Л. – кандидат социологических наук, доцент, декан факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России.

Толстомяntenko Г.П. – доктор юридических наук, профессор, декан международно-правового факультета МГИМО(У) МИД России.

Уколова В.И. – доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Энтин М.Л. – доктор юридических наук, профессор.

Юлдашев Р.Т. – доктор экономических наук, профессор, заведующий кафедрой управления рисками и страхования МГИМО(У) МИД России.

Редколлегия:

Мунтян М.А. – доктор исторических наук, профессор, шеф-редактор журнала «Вестник МГИМО-Университета».

Большова Н.Н. – кандидат политических наук, начальник управления научной политики МГИМО(У) МИД России.

Вишняков Я.В. – кандидат исторических наук, доцент кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Иванов Н.В. – доктор филологических наук, профессор кафедры романских языков МГИМО(У) МИД России.

Коннов В.И. – кандидат социологических наук, доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.

Кравченко С.А. – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой социологии МГИМО(У) МИД России.

Малиновский А.А. – доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного права, уголовного процесса и криминалистики МГИМО(У) МИД России.

Мягков М.Ю. – доктор исторических наук, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО(У) МИД России.

Ручкин Г.Р. – директор издательства «МГИМО-Университет».

Свищев А.В. – кандидат экономических наук, доцент, декан факультета прикладной экономики и коммерции МГИМО(У) МИД России.

Столбов М.И. – доктор экономических наук, зам. декана факультета прикладной экономики и коммерции.

Харкевич М.В. – кандидат политических наук, начальник отдела научного планирования, статистики и учета управления научной политики.

Содержание

МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Торкунов А.В. Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России.	7
Александров О.Б. Интересы и приоритеты арктической стратегии Евросоюза.	12
Сучков М.А. Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе.	18

Аналитика Института международных исследований

Боришполец К.П. Водно-энергетические проблемы Центральной Азии: возможные пути решения.	25
Петров К.Е. Настоящее и будущее энергодиалога Россия – ЕС.	29
Воробьев В.Я., Иванов А.В. Линия Пекина в урегулировании проблем в бассейне Южно-Китайского моря.	37
Денисов В.И. Позиция России в вопросе о мирном договоре по Корее.	45
Чайко И.А. Роль вооруженных сил в политической системе Египта.	50

МИРОВАЯ ПОЛИТИКА

Буданова И.А. «Акторность» еврорегионов.	57
Кулинич А.А. Бизнес в экологической сфере: его роль в мировой политике.	64
Семенов О.Ю. Деятельность экологических НПО на мировой политической арене.	70
Толкачев В.В. Религиозные акторы в современной мировой политике: роль, возможности, перспективы развития.	75

ИСТОРИЯ

Исаев А.В. Актуальные проблемы изучения Курской битвы.	81

ПОЛИТОЛОГИЯ

Чернобров Д.В. Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «другого».	86
Детерев Д.А., Степкин Е.А. Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика.	92
Аватков В.А., Видяйкин А.С. Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития.	100

ПРАВО

Кондрат И.Н. Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства.	105
Петрыкина Н.И. К вопросу о соотношении норм административного и финансового права.	110
Половченко К.А. Институт судебного конституционного контроля в постсоветских государствах.	116
Занко Т.А. Правовое положение дипломатических работников: права, государственные гарантии, поощрения.	121

ФИЛОСОФИЯ

XVIII Шишкинские чтения: «Национальный человеческий капитал: морально-этическое измерение»

Шестопад А.В. Национальный человеческий капитал в современной России: проблемы и перспективы.	127
Кравченко С.А. Переоткрытие человеческого капитала в сложном обществе.	129
Гаман-Голутвина О.В. Человеческий капитал в экономике знаний: управленческий аспект.	132
Долгов К.М. Человеческий капитал и культура.	135
Глаголев В.С. Культура творчества – условие расцвета России.	136
Литвак Н.В. Экономический и информационный подходы к определению «человеческого капитала».	138
Коннов В.И. Концепция национального человеческого капитала в контексте современного науковедения.	140
Лукьянченко Е.А. Человеческий капитал: морально-этический аспект.	142
Корнеева А.М. Философские концепции глобальных экологических проблем и человеческого капитал.	144
Репина М.И. Университеты как составляющая национального человеческого капитала.	145
Мунтян М.А. Национальный человеческий капитал и будущее России.	147
Силантьева М.В. Человек: мифы и реальность.	150
Неверова Е.В. Человеческий капитал в условиях информационной сложности.	152
Панфилова Т.В. Человеческий капитал в свете проблемы ценностей.	153
Шишкин М.А. Человеческий капитал и современное естествознание.	154

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Деркач А.В. Реализация принципа взаимопроникновения культур в процессе подготовки специалистов-японистов.	156

СОЦИОЛОГИЯ

Ломагина А.В. Проблема националистического дискурса в современной социологической науке 160

Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России
в контексте сложного общества (проект Минобразования РФ)

Панищев А.Л. Национальные культуры России в условиях трансформации социума
в XXI столетии 167

Стригуненко Ю.В. Инновации как основа оптимизации образовательного процесса
в учебных заведениях МВД России 177

Слобожанин А.В. Особенность первичной и вторичной модернизации Тульской области
в 2000–2011 гг. 185

Белостоцкий А.А. Роль государственного бюджета в социально-экономическом развитии России 191

Кубякин Е.О. Тенденции развития молодежного экстремизма в условиях прогресса
информационно-компьютерных технологий 199

Куфтырев И.Г. Социально-экономические проблемы перехода России к инновационному
типу развития 205

ФИЛОЛОГИЯ

Рекош К.Х. Искусства эвристики, диалектики и софистики как предпосылки развития
правового дискурса 212

СВЕЖИЙ ВЗГЛЯД

Дни науки МГИМО(У) – 2013 на кафедре философии: «Межкультурная
коммуникация VS философская компаративистика»

Силантьева М.В. Замечательное мероприятие 221

Долгова Е.А. Некоторые особенности каузальной связи в различных культурах 222

Королева А.А. Концепт «время» как мировоззренческое основание культурной идентичности 224

Пенцова М.М. Проблема культурного кода в семиотике Ю.М. Лотмана 226

Францев Ф.С. Современные проблемы светско-религиозной коммуникации и пути их решения 229

Романова М.Д. Парадокс Шарля де Голля 231

Селезнева Т.А. Понятие субъективной и объективной модальности в языке 233

Татарская Д.А. Представления о душе в японской и русской лингвокультурах 235

Ефремова Е.С. Функции языковой игры в Интернет-дискурсе 237

Крячкова А.П. Речевой имидж немецких политиков как выражение языковой картины
Германии (на примере речей Ангелы Меркель) 239

Позднякова Д.Ю. Символика в коптском христианском искусстве как проблема
культурологического исследования 241

Поздняков Е.В. Философско-эстетические компоненты художественного стиля барокко:
западный и восточный ракурсы 243

Михайлова Н.В. Соотношение образа Пресвятой Троицы и парадигмы любви в русской
религиозной философии 245

ЗОЛОТОЙ ФОНД МГИМО

Подцероб А.Б. Белоногов Александр Михайлович 247

Гладкова Е.Л. Востоковед Владимир Иванович Горюнов 252

Толстикова И.О. Дарившая счастье Марина Львовна Рытова 255

Ахтамзян А.А. Андрей Иванович Степанов – ученый и дипломат 263

Журкин В.В. Анатолий Андреевич Красиков 267

ПЕДАГОГИКА

Романенко Н.М. Содержание процесса самообразования студентов как педагогическая проблема 270

Немирович О.В. Педагогический смысл использования межкультурного подхода для становления
иноязычной профессиональной компетентности специалиста в области международных отношений 273

Цветкова Т.К. Актуальные проблемы лингводидактики: постановка вопроса 278

РЕЦЕНЗИИ

Харкевич М.В. Одиннадцать томов «Великой Победы» 282

Падерин А.А. «Красные полководцы» 1930-х гг.: состав, взаимоотношения, судьбы 287

Шестопад А.В. Правительство ИСРП у власти 294

НАУЧНАЯ И КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ

Ларионова М.В., Сливчикова Ю.В. 20 лет бироамериканскому центру МГИМО(У) МИД России 296

Ахтамзян А.А. Генералу армии М.А. Гарееву исполняется в этом году 90 лет 300

Аватков В.А. О первом круглом столе экспертов-тюркологов и V общероссийской конференции
студентов-тюркологов в МГИМО 304

Table of Contents

INTERNATIONAL RELATIONS

Torkunov A.V. The International Relations in the Post-Crisis World: a View from Russia.....	7
Aleksandrov O.B. The EU's Arctic Strategy: Interests and Priorities.....	12
Suchkov M.A. Lobbying in the Making of American Foreign Policy in the Southern Caucasus	18

Research Papers of the Institute of International Studies

Borishpolets K.P. Problems of Water and Energy in Central Asia: Possible Solutions	25
Petrov K.E. The Present and the Future of the Russia – EU Energy Dialogue	29
Vorobyev V.Y., Ivanov A.V. The Line of Beijing in Settlement of Problems in the South China Sea Region.....	37
Denisov V.I. Russian Position on Peace Treaty for Korea	45
Chaiko I.A. The Role of the Armed Forces in Egypt's Political System	50

WORLD POLITICS

Budanova I.A. Euroregions as Actors of Contemporary World Politics	57
Kulinich A.A. The Role of Environmental Business in Contemporary World Politics.....	64
Semenov O.Y. Environmental NGO Activity in Contemporary World Politics.....	70
Tolkachev V.V. Religious Actors in Contemporary World Politics: Role, Potentials and Prospects	75

HISTORY

Isayev A.V. Current Issues in the Historical Studies of the Battle of Kursk.	81

POLITICAL SCIENCE

Chernobrov D.V. Identity in Contemporary International Conflict: Typology of the History of Conflicts through the Prism of the «Other»	86
Degterev D.A., Stepinkin E.A. American Assistance to Israel: Origins, Structure, Dynamics.....	92
Avatkov V.A., Vidyaykin A.S. Think Tanks in Turkey in the Era of JDP	100

LAW

Kondrat I.N. Concept of Criminal Policy and Improvement of Criminal Law and Criminal Procedure Law	105
Petrykina N.I. On Relation between Administrative and Financial Law	110
Polovchenko K.A. The Institute of Judicial Constitutional Control in the Post-Soviet States	116
Zanko T.A. Legal Status of Diplomatic Workers: Rights, State Guarantees, Promotion	121

PHILOSOPHY

XVIII Shishkin Readings: "National Human Capital: Moral and Ethical Measurement"

Shestopal A.V. The National Human Capital in Modern Russia: Problems and Prospects	127
Kravchenko S.A. A New Reading of the Human Capital in Complex Society.....	129
Gaman-Golutvina O.V. The Human Capital in Knowledge Economy: Administrative Issues	132
Dolgov K.M. Human Capital and Culture.....	135
Glagolev V. S. Culture of Creativity – a Condition for Russian Revival	136
Litvak N.V. Economic and Information Approaches to Defining "Human capital"	138
Konnov V.I. The Concept of National Human Capital in Contemporary Science Studies.....	140
Lukyanchenko E.A. Human Capital: Moral and Ethical Aspects.....	142
Korneyeva A.M. Philosophical Concepts of Global Environmental Problems and Human Capital	144
Repina M.I. Universities as Component of the National Human Capital.....	145
Muntian M.A. National Human Capital and the Future of Russia.	147
Silantyeva M.V. A Human: Myths and Reality	150
Neverova E.V. The Human Capital in the Conditions of Information Complexity.....	152
Panfilova T.V. The Values of Human Capital.	153
Shishkin M.A. Human Capital and Modern Natura	154

CULTURAL STUDIES

Derkach A.V. Realization of Intercultural Penetration Principle in Professional Training of Specialists in Japanese Studies	156

SOCIOLOGY

Lomagina A.V. The Problem of Nationalistic Discourse in Contemporary Sociology	160

New Approaches to Study of Modernization in Russia under the Condition of Complex Society (the Project of the Ministry of Education of the Russian Federation)

Panischev A.L. National Cultures of Russia under the Conditions of Societal Transformations in the XXI Century	167
Strigunenko J.V. Innovations as a Basis of Optimization of Educational Process in Academic Institutions of the Ministry of Interior in Russia	177
Slobozhanin A.V. Primary and Secondary Modernization of Tula Region in 2000–2011	185
Belostotskiy A.A. Socio-Economic Priorities of State Budget Formation	191
Kubyakin E.O. The Effects of Progress of Information and Computer Technologies on Development of Youth Extremism	199
Kuftyrev I.G. Employee Development as Social and Economic Precondition of Russia's Transition to Innovation Development	205

FILOLOGY

Rekosh K.H. The Art of Heuristics, Dialectics and Sophism in the Development of Legal Discourse	212

NEW VISION

Science Days in MGIMO–University 2013, Department of Philosophy: "Cross-cultural Communication VS philosophical Comparative Studies"

Silantjeva M. V. Remarkable Action	221
Dolgova E.A. Some Features of Causal Communication in Various Cultures	222
Koroleva E.A. Some Features of Causal Communication in Various Cultures	224
Pentsova M.M. Problem of Cultural Code in Yu.M. Lotman's Semiotics	226
Frantsev E.S. Modern Problems of Secular- Religious Communication and Ways of its Improvement.	229
Romanova M. D. Charles de Gaulle's Paradox	231
Seleznev T.A. The Concept of Language of Subjective and Objective Modality	233
Tatarskaya D.A. The Concept of Soul in Japanese and Russian lingvocultural studies.	235
Efremova E.S. Functions of Language Game in the Internet Discourse	237
Kryachkova A.P. Speech Image of the German Politicians as Expression of a Language Picture of the World of Germany (the Case of Angela Merkel's Speeches)	239
Pozdnyakova D.Y. Symbolics in Coptic Christian Art as a Problem of Culturological Research	241
Pozdnyakov E.V. Philosophy and Esthetics Baroque Style: Views from East and West	243
Mikhaylova N.V. Relation of the Blessed Trinity and Love in the Russian Religious Philosophy	245

THE MGIMO GOLDEN FUND

Podtserob A.B. Belonogov A.M. – "One of Our Outstanding Diplomats"	247
Gladkova E.L. Orientalist Vladimir Ivanovich Goryunov.	252
Tolstikova I.O. Marina Lvovna Rytova: Providing for Happiness	255
Akhtamzyan A.A. Andrey Ivanovich Stepanov – the Scientist and the Diplomat.	263
Zhurkin V.V. Anatoly Andriyovych Krasikov – the Journalist, the Scientist and the Public Figure	267

PEDAGOGICS

Romanenko N.M. Self-Education among Students as a Pedagogical Problem	270
Nemirovich O.V. The Usage of the Intercultural Approach for the Expert Professional Competence Development	273
Tsvetkova T.K. Contemporary Lingvodidactics: Defining Goals and Objectives of Foreign Language Teaching	278

REVIEWS

Kharkevitch M.V. Eleven Volumes of "the Great Victory"	282
Paderin A.A. "Red Captains" 1930: Structure, Relationships, Destiny	287
Shestopal A.V. The Government of Spanish Socialists	294

SCIENTIFIC LIFE

Larionova M.V., Slivchikova Y.V. 20 Years Anniversary of MGIMO-University Ibero-American Center	296
Akhtamzyan A.A. General M.A. Gareyev Turns 90 this Year.	300
Avatkov V.A. On the First Round Table of Tyurkologists and the V Russian Conference of Students-Tyurkologists in MGIMO-University.	304

Первый Всемирный форум выпускников МГИМО в Баку

11-13 апреля в столице Азербайджана Баку состоялось знаменательное событие – первый Всемирный форум выпускников МГИМО «Вместе в будущее!». Баку был выбран в качестве места проведения столь масштабной встречи выпускников неслучайно – президент Азербайджана И.Г. Алиев, под патронажем которого проводился Форум, является не просто выпускником МГИМО, но также единственным на настоящий момент главой государства из числа тех, кто в разные годы окончил Университет. Форум в Баку можно считать поистине уникальным – он стал первым мероприятием подобного рода, проводимым российским вузом, однако еще большее внимание обращает себя выдающийся состав его участников.

В Баку собралось множество блестящих выпускников Университета, среди которых – высокопоставленные государственные деятели (министр культуры РФ В.Р. Мединский, специальный представитель президента России по делам СНГ, руководитель Россотрудничества К.И. Косачев, вице-премьер Украины К. Грищенко, вице-премьер и министр иностранных дел Словакии М. Лайчак), представители бизнеса (генеральный директор «ЛУКОЙЛ Болгария» В. Златев, вице-президент нефтегазовой компании «SOCAR» Э.М. Насиров), высокопоставленные сотрудники международных организаций (управляющий директор по России Европейского банка реконструкции и развития Н.В. Ханженкова, спецпредставитель генерального секретаря ООН в Афганистане Я. Кубиш). Ряд выпускников, которыми Университет особенно гордится (в их числе министр иностранных дел России С.В. Лавров, генеральный директор ЮНЕСКО И. Бокова, заместитель Генерального секретаря ООН К.-Ж. Токаев) прислали свои приветственные обращения.

Значимость Форума подчеркивает тот факт, что приветственное письмо в адрес его участников направил Президент Российской Федерации В.В. Путин, выразивший уверенность в том, что подобные инициативы обогащают палитру межгосударственных отношений. Таким образом, Форум стал большим событием не только для МГИМО, но и для российской внешней политики и имиджа России за рубежом. Одной из важнейших целей Форума стал обмен идеями о том, как совместными усилиями государственной власти, бизнеса и гражданского общества найти ответы на вызовы современного мира. Для этого в программе Форума было предусмотрено обсуждение актуальных вопросов международной повестки дня, в том числе объединяющей роли образования в решении вопросов взаимопонимания и устранении проблем, приводящих к возникновению конфликтов, энергетического и экологического измерений глобальной экономики, роли бизнеса и медиаобщества в развитии международных отношений.

В рамках Форума состоялась церемония присвоения ректору МГИМО, академику РАН А.В. Торкунову степени Почетного доктора Азербайджанской Дипломатической академии, где он выступил с докладом о международных отношениях в посткризисный период. Со стороны МГИМО в дар Академии были переданы актуальные издания преподавателей и научных сотрудников Университета, выставка которых проходила в дни проведения Форума. Также в ходе визита было принято решение об открытии совместных магистерских программ между вузами, которые уже не первый год связаны партнерскими отношениями.

Помимо содержательной составляющей, Форум во многом превратился во встречу настоящих друзей, на которой выпускники разных лет и поколений получили возможность вспомнить студенческие годы и поделиться интересными эпизодами из студенческой жизни. Все это сделало Форум живым и ярким мероприятием, надолго запомнившимся участникам. Остается добавить, что в ответ на многочисленные пожелания проведения подобных встреч отныне решено организовывать на регулярной основе.

Международные отношения в посткризисном мире: взгляд из России

А.В. Торкунов

Мое сегодняшнее выступление опирается на две гипотезы. Первая состоит в том, что мировой кризис, по крайней мере его острая фаза, завершается. Отсюда приставка «пост». Вторая гипотеза состоит в том, что современный кризис стал по целому ряду объективных причин еще и своеобразной границей для нового этапа в развитии современной миросистемы. В этом и есть заслуга собственно кризиса, который все чаще получает определение кризиса «структурного», перетряхнувшего мировые экономические равновесия, балансы. В силу своего структурного характера кризис стал качественной границей в развитии целого ряда тенденций и процессов, вызревавших в политической сфере в предыдущие два с лишним десятилетия.

Структурный кризис как этап в развитии современной миросистемы

Действительно, многие игроки на мировом экономическом пространстве поменялись ролями: померк образ еще недавно бесспорного лидера – Соединенных Штатов Америки, теперь превратившегося в самого крупного должника в мире, обвешанного всеми возможными дефицитами (бюджетного, текущего платежного и торгового балансов), с небывало высокой хронической безработицей, с ускорившейся тенденцией острого социального неравенства. С другой стороны, ряд стран «восходящей рыночной экономики» бьют рекорды по росту ВВП, располагают существенными валютными резервами, активно действуют на региональных и даже на мировых рынках. Они если и страдают от разразившегося мирового кризиса, то преимущественно косвенно, вследствие неурядиц и рецессии в развитых капиталистических странах, в первую очередь в Европейском союзе и США.

Кстати, именно это определяет парадоксальность в восприятии современного кризиса во многих странах постсоветской Евразии, в том числе в России и Азербайджане, в странах АТР, некоторых государствах Латинской Америки. Влияние кризиса

на каждодневную жизнь граждан, на функционирование национальной экономики в ее тактическом, обособленном от мировой экономики цикле оказалось зачастую меньшим, чем в первом «пост-биполярном» кризисе 1997–1998 гг. Однако даже локальный рост, или, скажем так, сопротивление падению национальной экономической динамики не смог остановить структурных последствий глобального порядка.

Ярким примером в дополнение к названным США и уже «хрестоматийно кризисному» ЕС является Китай. Эта самодостаточная, как казалось, экономика «проскочила» первую фазу кризиса, но в результате оказалась в ситуации структурного тупика, выход из которого – в качественной перестройке экономики и в замедлении темпов роста с тем, чтобы эти качественные изменения перевалить. Суммирование «структурных» признаков современного кризиса выводит нас примерно на следующие компоненты:

- качественный разрыв между схожими по объему экономиками мира (очевидно, что могущество Китая и США построено на принципиально разных экономических моделях или даже формациях);

- фактическая деиндустриализация номинально индустриальных стран развитого мира (примеры «аутсорсинговой» промышленной экономики дают те же США и ряд стран ЕС);

- колоссально нарастающие объемы финансовых деривативов, де-факто пустых финансовых обязательств, разгоняющих цены, инвестиционные ожидания, создающие феномен «виртуализации» экономики. Ярким примером этому является энергетический сектор, где зачастую более половины цены на ту же нефть формируют сугубо вторичные финансовые компоненты. В тактическом плане – это, возможно, хорошо, но в стратегическом – это все-таки перспектива одномоментного обвала рынков группой спекулянтов;

- качественная деградация традиционных многосторонних механизмов финансово-эконо-

Торкунов Анатолий Васильевич – академик РАН, ректор МГИМО(У) МИД России.

Данная статья построена на основных тезисах выступления А.В. Торкунова в Дипломатической академии МИД Азербайджана. E-mail: vestnik@mgimo.ru

мического регулирования, невозможность для них вырваться за пределы операционно-тактического уровня регулирования мировой экономики.

Для целого ряда стран, в том числе для России и Азербайджана подушкой безопасности, смягчившей ощущения от кризиса, стали энергетические доходы и накопления, сделанные благодаря этим доходам. Логика создания мощных резервных фондов в нашем случае полностью оправдала себя. Но столь успешное тактическое поведение наших стран не должно затенять глобальную картину структурных изменений. Долгосрочная реакция на них требует дополнительного и серьезного анализа.

Проблема концептуализации современного миропорядка и политическая рецессия мирового развития

Стоит отметить, что уже к середине прошлого десятилетия большинство «модных» теорий начала 1990-х гг. («конец истории», «столкновение цивилизаций», «всеобщего демократического мира» и проч.) показали свою операционную непригодность, катастрофическую скорость устаревания, а «большие теории» (реализм, марксизм, функционализм) – замедленную реакцию на накапливающиеся изменения. Парадоксально, но в сфере осмысления мировой и национальной экономики степень концептуализации столь же низка. Известный российский экономист, президент компании экспертного консультирования «Неокон» Михаил Хазин на вопрос о каких-либо теоретических разработках по развивающимся на наших глазах кризисным процессам ответил: «Если говорить о теориях, то их нет, есть лишь «общие слова». И это основная проблема современного «экономического мейнстрима»... «Экономический мейнстрим», во всяком случае, к науке никакого отношения не имеет точно».

Именно поэтому представляется, что мы обречены на достаточно долгое существование в рамках верных, но весьма общих констатаций о полицентричности и одновременной иерархичности современного мира. Думаю, что для многих постсоветских стран, в частности для России, можно констатировать факт появления обильной хаотической и самодеятельной псевдонаучной продукции. Одним из последствий этого является либо беспорядочное, либо, наоборот, ритуальное использование терминов (глобализация, модернизация, инновация и т.п.), чаще всего без понимания их понятийного содержания, в результате чего мы столкнулись фактически с понятийным кризисом.

В целом международные отношения входят в период нелинейного развития. Разглядеть в современных условиях продолжение тенденций 1990-х или даже начала 2000-х гг. можно только действительно в самых базовых сегментах мирового развития. Нынешний период можно охарактеризовать и как «политическую рецессию», наступившую после двадцати лет быстрых количественных и качественных изменений. Используя исторические аналогии, наше время можно сравнить с десятилетием середины 1970-х – 1980-х гг. Действительно,

к середине 1970-х гг. были сделаны необходимые экономические, политические и институциональные коррективы в Ялтинско-Потсдамском порядке и Бреттон-Вудской системе, а основные игроки сосредоточились на «обустройстве» своих региональных и функциональных интересов в отдельных сегментах миропорядка.

Концептуализация представлений о мире, равно как и обретение самой системой ее завершенных очертаний, будет идти скорее через более четкое оформление «секторальных» явлений в экономике, сфере безопасности, международном праве, равно как и через более жесткое структурирование региональных политико-экономических ареалов. То есть новая система международных отношений будет логично выстраиваться от частного к общему. Попытки построения новой системы по мановению руки невидимого, но доброго волшебника – утопия двадцатилетней давности. Те элементы мироустройства, которые мы зложим вокруг России, станут элементами и общей системы. Нам и нашим партнерам здесь важно добиться принципиальной совместимости «деталей», из которых мы строим окружающую нас реальность.

Многосторонняя инфраструктура современного мира

Вместе с тем можно говорить о том, что базовые параметры современной системы международных отношений уже неплохо различимы. Значительно облегчила этот процесс институциональная преемственность постбиполярной системы, унаследовавшая основные многосторонние институты периода конфронтации. Большинство этих институтов прошло успешную адаптацию к современным условиям. Инфраструктуру современной международной системы образуют устойчивые межгосударственные (межправительственные) организации и иные форматы многостороннего взаимодействия государств. В целом деятельность этих механизмов носит в основном производный, вторичный характер относительно функций, роли, позиционирования государств на международной арене. Но их значение для организации современной международной системы, безусловно, велико.

А некоторые многосторонние структуры занимают особое место в существующем международном порядке. Прежде всего это относится к Организации Объединенных Наций. Она остается уникальной и незаменимой по своей роли. Это, во-первых, роль политическая: ООН придает легитимность акциям международного сообщения, «освящает» те или иные подходы к проблемным ситуациям, является источником международного права, несравнима ни с какими другими структурами по своей представительности. Во-вторых, роль функциональная – деятельность по десяткам конкретных направлений, многие из которых «осваиваются» только по линии ООН.

В новой системе международных отношений востребованность ООН в обоих этих качествах только возрастает. Да, ООН является объектом

■ Международные отношения

острой критики – за низкую эффективность, бюрократизацию, неповоротливость и т.п. Формирующаяся сегодня международная система вряд ли прибавляет какие-либо принципиально новые стимулы к осуществлению преобразований в ООН. Однако она усиливает настоятельность этих преобразований, тем более что возможность их осуществления в новых международно-политических условиях, когда ушло в прошлое биполярное противостояние, становится более реалистичной.

Для реализации политической воли, неотложных инициатив новаторского плана в сфере экономики и финансов существует механизм «Группы восьми». В ходе своей эволюции, под влиянием национальных позиций, в том числе и нашей страны, происходит постоянная «настройка» этого инструмента глобального регулирования. В качестве более адекватного ответа на задачи и вызовы, поставленные мировым экономическим кризисом, возник новый формат многостороннего взаимодействия – «Группа двадцати». «Двадцатка» обретает все более широкую популярность в качестве представительного пула государств.

Россия последовательно встраивается в глобальные процессы. Новые возможности появляются со вступлением нашей страны в ВТО, а в перспективе – и в ОЭСР. Признание роли России в мире находит свое отражение в председательстве ее в различных международных форматах – в АТЭС в 2012 г., в «Группе двадцати» – в нынешнем, в «Группе восьми» – в 2014 г. В 2015 г. мы будем председательствовать в Шанхайской организации сотрудничества и в объединении БРИКС. Это, несомненно, одно из свидетельств укрепления институциональных позиций России. В конце концов, Россия сама стала инициатором и соавтором нового институтостроительства, несомненные достижения которого – уже упоминавшиеся СНГ, ШОС, ОДКБ, ЕврАзЭС/Таможенный союз, БРИКС, Форум стран – экспортеров газа (ФСЭГ), ряд субрегиональных структур.

Правовое измерение современных международных отношений требует переосмысления и, по-видимому, кардинального реформирования. При уважении к базовым принципам международного права нельзя бесконечно ориентироваться на правоприменительную практику периода формирования Ялтинско-Потсдамской системы. Действительно, «мудрость предшествующих поколений» не может помочь в регулировании новых международных явлений, тем более в сферах, которые вообще были вне предмета рассмотрения еще полвека назад, будь то экология, трансграничные энергетические рынки или регулирование информационных потоков в Интернете.

Противодействие терроризму, наркотрафику, криминализованной миграции, незаконным финансовым потокам стало составной частью международной активности государств и многосторонних институтов. Современное миротворчество даже после периода активной «практики»

1990-х гг. так и не нашло консенсусного ответа на вопросы, связанные с принуждением к миру силой, гуманитарной интервенцией. Казус Косово остается локализованным и не распространяется на другие частично признанные международные субъекты. Актуализированная в связи с постбиполярными конфликтами проблематика международной уголовной юстиции также не является источником согласия в международном сообществе.

Источники международной динамики: региональные подсистемы

Мотором дальнейшей эволюции современной системы мира является формирование новых и реформирование старых региональных подсистем. Целый ряд тенденций и процессов продолжают «перелаивать» устоявшиеся за последние два десятилетия очертания мировой системы. К этим процессам можно отнести новый тип ближневосточной конфликтности и нестабильности, который уже не может объясняться и определяться пустым романтическим термином «арабская весна». «Весенние» события на Ближнем Востоке ставят, как минимум, два вопроса: кем будут заменены уходящие авторитарные, однако светские режимы и будут ли новые лидеры более адекватными в выстраивании отношений с окружающим миром?

Постсоветский ареал объективно ориентирован на перемены, в которые заложен как позитивный потенциал, реализуемый в многосторонних механизмах сотрудничества, «открытого регионализма» (ШОС), так и потенциал негативный, связанный с дальнейшим «разламыванием» этого пространства, субрегиональным обособлением, которое с учетом латентных конфликтных очагов может привести к нарастанию нестабильности. Однако надеюсь, что Таможенный союз и Единое экономическое пространство России, Белоруссии и Казахстана, а с 2015 г. и Евразийский экономический союз внесут заметный вклад в решение задачи обеспечения устойчивого развития и на пространстве СНГ, и в соседних регионах. Вообще углубление интеграционных процессов на пространстве Содружества – курс, рассчитанный на стратегическую перспективу. У создаваемого интеграционного механизма имеются все основания стать связующим звеном между АТР и Европейским союзом.

Мы зачастую излишне скромны или просто не осознаем собственных достижений, но в рамках того же Содружества на протяжении двух десятилетий де-факто функционирует механизм особых взаимных предпочтений в экономико-социальной сфере. Вступление России и многих наших соседей в ВТО, подписание и вступление в силу соглашения о зоне свободной торговли СНГ, основанное на принципах ВТО, придает необходимую системность нашим усилиям.

Серьезным элементом отношений на постсоветском пространстве являются российско-азербайджанские связи, которые строятся на прочном

двустороннем фундаменте и с использованием всех тех преимуществ, которые дают многосторонние механизмы Содружества. Важнейшим фактором этих отношений являются устойчивые гуманитарные контакты, предельно тесное переплетение экономической жизни наших стран, в частности в сфере энергетики. Огромные ресурсы в себе таит потенциал взаимного инвестирования, в том числе в высокотехнологичные сектора. Россия и Азербайджан, сохраняя приверженность национальным интересам, демонстрируют своим соседям умение находить компромиссы, солидарно выступать по важнейшим проблемам мирового развития и международной безопасности.

Европейская система в годы кризиса стала серьезным элементом неустойчивости мировой экономики. В Европе сохраняется чуть менее горячий, но все-таки активный резервуар неустойчивости на Балканах. Вместе с тем именно Европа продолжает создавать новые положительные прецеденты мирового развития – переход к высшей стадии интеграции, распространение режима европейского права и экономических регуляций ЕС на соседние страны.

Североатлантический альянс – НАТО добивается не просто статуса регионального соглашения, но претендует на некую особую роль в мировой архитектуре безопасности. В силу специфики стран ЦВЕ, Балтии, устремлений европейских стран постсоветского пространства начинает складываться специфический ареал «новой Восточной Европы».

Международные отношения в Южной Азии с ее объективным лидером – Индией перестают быть самодостаточными. С одной стороны, южноазиатская подсистема оказывается под угрозой миграции негативных факторов из региона Ближнего Востока, с другой – все больше смещается в тихоокеанском направлении, а Индия высвобождает свой потенциал для активной роли великой державы.

США сохраняют серьезный лидерский отрыв от других игроков мировой сцены. Напористое, но неудачное в конечном итоге мессианство периода администрации Дж. Буша-младшего сменилось на более кооперативный, зачастую реализуемый через многосторонние институты, курс Б. Обамы. Однако президентство Обамы «споткнулось» об «арабскую весну», где рецидивы политики предшественников дали себя знать. Несомненной удачей является то, что экономический кризис совпал с периодом кооперативного подхода в политике США. Дело в том, что его преодоление идет в значительной степени путем коллективных усилий и по линии многосторонних институтов. Внешняя политика США многогранна и движется множеством разнонаправленных факторов. Она показала, что может сочетать в себе «перезагрузку» в отношениях с Россией (возможности которой не исчерпаны) и ставку на развертывание национальной ПРО в Европе, нюансированный курс в корейском и афганском вопросах и упрямство в сирийском.

Сигналы к готовности взаимодействовать со стороны Вашингтона есть: это и смягчение позиции по ПРО, и фактическое возобновление энергетического диалога, частью которого стала известная сделка национальных нефтяных компаний – «Роснефти» и «Эксон». Латинская Америка, завершив наиболее крутые виражи «левого поворота» в самый канун кризиса, демонстрирует поступательное движение к зрелой региональной системе, становится игроком мирового масштаба. Опорными элементами здесь остаются интеграционные инициативы, прежде всего МЕРКОСУР. Лидеры региона активно включаются в мировые диалоговые структуры или участвуют в их создании (БРИКС, «Двадцатка»). Своеобразным экзаменом на зрелость станет «пост-чавесовский» период в Венесуэле.

Африканский континент продолжает быть укором современному развитию. Несмотря на усилия международного сообщества, самих стран Африки, континент подвержен активной конфликтности, деградации стабильности в странах и субрегионах, масштабному проникновению трансграничных негативных процессов в регион. Наиболее беспокоящее явление – превращение отдельных территорий в Африке в анклав, подконтрольные негосударственным акторам экстремистского характера. В Африке не завершен процесс национально-государственного строительства, и мы можем ожидать дальнейших изменений на политической карте континента. Ситуация в Мали – именно такой случай.

Я уже несколько раз упоминал проблематику АТР, но преимущественно в экономическом разрезе. К сожалению, этот регион начал демонстрировать буквально взрывное нарастание нестабильности, связанной с традиционными военными факторами. Противоречия двух зрелых и ответственных держав – Китая и Японии – вокруг островов Сенкаку на фоне корейского кризиса проблемой не представляются. Ясно, что в Пекине и Токио найдут *modus operandi*. Ситуация же на Корейском полуострове, без преувеличения, никогда после окончания корейской войны не выходила на столь опасный уровень конфронтации.

Суммируя, хотел бы еще раз подчеркнуть, что современная система, проходящая через структурный кризис, выдерживающая при этом огромное число вызовов регионального и функционального плана в политической сфере, однозначно демонстрирует разрыв с миром ранней пост-биполярности. Возможно, в ближайшее время, говоря о действительно современных международных отношениях, мы будем подразумевать в качестве стартовой линии 2008–2009 гг., а вовсе не 1991 г. или 2001 г., как это мы привыкли делать сегодня.

Torkunov A. V. International relations in the post-crisis world: a view from Russia.

Интересы и приоритеты арктической стратегии Евросоюза

О.Б. Александров

В данной статье автор анализирует арктическую стратегию Европейского союза. Он озадачил себя обозначением этапов становления арктической политики ЕС за прошедшее пятилетие, раскрытием мотивации действий ЕС в Арктике, оценкой внешнеполитических ресурсов, которыми Брюссель располагает для проведения подобной политики, раскрытием ее целей и интересов, а также показом растущего влияния ЕС в Арктическом регионе. Наряду с этим автор попытался ответить на вопрос, в какой степени интересы ЕС в Арктике пересекаются с интересами России и других арктических стран.

Сегодня интерес многих государств мира прикован к Арктическому региону из-за множества жизненно важных для судьбы человечества проблем, таких, как: изменение климата; использование минеральных и биологических ресурсов; территориальное разграничение и определение границ арктического шельфа; устойчивое развитие экономики и природопользования на Крайнем Севере; развитие торговых и туристических маршрутов в северных широтах; сохранение традиционного образа жизни малых народов Севера.

Европейский союз, крупнейшее в мире интеграционное объединение, последние пять лет также проявляет растущий интерес к этому региону и старается усилить свое влияние и степень своего участия в решении его проблем. Точкой отсчета арктической политики ЕС можно считать появление коммюнике «Европейский союз и арктический регион», принятого Европейской комиссией в 2008 г.¹. Существует и иные точки зрения по этому вопросу. Так, Н.М. Антюшина началом арктической политики ЕС называет появление в 2006 г. документа «К будущей морской политике ЕС: европейский подход к морям и оке-

анам». Помимо того, и концепцию «Северного измерения», выдвинутую в 1997 г., также можно считать предтечей современной арктической политики Брюсселя.

В упомянутом коммюнике провозглашалась неразрывная связь ЕС с Арктикой посредством географии, истории, экономики, а также благодаря научным достижениям². Авторы документа фокусировали внимание на стремительном изменении климата Арктики. По мнению ЕС, это несло с собой новые угрозы вроде глобального потепления, но, с другой стороны, это и открывало новые возможности, связанные с развитием неиспользованных арктических территорий и прокладыванием новых транспортных магистралей. Климатические изменения в Арктике, по мнению Еврокомиссии и авторов документа, повлекут за собой геостратегические перемены, последствия которых окажут влияние на глобальную стабильность и европейскую безопасность. В этой связи ЕС заявлял о необходимости разработать основы своей арктической политики, нацеленной на «устойчивое использование арктических ресурсов», и принять деятельное участие в многостороннем управлении Арктическим регионом³.

Александров Олег Борисович – к.полит.н., доцент кафедры МО и ВП России МГИМО(У) МИД России.
E-mail: aleksandrov-oleg@yandex.ru

В коммюнике Еврокомиссии было заявлено о том, что ЕС не станет пассивно наблюдать за процессом раздела Арктики и при проведении арктической политики будет активно взаимодействовать со странами этого региона, отдавая предпочтение государствам-членам ЕС (Дании, Финляндии, Швеции), а также Норвегии и Исландии, которые являются партнерами ЕС в формате «Северного измерения». Отношение Брюсселя к Исландии к тому же определяется перспективой скорого вступления последней в ЕС. В отношении России Евросоюз занял довольно противоречивую позицию. С одной стороны, упомянутое коммюнике заявляло о желании взаимодействовать с Россией в Арктике в рамках сложившихся партнерских отношений⁴ (в частности, в этой связи упоминалась программа обновленного «Северного измерения»). С другой стороны, в марте 2008 г. в докладе Верховного представителя Европейского союза по вопросам общей внешней политики и политики безопасности Хавьера Соланы отмечалось: европейским странам следует готовиться к конфликтам с Россией из-за энергоресурсов Арктики⁵.

Столь резкое заявление руководителя внешнеполитического ведомства ЕС совершенно не вытекало из предыдущей политики ЕС в данном регионе, не говоря уже о том, что оно шло вразрез с взаимными партнерскими обязательствами ЕС и России в рамках «Северного измерения». До определенного времени ЕС не предпринимал активных действий на арктическом направлении, если не считать таковым появление «арктического окна» в рамках программы «Северного измерения». Взаимодействие в данном формате, хотя формально и включало в себя территорию всего Европейского Севера, в большей степени было сфокусировано на Балтийском и Северо-Европейском регионах, а также на Северо-Западе России и не затрагивало арктическую проблематику, связанную с разделом континентального шельфа, развитием морских коммуникаций, охраной окружающей среды Арктики и другими важными вопросами. Тем самым именно 2008 г. можно считать отправным пунктом арктической политики ЕС.

Какими же ресурсами располагает ЕС в Арктике, на каких партнеров опирается в продвижении своих интересов и в чем эти интересы состоят? С самого начала ЕС обозначил цель получить статус постоянного наблюдателя при Арктическом Совете. В рамках данного арктического форума ЕС представляют три государства – Швеция, Дания и Финляндия. Еще шесть европейских государств-членов ЕС являются наблюдателями при Арктическом Совете. Две страны – Норвегия и Исландия – являются участниками Европейского экономического пространства, а также партнерами ЕС по программе «Северное измерение». При этом и сам Арктический Совет является одним из участников данной программы.

Получение статуса постоянного наблюдателя при Арктическом Совете позволило бы ЕС подключиться к дискуссии по арктическим вопросам в качестве заинтересованной стороны, пусть и без

права голоса при решении важнейших проблем региона. Желая получить статус постоянного наблюдателя при Арктическом Совете, Европейский союз именно данный орган рассматривает в качестве единственного легитимного регионального института и отрицательно относится к роли «арктической пятерки», которая, по мнению Брюсселя, своим существованием подрывает авторитет Арктического Совета. Именно Арктический Совет, по мнению ЕС, должен стать площадкой для мирного урегулирования территориальных споров в Арктическом регионе. В настоящий момент Брюссель осознает ограниченность своих возможностей в Арктике, однако не теряет надежды укрепить свое влияние в регионе, в том числе и за счет повышения своего статуса в рамках Арктического Совета. Европейские государства-члены Арктического Совета (Швеция, Финляндия, Дания, а также Норвегия и Исландия) на протяжении уже нескольких лет лоббируют принятие ЕС в постоянные наблюдатели в рамках АС, однако Канада выступала против.

Во всех документах, посвященных Арктическому региону, ЕС ставит во главу угла вопросы изменения климата и воздействие этих изменений на экологию Севера. Брюссель всячески подчеркивает, что происходящие изменения климата в Арктике очень серьезно затрагивают Европейский регион, то есть интересы самого ЕС. В этом контексте Европейский союз выдвигает свою кандидатуру в качестве эксперта по развитию энергосберегающих технологий и бережному использованию ресурсов Арктики. Европейский союз наращивает свою технологическую базу для экономического освоения Арктики и проведения научных исследований на Европейском Севере. Этому будет способствовать создание нового исследовательского ледокола *Aurora Borealis*. Кроме того, ЕС планирует использовать для мониторинга арктических территорий средства европейской навигационной спутниковой системы «Галилео».

В вышеупомянутом коммюнике 2008 г. также отмечалось, что экологические изменения в Арктике влекут за собой геостратегические перемены, последствия которых могут оказать влияние на глобальную стабильность и европейскую безопасность. В этой связи, по мнению авторов документа, ЕС необходимо разработать основы своей арктической политики с целью добиться «устойчивого использования арктических ресурсов» и принятия деятельного участия в многостороннем управлении Арктическим регионом⁶. Таким образом, ЕС в самом начале заявил о намерении проводить в Арктике активную политику, которая будет частью коллективных усилий арктических государств и других заинтересованных сторон, направленных на совместное управление данным регионом.

В декабре 2009 г. Совет Европейского союза вынес заключение по вопросу о политике ЕС в отношении Арктического региона⁷. В нем ЕС заявлял о поддержке процесса формулирования внешнеполитических приоритетов ЕС в Арктике, а также о наличии законных интересов и правах своих государств-членов в данном регионе. Кро-

■ Международные отношения

ме того, документ ставил ряд конкретных целей ЕС на арктическом направлении, среди которых отмечались:

- эффективное внедрение международным сообществом мер по смягчению изменения климата Арктики;
- укрепление многостороннего управления Арктикой на основе международных региональных и двусторонних соглашений;
- использование положений Конвенции ООН по морскому праву (UNCLOS) и соответствующих международных инструментов для сохранения уникальной природы Арктики, ее экосистемы и биоразнообразия.

Экологическая доминанта во многом определяет мотивацию деятельности Евросоюза по защите своих интересов в Арктике. К примеру, ЕС призвал Международную морскую организацию (ИМО) объявить запрет на использование токсичного топлива (тяжелого горючего) для арктических судов, мотивируя это угрозой для окружающей среды. В случае несогласия со своим требованием ЕС пригрозил запретить всем иностранным судам, использующим бункерное топливо, заходить в свои порты⁸. Эти действия ЕС можно рассматривать под разным углом зрения. Однако очевидно, что подобная политика ЕС вызвана не только заботой о хрупкой экологии Арктики. Она продиктована и желанием распространить нормы и стандарты ЕС в сфере мореплавания, судостроения, навигации и рыболовства на весь Арктический регион и тем самым использовать свои конкурентные преимущества в борьбе за право управления Арктическим регионом и добычи природных ресурсов.

Совет также высказался за предоставление народам Арктического региона (под которыми подразумеваются коренные и малые народы Крайнего Севера) возможности вести традиционный образ жизни. Был вновь повторен тезис о необходимости «устойчивого использования природных ресурсов» и заявлено о содействии расширенному управлению Арктикой посредством принятия соответствующих соглашений. Последний тезис явно говорит о стремлении ЕС стать одним из активных участников этого процесса. Однако ЕС подает свое намерение завуалированно, смягчая его оговорками о необходимости тесного диалога со всеми арктическими государствами и негосударственными объединениями данного региона.

Основной тезис арктической политики ЕС состоит в том, чтобы обеспечить баланс между двумя потребностями – сохранением окружающей среды Арктики и использованием ее природных ресурсов. С одной стороны, ЕС возлагает большие надежды на импорт энергоресурсов из региона, с другой стороны, северные моря служат основным поставщиком рыбных ресурсов в страны ЕС, и любая катастрофа, связанная с разливом топлива в Арктике, может стать фатальной для рыбного промысла в северных широтах. В связи с таянием арктических льдов меняется вся экосистема региона. География рыбного промысла также изменится, возникнет угроза неограниченного вылова

рыб третьими странами в новых районах, еще не охваченных многосторонними соглашениями и нормами Международной морской организации. В этой ситуации ЕС выступает за запрет рыбопромыслового лова в освободившихся ото льда районах Арктики.

С 2007 по 2013 г. ЕС инвестировал примерно 1,14 млрд евро в развитие экономического, социального и природоохранного потенциала арктических регионов ЕС. Кроме того, примерно 200 млн евро были потрачены на проведение международных исследований Арктики. Таким образом, можно сделать вывод о том, что ЕС проводит многовекторную политику в Арктическом регионе, ориентируя ее как на взаимоотношения с арктическими странами, региональными организациями и представителями коренных народов Севера, так и на развитие собственных северных регионов, что должно повысить конкурентные преимущества ЕС в Арктике. Одним из столпов арктической стратегии ЕС является действующее партнерство с участием России, Исландии и Норвегии в формате «Северного измерения».

Несмотря на изначальную склонность Брюсселя к коллективным форматам обсуждения арктической проблематики, со временем ЕС все чаще демонстрирует желание действовать самостоятельно в этом регионе. Об этом говорит уже упомянутый призыв к запрету бункерного топлива для судов арктического класса и угроза не пускать в европейские порты те суда, которые не соответствуют экологическим нормам ЕС. Данная угроза прежде всего направлена против России, так как именно российские суда используют недорогое бункерное топливо, а российские арктические порты предоставляют этот вид топлива судам, осуществляющим мореплавание в арктических водах. Дело осложняется тем, что действующий на территории России технический регламент на производство автомобильного и авиационного бензина, дизельного и судового топлива от 27 февраля 2008 г. не содержит ограничений по содержанию серы, какие предусмотрены европейскими и международными нормами с 2015 г. (0,1%). Перевод российских арктических судов с мазута на дизельное топливо приведет к резкому удорожанию стоимости перевозок и сделает российские порты неконкурентоспособными по сравнению с портами стран ЕС.

В отношениях ЕС и России по-прежнему элементы расхождения интересов доминируют над элементами совпадения. Вплоть до недавнего времени в Арктике Москва и Брюссель во многом выступали со схожих позиций:

- заявляли о приоритете норм международного права при решении важнейших вопросов, касающихся Арктического региона;
- ратовали за ратификацию Конвенции ООН по морскому праву 1982 г. всеми странами;
- рассматривали борьбу с последствиями химического и ядерного загрязнения региона в качестве одного из главных приоритетов;

– наконец, Россия и ЕС совместно выступают за достижение соглашения о сотрудничестве в ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике.

Однако геополитический расклад в Арктике меняется довольно быстро. Нельзя исключать того, что именно отношения России и ЕС станут главным узлом противоречий в Арктике. Контуры будущих разногласий Москвы и Брюсселя уже обозначились вполне конкретно. Первый из них касается добычи энергоресурсов на арктическом шельфе России, а также в той зоне Арктики, которую Россия надеется закрепить за собой. В настоящий момент Брюссель не участвует в разделе арктического шельфа, однако у него сохраняются две возможности включиться в этот процесс.

Одна из них связана с самоуправляющейся территорией Дании – Гренландией, с которой ЕС установил особые отношения и подписал ряд соглашений о сотрудничестве в сфере образования, энергетики и торговли. Дания является единственной страной Северной Европы и единственным государством ЕС, которое благодаря Гренландии имеет свою собственную береговую линию в Северном Ледовитом океане. ЕС стремится поддерживать особые отношения с Гренландией и оказывает ей финансовую поддержку. Брюссель не раз выражал желание оказывать помощь Гренландии, учитывая ее «хрупкую экологическую систему» и демографические проблемы ее населения⁹. Однако говорить о переходе отношений ЕС с Гренландией на новый уровень еще рано. Тесная «опека» со стороны Брюсселя не вызывает доверия со стороны населения острова, которое в 1973 г. сознательно высказалось против вхождения в состав ЕС. С тех пор позиция большинства «островитян» по вопросу о членстве в ЕС не изменилась. Гренландия опасается за свою главную отрасль – рыболовство, – так как при вхождении острова в состав ЕС Гренландия вынуждена была бы открыть свои воды для рыболовных судов других европейских государств. Таким образом, в перспективе речь идет скорее не о присоединении Гренландии к ЕС, а о перспективах Дании удержать в своем составе малонаселенную самоуправляющуюся территорию, которая располагает богатыми запасами нефти и газа на своем арктическом шельфе. Политической элите острова уже удалось добиться широкой автономии. Это означает в перспективе право самостоятельно распоряжаться доходами от добычи энергоресурсов, которые до сих пор делились поровну между Данией и Гренландией¹⁰. Таким образом, в рамках треугольника Брюссель – Нуук – Копенгаген заметно стремление Гренландии в равной степени дистанцироваться от ЕС и Дании, хотя последняя всячески противится росту иностранного влияния на свою автономию.

Дания, а вместе с ней и ЕС оспаривают претензии России на хребет Ломоносова и выдвигают встречные претензии на этот участок Арктики. Тем самым ЕС является прямым конкурентом России в этом регионе. Показательно, что в последних документах ЕС по Арктике тема партнерства с Россией в рамках «Северного измерения» обозначена кратко,

в то время как о другом традиционном партнере ЕС в Арктике – Норвегии говорится как о стране, заслуживающей доверия.

Вторая возможность ЕС стать участником процесса раздела энергоресурсов Арктики связана с Исландией, которую Европейский союз желает видеть в своих рядах. Вступление Исландии в ЕС не только дает Европейскому союзу еще один голос в Арктическом Совете, но и позволяет предъявить дополнительные претензии на предоставление части арктического шельфа. Вплоть до сегодняшнего времени Исландия позиционировала себя как арктическое государство, но не предъявляла претензий на свой арктический сектор. После вступления в ЕС ситуация может измениться. 20 января 2011 г. Европарламент принял резолюцию «Об устойчивой политике ЕС на Крайнем Севере»¹¹. В данной резолюции европарламентарии призывают ЕС к выработке объединенной и скоординированной арктической политики ЕС, которая включала бы в себя политические, экономические, экологические аспекты и гуманитарные аспекты.

В этом документе особо подчеркивалось значение вступления Исландии в ЕС. Именно с этого момента, по мнению европарламентариев, Европейский союз обретет собственную береговую линию в Арктике и станет участником процесса раздела богатств региона. Не дожидаясь этого, ЕС продвигает здесь свои интересы через ряд инициатив, адресованных всем заинтересованным государствам. В частности, ЕС предлагает создать рамочные условия для хозяйственной деятельности арктических стран, ввести жесткие экологические стандарты мореплавания и эксплуатации природных богатств региона, добиваться запрета на эксплуатацию танкеров и других крупнотоннажных судов, которые не удовлетворяют экологическим стандартам ЕС. Иначе говоря, ЕС надеется играть в процессе управления Арктическим регионом не последнюю роль¹². Более того, в одном из документов ЕС прямо заявляет о том, что обеспечит эффективное управление хрупкой окружающей средой Арктики.

Однако амбиции ЕС не ограничиваются лишь сферой охраны окружающей среды и развитием мореплавания в арктических водах. Евросоюз стремится играть важную и стратегически выигрышную роль арбитра и в вопросе о добыче природных ресурсов на арктическом шельфе. За призывами к «устойчивому использованию энергоресурсов» и соблюдению экологических норм проглядывает желание ЕС использовать свои конкурентные преимущества в этих сферах. Представляется, что основные упреки в несоблюдении высоких стандартов безопасности в Арктике будут адресованы России, и Москве необходимо быть готовой к такому повороту событий.

В отличие от предыдущих документов и заявлений Европейского союза, в которых преобладала тема экологии и устойчивого развития Арктики, резолюция Европарламента 2011 г. прямо ставит вопрос об «открытом и равном доступе» к арктическим ресурсам. Документ требует занять более

■ Международные отношения

активную позицию по Арктике, чтобы не выйти из гонки за право эксплуатации природных ресурсов региона, таких, как нефть, газ и рыба. За этим заявлением стоит не только стремление ЕС поддержать позиции Дании, Швеции и Финляндии в Арктике, но и желание самому принять участие в добыче энергоресурсов, расположенных за пределами исключительных экономических зон арктических государств. По мнению европарламентариев, Брюссель довольно много внимания уделял экологической и климатической проблематике Арктики, защите прав коренных малочисленных народов, однако должен вспомнить и о своих энергетических интересах в этом регионе.

В целом подход ЕС к освоению ресурсов Арктики, а также к использованию ее транспортных возможностей основывается на идее открытости региона. Данный подход подразумевает не только свободный и открытый доступ европейских компаний к разработке месторождений на арктическом шельфе. ЕС от имени своих государств-членов выступает за свободу мореплавания в Арктике, за право свободного прохода через международные морские пути. Подобные идеи не раз высказывала представитель Европейской комиссии Бенита Ферреро-Вальднер¹³. В частности, Брюссель ратует за разработку Кодекса полярного судоходства в рамках Международной морской организации (ИМО). Об этом идет речь и в вышеупомянутой резолюции Европарламента. В этом аспекте можно увидеть еще один пункт расхождения интересов ЕС и России. Москва, как известно, также поддерживает принцип свободы мореплавания в открытых водах, но выступает за сохранение национального статуса Северного морского пути. Схожих позиций придерживается и Канада применительно Северо-Западному проходу через острова канадского арктического архипелага.

При определенном раскладе сил союзниками ЕС в Арктике могли бы выступать не только вышеупомянутые европейские страны (Финляндия, Швеция, Дания, Исландия и Норвегия), но и североамериканские государства (США и Канада). Однако до сих пор неурегулированность взаимных интересов в Арктике не позволяла им значительно сблизить свои позиции. В свою очередь, отношения ЕС с европейскими союзниками тоже далеко не безоблачны. Североевропейские государства, поддерживая политику ЕС в Арктике и выступая за усиление его роли в решении арктических дел, желали бы в результате усилить собственные позиции в регионе, а вовсе не добиться их ослабления. В заявлении Регионального Совета Баренцева Евроарктического региона напрямую говорилось о том, что страны Северной Европы стремятся быть в авангарде, а не в арьергарде арктической политики ЕС¹⁴.

Европейская комиссия совместно с высоким представителем по внешней политике ЕС в 2012 г. выпустили, адресованное Европарламенту и Со-

вету Европы, коммюнике «Развитие политики ЕС в отношении Арктического региона: прогресс с 2008 г. и дальнейшие шаги»¹⁵. В документе подчеркивалось: Евросоюз вместе со своими региональными членами должны незамедлительно включиться в решение вопросов безопасности Арктического региона и его устойчивого развития. Повышение своей роли в арктических делах авторы документа связывают с получением статуса постоянного наблюдателя при Арктическом Совете. В марте 2012 г. состоялись знаковые визиты вице-президента Еврокомиссии и руководителя внешнеполитического ведомства ЕС Кэтрин Эштон в Арктику, в ходе которых она посетила Рованиеми, Кируну и Шпицберген.

Отдельного анализа заслуживает подход Европейского союза к проблеме коренных народов Севера. Как известно, в качестве таковых Арктический Совет признает не все население, проживающее в арктической зоне (около 4 млн человек, примерно половина из которых проживают на территории России), а лишь около 500 тыс. человек, представляющих преимущественно народ саами и другие малочисленные народы Севера. Брюссель придерживается аналогичного подхода. При этом ЕС призывает Россию ратифицировать декларацию Генассамблеи ООН о правах малых народов, принятую в сентябре 2007 г., а также заявляет о том, что будет активно защищать языковые и культурные права финно-угорских народов, проживающих в северных регионах России. Последнее нельзя охарактеризовать иначе как прямое вмешательство во внутренние дела России.

Резюмируя вышесказанное, следует сказать о том, что изначально скромные и осторожно сформулированные в коммюнике 2008 г. тезисы арктической политики ЕС были значительно дополнены и конкретизированы в последующих документах. ЕС позиционирует себя как сторонника устойчивого развития Арктики в интересах ее коренного населения. Стратегия устойчивого развития Арктики в понимании ЕС подразумевает ставку на развитие альтернативных источников энергии и повышение энергоэффективности экономики Севера. Вместе с тем ЕС заявляет о необходимости дальнейшего наблюдения за изменением климата Арктики и выделяет значительные средства на проведение соответствующих научных исследований. Одновременно ЕС желает поставить под контроль вопросы добычи биологических и минеральных ресурсов, а также противодействовать изменению климата региона за счет выполнения целей Киотского протокола. Брюссель провозгласил Арктику стратегически важным регионом и выступил за свободу мореплавания в Арктике и за снятие любых ограничений, которые могли бы этому препятствовать.

ЕС намерен добиваться обеспечения безопасного судоходства в Арктике, демонстрируя тем самым свои претензии на лидерство в регионе и обосновывая это тем, что примерно 90%

внешней торговли ЕС приходится на морские перевозки. В осуществлении арктической стратегии ЕС изъясляет желание сотрудничать со всеми арктическими государствами, а Арктический Совет рассматривает в качестве единственного легитимного форума стран Арктического региона. Таким образом, ЕС де-факто становится влиятельной политической силой в Арктическом регионе.

Aleksandrov O.B. The EU's Arctic Strategy: Interests and Priorities.

Summary: *This article deals with the Arctic strategy of the European Union. The main task of the author is to show the development of the EU's Arctic policy during the previous 5 years, to analyze motivations of the EU's actions in the Arctic, to assess the foreign policy resources which are at the disposal of Brussels to carry out the EU's Arctic policy, and therefore to demonstrate the growing role of the EU in the Arctic. Apart from that, the author attempts to answer a question to what extent the EU's interests in the Arctic coincide with or contradict interests of Russia and other Arctic states.*

Ключевые слова

Стратегия ЕС в Арктике, Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., устойчивое развитие, запрет на тяжелое топливо, «арктическое окно».

Keywords

The EU's Arctic strategy, UNCLOS 1982, sustainable development, ban on heavy fuel oil, Arctic window.

Примечания

1. Антюшина Н.М. Арктический вызов для национальной и международной политики / Н.М. Антюшина. М.: Институт Европы РАН, 2012.
2. The European Union and the Arctic region. Communication from The Commission to The European Parliament and The Council URL:<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52008DC0763:EN:NOT>.
3. The European Union and the Arctic region. Communication from The Commission to The European Parliament and The Council URL:<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52008DC0763:EN:NOT>.
4. Гулевич Владислав. Арктический вопрос во внешней политике ЕС. URL:<http://ru-fr.interaffairs.ru/read.php?item=7833>.
5. Climate change may spark conflict with Russia, EU told // Guardian. – 2008 – March 10.
6. The European Union and the Arctic region. Communication from The Commission to The European Parliament and The Council. URL:<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52008DC0763:EN:NOT>.
7. Council Conclusions on Arctic issues. 2985th FOREIGN AFFAIRS Council meeting Brussels, 8 December 2009.
8. "EU calls for ban on heavy fuel oil in Arctic". URL: <http://www.americanpolar.org/2011/03/02/eu-calls-for-ban-on-heavy-fuel-oil-in-arctic/>
9. The European Union and the Arctic region. Communication from The Commission to The European Parliament and The Council URL:<http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=CELEX:52008DC0763:EN:NOT>.
10. Гулевич Владислав. Арктический вопрос во внешней политике ЕС. URL:<http://ru-fr.interaffairs.ru/read.php?item=7833>.
11. European Parliament resolution of 20 January 2011 on a sustainable EU policy for the High North. URL:<http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?type=TA&reference=P7-TA-2011-0024&language=EN&ring=A7-2010-0377>.
12. EU must not miss the Arctic train URL:<http://www.europarl.europa.eu/en/pressroom/content/20110120IPR12103/html/EU-must-not-miss-the-Arctic-train>.
13. <http://www.barentsobserver.com/cppage.4619018-17289.html>.
14. Арктическая стратегия ЕС должна иметь региональный разрез URL:<http://www.barentsobserver.com/-4848052.html>.
15. Developing a European Union Policy towards the Arctic Region: progress since 2008 and the next steps. / Luxembourg: Publications Office of the European Union, 2012.

Влияние лобби-групп на формирование внешней политики США на Южном Кавказе

М.А. Сучков

В работе анализируется фактор лобби в системе принятия внешнеполитических решений в США в отношении государств Южного Кавказа. Рассматриваются особенности лоббизма Армении, Азербайджана и Грузии, процесс становления и механизмы их влияния на Конгресс США и экспертное сообщество страны. Статья также раскрывает спектр основных вопросов для каждой республики, которые лоббируют заинтересованные группы и то, каким образом они преломляют собственно американские интересы в регионе.

Анализируя внешнюю политику США на Южном Кавказе, многие российские исследователи и их западные коллеги фокусируются в основном на аспектах геополитического, военного (двустороннее сотрудничество США с республиками Южного Кавказа и кооперация с НАТО) и экономического (каспийские углеводороды, трубопроводы и логистические маршруты) характера. При этом за исходную точку, вполне справедливо, берутся императивы американской внешней политики в регионе, артикулированные в различных национальных доктринах и стратегиях.

Данный подход, при всей экспертно-академической полезности и прикладной значимости, не рассматривает роль и динамику внутривнутриполитических факторов в США, которые тем или иным образом влияют на процесс принятия внешнеполитических решений в этой стране на данном направлении. Вместе с тем знание и оценка их роли нередко являются ключом к пониманию различных акций и инициатив американской дипломатии в регионе Кавказа.

В свою очередь, в этом многосоставном и сложном по характеру процессе¹ особое место традиционно принадлежит лобби-структурам, которые содействуют продвижению повестки «заинтересованных игроков» во внутривнутриполитический дискурс США. Задача данной работы – выявить основные тренды в деятельности лобби-групп Армении, Азербайджана и Грузии и определить степень их влияния на выработку американской внешней политики на Южном Кавказе.

Известно, что Конгресс – один из столпов американской системы «сдержек и противовесов». Обладая серьезными рычагами влияния, законодательный орган страны непосредственно участвует в формировании ее внешней политики. Помимо прочего, эта деятельность реализуется через механизмы бюджетного регулирования (ему принадлежит право на определение размеров финансирования программ экономической и военной помощи) и утверждение назначений на должности послов².

Сучков Максим Александрович – к.полит.н., ст. преподаватель кафедры международных отношений, мировой экономики и международного права ФГБОУ ВПО «Пятигорский государственный лингвистический университет». E-mail: vestnik@mgimo.ru

Многолетнее участие Конгресса в кавказской проблематике, прежде всего через слушания в соответствующих региональных и отраслевых комитетах сената и палаты представителей и членства отдельных законодателей в так называемых кокусах (о чем пойдет речь ниже), позволяет говорить о наличии определенных тенденций. Если грузинский вопрос всегда был для Демократической и Республиканской партий консенсусным и конгрессмены были солидарны с администрацией в ее внешнеполитических инициативах (различия могли периодически возникать только на почве инструментария их реализации), то в отношении Еревана и Баку просматривается иная динамика. С момента установления Соединенными Штатами дипломатических отношений с республиками Закавказья в 1992 г. большинство законодателей зачастую поддерживают армянскую сторону, в то время как исполнительная власть склоняется к Азербайджану, хотя в последние годы тренд этот не так явно выражен, как раньше.

Расстановка акцентов подобным образом не в последнюю очередь определяется деятельностью этнических лобби-структур. За долгие годы существования в США разветвленная сеть субъектов реализации лоббистской деятельности³ отработала определенные механизмы и каналы взаимодействия как с исполнительной и законодательной ветвями власти, так и с экспертно-академическим сообществом. В общем виде под лобби понимают «усилия организованного интереса (организации) с целью изменения политики правительства»⁴.

Американский исследователь Энтони Ноунс выделяет шесть компонентов успешного лоббирования⁵. Во-первых, это минимальность требований на первоначальном этапе. В армяно-азербайджанском (турецком) противостоянии лобби-групп это находит отражение прежде всего в борьбе за три основных вопроса:

- проблема Нагорного Карабаха;
- признание геноцида армян;
- распределение финансовой помощи.

Амбивалентность американского внешнеполитического курса по данным проблемам и низкая осведомленность большинства конгрессменов относительно их сути позволили представителям армянского лобби уже в первые годы после распада СССР занять активную позицию. Они не только продвигали свою интерпретацию событий, но и позиционировали свои претензии как изначально легитимные предпосылки становления и стабильного существования Республики Армения⁶.

Помимо этого, мощное армянское лобби сыграло решающую роль в принятии Конгрессом в 1992 г. 907-й поправки к «Акту в поддержку свободы» (FREEDOM Support Act), что сделало Азербайджан единственным государством бывшего СССР, законодательно лишенным помощи от правительственных структур США⁷. Все это происходило на фоне призывающих к ее отмене администрации президента, госдепартамента и министерства обороны США, мотивирующих свою позицию тем, что данная поправка мешает

Вашингтону быть объективным посредником в карабахском конфликте.

Еще одной «коллизией» на первоначальном этапе стала принятая в 1997 г. палатой представителей «поправка Портера». Она предусматривала оказание помощи Азербайджану и Нагорному Карабаху в пропорции 7:1, что, по сути, означало признание Карабаха отдельной от Азербайджана территорией. Однако резкие протесты Баку на волне развития энергопроектов были поддержаны Белым домом и госдепартаментом, а текст поправки был изменен в сенате на «Азербайджан, включая Нагорный Карабах», а формула «7:1» была устранена вовсе⁸.

Фактор долгосрочного присутствия армянского лобби в США – вторая составляющая его успешной деятельности по сравнению с азербайджанским, чья этническая группа была практически неизвестна в Соединенных Штатах до 1991 г. В свою очередь, традиции лоббирования у армянских групп гораздо более давние. Еще во время Парижской мирной конференции 1919 г. Армянское национальное объединение Америки (Armenian National Union of America) подвигало американских законодателей принять мандат по «протекторату» над молодой независимой Армянской Республикой⁹.

Еще одна организация того периода – Армянский комитет за независимость Армении (American Committee for Independence of Armenia)¹⁰, – позднее была преобразована в Армянский национальный комитет Америки, АНКА (Armenian National Committee of America, ANCA). Он стал «официальной» лоббистской организацией в 1983 г. Значительно усилило позиции армянских групп интересов в США создание в 1974 г. Армянской ассамблеи Америки, ААА (Armenian Assembly of America, AAA). Сегодня обе эти организации являются мощными структурами в США. АНКА считается более влиятельной и представительной организацией, она обладает лучшими возможностями по мобилизации ресурсов поддержки, в то время как ААА обладает большим финансовым ресурсом и в большей степени дистанцирована от внутренней политики Армении¹¹.

Обе организации тем не менее преследуют одинаковые цели, немного отличаясь в интересах по некоторым вопросам и подходах к лоббированию. Помимо них, активное участие в этой деятельности принимает руководство Нагорно-Карабахской Республики, периодически перечисляя крупные суммы так называемому правительству Нагорного Карабаха в США.

Вышеперечисленные аспекты тесно связаны с *третьим компонентом успешного лоббирования* – влиянием на формирование общественного мнения, где у армянской стороны исторически сложившееся преимущество, в основном из-за наследия геноцида. Тем не менее на этом направлении ситуация для армянских лоббистов стала осложняться по мере возрастания роли Азербайджана. Здесь можно отметить три важных для Азербайджана фактора: превращение его в ключевое звено

■ Международные отношения

каспийских нефтепроводов в середине 1990-х гг., стратегический пункт для обеспечения военных операций США в Афганистане и Ираке после терактов 11 сентября 2001 г., а также укрепление имиджа республики в качестве важного американского союзника в борьбе с терроризмом.

Азербайджан при поддержке нефтяных лобби-групп попытался трансформировать благоприятную для себя политическую конъюнктуру этого периода в законодательную плоскость. В ходе непростых дискуссий в Конгрессе по отмене упомянутой 907-й поправки было принято решение о предоставлении президенту США права на отмену действия поправки («вейвер»), если оно наносит урон национальным интересам Америки. Вряд ли можно это назвать победой проазербайджанских лобби:

- во-первых, 907-я поправка фактически уже при Б. Клинтоне начала модифицироваться в такой мере, что эффект от ограничений постепенно минимизировался по мере того, как все новые сферы двусторонних отношений выводились из-под ее действия, и она начала ежегодно приостанавливаться при Буше-младшем¹²;

- во-вторых, это была демонстрация того, что в кризисной ситуации администрация США смогла консолидировать законодателей вокруг «рациональных интересов» страны.

Однако нельзя сказать, что даже в период президентства Дж. Буша-младшего деятельность администрации была последовательно проазербайджанской. Так, в 2004 г. по ее инициативе Нагорному Карабаху было выделено около 5 млн долл. на гуманитарные нужды, а в 2006 г. Белый дом предложил финансировать НКР отдельной программой¹³.

Для достижения нужного лобби-группе результата, помимо прочего, необходимо, чтобы их «целевая аудитория» конгрессменов и экспертов получала своевременную и доступную аналитическую информацию по данной проблеме в нужной интерпретации. По этому, *четвертому, пункту* армянские лобби работают более оперативно, во многом благодаря отработанной за долгие годы технологии и существованию в вышеуказанных организациях аналитических отделов. Они самостоятельно и на регулярной основе предоставляют информационно-аналитические записки для Конгресса по отстаиваемым им проблемам. Азербайджанские же группы на протяжении долгого времени предпочитали обращаться к услугам профессиональных PR-фирм, а содействовать созданию «доморощенных» лобби-структур стали относительно недавно – с середины 2000-х гг., но весьма динамично и эффективно.

С 2008 г. их стало по меньшей мере три. Крупнейшей является «Сеть азербайджанцев США» (US Azeri Network, USAN)¹⁴, а также «Вашингтонский центр азербайджанских исследований» (Washington Center for Azerbaijani Studies, WCAS) и «Карабахский фонд» (Karabakh Foundation). В целом в настоящий момент в США насчитывается около тринадцати азербайджано-американских и турецких диаспоральных организаций¹⁵.

Это непосредственным образом отражается на *пятом и шестом компонентах* – эффективности непрямого лоббирования и способности мобилизовать имеющиеся ресурсы, в чем азербайджанское и армянское лобби заметно разнятся. Если первые, имея в США всего около 400 тыс. соотечественников (включая азербайджанцев-выходцев из Ирана) опираются на нефтедолларовое финансирование, сотрудничество с турецкими и периодически еврейскими лобби-группами, то армянские лоббисты основную ставку делают на использование ресурса многочисленной диаспоры, проживающей в США (около 1,5 млн человек).

Фактор диаспоры имеет существенное значение: в некоторых штатах и их округах – Калифорнии, Нью-Йорке, Массачусетсе, Мичигане, Пенсильвании и др. – армяне ввиду компактного проживания составляют большую часть избирателей, поэтому для (пере)избрания законодатель просто не может не поддерживать позицию своего электората по актуальным для него вопросам. Помимо того, с 1999 г. в Калифорнии функционирует армяно-американская торговая палата, призванная развивать сотрудничество между США и Республикой Армения по широкому спектру вопросов. Это расширяет возможности влияния лоббистов через лояльные армянским диаспорам группы населения и предпринимателей, способных, в свою очередь, воздействовать на своих представителей в законодательных органах США¹⁶.

Значимость этого фактора подчеркивается ежегодным посланием президента США армянской диаспоре 24 апреля, где каждый раз американскому лидеру приходится маневрировать, чтобы, с одной стороны, сохранить партнерские отношения с союзником по НАТО – Турцией, с другой – не потерять важный ресурс и голоса американских армян. По этой причине американские лидеры избегают употреблять слово «геноцид», предпочитая более нейтральное «великая трагедия» (*the great tragedy*).

Разумеется, успешное функционирование лобби-групп предполагает, кроме вышеизложенного, наличие прямой поддержки в политических кругах. В связи с этим с 1995 г. в американском Конгрессе функционирует армянской кокус, численность которого с 2008 г. составляет 155 человек¹⁷ и быть частью которого для законодателя из штата с большим процентом выходцев из этой страны – неизбежная необходимость. Напротив, азербайджанские лобби-группы не располагают крупным представительством в Конгрессе. Их кокус, основанный только в 2006 г., составляет всего 42 члена (еще 71 – у турецкого, образованного в тот же период)¹⁸.

Поскольку азербайджанские лобби в США находятся еще, по сути, в процессе становления, обладают ограниченным набором ресурсов и не имеют достаточного опыта в продвижении своей повестки в американские органы власти, наиболее эффективным способом для них является сотрудничество с двумя группами лоббистов. Во-первых, это лобби энергогигантов – «Коноко Филлипс», «ЭксонМобил», «Шеврон», «Корпора-

ция Хесс» и др., – которые также выступают мценатами американо-азербайджанской торговой палаты. Недаром азербайджанские лобби имеют репутацию «ячеек американских нефтяных корпораций». Этот канал влияния демонстрирует свою эффективность, доказательством чему является президентский «вейвер» на 907-ю поправку, который был принят при активном лоббировании структур нефтедобывающей промышленности.

Во-вторых, «суммарная проекция влияния» азербайджанских лобби-групп компенсируется ресурсами профессиональных американских лоббистов, что уже принесло Азербайджану определенные дивиденды в виде проведения мероприятий по теме двусторонних отношений и помощи в организации визитов руководителей азербайджанского внешнеполитического ведомства в США. Среди них «Ливингстон Груп» (The Livingston Group) и «Уорлдуайд Стратегический Партнерс» (Worldwide Strategic Partners, Inc.). Отчет последней демонстрирует, каким образом формировался внутривнутриполитический дискурс вокруг Азербайджана в Вашингтоне и как он влиял на американскую политику с началом второго срока президентства Буша-мл. В частности, фирма организовала И. Алиеву встречу с Дж. Бушем-мл. (которой азербайджанское руководство до этого безуспешно добивалось три года), помогла составить и принять второй законодательный акт проекта «Великий шелковый путь» и осуществила кампанию по «смягчению негативного языка» американских СМИ в связи с событиями в период выборов в Азербайджане в 2005 г.¹⁹

Пожалуй, наиболее декларативной акцией «закулисного» противостояния армянских и азербайджанских лобби-групп в период президентства Б. Обамы стали жесткие дебаты – как в Конгрессе, так и в экспертных кругах – вокруг назначения М. Брайза послом в Азербайджанскую Республику. На протяжении года АНКА инициировала дискуссии, приведшие к блокированию в сенате его кандидатуры, ввиду его «проазербайджанской позиции по карабахской проблеме, вопросу о геноциде армян и тесными личными связями с азербайджанским и турецким истеблишментом»²⁰. Даже после его назначения на этот пост 29 декабря 2010 г. Брайза за год не прошел процедуру утверждения и в итоге был отозван, что вызвало прогнозируемо жесткую реакцию конгрессменов и политологов как в США, так и в Азербайджане²¹.

Вместе с тем между самой армянской диаспорой в Соединенных Штатах и правительством Армении возникают периодические трения на почве неодинакового понимания интересов страны. Например, в случае с армяно-турецким сближением активная часть армянской диаспоры за рубежом и лобби-группы играют, скорее, негативную для официального Еревана роль.

Данное направление закавказской политики Вашингтона является ярким свидетельством взаимовлияния своеобразной дихотомии внешнеполитического интереса и противоречий внутри американских политических институтов. В этом отношении показателен эпизод с докладом госде-

партаменту 2007 г., где Карабах был назван «территорией, оккупированной Арменией». В течение последующих пяти дней под информационным (и не только) прессом армянских лобби-структур данная формулировка менялась дважды на нейтральные варианты. Но в итоге внешнеполитическое ведомство США вернулось к первоначальной редакции²². Находясь между «молотом» лобби-структур и «наковальней» рационального национального интереса, каждой американской администрации приходится балансировать в поисках наиболее приемлемого для США компромисса с минимальной потерей политических очков в Ереване, Баку и Анкаре.

Хотя с середины 1990-х гг. в Конгрессе функционирует малоизвестная структура «Друзья Грузии», основным каналом лоббирования американских властных структур грузинским руководством являются профессиональные пиарщики и лоббисты. Расцвет их активности пришелся на 2008–2010 гг., когда после югоосетинского конфликта перед ними стояло две основные задачи.

Во-первых, отстаивать официальную позицию руководства Грузии по ряду ключевых вопросов, включая членство страны в НАТО, этно-территориальные конфликты в Абхазии и Южной Осетии и международно-правовой статус этих республик. Во-вторых, убедить американских конгрессменов продолжать выделять немалые средства на финансирование программ помощи Грузии. На эти цели государственные органы этой закавказской республики в период с окончания войны 2008 г. затратили более 4 млн долл.

Таблица 1
Контракты Грузии на лоббирование в США с 2008–2010 (в тыс. долл. США)²³

Заказчик	Лоббирующая организация	Период контракта	Сумма
Совет национальной безопасности Грузии	«Подеста групп»	1/2010–12/2010	600
Правительство Грузии	ООО «Гефард групп Говермент Аффаирс»	1/2010 – 12/2010	436,8
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Итака групп»	1/2010 – 12/2010	270
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Орион стратегичес»	1/2010 – 12/2010	420
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Гловер парк групп»	1/2009 – 1/2010	360
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Орион стратегичес»	11/2009 – 1/2010	10
Совет национальной безопасности Грузии	Корпорация «Паблик страдеджис»	8/2009 – 2/2010	237
Совет национальной безопасности Грузии	Арит консалтинг	2/2009 – 12/2009	485
Совет национальной безопасности Грузии	Корпорация «Паблик стратегичес»	2/2009 – 8/2009	300
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Гловер парк групп»	8/2008 – 10/2008	200
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Орион стратегичес»	6/2008 – 12/2008	200
Совет национальной безопасности Грузии	ООО «Орион стратегичес»	4/2004 – 5/2008	590

■ Международные отношения

Часть этой суммы, как впоследствии выяснилось, была выделена из самих средств американских программ послевоенного восстановления Грузии. Как отмечают исследователи Колумбийского университета А. Кули и Л. Митчелл, этот «казус» стал предметом дискуссий в американских политических и экспертных кругах, поскольку США оказались в неловкой позиции, спонсируя, по сути, инициативы иностранного правительства по лоббированию американских же законодателей²⁴.

Нужно признать, что руководство Грузии весьма преуспело на данном направлении, диверсифицировав каналы своего влияния через работу как с неконсервативными, так и с либеральными кругами в США. К числу первых можно отнести «Орион Стратеджис» (Orion Strategies) – одну из основных фирм, к услугам которой обращалась команда М. Саакашвили. Управляющий фирмы Р. Шеунеманн²⁵, по словам одного из его конкурентов на «лоббистском рынке», «хорошо знает Вашингтон... прекрасно умеет убеждать людей, а его фирма отлично работает со СМИ»²⁶.

Пожалуй, наиболее обсуждаемым результатом деятельности фирмы стали серия публикаций журналиста Э. Лэйка (тесно связанного с лоббистами «Ориона») в газете «Вашингтон Таймс» о провале политики «перезагрузки» с Россией и возможной причастности российских спецслужб к взрывам возле американского посольства в Тбилиси²⁷. Данная история летом 2011 г. получила широкий резонанс среди американских журналистов, раскритиковавших действующую администрацию за «мягкость» в отношениях с Кремлем. Механизм такого информационного вброса был позднее разобран К. Силверстейном, известным своими расследовательскими статьями о деятельности лобби-групп и их связях с американскими экспертами и политиками. Сначала грузинские лоббисты организуют встречи с нужными людьми, подбирают выгодную Тбилиси информацию в нужной интерпретации и затем «предоставляют» ее «своим» журналистам, которые тиражируют ее дальше, по собственным каналам. В свою очередь «Орион», по мнению Силверстейна, не только устраивает вашингтонским журналистам интервью с грузинским руководством, но и оплачивает стоимость приемов, транспортные и прочие расходы. Журналисты из такого «кружка сочувствующих» ссылаются друг на друга, формируя мощный пласт однотипной информации, зачастую изрядно искаженной. В частности, с середины 2009 г. до середины 2011 г. тот же «Орион» организовал только для Лэйка семь встреч с высшим руководством Грузии, которых он потом постоянно цитировал в своих работах с «обвинительным» оттенком в отношении России²⁸.

Активным образом в деле продвижения своей повестки грузинское лобби сотрудничает и с демократическим крылом американского истеблишмента. С приходом в Белый дом Б. Обамы вырос спрос на прогрессивные идеи, произошел своеобразный возврат к консультациям с более либеральными аналитическими кругами, которые находились в

тени в период президентской легислатуры Дж. Буша-младшего. Грузинская элита чутко реагирует на перемещение внутриполитических, идеологических акцентов. В 2010 г. на оказание услуг по лоббированию их позиции в Вашингтоне правительственные структуры Грузии выделили 600 тыс. долл. «Подеста Групп» (Podesta Group), соучредителем которой является Дж. Подеста. Бывший руководитель аппарата Белого дома при Б. Клинтоне, в настоящее время Подеста является председателем и советником близкого к действующей администрации США «Центра за американский прогресс» (*Center for American progress*)²⁹. Центр, позиционирующий себя как сторонник передовых демократических традиций, периодически презентует, среди прочего, аналитические материалы по грузинской тематике³⁰.

В последние несколько месяцев в контексте предвыборных кампаний в Грузии (прежде всего фактически стартовавшей президентской борьбы) деятельность грузинских лобби приобрела новое измерение. Речь идет о лоббистской активности «нового феномена грузинской политики», как некоторые западные политологи называют Бидзину Иванишвили³¹. По сведениям влиятельного американского издания *Foreign Policy*, он ежемесячно перечисляет 25 тыс. долл. лоббистской фирме «BGR Group» и еще 20 тыс. долл. находящемуся в Тбилиси американскому консультанту С. Паттэну, который работает с этой фирмой от имени Иванишвили. Определенная сумма выделяется и для работы лобби-структур от имени бывшего посла Грузии в ООН, а ныне одного из лидеров грузинской оппозиции – Ираклия Аласани³².

Деятельность Б. Иванишвили нацелена, прежде всего, на консолидацию собственных позиций внутри американского истеблишмента и ослабление поддержки американских политиков М. Саакашвили через критику недемократичности складывающейся в Грузии системы и личной вины в этом команды действующего президента. Иными словами, она не носит «антироссийского измерения», хотя понимание ключевых интересов Грузии (прежде всего в том, что касается статуса Абхазии и Южной Осетии) концептуально не отличается от ориентиров, артикулированных действующей грузинской властью. Об этом, в частности, свидетельствует размещенное в газетах «Нью-Йорк Таймс» и «Вашингтон Пост» рекламное письмо-обращение Б. Иванишвили к президенту Б. Обаме³³. Данная деятельность к тому же носит целевой характер (информационное противоборство с действующим президентом и его командой за симпатии американского политико-экспертного сообщества). Поэтому говорить о формировании системного лобби, препятствующего интересам Грузии, было бы некорректно.

Все три республики Южного Кавказа сумели в достаточно короткие сроки (особенно Азербайджан и Грузия) сформировать свой инструментарий работы с американскими политиками, конгрессменами, экспертами и представителями СМИ. В продвижении своей повестки Армения сделала

ставку на влиятельную диаспору, ассоциированные с ней лобби-группы и фактор их долговременного пребывания в США. Азербайджан, изначально работавший с профессиональными PR-фирмами, постепенно переориентируется на «взрачивание» собственных, не менее профессиональных лобби, что требует определенного запаса времени и немалых ресурсов, прежде всего финансовых. Грузия основной акцент делает на «целевое лоббирование» (у официального Тбилиси и оппозиции эти цели в настоящий момент разнятся) через американские лобби-структуры и их связи в журналистской среде, а также Республиканской и Демократической партиях.

У одних это получается лучше, другие только учатся играть на сложном поле хитросплетений американской «политической кухни», осваивая мощный ресурс лобби. Но все они уже давно понимают, что одним из главных элементов в американской системе принятия решений, на который нужно оказывать информационное влияние, являются не только администрация и законодатели,

но и аналитические структуры, экспертно-академическое сообщество в целом. Для специалистов, знакомых с особенностями формирования политической повестки в Вашингтоне, такая практика, по большому счету, не является сенсационной. В свою очередь, российским государственным структурам необходимо изучить данный опыт и научиться более эффективно использовать этот ресурс как одну из немногих возможностей хоть как-то повлиять на процесс принятия решений в США в нужном для себя ракурсе.

Suchkov M.A. Lobbies in the Making of American Foreign Policy in the South Caucasus.

Summary: The article analyzes the role of lobbies in decision-making in the U.S. toward the South Caucasus states. It also examines lobbying peculiarities of Armenia, Azerbaijan and Georgia as well as mechanisms of their influence over the Congress and American expert community. The author outlines a number of prime issues each Republic lobbies and how they refract U.S. interests in the region.

Ключевые слова

Внешняя политика, принятие решений, лобби, США, Южный Кавказ, экспертное сообщество.

Keywords

Foreign policy, decision-making, lobbies, the U.S., the South Caucasus, the expert community.

Примечания

1. См.: Шаклеина Т.А. Россия и США в мировой политике. М.: Аспект Пресс, 2012. 272 с.
2. См.: Картунов С. Принятие внешнеполитических решений в России и США // Международные процессы. Т.2, №2 (5). Май–август 2004. С. 59-70.
3. См. об этом подробно: Байков А.А., Сушенцов А.А. Страновые особенности лоббизма в США и Японии // Международные процессы. Том 8, № 2 (23). Май–август. 2010. С. 100-111.
4. Mearsheimer J., St. Walt. The Israel Lobby and U.S. Foreign Policy. – NY: Farrar, Straus and Giroux, 2007. – P. 5.
5. Nownes A. Total Lobbying: What Lobbyists Want (and How They Try to Get it) [Text] / A. Nownes. – NY: Cambridge University Press, 2006. – 269 p.
6. Подр. об этом: Ambrosio Th.. Congressional Perceptions of Ethnic Cleansing: Reactions to the Nagorno-Karabagh War and the Influence of Interest Groups // The Review of International Affairs. Autumn 2002. Vol.2. №1. P. 24-45.
7. Ibrahimov M., Kurbanov E. Policy Brief: Getting it Wrong in the Caucasus [Электронный ресурс] // Middle East Quarterly. December 1994.
8. См. об этом подр.: Рзаев Ф. 907-я поправка: история и перспективы // Центральная Азия и Кавказ. № 4, 1999.
9. Kazemzadeh F. Struggle for Transcaucasia (1917—1921) / New Ed. London: Anglo Caspian Press. 2008, 360 p.
10. Организация была основана в 1918 г. бывшим консулом Османской империи в Вашингтоне Вааном Кардашяном. В ее состав вошли 72 влиятельных американских политических деятеля и 21 губернатор.
11. Lonardo D. South Caucasian Ethnic Lobbies and the Distortion of National Interests: Azerbaijan, Armenia and U.S. Foreign Policy // CESS 9th Annual Conference. Toronto, Canada, October 2009. P. 9.
12. Shaffer B. The Geopolitics of the Caucasus // Brown Journal of Foreign Affairs. Spring/Summer 2009. Vol. XV. Issue II. P.131-142.
13. Armenian National Committee of America. U.S. Aid to Nagorno Karabagh // Position Papers [Электронный ресурс]. Winter/Spring 2006. Режим доступа: http://www.anca.org/hill_staff/position_papers.php?ppid=12
14. USAN является некоммерческой организацией и занимается широким спектром вопросов от культурных до политических. Она также способствует политической активности тюркоязычных граждан США (прежде всего, выходцев из Азербайджана, Турции и Северного Ирана).
15. USAN list of the Azerbaijani-American and Turkic Diaspora organizations in North America [Электронный ресурс]. 2012. Режим доступа: <http://www.usazeris.org/index-3.html>

■ Международные отношения

16. Nownes A. Указ. соч. P. 95-99.
 17. Armenian National Committee of America. Armenian Caucus // Armenian National Committee of America [Электронный ресурс]. 2008. Режим доступа: http://www.anca.org/hill_staff/armenian_caucus.php
 18. Lonardo D. Указ. соч. P.16.
 19. См. об этом: Worldwide Strategic Partners. International Relations and Energy Development. Corporate Profile: Confidential [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://extras.timesonline.co.uk/payne.pdf>
 20. См. об этом, например: Menendez R. Why I Oppose Matthew Bryza's Nomination as Ambassador to Azerbaijan // Washington Post. Washington D.C., 2010. October 3.
 21. Shiraliyev G. Baku: City without an Ambassador // Washington Review of Turkish and Eurasian Affairs. January, 2012.
 22. Дадаян Д.С. Отношения США и Армении // США*Канада: экономика, политика, культура. 2007. №11. С. 39-56.
 23. U.S. Department of Justice's Foreign Agents Registration Unit database, <http://www.fara.gov>. Цит.по Mitchell L. & Cooley A., "After the August War: A New Strategy for U.S. Engagement with Georgia", The Harriman Review, Columbia University, Vol. 17, No 3-4, May 2010, P.49.
 24. Mitchell L., Cooley A. After the August War: A New Strategy for U.S. Engagement with Georgia // The Harriman Review, Columbia University. May 2010. Vol.17. № 3-4. P. 48.
 25. Р. Шеунеманн – бывший советник министра обороны США Д. Рамсфельда.
 26. Silverstein K. Neoconservatives hype a new Cold War. – 2011. Oct. 5. Electronic text data. Mode of access: http://www.salon.com/2011/10/05/neoconservatives_hype_a_new_cold_war/. Title from screen.
 27. См.: Lake E. Russian agent linked to U.S. Embassy blast // Washington Times. Washington D.C., July 21, 2011; Lake E. Russia uses dirty tricks despite U.S. 'reset' // Washington Times. Washington D.C., August 4, 2011.
 28. Silverstein K. Ibid.
 29. Подр. см.: Истомин И.А. Институциональная эволюция внешнеполитической мысли США в 2000-х годах // Международные процессы. Т. 8, № 3 (24). Сентябрь–декабрь 2010. С. 103-109.
 30. См.: Charap S., Welt C. A More Proactive U.S. Approach to the Georgia Conflicts. – Washington D.C.: Center for American Progress, February 2011. – 70 p.; В июне 2011 г. Институт международных исследований МГИМО представил русскую версию доклада с экспертными комментариями: Проблемы безопасности на Южном Кавказе: российско-грузинские отношения и перспективы долгосрочного урегулирования грузино-абхазского и грузино-югоосетинского конфликтов // Аналитические доклады №3 (27), июнь 2011. М.:МГИМО(У) МИД России, 36 с.
 31. De Waal T. The Titan of Tbilisi // Foreign Policy. November 30, 2011. http://www.foreignpolicy.com/articles/2011/11/30/oligarch_georgia_ivanishvili_president
 32. Rogin J. Inside the other Georgian lobbying effort in Washington // Foreign Policy. 2012. Jan. 30. Electronic text data. Mode of access: http://thecable.foreignpolicy.com/posts/2012/01/30/inside_the_other_georgian_lobbying_effort_in_Washington. Title from screen.
 33. Georgia at the Crossroads // Washington Post. 2012. Jan. 30. Electronic text data. Mode of access: <http://www.washingtonpost.com/rw/WashingtonPost/Content/Epaper/2012-01-30/Ax14.pdf> Title from screen.
-

Водноэнергетические проблемы Центральной Азии – возможные пути решения

К.П. Боришполец

Статья посвящена анализу актуальной конкуренции и перспектив сотрудничества стран Центральной Азии в сфере водных ресурсов.

Водноэнергетические проблемы Центральной Азии очень разнообразны по своему содержанию. Однако современный информационный поток склоняет к заключению, что пока «на водном фронте – без перемен». Поэтому, подводя итоги развития двух последних лет, хотелось бы обратить внимание на ряд моментов, которые окажут влияние на региональные процессы в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

Консервация конфликтного потенциала водноэнергетических отношений центральноазиатских государств

Водноэнергетическая проблематика, а точнее, противоречия между энергетическим и аграрным использованием трансграничного водостока традиционно составляет одно из наиболее конфликтных направлений регионального взаимодействия в зоне Центральной Азии. В эпицентре этих противоречий находятся отношения Узбекистана, потребляющего основную долю центральноазиатского водостока, с Таджикистаном и Киргизией, которые стремятся существенно увеличить мощности по выработке электроэнергии и создать условия для ее экспорта за пределы региона. Конфликт меж-

ду интересами «горных» стран – Таджикистана и Киргизии – и интересами их «равнинных» соседей – Узбекистана, а также Туркмении и Казахстана, – который неуклонно обострялся с середины 90-х гг. XX в., пока не удалось разрешить:

- ни на основе льготных поставок узбекского углеводородного сырья для нужд таджикской и киргизской экономики;
- ни путем оптимизации ежегодных балансов водопотребления по линии МКВК¹;
- ни за счет попыток создания в середине прошлого десятилетия регионального водноэнергетического консорциума.

Другими словами, все форматы комплексного урегулирования противоречий между энергетическим и аграрным использованием трансграничного водостока в Центральной Азии, предпринимавшиеся на двусторонней основе, по линии ЕврАзЭС, а также в контексте расширения с 2002 г. вовлеченности внерегиональных структур, оказались заблокированными. Однако, несмотря на то что в течение последних пяти-шести лет «водный вопрос» неоднократно ставил Узбекистан и его «горных» соседей (особенно Таджикистан) на грань вооруженной конфронтации, реального военного конфликта все же удавалось избежать.

Боришполец Ксения Петровна – к.полит.н., профессор кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России, ведущий научный сотрудник Центра постсоветских исследований МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

На современном этапе конфликтная ситуация приобрела черты взаимодействия различных региональных и внерегиональных сил, которые в своем большинстве пытаются избежать стихийной эскалации напряженности. Главным фактором, обеспечившим сохранение политического контроля за обстановкой в сфере водноэнергетической проблематики, стала позиция российской стороны, не поддерживавшей ни таджикские планы радикального изменения системы регионального водопользования, связанные с Рогунской ГЭС, ни узбекскую политику давления на Таджикистан. К настоящему времени России удалось избежать прямого участия в разрешении водноэнергетических противоречий в Центральной Азии. Вместе с тем благодаря принятию проекта строительства в Киргизии четырех каскадов Нарынской ГЭС, в реализации которого примет участие также Казахстан, она может усилить свои стратегические позиции в регионе.

В целом на современном этапе произошла консервации конфликтного потенциала водноэнергетических отношений центральноазиатских государств, для которой характерно «расфокусирование» традиционной конфронтации между «горными» и «равнинными» странами. Для привлечения зарубежных инвестиций Таджикистан уже более двух лет ожидает результатов экспертизы рогунского проекта по линии Всемирного банка, а Узбекистан обратился к тактике массированной критики экологических последствий политики своих соседей в водном вопросе и модернизации аграрного водопользования с привлечением иностранных специалистов. Поэтому хотя узбекско-таджикские и узбекско-киргизские противоречия сохраняются на высоком уровне, их развитие перешло в русло поэтапного разрешения с участием международной среды.

Наращивание странового водноэнергетического потенциала государствами Центральной Азии

Консервация основных условий распределения водных ресурсов между странами Центральной Азии не снимает вопроса о нестабильности регионального баланса трансграничного водопользования. Так, Таджикистан, – несмотря на неоднократные срывы планов строительства Рогунской ГЭС (2007–2012 гг), неопределенность перспектив этого проекта, трудности ввода в эксплуатацию других значимых для страны гидросооружений (в частности, Сангтуды-2) и недавние акценты на развитие средней и малой гидроэнергетики, сохранил приверженность линии по повышению своего статуса как производителя электроэнергии в центральноазиатском сегменте пространства СНГ. Этот курс обусловлен не только тяжелым экономическим положением страны, но и политическими «авансами» США, связанными с планами создания «Большой Центральной Азии», а также прямой финансовой заинтересованностью президента Э. Рахмона и его ближайшего окружения. Поэтому, несмотря на противостояние с Узбекистаном,

отсутствие солидарности со стороны ближайшего регионального окружения, недостаточный уровень поддержки международных финансовых структур и потенциальных инвесторов, Таджикистан будет продолжать, по крайней мере на вербальном уровне, курс на достройку Рогунской ГЭС и других форматов увеличения одностороннего забора воды из трансграничных источников.

Что касается Киргизии, то на основе подписанного на высшем государственном уровне 20 сентября 2012 г. российско-киргизского Соглашения о строительстве Камбар-Атинской ГЭС-1 и Верхненаарынского каскада ГЭС, а так же и последовавшего вскоре решения о строительстве внутренней высоковольтной линии, позволяющей снизить зависимость от поставщиков электроэнергии из соседних государств, киргизской стороне удалось совершить важный прорыв на пути достижения энергетической безопасности и реализации планов экономического развития. Перспективы строительства в общей сложности пяти гидроэнергетических объектов на территории Киргизии, как и заявленные намерения киргизского руководства провести модернизацию крупнейшей в Центральной Азии Токтогульской ГЭС (оценочная стоимость модернизации – 55 млн долл. США), являются проектами, открытыми для участия соседних стран, иностранных компаний и международной экспертизы².

Вместе с тем они создают дополнительную напряженность в киргизско-узбекских отношениях, поскольку первоначально нейтральная позиция Узбекистана не получила должного подтверждения и является в настоящее время резко негативной. Тем не менее с учетом официальной поддержки Казахстана и позитивной реакции Таджикистана перспективы киргизской гидроэнергетики способствуют формированию нового тренда конструктивного преодоления водноэнергетических противоречий в Центральной Азии, результативность которого в полной мере проявится уже в ближайшие два-три года.

Тенденция наращивания собственного водноэнергетического потенциала характерна и для трех «равнинных» государств Центральной Азии. В Узбекистане и Туркмении предпринимаются усилия для создания дополнительных резервуаров накопления поверхностных водостоков, в том числе в бассейнах трансграничных рек, начата модернизация систем водопотребления (Узбекистан) и обеспечения населения чистой питьевой водой (Туркмения). В Узбекистане продвигаются проекты в области малой и средней гидроэнергетики. В Казахстане достаточно активно проводятся мероприятия для восстановления северного сегмента Аральского моря, инициировано строительство гидротехнических объектов, предназначенных для регулирования паводковых вод, но на практике являющихся местными водохранилищами.

Таким образом, в результате политики центральноазиатских государств региональный баланс трансграничного водопользования подвергается все более очевидной эрозии. Однако в ближайшие

три–пять лет, в силу объективно инертной природы всех проводимых в духе «приватизации» региональных водных ресурсов мероприятий, этот баланс скорее всего не претерпит радикальных изменений. Вместе с тем необходимо учитывать, что в Таджикистане, Киргизии и Казахстане официальная правительственная позиция по водной проблематике стала объектом все более широкой критики со стороны оппонентов действующих руководителей. Другими словами, из сферы внешнеполитической конкуренции центрально-азиатский «водный вопрос» в большинстве стран региона вошел в публичный внутривластный дискурс.

Активизация внешних участников водноэнергетического взаимодействия в Центральной Азии

Поиск форматов центральноазиатского водноэнергетического взаимодействия происходит на фоне расширения вовлеченности международных участников. Эта тенденция обусловлена не только стремлением Таджикистана и Узбекистана добиться поддержки своих конкурирующих позиций в ОБСЕ, ЕС и ООН, но и растущей активностью США и КНР. Для американской стороны характерны:

- во-первых, публичный алармизм относительно неизбежности скорого наступления силовой фазы водного конфликта;
- во-вторых, политическая поддержка таджикских планов строительства Рогунской ГЭС и энергетического экспорта в афганском направлении;
- в-третьих, включение таджикской гидроэнергетики в контекст стратегии раскола Центрально-Азиатского региона (планы «Большой Центральной Азии»).

Китай придерживается пока более прагматичной позиции, стремясь дистанцироваться от основных проблем региональной конфронтации, увеличивая финансовую поддержку курса на развитие малой гидроэнергетики в Таджикистане и избегая обсуждения спорных моментов водораздела с Казахстаном. Вместе с тем необходимо учитывать, что сдержанность китайской стороны в центральноазиатском водном вопросе во многом обусловлена высокой заинтересованностью в резервировании водостока трансграничных рек для обводнения Синцзяна, которое предполагается инициировать в пределах среднесрочной перспективы.

Что касается исламских государств, составляющих ближайшее региональное окружение стран Центральной Азии, то пока реальные отношения в сфере гидроэнергетики сложились только по линии иранско-таджикского сотрудничества. Однако это направление серьезно тормозится:

- наличием просроченных долговых обязательств Таджикистана перед Ираном (более 12 млн долл.), образовавшихся в ходе строительства и начала потребления электроэнергии Сангтудинских ГЭС;

- отказом иранской стороны стать крупным внешним инвестором рогунского проекта;
- разногласиями при разработке правил иранско-таджикского энергетического обмена;
- и далеко не в последнюю очередь недовольством иранской стороны сближением президента Э. Рахмона с США.

Энергетическое партнерство стран Центральной Азии с Афганистаном и Пакистаном как на двусторонней, так и на многосторонней основе пока остается потенциальным и уже несколько лет находится на подготовительной стадии. В рамках программы Центрально-Азиатского регионального экономического сотрудничества (ЦАРЭС) к концу 2013 г. предполагается приступить к строительству 970-километровой ЛЭП из Киргизии и Таджикистана в Афганистан и Пакистан, но участие в финансировании проекта еще не подтвердил Азиатский банк развития, в то время как финансирование по линии Всемирного банка и Исламского банка развития для осуществления проекта недостаточно³.

Таким образом, несмотря на углубление тенденции интернационализации взаимодействия в сфере водноэнергетических ресурсов Центральной Азии, снижения конфликтного потенциала регионального «водного вопроса» в последние годы не произошло и вряд ли произойдет в обозримом будущем. Диверсификация усилий как ведущих, так и менее значимых международных участников, например в рамках «Водной инициативы по Центральной Азии» министерства иностранных дел ФРГ или недавно заявленных планов индийской компании построить в Таджикистане две ГЭС средней мощности, фактор реализации нескольких экологических проектов с международным участием и другие современные инициативы также не являются достаточными для кардинальных изменений водноэнергетической ситуации в Центрально-Азиатском регионе.

В то же время активизация внешних участников водноэнергетического взаимодействия неоднозначна по своим последствиям. Условия становления сотрудничества «горных» и «равнинных» стран Центральной Азии остаются гипотетическими, причем основные проекты с международным участием фактически переводят традиционную борьбу за воду в плоскость борьбы за прибыль от экспорта электроэнергии. Другими словами, развивается процесс расширения спектра конфликтного взаимодействия в сфере ресурсного потенциала центральноазиатских стран, а в среднесрочной перспективе усиливаются риски углубления страновой разобщенности региона. В этом контексте российское вступление в Камбар-Атинский (Киргизия) гидроэнергетический проект, предполагаемый финансовый вклад в реконструкцию Нурекской ГЭС (Таджикистан), линия на участие РФ в развитии гидроэнергетических объектов в Узбекистане представляются важным стратегическим решением, препятствующим фрагментации Центральной Азии под влиянием многовекторного международного партнерства.

■ Международные отношения

Выводы и предложения

Водноэнергетические проблемы Центральной Азии формируют комплекс вызовов стратегического и тактического характера, преодоление которых предполагает масштабные материальные затраты и радикальные инновации в аграрном водопользовании. При этом любой проект по изменению природных или хозяйственных факторов потребует не только очень крупных инвестиций, но и, как минимум, пятилетнего срока реализации. Необходимо также учитывать сложности регулирования управления региональными водными ресурсами на многосторонней основе.

Существенные ограничения на согласование многосторонней стратегии управления водными ресурсами усугубляют внутривнутриполитические проблемы стран региона. В каждой из них сложились группы интересов, делающих ставку на получение чисто корпоративных преимуществ как в нынешних условиях, так и в процессе интеграционных изменений. Это обстоятельство наряду с недостаточной подготовленностью профильных центральноазиатских учреждений сохранится на протяжении длительного времени. Несмотря на жесткость административной вертикали, многосторонние компромиссные договоренности, достигнутые на уровне президентских команд, будут вызывать недовольство со стороны «среднего звена» правящих кругов и обострять клановую конкуренцию в высших эшелонах власти. Начавшаяся в первые годы постсоветского периода тенденция страновой «приватизации» водных ресурсов не только продолжается, но и усиливается.

Новыми моментами в этом плане являются:

– во-первых, рост вовлеченности Казахстана в процессы согласования позиций стран региона в области гидроэнергетических ресурсов;

– во-вторых, интенсификация профильных контактов казахстанских, таджикских, киргизских и узбекских структур;

– в-третьих, стремление Узбекистана максимально интернационализировать свои разногласия с Таджикистаном и Киргизией, добиваясь экологической дискредитации их проектов и прямого запрета на возведение больших плотин. Характерно, что Таджикистан постепенно проигрывает информационную войну с Узбекистаном в том, что касается экологии Рогунской ГЭС, и не добился убедительного превосходства в дискуссии по экологическим рискам Сарезского озера.

Исходя из современной ситуации при формировании российской политики по водноэнергетической проблематике в Центральной Азии целесообразно:

1. Рассматривать профильное сотрудничество на двусторонней основе со странами Центральной Азии как приоритетный подход к продвижению российских интересов.

2. Учитывать, что необходимый для снижения региональной напряженности проект оптимизации регулирования центральноазиатского трансграничного водостока потребует не менее чем двухлетнего подготовительного периода и решения вопросов межгосударственных взаиморасчетов, связанных с увеличением производства электричества «горными» странами.

3. Исходить из незначительной вероятности достройки Рогунской ГЭС в формате национального таджикского проекта с международным финансированием. Руководство Таджикистана не располагает достаточными кадровыми и организационными ресурсами для достижения официально декларируемых целей.

Borichpolets K.P. Water and Energetic Problems in Central Asia and Eventual Ways of the Solution.

Summary: The article evaluates the imbalance of water resources, actual concurrence and cooperation prospects of Central Asia states.

Ключевые слова

Региональный водный дисбаланс, межстрановые противоречия в Центральной Азии, перспективы сотрудничества в водном вопросе.

Keywords

Central Asia regional water imbalance, international concurrence, Central Asia cooperation in the field of water projects.

Примечания

1. Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия Центральной Азии.
2. В настоящее время известно, что Таджикистан и Казахстан выступают наблюдателями в строительстве Камбар-Атинской ГЭС-1. Строительные работы будут проводиться двумя российскими компаниями: «РусГидро» и ОАО «Интер РАО ЕЭС», а заявки на участие в тендере на разработку технико-экономического обоснования строительства Камбар-Атинской ГЭС-1 в Киргизии подали 5 иностранных компаний. В список претендентов вошли: китайская компания «Hydrochina Corporation», французская компания «Tractebel Engineering», немецкая компания «Fichtner GmbH & Co KG», канадская компания «SNC-Lavalin International Inc» и австрийская компания «ILF Consulting Engineers»//Источник: URL: <http://www.regnum.ru/news/1634258.html> -11-03-2013
3. В настоящее время рассматривается вопрос об участии других инвесторов в реализации CASA-1000, в том числе российской компании «Интер РАО ЕЭС» и ряда арабских инвестиционных компаний. Ранее российская сторона заявляла, что в случае если страны – участницы проекта ее пригласят, то Россия готова вложить в проект CASA-1000 сотни миллионов долларов.

Настоящее и будущее энергодIALOGA Россия – ЕС (развитие энергодIALOGA России и ЕС в 2012 г.)

К.Е. Петров

Работа посвящена описанию развития энергодIALOGA России и ЕС в 2012 г. и анализу имеющихся у сторон расхождений. Актуальность темы обусловлена тем фактом, что, по оценкам самого ЕС, до 2030 г. импорт газа в ЕС будет постоянно возрастать, а европейские страны будут закупать у России дополнительные объемы топлива. Это означает, что окно возможностей России будет постоянно расширяться, однако в данный конкретный период времени диалог серьезно затруднен. Даже предмет диалога РФ и ЕС понимается различно. Россия хочет в первую очередь обсуждать меры по созданию совместной системы обеспечения надежного газоснабжения Европы. ЕС хотел бы сконцентрироваться на проблемах инфраструктуры и энергоэффективности. В работе представлен обзор факторов, влияющих на диалог России и ЕС, среди которых выделены: сокращение добычи газа внутри ЕС; рыночная мощь Газпрома; экспансия сланцевого газа; рост ликвидности газа; борьба за прозрачность рынков. Последний фактор, представленный главным образом в антимонопольном разбирательстве вокруг ОАО «Газпром» и первых итогах вступления в силу правил Третьего энергетического пакета, разобран более подробно. В заключение представлена аргументация вывода, согласно которому снятию возникших противоречий серьезно мешает тот факт, что Еврокомиссия ведет переговоры от лица конечного потребителя, а РФ — от лица корпорации.

Стратегически успешный диалог по энергетическим вопросам выгоден как России, так и ЕС. Не вызывает споров и конечная цель двустороннего диалога – гармоничные и долгосрочные взаимоотношения в сфере торговли энергоносителями. Но тактически к концу 2012 г. стороны сильно разошлись как в мерах, необходимых для достижения поставленных целей, так и в оценке допустимых односторонних действий по защите собственных интересов. Формально диалог продолжается, но кредит доверия сторон почти исчерпан.

Еврокомиссия выделяет всего три ключевых события в энергодIALOGE, произошедших за последний календарный год (включительно конец 2011 г.):

– во-первых, это состоявшееся 1 декабря 2011 г. в Москве заседание двустороннего постоянного партнерского совета (EU–Russia Energy Permanent Partnership Council) с очередным, 12-м по счету, докладом об энергетическом диалоге Россия–ЕС;

– во-вторых, это состоявшаяся 28 марта 2012 г. конференция EU – Russia Energy Relations;

– в-третьих, это прошедшая 27 апреля 2012 г. в Брюсселе традиционная конференция об энергетическом диалоге Россия – ЕС, которая целиком была посвящена газовому аспекту.

Кроме того, 9 марта 2012 г. в Европарламенте состоялось обсуждение энергосотрудничества ЕС с Россией, в ходе которого российские официальные лица подвергли критике нормы Третьего энергетического

Петров Кирилл Евгеньевич – к.полит.н., научный сотрудник Центра глобальных проблем ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

чешского пакета ЕС¹. В частности, было отмечено, что в нем не отражены вопросы пересечения внешних границ ЕС газотранспортной инфраструктурой, отсутствуют эффективные механизмы привлечения инвестиций в развитие инфраструктурных проектов и поддержания сложной газотранспортной системы Европы.

В настоящее время, по подсчетам самих европейцев, более 10000 европейских и российский компаний развивают активность на энергетических рынках друг друга. В целом можно констатировать, что энергокомпании за последние 10 лет были впереди своих правительств в установлении партнерских отношений путем создания связей на коммерческих и промышленных уровнях. То есть именно частный бизнес сделал многое для продолжения энергетической кооперации и укрепления безопасности в Европе.

Основные области кооперации, как их видит европейская сторона, сформулированы достаточно четко. В их число входят:

- upstream investment (разведка и добыча);
- gas flaring (проблема газовых факелов);
- проблемы структуры рынка;
- проблемы инфраструктуры;
- инновационное использование газа;
- декарбонизация;
- энергоэффективность.

По мнению Минэнерго РФ, точки соприкосновения следует искать на других направлениях. Среди возможных мер по созданию совместной системы обеспечения надежного газоснабжения Европы отмечается необходимость организации интенсивного обмена данными и взаимодействия в вопросах диспетчеризации ГТС, инвестирования в ПХГ в «шаговой» доступности от крупнейших потребителей. Кроме того, важным с точки зрения повышения надежности и устойчивости энергоснабжения европейских потребителей, по словам представителя Минэнерго России, является координация действий сторон и использование российского опыта при диспетчеризации трубопроводных поставок газа.

В долгосрочной перспективе, согласно концепции ЕС «Roadmap of the EU–Russia Energy cooperation until 2050», через 40 лет Россия и ЕС должны стать не просто стратегическими союзниками: стороны должны построить единый энергетический рынок, который будет поддерживаться политическими решениями. То есть, по сути, к 2050 г. предполагается достичь того уровня взаимозависимости, с которого началась история наднациональных институтов самого ЕС.

Антитрастовое разбирательство в отношении ОАО «Газпром»

Однако очевидно, что на этом амбициозном пути уже сейчас появляются многочисленные сложности и препятствия. Главным из них в 2012 г. стало продолжение антимонопольного расследования в отношении ОАО «Газпром». Данное дело является камнем преткновения между двумя сторонами по ряду экономических и политических

причин и в конечном счете может вылиться в разбирательство в судах ЕС. Именно газовый рынок, как никакой другой, стал ареной борьбы и противоречий. Это неслучайно. В условиях вынужденного сокращения финансирования программ альтернативной энергетики ЕС делает ставку на замещение «грязной» угольной энергии «чистой» энергией газа, а значит, потребности в данном виде топлива возрастут еще сильнее. Окно возможностей будет расширяться, по оценкам самого ЕС, до 2030 г., так как импорт газа в ЕС будет постоянно возрастать и европейские страны будут закупать у России дополнительные объемы топлива. Это определенно будет фактором переговоров в среднесрочной перспективе, поскольку выпадающие объемы странам ЕС придется чем-то закрывать.

В последнее время появились мнения, согласно которым инициированное Генеральным директором по вопросам конкуренции ЕС антитрастовое дело в отношении Газпрома станет за последние 10 лет самым громким². Газпром уже сейчас начал подвергаться существенному давлению. Политические и экономические обстоятельства этой проблемы значительно выделяются на фоне всех остальных антимонопольных дел. Вопрос заключается в том, в какой степени совет директоров Газпрома и Кремль готовы пойти на компромисс с Еврокомиссией, чтобы принять дополнительные обязательства.

Данное дело имеет большое значение по нескольким причинам. Во-первых, оно исходит из необходимости обеспечения безопасности поставок и геостратегической стабильности. Во-вторых, дело может привести к искоренению модели Газпрома, представляющую собой сеть контрактов по долгосрочным поставкам газа, цена которого привязана к цене на нефть, а сами контракты заключены с вертикально интегрированными местными энергокомпаниями. Вместо данной модели ЕС стремится к образованию единого взаимозависимого и конкурентного европейского рынка газа. Идея единого энергетического рынка с участием России через несколько десятилетий в качестве главной цели выглядит в этом контексте несколько утопично, хотя и прямо записана в «дорожной карте» ЕС.

Обзор существенных факторов энергодиалога Россия – ЕС

Можно выделить несколько факторов, влияющих на диалог в вопросе об едином рынке и снятии текущих противоречий в вопросах торговли газом:

1. Сокращение добычи газа внутри ЕС, что диктует увеличение импорта. Развивается инфраструктура получения газа для потребления внутри ЕС как по трубопроводам, так и через СПГ-терминалы. Инвестиции в инфраструктуру для приема импортного газа будут только расти, а это значит, что ЕС явно не собирается рассчитывать только на российские энергоносители. Пик европейского производства пришелся на 2000 г., но в «дорожной карте» специально отмечается, что возможный рост добычи неконвенционального, то есть сланцевого, газа не берется в расчет. Таким обра-

зом, помимо взаимодействия с Россией, у ЕС есть несколько путей увеличения как добычи (сланцевый газ и малые месторождения), так и импорта, в первую очередь с помощью морской перевозки СПГ-танкерами.

2. Мощь Газпрома. На всем континенте и за его пределами компания рассматривается как чрезвычайно экономически и политически мощная. Ее доминирование на рынке стран ЦВЕ, положение ключевого поставщика энергоресурсов³ для Германии, Турции и Италии усиливает восприятие Газпрома как лидирующего игрока на европейском рынке газа. Газпром фактически использует свое положение для оказания экономического и политического влияния. Так, исследование Ларссона, посвященное политически мотивированным прекращением поставок энергоносителей в страны ЦВЕ с 1991 по 2004 г., показывает, что подавляющее большинство этих прекращений касается газа. Также в 2006⁴ и 2009⁵ гг. ЕС пострадал от политических конфликтов между Газпромом и украинскими властями, в результате которых произошли отключения газа и были снижены объемы поставок в ЕС.

Экономическая и политическая мощь Газпрома достигается за счет долгосрочных контрактов с местными фирмами, которые включают в себя такие положения, как «бери или плати» и запрет на перепродажу. Для большинства потребителей ЦВЕ Газпром является едва ли не единственным поставщиком газа. К тому же Газпром и его партнеры стремились приобрести downstream⁶ активы, которые еще больше усилили рыночную власть корпорации⁷.

О приверженности европейских потребителей к долгосрочным контрактам с Газпромом свидетельствует, в частности, продление экспортных контрактов с западными компаниями: GDF SUEZ (Франция) – до 2030 г.; E.ON Ruhrgas (Германия) – до 2035 г.; Wintershall Holding (Германия) – до 2030 г.; Gasum (Финляндия) – до 2026 г.; RWE Transgas (Чехия) – до 2035 г.; ENI (Италия) – до 2035 г. Пролонгированы на период до 2027 г. и подписаны новые контракты с австрийскими компаниями EconGas, GWH, Centrex. Заключены контракты с румынской компанией Conef Energy на период до 2030 г., со швейцарской компанией WIEE – до 2030 гг., с немецкой компанией WIEH сроком до 2027 г., с итальянской Premium Gas на период до 2024 г., с Sinergie Italiane – до 2022 г.

3. Экспансия сланцевого газа. Непосредственную угрозу Газпрому представляет сланцевый газ, оказывающий влияние на международный рынок сжиженного природного газа. Рост добычи сланцевого газа видоизменил американский рынок СПГ и, как следствие, привел к демпингу сжиженного газа на европейских спотовых рынках. Газпром вынужден был предложить значительные скидки в 2010 г. многим ключевым покупателям, с тем чтобы уменьшить потери⁸.

Демпинг цен оказал определенное воздействие на европейские рынки благодаря рыночной ликвидности, возникшей вследствие катастрофы на АЭС в Фукусиме, так как спрос Японии на природ-

ный газ резко вырос. Производство сжиженного газа из источников сланцевого и несланцевого газа увеличивается все больше, особенно в Австралии, Канаде и Катаре⁹. Китай разработал пятилетний план достижения добычи сланцевого газа в объеме 6,5 млрд м³ к 2015 г. и ориентируется производить от 60 до 100 млрд м³ к 2020 г. Возникает реальная угроза производителям сжиженного газа, так как бум сланцевого газа в США может быть повторен как в Китае, так и в любой другой стране.

Для Газпрома самая большая потенциальная угроза – большие объемы экспорта американского сланцевого газа в ЕС. США все больше заинтересованы в увеличении экспорта сланцевого газа в виде СПГ. Однако компании некоторых отраслей промышленности США призвали к введению запрета на экспорт сланцевого газа, с тем чтобы сохранить низкие внутренние цены на него. Нынешняя цена на газ, составляющая 3,20 доллара за 1 млн британских термальных единиц (для сравнения: цена в Европе – 10–14 долларов), слишком маленькая даже для самых бережливых американских производителей газа. Для стабилизации в долгосрочной перспективе цены на газ они должны возрасти по крайней мере до конкурентного уровня в 4–5 долларов за 1 млн британских термальных единиц. В связи с этим возрастает объективная необходимость в поощрении экспорта сланцевого газа в виде СПГ, с тем чтобы обеспечить большую прибыль американским производителям и рост налоговых поступлений в федеральный бюджет и бюджеты штатов страны.

Кроме того, в настоящее время уже ведутся разработки больших запасов сланцевого газа в прибрежных зонах Восточной Африки и на востоке Средиземного моря, а также на побережье Северного моря. Вполне возможно, что бизнес может переключиться с покупки более дорогого австралийского газа на более дешевый газ, добываемый в Восточной Африке. Результатом открытия новых месторождений может быть повышение ликвидности газа.

4. Рост ликвидности газа. Тенденция роста ликвидности газа очевидна уже сейчас. Достаточно лишь одному крупному европейскому государству коммерчески реализовать добычу сланцевого газа, чтобы инициировать пересмотр многими европейскими столицами ценности производства сланцевого газа. Увеличение ликвидности газа в мире вкупе с возникшим доступом к различным источникам снабжения газом оказывает постоянное давление на бизнес-модель Газпрома. СПГ влияет на формирование спотовых рыночных цен в Европе, что вынуждает искать альтернативные источники снабжения и альтернативную модель формирования цены на европейский газ. Чем больше термinalов приема сжиженного газа будет создано, тем больше покупателей смогут получить газ по более низкой спотовой цене.

Таким образом, вследствие повышения ликвидности газового рынка и диверсификации способов добычи, традиционная модель Газпрома, подразумевающая подписание контрактов, вклю-

■ Международные отношения

чающих запрет на перепродажу, условие «бери или плати», привязку цен на газ к цене на нефть и долгосрочное сотрудничество с большинством клиентов (более 15 лет), находится под угрозой.

5. Борьба за прозрачность рынков. Расследование Гендиректората по вопросам конкуренции в отношении Газпрома является частью более обширной программы, инициированной в конце 1990-х гг. и направленной на формирование полноценно функционирующего и единого общеевропейского газового рынка. Эта программа включает в себя первый¹⁰, второй¹¹ и третий¹² энергопакеты и секторальное расследование рынков электричества и газа, запущенное в июне 2005 г.¹³ с целью выявления неконкурентной деятельности компаний в данных отраслях.

Еврокомиссия официально предъявила ряд обвинений также таким крупнейшим энергетическим компаниям, как EDF¹⁴, GDF/Suez¹⁵, E.ON¹⁶ и RWE¹⁷, в нерациональном использовании капитала, причинении потерь для потребителя и подавлении конкуренции на рынке посредством использования монополистской модели вертикально интегрированной структуры организации бизнеса. Осенью 2011 г. Гендиректорат по вопросам конкуренции без предупреждения осуществил ряд инспекций или «рейдов на рассвете» в офисах Газпрома, расположенных в Чешской Республике и Германии, и его партнеров в ряде стран ЦВЕ¹⁸.

В большинстве случаев Гендиректорат по вопросам конкуренции прибегал скорее к угрозе публикации решения о запрете, а не к незамедлительной публикации, чтобы побудить к урегулированию проблемы через договоренность об обязательствах. Следует учитывать тот факт, что подобная публикация может привести к бесчисленным гражданским искам клиентов энергетических компаний за нанесение им ущерба за весь период неконкурентного поведения. Поэтому компании E.ON и RWE пришли к решению об обязательствах. Однако между той ценой, которую готовы заплатить за урегулирование проблемы Совет директоров Газпрома и Кремль, с одной стороны, и ценой, которую готов принять Гендиректорат, существует большой разрыв, даже при условии публикации разоблачающего документа.

Маловероятно, что будет иметь эффект политическое давление на Гендиректорат по вопросам конкуренции. Даже Белый дом не смог добиться приемлемых результатов в делах GE/Honeywell и Microsoft, подвергшихся антимонопольному расследованию Еврокомиссии. К тому же во время экономического кризиса Гендиректорат не приостановил свою деятельность по поддержанию конкуренции в регионе.

В энергетическом секторе Гендиректорат продолжает расследовать крупнейшие энергетические компании Европы, несмотря на политическую оппозицию ряда мощных стран – членов ЕС. Если Гендиректорат способен противостоять таким мощным игрокам, то он может выдержать давление Газпрома и Кремля. Даже при условии заключения облегченного соглашения с Газпромом Гендирек-

торат все же может значительно испортить свою репутацию. Так как страны, подвергшиеся негативному воздействию монополии, в частности Литва и ее сторонники, могут выразить свое недовольство в виде заявления о пересмотре решения. Обвинения, выдвинутые Газпрому (подавление доступа к рынку, отказ в доступе третьих лиц, запрет на перепродажу и эксплуататорское ценообразование), являются сравнительно «тяжкими» в рамках антимонопольного законодательства ЕС и не дают повода Комиссии расследовать их формально.

Суть обвинений в адрес Газпрома

Дело Гендиректората в отношении Газпрома включает в себя три ключевых обвинения: запреты на перепродажу, подавление конкуренции и ценообразование. В случае если они будут доказаны, бизнес-модели Газпрома и его деятельности будет нанесен существенный урон. Первое обвинение касается запретов на перепродажу продукции. Это маркетинговые практики, зафиксированные в контракте и направленные на предотвращение перепродаж газа, импортируемого Газпромом, третьим сторонам. Данное положение является особенно обременительным при условии заключения долгосрочных контрактов, предусматривающих принцип «бери или плати», который вынуждает клиентов Газпрома приобретать весь газ даже при отсутствии необходимости в таком количестве. Данные условия, по мнению Гендиректората по вопросам конкуренции, ведут к расколу единого рынка и подрывают возможности для его создания, поскольку запрет на перепродажу газа фактически ограничивает свободу передвижения товаров внутри ЕС. Если бы дело заключалось только в одном положении о запрете на перепродажу, достичь соглашения было бы достаточно легко. В начале 2000-х гг. Газпром и Гендиректорат уже неформально договаривались подобным образом по поводу долгосрочных контрактов с западноевропейскими клиентами¹⁹.

Второе обвинение является более серьезным: предотвращение диверсификации газовых поставок. Данное положение включает в себя отказ в доступе к трубопроводам третьих сторон, конкурентов Газпрома, и запрет на продажу их газа. Компания добивается этого благодаря наличию в собственности активов downstream или миноритарных пакетов этих активов, вкупе с монопольным или квазимонопольным положением на рынке. Кроме того, в зависимости от улик, найденных в офисах Газпрома и его партнеров, монополия может быть обвинена также в том, что препятствует альтернативным проектам по поставкам газа, реализуемым другими компаниями, в числе которых строительство газохранилищ и новых трубопроводов.

Определенную сложность для Газпрома представляет тот факт, что антимонопольное законодательство ЕС имеет более широкий охват, чем, например, акт Шермана (антимонопольный закон США), и включает в себя также особую ответственность доминирующих компаний за соблюдение

конкуренции и уважение конкурентов. Тем самым подчеркивается, что монополия должна вести себя так, как будто на рынке есть конкуренция. Однако такой стандарт ответственности едва ли совместим с бизнес-моделью Газпрома.

Третья проблема связана с привязыванием цен на газ к ценам на нефть. Такая индексация цен позволяет Газпрому получать определенные доходы и формировать ценовую политику. Однако вопрос заключается в том, насколько это соответствует антимонопольному законодательству ЕС. Является ли это злоупотреблением монопольным положением и может ли компания привязывать цены к нефти, когда нет никакой основы для этого на современных газовых рынках. Так как с тех пор, как в 1973 г. произошел нефтяной шок, производство энергии из нефти резко упало, уступив место газу (23,6% в отличие от нефти, составляющей 2,6% в выработке энергии в настоящее время²⁰).

Если индексация цен судом будет признана злоупотреблением, то это может иметь для Газпрома далеко идущие последствия, поскольку будет пересматриваться каждый долгосрочный контракт в ЕС на фоне всплеска арбитражных дел, инициированных клиентами Газпрома. Более того, это создаст прецедент для остальных стран, не входящих в ЕС (например, для Китая), которые в логике антимонопольной аргументации выступят против привязки цен к нефти. Период рассмотрения данного дела составит приблизительно два года до решения о запрете и еще два года до разрешения вопроса в Европейском суде общей юрисдикции. Если же будет подана апелляция в Европейский суд справедливости, то рассмотрение займет еще два года. Кроме того, могут быть еще второстепенные решения перед тем, как будет принято основное.

Реакция России на действия Еврокомиссии

Первой реакцией России было подписание Указа Президента РФ № 1285, обязывающего стратегические предприятия предоставлять иностранным правительствам и международным организациям информацию только с предварительного согласия Правительства РФ. Кроме того, предусматривается внесение изменений в контракты и договоры, касающиеся коммерческой ценовой политики. Однако фактически данный указ малоэффективен, так как Гендиректорат уже совершил рейды в офисы Газпрома в Чехии и Германии и способен получить информацию от партнеров Газпрома и истцов. Более того, он может и в дальнейшем совершать без предварительного уведомления подобные рейды²¹ с использованием сил полиции²², что сводит эффективность президентского указа к минимуму. Тем самым данный указ стимулирует Гендиректорат по вопросам конкуренции прибегать к принудительным мерам в отношении Газпрома, а не к принятию поправок в контрактах.

Официально декларируемая позиция Газпрома²³ состоит в следующем: внешнеэкономическая деятельность Газпрома осуществляется в четком соответствии с действующим законодательством

стран, в которых работают предприятия группы. Последние изменения законодательства Европейского союза, направленные на либерализацию газового рынка, затронули как организационные вопросы хозяйственной деятельности, так и контракты на поставку газа в страны ЕС. Принимая новые нормы к исполнению, предприятия Газпрома исключили из договоров ограничения на перепродажу российского голубого топлива. Поддерживая усилия ЕС по формированию единого европейского энергетического рынка, Газпром уверен – и это мнение разделяют крупнейшие европейские энергетические компании – в том, что в интересах стабильности, надежности и предсказуемости работы основной газового рынка на континенте должны оставаться долгосрочные контракты на поставку голубого топлива.

Вместе с тем Газпром постоянно следит за развитием законодательных инициатив ЕС и регулярно участвует в обсуждении тех вопросов, которые могут оказать негативное воздействие на рынок природного газа и ухудшить условия для всех его участников. В частности, озабоченность вызывает предложение запретить компаниям-поставщикам природного газа владеть крупными газотранспортными проектами, в финансирование которых они зачастую вкладывали собственные средства. Такая политика может вызвать недофинансирование транспортных проектов, рост издержек на транспортировку, а следовательно, негативно отразится на надежности снабжения газом, повысит его стоимость для потребителя.

Можно констатировать, что если Гендиректорат не сможет прийти к соглашению с Москвой, он может принудить Газпром продать активы в Европе согласно статье 7 Регламента Совета ЕС 1/2003. Однако Комиссия может избежать прямого конфликта путем назначения доверенного лица, осуществляющего мониторинг. Доверенное лицо вправе изучать активы трубопроводов корпоративных партнеров, других российских энергетических компаний и привилегированных клиентов Газпрома, которые предположительно получили инструкции от Газпрома.

Еврокомиссия и суд могут прийти к решению, что Указ Президента РФ, направленный на европейские компании, контролируемые Газпромом, может рассматриваться как прямое вмешательство в национальные суверенитеты стран – членов ЕС. Это вытекает из того факта, что институты ЕС и страны-члены имеют суверенное право определять и переопределять структуру поставок энергоресурсов так, как они посчитают нужным. Хотя защита позиции Комиссии осуществляется на основе территориального принципа юрисдикции, она признает и более широкое толкование данной доктрины. Так, в результате рассмотрения дела Wood Pulp²⁴ и Gencor²⁵ суды ЕС разработали доктрину экстерриториальности, означающую, что законы ЕС могут распространяться и на деятельность, соглашения и практики за пределами ЕС в том случае, если они оказывают непосредственное, существенное и предсказуемое воздействие на территории стран – членов ЕС.

■ Международные отношения

Таким образом, РФ может апеллировать к данному принципу, чтобы продемонстрировать, что европейское антимонопольное законодательство не должно применяться к оспариваемым практикам Газпрома на основе взаимного признания зарубежных законов и обычаев на своей территории. Однако данный принцип не был признан судами ЕС. Во-вторых, трудно представить, что Еврокомиссия и суды ЕС признают верховенство права иностранного государства над первичными задачами ЕС, закрепленными в законодательстве, среди которых – создание единого рынка газа, свободное передвижение газа в ЕС, рыночная либерализация и полное соблюдение антимонопольных законов союза.

В-третьих, следует учитывать тот факт, что российское конкурентное право также применяет принцип экстерриториальной юрисдикции. Однако это ослабляет позиции России, так как к данному принципу и апеллирует ЕС в деле против Газпрома. Так, в статье 3 пункт 2 Федерального закона № 135-ФЗ «О защите конкуренции» написано: «Положения настоящего Федерального закона применяются к достигнутым за пределами территории Российской Федерации соглашениям между российскими и (или) иностранными лицами либо организациями, а также к совершаемым ими действиям, если такие соглашения или действия оказывают влияние на состояние конкуренции на территории Российской Федерации»²⁶.

Также следует отметить, что главный коммерческий риск для компании представляет чрезмерная реакция России по поводу дела «ЕС в отношении Газпрома», которая может подорвать позиции компании на рынке. Как только страны – члены ЕС сталкиваются с несоблюдением Москвой законов ЕС, они начинают активизировать свои усилия в поиске новых источников газа, а именно сланцевого газа, СПГ или новых трубопроводов.

Заключение

Как и предполагалось, единая энергетическая политика ЕС обострила ранее существовавшие противоречия между партнерами. Приведение в реальность норм Третьего энергетического пакета ускорило развертывание по-настоящему конфронтационного сценария, на переднем рубеже которого находится российская монополия Газпром. Одна из главных проблем энергодиалога состоит в том, что ЕС и Еврокомиссия говорят о благе потребителя как о своей цели, что находит отклик у рядового избирателя. Россия же в большей степени отстаивает корпоративный интерес и не скатывается в популистскую политическую риторику.

Со стороны ЕС нормативно сформулированы шаги по дальнейшему развитию диалога:

1. Кооперация ЕС и России по разнообразной и технологически продвинутой эксплуатации систем разведки и добычи. Это означает «добро» на новые технологии для улучшения добычи энергоресурсов в России.

2. Увеличение эффективности утилизации натурального газа для сохранения окружающей

среды, в том числе мерами государственного регулирования.

3. Обмен информацией и обсуждение рыночных структур.

4. Обмен информацией о модернизации существующих газопроводов и нефтепроводов, чтобы избежать потерю энергоносителей.

5. R&D проекты.

6. Общая энергобезопасность, двустороннее соглашение, охватывающее все поставки натурального газа через трубопроводы из РФ в страны ЕС.

Однако предлагаемое общее планирование сценариев будущего, предполагающее пересмотр поставок и потребления каждые 5 лет в двустороннем порядке, удивительным образом противоречит мерам, предпринимаемым ЕС в плане либерализации рынка. России, как представляется, необходимо использовать дело в отношении Газпрома для осуществления изменений внутри компании и на российском рынке газа. Сохранение Газпрома в качестве монополии в таких сферах, как разведка месторождений, производство, оптовые и розничные продажи вкупе с доминированием в экспорте и трубопроводах, негативно отражается на экономическом развитии.

В настоящее время Газпром сфокусирован преимущественно на строительстве новых ниток «Северного потока» и старте «Южного потока», также появилась информация о планах по строительству ответвления «Северного потока» в Великобританию²⁷. Однако строящиеся трубопроводы не решают проблем с инвестициями в новые источники добычи газа. А проблему сокращения объемов газа в Надым–пур–Таза, где добывается приблизительно 80 % российского газа, надо решать в самое ближайшее время. Согласно МЭА, Россия должна будет компенсировать 634 млрд м³, которые и составляют 80% текущей добычи. Стоимость инвестиций в разработку месторождений газа и создание сетей передач равняется 730 млрд долл. США²⁸.

Более того, угроза поставок более дешевого газа в Европу в виде СПГ или добытого на внутреннем рынке сланцевого газа, а также возможное снижение цен на газ и уголь ставят под сомнение новые масштабные проекты, как, например, разработка Бованенковского месторождения. Опасность для Газпрома состоит в том, что если он продолжит дорогостоящую стратегию энергетических разработок, то он столкнется с проблемой привлечения инвестиций на новые месторождения или понесет огромные убытки от продаж газа по скорректированным ценам.

Для Газпрома есть менее затратная альтернатива – разработка огромных источников газа, включая сланцевый газ и второстепенные обычные месторождения, расположенные рядом с существующей инфраструктурой трубопроводов. А не на Крайнем Севере или в арктических морях. Но для этого требуется достичь рыночной эффективности и высокого уровня развития технологий.

Россия может использовать свой шанс, так как на фоне экономического кризиса и возрастания

расходов ЕС приостановил стратегию развития возобновляемых источников энергии. Теперь он вынужден развивать альтернативную программу по борьбе с загрязнением окружающей среды путем повышения потребления газа и снижения доли угля, с тем чтобы сократить выбросы углекислого газа в краткосрочной и среднесрочной перспективах. Расширение рынка газа в Европе открывает для России определенные перспективы на будущее.

Некоторые европейские аналитики²⁹ полагают, что России следует серьезно принять во внимание необходимость заключения соглашения об обязательствах с Гендиректоратом по вопросам конкуренции, в котором бы учитывалось следующее:

- принятие европейских правил;
- продажа активов downstream или их отделение от сферы поставок;
- обеспечение большими объемами газа существующих хабов;
- либерализация внутреннего рынка, с тем чтобы сохранить цены на низком уровне внутри страны, что сделает российский газ более конкурентным на европейском рынке.

Если же возобладает конфронтационный сценарий, то проиграют все стороны:

- страны ЕС начнут бурить скважины для добычи сланцевого газа в больших объемах, не задумываясь об экологических последствиях;
- Конгресс США допустит полномасштабный экспорт сланцевого газа в Европу;
- внутри ЕС по 32 запланированным газохранилищам в ускоренном порядке будет принято окончательное решение об инвестициях;
- будет также форсирована геологоразведка на восточном побережье Средиземного моря;

– все это в совокупности способно подорвать сложившийся европейский рынок газа с непредсказуемыми последствиями для всех его участников.

Petrov K.E. Present and Future of the Energy Dialogue Russia – EU (Development of Energy Dialogue of Russia and EU in 2012).

Summary: This paper describes the development of energy dialogue between Russia and the EU in 2012. It also focuses on the analysis of the contradictions that exist between the sides. The urgency of the topic is stressed, in particular, by the fact that, according to the EU's view, gas imports into the EU will continue to grow up to 2030 year, and the European countries will have to purchase additional volumes of Russian gas. This means that the window of dialogue opportunities will expand continuously, but dialogue is severely hampered in this particular period of time. Even the subject of the dialogue is understood differently. Russia wants to, first of all, discuss measures to establish a joint system of reliable gas supply to Europe. The EU would like to concentrate on the problems of infrastructure and energy efficiency. This paper presents an overview of the factors influencing the dialogue between Russia and the EU. Among which are: the reduction of gas production in the EU, the market power of Gazprom, the expansion of shale gas, increased financial liquidity of gas, the fight for market transparency. The last factor, represented chiefly in the antitrust proceedings around «Gazprom» and the first results of the entry into force of the rules of the third energy package, pulled in more detail. In conclusion emphasizes that the removal of contradictions gets serious damage due to the fact that the European Commission is negotiating on behalf of the common customer of energy, and the Russian Federation – on behalf of the corporation.

Ключевые слова

Диалог Россия–ЕС, энергетическая политика, Третий энергетический пакет.

Keywords

Russia–EU dialogue, energy policy, Third energy package

Примечания

1. Ист.: [http://minenergo.gov.ru/press/most_important/11601.html]
2. См.: Riley A. Commission v. Gazprom: The antitrust clash of the decade? CEPS Policy Briefs. No. 285, 31 October 2012.
3. Reuters, «Russian Gas Exports to Europe up 8 % in 2011» (http://uk.reuters.com/article/2012/01/30/russia-gas-table-idUKL5E8CU1NX20120130)
4. Stern J. The Russian-Ukrainian Gas Crisis of January 2006, Oxford Institute for Energy Studies (OIES), Oxford, 2006.
5. Stern J., Pirani S. and Yafimava K. The Russo-Ukrainian Gas Dispute of January 2009: A Comprehensive Assessment, Oxford Institute for Energy Studies (OIES), Oxford, 2009.
6. Активы в области хранения и сбыта природного газа.
7. Smith K.C. A New Stealth Imperialism: Russian Energy Politics in the Baltics, Poland and Ukraine, CSIS, Center for Strategic and International Studies, Washington, D.C., 2004, and Larsson, op. cit.
8. Reuters. «Gazprom adjusts gas pricing to defend market share», February 2010.
9. BP Energy Outlook 2030, London, January 2012. The Outlook projects growth at 4.5 % annually to 2030.
10. Directive 98/30/EC of the European Parliament and of the Council concerning the Common Rules for the Internal Market in Natural Gas, OJ 1998 L204/1.

■ Международные отношения

11. Directive 03/55/EC of the European Parliament and of the Council concerning the Common Rules for the Internal Market in Natural Gas and Repealing Directive 98/30/EC, OJ 2003 L176/57.
 12. Directive 09/73/EC of the European Parliament and of the Council concerning the Common Rules for the Internal Market in Natural Gas and Repealing Directive 03/55/EC, OJ 2009 L211/94.
 13. Sector Inquiry Pursuant to Article 17 of Regulation 1/2003 in the European Electricity and Gas Markets, Communication by Ms. Neelie Kroes in Agreement with Mr Piebalgs, Brussels June 2005.
 14. EDF, Long-Term Contracts in France, COMP/39.386, March 2010.
 15. E.ON/GDF, Market Allocation in European Gas Markets, Case COMP/39.401; GDF Foreclosure, Case Comp/B-1/39.316.
 16. E.ON/GDF, op. cit. and E.ON Gas Foreclosure, Comp/B-1/39.317.
 17. RWE, Gas Foreclosure, COMP/39.402.
 18. EU Competition Law-Dawn Raids, Gazprom Case, 27th September 2011 (<http://www.graystoncompany.com/gco/gaco-blog/entry/eu-update-competition-lawdawn-raids>).
 19. «Commission reaches breakthrough with Gazprom and ENI on territorial restriction clauses», Commission Press Release, 6th October 2003, IP/03/1345.
 20. Gross Electricity Generation by Fuel in 2010, 82, Energy in the EU 2012, Eurostat Luxembourg (http://ec.europa.eu/energy/publications/doc/2012_energy_figures.pdf).
 21. Under Arts 20 and 21 of Regulation 1/2003.
 22. Bellamy & Child EU Law of Competition, para13.045, Oxford, 2008.
 23. Ис.: [<http://gazpromquestions.ru/?id=34>]
 24. Joined Cases C-89/85 et seq [1988] ECR 5193.
 25. Case T-102/96 [1999] ECR II-753.
 26. Официальный сайт Федеральной антимонопольной службы. http://fas.gov.ru/legislative-acts/legislative-acts_9498.html
 27. Ист.: [<http://www.gazeta.ru/business/2012/11/26/4867917.shtml>]
 28. IEA, World Energy Outlook 2011, 310, Paris.
 29. Riley A. Commission v. Gazprom: The antitrust clash of the decade? CEPS Policy Briefs. No. 285, 31 October 2012.
-

Линия Пекина в урегулировании проблем в бассейне Южно-Китайского моря

В.Я. Воробьев, А.В. Иванов

Статья посвящена политике КНР в сфере урегулирования проблем в бассейне Южно-Китайского моря (ЮКМ). Еще недавно конфликтная ситуация в этом регионе понималась как столкновение позиций Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии – членов АСЕАН относительно прав на владение несколькими группами необитаемых островов, рифов и отмелей, разбросанных по всему пространству ЮКМ, а также пределов их исключительных экономических зон и континентального шельфа. Однако сейчас оппоненты КНР в споре за острова ЮКМ, которые ранее вели переговоры с Пекином в двустороннем формате, предприняли первый шаг в направлении интернационализации дискуссии. При этом Китай четко продолжает придерживаться тактики ведения переговоров со своими оппонентами в споре за острова в ЮКМ строго на двусторонней основе, стараясь через каждого конкретного партнера доводить свою позицию до всех вовлеченных в спор членов АСЕАН. Очевидное нежелание Пекина предпринять реальные шаги для ускорения принятия Кодекса поведения, видимо, можно объяснить опасениями, что документ будет использован странами АСЕАН для оказания коллективного давления на Китай и ограничения его деятельности в регионе. Проводимая КНР в последнее время политика в ЮКМ привела к обострению отношений со странами региона и подтолкнула некоторые из них, в частности Филиппины и Вьетнам, на активизацию оборонного сотрудничества с США. Россия, будучи по своему географическому положению тихоокеанской державой, реально заинтересована в том, чтобы существующие в зоне Тихого океана трения, включая территориальные споры в ЮКМ, не принимали конфронтационный характер, тем более не перерастали в силовые акции. Отдаленность России в морских милях от района ЮКМ не может и не должна восприниматься как отстраненность России от того, что в нем происходит и как там могут развиваться события.

Ситуация в Южно-Китайском море (ЮКМ) в последнее время обострилась, хотя за опасную грань никто не заступает. Наблюдается заметное расширение спектра интерпретаций того, что имеет место в ЮКМ. Еще недавно конфликтная ситуация понималась как столкновение позиций Китая и ряда стран Юго-Восточной Азии – членов АСЕАН (Филиппины, Вьетнам, Малайзия, Бруней, отчасти Индонезия) относительно прав на владение несколькими группами необитаемых островов, рифов и отмелей, разбросанных по всему

пространству ЮКМ, а также пределов их исключительных экономических зон и континентального шельфа. Претензии подобного рода высказывает также Тайвань. Проблематика ЮКМ в некоторых аспектах выплескивается за узорегиональные рамки. Реально действующих лиц на сегодня оказывается заметно больше, чем непосредственных участников территориальных споров.

Прежде всего, сами споры, идущие в основном вокруг двух больших групп островов – Парасельских и Спратли (общепринятые названия), явля-

Воробьев Виталий Яковлевич – старший научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Иванов Андрей Владимирович – ведущий научный сотрудник Центра исследований Восточной Азии и ШОС ИМИ МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Международные отношения

ются сложносоставными. Имеет место перекрещивающееся наложение притязаний. Одну и ту же территорию называют своей одновременно и Китай, и (в разных сочетаниях) перечисленные выше страны, которые к тому же находятся в несогласии между собой по тем же самым островным землям. Структуры АСЕАН дают возможность умеривать вспышки или купировать их через внутренние политические процедуры. Своеобразным тормозом для спорящих стран Юго-Восточной Азии выступает то, что они вроде бы вместе вынуждены противостоять Китаю в территориальных аспектах проблематики ЮКМ.

АСЕАН в этом случае используется как коллективное прикрытие для них, позволяющее формировать некую общепринципиальную платформу визави объективно нависающего давления со стороны Китая. В то же время китайский предлог служит «патриотичной» ссылкой для объяснения растущих затрат и усилий с целью увеличения и совершенствования собственных военных потенциалов, которые ни при каких усилиях не в состоянии уравновесить китайский потенциал. Таким образом, пускает корни тенденция милитаризации мышления, которая способна быстро поднять под себя все остальное.

Китай предъявляет свои «исторические козыри». Он утверждает, что в анналах древних императорских династий острова в ЮКМ не только упоминаются еще две тысячи лет тому назад, но уже тогда им были даны китайские названия, сохранившиеся и поныне. В Китае ходят карты с показом давно принятых в стране представлений о территориальном наполнении китайского государства в периоды сменявших друг друга династий. Сухопутные имперские границы на них получают разные начертания – так, если в эпоху Юань (XIII–XIV вв.) Восточная Сибирь вплоть до арктического и тихоокеанского побережий включается в состав Китая, то затем пределы империи оказываются значительно южнее и западнее, на линии чуть севернее озера Байкал. Но, начиная с первой династии Цинь (III в. до н.э.), практически вся акватория ЮКМ последовательно и неизменно показывается китайской. В точности так, как это выглядит на современных официальных картах КНР, а именно не сплошной линией, принятой для обозначения государственной границы, а в виде прерывистой «линии девяти пунктиров».

Конечно, карты «древних владений» в их нынешнем виде являются во многом умозрительным продуктом гораздо более поздних времен, чем периодов существования упоминаемых династий. Однако, по китайским меркам, они обрели статус аутентичного исторического свидетельства, почти официального документа. Судя по всему, именно такого рода «исторические» карты были переданы в ООН в 1947 г. гоминьдановским правительством в обоснование известной сейчас всем китайской позиции относительно принадлежности островов и морской акватории в ЮКМ. Таким образом, сущность современной линии Пекина в данном вопросе – это не столько проявление или следствие

политики быстрого «возвышения» и укрепления мощи Китая в последние три десятилетия. Скорее следует вести речь о преемственности и устойчивости в китайском социуме исторических стереотипов, невзирая на смену эпох и природы властных структур.

Бросающейся в глаза особенностью споров между Китаем и рядом юго-восточных стран вокруг островов в ЮКМ является то, что в них не фигурируют договорные акты, которые могли бы недвусмысленно подтвердить территориальные амбиции любого из участников или свидетельствовать о том, что кто-то нарушает или не считается с правоустанавливающими документами по данной тематике. Получается, что все играют на достаточно зыбком поле «исторических» ссылок и туманных прецедентов, трактуемых каждым в свою пользу. Обладая самыми длительными письменными хроникальными источниками и непрерывностью суверенной истории, Китай здесь заведомо располагает преимуществом. Другое дело, что при территориальных спорах экскурсы в историю имеют главным образом эмоционально-мобилизующую нагрузку. Для международно-правового решения они носят факультативный, вспомогательный характер, уступая, в конечном счете, приоритет соображениям политической целесообразности, а бывает, и конъюнктуры. Главное во всем этом, чтобы битва «исторических памятней» не оборачивалась реальными сражениями, что, к сожалению, не всегда получается.

С момента принятия в феврале 1992 г. Все-китайским собранием народных представителей «Закона о территориальных водах и прилегающих к ним районах», по которому Парасельские острова и острова Спратли были объявлены неотъемлемой частью территории КНР, то есть в последние 20 лет ситуация вокруг спорных территорий в зоне ЮКМ претерпевала определенные изменения. Оппоненты КНР в споре за острова ЮКМ, которые ранее вели переговоры с Пекином в двустороннем формате, предприняли первый шаг в направлении интернационализации дискуссии. Им стало принятие в 1992 г. министрами иностранных дел АСЕАН Манильской декларации по архипелагу Спратли. Документ призвал вовлеченные в спор стороны к сдержанности в словах и действиях и к участию в совместном развитии региона при отказе от посягательств на суверенитет других сторон.

К принятию Декларации АСЕАН подтолкнул рост напряженности в регионе, вызванный не только активизацией претензий сторон на спорные острова, но и ростом военной мощи Китая, подтолкнувшей гонку вооружений в регионе. Несмотря на то что Китай был против вынесения вопроса о Спратли в какие-либо международные организации, проводимая им политика экономических реформ и открытости требовала расширения и укрепления политических и экономических отношений со странами Юго-Восточной Азии и стабильности в регионе. Используя эту заинтересованность Пекина, странам АСЕАН постепенно удалось вовлечь его в процесс обсуждения правил

игры в Южно-Китайском море. В июле 1994 г. Китай получил статус «консультативного партнера» на только что созданном Азиатском региональном форуме, а в 1996 г. стал полноправным партнером АСЕАН по диалогу. В декабре 1997 г. в Куала-Лумпуре состоялся первый саммит АСЕАН—Китай. В подписанной по его итогам Совместной декларации обе стороны заявили о решимости установить и развивать отношения добрососедства и взаимного доверия, ориентированные в XXI век. С этого момента двусторонние и многосторонние контакты между Китаем и странами АСЕАН стали регулярными. Это способствовало успешному решению многих проблем региона и привело к подписанию в 2002 г. Декларации действий сторон в ЮКМ¹.

По оценкам вьетнамских экспертов, в соответствии с Декларацией 2002 г. КНР и страны АСЕАН обязались проявлять сдержанность в своих действиях в зоне Южно-Китайского моря, избегать возникновения конфликтных ситуаций, искать решение территориальных и правовых споров мирными средствами, путем дружественных консультаций и переговоров, не используя угрозу силой или ее применение. Кроме того, подписанты Декларации согласились ввести самоограничение своей деятельности, способной вызвать расширение и обострение споров. Декларация хотя и не разрешила территориальные проблемы региона, но помогла сохранить мир и создала условия для совместной разработки природных ресурсов².

Однако, по мнению российских экспертов, Декларация 2002 г. в большей мере отвечала интересам Китая, поскольку четко оговаривала, что все противоречия в ЮКМ должны решаться между сторонами, непосредственно вовлеченными в конфликт. Это побудило США, не являющихся претендентом на спорные острова ЮКМ, поддержать выработку странами региона Кодекса поведения сторон в Южно-Китайском море вместо Декларации 2002 г.³ Проект этого документа был обнародован только в 2011 г. В его преамбуле говорится, что реализация Кодекса предусматривает, что статус спорных островов, вод, ресурсов и структур не будет затронут⁴. Китай тоже неоднократно подчеркивал, что готов поддержать Кодекс при условии, что он будет направлен на укрепление взаимного доверия, углубление сотрудничества между сторонами, обеспечение мира и стабильности, а никак не на урегулирование территориальных споров в регионе.

Согласование позиций КНР и АСЕАН по вопросу Кодекса предполагалось провести на саммите АСЕАН + Китай в столице Камбоджи Пномпене в июле 2012 г. Однако незадолго до этого, в апреле 2012 г., между КНР и Филиппинами усилилась напряженность из-за острова Хуанъяньдао. Пекин обвинил Филиппины в провоцировании конфликтов, создании «ложного образа КНР» как угрозы миру в регионе, стремлении «перетянуть другие государства в свой лагерь» и в конечном счете в попытках придать проблемам в ЮКМ международный характер⁵.

Затем на саммите в Пномпене председательствующая делегация Камбоджи отказалась включить вопрос о Кодексе в повестку дня. Впервые за все годы существования саммита его участники не смогли выпустить совместное коммюнике. МИД КНР обвинил в этой неудаче делегации Филиппин и Вьетнама, которые «настоятельно просили включить в документ двусторонние морские споры и пытались сообщить всем и каждому о своих разногласиях с Китаем»⁶. При этом Пекин подтвердил, что выступает за превращение ЮКМ в море, где царят мир, дружба и сотрудничество. Пекин не выразил протестов против призывов АСЕАН к реализации Декларации действий сторон в ЮКМ, скорейшему подписанию регионального Кодекса поведения и полному соблюдению общепризнанных норм международного права.

При этом было отмечено, что «китайская сторона уже выработала политику, направленную на мирное урегулирование вопроса на основе переговоров один на один», однако при этом Китай занимает «открытую позицию при обсуждении со странами АСЕАН Кодекса поведения в Южно-Китайском море». Пекин обвинил «некоторых членов АСЕАН» в принятии в одностороннем порядке шагов в нарушение морского территориального суверенитета Китая и отметил, что, только когда страны АСЕАН начнут соблюдать Декларацию действий сторон в Южно-Китайском море, они смогут достичь прогресса в подписании и соблюдении юридически обязательного «кодекса поведения»⁷.

Одновременно Пекин жестко реагировал на попытки США вмешаться в спор об островах ЮКМ, в частности на заявление Госдепартамента США по проблеме ЮКМ от 3 августа 2012 г. по поводу создания китайского плацдарма на острове Юнсин архипелага Спратли (Наньша). В заявлении МИД КНР по этому поводу говорится, что американское заявление «фальсифицировало факты, замутило воду и дало крайне ошибочный сигнал», что «не способствует усилиям заинтересованных сторон по обеспечению мира и стабильности в районе ЮКМ, а также в АТР в целом». Выразив «сильное неудовлетворение и решительное несогласие с позицией США», Пекин заявил, что «Китай обладает неоспоримым суверенитетом над островами Южно-Китайского моря и прилегающей к ним акваторией», так как это «полностью обосновано исторически». Речь шла о том, что в 1959 г. Китай учредил подчиненные провинции Гуандун представительства на архипелагах Сишацуньдао, Чжуншацуньдао и Наньшацуньдао для осуществления административной юрисдикции над этими островами и прилегающих к ним акваторий.

Поэтому, по логике Пекина, создание «города Саньша представляет собой урегулирование и совершенствование системы административного управления соответствующими районами. Это было совершено в пределах суверенитета Китая». Далее в своем заявлении МИД КНР обвинил США в том, что их «избирательная слепота» и

■ Международные отношения

«выражение озабоченности» по проблеме ЮКМ идут вразрез с дававшимися ими ранее обещаниями не поддерживать в спорах в ЮКМ ни одну из сторон⁸.

Китай четко продолжает придерживаться тактики ведения переговоров со своими оппонентами в споре за острова в ЮКМ строго на двусторонней основе, стараясь через каждого конкретного партнера доводить свою позицию до всех членов АСЕАН, вовлеченных в спор. Это проявилось и во время встречи в Пекине в конце августа 2012 г. председателя КНР Ху Цзиньтао и президента Филиппин Б. Акино. Китайский лидер в очередной раз подчеркнул, что китайская сторона всегда выступает за мирное решение споров вокруг Южно-Китайского моря путем консультаций и переговоров, однако фактически потребовал от стран АСЕАН, вовлеченных в споры, «отойти от спорных моментов и активно изучить вопросы по совместному освоению указанной морской акватории»⁹.

В сентябре 2012 г. в ходе поездки по странам Восточной и Юго-Восточной Азии госсекретарь США Х. Клинтон призвала лидеров АСЕАН и Китая поскорее согласовать Кодекс поведения. 5 сентября Клинтон встретила в Пекине с министром иностранных дел КНР Ян Цзечи, который заявил, что Китай готов к обсуждению Кодекса, но споры в регионе должны решаться в ходе «непосредственных переговоров и дружественных консультаций», то есть на двусторонней основе¹⁰.

В очередной раз позиция КНР по проблемам ЮКМ была изложена премьер-министром на закрытом заседании в рамках Восточноазиатского саммита в Пномпене 20 ноября 2012 г. Судя по информации, распространенной китайскими источниками, Вэнь Цзябао на пресс-конференции в Пномпене привлек внимание к тому, что КНР больше всего озабочен обеспечением свободы и безопасности судоходства в регионе ЮКМ. Кроме того, он попытался представить дело так, будто страны – члены АСЕАН, подписавшие в 2002 г. «Декларацию действий сторон в ЮКМ», как и Китай, «не согласны с интернационализацией вопроса Южно-Китайского моря». Относительно Кодекса поведения в ЮКМ Вэнь Цзябао отметил наличие у КНР надежды «непрерывно накапливать консенсусы в целях создания условий для проведения переговоров по разработке Кодекса»¹¹.

Одной из структур, занимающихся выработкой и обоснованием позиций руководства КНР по проблемам ЮКМ, является китайский Национальный институт изучения ЮКМ. В сентябре 2012 г. его президент У Шицунь в статье «Кто являются подлинными создателями проблем в Южно-Китайском море?» откликнулся на некие статьи в иностранных СМИ, в которых утверждается, что Китай в последнее время стал более «агрессивным» в зоне ЮКМ и он предпринял «провокационные действия», ведущие к «нестабильности» в этом районе. Назвав эти сообщения не соответствующими фактам, У Шицунь обвинил в нагнетании обстановки в регионе тех, кто пытается интернационализировать вопрос о ЮКМ. Активизацию по-

пыток интернационализировать вопрос о ЮКМ он увязал со смещением глобального стратегического внимания США на Азию. Кроме того, он отметил, что «некоторые страны за пределами региона использовали смещение глобальной стратегии США в Азию для усиления своего влияния на ситуацию в ЮКМ, что способствовало эскалации геополитической конкуренции в этом районе и в конечном итоге подтолкнуло ЮКМ к превращению в международную горячую точку»¹².

Далее У Шицунь раскритиковал США за нарушение декларируемого ими нейтралитета в территориальных спорах в ЮКМ и искажение фактов при публикации высказываний Государственного департамента по вопросам ЮКМ. Примечательным представляется следующий пассаж из статьи У Шицуня: «Китайский народ любит мир и придерживается принципа дружбы и добрососедства с соседями. Однако это не значит, что Китай смирится с тем, что зарубежные страны нарушают его территориальную целостность или морские права и интересы». Отметив, что Китай «готов работать совместно с другими заинтересованными сторонами для развития международного сотрудничества в области морской безопасности в регионе», У Шицунь подчеркнул, что КНР тем не менее против того, чтобы любые посторонние игроки вмешивались в дела в ЮКМ под предлогом «обеспечения свободы навигации». Он заверил, что Китай открыт для дискуссий по формулированию Кодекса поведения в ЮКМ, однако назвал первоочередной задачей сторон продолжение переговоров и консультаций по практическому сотрудничеству в соответствии с духом Декларации действий 2002 г.¹³.

Очевидное нежелание Пекина предпринять реальные шаги для ускорения принятия Кодекса поведения, видимо, можно объяснить опасениями, что Кодекс будет использован странами АСЕАН для оказания коллективного давления на Китай и ограничения его деятельности в регионе. Для этого могут быть использованы, в частности, некоторые положения статьи 13 «Добросовестное исполнение» нынешнего проекта Кодекса. В ней указывается, что «в период действия Кодекса стороны не могут выдвигать новые претензии либо расширять уже существующие требования, сооружать новые конструкции либо расширять существующие, занимать новые острова, воды либо другие объекты»¹⁴.

Положениям этой статьи противоречат, в частности, недавние действия КНР по созданию, по сути, военной базы на острове Юнсиндао архипелага Спратли (Наньша), вызвавшие протесты со стороны не только ряда стран бассейна ЮКМ, претендующих на эти острова, но и со стороны США. В конце ноября правительство КНР приняло решение о том, что с нового года полиция китайской южной провинции Хайнань будет осуществлять досмотр иностранных судов, заходящих без соответствующего разрешения в районы Южно-Китайского моря, которые КНР относит к своим территориальным¹⁵.

Очевидно, что проводимая КНР в последнее время политика в ЮКМ привела к обострению

отношений со странами региона и подтолкнула некоторые из них, в частности Филиппины и Вьетнам, на активизацию оборонного сотрудничества с США. Аналогичные тенденции наблюдаются и в развитии ситуации с территориальным спором КНР с Японией по поводу островов Сенкаку (Дяоюйдао).

Китайское руководство, видимо, начало осознавать, что обострение территориальных споров с соседями повышает риск для Китая оказаться в изоляции или столкнуться с объединенным фронтом стран, имеющих территориальные споры с КНР, которые получают поддержку со стороны США. Есть косвенные свидетельства наличия у руководства КНР озабоченности по поводу ухудшения отношений с соседями из-за территориальных споров. В частных беседах некоторые китайские эксперты откровенно признают, что руководство КНР, понимая негативные последствия для Китая обострения из-за территориальных споров, ищет пути выхода из сложившейся тупиковой ситуации. Они также утверждают, что обострение территориальных споров в зоне ЮКМ также провоцирует развитие ситуации в направлении, противоречащем коренным интересам Китая. Однако приведет ли обеспокоенность руководства КНР текущим состоянием дел в отношениях со странами, с которыми Пекин имеет территориальные споры, к корректировке внешнеполитического курса на этом направлении в целях смягчения противоречий с соседями, сказать пока сложно, так как в противоположном направлении действует набирающее силу общественное мнение.

Широко утвердилось мнение, что ЮКМ – это уже не только и не столько источник довольно ценного природного удобрения (птичье гуано) и рыбных ресурсов. Перспективы района связывают с крупными газовыми и нефтяными залежами. В миллиардах кубических метров и в миллионах тонн они оцениваются прикидочно, но цифры, как правило, выкладываются соблазнительные. С расширением горизонта утилитарного внимания в ЮКМ к энергетическим возможностям этого пространства владение островами, независимо от их размеров и пригодности к обитанию, обретает вдобавок к стратегической важности еще и коммерческую значимость. Острова играют роль определяющих критериев при дележе этого пространства прилегающими к ЮКМ и расположенными там государствами. А почти все они, не дожидаясь окончательного урегулирования споров, активно приступили к разведке и разработке морских недр в ЮКМ с привлечением внерегиональных игроков, включая Россию.

Южная оконечность островов Спратли, являющихся предметом перекрестного многостороннего спора, отстоит почти на тысячу километров к югу от побережья КНР, которая, в отличие от юго-восточных стран, претендует на всю группу островов (наряду с Тайванем). Китай уже занимает все Парасельские острова, с чем решительно не согласен Вьетнам, считающий их полностью своими. Иными словами, реализация китайского подхода подразумевает получение Китаем единоличного

права контроля в отношении почти всей акватории ЮКМ и морского дна, то есть узаконивания того, что обозначается Китаем на «древних» и современных картах в одностороннем порядке.

Такой подход вряд ли найдет поддержку у мирового сообщества. Через ЮКМ осуществляется интенсивное международное судоходство, проходят морские коммуникации, жизненно важные для большого числа стран, расположенных на разных континентах. Происходящее в последние годы смещение динамики мировой экономической активности в азиатско-тихоокеанскую зону добавляет «цену» неукоснительности обеспечения свободы навигации и в через ЮКМ. Это – самостоятельный фактор в проблематике ЮКМ, и его нельзя не принимать в расчет, да и никто не даст его проигнорировать. Он становится еще одним мотивом и оправданием для стимулирования военных приготовлений в районе ЮКМ. Они находят свое выражение не только в заметном переключении сил и средств прибрежных стран ЮВА на военные нужды, в их опоре на внерегиональные государства, но и в наращивании последними своего военного присутствия и активности в Восточной Азии и в зоне ЮКМ в различных формах. Военные приготовления Китая, которые осуществляются с учетом характера действий всей совокупности игроков, со стороны интерпретируются не просто в плане тлеющих территориальных споров, но все заметнее с акцентом на угрозу свободе навигации в ЮКМ.

Складывается своего рода замкнутый круг гонки вооружений и накопления дестабилизирующих элементов, который внешне выглядит как противостояние озабоченности мирового сообщества состоянием и перспективами свободы мореплавания в ЮКМ и гипотетических посягательств на нее со стороны Китая. С приходом в 2008 г. к власти в США демократов Вашингтон практически сразу определил в качестве приоритетной задачу восстановления, а на деле – упрочения своего военно-политического лидерства и конкурентных позиций в Тихоокеанском бассейне. Словно по заранее тщательно проработанным и сцепленным воедино «домашним заготовкам» пошло быстрое оживление и упорядочение традиционных союзнических связей, реанимация и модернизация прежних, а также установление новых партнерских отношений, выстраивание на этой основе новых политических и экономических конфигураций. В том числе системы ПРО, создание которой ведется темпами, не уступающими европейской.

Географически американская активизация практически совпадает с восточноазиатской дугой конфликтогенности. Это очень заметно, но не озадачивает. Ведь политика США на Тихом океане, да и в АТР в целом, во всех своих проявлениях ориентирована прежде всего на обеспечение себе положения доминантной фигуры в условиях обостряющегося состязания с Китаем по мере его превращения в самобытный полюс в мировом раскладе сил. Если отношения между Китаем и США можно описать как диалектически подвижное сосуществование двух величин, то ЮКМ, вновь

■ Международные отношения

оказавшись в последние годы в фокусе внимания Вашингтона, становится местом непосредственного соприкосновения двух стран в их военно-морской компоненте.

Многокомпонентный характер проблематики ЮКМ не располагает к тому, чтобы кто-то один или сообща сумел предложить универсальный ключ, который обеспечил бы одномоментное комплексное решение. Это представляется далеким от реальности как с точки зрения ожиданий, так и в плане вектора усилий. В проблематике ЮКМ можно констатировать наличие двух крупных, неодинаковых по смыслу, но не изолированных друг от друга сегментов. Во-первых, клубок территориальных споров насчет островов и вытекающая отсюда тема установления морских и донных границ, сама по себе несущая заряд серьезных разногласий. Во-вторых, обоснованная забота международного сообщества о том, чтобы в этом районе конфликтная ситуация удерживалась в контролируемом состоянии и не сказывалась на свободе морских коммуникаций. Применительно ко второму сегменту можно говорить о широком схождении интересов (но вовсе не обязательно о совпадении мотивов) большого числа государств, в том числе внерегиональных, включая Россию. То есть о наличии объективной предпосылки рассматривать вопрос в интернациональной проекции со свойственным такому подходу инструментарием. В общей форме он уже довольно давно обсуждается на ежегодных министерских заседаниях Асеановского регионального форума по безопасности (АРФ), с недавних пор – на Восточноазиатских самитах (ВАС), в обоих случаях с участием России. Этот вопрос неизменно затрагивается на встречах АСЕАН с диалоговыми партнерами, которые регулярно проводятся в различных форматах. Позиции всех участников достаточно известны, как и тональность, в которой они представляются. Эти позиции воспроизводятся каждый раз примерно схожим образом с той или иной долей фразеологической нюансировки. Поэтому потребности в еще одном специальном механизме по ЮКМ не просматривается.

Что касается первого сегмента, то там налицо противостояние претензий по специфической теме субъективного порядка – территориально-разграничительной. Теме, которая в ЮКМ не имеет внешних источников происхождения, а потому должна быть отнесена к предмету урегулирования прежде всего между самими спорщиками. Именно в недопущении того, чтобы они действовали силовым образом в отношении друг друга, а не во взаимодействии в переговорный процесс видится роль международного сообщества.

Следует подчеркнуть, что в ЮКМ речь идет не об урегулировании пограничных вопросов. В таких случаях путем сложных переговоров стороны сопоставляют взгляды относительно соответствия прохождения линии существующей и в целом международно-признанной границы, установленной ранее на основе сохраняющих силу правовых актов. Принадлежность того или иного

района определяется не заранее, а в зависимости от местоположения границы на местности. При территориальном споре все наоборот. Конкретное разграничение играет подчиненную роль. Стороны сперва делят территории, бывает, что крупными кусками, а затем прокладывают заново границу. При этом они могут принимать во внимание разнообразные моменты, в том числе исторического порядка. Но все же конечная формула, как правило, диктуется политической волей участников, несет на себе печать «весовой категории» и замыслов каждого из них.

Решать вопрос о принадлежности земель, будь то на суше или на море, можно тремя основными способами. Первый – когда, обычно по итогам войны, группа государств-победителей договаривается о территориальном устройстве мира (или его значительных частей), включая конкретные предписания относительно будущих пределов юрисдикции проигравших стран. Второй способ – когда группа государств фиксирует отказ от взаимных территориальных претензий или берет на себя обязательство уважать и соблюдать неприкосновенность границ, существующих на момент договоренности. Третий – когда заинтересованные стороны договариваются между собой. Это можно делать непосредственно или с привлечением посредников по выбору участников в лице третьего государства, какой-либо международной организации или Международного суда в Гааге. В таком случае добраться до решения и принять его невозможно, если постоянно оборачиваться назад, оглядываться на древность, а не развернуться лицом в будущее и самим его формировать.

Выше уже отмечалось, что спорящие не апеллируют к строгим юридическим документам, способным убедительно подтвердить их претензии. Поэтому поиск решений территориальных споров в ЮКМ может идти преимущественно на политическом поле, быть вариативным по составу участников и поэтапным во времени реализации, а конечный результат – зависеть от соображений дальнейшей стратегии. Иными словами, было бы опрометчивым рассчитывать на то, что все удастся урегулировать комплексно, одномоментно, «большим пакетом».

Вариант, при котором все спорщики заявят об отказе от своих претензий и выразят готовность к переговорам с «чистого листа», представляется абсолютно нереалистичным. Для Китая это было бы равносильно геополитическому отступлению, созданию прецедента перелицовки собственной версии истории, чреватого потрясением устоев внешней политики страны на всех азимутах. При таких исходных позициях оказываются «подвешенными в воздухе» ссылки Китая на применение положений Конвенции ООН по морскому праву, ибо она исходит из наличия международно-признанных государственных пределов, включая вопрос о том, что можно считать историческими водами. К конвенции апеллируют и страны ЮВА, споря не только с Китаем, но и между собой. При этом они пытаются «растягивать» положения конвен-

ции применительно к своим интересам, стараясь инкорпорировать спорные островные районы в состав собственных провинций.

Своеобразная двусторонность с Китаем могла бы сложиться при условии, если спорящие страны, входящие в АСЕАН, согласились бы зафиксировать нынешний статус-кво по островам Спратли между собой под эгидой ассоциации. Такой образ действий отвечал бы генеральной линии развития АСЕАН, ставящей перед собой амбициозную и далеко идущую задачу создания к 2015 г. интеграционного сообщества – экономического, социально-культурного, политики и безопасности. АСЕАН также исходит из того, что, продвигаясь по этому пути, а в 2015 г., видимо, можно будет говорить только о закладке основ такого сообщества, ассоциация будет закреплять за собой положение центрообразующей организации Тихоокеанского бассейна, а именно так она себя позиционирует сейчас.

Движение в этом направлении отнюдь не означает подмены или отказа от выработки такого документа, который бы кодифицировал нормы поведения в ЮКМ. То есть развивал и дополнял положения Декларации, принятой в 2002 г. АСЕАН и Китаем, только делал бы это в более строгой договорной форме. Соответствующая задача неизменно стоит в повестке дня асеано-китайских отношений уже в течение ряда лет, не вызывая возражений ни у одной из сторон. Ее позитивное решение позволило бы разрядить общую обстановку в ЮКМ и создать более здоровую атмосферу вокруг территориальных споров, работало бы на обеспечение свободы судоходства. Потому, можно уверенно сказать, в появлении такого документа есть живая заинтересованность международного сообщества.

Понятно, что подготовка обязывающего кодекса – дело ответственное и сложное, будь то с точки зрения концептуальных замыслов или в плане содержательного наполнения. Декларация 2002 г. представляется весьма удачной первоосновой. Она содержит в себе достаточные предпосылки и солидные правовые заделы для того, чтобы стать каркасом намеченного документа. Думается, определенную пользу его составителям могло бы принести обращение к опыту других стран, например, в том, что касается необходимости конкретизировать понятие «меры доверия». В общем виде о них упоминается в Декларации. Между тем это положение заслуживает специального внимания, учитывая тревожные симптомы ситуации в ЮКМ.

Существуют прецеденты подобного рода документов с участием Китая. Они были выработаны и подписаны применительно к районам сухопутных границ между Китаем и Россией, Казахстаном, Киргизией, Таджикистаном, Индией. Примечательно, что соответствующие соглашения заключались тогда, когда еще не были до конца и полностью решены вопросы о границе. То есть два переговорных процесса вполне могут идти параллельно, дополняя, а временами подталкивая и стимулируя друг друга. На первый взгляд речь в этих документах идет о

военной сфере, самой по себе очень чувствительной. Но, по сути, они затрагивают глубинные политические аспекты взаимоотношений, коренные национальные интересы государств-участников. Поэтому базовые элементы сформулированных в них мер доверия могут рассматриваться в гораздо более широком контексте как географически, так и субстантивно.

Разумеется, речь здесь ведется не об автоматическом переносе или о прямом заимствовании всего того, чем наполнены эти соглашения, но они могли бы стать полезным подспорьем для разработчиков Кодекса поведения в ЮКМ.

Территориальные споры в ЮКМ и Россия

Россия, будучи по своему географическому положению евро-тихоокеанской державой, реально заинтересована в том, чтобы существующие в зоне Тихого океана трения, включая территориальные споры в ЮКМ, не принимали конфронтационный облик, тем более не перерастали в силовые акции. Отдаленность России в морских милях от района ЮКМ не может и не должна восприниматься как отстраненность России от того, что в нем происходит и куда могут там пойти события.

У России – ровные, нормальные, партнерские связи и контакты со всеми странами, расположенными в Восточной Азии, уважительное отношение к АСЕАН как к утвердившейся организации с большими перспективами. Всестороннее доверительное стратегическое партнерство с Китаем – важнейший приоритет российской внешней политики в целом и в АТР в частности. У нее существует понимание характера взаимодействия США с их традиционными контрагентами в регионе, своя оценка политики Вашингтона, нацеленной на то, чтобы закрепить и усилить свое присутствие в Восточной Азии, особенно вблизи морского оборонительного периметра Китая.

Вместе со всем международным сообществом Россия хочет, чтобы в ЮКМ не возникало обострений, подрывающих мирную обстановку в регионе и угрожающих свободе мореплавания. Так сложилось, что решение территориальных споров в ЮКМ находится в связи с режимом навигации, то есть переплетение проблем, которые принято решать в двустороннем суверенном порядке, как бы окатывается в одной плоскости с многосторонними озабоченностями. Но это не означает их смешивания в один искусственный продукт, который только способен становиться все более запутанным и взрывоопасным.

Выстраивать рамочный контур российской позиции по ЮКМ следует исходя из всех параметрических особенностей развития обстановки. Безусловно, она должна обладать внутренней подвижностью, быть адекватной обстоятельствам, более того, быть способной влиять на них, в том числе путем дружественных рекомендаций на основе собственного опыта и наработок в деле культивирования атмосферы доверия и взаимопонимания между странами.

■ Международные отношения

Vorobyev V.Y., Ivanov A.V. The Line of Beijing in Settlement of Problems in the Basin of the South China Sea.

Summary: The article is devoted to the politics of China in resolving the problems in the basin of the South China Sea. Not that long ago, the conflict in the region was understood as a clash between China and several countries in South-East Asia, the members of ASEAN (Philippines, Vietnam, Malaysia, Brunei, Indonesia in part), upon the right to own more than one group of uninhabited islands, reefs and shoals scattered throughout the South China Sea, and the limits of their exclusive economic zones and continental shelf. Now, however, opponents of China in the dispute over the islands, who had previously been negotiating with Beijing on a bilateral basis, have taken the first step towards the internationalization of the debate. Meanwhile, China continues to maintain a clear negotiating tactic with its opponents in the dispute over the islands on a strictly

bilateral basis, trying to bring its position to all ASEAN members involved in the dispute through each individual partner. Beijing's apparent unwillingness to take real steps to speed up the adoption of the Code of Conduct can probably be explained by the fear that the Code will be used by ASEAN countries to provide collective pressure on China and limit its activities in the region. The policy which was carried out in the South China Sea by China recently has led to strained relations with the countries of the region and prompted some of them, in particular, the Philippines and Vietnam to intensify defense cooperation with the United States. Being connected both to Europe and the Pacific Ocean by its geographical position, Russia would prefer the territorial disputes in the South China Sea not to grow into a confrontation, especially not to be developed into military actions. The fact that in terms of nautical miles Russia is fairly removed from the South China Sea does not mean it is detached from the situation in the region and its possible outcomes.

Ключевые слова

Южно-Китайское море (ЮКМ), КНР, территориальные споры, интернационализация дискуссии, Кодекс поведения в ЮКМ, оборонное сотрудничество, США.

Keywords

South China Sea, China, territorial disputes, the internationalization of the debate, the Code of Conduct in the South China Sea, defense cooperation, the United States.

Примечания

1. 2002 DECLARATION ON THE CONDUCT OF PARTIES IN THE SOUTH CHINA SEA, Adopted by the Foreign Ministers of ASEAN and the People's Republic of China at the 8th ASEAN Summit in Phnom Penh, Cambodia on 4 November 2002, [<http://www.aseansec.org/13163.htm>]
2. АСЕАН и проблемы Южно-Китайского моря. <http://vnsea.net/tabid/136/ArticleID/708/language/vi-VN/Default.aspx?returnUrl=/tabid/136/FilterTypeID/False/FilterDate/2012-10-21/currentpage/4/language/vi-VN/Default.aspx>
3. Канаев Е. Южно-Китайское море – пороховая бочка Азии? РСМД 01.11.2012 http://russiancouncil.ru/blogs/riacexperts/?id_4=211
4. Региональный кодекс поведения в ЮКМ. <http://vnsea.net/tabid/135/ArticleID/552/language/vi-VN/Default.aspx>
5. Южно-Китайское море – это не парк развлечений без правил, сайт «Жэньминь жибао», <http://russian.people.com.cn/95181/7798430.html>
6. Шесть принципов АСЕАН соответствуют политике КНР по урегулированию проблемы Южно-Китайского моря. Сайт «Жэньминь жибао», <http://russian.people.com.cn/31520/7883420.html>
7. Там же.
8. Официальный представитель МИД КНР Цинь Ган высказал твердую позицию Китая по поводу опубликования Госдепартаментом США т.н. заявления по проблеме Южно-Китайского моря 04.08.2012, сайт посольства КНР, <http://ru.chineseembassy.org/rus/fyrth/t958452.htm>
9. Ху Цзиньтао: позиция Китая по Южно-Китайскому морю является неизменной и четкой, сайт «Жэньминь жибао», <http://russian.people.com.cn/31521/7585391.html#>
10. Позиция Китая по вопросам Южно-Китайского моря является неизменной и ясной – Ян Цзечи, http://russian.china.org.cn/news/txt/2012-09/05/content_26439038.htm
11. Вэнь Цзябао о региональной ситуации и позиции Китая по вопросу Южно-Китайского моря. <http://www.cntv.ru/2012/11/21/ARTI1353463431953498.shtml>
12. Who are the real troublemakers in the South China Sea? Dr. Wu Shicun, 2012-11-9, Globaltimes.cn http://www.nanhai.org.cn/en/cg_detail.asp?newsid=4168&lm=cg
13. Там же.
14. Региональный Кодекс поведения в ЮКМ. <http://vnsea.net/tabid/135/ArticleID/552/language/vi-VN/Default.aspx>
15. Китай с нового года будет досматривать иностранные суда в Южно-Китайском море, Голос России, 29.11.2012 http://rus.ru/2012_11_29/Kitaj-s-novogo-goda-budet-dosmatrivat-inostrannie-suda-v-JUzhno-Kitajskom-more/

Позиция России в вопросе о мирном договоре по Корее

В.И. Денисов

Автор рассматривает одну из сложнейших проблем Северо-Восточной Азии – проблему мирного урегулирования на Корейском полуострове и позицию России, возможность заключения мирного договора взамен Соглашения о перемирии. Автор подчеркивает важность политического разрешения ядерного кризиса на полуострове на базе договоренностей, достигнутых в рамках шестисторонних переговоров. Это может создать предпосылки для заключения мирного договора и формирования механизма мира в США.

Прошло 60 лет со дня окончания корейской войны (1950–1953 гг.), однако до сих пор на Корейском полуострове нет мирного договора. Участники конфликта 27 июля 1953 г. подписали Соглашение о перемирии, которое до сих пор остается временным юридическим документом. Формально на протяжении шести десятилетий Северная и Южная Корея находятся в состоянии войны. Ситуация на полуострове не раз осложнялась настолько, что Север и Юг стояли на пороге нового военного конфликта. Инциденты 2010 г. (потопление южнокорейского корвета «Чхонан», обстрел северокарейцами острова Енпхендо) едва не привели к новой корейской войне. Усилиями России и Китая удалось избежать наихудшего варианта развития событий.

Ситуация ни войны, ни мира усугубляется нерешенностью ракетно-ядерной проблемы КНДР, продолжающимися в Северной Корее ядерными испытаниями, игнорированием Пхеньяном резолюций СБ ООН, запретившими ему заниматься запусками баллистических ракет и осуществлением военных ядерных программ. Действия Северной Кореи провоцируют Сеул к ответным мерам военного характера. Практически ежемесячно на Юге проводятся крупные

военные маневры, в том числе с участием американских войск. Южная Корея приняла и начала осуществлять масштабные милитаристские программы.

В стране все настойчивее раздаются голоса в пользу создания собственного ядерного оружия, возвращения на Юг вывезенного оттуда в 1991 г. американского ядерного арсенала. Третье испытание ядерного устройства, произведенное северокарейцами 12 февраля 2013 г., резко обострило обстановку на полуострове.

На протяжении многих десятилетий Пхеньян выступает за то, чтобы заменить Соглашение о перемирии мирным договором и подписать его с Соединенными Штатами Америки как одним из главных участников военного конфликта с южнокорейской стороны. При этом у Северной Кореи есть формальный предлог для заключения мирного договора именно с США, которые от имени командования войск ООН поставили свою подпись под Соглашением о перемирии. Южная Корея в лице ее президента Ли Сын Мана категорически отказалась это сделать, настаивая на продолжении военного конфликта до победного конца.

Наиболее активно и последовательно КНДР проводила свой курс на подписание мирного

■ Международные отношения

договора с США в 1980-х гг. В январе 1984 г. северокорейское руководство предложило провести трехсторонние переговоры с участием КНДР, США и Южной Кореи в целях заключения мирного договора между Пхеньяном и Вашингтоном, который в обязательном порядке предусматривал бы вывод американских войск с Юга полуострова. В случае положительного для КНДР разрешения данного вопроса северные корейцы предлагали Сеулу принять декларацию о ненападении и осуществить ряд практических мер по снижению напряженности между корейскими сторонами (взаимное сокращение вооруженных сил и вооружений, неприменение силы в отношении друг друга, непроведение крупных военных маневров и т.д.). Естественно, ни Вашингтон, ни Сеул не могли согласиться с северокорейской инициативой и отвергли ее. Тем не менее КНДР продолжала активно навязывать США идею трехсторонних переговоров. Пхеньян был даже готов к обсуждению американского предложения о мерах доверия на Корейском полуострове в обмен на согласие Вашингтона на трехсторонний формат переговоров. Но США и Южная Корея отклонили и это северокорейское предложение.

В конце 1980-х гг. Пхеньян начал активно реализовывать свою ядерную программу, в том числе ее военную составляющую. Поводом для этого послужили как отказ США от диалога с КНДР, так и возросшее недоверие северокорейцев к политике СССР и Китая на полуострове. Москва в то время рассматривала вопрос о целесообразности военно-политического союза с КНДР. В советских политических кругах серьезно обсуждалась идея денонсации советско-северокорейского договора 1961 г., предусматривавшего, как известно, автоматическое вовлечение СССР в случае военного конфликта на полуострове. Серьезную озабоченность в Пхеньяне вызвали резкие высказывания в 1992 г. российского президента относительно союзного договора с КНДР («договор подлежит или аннулированию, или очень серьезной корректировке»).

В 1991 г. на межкорейском уровне были достигнуты важные договоренности, подписаны два документа — Соглашение о примирении, ненападении, сотрудничестве и обменах между Севером и Югом, а также Декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова. В соглашении содержится пункт о намерении корейских сторон превратить «состояние перемирия в мирное» и продолжать соблюдение Соглашения о перемирии до тех пор, пока не будет подписан мирный договор. Однако эти межкорейские договоренности сразу же стали сопровождаться практическими шагами Пхеньяна по демонтажу структур, созданных в соответствии с Соглашением о перемирии в Корее.

Северная Корея категорически воспротивилась назначению южнокорейского генерала (вместо американского) главным делегатом командования войск ООН в Военной комиссии по перемирию (ВКП) и отказалась от участия в рабо-

те этой комиссии. Следующим шагом стал выход под давлением Пхеньяна китайских представителей из состава ВКП, а после распада Чехословакии представитель Чехии был лишен права стать членом Комиссии нейтральных государств (КНГ) за соблюдением перемирия в Корее¹. Делегация Польши в КНГ была выслана из КНДР по требованию Пхеньяна. Таким образом, северокорейцы в одностороннем порядке ликвидировали две важные структуры по поддержанию перемирия на полуострове, однако сделали заявление о том, что продолжают выполнение обязательств по Соглашению о перемирии до заключения мирного договора. В 1994 г. КНДР объявила о создании Представительства Корейской народной армии в Пханмунчжоме, возложив на него функции по поддержанию контактов с представителями американских вооруженных сил, расследованию инцидентов и т.п.

Односторонние действия КНДР по демонстражу системы перемирия в Корее были подвергнуты осуждению со стороны США, Южной Кореи, других государств. Представители Польши, Швеции и Швейцарии, как члены Комиссии нейтральных государств за соблюдением перемирия, потребовали неукоснительного выполнения Соглашения о перемирии 1953 г. и напомнили, что любые изменения или дополнения к данному документу должны быть взаимно согласованы, как это предусмотрено в статье 5 Соглашения о перемирии.

В 1996 г. США и Южная Корея выступили с инициативой проведения четырехсторонних переговоров (США, РК, КНР, КНДР) с целью замены Соглашения о перемирии новым мирным механизмом. Пхеньян согласился с американо-южнокорейским предложением, имея в виду завязать диалог с Вашингтоном, с тем чтобы выйти на заключение мирного договора с США и добиться вывода (или существенного сокращения) американских войск, расквартированных на юге полуострова. Такой северокорейский сценарий четырехсторонних переговоров не устраивал Вашингтон и Сеул. Переговоры вскоре были прерваны.

Вопрос о замене Соглашения о перемирии мирным договором был отодвинут на задний план разразившимся в начале 1990-х гг. на Корейском полуострове ядерным кризисом. Северная Корея вышла из Договора о нераспространении ядерного оружия (ДНЯО), прекратилась реализация Рамочного соглашения, подписанного КНДР и США в 1994 г. и предусматривавшего политическое урегулирование северокорейской ядерной проблемы. Пхеньян возобновил осуществление военной ядерной программы.

В результате усилий заинтересованных государств в 2003 г. удалось создать шестисторонний переговорный механизм с участием РФ, КНР, США, Японии, КНДР и РК по урегулированию ядерной проблемы Корейского полуострова (ЯПКП). На шестисторонних переговорах в 2005 г. было принято Совместное заявление, в

котором зафиксированы обязательства сторон по решению ядерного кризиса, а также намерения «шестерки» создать специальный форум с целью создания постоянного механизма по обеспечению мира на Корейском полуострове, во всей Северо-Восточной Азии. Для разработки принципов функционирования такого механизма в рамках шестисторонних переговоров была сформирована рабочая группа во главе с российским представителем и разработаны «Руководящие принципы мира и безопасности в Северо-Восточной Азии».

Вопрос о мирном договоре по Корее стал предметом обсуждения на межкорейском саммите в Пхеньяне в октябре 2007 г. В совместной декларации, принятой по итогам встречи лидеров КНДР и РК, Север и Юг договорились «создать режим прочного мира на Корейском полуострове», заключив взамен Соглашения о перемирии мирный договор. Корейские руководители предложили также провести «трех- или четырехсторонние переговоры с участием глав непосредственно заинтересованных стран». Северная Корея отошла от прежней жесткой позиции не допускать Сеул к переговорам о мирном договоре и добиваться его подписания только с США. В декларации особо выделяется тезис о том, что ведущую роль в переговорах о мирном договоре должны играть корейские государства. Кстати говоря, идея созыва форума и привлечение Сеула к обсуждению вопроса о замене Соглашения о перемирии новым мирным механизмом принадлежала северокорейскому лидеру Ким Чен Иру, который, как отмечают эксперты, был весьма удовлетворен уступками, сделанными южнокорейской стороной в ходе второго Пхеньянского саммита (обещание крупной экономической и продовольственной помощи, льготных кредитов и т.д.) и со своей стороны дал добро на участие Южной Кореи в переговорах по мирному договору.

Что касается трех- четырехстороннего формата переговоров по мирному договору в Корее, то здесь северные корейцы имели прежде всего в виду диалог в рамках КНДР–РК–США или КНДР–РК–Китай–США. Китайцы сразу же после объявления идеи о мирном договоре дали понять, что намерены активно участвовать в переговорах по данному вопросу. Обе Кореи, как видно, исключили Россию и Японию из числа возможных участников переговоров по созданию нового механизма мира на Корейском полуострове. Правда, американцы официально заявили, что будут добиваться участия Токио в предполагаемом форуме. Пхеньян, как показали дальнейшие события, в принципе был готов пожертвовать и Китаем, и Россией, если бы у него появилась реальная возможность договориться с Вашингтоном. Япония вообще не рассматривается северными корейцами в качестве участника переговорного процесса по мирному договору.

Прежний лидер КНДР Ким Чен Ир да и новое северокорейское руководство разочарованы корейской политикой России, ее позицией по ядерному вопросу, негативной реакцией РФ на испы-

тания ядерных устройств, проводимых вблизи границы с нашей страной. Особое раздражение в Пхеньяне вызывает участие России в санкционном режиме, введенном в отношении КНДР Советом Безопасности ООН. Северная Корея не рассматривает Россию надежным партнером в решении корейских проблем на собственных условиях.

События, происходящие на Корейском полуострове и вокруг него в последние годы со все большей очевидностью показывают необходимость внесения коррективов в нашу политику на этом направлении. Постоянные призывы к Пхеньяну со стороны России, других государств, международных организаций прекратить военные ядерные программы, испытания ядерного оружия, пуски баллистических ракет полностью игнорируются руководством КНДР. Северокорейское поведение в регионе представляет реальную угрозу национальной безопасности России. Надо признать, что официальная реакция Москвы на северокорейские ядерные испытания, проводимые в 180 км от российской границы, весьма слабая и скорее напоминает уговоры, чем жесткое предупреждение партнера о возможных серьезных последствиях. К большому сожалению, общественное мнение России, в особенности дальневосточных регионов, соседствующих с Северной Кореей, не проявляет должной озабоченности «ядерными играми» Пхеньяна вблизи наших границ. Думается, сейчас ситуация в регионе становится настолько опасной, что нам необходимо предпринять такие меры дипломатического и иного характера, которые обеспечили бы надежную безопасность России на Дальнем Востоке.

В январе 2013 г. МИД КНДР выступил с меморандумом, в котором изложен подход Пхеньяна к заключению мирного договора в Корее. Северные корейцы вновь настаивают на переговорах с США по данному вопросу. В период президентства Ли Мен Бака КНДР официально объявила об отказе от всех соглашений, деклараций и других документов, подписанных с Сеулом в период с 1972 по 2008 г. (а таковых наберется более десяти) в ходе различных межкорейских встреч, переговоров, включая саммиты. Вполне понятно, Пхеньян не намерен вести диалог с Южной Кореей о новом мирном механизме на Корейском полуострове.

В меморандуме МИД КНДР в очередной раз содержится призыв к США заключить взамен Соглашения о перемирии мирный договор и распустить командование войск ООН в Корее, созданное в соответствии с указанным соглашением. В последнее время в Пхеньяне стали проявлять все большую озабоченность вопросом ооновского командования, в связи с тем что США усиливают свое военно-политическое присутствие в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Северные корейцы выражают опасение, что США могут изменить статус командования войск в Корее и превратить его в командование многонациональных сил, что, по их мнению, означает создание азиатского ана-

■ Международные отношения

лога НАТО. Такую трансформацию этого органа Пхеньян считает весьма опасной для реализации своей политики на Корейском полуострове.

Южнокорейское правительство выступает категорически против заключения мирного договора между Пхеньяном и Вашингтоном. Такой договор неприемлем для Республики Корея, заявили в Сеуле. По словам южнокорейских властей, Северная Корея намерена использовать договор с США для вывода американских войск из Южной Кореи. Подписание договора возможно при условии ликвидации Северной Кореей своих ядерных программ, считают южные корейцы.

Приход к власти в РК новой администрации во главе с Пак Кын Хе, которая задолго до выдвижения ее кандидатом в президенты от правящей партии активно продвигала идею прекращения межкорейского противостояния и с этой целью в 2006 г. посетила Пхеньян, где встречалась с Ким Чен Иром, породил надежды на восстановление межкорейских отношений. В ходе беседы Пак Кын Хе и Ким Чен Ира подробно обсуждались межкорейские отношения. Руководитель КНДР положительно оценил роль отца Пак Кын Хе, президента Южной Кореи Пак Чжон Хи, его политику «октябрьского возрождения» которая, как известно, была весьма жестокой и принесла большие страдания южнокорейскому населению, требовавшему прекращения репрессий, предоставления демократических свобод. Предвыборная кампания Пак Кын Хе по вопросу межкорейских отношений была построена на тезисе о том, что Сеул готов к улучшению связей с Северной Кореей, если последняя откажется от ядерных амбиций и «сделает правильный выбор». Она также дала понять, что «любые провокации Пхеньяна встретят жесткий отпор со стороны Южной Кореи».

Межкорейские отношения ожидают серьезные трудности в связи с нерешенностью ядерной проблемы. Делать какие-либо прогнозы относительно перспектив отношений между Югом и Севером Кореи весьма затруднительно. Однако ясно одно, что без разрешения ядерного кризиса невозможен реальный прогресс в межкорейских отношениях, в том числе и в вопросе замены Соглашения о перемирии мирным договором.

Очередной резкий всплеск напряжения на Корейском полуострове последовал после принятия Советом Безопасности ООН новой резолюции 2094, которая вводит дополнительные санкции против КНДР в связи с ядерным испытанием, проведенным Пхеньяном 12 февраля 2013 г. Санкционный режим в отношении Северной Кореи ужесточается. Фактически применяется ст. 41 Устава ООН, а следующая ст. 42, как известно, предусматривает использование силовых средств к нарушителю решений СБ ООН.

Введение новых ограничительных мер против Пхеньяна совпало с проведением на юге полуострова крупномасштабных американо-южнокорейских маневров. Все это вызвало острую реакцию северокорейцев. Пхеньян объявил об

аннулировании Соглашения о перемирии 1953 г., прекращении деятельности представительства Корейской народной армии в Пханмунчжоме. Кроме того, КНДР прерывает телефонную связь между военными представителями двух сторон. Пхеньян заявил также о разрыве всех соглашений о ненападении, заключенных между Севером и Югом.

Со стороны Вашингтона последовали резкая риторика и практические шаги по наращиванию военного присутствия в районе Корейского полуострова. США направили туда новейшие боевые самолеты и военные корабли. Южнокорейские войска усилили подготовку к возможным боевым действиям. США и РК объявили о том, что ими разработан план превентивного удара по КНДР. Военные мероприятия были также проведены Японией.

Северокорейские власти со своей стороны объявили о возобновлении работ по модернизации ядерного реактора в Ненебне и запуску завода по обогащению урана. Пленум ЦК ТПК (март 2013 г.) и сессия Верховного народного собрания КНДР (апрель 2013 г.) утвердили новый политический курс на развитие экономики и одновременное строительство ядерных вооруженных сил. Высший орган власти КНДР принял постановление «О дальнейшем укреплении статуса страны, обладающей ядерным оружием в целях самообороны». Иными словами, КНДР закрепила свой внутренний юридический статус как ядерного государства.

Северная Корея резко усилила военную активность. На восток страны были переброшены баллистические ракеты «Мусудан» (дальность полета от 3 до 4 тысяч км), способные достигать территории Японии, американские военные базы на Гуаме и Гавайях. Эксперты, мировые СМИ много говорят и пишут о возможности новых пусков северокорейских баллистических ракет, подготовке очередного подземного ядерного испытания в КНДР. Все это, естественно, накаляет и без того сложную обстановку на Корейском полуострове. В отношении Южной Кореи Пхеньян ввел «режим военного времени». Прекращены работы в совместной промышленной зоне Кэсон. Северная Корея предложила дипломатическим представителям, аккредитованным в Пхеньяне, покинуть страну в связи с резким обострением обстановки. КНДР обратилась также к иностранным гражданам, находящимся в Южной Корее, с призывом покинуть РК, так как «в любой момент на полуострове может разразиться ядерная война». В этой сложной ситуации Россия и Китай проводят линию на дезэскалацию напряженности на полуострове, оздоровление обстановки, создание предпосылок для возобновления диалога по политическому разрешению кризиса.

Новое руководство КНДР пошло по уже не раз испытанному сценарию — довести ситуацию на полуострове до полушага от критической, а затем отступить и начать поиск приемлемой формулы урегулирования. Во всяком случае пред-

принятые в последнее время Пхеньяном меры в отношении режима перемирия в Корее становятся очень серьезным препятствием на пути создания нового мирного механизма на Корейском полуострове.

Выводы и предложения

Понятно, Соглашение о перемирии в Корее от 1953 г. устарело и необходим новый юридический документ – Мирный договор, который подвел бы черту под корейской войной 1950–1953 гг., обеспечил бы невозобновление конфликта и установление прочного мира на Корейском полуострове. Наиболее приемлемым механизмом для поиска развязки корейской проблемы, включая ее ядерный аспект и заключение мирного договора, остается шестисторонний формат переговоров. Приоритет здесь, естественно, за урегулированием ядерного кризиса. Сейчас, судя по всему, вопрос о полном отказе КНДР от ядерной программы не стоит. К сожалению, шансы на дипломатическое разрешение кризиса на основе Совместного заявления от 19 сентября 2005 г. небольшие. Шестисторонние переговоры (если они возобновятся) должны быть, на наш взгляд, сконцентрированы на завершении урегулирования вопроса с плутониевой программой КНДР.

Следующим этапом переговоров могло бы стать обсуждение ядерной проблемы Северной Кореи в контексте гарантий ее права на мирный атом. При этом, естественно, необходимо обеспечить возвращение Пхеньяна в ДНЯО и режим МАГАТЭ, его присоединение к Договору о всеобщем запрещении ядерных испытаний (ДВЗЯИ).

Важны также договоренности между КНДР и США, гарантирующие сохранение северокорейской государственности, невмешательство во внутренние дела КНДР.

Разрешение указанных проблем позволило бы приступить к переговорам в шестистороннем формате по созданию механизма мира в Северо-Восточной Азии, включая подписание мирного договора по Корее. В этой связи было бы целесообразно превратить рабочую группу, созданную в рамках «шестерки», в главную структуру по выработке взамен Соглашения о перемирии мирного договора по Корее и мирного механизма для всей Северо-Восточной Азии. В этой многотрудной работе важно обеспечить достойное место России, являющейся одной из наиболее заинтересованных сторон в мирном урегулировании обстановки на Корейском полуострове, обеспечении прочного мира и стабильности в СВА.

Denisov V.I. Position of Russia in a Question of the Peace Treaty across Korea.

Summary: The author focuses on one of the most complicated problems of North-East Asia, namely the issue of a peaceful resolution of the crisis on the Korean peninsula, the prospects of signing a peace treaty instead of the current ceasefire agreement as well as Russia's position. The author emphasizes the importance of the nuclear crisis to be resolved on the basis of agreements reached within six-party talks. This may create preconditions for concluding a peace treaty and establishing a peace mechanism for North East Asia.

Ключевые слова

КНДР, РК, Россия, Соглашение о перемирии, мирный договор, ядерная проблема Корейского полуострова, СВА, безопасность, ядерный кризис, шестисторонние переговоры.

Keywords

DPRK, Republic of Korea, Russia, ceasefire agreement, Korean peninsula nuclear issue, North-East Asia, nuclear crisis, six-party talks.

Примечания

1. В состав КНГ первоначально входили представители Польши, Чехословакии, Швеции и Швейцарии. Формально комиссия продолжает функционировать в усеченном составе, но не признается северокорейскими властями.

Роль вооруженных сил в политической системе Египта

И.А. Чайко

В статье представлен анализ статуса армии как наиболее значимого института политической системы Египта, показана степень его трансформации вследствие революционных событий «арабской весны», коснувшихся и Египта. В работе даны некоторые прогнозы относительно роли египетских военных в будущем. При этом автор не оценивает статус армии в новых политических условиях как стабильный и окончательный.

Исторически сложилось, что в Египте, как и в большинстве арабских стран, армия и военные занимают особое место в обществе. После получения независимости армия в Египте стала отдельным органом государственного управления и играла с тех пор во многом определяющую роль в политической и общественной жизни страны. Для пришедших к власти после длительной освободительной борьбы националистов и их правительств армия постепенно стала гарантом их легитимности и приобрела функции защитника внутренней безопасности государства.

После прихода к власти в Египте в результате военного переворота в середине XX столетия основоположников нового политического режима – группы «Свободные офицеры» во главе с Г. Насером – роль военных претерпела некоторые изменения. Первоначально военные стремились к захвату власти, период с 50-х по 70-е гг. XX в. был отмечен чередой военных переворотов. Постепенно стремление армии к захвату власти снизилось благодаря действиям гражданских властей, нацеленных на усмирение армейских властных амбиций. Армия превратилась из врага и соперника в союзника. Важной задачей гражданских правительств, ключевые фигуры которых всегда были

выходцами их армейской среды, стало постоянное поддержание определенного баланса военно-гражданских отношений.

Военные превратились в реальную политическую силу, армия оказывается вовлеченной во все сферы общественной жизни. Налаживание сотрудничества с вездесущей армией было способом выживания и удержания власти для всех правительств в Египте. Одновременно власти целого ряда арабских стран, где развивались подобные египетскому процессы, пытались снизить влияние военных на внутреннюю и внешнюю политику своих государств. В Египте, а также в Ираке, Ливии, Тунисе и ряде других законодательно устанавливается правовой статус вооруженных сил. Так, военнослужащим в Египте запрещалось заниматься политической деятельностью и принимать участие в любых политических партиях и организациях. Конституция 1971 г. (ст. 180) установила норму, в соответствии с которой только государство могло осуществлять строительство вооруженных сил, которые принадлежат народу¹.

Для достижения контроля над армией, ограничения ее влияния на принятие политических решений, особенно в условиях экономического кризиса и периодической потери поддержки боль-

Чайко Ирина Александровна – к.ю.н., м.н.с. Центра ближневосточных исследований Института международных исследований МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

шинства в обществе, и в Египте, и в других странах Арабского Востока власти предпринимали ряд мер. Помимо самых обычных способов обеспечения поддержки режима, таких, как расширение базы социальной поддержки за пределами армии, поиск новых опорных элементов власти, повышение престижа других высокооплачиваемых профессий и т.д., особое значение имело манипулирование военными посредством «задабривания».

Кроме установления высоких окладов с целью формирования устойчивой материальной заинтересованности в сохранении режима, военным предоставлялись многочисленные льготы (медицина, жилье, транспортные субсидии и т. д.) и целый ряд привилегий, среди которых следует выделить экономические и правовые льготы в предпринимательской деятельности. Отмечается широкая вовлеченность египетских военных с конца 1970-х гг. в торгово-экономическую деятельность, что создавало возможности для получения прибыли. Известны некоторые случаи незаконного бизнеса египетских офицеров. Военные в начале 1990-х гг. преобладали в совместных с иностранным капиталом предприятиях оборонного профиля, сотрудничали с частным капиталом в других отраслях экономики. Армия владела крупной недвижимостью. Военные, таким образом, становились еще и мощнейшей экономической силой.

Колоссальные расходы на армию составляли до 1/3 бюджета. К косвенным формам удовлетворения корпоративных интересов военных можно отнести крупные затраты на современные системы вооружения. Отмечается, что зачастую закупки дорогостоящих вооружений осуществлялись «с учетом интересов отдельных представителей военной элиты и были призваны удовлетворить самолюбие лидеров»². Таким образом, с целью ограждения армии от активного участия в общественно-политических делах и установления властного контроля над ней египетские правительства разработали целую систему различных механизмов воздействия.

Важным элементом контроля над армией было стремление властей не допустить политической активности отдельных представителей армейской среды, проникновения в ряды военных оппозиционных элементов и формирования групп единомышленников. Для этого президенты А. Садат, а потом и Х. Мубарак очень тщательно контролировали армейский состав посредством перетасовки кадров высшего военного звена. Значительное внимание уделялось недопущению проникновения в армию исламистского влияния.

Взаимоотношения правящего режима в Египте с религиозными организациями, – это отдельная тема. Отметим, что изначально цель получения Египтом независимости после Второй мировой войны стала общей и для «братьев» и для военных, и поначалу Г. Насер запретил все политические объединения и партии, за исключением «братьев», учитывая их популярность. Однако после призыва «братьев» провести референдум по поводу построения исламского государства в Египте начинается решительная

борьба «Свободных офицеров» с исламистами, а после покушения на Г. Насера в 1954 г. организация «Братья-мусульмане» была запрещена, наиболее рьяные активисты подверглись репрессиям и были брошены в тюрьмы.

В дальнейшем, хотя и произошла «легкая реанимация» этой исламистской организации, попытки активного политического участия «братьев» всячески ограничивались. С начала 1980-х гг. «братьям» удалось добиться немногочисленного представительства в парламенте, однако, после того как в 2005 г. представители организации смогли создать оппозиционную группу, получив почти 20% мест, в 2010 г. власти сделали все, чтобы не допустить исламистов в парламент.

Действия властей по сохранению баланса военно-гражданских отношений, а также применяемая всесторонняя тактика сдерживания военных от захвата власти и ограничения их роли в общественно-политической жизни, безусловно, дали свои плоды. Армия в Египте на протяжении более полувека играла роль стабилизатора внутривнутриполитических отношений и являлась мощной опорой сложившегося непоколебимого авторитарного режима правления, будучи его защитницей от экстремистских организаций. Все руководители государства правили вплоть до своей смерти. Каждый из них приносил какие-то новшества, но никто не пытался бросить вызов армии. В условиях постоянных социально-экономических трудностей и усиливавшейся исламизации местного населения режим не выжил бы без союза с военными. Армия до последних событий «арабской весны» была единственной значительной (хотя и неформализованной) силой египетского политического спектра.

Тем временем с развитием мировых процессов глобализации и модернизации идеи демократии, в том числе демократизации армии и подчинения ее государству, находили своих приверженцев в арабском мире. Назрела необходимость коренных перемен в жизни общества, как в Египте, так и в других арабских странах, о чем свидетельствуют события «арабской весны». Как справедливо отметил Е.М. Примаков, «сосредоточившись на опасности экстремистского исламизма, мы недооценили влияния модернизации на продвинутое в социокультурном отношении мусульманские страны»³.

В результате начавшихся в январе 2011 г. волнений и непрекращающихся требований об отставке президент Египта Х. Мубарак вынужден был уйти со своего поста, передав управление государством и всю полноту власти Высшему совету Вооруженных сил (ВСВС) во главе с маршалом Хуссейном Тантауи. Военные получили непосредственно власть без какого-либо ее насильственного захвата, что, безусловно, стало дополнительным «бонусом» военным, занявшим изначально нейтральную позицию и не оказывавшим поддержку ни одной из сторон.

Военный совет в переходный период выступил в роли стабилизирующей силы. Взяв под контроль развитие событий и пойдя на уступки⁴, ВСВС заверил протестующих, что сохранение и удержание

■ Международные отношения

власти не является целью армии. Однако военные все же включились в активную политическую борьбу и предприняли ряд мер для обеспечения своей независимости от будущего гражданского правительства, благодаря чему становились все менее популярными.

Новой волной протестов обернулось представленное на обсуждение военными накануне парламентских выборов Соглашение о конституционных принципах, которые должны были стать базовыми для будущего Основного закона. Демонстрантов не устраивал ряд пунктов, касающихся роли армии. Военные, рассчитывая взять под контроль написание Конституции, предложили идущий вразрез с действующей временной Конституцией принцип формирования состава комиссии, которая должна будет разработать текст нового Основного закона. Вводился принцип назначения подавляющего большинства членов этой комиссии, в то время, как согласно временной Конституции, все 100 членов комиссии должны были быть избраны из состава нового парламента. Согласно документу, армия планировала стать гарантом соблюдения Конституции, светского характера государства и демократии, пыталась закрепить за собой исключительное право решения всех вопросов, связанных с обороной и военным бюджетом.

Протесты были направлены главным образом против закрепления за военными особых полномочий и статуса, как пережитка прошлой эпохи, другие пункты указанного соглашения не вызвали столь категоричной реакции общественности. Инициативу военных можно было трактовать как ответ на опасность исламизации Египта после прогнозируемого прихода к власти «Братьев-мусульман» и вероятного прохождения в парламент радикальных салафитов.

При этом и на либерально-демократическом, и на радикально-исламистском флангах высказывались опасения, что военные вообще не собираются передавать власть гражданским деятелям⁵. Не достигнув согласия с политическими партиями, военные вынуждены были отозвать документ и, дав новые обещания, продолжили маневрировать. Ведя, в частности, переговоры с популярными среди демонстрантов политиками (например, бывшим главой МАГАТЭ Мохаммадом Аль-Барадеи, бывшим генеральным секретарем ЛАГ Амром Мусой), ВСВС пытался найти «точки соприкосновения» с либералами, которые все же серьезно уступали по популярности основному конкуренту военных – «Братьям мусульманам».

Уход в отставку президента Х. Мубарака, правившего страной на протяжении 30 лет, сосредоточение власти в руках военных, результаты парламентских выборов, согласно которым большинство в парламенте получили представители от «Братьев мусульман», – все это послужило поводом для различных оценок ситуации и прогнозов на будущее, в том числе и относительно возможной трансформации роли военных в сложившихся новых политических условиях.

По логичным прогнозам большинства экспертов, изначально видевшим в качестве противовеса военным в борьбе за власть лишь исламистов, а точнее, умеренных представителей «Братьев-мусульман», наиболее вероятными рассматривались несколько сценариев развития революционных событий в Египте. Согласно «алжирскому» варианту, армия, отстраняя исламистов от власти, провоцирует гражданскую войну. Но даже если военные таким образом пришли бы к власти, удержать ее надолго армия вряд ли смогла бы – в Северной Африке сейчас исламисты у власти повсеместно, чего не было раньше.

Согласно «турецкому» сценарию, после прихода к власти исламистов правительство проводит ряд кадровых перестановок, а роль военных постепенно ограничивается и берется под контроль посредством периодических чисток. Путь исламской революции в Египте был бы самым нежелательным для военных. Эксперт Е.Я. Сатановский считает, что в рамках этого пути армия в ее устоявшемся виде должна была бы быть физически ликвидирована, и сделать это можно, лишь спровоцировав войну с Израилем на Синайском полуострове, и этого исламисты будут всячески добиваться⁶.

Военные стараются избежать такого развития событий. К слову сказать, не вполне ясно, что могут означать неизвестно кем (палестинскими боевиками, террористическими группировками внутри Египта, а возможно, и израильской службой «Моссад») спровоцированные теракты на египетско-израильской границе, произошедшие в период уже после избрания нового президента Египта. В настоящее время армия (пока не расширяя масштабов и интенсивности антитеррористической операции) продолжает контролировать этот беспокойный регион.

Учитывая, что в новом парламенте 40% получил Демократический альянс Египта, основная роль в котором принадлежит образованной «братьями» Партии свободы и справедливости, а 20% – Исламистскому альянсу, возглавляемому салафитской партией «ан-Нур» (а это значит, что ведущей силой нового правительства определено должны были стать исламисты), военным нужно было приложить немало усилий, чтобы сохранить контроль над ситуацией как можно дольше и в конечном счете стать ограничителем исламистского влияния.

Стало понятно, что в будущем исламистам и военным нужно будет найти компромисс вне зависимости, чей представитель возглавит государство. Очевидно, что армия на том этапе действовала по всем фронтам и вела переговоры и с либералами (Амр Мусса, например, пообещал в случае победы учредить Национальный совет по безопасности, который позволит армии сохранить свою политическую роль в стране⁷), и с «братьями». Все попытки договориться имели обоюдovýгодный характер, так как для любого нового президента Египта было бы опрометчивым шагом не опереться на армию, которая хотя и ослабла, но продолжала оставаться влиятельным центром силы в государстве.

Накануне уже второго тура президентских выборов египетские военные в попытках не упустить власть и «перестраховаться» на случай победы исламистского кандидата пошли на беспрецедентные меры и, по выражению некоторых экспертов, совершили «юридический» или даже «военный переворот». Вопреки обещаниям в стране вводилось чрезвычайное положение, Верховный суд Египта объявил проведенные выборы в парламент нелегитимными и распустил его. Также были внесены поправки в Конституционную декларацию, расширявшие полномочия армии. За Военным советом закреплялись функции законодательной власти, вплоть до избрания нового состава парламента. Кроме того, военные сохранили за собой единоличное право назначать и снимать с должностей армейских руководителей. Президент, согласно документу, не мог объявлять войну или использовать войска для поддержания безопасности внутри страны без разрешения ВСВС.

По результатам президентских выборов в Египте главой государства стал представитель «Братьев-мусульман» Мухаммад Мурси – это первый гражданский президент в Египте, не имеющий отношения к военной карьере. Военный совет, как и обещал, передал власть новому законно избранному президенту, который после своего вступления в должность принял ряд указов, политически ослабив военных. Мурси незамедлительно отменил действие вышеупомянутой Конституционной декларации, а также отправил в отставку министра обороны и главу ВСВС маршала Хусейна Тантауи и начальника генштаба генерала Сами Анана. Также в отставку были отправлены близкие к Мубараку и Тантауи главы сил ПВО, ВМС и ВВС Египта.

Новым министром обороны Египта стал тесно связанный с исламистами⁸ 57-летний генерал-лейтенант Саид ас-Сейси, который на 20 лет моложе своего предшественника. Ас-Сейси был также самым молодым членом ВСВС. По оценке наблюдателей, более молодое поколение египетских военных, полагающее, что надо предоставить возможность править страной выборным политическим фигурам, приветствовало этот шаг.

Многие наблюдатели отмечают совпадение по времени отставки ключевых фигур военного руководства с драматическими событиями на Синайском полуострове. В районе египетско-израильской границы активизировались экстремистские группировки и в начале августа 2012 г. боевики совершили нападение на пограничный пост, погибли 16 египетских пограничников. За несколько часов до громких отставок там были убиты еще трое военнослужащих⁹. Произошедшие атаки боевиков выглядели как интерпретация доказательства неспособности старых силовиков держать ситуацию под контролем, и послужили лишним поводом для перестановок. Таким образом, Мурси смог получить максимум политической выгоды, грамотно подобрав момент принятия столь многосторонне значимого и общественно популярного решения. Подобного шага следовало ожидать. Президент убрал наиболее раздражающие общество элемен-

ты старой гвардии, которые после переходного периода окончательно утратили свою популярность. Тантауи и Анан, очевидно, и сами прекрасно понимали, что институт их власти серьезно подорван и «перетасовка» неизбежна. Бывшие военные назначены советниками президента. Военные и некоторые другие кадровые перестановки Мурси (например, назначение на должность вице-президента политика из лагеря реформаторов и бывшего судьи Махмуда Мекки) нацелены на обеспечение консенсуса в обществе в постреволюционный период, а также являются частью собственной сложной политической игры.

Спокойное восприятие военными обновления армейской верхушки – результат предшествующих консультаций и наличия предварительных договоренностей между генералитетом и «братьями». Это подтвердил и новый заместитель министра обороны Египта Мухаммед аль-Ассар¹⁰. Армия сейчас как будто выбыла из политической игры, ее представители никак себя не проявляют и не комментируют действия исламистов, в том числе и наделение президента, согласно принятой в конце ноября 2012 г. очередного варианта Конституционной декларации, неограниченными полномочиями. По большей части, именно чрезвычайно широкие полномочия главы государства стали причиной нового этапа политического кризиса, продолжающегося по сей день. Пока в стране проходили акции протеста, а оппозиционеры пытались своими призывами заблокировать референдум по Конституции, который все же состоялся 15 декабря 2012 г., армия занималась своими прямыми обязанностями – вела антитеррористическую операцию на Синайском полуострове.

Согласно оглашенной 25 ноября 2012 г. Конституционной декларации, указы и распоряжения президента не подлежат оспариванию. Судебная власть лишилась права осуществлять контроль над деятельностью верхней палаты парламента и Конституционной комиссии по подготовке проекта нового Основного закона государства.

После встречи с госсекретарем США Х. Клинтон во время ее визита в Египет уже после избрания Мурси президентом, бывший глава ВСВС Тантауи заявил, что армия не допустит доминирования в стране одной политической группы. Затем последовало покорное восприятие маршалом и его коллегой Ананом своих отставок и уход военных в тень. Что это означает? Военные полностью отошли от политических перипетий, получив серьезные гарантии сохранения значительной части своих привилегий и статуса, или армия, желая получить больше, заняла выжидательную позицию наблюдателя до определенного момента? Представляется, что и первый, и второй варианты возможны в зависимости от того, как будет складываться ситуация, а также от способности новых властей договориться с оппозицией и справиться с охватившим страну бесконечным хаосом. Ясно одно – военные, как бы дальше ни развивались события, смогли достигнуть компромисса с исламистами и получить удовлетворяющий их минимум: роль во-

енных в качестве влиятельной силы в государстве – пусть с определенными ограничениями – пока сохраняется.

Есть все основания предполагать, что переговоры ВСВС с «братьями» начались практически сразу после ухода Мубарака. Так, еще в комиссию по внесению поправок в старую конституцию и выработке Конституционной декларации на переходный период были включены известные своими симпатиями к исламистам юрист Тарик аль-Бишри и член Ассоциации «Братья-мусульмане» Собхи Салех. Изначально было понятно, что у сторон имелись все шансы договориться.

Военные и «братья», маневрируя и пытаясь укрепить свои позиции на протяжении всего переходного периода, периодически вступали в противостояние друг с другом. Когда военные пытались перед выборами в парламент принять пакет «базовых принципов», как основы будущего конституционного устройства государства (об этом упоминалось выше), документ спровоцировал первое серьезное столкновение генералитета с исламистами и был отозван, но это не означало собственно конфликта между сторонами. Стороны, «корректируя» друг друга, продолжали вести диалог, о чем неоднократно упоминали авторитетные западные СМИ¹¹.

Существенные договоренности относительно характера будущего политического устройства были достигнуты уже к началу 2012 г. Имеются сведения о том, что «братья» согласились на создание президентско-парламентской политической системы, не более исламизированной, чем раньше. Также стороны пришли к согласию по поводу возможности в целом сохранить текст Конституции 1971 г. с модификациями ряда статей. Утверждается, что был найден компромисс и по поводу составления военного бюджета и военных расходов. Надзор за этим будет осуществлять лишь ограниченная часть избранных депутатов. Основные же торги сопровождали наиболее деликатную тему для военных – степень гражданского контроля над военными и предоставление военным лидерам неприкосновенности от преследования. «Братья» то намекали на возможность таких гарантий, то опровергали их¹².

На время переходного периода «братьев» устраивала роль военных как стабилизатора и контролера, временного обладателя политической власти, способного обеспечить проведение выборов. Никто лучше эту роль выполнить не мог, в дальнейшем же с установлением государственных институтов 60-летняя миссия военных, по замыслу исламистов, должна закончиться. Военные заинтересованы в сохранении льгот и привилегий в экономической сфере, преимуществ при распределении бюджетных средств, а также должностей в государственном аппарате, но в то же время надеялись и при новой власти сохранить определенную независимость и остаться серьезным центром политического влияния.

Ряд наблюдателей связывали введение чрезвычайного положения со всеми вытекающими последствиями и закрепление за военными по-

средством поправок к Конституционной декларации широких полномочий накануне второго тура президентских выборов с провалом переговоров с «братьями» и оценивали это как попытку сыграть на опережение в случае победы исламистов и свести функции будущего президента к представительским. Для «братьев» оптимальным компромиссным вариантом было сохранение социально-экономических привилегий офицерства и генералитета при передаче реальной власти «Братьям-мусульманам». На данном этапе эта модель в целом и оказывается реализованной.

Настоящий заявленный¹³ нейтральный статус армии, похоже, всех устраивает. Египетская армия, прежде боровшаяся с религиозным экстремизмом и гарантировавшая соблюдение светских устоев, пока молчит. Немаловажным моментом при этом является факт отсутствия единства в армии. Там очень сильны исламские традиции и усиливаются исламские тенденции. Сейчас армия, как никогда, подвержена проникновению в ее ряды исламистских элементов, от которых ее так тщательно очищал Мубарак. Новый министр обороны – ставленник исламистов. Вместе с тем отмечается, что среднее звено армии настроено решительно против «братьев».

На данный момент оценить статус военных в Египте как стабильный и окончательный не представляется возможным. Революционные события продолжают развиваться. Несмотря на решительный настрой нового президента ограничить статус армии, продолжаящую ее исламизацию и наличие ряда сдерживающих договоренностей, все же верится с трудом, что военные действительно полностью ушли с политической арены, уступив власть исламистам, всегда считавшимся источником терроризма. Ряд экспертов полагают, что египетские военные лишь сделали тактический шаг, чтобы полностью возложить ответственность за экономическую и политическую политику на президента, правительство и «Братьев-мусульман». Пойдя же на сделку с президентом и «Братьями-мусульманами», новое поколение военных обеспечило защиту широких экономических интересов египетских вооруженных сил. Армейская элита хорошо защищена бизнесом, который годами выстраивался в ее интересах¹⁴.

Политическая власть переменялась, а реальная экономическая власть в Египте осталась прежней. Авторитарный режим был свергнут, объявлена свобода слова и демократия, проведены выборы, но система, как общественно-экономический феномен, осталась неизменной¹⁵. Была ликвидирована лишь власть узкой верхушки. А в этой системе центральное место занимали и продолжают занимать военные. Рассуждая в таком контексте, положение военных с учетом новых политических условий кажется далеко не проигрышным. Сохранив определенные должности, они продолжают, хотя и в меньшей степени, влиять и на политику. Такой статус не слишком отличается от «мубараковских» времен. Однако после стабилизации ситуации в стране при

условии сохранения нынешних политических симпатий в будущем исламисты, взявшие курс на демократизацию с учетом специфики египетского общества и исламистского контекста, несомненно, продолжат сокращение армейских привилегий.

В ситуации же непрекращающихся протестов оппозиции против указов Мурси и нового Основного закона государства военные никак не фигурируют, соответственно их репутация не затрагивается. Призывы и требования демонстрантов не касаются армии, а ее представители периодически намекают, что всегда будут с народом. Об официальном правовом статусе армии в новой структуре египетского государственного управления можно будет говорить лишь после того, как новые легальные рамки более или менее стабилизируются.

Примечательно, что США и другие западные страны оказались практически неспособными повлиять на внутривнутриполитические процессы в Египте. США, поддержавшие проведение свободных демократических выборов в стране, в итоге способствовали ограничению политического статуса военных, долгое время являвшихся проамериканской силой и получавшей серьезную финансовую поддержку. Американцы признали легитимность законно избранного президента-исламиста, выразив надежду на дальнейшее продолжение демократических перемен в государстве и установление взаимовыгодного сотрудничества между двумя странами. США оказались в очень странном и нелогичном положении, будучи вынужденными пересмотреть свое официальное отношение к исламистам, в частности к умеренным сторонникам методов политической борьбы, коими сейчас и выглядят «Братья-мусульмане».

Таким образом, придя к власти в середине XX в., военные на протяжении 60 последующих лет играли роль реальной мощной независимой политической силы в государстве. Армия являлась опорой гражданских правительств, ключевые фигуры которых были выходцами из военной среды. Благодаря найденному и всячески поддерживаемому балансу военно-гражданских отношений в стране, авторитарный режим правления в Египте, несмотря на серьезные социально-экономические проблемы, на протяжении полувека оставался стабильным и непоколебимым. С развитием процессов модернизации и глобализации, проникновением в общественное сознание демократических идей стало очевидно, что политическая система управления государством требует обновления.

События «арабской весны» 2011 г. охватили и Египет. Начавшиеся акции протеста не прекращаются до сих пор. Пойдя на уступки оппозиции, президент Египта Х. Мубарак ушел в отставку, передав власть Высшему совету вооруженных сил во главе с министром обороны маршалом Тангауи, практически ставшим главой государства в переходный период, длившийся почти полтора года. В этот период военные сыграли ощутимую

роль в жизни Египта, взяв на себя контроль за развитием ситуации и поддержанием стабильности в обществе. Не считая некоторых «выпадов» военных, которые могут быть по-разному интерпретированы, армия выполнила стоявшую перед ней основную задачу – обеспечила проведение в срок демократических парламентских и президентских выборов, затем передала власть законному президенту и ушла с арены политической борьбы.

Представляется, что в результате длительных консультаций военных с «Братьями-мусульманами» и президентом страны стороны пришли к некоему компромиссу. За военными были сохранены социально-экономические привилегии, но роль армии, как самостоятельного политического института, была серьезно ограничена.

Армия в условиях продолжающихся революционных событий заняла подчеркнуто нейтральную позицию, согласившись с перестановками в военном руководстве и своей новой ролью. Однако вероятность активизации военных и попытки вернуть себе статус политической силы исключать не следует. И это, видимо, будет зависеть от способности исламистов разработать подходящую тактику действий по достижению общенационального консенсуса. Представляется, что «Братья-мусульмане», пользуясь поддержкой большей части населения Египта и готовые к реальному диалогу с оппозицией, взяв наконец-то реванш после долгих лет преследований и запретов, скорее поступятся некоторыми принципами, чем уступят власть. «Братья-мусульмане», признавшие политические легитимные методы борьбы и придерживающиеся курса на конституционное развитие государства, выглядят в глазах народа «более демократичной» и способной к качественным преобразованиям силой, чем ассоциирующаяся с прежним режимом армия. Слабость армии, помимо прочего, – еще и в неспособности решить насущные социально-экономические проблемы общества, предложить приемлемые и понятные решения по выходу из кризиса, а первопричина начавшихся в 2011 г. народных выступлений – именно в них. В Северной Африке исламисты сейчас у власти почти повсеместно, и военным, как единственной силе, способной хотя как-то конкурировать с ними, было бы чрезвычайно сложно снова получить власть и удержать ее в долгосрочной перспективе.

Chaiko I.A. The Role of the Armed Forces in Egypt's Political System.

Summary: The article offers an analysis of the status and position of the army, as the key institution within Egypt's political system, showing the path and degree of its transformation as a result of the Arab Spring revolutionary wave affecting Egypt among other countries of the Arab world. It also contains certain forecasts concerning the future role of the Egyptian military, with the author, however, deeming the status of the army in the new political situation as being anything but stable and definitive.

■ Международные отношения

Ключевые слова

Роль армии в Египте, политическая система Египта, «арабская весна», египетские военные, революция в Египте, трансформация статуса военных в Египте, выборы в Египте.

Keywords

The role of the army in Egypt, the political system of Egypt, the "Arab Spring", the Egyptian military, the revolution in Egypt, the transformation of the status of the military in Egypt, elections in Egypt.

Примечания

1. Ахмедов В.М. Роль армии в политических системах арабских государств Ближнего Востока. Институт Ближнего Востока. 17 апреля 2009 г. <http://www.iimes.ru/?p=8475>
2. Ахмедов В. Армия и власть на Ближнем и Среднем Востоке в эпоху глобализации и модернизации. Аналитические доклады НКСМИ. Выпуск 5(10), июнь 2006. М.: МГИМО-Университет, 2006. С.19.
3. Примаков Е. Вопросы проснувшихся пирамид // Российская газета. Федеральный выпуск №5395(19). 02.02.2011 <http://www.rg.ru/2011/01/31/primakov-site.html>
4. ВСВС принял отставку кабинета министров Мубарака, распустил парламент, отменил конституцию, пообещал отменить чрезвычайное положение, провести демократические парламентские и президентские выборы в стране, а затем передать власть законно избранному гражданскому руководству. На том этапе действия ВСВС и Тантауи в общем были позитивно оценены и в мировых СМИ, и среди большинства граждан Египта.
5. См. подр.: Мохова И.М. Египет балансирует между военными и исламистами // Независимая газета. 28.11.2011. http://www.ng.ru/courier/2011-11-28/9_egypt.html
6. Мирзаян Г. Египетская рулетка // Эксперт № 25(808). 25 июня 2012. <http://expert.ru/expert/2012/25/egipetskaya-ruletka/?n=8934>
7. Мохова И.А.. Египет накануне президентских выборов: острая конкуренция кандидатов. Новое восточное обозрение. 22.05.2012.
8. См. подр.: Проект новой конституции: Египет на пороге нового политического катаклизма. 21.09.2012 (Аналитика). AzGlobus.net Информационно-аналитический портал <http://www.azglobus.net/1230-proekt-novoy-konstitucii-egipet-na-poroge-novogo-politicheskogo-kataklizma.html>
9. Там же.
10. Президент Египта ограничил власть военных. <http://actualcomment.ru/news/46788/>
11. Васильев А.М.. Египет после выборов // Азия и Африка сегодня. №4. 2012. С. 12.
12. Там же. С. 13.
13. Новикова Е. Тахрир не допустит. <http://expert.ru/2012/11/30/tahrir-ne-dopustit>
14. См. подр.: Проект новой конституции: Египет на пороге нового политического катаклизма. 21.09.2012 (Аналитика). AzGlobus.net Информационно-аналитический портал. <http://www.azglobus.net/1230-proekt-novoy-konstitucii-egipet-na-poroge-novogo-politicheskogo-kataklizma.html>
15. Мирский Г.– И.Карташов (интервью). Египетские военные лишились министра. Российская газета. 13.08.2012. <http://www.rg.ru/printable/2012/08/13egypt-site.html>

«Акторность» еврорегионов

И.А. Буданова

В статье рассмотрены вопросы, связанные с выявлением потенциала акторности еврорегионов, определены специфические особенности еврорегионов, основные характеристики их взаимоотношений с государствами и Европейским союзом. Автор анализирует «способности» еврорегионов, развивая которые они становятся акторами в рамках нового европейского пространства.

Развитие ЕС приводит к удивительным изменениям его внутреннего пространства, модификации системы управления и растущей взаимозависимости между государственными и негосударственными акторами на различных территориальных уровнях. Негосударственные игроки европейского поля вносят в интеграционный процесс толику неопределенности, а в совокупности с многоуровневой системой взаимодействия и управления европейский политический пейзаж меняется до неузнаваемости. Интеграционные формы, используемые Европейским союзом в повседневной практике, порождают различные, подчас причудливые «регионализмы», стимулирующие возрастание роли субнациональных единиц, одной из которых является «еврорегион». На сегодняшний день еврорегиональным строительством охвачено около 200 приграничных сообществ, которые активизируют национальные структуры, деловые круги и общественные организации.

На еврорегионы, как один из брендов европейской интеграции, наклеены различные ярлыки: «эффективный пример локального регионального сотрудничества», «малое интеграционное строительство», сотрудничество «снизу вверх» и др. Можно по-разному относиться к подобным образованиям, но неоспоримо то, что феномен еврорегионов, несмотря на многократное обращение

к ним различных исследователей, по-прежнему нуждается в осмыслении, в том числе и в плане выявления потенциала их акторности¹.

Общая характеристика и особенности еврорегионов

Общеизвестно, что первый успешный голландско-германский опыт взаимодействия (EUREGIO, 1958 г.) дал название всем остальным трансграничным сообществам и стал своеобразным лейблом, наклеиваемым на подобного рода сотрудничества. В документах Европейского парламента указывается, что лейбл «еврорегион» не защищен², то есть может быть применен для идентификации подобных приграничных образований в разных точках мира. EUREGIO спровоцировал появление «себе подобных» – сначала в наиболее развитых землях, обладающих различной степенью самостоятельности: «край трех углов – центральный полюс роста» еврорегион Базилиенсис³, «любимое дитя интеграции» – Саар-Лор-Люкс, «лаборатория европейской интеграции» – Маас-Рейн. Интересно, что практически с самого начала модель EUREGIO «примерили» регионы государств – не членов Сообщества. Всего же по состоянию на 2012 г. в Европе и за ее пределами существует 156 еврорегионов⁴.

В качестве причин появления еврорегионов обычно обозначаются необходимость сотрудничества для развития региональных сообществ,

Буданова Ирина Александровна – к.и.н., доцент ФГБОУ ВПО «Ивановский государственный университет».
E-mail: ibudanova78@gmail.com

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

преодоления различных барьеров по обе стороны границы, создания механизма по доставке «европейской помощи». Этот обобщенный набор в каждом конкретном случае дополняется своим специфическим мотивом. В частности, для жителей еврорегиона Саар-Лор-Люкс – это стремление продемонстрировать добрый пример (хорошим европейцем и хорошим соседом). Отправная точка еврорегионального строительства – частная инициатива, направленная на реализацию небольших трансграничных проектов⁵. Иногда еврорегионы создаются по инициативе неправительственных организаций, как это было с образованием болгаро-сербского еврорегиона Нисава. Все заключенные региональные и локальные соглашения не должны противоречить национальному законодательству, а также международным договорам⁶.

Еврорегионы самостоятельно формируют институты управления (советы, исполнительные комитеты, секретариаты, рабочие группы и др.), при этом степень институционализации зависит от самоуправления и компетенций региональных властей; внутренних и внешних организационных форм; глубины трансграничных связей; активности приграничной сферы и пропускной способности границы⁷.

Сопоставление целей еврорегионов выводит на главную – преодоление негативного влияния границы. В ряде случаев в качестве подцели (задачи) заявлен анализ европейской региональной политики и выработка новых стратегий в этой области для эффективного планирования на всех уровнях (Ниса). Граница становится тем фактором, который обуславливает сосредоточенность еврорегионов на ежедневных практиках: транспорт, окружающая среда, экономика, социальная сфера, занятость, пространственное планирование, культура, информирование.

Направления сотрудничества часто привязаны к решению основных проблем еврорегионов. Например, для Маас-Рейн приоритетным является преодоление языковых барьеров, а для Адриатического еврорегиона – формирование зоны мира, стабильности и сотрудничества. Особое внимание уделяется развитию транспортных коммуникаций для сближения соседних областей и стимулирования социально-экономического развития приграничной территории. Так, с 1986 г. в Рейн-Вааль были реконструированы военный аэродром в Клевве, автодорога Эмерих–Гендринген⁸; в еврорегионе Тироль-Трентино построен туннель под перевалом Бреннер в Альпах на международной трассе Мюнхен–Верона⁹ и т.д.

Информирование и продвижение собственного бренда внутри еврорегиона, за пределы границ государств и внешних границ ЕС также является важным (повседневным) направлением деятельности. Например, в EUREGIO в рамках программы Mozer сделана попытка сблизить свыше 3 млн человек, проживающих в еврорегионе, путем поддержки культурных событий, студенческих обменов, молодежных мероприятий, а осуществление в еврорегионе Рейн-Вааль проекта GeGo направлено

на разъяснение школьникам принципов работы трансграничного рынка занятости.

Еврорегионы и государство

Взаимоотношения еврорегиона и национального государства определяются двумя положениями: с одной стороны, трендом становится перераспределение властных полномочий государства на супранациональный и субнациональный уровни, что увеличивает возможности еврорегионов участвовать в выполнении задач, решение которых осуществляется на их территории, а с другой – еврорегионы по-прежнему зависят от государственной власти, национального права и контроля.

Дискуссия о том, ведут ли трансграничные образования к закату государственности, ненова:

– К. Омэ и Р. Род утверждают, что еврорегионы – это то, что способствует разрушению государства, ведет к его закату¹⁰;

– российский исследователь Г. Яровой полагает, что «еврорегионы как факторы» способны размыть государственную границу как признак суверенного государства¹¹;

– в это же время Л. Вейсс пишет о том, что имеет место не упадок, а адаптация государств к новым внутренним и внешним угрозам, и регионализация – его попытка остаться в центре процесса принятия решений посредством создания различных альянсов на местном уровне¹².

Заинтересованность национальных государств в появлении еврорегионов и укреплении трансграничного сотрудничества проявляется в создании правовых рамок, формируемых самими государствами: соглашения «типа Карлсруэ» или «типа Анхольт» позволяют государствам, с одной стороны, «обезопасить» себя с точки зрения выхода своих регионов из-под контроля, а с другой – предоставить дополнительные возможности для развития их внутреннего потенциала. Например, в 1993 г. Италия и Австрия подписали соглашение по «Трансграничному сотрудничеству между территориальными сообществами», по которому регионы, участвующие во взаимодействии, могли рассчитывать на получение большей автономии в пределах публичного права. Таким образом, трансформация национального законодательства и децентрализация государственной власти, на которые подвигают еврорегионы государства, позволяет отнести эти сообщества к флагманам федерализации.

Проявлением адаптации можно считать изменения в организации управления региональной политикой в европейских государствах: а) создание министерства регионального развития в Чешской Республике; б) появление комитета по региональной политике в Польше; в) образование национального совета по региональному развитию в Словении и т.д.¹³. На сегодняшний день справедливой представляется мысль о том, что субъекты микроинтеграции как бы отходят в сторону от прямого выяснения отношений с центрами, получая новые, трансграничные возможности для своего самовыражения¹⁴. При этом важно указать, что европейские государства сами стараются форми-

ровать новые рамки сотрудничества, выстраивая ответные взаимоотношения с наднациональным уровнем и еврорегионами.

ЕС и еврорегионы

Политика сплочения (ПС), реализуемая Европейским союзом на современном этапе, предоставляет дополнительные возможности субнациональным игрокам включаться в преобразование европейского пространства и оказывать влияние на территориальную организацию государств-членов. ПС способствует налаживанию партнерских связей между ЕС, национальными государствами, регионами и частным сектором. С этой точки зрения интересно выявить те каналы взаимодействия, которые выстроили между собой ЕС и еврорегионы.

Внимание наднационального уровня к трансграничным регионам возросло по мере развития региональной политики ЕС. Реформа структурных фондов, концепты выравнивания и выявления эндогенного потенциала регионов привели к интенсификации приграничного сотрудничества. Конечно, это не только заслуга ЕЭС, но в приграничных регионах практически не было необходимых механизмов и стимулов к перераспределению полномочий до появления Сообщества.

Считается, что союз в отношениях с еврорегионами опирается на финансовый подход, одним из проявлений которого является INTERREG – программа межгосударственного строительства общеевропейского дома на микроуровне. В 1988 г. Комиссия ЕС одобрила модель EUREGIO в качестве лучшего практического менеджера INTERREG¹⁵, но по-настоящему значение еврорегионов для интеграции было оценено после принятия решения о расширении, а последний раунд программы способствовал экспорту модели EUREGIO по всей Европе. Таким образом, в организационном поле еврорегионы можно считать проводниками европейской власти за пределы ЕС.

Еще одна инициатива, «данная» еврорегионам для большего сращения с наднациональным уровнем – Европейская группа по территориальному сотрудничеству (EGTC, Группа)¹⁶. EGTC – это устойчивая правовая структура с автономной правосубъектностью, существующая в правовых рамках государства-члена Евросоюза. Вместе с тем в Группу входят представители региональных властей, что создает условия для углубления трансграничного сотрудничества и развития более гибкой системы управления¹⁷. В то же время вмешательство ЕС не всегда тепло воспринимается национальными государствами: правительство Италии смотрит на Группу, действующую в еврорегионе Тироль-Трентино, как на инструмент, продвигаемый Комиссией¹⁸.

Помимо финансового аспекта, который помогает опутывать интеграционными связями супранациональных и субнациональных игроков, следует отметить деятельность трансграничных регионов по содействию продвижения принципа субсидиарности, что защищает от чрезмерной бюрократизации, продвигает решение локальных

проблем как можно ближе к месту возникновения, то есть уже напрямую влияет на изменение европейского политического ландшафта. Европарламент, оценивая роль еврорегионов в развитии региональной политики ЕС, предложил государствам-членам более активно использовать еврорегионы как инструмент трансграничного сотрудничества. Ставка на развитие сообществ модели EUREGIO продиктована необходимостью выполнения функций распространения общих ценностей, стратегий, интенсификации решения общих проблем¹⁹.

Вместе с тем бытует мнение, что импульсы ЕС, как и многие его трансграничные инициативы «снизу вверх», переоцениваются²⁰. Однако следует признать:

– еврорегионы, с одной стороны, – важный фактор развития европейской интеграции, так как формируют на самом низовом уровне черты европейскости и способствуют укоренению европейской идеи;

– с другой стороны, еврорегионы, осваивая ресурсы ЕС и вступая с ним в игры лоббирования, заставляют Евросоюз рассматривать их в качестве важных субъектов европейского поля.

Потенциал акторности

В зарубежных исследованиях в отношении еврорегионов часто используются такие эпитеты, как «субнациональный актор», «субъект европейской интеграции» и пр. Сопоставляя их с российскими позициями, несложно заметить, что отношение к акторности еврорегионов более чем скептическое. В каких же случаях еврорегионы – «лица действующие», а где лишь «присутствуют» в политике ЕС в частности и на мировой арене в целом? В качестве основной идеи можно выдвинуть тезис Хаттнера о том, что состояние акторности достигается, когда некая сущность ясно и четко может быть отделена от других сущностей; акторность достижима, когда сущность осознает свое право, когда обладает правосубъектностью, дипломатическим корпусом, способностью вести независимые переговоры с третьими участниками.

Еврорегионы, самостоятельно представленные на государственном, наднациональном, глобальном уровнях, могут демонстрировать потенциал акторности, проявляя следующие способности с учетом своей правовой, институциональной, социально-экономической структуры:

- 1) способность формулировать свои интересы и перспективные стратегии развития;
- 2) способность влиять на экономические процессы;
- 3) способность взаимодействовать с другими негосударственными участниками;
- 4) способность вести переговоры (парадипломатия);
- 5) способность самопрезентации.

На уровне еврорегиона идет осмысление своих интересов, которые часто находят отражение в перспективных стратегиях, позволяющих говорить о попытке понять себя, найти свое место

■ Мировая политика

в контексте Европы и в некоторых случаях за ее пределами (особенно если стратегии рождаются в рамках еврорегионов, включающих территории регионов (стран), не входящих в ЕС). Такие стратегии есть у многих трансграничных образований. Они отличаются масштабностью целей, степенью европейскости, четкостью формулировок и пр. Но, вне зависимости от перечисленного, еврорегионы связывают свои интересы с национальным и наднациональным уровнями власти. Причем из текстов стратегий следует их более четкая привязка к европейскому уровню:

– так, перспектива «2020 – взгляд в будущее», выдвинутая еврорегионом Саар-Лор-Люкс, включает достижение трех аспектов: 1) европейская идентичность и образ жизни; 2) европейская компетентность; 3) европейская модель региона;

– стратегия EUREGIO нацелена на формирование пространства без границ посредством создания условий для социокультурной интеграции, развития трансграничных возможностей МСБ, трансграничного сервиса по оказанию медицинской помощи, содействия мобильности и лоббирования проектов, направленных на развитие этих сфер после 2015 г.²¹;

– среди важнейших направлений стратегии Адриатического еврорегиона – сплочение и интегрированный подход к планированию и управлению территориями, входящими в еврорегион, с особым вниманием к защите окружающей среды, достижению устойчивого развития, укреплению институциональных, культурных, экономических, транспортных связей внутри еврорегиона, созданию рамок для эффективного включения еврорегиона в программы, финансируемые ЕС, развитию высоких технологий, исследования²².

Одним из выразителей интересов трансграничных сообществ является Ассоциация европейских приграничных регионов (AEBR), которая была создана в 1971 г. по инициативе EUREGIO. Ассоциация на сегодняшний день активно участвует в формировании новой региональной стратегии 2014 – 2020, продавливая мнение, что трансграничное сотрудничество – не столько национальный приоритет, сколько европейская политическая задача ЕС после 2013 г. – «использовать потенциал всех приграничных еврорегионов на внутренних и внешних границах»²³.

Однако разнородность еврорегионов не позволяет им в полной мере формулировать консолидированные интересы. Так, по мнению У. Дальдруп, одного из политических деятелей еврорегиона Маас-Рейн, «каждый регион-партнер сосредоточен на самом себе»²⁴, что, в свою очередь, снижает их возможность действовать на европейской политической сцене в качестве автономного политического актора.

Экономический эффект деятельности еврорегионов проявляется в развитии внешнеэкономических связей, создании режимов наибольшего благоприятствования (свободных экономических зон) экспортно-импортной деятельности предприятий, развитии МСБ, а значит, в сохранении и создании

дополнительных рабочих мест. В этом контексте еврорегионы предстают едиными экономическими регионами с общими рынками труда и становятся факторами успешной международной интеграции в современных условиях²⁵. Формирования единого рынка рабочей силы очень важно, ибо в данном случае речь идет о специальных программах или проектах, реализуемых для усиления контактной функции границы²⁶. Еврорегион может рассматриваться как стартовая площадка для привлечения инвестиций: на сайтах еврорегионов можно встретить информацию-рекламу о позиционировании себя в качестве выгодного объекта для вложения средств (Саар-Лор-Люкс, Ниса, Рейн-Вааль и др.).

Экономическое сотрудничество и проекты в активе еврорегионов во многом вызваны к жизни экономической политикой государств или ЕС. Последнее верно в отношении ставки Евросоюза на развитие малого и среднего бизнеса (МСБ). В свою очередь, это внимание побуждает регионы (при наличии потенциала) также содействовать активизации трансграничного МСБ. К примеру, в EUREGIO, Маас-Рейн, Саар-Лор-Люкс МСБ играет значительную роль в сфере услуг, индустрии и т.д.²⁷. Таким образом, участие еврорегионов в экономических проектах напрямую связано с их возможностями. Так, еврорегион Маас-Рейн, обладая развитой транспортной сетью, фармацевтической промышленностью, исследовательской сетью, имеет гораздо больше шансов встроиться в глобальный рынок труда. В то же время Ниса с учетом меньших стартовых возможностей, пытается сделать ставку на развитие новых отраслей – сфера услуг, туризм²⁸.

Трансграничная деятельность еврорегионов на уровне «низкой политики» формирует новое политическое поле для НПО, которые совместно с другими межрегиональными деятелями вплетаются в контекст новой региональной стратегии. Еврорегионы по своей природе могут включать различные общественные движения, университеты, города, (не)коммерческие структуры. Взаимодействие всех субъектов происходит в рамках проектной деятельности и обсуждения совместных инициатив. В качестве примера можно привести проекты Рейн-Вааль по организации взаимодействия голландских и германских сельхозпроизводителей. Один из них был направлен на развитие сотрудничества фермеров, представителей агробизнеса через поощрение совместных проектов, знакомство жителей по обе стороны границы с фермерским бытом, разработку туристических маршрутов по голландским и немецким фермам, основание ресторанов, кафе, работающих исключительно на местных продуктах. В проект было вовлечено более 100 фермерских хозяйств и представителей бизнеса, что способствовало становлению трансграничного рынка местных продуктов и услуг.

В 2008 г. в Верхнем Рейне был активизирован проект EUCOR. Семь университетов региона объединили свои усилия в сфере образования и исследования, создав дополнительные возможности для 100 000 студентов (в течение семестра посетить

курсы университета-партнера без дополнительной платы) и 11 000 преподавателей и исследователей (совместные исследовательские проекты/курсы в направлениях: биотехнология, химия, математика, право, археология, немецкий язык и культура). Неофициальным лозунгом проекта стал «Семь университетов, три страны, одна студенческая ID-карта». Эти и другие примеры демонстрируют складывание многочисленных партнерств между властями еврорегионов и частными акторами (организациями, предпринимателями союзами работодателей, НИУ, общественными инициативами, некоммерческими и международными организациями)²⁹, подчиненных достижению своих «локальных» целей.

Парадипломатическая деятельность еврорегионов проявляется в «переговорах» с ЕС, себе подобными, регионами третьих стран. Представительства еврорегионов в Брюсселе являются своеобразными минипосольствами, необходимыми для ведения «переговорной» деятельности трансграничных сообществ. Целями офисов чаще всего являются сбор информации и ее трансляция в еврорегион, *networking* (создание сети контактов как с представителями и институтами ЕС, так и с представителями других «региональных посольств», расположенных в Брюсселе)³⁰, создание образа своего еврорегиона.

Лоббирование интересов еврорегионов в ЕС происходит, в том числе посредством общения АЕБР с институтами и органами ЕС – Европейской комиссией, Комитетом регионов, Социальным и экономическим комитетом. В некотором смысле Европейская комиссия является союзником АЕБР, представляющей организованные интересы приграничных регионов и еврорегионов. Каждый новый раунд переговоров по установлению новых рамок для ПС подразумевает изменение рамок регулирования INTERREG под запросы этих субъектов и даже, несмотря на то что распределение средств программы контролируется национальными властями, формальный политический уровень устанавливается европейскими документами. Таким образом, Ассоциация является хорошим примером работы по развитию парадипломатических способностей приграничных властей.

Исходя из мысли, что состояние акторности достигается, когда некая сущность ясно и четко может быть отделена от других, можно предположить, что еще одним проявлением потенциала акторности еврорегионов является их самопрезентация, в том числе посредством сети Интернет. Одним из косвенных индикаторов успешности того или иного еврорегиона можно считать «живой» сайт, на котором постоянно обновляется информация о жизни еврорегиона, политических, экономических, культурных мероприятиях.

Большинство «старых» еврорегионов имеют хорошо структурированные сайты и выпускают электронные информационные бюллетени или даже электронные газеты, как Ниса. Также важно подчеркнуть, что сайты пронизаны символикой еврорегиона, через которую можно раскрывать

проблемы прошлого приграничных территорий и увидеть надежды на будущее. Символика в данном случае может быть воспринята как попытка осознать свою идентичность. Таким образом, официальные странички еврорегионов имеют возможность и должны стать тем инструментом, который может реально сближать жителей еврорегиона, помогать им лучше узнавать своих соседей.

Таким образом, способности еврорегионов влиять на различные уровни власти в ЕС и за его пределами могут быть осмыслены с точки зрения нескольких производимых ими эффектов:

- *политический* – возможность узнать друг друга, выстраивать доверие, имплементация принципа субсидиарности, подготовка к вступлению новых членов, развитие интеграции в целом;
- *социально-экономический* – мобилизация внутреннего потенциала, вовлечение в свою деятельность различных социоэкономических акторов (промышленные палаты, коммерческие палаты, ассоциации, кампании, торговые союзы и туристические фирмы), открытие и гармонизация трудовых рынков, развитие МСБ, создание новых рабочих мест;
- *социально-культурный* – развитие пространственного планирования, популяризация своего бренда среди населения, вовлечение рядовых граждан через общественные институты (церковь, шенгенские школы, культурные ассоциации и др.)³¹.

И все же, поскольку речь идет о трансграничных формах кооперации и сообществах, объединяющих людей по обе стороны границы, регионах, являющихся частью своих государств, объективно стоит пока говорить лишь о проявлении акторности еврорегионов.

Проблемы, противоречия, перспективы развития еврорегионов

Подводя итоги, следует отметить ряд проблем, которые возникают в результате деятельности еврорегионов:

- даже те еврорегионы, которые существуют десятилетиями и показывают положительные результаты, весьма ограничены национальными правовыми рамками и национальными экономическими связями;
- многие реализуемые инициативы, проекты еврорегионов носят характер *ad hoc*;
- наличие слабой информированности граждан о деятельности своего еврорегиона³² и недостаток знаний о возможностях партнеров;
- еврорегионы как трансграничные политические сети не конституируют эффективного механизма управления – участвующие акторы строго ориентированы на их собственную территорию и интересы³³;
- практики и эксперты нередко предъявляют к еврорегионам завышенные требования, ожидая от еврорегионального строительства громадных эффектов;
- отсутствие необходимости в создании еврорегионов в тех случаях, когда реальные связи

■ Мировая политика

«снизу вверх» заменяются желанием получить «европейскую помощь».

В данном случае трудно не заметить тех перспектив, которые еврорегионы открывают для себя, развития национальных государств, Европейского союза, напрямую увеличивая потенциал акторности. Модели EUREGIO – не пассивные исполнители, а ключевые субъекты разработки и принятия решений в области программирования и финансирования регионального развития в Европе³⁴. Даже, несмотря на то, что границы – это часть территориального суверенитета государства-нации, они являются причиной сотрудничества. С учетом стремления Евросоюза создавать на периферии круг друзей, скорее всего, еврорегионы будут его инструментом по налаживанию мостов коммуникации и частью продвигаемой им модели на экспорт (активное формирование трансграничных регионов на южных рубежах союза Sicilia-Malta, Notio Egeo-Turkey, Cyprus-Crete и т.д.).

Как и в ЕС, в еврорегионах создаются стратегии пространственного развития и планирования, и как было отмечено, трансграничные регионы можно рассматривать как специализированные структуры для имплементации ПС. В рамках нового программного периода 2014–2020 гг. сохранится повышенное внимание к еврорегионам, которые

сохранят за собой статус успешного бренда с ярко выраженными чертами ЕС. И, несмотря на то, что еврорегионы такие же разные, как государства Евросоюза, их объединяет стремление взаимовыгодного сотрудничества и работа на «европейскую идею».

Дальнейшая успешность и наращивание потенциала акторности европейского микропроекта будет зависеть от решения нескольких задач³⁵:

- определения полей общих интересов;
- сближения людей;
- создания подходящих институтов;
- развития совместных проектов;
- демонстрации гражданам преимуществ сотрудничества;
- гарантии прозрачности и информированности, что и в дальнейшем должно позволить еврорегионам двигаться по пути «приватизации» мировой политики³⁶.

Budanova I.A. Euroregions as Actors of World Politics.

Summary: The article analyses some problems connected with actorness of Euroregions. The author gives a brief review of the main Euroregions characteristics and their interrelations with the EU and nation-states. The article concludes that development of cross-border regions "abilities" promotes their actorness in the European space.

Ключевые слова

Еврорегионы, трансграничное сотрудничество, трансграничный регион, региональная политика ЕС, акторность.

Keywords

Euroregion, cross-border co-operation, cross-border region, regional policy of the EU, actorness.

Примечания

1. Эмпирический материал наработан в результате преподавания дисциплины «Европейский регионализм» в Ивановском государственном университете. В течение 6 лет студентами специальности «международные отношения» под руководством преподавателя разрабатывались и защищались творческие проекты под названием «Еврорегионы». За это время объектами изучения чаще всего становились EUREGIO, Саар-Лор-Люкс, Рейн-Вааль, Маас-Рейн, Адриатический еврорегион, Тироль-Южный, Тироль-Трентино, Ниса, Балтика, Карелия.
2. Report on the role of «Euroregions» in the development of regional policy (2004/2257(INI)) Committee on Regional Development. 19.10.2005. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do? pubRef=-//EP//NONGML+REPORT+A6-2005-0311+0+DOC+PDF+V0//EN>.
3. Артеменко С. В. Региональная политика ЕС: опыт и географические аспекты организации функционирования еврорегионов. 2011. С. 104. URL: http://www.nbu.gov.ua/portal/natural/nvnu/geograf/2011_18/R3/Artem.pdf.
4. Данные с официального сайта AEER. URL: http://www.aeer.eu/en/members/map_of_members.php.
5. Романов С. Региональный вектор внешней политики Германии. 15.07.2000. URL: http://old.nasledie.ru/oboz/N07_00/07_08.HTM.
6. В качестве правовой базы формирования еврорегионов следует отметить: Мадридскую конвенцию 1980 г. Дополнительные протоколы, частноправовые соглашения, документы ЕС, например Regulation 1082/2006.
7. Давыденко Л.Н., Литвак А.И. Принципы трансграничного сотрудничества. С. 54–55. URL: http://elib.bsu.by/bitstream/123456789/5383/1/davydenko_litvinyuk_2010_7_IER_issues.pdf.
8. Кузнецов А. Еврорегионы полвека «малой интеграции». С. 54–55. URL: <http://ieras-library.ru/documenti/soveurope/2008/kuzhesov2.doc>.
9. Noemi Sch. The State's Power in the Euroregion Tyrol-South Tyrol/Alto Adige-Trentino. P. 15. URL: <http://arts.eldoc.ub.rug.nl/FILES/publications/general/Euroculture/2011/walking/Theme1/6Schoenfinal.pdf>.
10. Цит. по: Noemi Sch. The State's Power in the Euroregion Tyrol-South Tyrol/Alto Adige-Trentino. P. 5.
11. Яровой Г. Регионализм и трансграничное сотрудничество в Европе. СПб., 2007. С. 204.
12. См. например: Weiss L. The myth of the powerless state. Ithaca: Cornell University Press, 1998.

13. Вовенда А. В., Плотников В. А. Еврорегионы как фактор успешной международной интеграции в современных условиях // Балтийский регион. 2011. Вып. 4. С. 64. URL: http://journals.kantiana.ru/upload/iblock/9b9/uajfawoxikkate%20jv.%20ws,%20bzoqzvaxkdcncicind%20fc.%20bo_60-68.pdf.
14. Барабанов О.Н. Тенденции регионализации в Европе и интересы России // Мировая политика и международные отношения на пороге третьего тысячелетия / Под ред. М.М. Лебедевой. М.: НОФМО, 2002. С. 38.
15. Perkmann M. Euroregions: Institutional Entrepreneurship in the EU // Globalization, Regionalization, and Crossborder Regions / Ed. by Perkmann M., Sum N-L., Basingstoke, 2002. P. 129. URL: <https://dspace.lboro.ac.uk/dspace-jspui/bitstream/2134/659/1/ch5%20perkmann.pdf>. P. 129.
16. Regulation 1082/2006. URL: <http://eur-lex.europa.eu/LexUriServ/LexUriServ.do?uri=OJ:L:2006:210:0019:0024:EN:PDF>.
17. Зонова Т.В. Парадипломатия европейских регионов // Вся Европа. 2011. № 4. URL: <http://www.alieuropa.ru/paradiplomatiya-evropeyskich-regionov>.
18. Noemi Sch. Op. cit. P. 11.
19. Report on the role of «Euroregions» in the development of regional policy (2004/2257(INI)). FINAL A6-0311/2005. 19.10.2005. URL: <http://www.europarl.europa.eu/sides/getDoc.do?pubRef=-//EP//NONSGML+REPORT+A6-2005-0311+0+DOC+PDF+V0//EN>
20. Perkmann M. Euroregions: Institutional Entrepreneurship in the EU. P. 116.
21. EUREGIO Presentation. URL: <http://www.aebr.eu/pdf/fmanager//Regionen/E/Info%20EUREGIO%20EN.pdf>.
22. Otocan O. Report on Adriatic Euroregion: Experiences and Perspectives // INTERREGIONal and Transfortier Co-operation: Promoting Democratic Stability and Development. Trieste, Italy 22 – 25 February 2010. URL: <http://www.venice.coe.int/docs/2010/CDL-UDT%282010%29009-e.pdf>.
23. Growing Regions, Growing Europe Public Consultation on the Future of the EU Cohesion Policy: Opinion of the Association of European Border Regions (AEBR) January, 29th 2008. URL: http://ec.europa.eu/regional_policy/archive/conferences/4thcohesionforum/doc/contributions/aberdeenshire_response.pdf.
24. Maas-Rhine. URL: http://www.euregio-mr.com/de?set_language=de.
25. Вовенда А. В., Плотников В.А. Указ. соч. С. 60.
26. В Саар-Лор-Люкс 80 тыс. человек добираются на рабочее место, пересекая границу. При этом для удобства передвижения можно использовать универсальный проездной билет Saar-Lor-Lux Ticket (такой же проездной билет практикуется в Нисе – Euro-Neisse-Ticket). С 1992 г. EUREGIO помогает людям, оказывая консультации по трудоустройству: в 2009 г. были проконсультированы 18 тыс. граждан.
27. EUREGIO Presentation. URL: <http://www.aebr.eu/pdf/fmanager//Regionen/E/Info%20EUREGIO%20EN.pdf>.
28. Boundaries and place: European Borderlands in geographical context / Ed. By D.H. Kaplan. Oxford, 2002.
29. Бусыгина И.М. Политическая регионалистика: Уч. пособие. М., 2006. С. 270.
30. Зонова Т. В. Указ. соч.
31. Otocan O. Op. cit.
32. См. например: Struver A. We are only allowed to re-act not to act // Cross-Border Governance in the Euro-pean Union / ed. By O. Kramsch, V. Hooper. N.Y., 2004. P.35.
33. Perkmann M. Euroregions: Institutional Entrepreneurship in the EU. P. 119.
34. Зонова Т.В. Указ. соч.
35. Tschudi H. M. Euroregions: Problems and Prospects for the Creation of Euroregions on the Basis of the Euro-pean Outline Convention on Transfrontier Co-operation and its Additional Protocols. Speech on 20th Conference Europe of Regions. St. Petersburg, 9-11 October 2003. URL: http://www.regbas.ch/files/downloads/Euroregions_-_Problems_and_Prospects.pdf.
36. «Приватизация» мировой политики: локальные действия – глобальные результаты: коллективная монография / Под ред. М.М. Лебедевой. М., 2008. С. 5.

Бизнес в экологической сфере и его роль в мировой политике

А.А. Кулинич

В статье рассматриваются основные подходы к определению «зеленого бизнеса», перспективы его влияния в секторе альтернативной энергетики на глобальные политические процессы. Акцентируется внимание на подходах «классического бизнеса» к решению глобальных экологических проблем, а также условия перехода на более благоприятные для окружающей среды механизмы производства.

Современные тенденции развития мировой политической системы во многом детерминированы теми вызовами, с которыми сталкивается человечество. Если еще в 50-х гг. XX в. можно было утверждать, что основной задачей суверенного государства является обеспечение национальной безопасности и эффективного развития, то сегодня мы сталкиваемся с новыми угрозами и вызовами, с которыми самостоятельно не сможет справиться ни одно государство, даже самое могущественное. В современной политической науке появился концепт «наднациональная безопасность»¹, под которой мы понимаем в первую очередь ответ на «угрозы без границ». К таковым могут быть отнесены продовольственная безопасность, терроризм, ядерная угроза и т.д.

Однако среди многих проблем наднациональной безопасности особенно выделяется проблема экологической безопасности человеческой цивилизации. Это связано в первую очередь с тем, что наднациональная экологическая безопасность во многом зависит от каждого отдельного субъекта – от государства до человека.

Интересно, что государство определенное время воспринимали экологическую угрозу только в рамках собственных границ. Механизмы устранения этой угрозы длительное время включали в себя перенос вредных производств за пределы собственной территории. В частности, подобную политику осуществляли крупные компании развитых государств по отношению к развивающимся странам.

На сегодняшний день, осознавая всю угрозу, исходящую от экологических проблем, человечество пытается перейти на новые «рельсы» взаимодействия с окружающей средой. Особого интереса заслуживает такое явление, как «зеленый бизнес» и механизмы его реализации. За последние пять лет глобальная экологическая система столкнулась с новыми вызовами антропогенного характера. Взрыв нефтяной платформы «Deerwater Horizon» и последовавший после него разлив нефти в Мексиканском заливе в апреле 2010 г. имел значительные экономические, политические и в первую очередь экологические последствия². Уже весной 2011 г. произошло еще более опасное во всех отноше-

Кулинич Алексей Алексеевич – ассистент кафедры международных отношений Дальневосточного федерального университета. E-mail: coolinich1888@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

ниях событие – взрыв атомного реактора на японской АЭС «Фукусима-1». Причинами обеих катастроф был назван «человеческий фактор»³.

Проводя поверхностный анализ многих техногенных катастроф, имевших место в истории человечества, мы очень часто сталкиваемся с «человеческим фактором» как их причиной. Однако и человек, и его зачастую не всегда продуманные шаги является всего лишь следствием других, более фундаментальных ошибок. Как нефтяная платформа «Deepwater Horizon», так и АЭС «Фукусима-1» являлись и являются частными экономическими проектами, и основной причиной обозначенных выше катастроф можно с уверенностью назвать попустительства в экологической политике компаний-операторов (BP и TEPSCO соответственно).

Абстрагируясь от вышеупомянутых событий, задайте себе вопрос: кто в ответе за вашу экологическую безопасность? Ответ на него может быть самым разнообразным. Государство и его административные рычаги, бизнес и его экономические возможности, экологические движения и их аппарат давления, наконец сам человек как конституирующий механизм окружающей среды – вот тот список ответов, который сразу приходит на ум. Однако, начиная с момента «официального» международного признания существования глобальных экологических проблем в конце 60-х – начале 70-х гг. XX в., человечество осознало необходимость комплексного решения поставленных задач на всех уровнях – от государства до человека.

Экологическая проблематика год за годом становится все более актуальной в исследовании происходящих на мировой арене процессов. Сегодня уже никого не удивит тесным переплетением политической и экономической сферы в глобальной политике, однако те тенденции, которые приобретает экологическая сфера во взаимодействии с последними, зачастую остается за гранью понимания. Прямое влияние экологии на глобальную политику можно увидеть через призму экологических императивов, обозначенных для всей международной политической системы, а также через давление, осуществляемое экологическими НПО глобального и регионального значения. Тем не менее за кулисами очевидных событий, происходящих на мировой арене, некоторым исследователям удается разглядеть колоссальный потенциал «зеленых» идей в их влиянии на мировую политику. И в первую очередь следует обратить внимание на уже упомянутый выше, но пока еще слабо развитый и изученный в нашей стране «зеленый бизнес».

В попытках найти определение концепта «зеленый бизнес», или «экобизнес», исследуя различные источники, можно найти, как минимум, два подхода:

– первый базируется на идее перехода классического бизнеса реального сектора на более благоприятные для окружающей среды механизмы существования, то есть механизмы, которые в большей степени отвечают идеям «устойчивого развития» и соблюдают экологические права человека⁴;

– второй свидетельствует о том, что «зеленый бизнес» – это абсолютно новое направление в развитии предпринимательства, которое выстроено на реализации инновационных идей, целиком и полностью отражающих принципы «устойчивого развития» и обеспечения экологической безопасности человечества⁵.

Принято считать, что основную нагрузку на окружающую среду оказывают ТНК, однако именно бизнес-структуры подобного формата на данном этапе являются флагманами экономической сферы в реализации принципов устойчивого развития. Особый интерес в этом случае вызывает бескомпромиссная критика со стороны экологических НПО в отношении ТНК. Определяя тенденции взаимодействия хозяйствующих субъектов и окружающей среды, можно выделить четыре наиболее распространенных подхода⁶.

Первый подход является с точки зрения влияния на экосистему наиболее пагубным. Он получил название «экологического нигилизма» и заключается в игнорировании элементарных экологических правил и норм с максимальной концентрацией внимания на получении наибольшей экономической выгоды. Подобный подход распространен в большей степени в странах «третьего мира» и развивающихся странах. По мнению сторонников экологического нигилизма проблемы экологического характера имеют куда меньшее значение, чем вопросы экономического и/или политического роста хозяйствующего субъекта.

Основателем второго подхода в данной классификации принято считать английского священника и экономиста Томаса Роберта Мальтуса. Подобный подход уместен только в отношении государств как хозяйствующих субъектов. Он получил название «мальтузианство» и в современном мире перерос в «неомальтузианство», основной идеей которого является естественная ограниченность ресурсов, необходимых человеку для жизнедеятельности. Исходя из идей Т. Мальтуса, количество населения Земли растет в геометрической прогрессии, а объем средств человеческого существования – в арифметической прогрессии⁷. В конечном итоге подобная тенденция приводит к экологическому кризису. Для того чтобы подобный кризис был преодолен без потери уровня жизни, необходимо осуществлять регулирование планетарной демографической ситуации. Данные идеи были озвучены в первом докладе Римскому клубу «Пределы роста». Идеи неомальтузианства имеют свои существенные минусы. В частности, они не учитывают перспективы внедрения инновационных технологий, ослабляющих нагрузку на глобальную экологическую систему. Одним из направлений в применении подобных инноваций является «зеленый бизнес».

Третий подход получил название «экологического технократизма». В отличие от неомальтузианства, сторонники данного подхода основной акцент делают именно на достижениях НТР и идеях рационального природопользования. Определяя эффективность инноваций в системе природо-

пользования, можно обозначить очевидные достижения, например в создании устойчивых к неблагоприятным погодным условиям культурных растений или инноваций в области разработки месторождений природных ископаемых. Одной из разновидностей «экологического технократизма» является так называемая «концепция изобилия», согласно которой научно-технический прогресс может ликвидировать зависимость от природных ресурсов путем создания их искусственных заменителей (например, новых синтетических материалов) для удовлетворения конкретных потребностей людей. В соответствии с этим взглядом прогресс в материаловедении и технике позволит ликвидировать ресурсный дефицит, от которого зависят темпы роста ключевых отраслей экономики⁸. «Экологический технократизм» с точки зрения практического применения выражается в требовании применения наилучшей из существующих технологий природопользования, а также в стимулировании экологических инноваций. В то же время сторонники данного подхода убеждены, что экологичность товаров и услуг является и будет оставаться важной составляющей рыночной конкуренции.

Формирование четвертого подхода, определяющего принципы взаимодействия хозяйствующих субъектов и окружающей среды, проходило под эгидой ООН, и, в сущности, этот подход отражает идеи «устойчивого развития»⁹. По своим механизмам взаимодействия с окружающей средой подход «устойчивого развития» во многом пересекается с идеями «экологического технократизма». Основными императивами последнего подхода является не столько применение наиболее благоприятных для экологии технологий, сколько достижение социального и экологического благополучия для нынешнего и грядущих поколений. Одним из принципов, лежащим в основе данного подхода, является безвозмездная передача экологически благоприятных технологий от развитых к развивающимся странам как со стороны правительственных, так и неправительственных хозяйствующих субъектов.

Однако, несмотря на выше обозначенные тенденции, во-первых, далеко не все хозяйствующие субъекты готовы двигаться в направлении «зеленого бизнеса», а во-вторых, применение экологических практик со стороны таких крупных структур, как ТНК, в конкретных случаях будет различно. Это продиктовано несколькими обстоятельствами.

Первым значимым фактором при использовании экологических инициатив со стороны компаний является фаза жизненного цикла. Как и живые организмы, бизнес-структуры в своей истории проходят ряд стадий – роста, зрелости и угасания. Для каждой из этих стадий характерны свои горизонты планирования, цели, а также механизмы их достижения. На ранней стадии развития (так называемой стадии роста) бизнес не способен проявлять экологические инициативы. Это связано с отсутствием возможности изыскать свободные финансовые ресурсы. Деятельность бизнеса в экологической сфере на данном этапе в лучшем

случае регулируется со стороны экологического законодательства государства.

На более поздней стадии, стадии зрелости, компании определяют более поздние горизонты планирования, чем на стадии роста. На этом этапе компании обладают большим количеством свободных финансов и возможностей кредитования со стороны банковского сектора либо инвесторов. Процесс развития компании на данном этапе осуществляется через реализацию собственных инвестиционных проектов, расширение сферы деятельности внутри государства, а также путем выхода на новые рынки. Именно в тот момент, когда компания начинает искать новые рынки сбыта, она в большей степени склоняется к «озеленению» собственных проектов. Это связано с экологизацией глобальной конкурентной среды, инициированной на международно-правовом уровне, в том числе такими организациями, как «Международная торговая палата», «Всемирный совет предпринимателей по устойчивому развитию» и т.д. В частности, «Хартия предпринимателей по переходу к устойчивому развитию», принятая МТП в 1990 г., рекомендует международным компаниям «поощрять более широкое применение поставщиками» принципов «устойчивого развития»¹⁰.

В период стадии упадка бизнес становится более консервативным. Отказ от новаций в реализации собственных проектов ведет к их постепенному угасанию и упадку. Вследствие этого финансовые потоки сокращаются, горизонты корпоративного планирования сжимаются и на реализацию экологических инициатив не остается ни времени, ни средств. Следующим значимым фактором при использовании экологических инициатив со стороны компаний является структура капитала последней. С точки зрения экономической целесообразности компаниям, разместившим свои активы на международных фондовых рынках, в большей степени необходимо ориентироваться на мировые тенденции «озеленения». Во-первых, реализация более перспективной экологической политики ведет к увеличению реальной фондовой стоимости компании, которую можно отследить, например, по DJSI (индекс устойчивости Dow-Jones)¹¹. Во-вторых, компаниям с меньшими экологическими рисками в большей степени доверяют инвесторы, включая банковские структуры. В-третьих, необходимо обозначить большую, в отличие от ООО или «семейных предприятий», ответственность публичных компаний в случае возникновения чрезвычайных ситуаций и вследствие этого большее стремление в обеспечении экологической безопасности ТНК.

Последним фактором, влияющим на реализацию «зеленой политики» со стороны бизнеса, является так называемый «портфель технологий и оборудования», имеющийся в распоряжении компании. Очевидными являются ограничения, накладываемые на компании через сроки эксплуатации оборудования. Если компания реализует инвестиционный проект по созданию нового производства «с нуля», то она имеет веские экономические основания на применение наилучших экологических

технологий имеющихся в ее распоряжении. Однако, если компания приобретает уже запущенное производство, с комплектом неотработавшего свой моторесурс оборудования, то замена последнего только по экологическим соображениям является нецелесообразной.

Подводя промежуточный итог, можно отметить, что классический бизнес может перейти на «зеленые рельсы» и стать экобизнесом при достаточно жестких условиях. Поскольку экологические проекты являются в крайней степени ресурсоемкими и окупаемыми только в длительной перспективе, позволить себе подобные инициативы могут только крупные компании в зрелой стадии развития. Кроме того, большую экономическую пользу от реализации экологических инициатив получают крупные бизнес-структуры, ценные бумаги которых вращаются на фондовых рынках. При этом особое значение сегодня для бизнеса приобретает «экологический имидж».

Более половины компаний, представленных в списке Fortune 500, ежегодно публикуют свои отчеты о деятельности в направлении устойчивого развития. Целью подобных отчетов является привлечение новых и удержание старых потребителей своей продукции. Согласно результатам исследований, проведенных в США, более 80% потребителей конечных товаров и услуг интересуются вопросами охраны окружающей среды и отслеживают результаты деятельности компаний в этом направлении¹². Это означает, что конечный современный потребитель готов платить несколько большую стоимость за товары или услуги, если их производство и утилизация отвечают концепции устойчивого развития. Стоит отметить, что подобное отношение потребителей проявляется не только к бизнесу реального сектора экономики, который «напрямую» влияет на окружающую среду, но также к компаниям финансового сектора. Механизмы построения экологического имиджа базируются, например, на применении более энергоэффективных технологий при изготовлении конечной продукции, на финансировании экологических инициатив или на использовании зеленых оттенков в фирменных цветах и логотипе компании и т.д. С большой долей вероятности можно спрогнозировать, что в современном мире «озеленение» деятельности «классического бизнеса» будет являться одним из значимых критериев конкурентоспособности товаров и услуг, им предлагаемых.

Второй подход к определению «зеленого бизнеса», обозначенный выше, предполагает более интересный вектор взаимодействия глобальной экологии, экономики и политики. Речь идет прежде всего о таком перспективном направлении «зеленого бизнеса», как альтернативные источники энергии. Прямое влияния данного вектора «зеленого бизнеса» на мировую политику проследить не удастся, однако, к примеру, перспективы изменения глобального энергетического баланса однозначно определяют новую расстановку сил на мировой арене. Именно поэтому имеет смысл обозначить основные тенденции в этом секторе «зеленого бизнеса».

Альтернативные источники энергии известны человечеству на протяжении многих веков. К таковым, например, можно отнести примитивную водяную турбину или ветряную мельницу. Уже в древние века наличие большого количества подобных устройств являлось одним из условий успешного экономического и политического развития государства. Именно в этом секторе «зеленый бизнес» получил наибольшее развитие. На современном этапе классификация альтернативных источников энергии значительно расширилась. Среди них выделяют геотермальные, ветряные, солнечные, водородные и биотопливные источники. Альтернативные источники энергии представляют собой способ, устройство или сооружение, позволяющие получать энергию без использования нефти, газа или угля. По своей сути данные источники являются неисчерпаемыми или практически неисчерпаемыми.

Исследуя современные тенденции развития альтернативных источников энергии можно констатировать, что все большее количество стран интенсивно внедряют и эксплуатируют подобные технологии с целью производства электричества и тепла. Несмотря на то что доля энергии, получаемой из данных источников, на конец 2011 г. составляла всего 3,5% от общего количества вырабатываемой энергии, наблюдается устойчивая тенденция роста этого показателя¹³. Альтернативная энергия приводит на смену традиционной. Лидерами в развитии альтернативных источников энергии от общей производимой доли являются такие государства, как Исландия (25%), Дания (21%), Португалия (18%), Испания (17,7%) и Новая Зеландия (15,1%).

Следует отметить, что каждая из указанных стран использует наиболее приемлемый для себя источник альтернативной энергии. Предпосылкой к формированию столь высокой, по отношению к остальному миру, доли энергии получаемой из альтернативных источников может являться малое количество природных ресурсов, расположенных на территории обозначенных государств, и, как следствие, необходимость импортировать энергоресурсы. Данный вывод достаточно закономерен. Однако если обратить внимание на абсолютные цифры в производстве альтернативной энергии, то в 2012 г., к примеру, первые три позиции в мировом производстве энергии ветра занимают Китай, США и Германия соответственно. Учитывая позиции обозначенных государств в мировой экономике, можно предположить, что альтернативная энергия для них является реальной альтернативой традиционным энергоносителям. Согласно прогнозам Гринпис к 2020 г., доля энергии, получаемой только от силы ветра, может достигнуть 12% от общемирового объема энергопроизводства.

Помимо энергии ветра пристального внимания заслуживает такое направление «зеленого бизнеса», как биоэнергетика. Биоэнергетика представляет собой отрасль энергетики, специализирующуюся на получении энергии из органической субстанции. При выработке энергии из биомассы последняя извлекается из окружающей среды, био-

■ Мировая политика

энергетика сокращает выбросы вредных веществ, производимых при естественном разложении некоторых видов биомасс, в атмосферу. Наиболее перспективными из продуктов биоэнергетики являются биотопливо (биоэтанол, биометанол) и биогаз. Передовыми странами в производстве биотоплива являются Бразилия и США. Основными плюсами данного вида топлива является его более выгодная, по отношению к бензину, стоимость. В 2007 г. в США был подписан «Закон об энергетической независимости и безопасности», согласно положениям которого к 2020 г. 20% топливного рынка США должно будет занимать биотопливо¹⁴.

Процесс освоения биогаза наиболее интенсивно обозначен в странах Западной Европы, где, к примеру, не менее половины птицеферм отапливаются именно биогазом, получаемым из продуктов жизнедеятельности птиц. В относительных цифрах первое место в Европе по использованию биогаза занимает Дания, где 18% от общего энергобаланса страны занимает этот вид топлива, а руководство Германии к 2030 г. планирует 10% потребляемой энергии производить с помощью биогаза¹⁵.

Можно с большой уверенностью утверждать, что поддержка государством частных компаний, занятых в секторе «зеленого бизнеса», в ближайшем будущем будет являться залогом дальнейшего макроэкономического благосостояния государства. В марте 2012 г. Всемирный фонд дикой природы (WWF) и компания Cleantech опубликовали результаты исследования стран, в которых созданы наиболее благоприятные условия для реализации «зеленого бизнеса». В результате данного исследования, в котором принимало участие 38 государств, рейтинг возглавила Дания, за ней следуют Израиль, Швеция, Финляндия и США¹⁶. Подавляющее большинство капитала, необходимого для формирования сектора альтернативной энергетики, в этих странах происходит из частных источников, что, в свою очередь, является результатом позитивной государственной политики, реализуемой в данном секторе.

Наибольший вклад в условия формирования «зеленого бизнеса» внесли государства Северной Европы и Северной Америки. Несмотря на то что США в общем рейтинге занимают только пятое место, это государство имеет самый большой госбюджет, предназначенный на поддержку «зеленых инноваций» и «зеленого предпринимательства», а также самое большое количество «зеленых стартапов». Однако если рассматривать статистику роста «зеленого бизнеса» и применения «зеленых технологий», то по этим показателям лидирует Азиатско-Тихоокеанский регион. Последние позиции в данном рейтинге занимают Саудовская Аравия и Российская Федерация. Развитие экологических инициатив в секторе энергетики в этих государствах не является приоритетом. Можно с уверенностью утверждать, что подобная ситуация связана с особенностью экономики этих стран, основанной на экспорте природных углеводородов.

Как уже было сказано, определить прямое влияние «зеленого бизнеса» на мировую полити-

ческую систему достаточно проблематично. Однако влияние опосредованное, механизмы которого прослеживаются через глобальную экономическую сферу, можно спрогнозировать. Безусловно, следует говорить о все нарастающем влиянии экологических императивов на все сферы жизнедеятельности человечества. И, как сообщают многие источники, человек добивается определенных успехов в реализации экологических инициатив. С этой позиции «зеленый бизнес» однозначно является делом нужным, полезным и перспективным. Тем не менее народная мудрость гласит, что у каждой медали есть две стороны.

Динамичное развитие «зеленого бизнеса» в секторе альтернативной энергетики является гипотетической угрозой для стран с так называемой сырьевой экономикой. К таким странам можно отнести страны Ближнего Востока (Саудовская Аравия, ОАЭ, Иран, Ирак и т.д.), Венесуэлу, Российскую Федерацию и некоторые другие государства. Во многом механизмы внешней политики обозначенных держав детерминированы состоянием их сырьевой базы. Применение «энергетических рычагов» со стороны «сырьевых держав» является эффективным механизмом их внешней политики. Поскольку сектор альтернативной энергетики будет развиваться, то в дальнейшем следует ожидать снижение политической эффективности обозначенного механизма внешней политики и общего влияния на мировые политические процессы указанных государств.

Не менее значимым в развитии «зеленого бизнеса» альтернативной энергетики будет являться постепенное снижение стоимости традиционных энергоносителей, для которых все более серьезным конкурентом становятся альтернативные. В связи с этим можно предположить логичное снижение наполняемости бюджета «сырьевых государств», в свою очередь зависящего от стоимости на традиционные энергоносители. Впоследствии это приведет к снижению экономических показателей населения этих стран, увеличению численного состава беднейших слоев населения и т.д. Подобный сценарий гипотетически может привести к нескольким негативным последствиям для мировой политической системы. Из них наименее значимым может являться увеличение миграционных потоков из беднеющих государств, а самым опасным может быть увеличение количества террористических элементов, во многом питающих свою силу из беднейших слоев населения. Это особенно значимо, учитывая, что большинство стран с «сырьевой экономикой» располагаются на Ближнем Востоке. Саудовская Аравия, являющаяся одной из крупнейших «сырьевых экономик» и официальной религиозно-идеологической основой которой является фундаментальный ваххабизм, взрастила 15 граждан, причастных к террористическим атакам 11 сентября¹⁷.

Если предположить, что в ближайшем будущем мир полностью перейдет на альтернативные источники энергии, трудно представить, какие последствия будут иметь место в распространении

радикальных террористических идей. Для того чтобы подобный сценарий не случился, государствам с «сырьевой экономикой» необходимо либо инициировать интенсивное развитие «зеленого бизнеса», в том числе и в сфере альтернативной энергетики, либо искать иные основные источники наполнения государственного бюджета. В любом случае экологическая ситуация в мире будет диктовать свои условия взаимодействия человека и природы, от которых человечество в силу очевидных причин не сможет отказаться. И мы должны быть готовы

к изменениям, которые уже сегодня становятся реальностью.

Coolinich A.A. Business in Ecological Sphere: it's Role in World Politics.

Summary: The article deals with major approaches to defining the phenomenon of "green business" and its potential role in the sphere of alternative energy sector in world politics. The author stresses the "classic business" approaches to solving global ecological problems and shifting to environment friendly production mechanisms.

Ключевые слова

Национальная безопасность, глобальные экологические проблемы, устойчивое развитие, «зеленый бизнес», альтернативные энергии.

Keywords

National security, global ecological problems, sustainable development, "green business", alternative energy.

Примечания

1. Термин введен в научный оборот Э. Кочетовым.
2. Подробнее см.: Причиной аварии в Мексиканском заливе назвали халатность. Русская служба BBC. 9 ноября 2010 г. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2010/11/101109_oil_spill_complacent.shtml
3. Подробнее см.: Причиной аварии на АЭС «Фукусима-1» был человеческий фактор. Русская служба BBC. 5 июля 2012 г. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2012/07/120705_fukushima_human_errors.shtml
4. См.: Эко-словарь. URL: <http://ecobelarus.blog.tut.by/eco-dictionary/>
5. Иванова И. Что такое зелёный бизнес. 6 июля 2011 г. URL: <http://svojobdelo.com/chto-takoe-zelenyj-biznes/>
6. Герасимчук И. Экологическая практика транснациональных корпораций. М.: Всемирный фонд дикой природы (WWF), 2007. 92 с.
7. Мальтус Т.Р. Опыт закона о народонаселении. Петрозаводск: Петроком, 1993 г. 321 с.
8. См.: Научно-информационный портал ВИНИТИ. URL: http://science.viniti.ru/index.php?option=com_content&task=view&Itemid=139&Section=&id=316&id_art=J001522
9. Декларация Рио-де-Жанейро по окружающей среде и развитию от 14.06.1992 // Действующее международное право: в 3 т.: Учеб. пособие для студентов и аспирантов, изучающих междунар. право / сост. Ю. М. Колосов, Э. С. Кривчикова. М.: МГИМО МИД России, Московский независимый ин-т междунар. права, 1997. Т. 3. С. 721 – 723.
10. См.: Хартия предпринимательской деятельности в интересах устойчивого развития, 27 ноября 1990 г. URL: <http://www.ecolife.ru/info/docum/glob-5.shtml>
11. См.: Индекс устойчивости Доу-Джонс. URL: <http://www.sustainability-index.com/>
12. См.: «Всё изменилось, когда потребители стали голосовать кошельком», 27.06.2012 г., Коммерсантъ.ru URL: <http://www.kommersant.ru/doc/1965848/print>
13. См.: Итоги развития альтернативной энергетики в мире и России в 2010 году. Информационно-аналитическое агентство Cleandex. URL: http://cleandex.ru/articles/2011/01/17/results_of_development_of_alternative_energy_in_the_world_and_in_russia_in_2010#.UJ3VZocz2TX
14. Summary of the Energy Independence and Security Act. URL: <http://www.epa.gov/lawsregs/laws/eisa.html>
15. См.: Биогазовая энергетика: опыт ЕС. URL: <http://aenergy.ru/1793>
16. Носков Е. Отстаем по экологии // Российская бизнес-газета. 2012. 20 марта. URL: <http://www.rg.ru/2012/03/20/ekologia.html>
17. Херш М. Джордж Буш и внешний мир // Россия в глобальной политике. 2002. №1, ноябрь-декабрь. URL: http://www.globalaffairs.ru/number/n_11

Деятельность экологических НПО на мировой политической арене

О.Ю. Семенов

Глобализация экологических проблем на современном этапе развития мировой политики предопределяет значимое место вопросов охраны окружающей среды в повестке дня деятельности государственных и негосударственных акторов международного уровня. Традиционная дипломатия нуждается в поддержке негосударственных участников применительно к экологической проблематике и процессу создания новых механизмов, способных адекватно реагировать на стремительные изменения окружающей среды. Особенно рельефно новая роль экологических НПО в мировой политике прослеживается в сфере нормотворчества, стандартизации и глобального управления.

Роль неправительственных организаций в мировой политике признана международным научно-экспертным сообществом уже достаточно давно и изучается на протяжении нескольких десятилетий. Группы активистов, торгово-промышленные организации, институты, занимающиеся исследованиями в области мировой политики, предоставляют рекомендации фундаментального и прикладного характера для лиц, принимающих решения в этой сфере. Они отслеживают линию поведения различных государств, информируют правительства и общественность о действиях дипломатических представителей и соответственно их коллег по переговорам, а также напрямую высказывают свои замечания и предложения на встречах международного масштаба¹.

Увеличение количества НПО, главная цель которых – участие в международном нормотворчестве, является еще одной глобальной объективной тенденцией в современной мировой политике. В результате появляется целый набор

стандартов и норм, следование которым в той или иной степени упорядочивает деятельность акторов мировой политики. Один только сдвиг в организационных стратегиях и появление новых форм глобального управления может служить основанием для более тщательного анализа, однако существуют еще две тенденции, достойные упоминания:

– во-первых, это не только рост числа транснациональных организаций, вырабатывающих международные правила и стандарты, но и тот значимый факт, что они имеют сходные организационные структуру, функционирование и риторику;

– во-вторых, активное участие НПО в международном нормотворчестве не ограничивается какими-то определенными областями, это проявляется в абсолютно разных предметных сферах, варьирующихся от охраны окружающей среды до защиты прав человека, торговли, финансов и безопасности².

Семенов Олег Юрьевич – к.и.н., доцент, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: horrin@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

Экологическая проблематика, в свою очередь, давно не ограничивается рамками отдельных стран или регионов, приобретая глобальный характер. Необходимость решения вопросов, связанных с окружающей средой, в общепланетарном масштабе предполагает объединение усилий международного сообщества, развитие международного сотрудничества разнокачественных акторов. Международное значение глобальных проблем требует поиска конкретных мер для поддержания стабильности природных экологических систем. В свою очередь, эффективное международное экологическое сотрудничество невозможно без активного участия международных организаций, как межправительственных, так и негосударственных.

Учитывая, что международные соглашения и процесс нормотворчества в целом являются в настоящее время одной из основных форм реакции международного сообщества на проблемы окружающей среды, нельзя не признать неудовлетворительной обычную медлительность, проявляемую государствами при их разработке, заключении и ратификации. Методы традиционной дипломатии по большей части исчерпали себя и нуждаются в поддержке негосударственных участников применительно к экологической проблематике и процессу создания новых эффективных механизмов, способных адекватно реагировать на стремительные изменения окружающей среды и уровня научных знаний о природном потенциале планеты³.

Глобализация экологических проблем на современном этапе развития мировой политической системы катализировала процесс экологизации национальных и наднациональных институтов, государственных и негосударственных акторов международного уровня. В определенном смысле можно рассуждать о мировом экологическом движении, в состав которого входят: межправительственные институты и государства, проводящие экологически направленную политику, а также международные, национальные и региональные экологические НПО. Генезис и динамика мирового общественного движения, как представляется, должно стать ответной реакцией мирового сообщества на глобализацию экологических проблем и рассматриваться в качестве политического механизма снижения влияния антропогенного фактора на природу в процессе эволюционного развития.

Мы в целом придерживаемся того мнения, что ключевым инструментом для понимания феномена новой роли экологических НПО на мировой политической арене является понятие «организационное поле». Дополняя стандартную оценку сотрудничества как обмена ресурсами, основанного на интересах сторон, мы подразумеваем, что социальная динамика формирующегося организационного поля нормотворчества на транснациональном уровне является ключевой для понимания феномена распространения транснациональных экологических организаций, вырабатывающих международные нормы и стандарты.

Мы считаем, что на рубеже XX–XXI вв. организационное поле как институционализирован-

ная арена взаимодействия, на которой акторы с различными организационными возможностями выстраивают свое поведение по отношению друг к другу, на уровне транснационального нормотворчества постепенно трансформировалось в отдельную область политики и демонстрирует устойчивое развитие. Обретение этим организационным полем самостоятельности и законности стало ответом на широкий социальный дискурс о должных средствах осуществления глобального управления, в рамках которого особо подчеркивалась необходимость инновационных форм сотрудничества между различными секторами общества. Выделение ряда всеми принятых базовых норм, увеличение частоты взаимодействия участников организационного поля, а также такие характеристики их деятельности, как успешность и легитимность, которые внешний мир приписал этим игрокам, – вот факторы, которые помогли этому организационному полю сформироваться, и оно, в конце концов, начало собственное независимое существование⁴.

В сфере нормотворчества, стандартизации и глобального управления новая роль экологических НПО в мировой политике прослеживается особенно рельефно. Например, без надежных систем сертификации для легальной добычи алмазов, как схема сертификации Кимберлийского процесса, инициатива по созданию которой исходила от активистов НПО «Global Witness» и крупнейшей мировой корпорации «De Beers», занимающейся добычей, обработкой и продажей природных алмазов, было бы, в сущности, невозможно перекрыть доступ участников длительных гражданских конфликтов в странах, подобных Сьерра-Леоне и Ливерии, к главному источнику их доходов. Если бы свою посредническую миссию не играла Всемирная комиссия по плотинам, сторонники и противники строительства крупных плотин продолжали бы ожесточенную борьбу, которая не только бы истощила ресурсы обеих сторон, но и привела к росту ненужных затрат, а ряд разумных и нужных проектов так и не был бы реализован⁵.

Обращаясь к участникам Всемирной комиссии по плотинам, южноафриканский министр образования и председатель комиссии Кадер Асмаль в свое время отметил: «Комиссия является прототипом того, о чем я предпочитаю думать как о по-настоящему новом мировом порядке. В ней нет какой-либо одной доминирующей организации или одного доминирующего правительства, в ней не верховенствуют ООН или группа Всемирного банка. Уполномоченные комиссии – выдающиеся люди, эксперты, участвующие в дискуссии по плотинному строительству, и вместе они представляют все заинтересованные в вопросе стороны: международное бизнес-сообщество, НПО, занимающиеся защитой окружающей среды и социальной деятельностью, научное сообщество, представители правительства, профессиональные инженеры»⁶.

Помимо Всемирной комиссии по плотинам, наличие и других сходных структур прекрасно иллюстрирует существование все расширяюще-

■ Мировая политика

гося «рынка» негосударственных экологических институтов, которые определяют проблемы, выработывают соответствующие нормы и контролируют их соблюдение. Ниже перечисленное – лишь небольшая выборка примеров с целью дать более четкое представление о данном феномене:

– Попечительский совет лесов (The Forest Stewardship Council, FSC) – частная, некоммерческая организация с различной степенью членства, состоящая из социальных НПО и неправительственных организаций по охране окружающей среды, бизнес-корпораций, научно-исследовательских институтов, религиозных организаций и частных членов из более чем шестидесяти стран. В рамках этой организации была выработана полноценная схема сертификации промышленных предприятий, ответственно распоряжающихся древесными ресурсами, и их продукции. С момента основания организации в 1993 г. более 80 млн га леса было сертифицировано во всем мире. Более того, Совет стимулирует ряд частных промышленных компаний по всему миру выступать с собственными инициативами по сертификационным стандартам в области окружающей среды⁷;

– Морской попечительский совет (The Marine Stewardship Council, MSC) – независимая некоммерческая организация, появившаяся в результате сотрудничества компании «Unilever» – второй в мире крупнейшей компании по производству продуктов питания и одновременно крупнейшего закупщика замороженной рыбы, – и Всемирного фонда дикой природы (the World Wide Fund for Nature, WWF). Цель этой организации, созданной по подобию Попечительского совета лесов, звучит как «приспособление покупательной способности потребителей для положительных изменений и продвижения экологически ответственного распоряжения наиболее важным мировым возобновляемым пищевым ресурсом». «Wal-Mart», одна из крупнейших международных сетей супермаркетов, не так давно объявила, что в своих магазинах в Северной Америке они будут продавать исключительно морепродукты, прошедшие сертификацию в соответствии со стандартами Морского попечительского совета⁸;

– сертификационная схема Кимберлийского процесса появилась в результате совместной инициативы неправительственной организации «Global Witness» и «De Beers» – ведущей мировой компании, занимающейся продажей алмазов. Целью инициативы было приостановить торговлю алмазами, ставшими причиной внутригосударственных конфликтов, и тем самым ограничить финансирование повстанческих движений в таких странах, как Ангола, Демократическая Республика Конго и Сьерра-Леоне. После того как представителям гражданского общества и алмазной промышленности удалось достичь прочного согласия о сертификационной схеме, которая подтверждала бы, что на торговых морских судах отсутствуют те самые алмазы, мировое сообщество приняло эту схему в качестве стандарта на специальной межправительственной конференции. Сегодня

на участников Кимберлийского процесса приходится порядка 99% производства необработанных алмазов в мире⁹.

Называть вышеперечисленные организации верными признаками «по-настоящему нового мирового порядка» в представлении г-на Асмаля является, скорее всего, преувеличением. И тем не менее они – яркое подтверждение всеобъемлющей тенденции. Некоммерческая организация «the Flower Label Program», Международная федерация «Движения за органическое сельское хозяйство» (the International Federation of Organic Agriculture Movements), инициатива «Международной социальной экологической ответственности» (Social Environmental Accountability International) – эти и многие другие международные структуры могут быть также включены в список транснациональных экологических организаций, вырабатывающих международные нормы, правила и стандарты.

Попечительский совет лесов и Коалиция за создание экологически ответственных экономик (the Coalition of Environmentally Responsible Economies) могут рассматриваться как основополагающие примеры транснациональных нормотворческих экологических НПО. Когда в 1993 г. было принято решение о создании Совета в форме ассоциации членов, в качестве главного образца послужила Международная федерация «Движение за органическое сельское хозяйство». Более того, Международная федерация предоставила также институциональную модель сертификации, использованную Советом в качестве первоначального инструмента его политики, а впоследствии позаимствованную и другими транснациональными экологическими организациями, вырабатывающими международные нормы и стандарты¹⁰.

Сходным образом на основе уже готовых «чертежей» была создана и Коалиция за создание экологически ответственной экономики. Две идеи, одна практического, другая скорее организационного характера, легли в основу формирования Коалиции:

– во-первых, это система стандартизированной финансовой отчетности, появившаяся в результате совместной работы общественного и частного сектора в США, реализация и контроль над которой принадлежит Совету по стандартам финансового учета (Financial Accounting Standards Board, FASB);

– во-вторых, это использование принципов корпоративного поведения, так называемых «Принципов Салливана», применявшихся еще к американским компаниям, работавшим в Южной Африке в рамках режима апартеида. По аналогии сформулированными в «Принципах» положениями создатели Коалиции поставили своей целью создание независимого органа, осуществляющего контроль над соблюдением принципов организации¹¹.

На рубеже XX–XXI вв., когда такие организации, как Международная федерация «Движение за органическое сельское хозяйство», Попечительский совет лесов и Коалиция за создание экологически ответственных экономик уже знали о существовании друг друга и контакты между ними приобрели

стабильный характер, произошла гармонизация управленческого процесса. К примеру, Коалиция эволюционировала из организации, центр которой находился в США, в Глобальную инициативу по отчетности – структуру международного масштаба, при этом расширив сферу своей компетенции с экологических вопросов до проблем устойчивого развития, а также сформировала полноценную систему многостороннего управления. Говоря об этом в целом, появился набор стандартных организационных черт, присущих транснациональным нормотворческим организациям. Он включил в себя ряд стандартов, обозначивших приемлемое поведение членов организации, процедуры принятия решений, характерные для «многостороннего подхода» и гарантирующие внутреннюю общность, открытость и подотчетность, а также идею разделения нормотворчества и непосредственно процесса реализации этих норм.

Хорошим примером все более широкого принятия стандарта организационной модели экологических международных НПО является создание Международного альянса по социальной и экологической аккредитации и маркировке (International Social and Environmental Accreditation and Labelling (ISEAL) Alliance) в 2002 г.¹². Сегодня членами Альянса являются двенадцать организаций. На базе ISEAL был создан «Кодекс надлежащей практики для установления социальных и экологических стандартов» (обязателен для всех членов с декабря 2013 г.), в котором уточняются «общие требования для подготовки, принятия и пересмотра стандартов, относящихся к социальной и экологической практике». Посредством этого была кодифицирована стандартная организационная модель транснациональных нормотворческих экологических НПО¹³.

Альянс оценивает своих членов как «международных лидеров в сфере добровольного установления стандартов и оценке соответствия (...) в секторах, варьирующихся от лесного и сельского хозяйства до рыбного промысла, обрабатывающей и текстильной промышленности». Считается, что в совокупности члены Альянса «представляют собой быстро растущее движение, которое ставит своей целью создание мира, где стабильное экологическое развитие и социальная справедливость являются нормальными условиями ведения бизнеса». Создание подобного имиджа организации может быть расценено как попытка содействовать процессу подражания (мимикрии) – 12 членов-организаций классифицируют себя как следующих «надлежащей практике» и приглашают других присоединиться к ним. И хотя эффективность Альянса ограничена негосударственным уровнем, организация является очевидным примером попыток создать и применить на практике стандартную модель транснационального экологического нормотворчества. Инициированные ISEAL и уже апробированные международные схемы – это прежде всего Общеввропейская программа поддержки сертификации лесов (the Pan-European Programme for the Endorsement of Forest Certification, PEFC) и Севе-

роамериканская инициатива по устойчивому использованию лесов (the North-American Sustainable Forestry Initiative SFI)¹⁴.

В нашей статье на примере экологических международных НПО мы постарались проиллюстрировать генезис нового организационного поля мировой политики – поля транснационального негосударственного нормотворчества. Эта тенденция сама по себе достойна внимания, так как ставит под вопрос традиционные предположения о расположении центра власти и механизмах обретения легитимности нормами и правилами в рамках международной системы. В более общем понимании она также имеет значимость с точки зрения перспектив развития организационного поля и его влияния на дальнейший анализ мировой политики.

Делая значительный акцент на таких ценностях, как внутренняя общность (инклюзивность), открытость, ответственность, рациональность, и позиционируя себя соответствующим образом, экологические НПО оказываются намного ближе к нормативному идеалу глобальных управленческих организаций, нежели реальные межправительственные организации, такие, как ЮНЕП или ФАО. Таким образом, экологические НПО продвигают не только специфическую концепцию их собственной идентичности, но и вносят свой вклад в укрепление более общей модели управленческих организаций глобального уровня. Это также свидетельствует о том, что любая новая норма, как и стандартная модель транснациональной организации, не возникает на пустом месте. Наоборот, в нашем конкретном случае модель строится на изменении представлений о том, как должно осуществляться создание международных норм: наблюдается отход от принципа многостороннего исполнения, когда нормы и правила были легитимными, только если они создавались государствами. Осуществляется переход к принципу глобального управления, который подразумевает, что правила и нормы обладают легитимностью ровно до тех пор, пока они помогают эффективно справиться с проблемой и пока процесс их выработки имеет такие черты, как инклюзивность, открытость и рациональность.

С особым акцентом на указанных аспектах стандартная модель объединяет в себе нормативные ожидания воплощения демократических принципов, которые преобладают среди представителей транснационального гражданского общества, с ожиданиями, связанными с надлежащим принятием решений, которые присущи деловым кругам. Так как оба сообщества могут принять эти элементы в силу различных причин, стандартная модель основывается на ряде тех норм и правил, которые резонируют с ожиданиями различных секторов общества, с которыми непосредственно связана деятельность самих транснациональных экологических организаций.

В целом мы считаем, что экологические неправительственные организации в современном мире уже представляют весьма внушительную политическую силу, и сегодня их деятельность

■ Мировая политика

по решению глобальных и национальных экологических проблем уже не ограничивается только экологическими акциями, но вторгается в сферы традиционно исключительно межгосударственного взаимодействия, такие, как нормотворчество и стандартизация. Как представляется, при таком подходе можно надеяться, что и сами государства в итоге будут проводить рациональную внутреннюю и внешнюю экологическую политику, станут активными субъектами мирового экологического движения, способного изменить негативную тенденцию в развитии глобальной экологической ситуации.

Semenov O.Y. Environment NGO Activity in the World Political Arena.

Summary: *The globalization of ecological and environmental problems in contemporary world politics defines a significant role of such issues in the agenda of both state and non-state international actors. Traditional diplomacy needs the assistance of NGOs related to environment and creating new mechanisms which could be able to respond to rapid ecological changes. The new role of environmental NGOs in world politics is clearly evident in rule- and standard-making as well as global governance issues.*

Ключевые слова

Экология, НПО, мировая политика, нормотворчество.

Keywords

Ecology, environment, NGO, world politics, rule-making.

Примечания

1. См. например: Вавилов А.М. Экологическая безопасность и устойчивое развитие России // Международная жизнь. 2002. №8; Мамедов Н.М. Экологическая политика в условиях постиндустриального общества. М., 2002; Лебедева М.М. Экологические проблемы в международных отношениях // Современные международные отношения и мировая политика: Учебник для вузов. М., 2004.
2. См. например: Bartlett R., Priya A. Malik M. International Organizations and Environmental Policy. Westport, 1995; Brunsson N., Jacobsson B. A World of Standards. Oxford, 2000; Djelic M., Sahlin K. Transnational Governance: Institutional Dynamics of Regulation. Cambridge, 2006.
3. Raustiala K. States, NGOs, and international environmental institutions // International Studies Quarterly. – 1997. -№41 (4).
4. См. также: Davis G., Marquis C. Prospects for Organization Theory in the Early Twenty-First Century: Institutional Fields and Mechanisms // Organization Science. 2005. № 16 (14).
5. Biermann F. Reforming global environmental governance. Amsterdam, 2011. P. 12-14.
6. Asmal K. From Politicians to Craftsmen: How ICOLD can use the WCD's Dams & Development as a pragmatic tool / URL:http://www.talsperrenkomitee.de/symposium_benefits_and_concerns_about_dams/professor_kader_asmal.htm (дата обращения: 01.11.2012).
7. Более подробно см.: Pattberg P. Private Institutions and Global Governance. The New Politics of Environmental Sustainability. Cheltenham, 2007.
8. Более подробно см.: Marine Stewardship Council. About MSC / URL:http://www.msc.org/html/content_462.htm (дата обращения: 01.11.2012).
9. The Kimberley Process / URL:<http://www.kimberleyprocess.com:8080/site/> (дата обращения: 01.11.2012).
10. Dingwerth K., Pattberg P. Wirkungen transnationaler Umweltregime. Wiesbaden, 2007. SS. 210-225.
11. Pattberg P. Op.cit. P.112-114.
12. The ISEAL Alliance / URL:<http://www.isealliance.org/> (дата обращения: 01.11.2012).
13. ISEAL Code of Good Practice for Setting Social and Environmental Standards. Oxford, 2006.
14. North American Sustainable Forestry Initiative standard endorsed by PEFC / URL:<http://www.risiinfo.com/techchannels/environment/North-American-Sustainable-Forestry-Initiative-standard-endorsed-by-PEFC.html> (дата обращения: 01.11.2012).

Религиозные акторы в современной мировой политике: роль, возможности, перспективы развития

В.В. Толкачев

При ускорении передачи данных, расширении доступа к информации все большего количества людей необходимо намного серьезнее относиться к этническим, культурным, религиозным, цивилизационным особенностям окружающих, чтобы избежать нежелательных последствий, многие из которых могут носить даже глобальный характер. События последней четверти XX в. показали возвращение в массовое сознание религиозности, влияющей на политическое поведение больших групп людей.

В эпоху глобализации, научно-технического прогресса и информационно-коммуникационной революции все сильнее виден рост взаимозависимости и взаимовлияния событий в разных регионах, странах, а также действий определенных групп населения и отдельных индивидов. В этой обстановке комплексный анализ поведения любых действующих лиц международных отношений все более и более актуализируется. При возрастающей скорости передачи данных, расширении доступа к информации все большего количества людей необходимо намного серьезнее относиться к этническим, культурным, религиозным, цивилизационным особенностям окружающих, чтобы избежать нежелательных последствий, многие из которых могут носить даже глобальный характер.

Не все данные факторы имеют равное значение в определении той или иной реакции на какие-либо события, степень их влияния определяется особенностями политико-экономического

развития в каком-либо регионе на определенном этапе истории. Например, большинство мыслителей XVIII – XIX столетий скептически относились к будущему религии, а в XX в. один из известных социологов религии Питер Людвиг Бергер писал в «Нью-Йорк Таймс» в апреле 1968 г., что «в начале XXI в. религиозных людей, вероятно, удастся найти разве что в небольших сектах, жмущихся друг к другу в своем сопротивлении светской культуре»¹.

Однако события, произошедшие в мире примерно с 1970-х гг., показывают возвращение религиозности в массовое сознание и соответственно на «серьезные» места в работах исследователей, что даже побудило ученых характеризовать все чаще некоторые процессы как «новое Средневековье». Данный термин, следует отметить, приобрел большую популярность у многих исследователей различных периодов современной истории для характеристики процессов социально-политического и экономического характера как в конкретном го-

Толкачев Виталий Валерьевич – к.и.н., доцент кафедры мировой политики и международного права факультета международных отношений Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского.
E-mail: tolkatchev_v@mail.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Трансформация мира: негосударственные акторы мировой политики», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8813 от 15 ноября 2012 г.).

■ Мировая политика

сударстве, так и на международной арене. В этом смысле близко по духу и определение Н.А. Бердяева, данное им в соответствующей работе «Новое Средневековье» (1924), под которым он понимал ритмическую смену эпох, переход от рационализма новой истории к иррационализму или сверхнационализму средневекового типа².

Таким образом, необходимо подчеркнуть главное: в современной мировой политике происходит рост «негосударственного» сознания людей, приводящий либо практически к равнозначности государственного и религиозного (в нашем случае) сознания человека, либо к приоритету последнего над первым, когда человек более привержен неким религиозным акторам, в том числе международным, чем своему государству. Это подкрепляется развитием средств коммуникации, позволяющим людям контактировать друг с другом напрямую.

Известно, что фундаментальные основы многих политико-идеологических установок западных стран базируются на христианских ценностях, на деятельности исламских государств отражаются особенности мусульманских доктрин и концепций, на общественно-политическую жизнь народов Азии влияют особенности их господствующих религий (буддизма, индуизма и т.д.). Религиозные установки, безусловно, видны в системах воспитания разных народов, где с детства закладываются определенные культурные стереотипы поведения. Религии и соответственно религиозные организации имеют, таким образом, «долгосрочное» влияние через мировоззренческие и моральные установки, отражающиеся на формировании направлений внутренней и внешней политики той или иной страны.

Примечательно, что в 2008 г. Национальным советом по разведке США был опубликован доклад «Глобальные тенденции-2025: изменяющийся мир», авторы которого утверждали, что XXI в. будет отмечен возрастанием в политике влияния религиозных организаций и увеличением количества религиозных конфликтов. Определяющее значение в этом будут играть процессы глобализации и появление так называемых сетевых обществ. Социальные сети, создаваемые религиозными структурами, могут иметь большую эффективность, чем, в частности, национальные сообщества. Определяющее значение здесь имеют глобальные массовые коммуникативные средства, в первую очередь телевидение и Интернет, когда проповедники воздействуют на взгляды и мнения самой разнообразной аудитории, разбросанной по различным уголкам земного шара³.

Не повторяя уже выделенных в отечественной науке аспектов анализа религиозного фактора в мировой политике⁴, необходимо отметить ряд предпосылок, способствовавших укреплению религиозного сознания людей, то есть ряд событий и процессов, имевших некие глобальные последствия. Среди них, во-первых, комплекс модернизационных изменений в основных христианских конфессиях. Прежде всего, это итоги Второго Ватиканского собора 1962–1965 гг., целью кото-

рого явились обновление и реорганизация Римско-католической церкви для большей открытости миру и большей активности в решении проблем человечества. Одними из важнейших результатов собора стали изменения в литургии, в частности, стало возможным ведение богослужения на национальных языках наряду с латинским языком и провозглашена более открытая позиция в отношениях как с восточными христианскими церквями, так и нехристианскими религиями. Несмотря на неприятие новшеств наиболее консервативной частью католической Церкви (Священническое братство святого Пия X во главе с архиепископом Марселем Лефевром), подъем католицизма был очевиден, особенно в странах «глобального Юга» (Азия, Африка, Латинская Америка).

Особенно активно Ватикан начинает участвовать в мировых политических процессах после избрания в 1978 г. папой Римским Иоанна-Павла II (краковского архиепископа Кароля Войтылы), который свою деятельность фактически начал с посредничества в чилийско-аргентинском пограничном споре вокруг пролива Бигл. В декабре 1978 г. в регион прибыл специальный посланник главы Ватикана – кардинал Антонио Самора, который в течение пятнадцати суток провел в общей сложности шестьдесят часов за столом переговоров и еще почти столько же во время перелетов. Путем общих дипломатических усилий войны удалось избежать, хотя окончательно разногласия были урегулированы только в 1984 г.

Наряду с подъемом роли Римско-католической церкви, необходимо отметить и другие христианские направления. В 1970-х гг. получает новый импульс развитие различных протестантских религиозных направлений, чему немало способствовало усиление религиозной риторики в речах президентов США, особенно Дж. Картера и Р. Рейгана⁵. С конца 1980-х гг. активнее начала свою зарубежную деятельность Русская православная церковь⁶. Знаковым событием стало подписание 17 мая 2007 г. перед началом Божественной литургии в храме Христа Спасителя Патриархом Московским и всея Руси Алексием II и Первоиерархом Русской зарубежной православной церкви митрополитом Лавром Акта о каноническом общении, при котором присутствовал и Президент Российской Федерации В.В. Путин. Акт гласил, что «Русская Православная Зарубежная Церковь, совершая свое спасительное служение в исторически сложившейся совокупности ее епархий, приходов, монастырей, братств и других церковных учреждений, пребывает неотъемлемой самоуправляемой частью Поместной Русской Православной Церкви»⁷.

Однако подобный шаг, как и в случае с Римско-католической церковью после Второго Ватиканского собора, вызвал обособление некоторых зарубежных приходов и священнослужителей, не согласных с подписанием этого Акта, по-прежнему называя себя Русской Зарубежной Православной Церковью. С позицией неприятия Акта выступил, например, член Синода РЗПЦ епископ Таврический и Одесский Агафангел (Пашковский),

ставший фактически центром притяжения для нежелающих принять этот документ. Дистанцировавшиеся от Московского Патриархата приходы объединились вокруг этой фигуры и провели 18–19 ноября 2008 г. в Нью-Йорке Пятый Всезарубежный Собор, на котором избрали Агафангела Первоиерархом с возведением его в сан митрополита (Митрополит Нью-Йоркский и Восточно-Американский, архиепископ Таврический и Одесский). Некоторые приходы присоединились к неканонической Русской Истинно-Православной Церкви и греческим старостильным юрисдикциям. Подписание Акта соответственно внесло раскол в Русскую Зарубежную Православную Церковь и способствовало увеличению параллельных и не признающих друг друга структур, причем в той или иной степени использующих название Русская Зарубежная Православная Церковь.

В дополнение к более или менее «традиционным» христианским конфессиям возникают и развиваются различные секты христианского (или псевдохристианского) типа, деятельность которых носит зачастую деструктивный характер, ибо ставит личную и религиозную жизнь в полную зависимость от решений руководства организации. Например, согласно данным «Независимой газеты», если в РСФСР в 1946 г. насчитывалось где-то три тысячи приверженцев «Свидетелей Иеговы», в 1956 г. – около семи тысяч, то в 1991 г. на территории современной России их было уже 30 000, в 1992 г. – 56 000, в конце 1999 г. – 259 000, а к началу 2001 г. их численность приблизилась к 280 000 человек. Последние цифры во многом превосходят данные самих «Свидетелей Иеговы», так как внутри организации настоящими приверженцами считаются лишь активные члены, которые не просто посещают собрания, но и сами проповедуют учение «Свидетелей Иеговы» (таких в 2001 г. насчитывалось 114 284 человек)⁸. По данным же сайта этой организации, в конце первого десятилетия XXI в. принимают участие в ее библейской просветительной деятельности 162 182 человека, а на Вечере воспоминания смерти Христа 30 марта 2010 г., которая одновременно проводилась в 2339 собраниях «Свидетелей Иеговы», присутствовали около 279 000 россиян⁹.

Глобальные проблемы современности (экологические, проблемы безопасности, разрыв между ростом населения и производством продовольствия, распространение терроризма), которые становятся источником негативного восприятия текущей ситуации и перспектив развития человечества, различных пессимистичных настроений, вызвали появление и стремительный рост так называемых новых религиозных движений. Они используют новые подходы к религии и духовности, основанные как на «традиционных» религиях, так и на различного рода оккультизме, политических и экономических воззрениях, психологических установках и т.п. В числе факторов, вызывающих рост интереса к нетрадиционным религиям, проявляются и личные проблемы человека. Люди соответственно стремятся найти утешение в по-

добных идеях, не являющихся традиционными с точки зрения истории религии. Из подобных движений большую популярность по всему миру приобрело Международное общество сознания Кришны – индуистская религиозная организация, основанная бенгальским монахом Бхактиведантой Свами Прабхупадой в 1966 г. в Нью-Йорке и привлекавшая внимание известных людей (например, участников группы «Битлз», включивших в свое творчество мантру «Харе Кришна»).

Примером яркой деструктивной деятельности является религиозная секта «Аум Синрике», основанная Секо Асахарой в 1987 г., ставившая задачу захватить власть сначала в Японии, затем в других странах. Отделения секты были организованы в Австралии, России, Германии, Югославии, США, Украине, Шри-Ланке и на Тайване. Структура организации включала «министерства» и «секретариат», которые должны были стать основой будущего государства. В 1989 г. секта была официально зарегистрирована японскими властями, в 1990 г. приняла участие в местных выборах. Привлеченными Асахарой специалистами было создано несколько центров по производству химического и бактериологического оружия¹⁰. 20 марта 1995 г. «Аум Синрике» провела химическую атаку в метро Токио и Иокогамы. В мае 1995 г. С. Асахара был арестован и в 2004 г. приговорен судом к смертной казни (приговор в исполнение пока не приведен). Деятельность самой организации была прекращена в октябре 1995 г.

В современной мировой политике среди различных религий самой организованной, способной мобилизовать массы людей чаще определяют ислам, начавший заявлять о себе на международной арене также в последней четверти XX в.¹¹:

– это Исламская революция в Иране 1978 – 1979 гг.;

– это победа движения Хамас на выборах в Палестинский законодательный совет в 2006 г.;

– это создание Хезболлы и распространение ее влияния в Ливане, особенно после парламентских выборов 2009 г.

Среди последних знаковых событий, ярко показавших мобилизационные возможности исламских организаций различного характера, необходимо отметить массовые выступления верующих в ответ на публикации в Европе карикатур на пророка Мухаммеда и особенно на выход скандального американского фильма «Невинность мусульман», повлекший гибель нескольких сотрудников Посольства США в Ливии во главе с послом. Все это доказывает нам преждевременность нивелирования религиозного фактора в международных отношениях.

В политических кругах и работах исследователей в настоящее время одной из наиболее острых и актуальных в анализе конфессионального влияния является проблема ислама в Европейском регионе¹². С увеличением численности мусульман в Европе накапливаются

и определенные возможности развития конфликтных ситуаций, в основном связанных с миграционными проблемами и демографическим дисбалансом мусульманского и немусульманского населения. По приблизительным подсчетам, в Европе проживают более 54 млн мусульман из 739 млн населения, то есть более 7%, причем в странах Европейского союза – более 16 млн из 500 млн (около 3,5%), 25 млн – в России, около 6 млн в европейской части Турции, по 2 млн – в Албании и Боснии и Герцеговине, около 1,5 млн – в Сербии. Для сравнения: во Франции – более 5,5 млн (9% населения), в Нидерландах – 1 млн (6%), в Германии – около 3,3 млн (4%), в Великобритании – 1,5 млн (2,5%), в Австрии и Швейцарии – примерно по 350 тыс. (по 4% населения)¹³.

С учетом роста мусульманского населения в Европе увеличивается постепенно число мечетей, исламских школ, политических партий и других мусульманских организаций. В каждой стране, как правило, среди мусульман складываются свои группы по национальному, страновому или этническому признаку. Американские исследователи отмечают, что среди мусульман нет единства ни по одному существенному вопросу, будь то «начало Рамадана, израильско-палестинский конфликт, интерпретация Корана, взаимодействие с европейскими правительствами»¹⁴. Кроме того, крупнейшие мечети и сообщества финансируются и контролируются часто влиятельнейшими исламскими государствами, в частности Саудовской Аравией, Турцией, Марокко, Алжиром. Например, в Германии среди мусульман сильно влияние Турции (две трети всех мусульман страны – турецкого происхождения¹⁵), а одна из самых старых в Европе Большая мечеть в Париже пользуется поддержкой Алжира.

Среди мусульманских структур в Европе следует выделить прежде всего мечети или моленные дома, представляющие своим членам разнообразные формы деятельности и услуг, такие, например, как лекции Корана, языковые курсы, спортивные занятия, помещения для религиозных и других праздников. Во многих из мечетей и моленных домов работают соответствующие книжные, продовольственные, видеوماгазины. Для строительства и развития мечетей не всегда хватает общинных средств, поэтому мусульмане иногда обращаются либо к правительствам стран их происхождения, либо к такой богатой исламской стране, как Саудовская Аравия, что в дальнейшем ставит их в зависимость от этих государств и за что их критикует европейское общество и пресса. Обычно приход той или иной мечети, моленного дома составляют представители одной-двух национальностей, определенного течения в исламе.

Большинство мечетей и моленных домов неопознаваемы снаружи, а настоящих зданий, построенных по всем правилам восточной архитектуры, сравнительно мало. В ФРГ, например,

насчитывается около 2200 мечетей и моленных домов, большинство которых следует турецкой интерпретации суннитского ислама, при этом настоящих зданий мечетей насчитывается всего не более ста. Во Франции существует примерно 1300 моленных домов и только девять мечетей, вмещающих более тысячи молящихся. В Великобритании общее число мечетей и моленных домов ненамного превышает тысячу. В Италии сегодня регулярно и устойчиво функционирует несколько сотен мечетей и моленных домов, большинство из которых также не являются мечетями с архитектурной точки зрения¹⁶.

Как правило, количество религиозных зданий зависит также от величины определенной этнической группы в стране. В британском исламском сообществе доминируют выходцы из Пакистана, Бангладеш и Индии, поэтому их мечети можно обнаружить в большинстве городов Великобритании. Во Франции преобладают марокканские, алжирские, тунисские и турецкие мечети, в Италии мечети равномерно распределены между многонациональными мусульманскими иммигрантами, за исключением сильно секуляризированных албанцев. В ФРГ большинство мечетей турецкие; несмотря на немалое количество сомалийцев, нигерийцев и сенегальцев, нет ни одной мечети, которой руководили бы африканцы¹⁷. Некоторые крупные мечети сами по себе представляют уже целые организации. Например, упоминавшаяся Большая мечеть в Париже объединяет около трехсот мечетей по всей стране. Руководит этой организацией алжирец по происхождению – Далиль Бубакер.

Кроме вышеупомянутых, далее среди исламских структур необходимо выделить различные организации, которые можно группировать по многим признакам: по региону действия, государству влияния, особенностям исламских течений, школ, сект, по характеру деятельности и т.д. Все эти структуры, в свою очередь, курируют соответствующие мечети и моленные дома. Например, существует целый ряд организаций, распространивших деятельность в нескольких странах, тем самым претендуя на общеевропейский характер деятельности. В первую очередь, это Союз исламских организаций в Европе, объединяющий ряд структур научно-исследовательского, образовательного, просветительского, воспитательного, молодежного, благотворительного, инвестиционного характера.

Среди них, например, и Европейский совет по фетвам и исследованиям – научно-исследовательское учреждение, являющееся религиозно-правовой инстанцией для мусульман в Европе, в состав входят несколько десятков ученых из разных стран Европы, представителей различных национальностей и правовых школ (мазхабов), а также деятели науки из других регионов и стран. Возглавляет Совет ученый с мировым именем – шейх Юсуф Кардави. Кроме того, можно отметить представленный при Европейском союзе Исламский клуб молодежи и студентов

Европы, объединяющий более 40 региональных молодежных и студенческих организаций. Клуб проводит семинары, конференции, молодежные лагеря с целью подготовки будущих молодежных лидеров и поддерживает связи с молодежными организациями представителей других вероисповеданий.

Среди организаций, получивших широкое распространение как в Европе, так и в мире в целом, необходимо назвать созданное в Индии религиозное общество «Джамаат таблиг» («Благая весть»), имеющее сотни центров, мечетей и учреждений, значительная часть которых находится в Великобритании. Деятельность общества носит сугубо религиозно-просветительский характер, не вторгаясь в общественно-политическую жизнь. Оно посылает своих членов, иногда имеющих довольно скромный светский статус, возрождать религиозную жизнь и мусульманский образ жизни среди мусульман Европы. Это общество не ставит (официально) своей целью прозелитизм среди немусульман, их целью является возрождение религиозной жизни в своей среде.

Все организации исламского, христианского, буддийского, индуистского и любого другого толка имеют большой потенциал влияния на своих приверженцев. Они предлагают некие пути решения жизненных проблем людей, начиная с конкретных вопросов социализации мигрантов и заканчивая поиском выхода из глобальных проблем современности. По данным Всемирной книги фактов ЦРУ, из почти 7 млрд жителей Земли христиан – 33,35% (в том числе 16,83% католиков, 7,34% протестантов, 4,03% православных), мусульман – 22,43%, индуистов – 13,78%, буддистов – 7,13% (по данным на 2009 г.)¹⁸.

Принимая в расчет большую долю людей «не определившихся» и «сомневающих», различные религиозные акторы ведут активную деятельность по расширению своих рядов и укреплению влияния как духовного, так политического и финансового. Религиозные структуры, таким образом, хоть и опосредованно, но могут иметь большое влияние на восприятие людей, что видно особенно в конфликтах, когда религиозные различия затрудняют на долгие годы примирение и любое постконфликтное миростроительство со стороны всех международных организаций. Для значительной части населения мира вероисповедание органично вплетено в образ жизни и политическую культуру общества. С ускорением процесса глобализации, когда некоторые ценности все более универсализируются, в религиозной среде такового не наблюдается. Скорее, наоборот: в мире заметен постепенный

рост религиозных структур путем возникновения новых и дробления старых. И процесс этот, вероятнее всего, будет продолжаться. С этой точки зрения может возрастать степень недоверия к «другим» группам людей, усложняющим взаимопонимание и терпимость.

Безусловно, существуют тысячи больших и малых псевдорелигиозных деструктивных организаций, деятельность которых направлена на обогащение лидеров за счет мошенничества и манипуляции сознанием. Не исчезают и террористические структуры, прикрывающиеся религиозными лозунгами. Противостояние деструктивным культам со стороны общества в XXI в. также представляет известную проблему, осложняющуюся противодействием с их стороны различными технологиями и практикой деятельности: секретность, мощное финансовое обеспечение, скорость получения информации, мобильность, связи с уголовным и политическим миром, тоталитарность, иерархичность, жесткая субординация и дисциплина, профессиональные навыки в области манипуляции и контроля над сознанием.

Тем не менее на деле без существующих религиозных организаций, представляющих собой некие альтернативные государственным институты социализации и интеграции, конфликтный потенциал в обществе, скорее всего, был бы выше. В то же время, являясь тем самым сильным фактором приобщения людей к определенной вере, данные структуры могут использовать в своих целях некие деструктивные, экстремистские лозунги. Как бы то ни было, и позитивные, и негативные факторы со своей стороны подтверждают, что существует большая категория людей, для которых вера является не просто традицией, а смыслом жизни и путем спасения и достижения гармонии. И их мнение необходимо принимать во внимание и учитывать в любом обществе, государстве и международной системе в целом.

Tolkachev V.V. Religious Actors in Contemporary World Politics: Preconditions, Possibilities and Development Prospects.

Summary: As data transmission accelerates and more and more people get access to information, it is becoming increasingly important to take into account ethnic, cultural, religious and civilizational differences in order to avoid undesirable consequences, many of which can have a global effect. The events that took place in the last decades of the XXth century demonstrate the return of religion into mass consciousness - a development which can influence political behaviour of large groups of people.

Ключевые слова

Глобализация, глобальные проблемы, религии, религиозные организации, христианство, ислам, секты.

Keywords

Globalisation, global problems, religions, the religious organisations, Christianity, Islam, sects.

Примечания

1. Цит. по: Rosta Gergely. «Secularization or Desecularization in the Work of Peter Berger, and the Changing Religiosity of Europe» – <http://www.crvp.org/book/Series07/VII-26/chapter-14.htm> (дата обращения: 10.10.2012).
2. Бердяев Н.А. Новое Средневековье (Размышление о судьбе России). – <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn010.htm> (дата обращения: 05.11.2012).
3. Круг П.Г., Маякова Л.В. Борьба за природные ресурсы в будущем примет форму войн за веру. – http://religion.ng.ru/politic/2009-04-01/6_razvedka.html (дата обращения: 05.11.2012).
4. См., например: Касаткин П.И. О роли религиозных акторов в современных мировых политических процессах // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №1. С.257-261 (http://www.vestnik.mgimo.ru/files/10/vestnik_10-27_kasatkin.pdf); Митрофанова А.В. Религиозный фактор в мировой политике и проблема «цивилизаций» // Век глобализации. Выпуск №1/2008. – <http://www.socionauki.ru/journal/articles/129831/>
5. Еленский В.Е. Религия в глобальной политике: конец XX – начало XXI века – <http://www.religiopolis.org/documents/3292-ve-elenskij-religija-v-globalnoj-politike-konets-hh-nachalo-hhi-vekov.html>
6. Подробнее см.: Касаткин П.И. Русская православная церковь как актор современной мировой политики // Вестник МГИМО-Университета. 2010. №6. С.141-151. (http://www.vestnik.mgimo.ru/files/15/16_kasatkin.pdf)
7. Акт о каноническом общении 4/17 мая 2007 года – <http://www.patriarchia.ru/db/text/155920.html> (дата обращения: 05.11.2012).
8. Независимая газета (НГ-религии). 31.01.2001 – http://religion.ng.ru/facts/2001-01-31/2_vesti.html (дата обращения: 05.11.2012).
9. Двадцатилетие официальной регистрации Свидетелей Иеговы в России: численный рост вопреки противодействию – http://www.jw-russia.org/news/stpetersburg/release20110330_u.htm (дата обращения: 05.11.2012).
10. Супертерроризм: новые вызовы нового века. Научные записки ПИР-Центра. 2002. №20. С. 187.
11. Подробнее см.: Наумкин В.В. Ислам как коллективный игрок? // Международные процессы. Том 4. Номер 1(10). Январь-апрель 2006. – <http://www.intertrends.ru/tenth/004.htm>; Глава 23. Ислам как «коллективный игрок» // Современная мировая политика: прикладной анализ / отв. ред. А.Д. Богатуров. М.: Аспект-пресс, 2010. С. 438-456.
12. См., например: Amghar Samir. Acteurs internationaux et islam de France – <http://www.cairn.info/revue-politique-etrangere-2005-1-page-21.htm>; Akgönül Samim. Islam turc, islams de Turquie : acteurs et réseaux en Europe – <http://www.cairn.info/revue-politique-etrangere-2005-1-page-35.htm>
13. In Europa leben gegenwärtig knapp 53 Millionen Muslime. Zentralinstitut Islam-Archiv stellt neue Europastatistik vor – <http://islam.de/8368.php> (дата обращения: 10.10.2012).
14. Захарченко А. Исламские общества внутри Евросоюза? – <http://www.intertrends.ru/fourteen/007.htm> (дата обращения: 10.10.2012).
15. Muslims in Europe: Promoting Integration and Countering Extremism. Congressional Research Service, September 7, 2011. P.15. – <http://www.fas.org/sgr/crs/row/RL33166.pdf> (дата обращения: 10.10.2012).
16. Повразнюк К.В. Роль мусульманских организаций в сообществах Великобритании, Германии, Франции и Италии <http://www.politex.info/content/view/763/30/> (дата обращения: 10.10.2012).
17. Там же.
18. The World Factbook – <https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/geos/xx.html> (дата обращения: 10.10.2012).

Актуальные проблемы изучения истории Курской битвы

А.В. Исаев

В статье автор обращается к дискуссионным проблемам отечественной и зарубежной историографии битвы под Курском, сталкивает мнения военных историков с мемуарными свидетельствами и оценками противоборствовавших на полях сражений Второй мировой войны полководцев, ссылается на новые документы, отстаивая свои суждения. В авторском описании событий под Курском открывается уточненная панорама всего военного 1943 г. и его места в Великой Победе 1945-го.

Сражению на Курской дуге, 70-летнюю годовщину которой мы будем отмечать этим летом, можно сказать, повезло. Эта битва в течение многих лет не была обделена вниманием как зарубежных, так и российских историков, причем высокопрофессиональных. Достаточно назвать несколько имен. К событиям на Курской дуге в своих работах только в последнее десятилетие обращались Никлас Цеттерлинг, Джордж Найп, Стивен Ньютон. В России работу по исследованию битвы ведут Валерий Замулин и Егор Щекотихин, причем работа эта ведется с привлечением документов как из российских, так и из зарубежных архивов. Я не зря это подчеркиваю, так как, к сожалению, далеко не всегда в работах отечественных авторов используются столь значительные объемы архивных материалов.

Следует заметить, что исследователи Курской дуги и других событий 1943 г. находятся в некоторой степени в более выгодном положении, чем исследователи 1941 г. или 1944–1945 гг. Во-первых, и это вполне очевидное соображение, в течение войны система ведения документации в войсках сторон непрерывно совершенствовалась. Основные оперативные документы, в первую очередь

регулярные донесения о состоянии соединений и частей, в 1943 г. велись лучше, чем в 1941 г., как в Красной армии, так и в вермахте. Во-вторых, сохранность документации по 1943 г. все же гораздо лучше, чем по 1944–1945 гг. в случае вермахта и 1941–1942 гг. для Красной армии.

Богатая источниковая база по Курской битве позволяет добросовестным исследователям давать обоснованные ответы на возникающие вопросы и подкреплять выводы хорошей доказательной базой. Каковы же на данный момент наиболее актуальные вопросы изучения Курской битвы, вызывающие споры как в среде отечественных, так и зарубежных историков? Прежде всего далеко не однозначно выглядит само решение советского командования на преднамеренную оборону. В советское время сама постановка вопроса в таком ключе представлялась бессмысленной. Однако единодушие по этому вопросу в значительной мере было следствием бытового понимания выгоды обороны как «растреливать из засады немецкие танки», которое и вовсе не было всеобщим.

В своих мемуарах советские военачальники указывали на достаточно серьезные проблемы, с которыми сталкивались наступательные операции,

Исаев Алексей Валерьевич – военный историк, автор многочисленных книг о Великой Отечественной войне: «АнтиСуворов! 0 мифов Второй мировой», «1943-й: от трагедии Харькова до Курского прорыва», «Берлин 45-го. Сражение в логове зверя» и др. E-mail: vestnik@mgimo.ru
Текст статьи представляет собой выступление автора на заседании Ассоциации историков Второй мировой войны 26 апреля 2013 г.

■ История

начавшиеся после отражения «Цитадели». Командующий Центральным фронтом К.К. Рокоссовский в мемуарах признавал план наступления своих войск в операции «Кутузов» ошибочным. Он писал: «Мне кажется, что было бы проще и вернее наносить два основных сильных удара на Брянск (один – с севера, второй – с юга). Вместе с тем необходимо было предоставить возможность войскам Западного и Центрального фронтов произвести соответствующую перегруппировку. Но Ставка допустила ненужную поспешность, которая не вызывалась сложившейся на этом участке обстановкой».

Эта часть текста соответствующей главы «Солдатского долга» была изъята цензурой и стала достоянием общественности сравнительно недавно. Высказывание К.К. Рокоссовского получило свое подтверждение в работе Е. Щекотихина, показавшего трудности, с которыми встретился Центральный фронт в ходе так называемой Кромской операции. В целом нельзя не признать, что отказ от перегруппировок и удары непосредственно по плотно построенным недавно наступавшим армиям и корпусам групп армий «Центр» и «Юг» отнюдь не сразу принесли успех. Соответственно все эти сомнения и возникшие трудности толкуют в пользу отрицательной оценки советского командования.

Так, Б. Соколов пишет: «Мне кажется, что оптимальным вариантом действий для Красной армии на Курской дуге было бы предпринять наступление еще в мае, нанеся основные удары под крайнее северное основание орловского плацдарма, как предлагали Жуков и Рокоссовский, и под крайнее южное основание харьковского плацдарма. [...] Если бы советские войска первыми нанесли удар в мае, их потери оказались бы, думаю, гораздо меньше тех, что они понесли в июле и августе»¹.

На другом полюсе оказываются те, кто абсолютизируют советскую оборону под Курском и проецируют ее на другие периоды войны. Так А.С. Орлов высказывался следующим образом: «Только к началу Курской битвы наша армия стала такой, какой она должна была быть в 1941 г. Тогда под Курском активная глубокая оборона (до 300 км) позволила остановить и обескровить врага, а затем разгромить его»². Фактически такими утверждениями ставится вопрос о некомпетентности советского военного руководства в 1941–1942-х гг., не прибегавшего к «спасительному» рецепту Курской битвы до лета 1943 г.

Однако еще в 1970 г. один из самых известных советских штабистов, М.В. Захаров, предупреждал начинавшуюся тенденцию неверной оценки событий лета 1943 г. Он писал: «В связи с этим мне хочется отметить, что в литературе о Курской битве, вышедшей в послевоенный период, эта оборона несколько идеализируется. Некоторые авторы приложили немало усилий к тому, чтобы показать ее как самую поучительную, классическую и во всем достойную подражания. [...] Но такой сильной группировки, глубоко эшелонированной обороны, а следовательно, и таких высоких оперативно-тактических плотностей на 1 км фронта для

решения оборонительных задач не создавалось ни до Курской битвы, ни после нее. Эту особенность не следует забывать при изучении, анализе и оценке битвы под Курском. Вот почему оборону под Курском нельзя считать обычной и типичной для минувшей войны»³.

Что же позволило добиться такой высокой плотности войск? Уникальность оборонительного сражения на Курской дуге была обусловлена стечением ряда обстоятельств и успехом разведки антигитлеровской коалиции в целом. Была перехвачена радиogramма Максимилиана фон Вейхса, временно исполнявшего обязанности командующего группой армий «Юг» на период лечения Эриха фон Манштейна. В датированной 25 апреля 1943 г. радиogramме в ОКХ и Отдел изучения армий востока Вейхс давал оценку противостоявшим ГА «Юг» войскам Красной армии. Из текста этой оценки довольно четко прослеживался план операции с кодовым наименованием «Цитадель» – удар с севера и юга по Курскому выступу. Радиogramма была перехвачена и дешифрована англичанами, добившимися большого успеха в взломе кодов шифровальной машины вермахта «Энигма». Содержание этого, ныне уже опубликованного, документа было сообщено советской разведке одним из членов «кембриджской пятерки» – Джоном Кернкроссом. Вкупе с другими данными разведки полученные сведения позволили советскому командованию сосредоточиться на обороне Курской дуги. Ранее, в оборонительных операциях 1941 и 1942 гг., разведданные такого уровня просто отсутствовали, что не позволяло строить плотную оборону именно там, где ударит противник.

В целом же следует констатировать, что достигнутый Красной армией в отражении немецкого наступления позитивный результат был обусловлен целым рядом факторов, уникальных для летней кампании 1943 г. Проецировать принятые меры и достигнутый результат на другие периоды войны, и в первую очередь на 1941 г., совершенно бессмысленно ввиду ряда принципиальных различий.

Советский успех в обороне летом 1943 г., контрастировавший с неудачами 1941 и 1942 гг., вызвал поспешные выводы не только у отечественных историков. И историки, и мемуаристы в Германии ставят вопрос о цепочке роковых решений, помешавших вермахту добиться «традиционного» для летних кампаний успеха. Поскольку операция «Цитадель» забуксовала в первую очередь на северном фланге Курской дуги, взгляды критиков решений немецких командующих в первую очередь обращаются к действиям и решениям Вальтера Моделя на посту командующего 9-й армии группы армий «Центр». Описывая ход боевых действий в первый день наступления, командир 6-й пехотной дивизии генерал Х. Гроссман писал: «Батальон «Тигров» далеко впереди сражался с вражескими танками. Вдалеке перед фронтом дивизии лежала возвышенность, на которой можно было наблюдать передвижения русских. Если бы в этот момент подошли танковые дивизии, то, вероятно, Курск был бы взят; враг был застигнут полностью врасплох и

слаб. Драгоценное время, которое враг использовал для того, чтобы бросить вперед свои резервы, было потеряно»⁴.

Хорст Гроссман был не одинок в негативной оценке плана наступления Моделя. В своей истории германских танковых сил бывший начальник штаба Гейнца Гудериана Вальтер Неринг писал: «Из 6 механизированных дивизий на северном фланге 5 находились в резерве. Уже одно это дало Красной армии решающее преимущество. Было бы гораздо разумнее бросить пару танковых дивизий вперед». У планов неуспешных операций незавидная судьба – их чаще всего безжалостно критикуют. Причем что бы ни делал потерпевший неудачу военачальник, его обязательно осудят потомки. На южном фланге Манштейн и Гот поставили все подвижные соединения в первый эшелон – их осудили за отказ от выделения эшелона развития успеха.

Однако американский исследователь Стивен Ньютон в своей биографической книге о Моделе обратил внимание на то, что критики немецкого военачальника упускают из виду тот факт, что большая часть бронетехники 9-й армии находилась не в подвижных соединениях, а в отдельных частях качественного усиления. Модель поставил немалые силы – 656-й полк «фердинандов», 177-й и 244-й батальоны «штурмгешюцев» в полосу наступления 41-го танкового корпуса. Это составило в общей сложности 233 танка и САУ. Для поддержки атаки 47-го танкового корпуса Модель использовал обе роты 505-го батальона «тигров» в дополнение к 245-му и 904-му батальонам штурмовых орудий. В этих 3 батальонах насчитывалось 93 единицы бронетехники. Атаку 46-го танкового корпуса поддерживали 40 танков и штурмовых орудий, а атаку 23-го корпуса – 62 штурмовых орудия. Всего 9-я армия бросила в бой в первом эшелоне 5 июля 542 единицы бронетехники, или 57,7% всей наличной бронетехники.

Таким образом, упреки в адрес В. Моделя трудно назвать обоснованными. Его план действий был в целом адекватным выделенным ему силам и потерпел неудачу вследствие принятых советской стороной решений и в целом грамотному и продуманному построению обороны Центрального фронта. Советская сторона не просто брала паузу и отдавала инициативу противнику. С самого начала перехода к преднамеренной обороне речь шла о выбивании ударной силы германской армии. Г.К. Жуков формулировал этот тезис следующим образом: «Мы хотели встретить ожидаемое наступление немецких войск мощными средствами обороны, нанести им поражение, и в первую очередь разбить танковые группировки противника, а затем, перейдя в контрнаступление, окончательно его разгромить»⁵.

Эти предположения можно оценить как вполне обоснованные. Для операции «Цитадель» германским командованием было выделено 2758 танков и штурмовых орудий (включая находящиеся в ремонте). На остальных участках Восточного фронта осталось 1064 танка и штурмовых орудий⁶.

Выбить из строя и лишить боеспособности большую часть вражеской техники подвижных соединений представлялось более чем заманчивой целью. Подчеркну: подвижных соединений (танковых и моторизованных дивизий), являвшихся основным средством для контрударов в обороне.

Решение этой задачи было не столь простым, как может показаться на первый взгляд. Это на киноэкране немецкие танки чаще всего окутываются дымом и пламенем сразу после попадания снарядов противотанковых пушек. На практике большую часть потерь составляли поврежденные, а в случае Курской дуги еще и подорвавшиеся на минах танки. По немецким данным, в безвозвратные потери непосредственно после сворачивания операции «Цитадель» оказалось списано сравнительно небольшое количество бронетехники. Это 183 единицы в группе армий «Юг» к 17 июля⁷ (из примерно 1500 принявших участие в бою) и 88 единиц в группе армий «Центр» к 14 июля 1943 г.⁸ (из примерно 1000, так или иначе задействованных в «Цитадели»).

Это заставляет некоторых западных исследователей (а именно Н. Цеттерлинга и А. Франксона) делать поспешный вывод о слабом влиянии «Цитадели» и неудачи в этом наступлении на летне-осеннюю кампанию 1943 г. и год в целом. Действительно, с формальной точки зрения вышеуказанные цифры составляют ничтожную часть от общих потерь немецкой бронетехники в 1943 г. Однако цифры безвозвратных потерь достаточно лукавые. Значительное количество танков и штурмовых орудий после сворачивания «Цитадели» находились или нуждались в ремонте. На это обращает внимание другой западный историк Курской битвы – Стивен Ньютон, вступивший в полемику с Цеттерлингом и Франксоном. Он обращает внимание не на абсолютные цифры безвозвратных потерь германской бронетехники, а на падение доли боеготовых танков в результате неудачного немецкого наступления.

Учитывая, что боевые действия продолжались, изменение ситуации с числом боеготовых танков после завершения «Цитадели» происходило достаточно медленно. Согласно Panzer Lage и StuG Lage Ost, по состоянию на 31 июля в ГА «Юг» было 625 боеспособных танков, 633 – в ремонте и 190 – в пути, а также 251 боеспособных самоходных установок StuG и StuH, 84 – в ремонте и 11 – в пути. Большей части находившейся в ремонте техники требовался краткосрочный ремонт продолжительностью от 6 до 21 дня. Если бы советская сторона оставалась пассивной, то значительная часть этих бронеединиц вернулась бы в строй.

Если бы советское наступление началось позднее, например 15 августа после накопления сил и длительной паузы на перегруппировку войск, оно было бы встречено огнем куда большего числа танков и САУ, нежели в начале месяца. Можно оценить танковую группировку группы армий «Юг» в случае гипотетического смещения сроков начала операции «Румянцев» на середину августа 1943 г. примерно в 1000 единиц. Ситуация бы изменилась

■ История

даже не количественно, а качественно. Соответственно сам успех советской операции «Румянцев» мог быть поставлен под сомнение.

Однако операция «Румянцев» началась без длительных перегруппировок, уже 3 августа 1943 г., когда боеспособность немецких танковых соединений находилась еще на достаточно низком уровне. К 11–12 августа советские части вышли в район расположения ремонтных мастерских группы армий «Юг». Это привело к резкому скачку безвозвратных потерь. Например, 7-я и 11-я танковые дивизии в ходе «Цитадели» потеряли безвозвратно в период 4–10 июля по 10 и 3 танка соответственно. Цифры, прямо скажем, невеликие. В то же время за период 3–10 августа те же соединения понесли куда большие потери. Так, 7-я танковая дивизия потеряла безвозвратно 29 танков, а 11-я танковая дивизия – 38 танков. Столь же скачкообразно выросли потери «пантер» группы армий «Юг»: в районе Борисовки, Головчина и Грайворона немцами было брошено или подорвано 75 «пантер». Фактически советским наступлением был запущен процесс, который сделал падение боеспособности немецких танковых войск практически необратимым. К концу августа 1943 г. немецкие танковые дивизии насчитывали примерно по 30 боеспособных танков, что сводило к нулю их ударные возможности.

Таблица 1

Состояние немецкой бронетехники на Восточном фронте май – сентябрь 1943 г.⁹

Дата	Всего	Боеготовы
30 июня 1943 г.	2584	2287
10 июля 1943 г.	2609	1585
20 июля 1943 г.	2471	1471
31 июля 1943 г.	2274	1176
10 августа 1943 г.	2065	987
31 августа 1943 г.	2022	821
30 сентября 1943 г.	1953	605

По приведенным данным видно катастрофическое падение числа боеготовых бронеединиц в германских танковых войсках на Восточном фронте, что и обусловило стремительный отход немцев к Днепру. Нельзя не признать, что сражение на Курской дуге сыграло в этом немаловажную роль. Как здесь не вспомнить известное высказывание Гейнца Гудериана: «В результате провала наступления «Цитадель» мы потерпели решительное поражение. Бронетанковые войска, пополненные с таким большим трудом, из-за больших потерь в людях и технике на долгое время были выведены из строя. Их своевременное восстановление для ведения оборонительных действий на Восточном фронте, а также для организации обороны на западе на случай десанта, который союзники грозились высадить следующей весной, было поставлено под вопрос. Само собой разумеется, русские поспешили использовать свой успех. И уже больше на Восточном фронте не было спокойных дней. Инициатива полностью перешла к противнику»¹⁰.

Позднее Г. Гудериан в докладе А. Гитлеру в 1944 г. сравнивал танковые войска с посаженной в окопы германской кавалерией Первой мировой, которой не хватило в 1918 г. для развития прорыва. Таким образом, в конкретной обстановке, сложившейся на советско-германском фронте весной 1943 г., с учетом данных разведки, переход к преднамеренной обороне представляется обоснованным шагом советского Верховного Главнокомандования. Однозначно отрицать положительный эффект от отражения германского наступления и падения численности танков танковых дивизий вермахта в свете имеющихся данных не представляется возможным.

Также следует подчеркнуть, что преднамеренная оборона являлась лишь частью советского плана летней кампании. Советским командованием был разработан достаточно сложный и многоходовый план, предусматривающий наступательные операции. Здесь мы вплотную подходим к еще одному спорному моменту историографии Курской битвы – моменту отказа от продолжения «Цитадели». В советский период достаточно пространенной была точка зрения на танковое сражение под Прохоровкой – как решающий момент Курской битвы. Однако новейшие исследования, в первую очередь В.Н. Замулина, показывают, что контрудар 5-й гвардейской танковой армии под Прохоровкой имел крайне ограниченный эффект в плане прямого воздействия на боеспособность 2-го танкового корпуса СС. Напротив, бои 12 июля 1943 г. привели к большим потерям танковой армии П.А. Ротмистрова. Более того, в работе С. Ньютона показывается, что сражение с советскими резервами в районе Прохоровки закладывалось командованием группы армий «Юг» в план «Цитадели» еще в мае–июне 1943 г. Поэтому появление свежей танковой армии, разумеется, не вызвало энтузиазма у немецкого командования, но еще не являлось причиной остановки операции. Вместе с тем столь же безосновательным являются утверждения об остановке «Цитадели» ввиду высадки союзников на Сицилии.

В журнале боевых действий верховного командования вермахта (КТВ ОКВ) прямо указывается, что причиной свертывания «Цитадели» являются удары советских войск. Запись от 19 июля 1943 г. в этом документе гласит: «Восток. Противник продолжал наступление крупными танковыми и моторизованными силами при поддержке артиллерии и авиации. Атаки в полосах 17-й, 6-й А, 1-й ТА удалось отбить. [...] Северо-западнее Орла превосходящим силам противника удалось вклиниться в наше расположение. Ввиду мощного контрнаступления противника дальнейшее проведение операции «Цитадель» стало невозможным. Для создания резервов за счет сокращения линии фронта наше наступление прекращается». Формулировки, прямо скажем, не допускающие двойного толкования.

Действительно, изъятые из ударной группировки 4-й танковой армии Г. Гота наиболее боеспособные эсэсовские дивизии направились не в

Италию, а в полосу 6-й армии, на так называемый Миус-фронт. Туда же отправились находившиеся в резерве группы армий «Юг» большая часть 24-го танкового корпуса и авиация. На Донбасс, в полосу 1-й танковой армии, направилась дивизия СС «Викинг». Собственно, именно такое развитие событий заставило одного из западных исследователей, Джорджа Найпа, выдвинуть теорию о тщательно продуманной кампании советской разведки с сознательным показом немцам сосредоточения советских войск на Миусе. Однако изучение советских документов не подтверждает этой теории.

Командованием Южного фронта принимались обычные меры по обеспечению скрытности сосредоточения. Так что вскрытая немецкой разведкой ударная группировка Южного фронта на Миусе была частной удачей немецкой радиоразведки, а не следствием намеренных действий. Тем не менее именно угроза потери Донбасса заставила немецкое командование отказаться от развития «Цитадели» на южном фесе Курской дуги. Более того, поспешный ввод в бой для восстановления разваливающегося фронта 6-й армии Холлидта на Миусе привел к большим потерям немецких подвижных соединений. Не Прохоровское поле, а высота 213,9 у деревни Степановка на Миусе стала кровавой баней для эсэсовских дивизий – элитных соединений германской армии. Дивизия «Тотенкопф» потеряла в течение всего четырех дней боев на Миусе 1458 человек (219 убитых, 1193 человека ранеными и 46 человек пропавших без вести). Потери дивизии в ходе «Цитадели» с 4 по 20 июля 1943 г. составили 2803 человека (531 убитых, 2229 раненых и 43 пропавших без вести).

Истощение ударных возможностей и большие потери личного состава обусловили ограниченные результаты действий эсэсовских дивизий в отражении советского наступления с южного феса Курской дуги в августе 1943 г. Замалчивание считавшегося неудачным июльского наступления на Миусе в советский период привело к существенному искажению реальной картины событий, сведению причин свертывания «Цитадели» к Прохоровке. Это заключение не имело прочной основы ни в советских, ни в немецких военных документах. Непосредственным результатом такого идеологизированного подхода к изложению событий стали спекуляции относительно высадки в Италии как причины отказа от продолжения «Цитадели». Сопоставление советских и немецких источников позволяет дополнить и сделать более объемной картину событий. Научная дискуссия, развернувшаяся в последние несколько десятилетий, создала основу для цельного и взвешенного взгляда на события 70-летней давности как в России, так и за рубежом.

Isayev A. V. Actual problems of studying of history of Kursk fight.

Summary: In article the author addresses to debatable problems of a domestic and foreign historiography of fight near Kursk, pushes together opinions of military historians with memoirs certificates and estimates of battles of World War II of commanders confronting on fields, refers to new documents, defending the judgments. In the author's description of events near Kursk the specified panorama of all military 1943 and its place in the Great Victory of the 1945th opens.

Ключевые слова

Преднамеренная оборона, операция «Цитадель», операция «Румянцев», роковые решения, советский план летней кампании, К.К. Рокоссовский, Г.К. Жуков.

Keywords

Deliberate defense, operation "Citadel", operation "Rumyantsev", fatal decisions, Soviet plan of summer campaign, K.K.Rokossovsky, G.K.Zhukov.

Примечания

1. Соколов Б.В. Неизвестный Жуков: портрет без ретуши в зеркале эпохи. Минск: Родина-плюс, 2000. С.393.
2. <http://www.tellur.ru/~historia/archive/06-01/orlov.htm>
3. Курская битва. М.: Наука, 1970. С.136.
4. Grossman H. Geschichte der rheinisch-westfälischen 6. Infanterie-Division 1939 – 1945, Podzun, 1958, S.208.
5. Жуков Г.К. Воспоминания и размышления: В 2 т. Т.2. М.: Олма-Пресс, 2002. С.136.
6. Мюллер-Гиллебранд.
7. Zetterling N., Frankson A. Kursk 1943: a statistical analysis. London, Portland. 2000. P.122. (Table 8.10: Destroyed tanks in Army Group South, 5–17 July 1943).
8. Zetterling N., Frankson A. Op.cit. P.121. (Table 8.9: Destroyed tanks in Army Group Centre, 5–14 July 1943).
9. Jentz T. Panzertruppen, The Complete Guide to the Creation & Combat Employment of Germany's Tank Force. 1943 — 45. Schiffer Military History, Atlegen, PA, 1996. P.110.
10. Гудериан Г. Воспоминания солдата. Смоленск. Русич, 1999. С.431.

Идентичность в современном международном конфликте: периодизация истории конфликтов через призму «другого»

Д.В. Чернобров

Образ «другого» и роль ассоциации с идентичностью в конфликте относятся к наименее исследованным областям современной конфликтологии, уделяющей основное внимание рациональным факторам поведения. Данная статья предлагает периодизацию истории развития и эволюции «другого» в международных конфликтах и тем самым основывается на историко-конструктивистском теоретическом подходе. С распространения социально-политического мышления в категориях «своего» и «другого», через технологический и информационный переход от традиционных к «новым» и асимметричным конфликтам и антитеррористическим операциям образ «другого» выполнял разные функции в конфликте. Основываясь на исторических примерах, данная статья восстанавливает эволюцию «другого» и совмещает ее с изменением социально-политических и конфликтных реалий.

Традиционный российский и зарубежный исторический подход к анализу конфликтов, как правило, рассматривает природу международного конфликта как целенаправленное политическое насилие, подчиненное национальным, элитарным, экономическим или геополитическим интересам. При этом форма насилия задается техническим прогрессом и доминирующей системой международных отношений. Обеспечивая полезный инструментарий при анализе контекстных исторических решений, такой подход тем не менее неизбежно закладывает в основу типологии конфликта крупные вспышки международного насилия (мировые войны, холодная война и т.д.), в то время как региональным или неполитическим аспектам уделяется

недостаточное внимание. Образ «другого» и вопросы нерационального взаимного восприятия сторон, влияющего на конфликтный потенциал, относятся к областям конфликтологии, наименее исследованным современной историографией. В предыдущей статье данного цикла¹ был представлен историко-конструктивистский подход, а также социально-политический срез эволюции «другого». В данной статье будет предложен проект исторической периодизации эволюции образа «другого», отношения к нему и роли идентичности в конфликте. Развивая тенденции, отмеченные ранее среди социально-политических процессов усложнения образа «другого», исторический обзор конфликта совмещает выводы социально-политической эволюции с истори-

Чернобров Дмитрий Витальевич – аспирант кафедры международных отношений и внешней политики России МГИМО(У) МИД России. E-mail: dmitry.chernobrov@gmail.com

ческой типологией конфликтов и иллюстрирует изменение «другого» на примере российских, европейских и мировых событий.

Основным критерием оценки конфликтов в предложенной исторической периодизации являются наличие четко развитого образа «другого» и важная роль, которую этот образ играет в целях мотивации и консолидации конфликтующих сторон. Изменение роли «другого» и отношения к нему будет соотнесено по времени с изменением типа и характера конфликта, и его общественных составляющих в историческом контексте смены типов конфликта. Анализ основан на исторических свидетельствах конфликтов и имеющихся на настоящий момент обобщенных характеристиках «другого» в современных событиях (например, образ «другого» в «арабской весне», прослеживающийся в основных российских и европейских СМИ).

В предлагаемой периодизации выделены несколько исторических этапов конфликтов, которые характеризуются относительно равномерной сменой, а также две отдельные категории конфликта, отличительные свойства которых в отношении образа «другого» прослеживаются длительное время, в связи с чем невозможна периодизация внутри данных категорий по выбранному критерию (роль и отношение к «другому»). В основном данная периодизация берет за основу европейские и колониальные войны и тем самым предлагает западноцентричный вариант рассмотрения «другого» в конфликте.

Появление «другого» как категории конфликта

Данный период охватывает конфликты от складывания государственного самосознания до начала XX в. Такая формулировка не отрицает возможности присутствия в той или иной форме «другого» («чужого», обобщенного образа противника) в конфликтах любого времени. Тем не менее под «появлением» «другого» подразумевается осознание «своих» и «других» как категорий общественно-политического мышления. Со сращиванием идентичности с границами централизованного национального государства² или религиозной общности (но при отсутствии близкого контакта и информации) «свой» и «другой» начинают приобретать большее постоянство, могут проецироваться на внеконфликтный период и совпадать с признаками национальности или религии.

Отличительными чертами данного периода являются ведение «традиционных» войн (терминология, принятая в рамках теории «новых войн») между регулярными государственными армиями, героизация конфликтов в отсутствии доступных и распространенных информационных средств и демонизация «другого» в военных целях. Для всех конфликтов этого типа до начала XX в. свойственно наличие противоположного «другого», воплощающего негативные черты и несущего ответственность за конфликт (признаки агрессии). Традиционные межгосударственные конфликты в отсутствии близкого контакта и информации

о «другом» составляют начальный этап как исторической периодизации, так и зависимости идентичностей и отношения к «другому» от системы координат «власть–общество».

Рассмотрим в качестве примера конфликта данного периода Крымскую войну 1853–1856 гг. Здесь образ «другого» становится прообразом распространённого в XX в. представления о функциях и необходимости «образа врага»³. Образ Турции, унаследованный от предыдущих Русско-турецких войн, является примером разграничения идентичности по религиозному признаку. Он становится «образом врага», особенно в свете принятой во времена Николая II теории официальной народности (1833 г.), предусматривающей идентично образующую роль православия. Отношение к Западу и участвовавшим в войне европейским странам во многом являлось не только прямым результатом самого вооруженного конфликта, но и последствием зарождающегося антагонизма «западников» и «славянофилов» в предыдущей, Отечественной войне 1812 г.

При этом образ «другого», как врага, формировался как через антизападные настроения значительной части русского высшего общества, так и через официальные документы⁴. В Крымской войне присутствуют черты, характерные для традиционного конфликта с отсутствием достаточной информации: этнический (англичане, французы) и религиозно-чуждый (турки) образ «другого», по-прежнему использующий внешние, поверхностные отличия.

Приближение к «другому» (период между двумя мировыми войнами)

Первая мировая война ознаменовалась новым уровнем информационного освещения конфликтов и тем самым дала толчок эволюции «другого», изменив отношение к самому конфликту и усложнив функции и формирование «другого». Одной из основных тенденций становится приближение к «другому» благодаря информационной революции и вовлечению в конфликт большинства европейских стран, имевших тесные связи и представления друг о друге. В результате намечается два параллельных процесса.

С одной стороны, «другой» становится понятней: вместо этнически-религиозного образа, негативность которого не ставится под сомнение, «другой» признается равным политическим субъектом, при этом колоссальный размах и информационное отображение насилия приводит к размежеванию «другого»-военного (вооруженные силы) и «другого»-гражданского, заслуживающего определенного уровня прав и гарантий безопасности. Эти процессы приводят к принятию стандарта поведения по отношению к «другому» в период конфликта – международных правовых норм и конвенций. Среди них особо стоит отметить ряд Женевских конвенций: 1929 г. (Об обращении с военнопленными), 1949 г. (О защите жертв войны: включая обращение с военнопленными и защиту гражданского населения), 1951 г. (О статусе бежен-

цев). Таким образом, изменившееся отношение к «другому» подразумевает определенное равенство с «другим» и механизмы защиты.

С другой стороны, демонизируется образ самой войны, беспрецедентной по размаху насилия и масштабам разрушений. Вина за войну по-прежнему возлагается полностью на «другого», и этнический язык также играет значительную роль в описании противника (национальная принадлежность – «немец», «русский», «австриец» и т.д.).

Однако уже во время Второй мировой войны наблюдается идеологизация «другого». Этническая и религиозная сложность участников конфликта значительно снизила «внешнюю» составляющую образа «другого». Примером (с точки зрения советского «своего», который также во многом становится идентичностью со значительной идеологической составляющей) может служить включение в образ «другого» ряда националистических движений Украины, выступивших против советской власти, а также института «полицаев» из местного населения. Следовательно, «другим» можно стать не по предопределенным религиозно-этническим или иным внешним качествам, а в результате политико-идеологического предательства «своего». Одновременно, с развитием информационной составляющей, такое предательство помещается в общеконфликтный контекст и обобщается в качестве тенденции, тем самым играя не единичную, а значительную роль в образе «другого».

Доминирование над «другим» (вторая половина XX в.)

Основной причиной выделения второй половины XX в. в отдельный период является распространение новых и асимметричных войн. Предложенная Мэри Кэлдор (Mary Kaldor) концепция новых войн предполагает три «новых» элемента современных конфликтов: смещение доминирующего актора конфликта от государства к негосударственным группам; изменение тактики ведения конфликта (конфликты «низкой интенсивности» с высоким тактическим элементом: повстанческие, террористические, антитеррористические операции), а также возросшая роль идентичности в идеологии конфликта. Теория допускала возможность параллельного существования «новых» и «старых» конфликтов, что свидетельствует о совмещении исторической и тактической классификации в данном теоретическом подходе.

Несмотря на то что конфликты второй половины XX в. не всегда являлись «новыми» или асимметричными, тенденция к асимметричности войн становится все сильнее к началу XXI в., с развитием теории демократического мира и сокращением числа прямых (и технологически равных) военных конфликтов между развитыми странами. Все с большей степенью ясности обозначается тенденция зависимости эволюции образа «другого» от изменения или возникновения нового типа конфликта, временные рамки которого обусловлены динамикой мирового технологического, социаль-

но-политического и информационного развития. Мировые войны, ставшие апофеозом традиционного межгосударственного типа конфликта, уступили место конфликтам «третьего мира» или с «третьим миром».

Осознание полного технологического доминирования (операция «Буря в пустыне» в 1991 г.) или возможности ведения удаленной войны, сводящей к минимуму (бомбардировки Вьетнама) или вообще не предусматривающей наземный контакт (Югославия/Косово), по свидетельствам участников конфликтов, лишь подкрепляло присутствовавшее и в предыдущих периодах ощущение превосходства над «другим». Конфликты Запада с «третьим миром», будучи межкультурными и междоцивилизационными (по сравнению с конфликтами внутри самого Запада), продемонстрировали беспрецедентный всплеск этнической ненависти (hatespeech). Этнорелигиозная составляющая и демонизация «другого» снова стали ключевыми характеристиками «другого» в данной категории конфликтов, в то время как военное и технологическое превосходство вновь способствовали нарушению равенства с «другим».

«Свой» (известный) «другой» (начало XXI в.)

Представляя собой один из вариантов асимметричной «новой» войны, антитеррористические операции начала XXI в. тем не менее заслуживают выделения в особую категорию из-за принципиально иной функции образа «другого». Не будучи новым типом конфликта, антитеррористические операции становятся новым лицом «справедливой войны» (just war theory) в настоящее время и за последнее десятилетие стали доминирующим видом асимметричных конфликтов. Таким образом, наблюдается временное совмещение двух периодов/категорий войн в эволюции образа «другого» (как «новые» войны, так и антитеррористические операции относятся к конфликтам современности) и динамика перехода ко все большему количеству антитеррористических операций или, что наиболее важно, – к отображению современных конфликтов в рамках противостояния с угрожающим террористическим «другим».

В данном типе конфликтов особое значение приобретает взаимосвязь между политическим понятием «терроризм» и представлениями о справедливом конфликте: антитеррористический конфликт отвечает критериям теории справедливых войн и, как правило, получает санкцию в Совете Безопасности ООН и одобрение домашней аудитории западных демократических государств. Образ «другого» становится как оправданием, так и причиной конфликта. Политизация же этого образа и применение ярлыка «терроризм» в политической риторике к целому ряду не только террористических по своим методам, но и антизападных по своей направленности движений (необязательно являющихся террористическими по своей сути) означает появление принципиально новой функции «другого» – основополагающей роли в конфликте. Присутствие этого образа напрямую обуславли-

вае появление и санкцию на конфликт. Примером использования террористического ярлыка может служить поддерживаемое американскими и британскими СМИ накануне Иракской войны предположение о тесных связях Саддама Хусейна с «Аль-Каидой» и о террористической угрозе, исходящей от диктаторского режима в Ираке. Вместе с данными о наличии в Ираке ОМП (впоследствии эти данные были признаны несостоятельными), образ «другого», близкого к терроризму или на прямую поддерживающего терроризм, стал одним из механизмов консолидации западного «своего» и развязывания конфликта.

В связи с ключевым политическим значением образа «другого» в данном типе конфликтов особую важность приобретает возможность управления представлениями о «другом». Существенно возрастает информационная составляющая конфликта: с появлением асимметричных войн и антитеррористических операций усиливаются элементы так называемых «информационных войн». Однако ключевым отличием от предыдущих периодов и типов конфликтов становится не столько функция «другого», сколько отношение к нему. С применением антитеррористической риторики и переходом конфликтов из привычной военной плоскости (традиционная или «новая» война) в режим отдельных операций или вмешательств (контртеррористическая операция) появляется как новый тип конфликта (counterinsurgency), так и новый противник.

В 2000-х гг. четко наметилась тенденция к криминализации (террористического) «другого». «Другой» лишается права на легитимную противоположность: если раньше «другой» мог быть просто другим, т.е. отличным от «своего» (и, будучи равным политическим субъектом, имел на это право), то террористический «другой» приравнивается к преступному «своему» (образ собственной преступности, которая должна наказываться). Параллель закрепляется, так как криминализируемый «другой» использует запрещенные методы и тактику, не обладает политической или социальной легитимностью, существует в форме подпольных организаций и получает нелегальное финансирование, обладая широкими связями с теневыми денежными потоками (наркотики, рынок оружия и т.п.). Отношение к «другому» аналогично отношению к преступному «своему», который законно может и должен быть наказан или уничтожен. Отсюда – заявления о неприменимости к контртеррористическим операциям традиционных норм ведения войны и отношения к военнопленным (пример – уничтожение Усамы бен Ладена в мае 2011 г.) и передача значительной части функций в конфликте от армейских подразделений к полиции (создание и обучение местной полиции в Ираке и Афганистане на завершающих стадиях конфликта).

Относительная универсализация западных демократических ценностей и модели управления после завершения холодной войны обусловили восприятие невозможности и неправильности иных форм социально-политического развития.

В результате криминализации подвергается не только террористический «другой», но и «другой», преследующий иные (незападные) цели развития. Так, в грузино-южноосетинском конфликте 2008 г. образ действий России в западных СМИ криминализировался и изображался как нарушение международных норм и прав человека. Политические цели Ирана, Венесуэлы, Кубы, которые могут быть легитимны и пользоваться поддержкой внутри этих государств, воспринимаются как нарушение общепринятого мирового направления развития.

После завершения холодной войны и особенно в начале 2000-х гг. с усилением агрессивной направленности политики США при президентстве Дж. Буша-младшего возрастает изображение неправильности «другого» в конфликтах как «преступления» перед самим «другим» (например, режим Саддама Хусейна – в первую очередь как преступление перед иракским народом). Именно тенденция к криминализации «другого» на данном этапе конфликтов позволяет отнести к этой категории и миротворческие операции. Несмотря на отсутствие образа террористического «другого», отношение к «другому» остается схожим: происходит криминализация всплеск насилия в контролируемой миротворцами зоне (агрессивный «другой» становится нарушителем порядка, международных норм и тем самым проявляет активность, схожую с криминальной). Через криминализацию «другого» достигаются цели, ранее преследуемые демонизацией (облегчение уничтожения «другого»), а также утверждается и легитимируется новая система превосходства: «другой», как и в предыдущих отношениях неравенства, оказывается подчиненным, подсудным «своему».

Гражданские войны, революции (смена власти)

До настоящего момента предлагаемая историческая периодизация рассматривала временные границы эволюции образа «другого» в конфликтах, которые, помимо исторической динамики и поэтапной смены, также испытывали влияние иных общественно-политических факторов. Последующие две секции выделяют две особые категории конфликта с позиции эволюции «другого»: гражданские войны и революции, а также постколониальные конфликты. Специфика данных категорий заключается, с одной стороны, в значительном временном разбросе конфликтов (что усложняет выделение четких границ периода) и с другой – в параллельном совмещении с конфликтами других периодов без их поэтапного замещения.

Тем не менее обе категории сохраняют определенные временные рамки, хотя и более широкие, чем периоды, рассмотренные нами ранее. Гражданские войны и революции, появившиеся вместе с централизованным государством и ставшие возможными благодаря определенному уровню развития институтов общества и гражданского самосознания, в информационную эру часто совпадают по времени, создавая «волно-

вую» историческую динамику. Объяснением этому явлению может служить не только усиление информационных и глобализационных тенденций, но и геополитические и идеологические факторы. За последнее столетие наблюдались относительно компактные по своему временному разбросу социалистические революции (рубеж I–II четверти XX в.), постколониальные войны (подразделяющиеся на волну войн за независимость в 1940–1970-х гг. и на последующие конфликты между новообразованными государствами на рубеже III–IV четверти XX в.), «цветные» революции на постсоветском пространстве (начало 2000-х гг.) и события «арабской весны» (2010–2013 гг.).

Причиной выделения гражданских войн и революций, а также постколониальных конфликтов (часто также имеющих ряд признаков гражданской войны) в две отдельные категории являются различия в процессах изменения границ идентичностей и, как следствие, взаимоотношений «своего» и «другого». В числе отличительных особенностей гражданских войн и революций прежде всего стоит выделить направление развития идентичности: «другой» является не «чужим», с которым происходит враждебный контакт, а бывшим «своим». Линия разлома «своей» идентичности на нового «своего» и противостоящего ей «другого» может проходить по целому ряду отличий: идеологических, политических, классово-социальных и т.д.

Целью гражданской войны становится лишение «другого» способности бросить политический вызов «своему». Происходит подавление «другого» в государственном пространстве «своего». Так, например, поддержка Каддафи или выражение взглядов, оправдывающих его режим, после свержения правящего в Ливии режима в ходе революции и гражданской войны 2011–2012 гг. влечет за собой уголовное преследование. Вскоре после революции последовал ряд заявлений российского и европейских правительств о недопустимости «сведения счетов» с гражданским населением⁵, ранее поддерживавшим Каддафи. Протест Международного уголовного суда (МУС) в Гааге в 2011 г. в связи с отказом новых ливийских властей выдать старшего сына Муамара Каддафи Сейфа-аль-Ислама и проведением судебного процесса в самой Ливии продемонстрировали опасения несправедливого разбирательства.

Тем самым образ «другого» в гражданских войнах и революциях демонстрирует значительную степень ожесточения и взаимоисключения, а также повышенную эмоциональность взаимоотношений «своего» и «другого» из-за непосредственной близости конфликта⁶. Одновременно наблюдается повышенная агрессивность обеих идентичностей: каждый «свой» защищает целостность собственной группы и проецирует негативные черты и вину за конфликт на «другого»⁷.

Постколониальные конфликты и войны за независимость (реструктуризация идентичности)

В отличие от гражданских войн и революций, когда возникает временный раскол «своего» на две группы, постколониальные конфликты и войны за независимость подразумевают еще предшествующее конфликту наличие «своего» и «другого» в виде колонизатора (метрополии) и колонизированной (зависимой) группы. Основным отличием становится иной уровень существования и отношений идентичностей, чем в предыдущих примерах. «Другой» в таких конфликтах принципиально важен для существования и самоопределения «своего»: «Свой понимает, кто он, от осознания того, кто «не-свой»⁸. «Не-британскость» становится образующим элементом новой американской идентичности во время войны за независимость США (1775–1783 гг.), в то время как элементы европейской культуры или общественного устройства подвергаются пересмотру и (в некоторых случаях) уничтожению в постколониальных конфликтах в Африке и Индокитае. Таким образом, роль образа «другого» в конфликте – определение границ «своего» и полная противоположность новой «своей» идентичности.

Заключение

Историческая периодизация эволюции образа «другого» в конфликтах подразумевает сложность и взаимосвязанность целого ряда факторов исторической и общественно-политической направленности. Среди основных:

- изменение характера конфликтов и информационной осведомленности;
- динамика отношений превосходства и криминализация «другого»;
- смещение составляющих образа «другого» от внешних признаков к идеологическим и политическим.

Однако предложенная периодизация имеет и ряд ограничений. Она представляет в основном западноцентричный подход к конфликту. При описании идентичностей в данной статье за «своего», как правило, принят взгляд российской, европейской или американской стороны конфликта, и тем самым наблюдается изменение образа противостоящего (колониального, азиатского, террористического и т.д.) «другого», с точки зрения Запада. Данная периодизация отражает прежде всего влияние западных общественно-политических процессов на конфликт и на представления о незападном «другом».

Любая попытка периодизации эволюции образа «другого» в конфликтах неизбежно будет основываться на обобщенных представлениях и тенденциях. Так, внутренний конфликт в Руанде, который привел к геноциду и гибели сотен тысяч жителей (в основном тутси) в 1994 г., можно отнести как к категории «гражданских войн» и рассматривать в динамике борьбы хуту и тутси за власть, так и к постколониальным

конфликтам (наследие колониального этнического разделения). Однако с точки зрения образа «другого», помимо типичной для этой категории конфликта повышенной агрессии и близости насилия, наблюдаются крайние представления об этническом доминировании и демонизация образования идентичности: «другой» не выделяется из «своего», а существуют параллельно еще до открытой фазы конфликта (унаследованные с колониальных времен этнические группы). С позиций западного «своего» можно отметить элементы криминализации хулы в геноциде. Периоды и категории конфликтов отражают динамику в целом, но в некоторых конфликтах может наблюдаться совмещение элементов разных периодов и категорий, подчеркивающее наличие дополнительного уровня в характере конфликта – роли идентичности. Предложенная в данной статье периодизация может использоваться для лучшего понимания функций «своего» и «друго-

го» и взаимосвязи построения идентичности с историческим изменением характера конфликта.

Chernobrov D.V. Identity in contemporary international conflict: typology of the history of conflicts through the prism of an Other.

Summary: The problem of an Other and association with an identity in conflict are among the least explored areas of contemporary conflict studies which tends to regard conflict behaviour as rational. This article suggests several periods in the development and evolution of conflict depending on the role and function of the Other, thus adopting a historical-constructivist approach. From the spread of social application of self-other categories to conflict, to the technological and informational transition from traditional to 'new' and asymmetrical wars and counter-insurgency warfare, the Other changed form, function, and role in conflict. Supporting the argument with historical evidence, this article reconstructs the evolution of the Other and situates it in the context of social, political, and conflict-evolving realities.

Ключевые слова

История конфликтов, идентичность, конфликт, периодизация, образ «другого», проблема «другого».

Keywords

Identity, conflict, typology, self and other, constructivism, perception.

Примечания

1. Данная статья является третьей в цикле, посвященном образу «другого» в конфликте и его истории. Предыдущие две: Чернобров Д.В. Информационное изменение образа «другого» в разрешении международных конфликтов, Вестник. №5 (20) 2011, а также Чернобров Д.В. Эволюция «образа другого» в конфликтах современности: конструктивистский подход. Вестник. №6 (27). 2012.
2. Таким образом, в значительной степени образ «другого» претерпевает эволюцию уже в Вестфальской системе международных отношений, предусматривающей наличие суверенных государств.
3. Дукельский В., Юренева Т. К истории «образа врага» в новой России. М., 1998.
4. Тарле Е.В. Крымская война. М., 1941. С. 23.
5. Пример подобной официальной позиции – заявления МИД РФ, Великобритании и США о недопустимости расправы над жителями ливийского города Сирта после взятия его ПНС в начале октября 2011 года, а также аналогичное заявление Специального советника Генерального секретаря ООН по постконфликтному планированию в Ливии Иана Мартина от 7 октября 2011 года (источник – ИТАР-ТАСС, 7 октября 2011).
6. Как показали исследования последних лет, глубина эмоционального восприятия конфликта напрямую зависит от близости или удаленности конфликта: чем ближе конфликт, тем более вероятен личный опыт этого конфликта. Напротив, удаленный конфликт не оказывает подобного психологического эффекта и воспринимается в основном через СМИ.
7. Подробно процесс негативной проекции на «другого» с целью защиты чистоты и целостности «своего» проанализирован Юлией Кристевой (Julia Kristeva) в работе Powers of horror: an essay on abjection. New York: Columbia University Press.
8. Todorov T. The Conquest of America: the Question of the Other. Norman, OK: University of Oklahoma Press, 1999, P. 254.

Американская помощь Израилю: истоки, структура, динамика

Д.А.Дегтерев, Е.А. Степкин

В данной статье дается анализ американской зарубежной помощи Израилю. Показана динамика потоков помощи в 1949-2012 гг., структура и основные тренды. Особый акцент сделан на военной помощи Израилю, призванной обеспечить так называемое качественное военное превосходство (Qualitative military edge, QME) страны в Ближневосточном регионе и гарантировать региональную стабильность. Для понимания механизмов влияния военной помощи США странам Ближнего Востока применен теоретико-игровой анализ, в частности повторяемые игры. Показаны основные направления помощи США в рамках развития систем противоракетной обороны Израиля, а также в контексте реализации ряда гражданских программ. Приводятся основные направления критики американской помощи Израилю, а также дается оценка влияния «арабской весны» и мирового экономического кризиса на потоки американской помощи.

Основными целями зарубежной помощи США (именно такой термин используется в американской правовой практике¹) является содействие международному развитию, а также обеспечение интересов национальной безопасности США в мире. При всем многообразии мотиваций оказания помощи (формирование пояса безопасности по периметру национальных границ, сдерживание глобального конкурента, доступ к природным ресурсам и др.²) особый интерес исследователей вызывает «казус Израиля» в американской зарубежной политике.

На сегодняшний день, пожалуй, нет более тесного политического и стратегического союза, чем американо-израильское партнерство. Помощник госсекретаря США по военно-политическим делам Э. Шапиро отозвался о нем следующим образом: «Сегодня, в условиях, как никогда, ограниченного бюджета, некоторые

задаются вопросом, зачем мы по-прежнему должны оказывать помощь Израилю? ... На такой скептицизм я могу ответить прямо – мы поддерживаем Израиль не по причине многолетних, исторически сложившихся связей. Мы поддерживаем Израиль потому, что это является нашим национальным интересом»³.

Однако красноречивее Э. Шапиро оказываются цифры: Израиль сегодня получает 60% от общего объема всех программ военной помощи США иностранным государствам. До 22% военного бюджета Израиля формируются за счет США. Израиль является вторым по величине получателем международной помощи США (после Афганистана), а с 1948 г. США потратили на Израиль 115 млрд долл. США⁴. Авторами была поставлена цель проследить историю американской помощи Израилю, выявить причины сложившегося уровня сотрудничества, определить

Дегтерев Денис Андреевич – к.э.н., доцент кафедры мировой экономики МГИМО(У) МИД России.

E-mail: degterev@mgiimo.ru

Степкин Егор Андреевич – магистрант МГИМО(У) МИД России. E-mail: egrs2006@rambler.ru

структуру и динамику потоков помощи, а также ответить на вопрос, изменится ли характер американской помощи еврейскому государству после «арабской весны» и под влиянием мирового финансового и экономического кризиса.

Два этапа американской помощи

Израиль не всегда находился в числе крупнейших реципиентов американской помощи. В этой связи можно выделить два этапа американо-израильских отношений: в 1948–1970 гг. наблюдался период низких объемов помощи, а с 1971 г. стартовал период высоких объемов помощи.

Первые два десятилетия с момента образования Государства Израиль отношения между странами носили формальный характер. Об этом свидетельствуют экономические индикаторы: в 1949 г. США предоставили первый заем в размере 100 млн долл. США, и размер ежегодных займов почти не менялся на протяжении 20 лет (см.: табл. 1), причем 95% этой помощи составляли поставки продовольствия и экономическая помощь⁵.

Таблица 1

Американская помощь Израилю в 1949–1969 гг. (млн долл. США)

Год	ВСЕГО	Военная помощь		Экономическая помощь		Продовольственная помощь	
		Гранты	Займы	Гранты	Займы	Гранты	Займы
1949	100,0	-	-	-	-	-	-
1950	-	-	-	-	-	-	-
1951	35,1	-	-	-	0,1	-	-
1952	86,4	-	-	-	63,7	-	22,7
1953	73,6	-	-	-	73,6	-	-
1954	74,7	-	-	-	54,0	-	20,7
1955	52,7	-	-	20,0	21,5	10,8	0,4
1956	50,8	-	-	10,0	14,0	25,2	1,6
1957	40,9	-	-	10,0	16,8	11,8	2,3
1958	85,4	-	-	15,0	9,0	34,9	2,3
1959	53,3	-	-	10,0	9,2	29,0	1,7
1960	56,2	-	-	15,0	8,9	26,8	4,5
1961	77,9	-	-	16,0	8,5	13,8	9,8
1962	93,4	-	-	45,0	0,4	18,5	6,8
1963	87,9	-	-	45,0	-	12,4	6,0
1964	37,0	-	-	20,0	-	12,2	4,8
1965	65,1	-	-	20,0	-	23,9	4,9
1966	126,8	-	-	10,0	-	25,9	0,9
1967	23,7	-	-	5,5	-	-	0,6
1968	106,5	-	-	-	-	51,3	0,5
1969	160,3	-	-	-	-	36,1	0,6
1970	93,6	30,0	-	-	-	40,7	0,4

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, December 2009. CRS Report, RL33222.P.31 – <http://fpc.state.gov/documents/organization/134987.pdf>

С чем это связано? Причины, на наш взгляд, кроются в геополитической расстановке сил на тот период. В то время основным экспортером продовольствия и вооружения в Израиль являлась Франция. Это объясняется тем, что в те

годы (с 1954 по 1962 г.) она вела изнурительную войну против Алжира, который стремился к независимости. Основным союзником Алжира в этой борьбе был насеристский Египет, где лозунги панарабизма достигли пика своей популярности. Поэтому Франция решила всячески поддерживать соседнюю с Египтом страну – Израиль, всячески играя на арабо-израильских противоречиях и отвлекая внимание и силы Египта на сохранение военного паритета с молодым еврейским государством⁶.

Более того, отношения между двумя странами еще больше укрепились после Суэцкого кризиса 1956–1957 гг., когда совместные действия Франции, Израиля и Британии вызвали более чем холодную реакцию в Вашингтоне. Однако в 1960-х гг. к власти во Франции приходит Ш. де Голль, который решает «перезагрузить» франко-арабские отношения. Это касалось и удовлетворения алжирских требований о независимости, и укрепления отношений с другими арабскими странами. Жертвой такой политики пало тесное франко-израильское сотрудничество. Триумф Израиля в 6-дневной войне 1967 г. убедил американское правительство в необходимости сотрудничества с еврейским государством⁷. В 1968 г. администрация Л. Джонсона одобрила продажу Израилю партии суперсовременных самолетов «Фантом» F-4, что явилось первым сигналом к потеплению отношений⁸.

Второй этап начался с предоставления в 1971 г. кредита Израилю на покупку американского вооружения на сумму 545 млн долл. США⁹. С тех пор ежегодно в американском бюджете стала регулярно резервироваться сумма для помощи Израилю. Экономическая поддержка трансформировалась – вместо финансирования отдельных проектов США вводят Программу импорта товаров (Commodity Import Program, CIP), нацеленную на закупку американских товаров. В 1979 г. данная программа была заменена несвязанной финансовой помощью, что стало более выгодным для Израиля¹⁰. В 1974 г. Израиль становится крупнейшим реципиентом американской помощи, позже данный объем был превышен лишь Ираком и Афганистаном¹¹.

В 1971–1973 гг. объем американской помощи Израилю составлял уже около 0,5 млрд долл. США, а начиная с 1974 г. превысил отметку в 1 млрд долл. США, причем 2/3 приходилось уже на военную помощь (см.: табл.2).

В 1979 г. были заключены Кэмп-Дэвидские соглашения, а объем американской помощи Израилю продолжал увеличиваться, превысив в 1985 г. 3 млрд долл. США.

Военная помощь ... как гарантия мира

С середины 1990-х гг. экономический компонент американской помощи Израилю неуклонно снижался, пока не был окончательно вытеснен из структуры помощи (см. табл.3). В настоящее время основная часть финансирования приходится на программы военной помощи.

Таблица 2

Американская помощь Израилю в 1971–1996 гг. (млн долл. США)

Год	ВСЕГО	Военная помощь		Экономическая помощь		Продовольственная помощь	
		Гранты	Займы	Гранты	Займы	Гранты	Займы
1971	634,3	545,0				55,5	0,3
1972	430,9	300,0			50,0	53,8	0,4
1973	492,8	307,5			50,0	59,4	0,4
1974	2.621,3	982,7	1.500,0		50,0	-	1,5
1975	778,0	200,0	100,0		344,5	8,6	-
1976	2.337,7	750,0	750,0	225,0	475,0	14,4	-
1977	1.762,5	500,0	500,0	245,0	490,0	7,0	-
1978	1.822,6	500,0	500,0	260,0	525,0	6,8	-
1979	4.888,0	2.700,0	1.300,0	260,0	525,0	5,1	-
1980	2.121,0	500,0	500,0	260,0	525,0	1,0	-
1981	2.413,4	900,0	500,0	-	764,0	-	-
1982	2.250,5	850,0	550,0	-	806,0	-	-
1983	2.505,6	950,0	750,0	-	785,0	-	-
1984	2.631,6	850,0	850,0	-	910,0	-	-
1985	3.376,7	-	1.400,0	-	1.950,0	-	-
1986	3.663,5	-	1.722,6	-	1.898,4	-	-
1987	3.040,2	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1988	3.043,4	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1989	3.045,6	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1990	3.034,9	-	1.792,3	-	1.194,8	-	-
1991	3.712,3	-	1.800,0	-	1.850,0	-	-
1992	3.100,0	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1993	3.103,4	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1994	3.097,2	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1995	3.102,4	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
1996	3.144,0	-	1.800,0	-	1.200,0	-	-
ВСЕГО	68.030,9	11.212,5	29.014,9	1.516,5	23.122,4	588,5	94,1

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, December 2009. CRS Report, RL33222. P.31-32. - <http://fpc.state.gov/documents/organization/134987.pdf>

Часть вооружений и военной техники США передают Израилю на безвозмездной основе в рамках Программы передачи избыточной военной техники (Excess Defense Articles). Программа позволяет США после окончания холодной войны избавляться от бывшей в употреблении техники, утилизация и дальнейшее использование которой в США связано с высокими затратами¹². Израиль является крупнейшим реципиентом в рамках данной программы: с 2001 по 2011 г. он получил вооружений и военной техники на сумму более 330 млн долл. США¹³. Какую цель преследует США, вооружая Израиль на протяжении последних 40 лет? В официальной доктрине США в этой связи используется термин «Качественное военное превосходство» (Qualitative military edge, QME¹⁴), под которым понимается минимальное устойчивое военное превосходство Израиля над соседними арабскими странами Ближнего Востока.

Таблица 3

Американская помощь Израилю в 1949–2013 гг. (млн долл. США)

Год	ВСЕГО	Военные гранты	Эконом. гранты	Миграц. гранты	Школы и больницы	Другие программы
1949-1996	68.030,9	29.014,9	23.122,4	868,9	121,4	14.903,3
1997	3.132,1	1.800,0	1.200,0	80,0	2,1	50,0
1998	3.080,0	1.800,0	1.200,0	80,0	-	-
1999	3.010,0	1.860,0	1.080,0	70,0	-	-
2000	4.131,85	3.120,0	949,1	60,0	2,75	-
2001	2.876,05	1.975,6	838,2	60,0	2,25	-
2002	2.850,65	2.040,0	720,0	60,0	2,65	28,0
2003	3.745,15	3.086,4	596,1	59,6	3,05	-
2004	2.687,25	2.147,3	477,2	49,7	3,15	9,9
2005	2.612,15	2.202,2	357,0	50,0	2,95	-
2006	2.534,5	2.257,0	237,0	40,0	-	0,5
2007	2.503,15	2.340,0	120,0	40,0	2,95	0,2
2008	2.423,9	2.380,0	0	40,0	3,90	0
2009	2.583,9	2.550,0	0	40,0	3,90	0
2010	2.803,8	2.775,0	0	30,0	3,80	0
2011	3.029,22	3.000,0	0	25,0	4,225	0
2012	3.095,0	3.075,0	0	20,0	-	0
2013 (запрос)	3.115,0	3100,0	0	15,0	-	0
ВСЕГО	115.129,57	67.423,4	30.897,0	1.658,2	159,075	14.991,9

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.30. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>

На практике это заключается в том, что Израиль ежегодно получает около 3 млрд долл. США американской военной помощи, Египет – 1,3 млрд долл., Иордания – 0,3 млрд долл. США. При этом принимается во внимание и объемы поставок вооружений и военной техники США странам Персидского залива. Поддержание такого динамического равновесия позволяет не нарушать региональный баланс сил, а также «привязать» страны региона к США. В случае, если одна из стран (Израиль или арабские страны) нарушает перемирие с соседями и теряет благосклонность США, в то время как другие сохраняют хорошие отношения с США, то в следующем финансовом году «послушная» страна получает новый транш военной помощи и модернизирует свои вооружения, а «непослушная» страна остается с устаревшими вооружениями. По мнению ряда экспертов, именно эта финансовая конструкция является основой мира на Ближнем Востоке, а не Кемп-Дэвидские соглашения как таковые¹⁵.

Теоретико-игровая интерпретация

В самом деле, если бы речь шла о разовой американской военной помощи, то теоретико-игровая интерпретация¹⁶, например, израильско-египетских отношений, носила бы следующий вид (табл.4). В случае соблюдения перемирия Израиль и Египет получают военную помощь от США (3 млрд долл. США и 1,3 млрд долл. США соответственно), однако если одна из сторон решит при

этом добиться асимметричных преимуществ и нарушить перемирие (путем прямой военной агрессии и захвата части территории противника либо путем получения политических дивидендов от развязанной пропагандистской кампании), то она получит существенно больше (предположим, 7 млрд долл. США и 3 млрд долл. США соответственно). В качестве допущения предполагаем самый неблагоприятный для донора (США) исход – нарушающая перемирие сторона успела выбрать весь объем помощи и после этого нарушила перемирие.

Таблица 4

Теоретико-игровая интерпретация получения разовой американской военной помощи Израилем и Египтом

		Египет	
		Нарушать перемирие (D)	Не нарушать (C)
Израиль	Нарушать перемирие (D)	(2; 0,3)	(7; 1)
	Не нарушать (C)	(2,5; 3)	(3; 1,3)

Соблюдающая перемирие сторона будет довольствоваться лишь полученной американской помощью, кроме того, ее экономика понесет определенный ущерб (0,5 млрд долл. США и 0,3 млрд долл. США соответственно). Наконец, если обе стороны нарушат перемирие, то в результате масштабных военных действий они потеряют (жертвы, разрушения, внутривосточная нестабильность – предположим, по 1 млрд долл. США), и итоговый выигрыш составит меньше размеров полученной помощи (предположим, 2 млрд долл. США и 0,3 млрд долл. США). Как следует из табл. 4, при такой теоретико-игровой интерпретации, равновесными, по Нэшу, оказываются точки CD и DC¹⁷, то есть у сторон нет мотивации соблюдать перемирие.

Ситуация кардинально меняется, если мы имеем дело с многократно повторяемой игрой (см. рис.1.), где США на протяжении, например, 10 лет ежегодно оказывает помощь Израилю (И) и Египту (Е). Анализ выигрышей игроков, получаемых ими при выходе из игры на разных ее этапах, показывает, что уже после трех лет даже в случае нарушения одной из сторон перемирия другая получает больше, чем при отказе соблюдать перемирие в первый же год. Так, выигрыш Израиля после трех лет соблюдения перемирия при нарушении его Египтом на 3-й год составит 8 млрд долл. США, что больше 7 млрд долл. США при нарушении перемирия Израилем уже в 1-й год. Соответственно выигрыш Египта после трех лет соблюдения перемирия при нарушении его Израилем на 3-й год составит 3,6 млрд долл. США, что больше 3 млрд долл. США при нарушении перемирия Египтом уже в 1-й год. Выигрыши сторон ежегодно возрастают после очередного транша американской помощи и соблюдения перемирия. Получается, что при данной структуре игры обоим игрокам выгодно продолжать ее как можно дольше (для более точной оценки выигрышей участников необходимо вводить ставку дисконтирования).

Рис. 1

Теоретико-игровая интерпретация многократного получения американской военной помощи Израилем и Египтом

На самом деле это действительно так только в том случае, когда число повторов в игре заранее неизвестно игрокам. Ведь если провести анализ игры (см. рис.1.) по методу обратной индукции (backrolling), то есть проследить за выбором игроками стратегий начиная с конца игры, то получается, что после 10-го транша помощи Египту выгодней нарушить перемирие – тогда он получит не 13 млрд долл. США, а 14,7 млрд долл. США. Зная это, Израиль сам не станет соблюдать перемирие на 10 лет – ведь тогда его выигрыш станет на 4 млрд долл. США больше. Рассуждая и далее таким образом, нетрудно понять, что невыгодным становится соблюдение перемирия уже в первый год. Получается, что для обоих игроков выгоднее не знать, какой транш помощи будет последним. Находясь в таком неведении, они, если действуют рационально, после 10 лет получают гарантированный выигрыш не менее 30 и 13 млрд долл. США соответственно.

Следуя данной логике, США выгодно поддерживать все стороны конфликта на Ближнем Востоке (Израиль и арабские страны) в уверенности, что американская военная помощь будет длиться вечно. Неслучайно, в 2007 г. между правительствами США и Израиля был заключен Договор о военной помощи сроком на 10 лет (10-Year Military Aid Agreement), который и регулирует взаимоотношения на текущем этапе. Он представляет собой пакет помощи размером в 30 млрд долл. США, принятый администрацией Буша-младшего. Согласно данному договору, планируется увеличение ежегодных объемов помощи с 2,55 млрд долл. США до 3,1 млрд долл. США в 2013 г. (см.: табл.3). В США Израиль приобретает в основном высокоточное оружие и истребители¹⁸.

Роль США в создании ПРО Израиля

Примечательно, что 26,3% помощи Израиль может тратить на закупку вооружений собственного производства¹⁹. Таких привилегий больше нет ни у кого из стран, сотрудничающих с США²⁰. Представляется, что наличие собственных НИОКР и производства вооружений и военной техники – это своего рода гарантия существования Израиля как государства. Ограничиться закупками и получением иностранной военной техники было бы недальновидно. Наиболее ярко

это видно на примере содействия США созданию израильской системы противоракетной обороны (см. табл.5).

Таблица 5

Американская помощь Израилю на создание систем противоракетной обороны в 2006 – 2012 гг. (в млн долл. США)

Тип системы/ Год	2006	2007	2008	2009	2010	2011	2012
Малый радиус действия («Праца Давида»)	10,0	20,4	37,0	72,895	80,092	84,722	110,525
Средний радиус действия типа «Эрроу» («Эрроу-2»)	122,866	117,494	98,572	74,342	72,306	66,427	58,955
Высотная система ПРО («Эрроу-3»)	-	-	20,0	30,0	50,036	58,966	66,220
Малый радиус действия («Железный купол»)	-	-	-	-	-	205,0	-
ВСЕГО	132,866	137,894	155,572	177,237	202,434	415,115	235,700

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.15 - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>

Помимо закупок систем тактической ПРО малого радиуса действия «Хоук» (MIM-23 HAWK) и ПЗРК «Пэтриот», при финансовой поддержке США Израиль разработал собственную систему ПРО малого радиуса действия «Железный купол». Данная система разработана полностью в Израиле компанией «Rafael Advanced Defense Systems»²¹. Система принята на вооружение и успешно показала себя во время операции «Облачный столп» (ноябрь 2012 г.), когда при помощи данной системы была перехвачена 421 ракета из сектора Газа. Израиль планирует также экспортировать систему в Южную Корею, Сингапур и Индию. США наращивает финансирование (см.: табл.5) на создание ПРО малого и среднего радиуса действия «Праца Давида». Разработку системы осуществляет уже упоминавшаяся израильская компания «Rafael Advanced Defense Systems» совместно с американской «Raytheon».

Наконец, в сотрудничестве с американской корпорацией «Boeing» осуществляется проект разработки систем ПРО среднего и большого радиуса действия «Эрроу» (модификации 2 и 3). Общее руководство данным проектом осуществляет министерство обороны Израиля совместно с агентством США по ПРО. Существует ряд оговорок в отношении использования американской военной помощи, так, например, она не может использоваться на оккупированных территориях. США жестко пресекают любые попытки реэкспорта своей военной помощи третьим странам.

Возможность реэкспорта американского вооружения в принципе является одной из самых чувствительных проблем в американо-израиль-

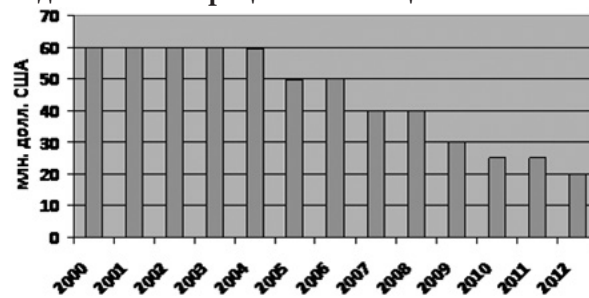
ском сотрудничестве. США, по сути, заморозили намечавшееся китайско-израильское и российско-израильское партнерство в военной сфере²². Была заблокирована и сделка по приобретению Индией у Тель-Авива систем ПРО «Эрроу», в связи с тем что в ней используются американские разработки²³. Для контроля над реэкспортом в 2005 г. был подписан двусторонний договор, подразумевающий консультации Израиля с США в случае возможных поставок Израилем «чувствительного вооружения» в третьи страны. Со своей стороны, еврейское государство создало собственное агентство, контролирующее вопросы экспорта вооружений.

Гражданские программы помощи

Помимо военных программ, существуют и другие виды американской помощи Государству Израиль, включая помощь мигрантам и беженцам, гарантии по займам, помощь школам и больницам. Программа содействия миграции и беженцам (Migration & Refugee Assistance) представляет собой программу помощи по репатриации евреев на историческую родину. Программа была запущена в 1973 г. и предназначалась для помощи в переселении в Израиль евреев из СССР и стран Организации Варшавского договора, однако к 1985 г. речь шла уже о просто «переселенцах в Израиль», например, чтобы облегчить доступ к помощи евреям из Эфиопии. Объем помощи в рамках данной программы имеет тенденцию к сокращению (см. рис. 2).

Рис. 2

Динамика финансирования Программы содействия миграции и беженцам

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.20. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>

Программа гарантий по займам (Loan Guarantees) – эта программа предоставляет собой так называемый «стратегический запас», то есть сумму денег, которую Израиль всегда может гарантированно взять займы под низкий процент в случае форс-мажорных обстоятельств. И хотя правительство Израиля говорит о том, что уже который год не прибегает к этим средствам (см.: табл. 6), надо понимать, что подобные гарантии со стороны США крайне благотворно сказываются на инвестиционном климате в Израиле. Иностранные инвесторы не боятся вкладывать деньги в страну, потому что знают, что в США придут на помощь в случае непредвиденных трудностей.

Таблица 6
Американские гарантии по займам Израилю в 2003–2011 гг. (в млн долл. США)

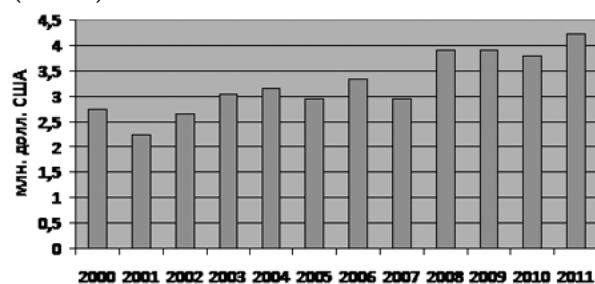
Год	Объем помощи, выделенной Израилю	Выполняются ли требования США по экономическим преобразованиям	Вычеты на строительство поселений	Объем, использованный Израилем	Объем доступных для Израиля гарантий
2003	3.000,0	Да	289,5	1.600,0	1.110,5
2004	3.000,0	Да	-	2.500,0	1.610,5
2005	1.000,0	Да	795,8	-	1.814,7
2006	333,0	Выполнение условий невозможно в связи с войной в Ливане	-	-	2.148,0
2007	333,0	Да	-	-	2.481,4
2008	333,0	-	-	-	2.814,7
2009	333,0	Выполнение условий невозможно в связи с мировым эконом. кризисом	-	-	3.148,0
2010	333,0	-	-	-	3.481,0
2011	333,0	-	-	-	3.814,0

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.23. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>

Программа американских школ и больниц за рубежом (American Schools and Hospitals Abroad, ASHA) и Американско-Израильская программа научного и делового сотрудничества (U.S.-Israeli Scientific & Business Cooperation) представляют собой программы гуманитарной направленности, ставящие перед собой задачу научного сотрудничества между двумя странами и распространения американских ценностей и идеалов за рубежом. Финансирование программы ASHA имеет долгосрочную тенденцию к увеличению (см. рис.3).

Рис. 3

Динамика финансирования Программы американских школ и больниц за рубежом (ASHA) в 2000–2011 гг.

Источник: Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.24. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>

Критика помощи США со стороны Израиля

Несмотря на кажущуюся безоблачность, у американско-израильских программ помощи в существующем виде имеется немало критиков. И если американцы критикуют излишние расходы, которые, по их мнению, осуществляет американское правительство²⁴, то израильтяне критикуют американскую помощь по другим причинам:

– во-первых, Израиль оказывается в чрезмерной зависимости от США и в случае резкого сокращения потоков помощи может испытать внешнеполитические и внутривнутриполитические потрясения;

– во-вторых, вся американская помощь обусловлена рядом ограничений и имеет связанный характер²⁵ (покупка только американской техники, часть помощи должна быть потрачена в США и пойти на создание рабочих мест для американцев, контроль США над реэкспортом в третьи страны). Критики утверждают, что большинство из того, что Израиль получает от Америки в виде помощи, может быть приобретено у других поставщиков по гораздо более низким ценам. Наиболее яркий тому пример – закупка пошитой в США военной униформы, приобретение топлива для самолетов и сухих пайков. Все это, по мнению израильских экспертов, могло быть закуплено в Израиле на 50% дешевле²⁶. Впрочем, это традиционная критика в отношении связанной помощи, оказание которой завышает стоимость контрактов, как правило, на 15–30%;

– наконец, израильский ВПК ориентирован исключительно на экспорт (Израиль занимает 8-е место в мире по экспорту²⁷), поскольку американские товары «выталкивают» израильские вооружения и военную технику с местного рынка.

Последствия «арабской весны» и мирового кризиса

Перед американским правительством не стоит вопрос, помогать ли Израилю в трудных и непредсказуемых условиях, сложившихся сегодня в мировой экономике и регионе Ближнего Востока. О поддержке правительства американским народом свидетельствуют и соцопросы: 63% американцев в арабо-израильском противостоянии поддерживают Израиль. Тем не менее 59% американцев одобрили сокращение американской помощи за рубежом (в том числе и Израилю). Поэтому перед США встает вопрос: на что давать деньги? Сегодня ставка – на вооружение Израиля, однако аналитики Исследовательской службы при Конгрессе США отмечают, что в обозримом будущем речь может пойти о вкладывании денег в дипломатические методы, в частности в помощь соседним с Израилем арабским странам, чтобы снизить в них социальное напряжение и влияние радикальных исламистских сил²⁸.

По данным на март 2013 г., сокращение бюджета США в связи с «налоговым обрывом» приведет к уменьшению на 150 млн долл. США объемов военной помощи Израилю. В этой связи в Пентагоне особо отмечают, что приоритетные совместные проекты, в первую очередь в области противоракетной обороны, не пострадают²⁹.

США и Израиль представляют собой хрестоматийный пример тесного военно-политического и геостратегического союза. Тесные отношения обусловлены общими стратегическими

задачами и целями в регионе Ближнего Востока. Израиль видит в США гарант своей экономической стабильности и военной безопасности, США же выгодно поддерживать еврейское государство по политическим и экономическим мотивам. Кроме того, не стоит забывать о наличии мощнейшего еврейского лобби в Америке. В двусторонних американо-израильских отношениях существуют трудности и противоречия (поскольку США вынуждены лавировать на международной арене и сохранять отношения со своими арабскими партнерами), однако можно говорить об их стабильном характере. И приведенные данные наглядно свидетельствуют об этом – объемы американской помощи, согласно 10-летнему договору о военной помощи, год от года будут только расти.

Degterev D.A., Stepkin E.A. American Assistance to Israel: Origins, Structure, Dynamics.

Summary: *This article provides an analysis of the U.S. foreign assistance to Israel. It shows the evolution, structure and key trends of aid flows in 1949-2012. Particular emphasis is placed on military assistance to Israel, aimed to provide Qualitative military edge (QME) of the country in the Middle East and to ensure regional stability. The game-theoretic analysis in particular the repeated games is applied in order to understand the mechanisms of the effect of U.S. military assistance to Middle Eastern countries. The basic directions of U.S. aid (development of missile defense systems in Israel and financing of a number of civil programs) are shown. The main point of critic of U.S. foreign assistance to Israel, as well as an assessment of the influence of the «Arab Spring» and the global economic crisis on aid flows are provided.*

Ключевые слова

Содействие международному развитию, зарубежная помощь; связанная помощь, международная безопасность, концепция «Качественное военное превосходство», Ближний Восток, США, Израиль, израильское лобби в США, военная помощь, противоракетная оборона (ПРО), теория игр.

Keywords

International Development Assistance, Foreign Assistance, Tied Aid, International Security, Qualitative military edge (QME), Middle East, USA, Israel, israel lobby in US, military assistance, missile defense, game theory.

Примечания

1. Подробнее см.: Шакиров А.Р. США: официальная помощь развитию // Мировая экономика и международные отношения, 2012. № 3. С.43.
2. Подробнее см.: Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию как инструмент продвижения внешнеполитических и внешнеэкономических интересов // Вестник МГИМО. 2012. № 2. С.51–55.
3. Dagoni R. US and Israel to conduct joint military exercises// Globes [online], Israel business news, 6 November 2011. - <http://www.globes.co.il/serveen/globes/docview.asp?did=1000695184&fid=1725>
4. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>
5. Idem.
6. Cristol J. When Did the U.S. and Israel Become Allies? (Hint: Trick Question) // History News Network, 9 July 2002. - <http://hnn.us/articles/751.html>
7. Idem.
8. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>
9. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, December 2009. CRS Report, RL33222. - <http://fpc.state.gov/documents/organization/134987.pdf>
10. Idem.
11. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>
12. Шакиров А.Р. США: официальная помощь развитию // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 3. С.47.
13. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>
14. Ensuring Israel's Qualitative Military Edge. Remarks to The Washington Institute for Near East Policy by Andrew J. Shapiro, Assistant Secretary, Bureau of Political-Military Affairs. November 4, 2011 - <http://www.state.gov/t/pm/rls/rm/176684.htm>
15. Arena Ph., Pechenkina A. External Subsidies and Lasting Peace. Working Paper, April 4 2012. - <http://filarena.weebly.com/uploads/7/3/9/3/7393967/exsub.pdf>

16. Подробнее см.: Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой анализ режимов оказания содействия международному развитию // Вестник МГИМО. 2011. № 5. С.59–66.
17. Подробнее см.: Дегтерев Д.А. Теоретико-игровой подход в праве. М.: Ленанд, 2011. 240 с.
18. Подробнее о высокоточном вооружении см.: Подберезкин А.И. Евразийская ВКО: роль стратегических неядерных вооружений // Вестник МГИМО-Университета, 2013. № 1. С.29-37.
19. Bard M. U.S. Aid To Israel // Jewish Virtual Library. Updated January 2012. - http://www.jewishvirtuallibrary.org/jsource/US-Israel/foreign_aid.html
20. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.15 - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>
21. Ознобищев С., Топычканов П. Развитие "региональных" ракетных потенциалов и систем ПРО // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С.29.
22. Zanutti J. Israel: Background and U.S. Relations. CRS Issue Brief for Congress, April 26 2005. IB85066. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33476.pdf>
23. Ознобищев С., Топычканов П. Развитие "региональных" ракетных потенциалов и систем ПРО // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 12. С.31.
24. Sen. Paul Calls for Cutting U.S. Aid to Israel // Fox News, 28 January 2011. - <http://www.foxnews.com/politics/2011/01/28/sen-paul-calls-cutting-aid-israel/>
25. Подробнее см.: Дегтерев Д.А. Содействие международному развитию: эволюция международно-правовых режимов и эффективность внешней помощи. М.:Ленанд, 2011. 320 с.
26. Шустеф Б. Корыстное бескорыстие // Вестник. № 16(275). 31 июля 2001. --<http://www.vestnik.com/issues/2001/0731/win/shustef.htm>
27. Zanutti J. Israel: Background and U.S. Relations. Congressional Research Service, November 2012. CRS Report, RL33476. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33476.pdf>
28. Sharp J. U.S. Foreign Aid to Israel. Congressional Research Service, March 2012. CRS Report, RL33222. P.24. - <http://www.fas.org/sgp/crs/mideast/RL33222.pdf>
29. Янушевский Р., Ефимова М. Израиль недосчитается американских миллионов // Газета "Коммерсантъ", №45/П (5076), 18.03.2013. <http://www.kommersant.ru/doc/2148852>.

Деятельность аналитических центров в Турции при правлении Партии справедливости и развития

В.А. Аватков, А.С. Видяйкин

В условиях постбиполярной системы международных отношений и углубления процессов глобализации и регионализации мировые и региональные державы сталкиваются со все возрастающим потоком информации, с усилением и расширением спектра внешнеполитических механизмов других акторов. Не является исключением и Турция, которая в последние годы добилась значительных успехов в упрочении своих позиций в мировой политике. Для качественного обеспечения ее внешнеполитического курса, как и курса любого государства, невосполнимым источником являются аналитические центры.

Аналитический центр – это мост между миром науки и политики¹, политико-экспертная структура², основной функцией которой является проведение исследований с целью влияния на политический процесс. Аналитические центры проводят анализ с определенного угла зрения и потому априори пристрастны, так как осуществляют разработки либо по заказу и в интересах частных структур, либо государства и (или) его органов. Во многом именно такого рода организации формируют внутривнутриполитическую среду, влияют на внешнеполитическую линию государства и крупных корпораций, воздействуют на глобальное политическое развитие и регулирование.

Деятельность аналитических центров формируют идеологемы. В то же время сами тресты находятся под влиянием не только внутривнутриполитических идеологем, но и внешнеполитической идеологии. Под внешнеполитической идеологией понимаются:

- система идей и представлений одного субъекта мировой политики в отношении других акторов и международной среды в целом;
- набор текущих и перспективных принципов, ценностных основ поведения в рамках действующей системы международных отношений;
- целевые и пропагандистские установки, рассчитанные прежде всего на среднесрочную и долгосрочную перспективу.

Внешнеполитическая идеология опирается на текущий статус-кво, имеет психологическое основание, является первоосновой политического мышления и формирует модель потенциального будущего, в соответствии с которым интерпретируется настоящее и формируются гипотезы о прошлом и будущем. Внешнеполитическая идеология может быть сформулирована в виде ряда государственных документов, среди которых основную роль играют внешнеполитические доктрины. Од-

Аватков Владимир Алексеевич – аспирант кафедры востоковедения, преподаватель военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока МГИМО(У) МИД России. E-mail: VladimirAvatkov@rambler.ru

Видяйкин Андрей Сергеевич – аспирант кафедры зарубежного регионоведения факультета международных отношений ННГУ им. Н.И. Лобачевского. E-mail: Vidyaykin@hotmail.com

Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект №13-02-00337 "Сравнительный анализ моделей социально-экономической организации научно-исследовательского комплекса: институциональная структура и фактор национальной культуры".

нако внешнеполитическая идеология базируется не только на доктринах, в ее основе лежат также внешнеполитический курс, образ действия государства, его внешнеполитические ресурсы, интересы и цели.

По сути, внешнеполитическая идеология – это набор констант (идеологем) во внешней политике. Это относительно постоянные, редко изменяемые принципы взаимодействия политического режима с внешней средой, представленной государствами, группами государств и негосударственными акторами. Внешнеполитическая идеология трансформируется крайне медленно, впрочем, также неспешно она осуществляет и свое воздействие. Она преследует среднесрочные, долгосрочные и перспективные цели. Причем чаще всего поле ее деятельности связано с последними двумя. Именно для воздействия на долгосрочные цели внешнеполитическая идеология формирует свои идеологемы, направленные на имидж прошлого и будущего³.

В связи с плотной связью идеологического и научного компонентов в деятельности аналитических центров ряд исследователей⁴ противопоставляет экспертно-идеологический комплекс и науку. Соглашаясь в принципе с подобного рода выводом, стоит все же отметить, что именно этот фактор «моста» и позволяет лабораториям политической мысли быть востребованными и реализовывать свои цели по сбору, анализу информации, формированию стратегического и тактического целеполагания и воздействию на общественное сознание в целом и (или) на отдельных представителях социально-классовых субъектов⁵.

Во многом цели мозгового центра определяют структуру его финансирования: в зависимости от нее и от позиции заказчика вырисовывается яркими красками степень ангажированности центра, его идеологический окрас и научная составляющая. Аналитическими центрами (think-tanks) чаще всего называют хотя и аффилированные с государством частные структуры⁶. Это не исключает существования и государственных научных мозговых трестов, которые отличаются склонностью к консерватизму в мышлении, но тем не менее в выработке концептуальных основ политики зачастую играющие более весомую роль, чем независимые от государства частные организации.

Важно подчеркнуть, что различного рода научно-экспертные центры в процессе работы продумывают целый комплекс возможных направлений внешней деятельности, предлагая заказчику в лице государства и государственных служащих научно обусловленные варианты максимально удобной в том или ином случае внешней политики⁷. Важнейшим структурным элементом любого профессионального аналитического центра является научная экспертиза, которая предлагает базовые направления внешней политики и дипломатии, а также разрабатывает план мероприятий в рамках той или иной концепции⁸.

Транснационализация сферы производства мирополитических идей⁹ привела к возникновению интернациональных аналитических центров (например, Американский фонд Карнеги), а затем

и к их «глобализации» – к созданию сетей трестов, что укрепило доминирование в этой сфере западных научно-аналитических взглядов и подходов. В ряде стран, не имевших своих собственных развитых систем научного познания и научного обеспечения политики, такого рода процессы повлияли на формирование структуры политической экспертизы – во многом идентичной западной, но со своими особенностями.

В современной политологической школе Турецкой Республики господствуют постмодернистские подходы к исследованию мировой политики. Турецкие политологи не создают школы, действуют преимущественно в индивидуальном порядке, в рамках Академии наук¹⁰, существующих университетов и аналитических центров. Многие получают гранты на определенные исследования от частных и государственных фондов. Самым крупным турецким научно-исследовательским фондом является TÜBİTAK (Türkiye Bilimsel ve Teknolojik Araştırma Kurumu)¹¹.

Существует распространенное мнение, что в Турции функционирует около 50 мозговых центров («düşünce kuruluşları»). Цифра эта весьма относительна и приводится чаще всего патристически настроенными турецкими исследователями, которые причисляют к мозговым трестам и государственные аналитические структуры, и институтские научные центры. По данным журнала «Foreign Affairs», в Турции действует всего 21 аналитический центр, а, к примеру, в Нигерии – 38, в Кении – 42, в Румынии – 53¹².

Считается, что первые обсуждения вопроса о создании частного центра по производству политической мысли в Турции состоялись в 1993 г. и речь шла о том, что трест будет существовать в рамках деятельности Анкарского фонда политических и социальных исследований (Ankara Siyasal ve Sosyal Araştırmalar Vakfı). Для работы предполагалось привлекать представителей академических кругов, политиков и военных Турции, а также американских специалистов. Все, вместе взятые, современные турецкие аналитические центры по объемам финансирования несопоставимы даже с такого же рода средней организацией в США¹³. Численность сотрудников в них намного меньше, чем в любой державе мирового ранга и относительно сопоставима с региональными державами. О качестве исследований высказываются различные точки зрения. Вместе с тем необходимо отметить современный качественный рост научных исследований в стране, и прежде всего за счет приглашения иностранных экспертов¹⁴.

Турецкий политолог Фатих Кескин предлагает классифицировать современные аналитические центры Турции по их принадлежности и чертам, особо важным для современной турецкой политики. Он выделяет 4 группы трестов¹⁵:

– первая включает гражданские и военные аналитические структуры в рамках государственных органов (SAREM при генеральном штабе, Центр стратегических исследований Stratejik Merkezi при министерстве внутренних дел);

■ Политология

– вторая – это аналитические структуры при университетах, например Центр стратегических исследований университета Йылдыз (Yıldız Üniversitesi Stratejik Araştırmalar Merkezi) или Центр стратегических исследований университета Бейкент (Beykent Üniversitesi Stratejik Araştırmalar Merkezi);

– к третьей группе относятся идеологически ориентированные, функционирующие и за рубежом «пропагандистские мозговые центры» (advocacy think-tanks), к примеру – Центр евразийских стратегических исследований (ASAM – Avrasya Stratejik Araştırmalar Merkezi);

– четвертую группу составляют фонды (вакфы)¹⁶, например Türkiye Ekonomik ve Sosyal Etüdler Vakfı (TESEV), Toplumsal Ekonomik Siyasal Araştırmalar Vakfı (TESAV).

ESAM

Предтечей формирования турецких центров стратегических исследований можно назвать созданный в 1969 г. Центр экономических и социальных исследований (Ekonomik ve Sosyal Araştırmalar Merkezi – ESAM). Центр объединяет турецких политологов, которые верят в возможность создания цивилизации, которая опиралась бы на мир, гармонию и право. Три основных цели Центра включают: а) создание жизнеспособной Турции; б) воссоздание Великой Турции; в) определение параметров нового, справедливого миропорядка. Под воссозданием Великой Турции организация подразумевает: 1) верховенство морали; 2) индивидуализированную внешнюю политику; 3) укрепление страны как лидирующего государства с точки зрения экономического развития; 4) борьба за процветание Турции и всего человечества. Центр борется за «справедливость» и осуществляет идеологические исследования на благо правящей партии. Во главе организации стоит экс-активист запрещенной исламской Партии Благоденствия Реджаи Кутан¹⁷.

DPE

В 1974 г. был создан Институт внешней политики (Dış Politika Enstitüsü). Целью института с самого начала стало исследование внешней политики Турции и международных отношений. Особое внимание организация уделяла и уделяет исследованиям по ЕС, Кипру, Средиземноморью, Балканам и Кавказу. За период с момента создания по 2000 г. институт провел более 200 конференций и издал целый ряд монографий и сборников статей. Главой Института внешней политики является Сейфи Ташхан, среди руководства – Решат Арым, Октай Аксой, Селим Йерель, Али Караосманоглу, Эрсель Айдынлы, Пынар Бильгин, Атилла Эральп, Метин Хепер и др.¹⁸.

MARMARA GRUBU

В 1985 г. начал функционировать Фонд стратегических и социальных исследований региона Мраморного моря (Marmara Grubu Stratejik ve Sosyal Araştırmalar Vakfı). Фонд занимается анали-

зом изменений, происходящих на международной арене, в соответствии с ними создает стратегии по трансформации турецкой политики, организует издание литературы, которая пропагандирует общеевропейские ценности, а также оказывает поддержку развитию гражданского общества и оказывает ключевое влияние на принятие решений по социальным и экономическим вопросам. Он проводит исследования в областях защиты прав человека, равенства полов, межкультурного диалога, евроинтеграции и евразийства. Возглавляет фонд доктор Аккан Сувер, среди руководства – Шахап Коджатошчу, Энгин Кеключмар, Самиль Айрым, Недждет Тимур, Айкут Экен, Фатих Сараоглу¹⁹.

SAM

С 1995 г. при министерстве иностранных дел Турции существует Центр стратегических исследований (Stratejik Araştırmalar Merkezi, SAM)²⁰. Основной целью организации является проведение исследований в области международных отношений и регионоведения в интересах министерства²¹. Центр проводит академические исследования, стоит на государственных позициях и борется за беспристрастность текстов. Сотрудники ЦСИ отмечают межпредметный характер проводимых исследований, в том числе подчеркивая, что «соответствующий тематический вопрос изучается в широком спектре подходов, и с этой целью центр консультируется со специалистами в сфере политики, экономики, финансов и культуры, а также журналистами по проблемам внешней политики»²².

Во главе организации стоит политолог, профессор Стамбульского технического университета Бюлент Арас²³. В правление центра входят известные ученые, среди которых: ректор Билькентского университета профессор, доктор Али Дограмахчи (Ali Doğramacı); декан факультета политологии Анкарского университета, профессор, доктор Джелаль Геле (Celal Göle); профессор университета Бильги, доктор Ильтер Туран (İlter Turan).

TÜRKSAM

В 2004 г. был открыт Центр стратегического анализа и исследований в области международных отношений (Uluslararası İlişkiler ve Stratejik Analizler Merkezi, TÜRKSAM). Во главе него стоит защитивший кандидатскую диссертацию в 2009 г. у профессора МГИМО С.Б. Дружиловского международник, специалист по России и тюркским республикам Центральной Азии Синан Оган. В целом центр занимается исследованиями проблем терроризма, армянского вопроса, миграции, конфликтологии, «тюркского мира», экономики и разоружения. Особый акцент делается на изучение окружающих Турцию стран²⁴.

TASAM

Одним из наиболее влиятельных на сегодняшний день турецких аналитических центров является TASAM (Türk Asya Stratejik Araştırmalar Merkezi)²⁵. В настоящее время центр разросся до внушительных размеров и претендует на роль

крупнейшего ЦСИ Турции. TASAM регулярно проводит международные конференции, симпозиумы и круглые столы в разных странах мира, осуществляя таким образом еще и «полевые» исследования. Многие турецкие эксперты полагают, что TASAM является наиболее востребованным государственными органами частным экспертно-аналитическим центром²⁶. Проблемы, стоящие перед современной Турцией, имеют под собой, по мнению специалистов TASAM, ряд причин, в том числе:

- нехватку политической, экономической и социокультурной стратегий;
- отсутствие определенного мировидения и его планирования;
- использование в осознании международных проблем устаревшей информации.

Стратегические исследования, касающиеся Турции, по мнению специалистов TASAM, не всегда проводятся на высоком уровне, а также зачастую проводятся центрами, далекими, по заверениям TASAM, от реального понимания современной картины мира²⁷. Что касается структуры TASAM, то в него входит 10 исследовательских групп, каждая из которых разрабатывает определенное направление²⁸. В настоящее время TASAM возглавляет известный эксперт-международник Сулейман Шенсой (Süleyman Şensoy), а его заместителем является посол Мурат Бильхан (Murat Bilhan). Директором организации является доктор Энгин Сельчук (Engin Selçuk), а руководителем исследовательских программ – Фатма Гюндже Канлы (Fatma Günce Kanlı)²⁹.

Структура исследовательского компонента TASAM выглядит следующим образом³⁰:

1. Группа по исследованиям ЕС.
2. Группа по исследованиям глобальных и региональных центров силы.
3. Группа по исследованиям Кавказа и Центральной Азии.
4. Группа по исследованиям Африки.
5. Группа по энергетическим исследованиям.
6. Группа по политическим и социокультурным исследованиям.
7. Группа по экономическим исследованиям.
8. Группа по изучению проблем окружающей среды.
9. Группа по изучению PR-технологий и медиасферы.
10. Группа по изучению национальной и международной деятельности.

Кроме того, в TASAM входит ряд подконтрольных институтов³¹: Африканский институт, Институт политической коммуникации, Институт сотрудничества и развития, Институт исламских стран, Институт публичной дипломатии.

BILGESAM

Центр стратегических исследований мудрецов BILGESAM (Bilge Adamlar Stratejik Araştırmalar Merkezi) был основан в 2008 г. и в настоящее время является одним из самых быстрорастущих экспертно-аналитических учреждений Турции³². Штаб-квартира организации расположена в Ан-

каре, но основным офисом де-факто является стамбульский филиал организации. С момента основания и по настоящее время президентом BILGESAM является доцент Атилла Сандыклы – бывший полковник турецкого генерального штаба, который также является членом Совета мудрецов, являющегося высшим органом центра. Совет мудрецов несколько раз в год собирается на заседания для определения политики центра и направления его исследований. Отличительной особенностью данного центра является то, что в Совет мудрецов входит большое количество высокопоставленных лиц. Среди них несколько послов в отставке (Ильтер Тюркмен, Оздем Санберк, Сонмез Коксал, Яман Башкут, Гюнер Озтек), отставной министр Кутлу Акташ, генералы армии Атилла Атеш и Октар Атаман, вице-адмиралы Салим Дервишоглу и Сабахаттин Эргин, почетный президент Верховного Суда, профессор Сами Сельчук, а также видные ученые: Али Караосманоглу, Ильтер Туран, Эрсин Калайджиоглу, Эрсин Онулдуран и др.³³. Подобным составом высшего органа не сможет похвастаться, пожалуй, ни один другой ЦСИ.

Директором исследовательских программ BILGESAM является защитивший в 2005 г. кандидатскую диссертацию у профессора Корнилова А.А. (ННГУ им. Н.И. Лобачевского) доцент Стамбульского технического университета Фатих Озбай. Фатих Озбай – авторитетный, свободно владеющий русским языком эксперт-международник, занимающийся вопросами российско-турецких отношений, а также проблемами Кавказа и Средней Азии³⁴. Задача BILGESAM заключается в разработке прогнозов и отслеживании ситуации в стране и в мире. BILGESAM также обеспечивает лиц, принимающих решения, практическими рекомендациями, нужной информацией и конкретными предложениями для решения тех или иных проблем³⁵.

Подводя итог, необходимо отметить, что современная система турецких «мозговых трестов» последние 20 лет активно развивается. За это время экспертные учреждения прошли большой путь – от ведомственных консультативных органов до аналитических организаций, способных прямо или косвенно влиять на принятие решений в стране. «Золотой век» турецких ЦСИ пришелся на период с 2009 г., когда главой внешнеполитического ведомства стал профессор Ахмет Давутоглу. Именно с тех пор «мозговые тресты» получили серьезное финансирование, поддержку государственных органов, а также стали играть серьезную роль в определении внешнеполитического курса страны.

Avatkov V.A., Vidyaykin A.S. Think tanks in Turkey in the era of JDP.

Summary: After the collapse of the bipolar confrontation and in the era of globalization and regionalization of IR world and regional states face rising flows of information and extending mechanisms of foreign policy of different states. Turkey is not an exception. In this respect think tanks start playing a more significant role for its formulating of foreign policy.

Ключевые слова

Аналитический центр, «мозговой трест», ЦСИ, аналитика, наука, Турция, политология, международные отношения.

Keywords

Think tank, brain trust, analytics, world politics, international relations, IR.

Примечания

1. Истомин И.А. Механизм научно-аналитического обеспечения внешнеполитического процесса в США / И.А. Истомин // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 6. С. 97–110.
2. Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. Том 4. №2.
3. Аватков В.А., Иванова Н.А. Россия и Турция: противостояние идеологий / В.А. Аватков, Н.А. Иванова // Свободная мысль. 2012. № 9–10 (1635). С. 187. <http://www.svom.info/entry/288-rossiya-i-turciya-protivostoyanie-ideologij/>
4. См., к примеру: Войтоловский Ф.Г. Единство и разобщенность Запада. Идеологическое отражение в сознании элит США и Западной Европы трансформаций политического миропорядка 1940-е – 2000-е гг. / Ф.Г. Войтоловский. М.: Крафт, 2007. 464 с.
5. См. дополнительно о социально-классовых субъектах и социально-политической стабильности, к примеру: М.А. Хрусталева Международные аспекты социально-политической стабильности // Международные процессы. <http://www.intertrends.ru/seventeenth/005.htm>
6. См. классификации, анализ деятельности центров публичной политики и фабрик мысли в следующих статьях: Беляева Н.Ю., Зайцев Д.Г. «Фабрики мысли» и центры публичной политики как субъекты экспертного обеспечения политики // Полития. 2008. № 4(51); A. Rich. Think Tanks, Public Policy, and the Politics of Expertise. Cambridge, New York: Cambridge University Press. 2004; R. N. Haas. Think tanks and U.S. Foreign Policy. A Policy Makers Perspective // U.S. Foreign Policy Agenda. 2002. Vol. 7. No 3; J. McGann. Think Tanks and Transnationalization of Foreign Policy // US Foreign Policy Agenda. 2002. Vol. 7. No 3 и др. На турецком языке наиболее полная статья – S. Zariç. Türkiye’de think-tank kuruluşları ve karşılaştıkları sorunlar. // Akademik Bakış Dergisi. № 31. 2012. <http://www.akademikbakis.org/31/17.pdf>
7. Колобов О.А., Корнилов А.А., Макарычев А.С., Сергунин А.А. Процесс принятия внешнеполитических решений: исторический опыт США, Государства Израиль и стран Западной Европы: Монография. Нижний Новгород: Издательство Нижегородского университета, 1992. 240 с.
8. Корнилов А.А. Центр стратегических исследований МИД Турецкой Республики: особенности функционирования и масштаб экспертизы / Актуальные проблемы исследования современной Турции: Н.Новгород, 27.04.2007. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2007. 90 с.
9. Войтоловский Ф.Г. «Производство» интеллектуального пространства мировой политики // Международные процессы. 2006. Т. 4. № 2. <http://www.tuba.gov.tr>
10. <http://www.tubitak.gov.tr>
11. B. Karabulut. “Dünyada ve Türkiye’de Think Tank Kuruluşları: Karşılaştırmalı Bir Analiz”, Akademik Bakış, Cilt 4, Sayı 7, Kış 2010, s. 91-104, http://www.ataum.gazi.edu.tr/e107_files/sayi7/05-Bilal-Karabulut.pdf (Erişim Tarihi: 05.10.2011).
12. S. Laçiner. “Türkiye’deki Think-Tank Kültürü üzerine Bir Değerlendirme”, <http://www.usak.org.tr/makale.asp?id=1151> (Erişim Tarihi: 21.11.2011).
13. Про образование в Турции см. подробнее: Аватков В.А. Высшее образование в Турции и Болонский процесс / В.А. Аватков, П.И. Касаткин // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 277–281.
14. Nokta Dergisi, 6-12 Şubat, 1994.
15. F. Keskin. “Modern Demokrasilerde Yeni Politik Seçkinler: Think Tankler ve Politikadaki Roller”, Sosyo-Ekonomi, Ocak-Haziran. 2005-1. <http://www.sosyoekonomi.hacettepe.edu.tr/050103.pdf> (Erişim Tarihi: 05.10.2011).
16. Подробнее о деятельности вакфов см.: П.В. Шлыков. Вакфы в Турции. Трансформация традиционного института. ИСАА МГУ, Марджани. М., 2011.
17. <http://www.esam.org.tr>
18. <http://www.dispolitika.org.tr>
19. <http://www.marmaragrubu.org>
20. <http://sam.gov.tr/about-sam>
21. Корнилов А.А. Центр стратегических исследований МИД Турецкой Республики: особенности функционирования и масштаб экспертизы / Актуальные проблемы исследования современной Турции: Н.Новгород, 27.04.2007. Нижний Новгород: ИСИ ННГУ, 2007. 90с.
22. Ibid
23. <http://sam.gov.tr>
24. <http://www.turksam.org/ru>
25. <http://www.tasam.org/>
26. Murat Bilhan. Stratejik Arastirmalar Merkezleri. Stratejik Rapor №30. Eylül 2008, Istanbul.
27. TASAM Hakkında. <http://www.tasam.org/index.php?konu=icerik&id=6&alt=8>
28. Murat Bilhan. Stratejik Arastirmalar Merkezleri. Stratejik Rapor №30. Eylül 2008, Istanbul.
29. <http://www.tasam.org/en/kurumsal/team>
30. <http://www.tasam.org/tr-TR/Kurumsal/Kadro>
31. <http://www.tasam.org/tr-TR/Kurumsal/Kadro>
32. Видяйкин А.С. Интервью с президентом Центра стратегических исследований мудрецов BILGESAM А.Сандыклы. Стамбул, 2011. <http://www.bilgesam.org/ru/images/stories/bilgesam/interview.pdf>
33. http://www.bilgesam.org/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=61:2008-11-28-07-05-37&catid=42:2008-11-28-07-17-34&Itemid=30
34. <http://akademi.itu.edu.tr/ozbayf/>
35. http://www.bilgesam.org/ru/index.php?option=com_content&view=article&id=229&Itemid=29

Концепция уголовной политики и совершенствование уголовного и уголовно- процессуального законодательства

И.Н. Кондрат

Статья посвящена изучению современной концепции уголовной политики Российского государства с позиций определения основных направлений совершенствования уголовного и уголовно-процессуального законодательства.

Концепция уголовной политики сегодня представляется как система официально принятых в государстве положений, определяющих сущность, цель, направления, приоритеты и критерии эффективности нормотворческой и правоприменительной деятельности в области защиты личности, общества и государства от преступных посягательств, и в первую очередь средствами уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства¹.

Есть все основания утверждать, что такая концепция должна являться основой для разработки перспективных и ежегодных планов законопроектной деятельности Президента РФ и Правительства РФ, проектов нормативных правовых актов в области совершенствования законодательства и практики его применения, а также основой для оценки и последующей корректировки уголовной политики. В п. 38 «Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г.»² определено, что «главными направлениями государственной политики в сфере обеспечения государственной и общественной безопасности ... должны стать усиление роли государства в качестве гаранта безопасности личности, прежде всего детей

и подростков, совершенствование нормативного правового регулирования предупреждения и борьбы с преступностью, коррупцией, терроризмом и экстремизмом, повышение эффективности защиты прав и законных интересов российских граждан за рубежом, расширение международного сотрудничества в правоохранительной сфере».

Формируя уголовную политику, законодательная и исполнительная власти в первую очередь отвечают на вопросы: какие деяния в государстве признаются преступлением и каковы меры уголовного преследования для борьбы с ним? Вопрос о наиболее правильной организации уголовного процесса возникает позднее. При этом юридическое содержание понятий «преступление» и «наказание», «нормативное закрепление института процессуального принуждения», а также «меры защиты прав и свобод человека в ходе уголовного судопроизводства» характеризует цели, которые публичная власть ставит перед собой и перед обществом в конкретный исторический период.

Нельзя не замечать, что в последние годы в нашей стране участились призывы к пересмотру обязательств, принятых на себя Россией по Конвенции о защите прав человека и основных свобод³. Широ-

Кондрат Иван Николаевич – к.ю.н., профессор кафедры правового обеспечения управленческой деятельности МГИМО(У) МИД России. E-mail: inkondrat@mail.ru

ко известно, что значительная часть жалоб наших граждан в Европейский суд по правам человека подана по поводу нарушений, допущенных в ходе уголовного преследования⁴. На государственном уровне нередко высказывается недовольство решениями, выносимыми ЕСПЧ по искам против России, которые якобы наносят ущерб суверенитету страны. Предлагаются меры по сокращению числа решений, выносимых ЕСПЧ в пользу заявителей по жалобам против России, в частности создание особой процедуры оперативного пересмотра уголовных дел с участием граждан, чьи жалобы были приняты к рассмотрению⁵.

В этой связи требуется указать, что нельзя не понимать, что каждое решение, которым Россия признается виновной в нарушении положений Конвенции, служит не подрыву независимости нашей страны или умалению ее достоинства, а шагом к укреплению законности и защите прав личности в нашей стране. Решения ЕСПЧ наглядно показывают, что в современном виде судебный контроль и прокурорский надзор не могут достаточно эффективно препятствовать массовым нарушениям при осуществлении уголовного преследования. В области соблюдения международно-правовых стандартов уголовного права и судопроизводства достигнуто немного:

- процент оправдательных приговоров по уголовным делам очень низкий;
- принятие судами решений о заключении граждан под стражу и иных ограничениях их прав осуществляется без соблюдения предусмотренных Конвенцией гарантий;
- имеет место «круговая порука» оперативно-розыскного, следственного и судебного аппаратов;
- изменения, вносимые в уголовное законодательство, зачастую несистемны и не обусловлены реальной опасностью для общественных отношений⁶.

По нашему убеждению, если все эти проблемы в конечном счете и должны быть решены внутригосударственными средствами, то без решений ЕСПЧ, подкрепленных действительными санкциями, стремление к законности в борьбе с преступностью может принять обратный ход. Современная концепция уголовной политики в Российской Федерации должна соответствовать международным правовым стандартам. В связи с этим она нуждается в коррекции с учетом многочисленных решений ЕСПЧ в адрес России и других европейских стран. Необходимо проводить специальную независимую экспертизу всех ситуаций, которые повлекли вынесение решений ЕСПЧ не в пользу нашей страны. Вынесение многих из них можно было бы избежать, если бы следственные и судебные органы проводили детальный анализ правоприменительной практики и не повторяли ошибок прошлого.

Поэтому основные направления уголовной политики России на ближайшую и среднесрочную перспективу должны состоять в том, чтобы обеспечить соответствие отечественного уголовного

законодательства и практики его применения международным и конституционным стандартам прав человека и безопасности, оптимизировать и привести в соответствие с криминологической ситуацией систему принципов, приоритетов и содержание механизма уголовно-процессуального регулирования. Отдельно акцентируем внимание, что с момента принятия нового УПК РФ в сфере применения мер уголовно-процессуального принуждения сложилась достаточно сложная ситуация. Поскольку новые уголовные и уголовно-процессуальные нормы, по замыслу законодателя, должны были способствовать, помимо иных задач, снижению уровня преступности, то произошедший вместо этого ее явный рост как раз и говорит, по мнению В.В. Лунеева, о кризисных явлениях в уголовной политике⁷. Ее состояние Э.Ф. Побегайло назвал кризисом современной российской уголовной политики⁸.

Очевидный крен законодательных инициатив в сторону «совершенствования», а порой и просто усиления карательной составляющей наказания, без криминологического анализа окружающей действительности и адекватной оценки общественной опасности деяния, не только наносит вред нормальному развитию общества, но и приводит к снижению эффективности борьбы с преступностью на наиболее важных направлениях. Так, например, не перестают удивлять общественность попытки ФСКН России привлечь к ответственности ветеринарных врачей за незаконный сбыт психотропных веществ в форме инъекции обезболивающего препарата животному, поиск тысячных долей содержания опия в десятках тонн пищевого мака, официально ввозимого из европейских стран или борьба с «пропагандой потребления наркотиков» в виде украшений молодежной одежды. Усилия и ресурсы, затраченные ведомством и прокуратурой на то, чтобы добиться обвинительного приговора по этим делам, могли бы быть направлены на расследование действительного незаконного оборота наркотических средств.

Если проанализировать законодательные инициативы, исходящие от правоохранительных органов, то значительную их долю составляют предложения, направленные на: усиление ответственности за преступления (простое увеличение предусмотренных УК РФ максимальных сроков лишения свободы); расширение процессуальных полномочий правоохранительных органов путем ограничения гарантированных прав и свобод граждан. Целью таких законодательных инициатив провозглашается защита тех же прав и свобод от «всесильного криминала». При этом ужесточение уголовного и уголовно-процессуального законодательства обычно рассматривается как самодостаточная мера, а ее положительное влияние на снижение преступности рассматривается как аксиома⁹. Подобные предложения, по справедливому мнению А.Э. Жалинского, нередко представляют ничем не обоснованное мнение тех или иных авторов¹⁰. Наиболее часто они касаются ужесточения наказания за незаконный оборот наркотических средств, за

преступления террористической направленности, за хищения отдельных видов имущества и т.д.

Одна из причин внесения таких законодательных предложений, по мнению Б.Я. Гаврилова, в том, что «уголовно-правовая наука, к сожалению, не располагает реальными сведениями об общественной опасности того или иного противоправного деяния, а в ряде случаев – определенного вида преступного поведения. Другая причина обоснования необходимости усиления карательных мер со стороны государства заключается в том, что при реализации уголовной политики отсутствуют зачастую какие-либо конкретные сведения о социальных последствиях предстоящих изменений уголовной репрессии, а также о ресурсной стоимости такого законопроекта и согласно ли общество его финансировать, без чего в странах с устоявшимися системами уголовного правосудия не принимается ни один уголовный закон, устанавливающий преступность или усиливающий уголовное наказание за преступное поведение»¹¹.

Карательные тенденции, определявшие в последние годы общую направленность уголовной политики государства, одномоментно не сменятся. По этой причине у нас есть основания полагать, что указание Президента Российской Федерации на необходимость применять наказание в виде лишения свободы только за совершение преступлений «высокой степени общественной опасности» не приведет к реальному изменению правоприменительной практики. В то же время у нас нет оснований считать, что руководство правоохранительных органов, как на высшем уровне, так и на местах, разделяет такой подход. Поскольку понятие «степень общественной опасности», в отличие от понятия «степень тяжести преступления», не определено в УК РФ, то оно может наполняться правоприменителем произвольным содержанием по отношению к наиболее распространенным составам преступления.

В этой связи требуется поддержать оценку, которую дала Федеральная палата адвокатов Российской Федерации перспективам отдельных президентских инициатив: «...приходится опасаться, что заявленная в виде широкой декларации линия на сокращение репрессивности правоприменения, даже подкрепленная законодательными новеллами, натолкнется, как это бывало и прежде, на негласное противодействие заинтересованных в сохранении «высокого статуса» органов, профессиональных сообществ и отдельных должностных лиц. Исходя из опыта, можно предсказать, что такое противодействие будет осуществляться двумя путями: на низовом уровне – саботированием действия либеральных норм, а на более высоком – внесением предложений и законопроектов, направленных на контрреформу»¹².

Отдельно отметим, что низкое качество законопроектной деятельности и отсутствие четкой концепции уголовной политики напрямую ведет к ухудшению криминогенной обстановки в стране. С.К. Гогель в основу мер по борьбе с преступностью положил принцип целесообразности: уголовная

политика должна оценивать те меры, которые принимаются для борьбы с явлениями, признанными уголовным правом и криминологией преступлениями и причинами современной преступности. Последний аспект он исследовал в рамках рационального соотношения репрессии и превенции: «Надо признать, не только более целесообразным, но совершенно необходимым ... бороться с теми явлениями, которые признаются непосредственными источниками преступности»¹³.

Причины, по которым часть фактически совершенных преступлений не удастся выявить и раскрыть, разнообразны, и одна из них – ограниченность сил и средств правоохранительных органов. Это вынуждает их ранжировать свои задачи в деле выявления и раскрытия преступлений и использовать ограниченные силы и средства прежде всего для борьбы с тяжкими преступлениями¹⁴. Выявление приоритетов уголовно-правовой борьбы с преступностью в этих условиях – перспективная задача уголовной политики. Ограничение применения уголовной репрессии некоторые представители правоохранительных органов считают утопической либеральной идеей. На самом деле ни одно современное общество не может позволить себе выделять на тотальную законность и уголовное преследование за все совершенные преступления необходимого количества ресурсов¹⁵.

Нормы уголовного и уголовно-процессуального законодательства традиционно сформулированы исходя из понимания, что интерес общества исчерпывающим образом выражен в уголовном запрете. По каждому выявленному преступлению правоохранительные органы должны добиваться вынесения обвинительного приговора, невзирая на соотношение материального и социального ущерба, причиненного самим преступлением и действиями по его раскрытию и последующему наказанию. Осознание ограниченности ресурсов, которые государство может выделить на национальную безопасность и правоохранительную деятельность, должно подвигать исполнительную и законодательную власть к идее создания правовых механизмов избирательного отказа от преследования конкретных правонарушений. Примером могут служить уголовно-правовые институты малозначительности деяния (ч. 2 ст. 14 УК РФ) и освобождения от уголовной ответственности в связи с деятельным раскаянием (ч. 1 ст. 75 УК РФ).

Положение ч. 2 ст. 14 УК РФ, допускающее отказ от преследования по широкому кругу малозначительных случаев нарушения уголовного закона, применяется органами предварительного расследования крайне редко. Так, Верховный суд Российской Федерации оставил без удовлетворения надзорные представления Генеральной прокуратуры Российской Федерации по делам жителей Сахалинской области граждан И., Г. и П., каждый из которых был изобличен в незаконном вылове шести (!) штук рыбы для употребления в пищу и оправдан судом по ч. 1 ст. 256 УК РФ ввиду малозначительности деяния¹⁶. Сам факт подачи прокуратурой надзорных представлений по делам та-

кого рода свидетельствует о неверном определении целей правоохранительной деятельности, даже в ситуации широкого распространения браконьерства в Дальневосточном федеральном округе. Это характерный пример избыточной репрессивности правоохранительной системы. Преобладающее в российской юриспруденции представление прошлого века о том, что неосужденный преступник подрывает основы всей системы правоотношений, не побуждает создавать механизмы оптимального распределения ресурсов. Такой подход не учитывает ограниченности людских ресурсов, рабочего времени сотрудников, бюджета правоохранительных органов и всей страны.

Ведомства, образующие правоохранительную систему России, регулярно демонстрируют стремление довести до обвинительного приговора даже такие дела, преследование по которым может быть прекращено на основании действующего законодательства. Кроме того, такой традиционный количественный показатель в оценке деятельности следственных органов, как число переданных дел в суд, приводят к продолжению процессуального преследования в условиях, когда основания отпадают. Это актуализирует вопрос о реализации примирительных процедур на досудебной стадии¹⁷. Должен найти действенное применение Федеральный закон «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)»¹⁸, который был принят в соответствии с резолюцией VII Всероссийского съезда судей. Современный зарубежный опыт предлагает различные варианты решения задачи оптимизации уголовного преследования. Важнейшим в этом отношении может быть механизм возможности отказа от дальнейшего уголовного преследования лица по мотивам его нецелесообразности, т.е. когда общество ничего не выигрывает от осуждения конкретного виновного. Так, в Кодексе Королевской службы преследований для Англии и Уэльса¹⁹ определяется, что, «исходя из соображений публичного интереса, преследование может быть прекращено при наличии доказательств виновности, в том числе, если:

- a) суд, вероятно, назначит номинальное наказание;
- b) виновный уже отбывает наказание за другое преступление, так что новый приговор не изменит существенно его положение;
- c) преступление совершено по неосторожности;
- d) преступление имеет характер единичного эпизода, совершено по недоразумению;
- e) с момента совершения преступления прошел значительный срок;
- f) преследование негативно отразится на физическом и душевном здоровье подсудимого;
- g) речь идет о престарелом или больном лице;
- h) виновный компенсировал причиненный им ущерб;
- i) в ходе судебного разбирательства могут

стать достоянием гласности сведения, вредящие источнику информации, международным отношениям или национальной безопасности».

Разумеется, сегодня нельзя ожидать, что эти положения могут быть напрямую включены в российское законодательство в качестве оснований к прекращению уголовного дела. Но сама по себе готовность правоохранительных органов подчинять свою активность при формировании концепции уголовной политики криминологическим реалиям, а не формальным интересам заслуживает, на наш взгляд, поддержки и одобрения. В целом же отметим, что законы, отражающие сущность уголовной политики, должны в максимальной степени отражать объективный ход социального развития и уровень развития общества. В противном случае их создание на основе интересов только господствующей публичной власти приводит к игнорированию таких законов и их нарушению. Еще в Древней Греции был известен принцип: «Законы настолько совершенны, насколько люди готовы их соблюдать»²⁰.

Проведенное исследование позволило сформулировать цели современной уголовной политики:

1. Обеспечение безопасности личности, ее прав и свобод, а также общества и государства от угроз, связанных с преступностью.
2. Минимизация уровня социальной напряженности в обществе на основе справедливого урегулирования конфликта общественных отношений, вызванного преступлением.
3. Содействие достижению социального благополучия на основе реализации идей социальной реабилитации лиц, вовлеченных в общественные отношения, вызванные преступлением.

Достижение этих целей предполагает решение ряда взаимосвязанных задач уголовной политики, которые на современном этапе общественного развития состоят в том, чтобы:

- обеспечить адекватность уголовного законодательства актуальным криминальным угрозам и ведущим тенденциям в развитии преступности;
- достичь качественного улучшения реального состояния преступности, в первую очередь путем снижения объема и уровня организованной, рецидивной, террористической и насильственной преступности, а также преступности несовершеннолетних;
- добиться полного соответствия уголовного и уголовно-процессуального законодательства и практики его применения конституционным и международно-правовым стандартам прав человека;
- гарантировать права и законные интересы лиц, потерпевших от преступлений, обеспечив их безопасность и создав условия для полной реализации прав человека на доступ к правосудию, справедливый суд и компенсацию причиненного преступлением вреда;
- преобразовать систему уголовно-правовых последствий совершения преступлений с учетом необходимости одновременного решения кара-

тельных, восстановительных, социальных и иных задач.

Отдельно подчеркнем, что в ситуации формирования новой концепции уголовной политики необходима ясность политической программы, определяющей цели проводимой уголовной политики, а также методы и средства ее осуществления. Не менее важным является учет в уголовной политике таких позиций, как общественное и национальное согласие; соблюдение прав человека и гражданина; государственно-правовая идеология; социальная защита потерпевшего; господство права и закона, разделение властей. Все это должно быть положено в основу разработки концепции уголовной политикой современной России. При этом необходимо учитывать опыт европейских стран в построении правового государства. Все направления уголовной политики не должны идти вразрез с требованиями

демократичности, уважения к правам личности и гуманизации практики применения уголовно-процессуального законодательства²¹. Такая гуманизация должна соседствовать с реальным утверждением судебной власти, повышением авторитета следственных органов и органов надзора за законностью. А уголовная политика, определяющая все вышеназванные качества уголовного процесса в правовом государстве, ни в коей мере не должна абстрагироваться от системы общечеловеческих ценностей.

Kondrat I.N. Concept of Criminal Policy and Improvement of Criminal Law and Criminal Procedure Law.

Summary: The paper is concerned with the modern concept of the criminal policy of the Russian state from the standpoint of determining the main directions of improving the criminal and criminal procedural law.

Ключевые слова

Уголовная политика, уголовное судопроизводство, уголовный закон, охрана прав и свобод личности.

Keywords

Criminal policy, criminal procedure, criminal law, the protection of individual rights and freedoms.

Примечания

1. 1См., напр.: Мазуренко А.П. Российская правотворческая политика: концепция и реальность. М., 2010; Похмелкин А.В., Похмелкин В.В. Новая концепция уголовной политики. М., 1992; Саркисов Р.С. Российская правовая политика как концепция и реальность: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2008; Фефелов П.А. Уголовно-правовая концепция борьбы с преступностью: Основы общей теории. Екатеринбург, 1999.
2. См.: Указ Президента Российской Федерации от 12 мая 2009 года № 537 «О стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 года» // [Электронный ресурс] URL: <http://document.kremlin.ru/doc.asp?ID=52295>
3. См.: ст. 1 Федерального закона от 30 марта 1998 года № 54-ФЗ «О ратификации конвенции о защите прав человека и основных свобод и протоколов к ней».
4. На 31 декабря 2011 года в Европейском суде по правам человека было зарегистрировано 40 тыс. 250 жалоб против России, что составляло 26,6% от общего числа поступивших жалоб. Иски наших граждан составляют самую многочисленную категорию среди поступающих на рассмотрение ЕСПЧ // [Электронный ресурс] URL: <http://ria.ru/world/20120126/549514271.html>
5. См., в частности: Интернет-конференция с Председателем Конституционного суда РФ Зорькиным В.Д. на тему: «Деятельность Конституционного суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан» (ИА «ГАРАНТ».18.06.2012) // [Электронный ресурс] URL: <http://www.garant.ru/action/conference/403248/>
6. См., в частности: Доклад Уполномоченного по правам человека в РФ за 2011 год // [Электронный ресурс] URL: http://www.consultant.ru/law/hotdocs/17545.html#_UNx8_eQ3ZtA
7. Эту закономерность подробно обосновал в своих трудах В.В. Лунеев. См.: Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. М.: ВолтерсКлувер, 2005.
8. См.: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006. С. 44.
9. Примером ограничения прав граждан в пользу полномочий следствия является продление до 30 суток срока содержания под стражей без предъявления обвинения по составам преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.1, 206, 208, 209, 210, 277, 278, 279, 281 и 360 УК РФ (ч. 2 ст. 100 УПК РФ).
10. См.: Жалинский А.Э. О современном состоянии уголовно-правовой науки // Уголовное право. 2005. № 1. С. 21–24.
11. Гаврилов Б.Я. Современная уголовная политика России: цифры и факты. М.: Изд-во Проспект, 2008. С. 8.
12. Доклад Федеральной палаты адвокатов Российской Федерации «Обеспечение прав и интересов граждан при осуществлении уголовно-правовой политики в Российской Федерации» (2010 г.) // [Электронный ресурс] URL: http://www.fparf.ru/doklad/ug_pr_polit/ug2.htm
13. См.: Гогель С.К. Курс уголовной политики в связи с уголовной социологией. М.: ИНФРА-М, 2010. С. 6–10.
14. Там же. С. 21.
15. См. подр.: Социально-экономические последствия уголовной политики государства в отношении бизнеса // Уголовная политика в сфере экономики: экспертные оценки. М.: Фонд «Либеральная миссия», 2011. С. 4–21.
16. См.: Надзорные определения Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда РФ по делам от 3 августа 2006 года № 64-Дп06-13, от 8 августа 2006 года № 64-Дп06-14 // Информационно-правовая система «Гарант» (версия от 09.12.2012).
17. См.: Выступление Председателя Верховного суда РФ Лебедева В.М. на VIII Всероссийском съезде судей // [Электронный ресурс] URL: http://www.vsr.ru/vscourt_detale.php?id=8351
18. См.: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» // СЗ РФ. 2010. № 31. Ст. 4162.
19. См.: Code for Crown Prosecutors Introduction // [Электронный ресурс] URL: http://www.cps.gov.uk/publications/code_for_crown_prosecutors/introduction.html
20. См.: Афины. Законодательство Солона // [Электронный ресурс] URL: http://www.world-history.ru/countries_about/1853.html
21. См. доп.: Антонов И.А. Нравственные основы уголовно-процессуальной деятельности: назначение и принципы уголовного судопроизводства. СПб., 2004.

К вопросу о соотношении норм административного и финансового права

Н.И. Петрыкина

Статья посвящена сравнительному анализу норм административного и финансового права на основе сопоставления предмета и метода административного и финансового права и других характеристик.

Вопрос о соотношении административно-правовых и финансово-правовых норм вытекает из проблемы соотношения административного и финансового права, их предметов, методов, источников и институтов. В советской правовой науке дискуссия по этому вопросу началась еще в 1960–1970-х гг. и, по сути, продолжается до сих пор, так как до настоящего времени проблема соотношения (разграничения) административного и финансового права не подвергалась всестороннему изучению учеными-правоведами и, как следствие этого, не получила серьезного доктринального обоснования.

Были высказаны в основном две основные точки зрения. Первая была предложена Р.О. Халфиной. Она полагала, что советское финансовое право выделилось из государственного и административного и является подотраслью последнего. Эта точка зрения была поддержана Б.Н. Ивановым, М.И. Пискотиным и другими учеными. Согласно другой концепции, финансовое право изначально является самостоятельной отраслью права, возникшей одновременно с государственным и административным. Эту точку зрения подробно обосновал в 1976 г. В.В. Бесчеревных¹.

В дореволюционной российской системе права финансовое право являлось самостоятельным. В Советском же государстве, после коренной перестройки отношений собственности и политической системы, финансовая деятельность стала объектом централизованного государственного управления, а административно-командная систе-

ма определяла соответствующие методы управленческого воздействия. Управление финансами считалось (хоть и с некоторыми особенностями) частью государственного управления, которое, в свою очередь, регулировалось нормами административного права, что и дало основание Р.О. Халфиной для вывода о том, что советское финансовое право не является самостоятельным, а является подотраслью права административного. В то же время даже сторонники этой концепции признавали наличие у финансового права особого, обладающего собственной спецификой, объекта регулирования. Этим объектом являлись (и являются) финансы и(или) финансовая система.

В настоящее время возврат к многоукладной экономике обусловил необходимость развития финансового права в качестве самостоятельной правовой отрасли. Однако по-прежнему вопрос о соотношении административного и финансового права остается открытым, поскольку как в советское время, так и сейчас ученая дискуссия так и не продвинулась дальше обсуждения темы самостоятельности (или несамостоятельности) финансового права.

Актуальность проблеме добавили и недавние изменения в Номенклатуре специальностей научных работников, согласно которым финансовое право было исключено из специальности 12.00.14 (административное право; финансовое право; информационное право) и включено в отдельную специальность 12.00.04 (финансовое право; налоговое право; бюджетное право)². Тем самым было

Петрыкина Наталья Ивановна – к.ю.н., старший преподаватель кафедры административного и финансового права МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

подчеркнуто, что финансовое право в целом – отрасль самостоятельная и с административным правом никак не связанная.

Однако, несмотря на это, никто из ученых (по крайней мере, в настоящее время) не отрицает комплексного характера обеих отраслей, который выражается в использовании единого метода правового регулирования, в сходном правовом статусе субъектов правоотношений, а также в наличии смежных институтов (главным образом принуждения и контроля). Вышесказанное обуславливает теснейшую взаимосвязь норм административного и финансового права, сходства и различия которых и являются предметом этой статьи. «В современной юридической литературе под нормой права понимается общеобязательное формально-определенное правило поведения, установленное и обеспеченное обществом и государством, закрепленное и опубликованное в официальных актах, направленное на регулирование общественных отношений путем определения прав и обязанностей их участников»³ – так написано в современном учебнике.

Как известно, нормы права можно классифицировать по множеству различных признаков. Для целей настоящей статьи мы возьмем лишь те из них, которые позволяют наиболее ярко отразить сходства и различия административно-правовых и финансово-правовых норм. Это легче всего сделать с помощью таких признаков, как предмет и метод регулирования, субъект правотворчества, а также назначение норм.

Предмет регулирования

Специфика правовой нормы ярче всего выражается в содержании предмета ее регулирования, то есть круге тех общественных отношений, которые она опосредует. Нормы административного права регулируют общественные отношения:

- в сфере организации и деятельности исполнительной власти (а точнее, органов публичной администрации, включая муниципальные органы и юридические лица публичного права, которым государство делегировало исполнение части своих функций);

- в сфере административной юстиции; институтах государственной службы, а также внутриаппаратных отношениях в органах судебной и законодательной властей.

Общей содержательной характеристикой всех этих групп отношений является их направленность на реализацию органами исполнительной власти и иными уполномоченными субъектами управленческих функций в области политики, экономики, социально-культурной сферы, обороны и безопасности. Отсюда следует, что нормы административного права, во-первых, являются публичными, а во-вторых, им свойствен управленческий характер.

Предметом финансового права, по мнению большинства ученых, следует считать совокупность общественных отношений, возникающих в сфере образования, распределения и использования централизованных и децентрализованных фондов

денежных средств в целях реализации различных государственных задач. Однако и это определение, выработанное почти два десятилетия назад, сегодня требует корректировки с учетом произошедших экономических изменений. Например, как разграничить финансовые отношения и денежные, не следует ли частично включать частные финансы в предмет регулирования, оправданно ли использование в правовых дефинициях экономической терминологии («финансы», «денежные отношения») без учета и глубокого анализа различий в понимании этих категорий экономистами и юристами?

Тем не менее, исходя из данного определения, мы можем выявить такие особенности финансово-правовых норм, как их публичность и все тот же управленческий характер, так как понятно, что деятельность государства по «образованию, распределению и использованию централизованных и децентрализованных фондов денежных средств» есть деятельность централизованная, упорядоченная, то есть, по сути, управленческая. Однако здесь же кроется и различие, так как налицо разница в объекте регулирования. В административном праве им выступает не только экономическая, но и социально-культурная и политическая деятельность государства. Более того, объектом регулирования являются не сами экономические отношения, а лишь общественные отношения, возникающие в ходе реализации органами исполнительной власти функций по управлению экономическими процессами, выражающиеся в виде:

- формирования системы органов исполнительной власти отраслевой и межотраслевой компетенции;

- закрепления прав и обязанностей субъектов предпринимательской деятельности во взаимоотношениях с органами исполнительной власти;

- осуществления государственного контроля и надзора и т.д.

Объектом регулирования финансового права выступают исключительно финансы или финансовая система, то есть аккумулярование и дальнейшее распределение денежных фондов (финансовых ресурсов), а также частично формирование и функционирование финансовой системы, контроль за ней. То есть финансово-правовые нормы опосредуют более узкий и более специфический круг общественных отношений по сравнению с нормами административно-правовыми.

Метод регулирования

Поскольку и административное, и финансовое право являются публичными, их нормы в основном являются императивными, что связано с властным характером правоотношений, обусловленным наличием в них властного субъекта (например, органа представительной или исполнительной власти, Центрального банка и т.п.). Так, Налоговый кодекс РФ закрепляет обязанность органов, организаций, должностных лиц сообщать в налоговые органы сведения, связанные с учетом организаций и физических лиц⁴. В то же время в обеих отраслях можно найти немало примеров использования диспози-

тивных норм. Например, Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан»⁵ закрепляет право частных лиц обращаться в государственные органы с обращениями и корреспондирующую обязанность этих органов их рассмотреть. Налоговый кодекс РФ⁶ закрепляет право муниципальных образований на установление местных налогов (земельного налога и налога на имущество физических лиц).

Вместе с тем ряд ученых отмечают различие в указанных методах. Например, было высказано мнение о принципиальном отличии методов регулирования, используемых финансовым правом на том основании, что «по своему содержанию эти предписания касаются порядка и размеров платежей»⁷. На наш взгляд, эта содержательная особенность никак не влияет на сущностную природу метода, поэтому ее вряд ли можно признать заслуживающей серьезного внимания. К тому же далеко не все конкретные способы регулирования финансового права касаются установления платежей. Например, Центральный банк обладает обширными полномочиями по осуществлению надзора и наблюдения в национальной платежной системе⁸.

В то же время можно согласиться с мнением, высказанным Е.Ю. Грачевой, Г.П. Толстопятенко и другими о том, что «большая часть таких предписаний исходит от финансово-кредитных органов государства. Здесь нет подчинения в полном объеме, как при административно-отраслевом управлении. За каждой нормой финансового права кроется ее экономическое содержание. В связи с этим различна и степень императивности норм»⁹.

Таким образом, во-первых, в административном праве значительная часть императивных норм регулирует отношения субъектов, находящихся в субординационной зависимости друг от друга (например, вышестоящий орган – нижестоящий орган), в то время как в финансовом праве императивные нормы регулируют в основном отношения субъектов, находящихся в зависимости функциональной (налоговые органы – налогоплательщики). Во-вторых, в отличие от императивных норм административного права, содержание императивных норм финансового права в гораздо большей степени обусловлено объективными экономическими процессами, нежели политической волей государства.

Субъекты правотворчества

По субъектам правотворчества нормы административного и финансового права можно разделить прежде всего на нормы, принятые международными организациями, и нормы, принятые Российской Федерацией, субъектами РФ и муниципальными образованиями. По общему правилу, общепризнанные принципы и нормы международного права являются частью правовой системы России и имеют приоритет перед нормами внутреннего законодательства. Надо сказать, что в области финансового права (и особенно налогового права и валютного регулирования) существует значительный мас-

сив наднационального регулирования. Налоговый кодекс РФ в статье 7 прямо устанавливает приоритет норм международных договоров по сравнению с нормами российского законодательства. Особенно велико число международных правовых норм, регулирующих вопросы двойного налогообложения. На сегодняшний день Россия является участницей более 80 межгосударственных и межправительственных двусторонних договоров об избежании двойного налогообложения.

Среди источников административного права тоже можно встретить немало международных договоров и соглашений, причем не только межгосударственных и межправительственных, но и межведомственных. Подобные документы регулируют самый широкий круг вопросов, связанный с реализацией органами исполнительной власти своих полномочий. На их основе осуществляется международное сотрудничество на уровне государств, правительств и ведомств в области миграционной политики, борьбы с преступностью, противодействия коррупции и терроризму, обеспечению военной безопасности, освоения космоса, социального обеспечения, экономического регулирования и многих других вопросов. В качестве примеров можно привести Соглашение Российской Федерации и Соединенных Штатов Америки об упрощении визовых формальностей для граждан РФ и граждан США, Договор между Российской Федерацией и Чешской Республикой о социальном обеспечении и др.¹⁰.

Продолжая классификацию норм по субъектам правотворчества, мы можем разделить их на нормы Конституции РФ, конституций и уставов субъектов РФ, нормы, принятые представительными и исполнительными органами государственной власти, нормы, принятые организациями и учреждениями, уполномоченными на то органами государственной власти, и нормы правовых актов муниципальных образований.

Нормативную основу как для административного, так и для финансового права составляют нормы Конституции РФ, нормы конституций и уставов субъектов РФ. Прежде всего, конституционные нормы закрепляют разграничение предметов ведения и полномочий между Российской Федерацией и субъектами РФ. Так, административное право и процесс отнесены к совместному ведению Российской Федерации и субъектов РФ, а финансовая сфера разделена на области исключительного ведения Российской Федерации, области совместного ведения и ведения субъектов РФ. Финансовое, валютное, кредитное регулирование, денежная эмиссия, федеральный бюджет, федеральные налоги и сборы, федеральные банки и др. отнесены к области исключительного ведения РФ. К сфере совместного ведения отнесены общие принципы налогообложения и сборов, а к ведению субъектов РФ – бюджетное регулирование и налогообложение на уровне субъекта и иные вопросы¹¹.

Значительное число административно-правовых и финансово-правовых норм принимаются в форме законов. Надо отметить, что в отличие от финансового права, немалое количество административно-правовых норм принимаются в форме федеральных конституционных законов (ФКЗ «О Правительстве», ФКЗ «О чрезвычайном положении» и т.п.)¹². Для правового регулирования любой отрасли большое значение имеет наличие или отсутствие кодификации норм. Это является и показателем уровня развития отрасли, и отражением качества нормативного регулирования, и важной правовой гарантией защиты прав субъектов соответствующих общественных отношений.

Одной из актуальных проблем административного права является как раз недостаточный уровень кодификации. Обширное нормативное регулирование этой отрасли может «похвастаться» наличием одного-единственного кодифицированного источника – Кодекса об административных правонарушениях РФ, в то время как целый комплекс норм, закрепляющих процедуры взаимодействия органов исполнительной власти и частных лиц, а также порядок обжалования последними неправомерных действий и решений властных субъектов долгое время остается не кодифицированным.

В финансовом праве, напротив, существует несколько кодифицированных актов федерального законодательства, которые составляют важнейшую часть финансового права как отрасли законодательства. Это прежде всего Бюджетный и Налоговый кодексы как самостоятельные и чисто финансово-правовые источники. Кроме того, некоторые нормы финансового права содержатся в таких актах, как Гражданский кодекс, Арбитражно-процессуальный кодекс, уже упомянутый КоАП, Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы. Эти акты регулируют отдельные материальные и процессуальные отношения и содержат комплекс охранительных норм (меры обеспечения производства и меры наказания).

Помимо того, административно-правовые и финансово-правовые нормы содержатся в большом количестве федеральных законов, законов субъектов РФ и актах муниципальных образований. В обеих отраслях значителен массив подзаконного регулирования, то есть актов, принятых органами исполнительной власти и иными уполномоченными органами. Указы и распоряжения президента и правительства, положения, инструкции и другие акты министерств, служб и агентств являются важной составной частью источников административно-правовых и финансово-правовых норм. С этим связаны такие их общие особенности как множественность, изменчивость и противоречивость. Стоит отметить, что в административном праве удельный вес норм подзаконного характера намного больше, чем в финансовом праве, что связано с более широким кругом регулируемых отношений.

Множественность источников норм влечет за собой еще одну их особенность: все три элемента нормы (гипотеза, диспозиция и санкция) редко

бывают сформулированы в виде единого правила. Как правило, санкции норм закрепляются отдельно либо в иной части нормативного акта, либо вообще в другом нормативном акте. Это весьма распространенная правовая практика, которая тем не менее многократно снижает эффективность регулирования, затрудняет правоприменение и создает почву для юридических коллизий.

Ярким примером подобного рода является Бюджетный кодекс, содержащий составы бюджетных правонарушений, санкции по которым «потерялись» в недействующем ныне Кодексе РСФСР об административных правонарушениях (например, ст. 293 БК «Неперечисление либо несвоевременное перечисление бюджетных средств получателям бюджетных средств»).

Правом издания административно-правовых и финансово-правовых норм обладают и особые субъекты правотворчества, в доктрине зарубежного права называемые юридическими лицами публичного права. Речь идет об особых государственных организациях и учреждениях, осуществляющих от имени государства общее регулирование отношений во вверенной им области и наделенных для этого нормотворческими полномочиями. Так, Центральный банк РФ, являющийся главным банком страны и наделенный широкими функциями по управлению кредитно-денежной системой, обладает функциями по изданию нормативных актов в форме указаний, положений и инструкций, Государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» наделена правом нормативно-правового регулирования в установленной сфере деятельности¹³.

Все правовые нормы различаются по действию в пространстве, времени и по кругу лиц. По действию в пространстве нормы административного и финансового права могут быть федерального характера (то есть действующие на территории всей страны), нормы субъектов РФ (действующие на территории данного субъекта), нормы местного самоуправления (действующие на территории муниципального образования) и нормы локального регулирования. Последние в финансовом праве практически не применяются, зато достаточно широко распространены в праве административном. Данные нормы вырабатываются субъектом самостоятельно для регулирования своей внутренней деятельности. Таковы, например, правила внутреннего трудового распорядка в государственных и муниципальных унитарных предприятиях. В финансовом праве к таким нормам с некоторой оговоркой можно отнести внутренние инструкции кредитных учреждений, регламентирующие организационные вопросы деятельности последнего.

По действию во времени нормы административного и финансового права могут быть постоянными и временными. Общей яркой отличительной особенностью норм административного и финансового права является то, что среди них достаточно много временных, чье действие ограничивается заранее установленным сроком. Например, таковы административно-правовые нормы, регулирующие

■ Право

правовой статус субъектов в условиях действия экстраординарных режимов (чрезвычайное, военное положение) или нормы законов о бюджете на текущий год и т.д.

По характеру регулирования нормы права могут быть материальными (закрепляющими права, обязанности и ответственность субъектов) и процессуальными (закрепляющими порядок реализации материальных норм). Финансовое и административное право содержат нормы как материального, так и процессуального характера, причем в обеих отраслях процессуальные нормы четко не отделены от материальных и полностью не кодифицированы. Более того, каждая отрасль испытывает потребность в дальнейшем совершенствовании именно процессуальных отношений, разработке и унификации соответствующего законодательства, устранении пробелов в регулировании. Кроме того, процессуальные отношения являются той сферой, где административное и финансовое право взаимодействуют особенно тесно. Это касается, прежде всего, применения механизма административного принуждения и ответственности, который обеспечивает исполнение финансово-правовых норм. Далее мы коснемся этого вопроса подробнее.

По назначению нормы административного и финансового права бывают регулятивными и охранительными. И если регулятивные нормы в обеих отраслях составляют в целом достаточно полный массив законодательства, то дальнейшее совершенствование комплекса охранительных норм необходимо обеим отраслям. В административном праве это должны быть нормы, закрепляющие ответственность органов исполнительной власти и их должностных лиц за нарушения, допущенные при реализации ими своих полномочий в отношении частных лиц. В финансовом праве это совершенствование института ответственности.

До настоящего времени проблема применения принуждения и ответственности в финансовом праве рассматривалась учеными достаточно односторонне. Большинство сходятся во мнении, что обеспечение исполнения финансово-правовых норм осуществляется за счет комплекса охранительных норм административного права. Во многом именно этот факт и обуславливал теснейшую взаимосвязь финансового и административного права и давал основания говорить о финансовом праве как подотрасли административного.

Действительно, меры административного принуждения (предупредительные, пресекательные, обеспечительные и меры наказания) активно используются в финансовых правоотношениях. Примерами могут служить проведение налоговых проверок организаций и индивидуальных предпринимателей, приостановление деятельности кредитной организации, наложение административных штрафов и многие другие. За большинство составов налоговых и бюджетных правонарушений предусмотрены административно-правовые санкции, содержащиеся в КоАП. То есть можно в общем говорить о том, что норма финансового права не имеет собственной санкции, а ее исполнение обеспечено санкциями административно-правовыми, уголовными или гражданско-правовыми (начисление пеней в налоговом праве). Другими словами, финансовое право не имеет собственного вида юридической ответственности – финансово-правовой ответственности.

Однако Налоговый и Бюджетный кодексы содержат целый комплекс собственных норм охранительного характера. Например, в Налоговом кодексе есть глава «Способы обеспечения исполнения обязанности по уплате налогов», а в Бюджетном кодексе есть нормы, посвященные государственному и муниципальному финансовому контролю¹⁴. Это означает, что собственный механизм финансово-правового принуждения уже сложился, а значит, нельзя исключать появления в будущем и нового вида юридической ответственности – финансово-правовой.

Таким образом, административно-правовые и финансово-правовые нормы имеют, безусловно, много сходных черт, тесно взаимодействуют между собой, составляя комплексные институты административного и финансового права. Вместе с тем эти нормы имеют и свою собственную специфику, обусловленную особенностями предмета регулирования каждой отрасли.

Petrykina N.I. To the Question about the Ratio of Norms of Administrative and Financial Law.

Summary: Article is devoted to the comparative analysis of norms of the administrative and financial law on the basis of comparison of a subject and a method of the administrative and financial law and other characteristics.

Ключевые слова

Правовая норма, административное право, финансовое право.

Keywords

Legal norm, administrative law, financial law.

Примечания

1. См.: Финансовое право. Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой, Г. П. Толстопятенко. М.: ООО «ТК Велби, 2003. С. 23–24.
 2. Приказ Минобрнауки от 10.01.2012 № 5. {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 3. См.: Теория государства и права. Учебник / Под. ред. С.С. Алексеева. М.: НОРМА, 2005.
 4. См.: Налоговый кодекс РФ 1998 г. {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 5. ФЗ от 02.05.2006 № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан».
 6. Налоговый кодекс РФ 1998 г. {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 7. См.: Финансовое право. Учебник/Под ред. Н.И. Химичевой. М.: ЮРИСТ, 1999. С.42.
 8. ФЗ от 10.07.2002 «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)», п.4.1 ст. 4.
 9. См.: Финансовое право. Учебник / Под ред. Е. Ю. Грачевой, Г. П. Толстопятенко. М.: ООО «ТК Велби, 2003. С. 23.
 10. См.: {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 11. См.: Конституция РФ 1993 г. Ст.71,72,73. {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 12. См.: ФКЗ «О Правительстве РФ», ФКЗ «О чрезвычайном положении» {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 13. См.: ФЗ от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» и ФЗ от 01.12.2007 № 317-ФЗ «О Государственной корпорации по атомной энергии «Росатом» {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
 14. См.: главу 11 Налогового кодекса РФ и раздел IX Бюджетного кодекса РФ {Эл. ресурс}. URL: <http://www.consultant.ru>
-

Институт судебного конституционного контроля в постсоветских государствах

К.А. Половченко

В статье представлен сравнительный анализ европейской и американской моделей судебного конституционного контроля. Исследуя причины реализации европейской модели конституционного контроля в постсоветских государствах Восточной Европы и СНГ, автор приходит к выводу о том, что введение института конституционного правосудия европейского образца явилось закономерным шагом на пути становления конституционализма в этом регионе. При создании конституционной юстиции в постсоветских государствах учитывался опыт прежде всего государств Западной Европы. Тем не менее речь не идет о слепом копировании государствами Восточной Европы и СНГ западноевропейского опыта, а скорее о его творческой переработке с учетом специфики конкретного государства и его правовой системы.

Пожалуй, наиболее актуальной политико-правовой проблемой, возникшей перед постсоветскими государствами Восточной Европы и СНГ на пути становления современных конституционно-правовых систем, явилось обеспечение реальности их новейших конституций. При этом в современной теории конституционализма реальность конституции государства напрямую связывается с наличием в его правовой системе института судебного конституционного контроля. Именно поэтому уже первые шаги на пути построения современного конституционализма постсоветские государства Восточной Европы и СНГ направили на создание института судебного конституционного контроля. При этом перед ними возник вопрос о том, какую модель судебного конституционного контроля следует реализовать – американскую или европейскую. Абсолютное большинство постсоветских госу-

дарств предпочли европейскую модель судебного конституционного контроля¹.

Характерными признаками европейской модели судебного конституционного контроля являются:

- наличие специального судебного органа конституционного контроля, как правило Конституционного суда;
- автономное положение Конституционного суда в иерархии судебных органов;
- особая система законодательства, регулирующего организацию и деятельность Конституционного суда;
- рассмотрение и разрешение Конституционным судом дел, содержащих исключительно конституционно-правовые вопросы;
- самостоятельная процессуальная форма отправления конституционного правосудия;
- особая юридическая природа актов конституционного суда².

Половченко Константин Анатольевич – к.ю.н., доцент кафедры конституционного права МГИМО(У) МИД России. E-mail: kpolovchenko@gmail.com

В абсолютном большинстве постсоциалистических государств Восточной Европы и СНГ уже 20 лет существуют и вполне успешно функционируют конституционные суды. Однако в последнее время здесь стали появляться научные публикации, в которых авторы достаточно критично относятся к реализации в государствах указанного региона судебного конституционного контроля европейского типа³. Периодически даже обсуждается вопрос о том, что более эффективным, целесообразным было бы введение в постсоциалистических странах американской модели судебного конституционного контроля. С одной стороны, подобные соображения вызваны теми теоретическими проблемами, которые закономерно возникли с введением института конституционного контроля европейского образца в правовую систему постсоветских государств. В частности, это касается определения места и роли Конституционного суда в системе разделения властей, порядка его взаимодействия с иными органами государственной власти (прежде всего судебными)⁴ и т.д.

С другой стороны, подобные соображения обосновывались практическими трудностями, с которыми встречаются конституционные суды в постсоциалистических странах⁵. По нашему мнению, обсуждаемые в статье доводы апологетов американской модели судебного конституционного контроля не являются убедительными и достаточными для коренного изменения статуса конституционного правосудия, сложившегося в странах Восточной Европы и СНГ. В данной статье автор выступает оппонентом подобной проамериканской позиции и выражает свое мнение по данному вопросу.

Согласно американской модели судебного конституционного контроля, конституционное правосудие не выделяется из общего правосудия и осуществляется судами общей юрисдикции, либо всеми (децентрализованный контроль)⁶, либо только высшей судебной инстанцией (централизованный контроль)⁷. Американская модель предусматривает, что конституционный контроль осуществляется судами общей юрисдикции. Поэтому вопрос о конституционности применяемого закона встает, как правило, только на основе заявления сторон по делу и при рассмотрении конкретного уголовного, гражданского или иного дела. Судья принимает решение, которое может быть обжаловано в вышестоящем суде, вплоть до Верховного суда. Верховный суд принимает окончательное решение. Только его решения по конституционным вопросам являются окончательными и обязательными для всех судов. При этом Верховный суд не отменяет закон, он не вправе это делать. Он лишь констатирует, что данный закон является конституционным или неконституционным. Закон, признанный неконституционным, остается в сборниках законов, но ни суды, ни другие органы государства не вправе его применять.

Апологеты американской модели, как правило, отмечают процессуальные преимущества данной системы конституционного контроля:

- возможность постановки вопроса о неконституционности правового акта любой стороной судебного процесса;

- возможность рассмотрения дела о неконституционности в любом суде, а не в одном специализированном органе;

- возможность апелляции, что обеспечивает более широкий и глубокий анализ проблемы.

Кроме того, по их мнению, более последовательное проведение принципа состязательности в судах общей юрисдикции тоже является немаловажным плюсом судебного конституционного контроля по американскому образцу⁸. Есть у данной модели конституционного контроля и крупные процессуальные минусы, которые, впрочем, во многом являются продолжением ее преимуществ, а именно:

- связанность суда при разрешении конституционных вопросов обстоятельствами рассматриваемых уголовных и гражданских дел;

- предоставление права оспаривать конституционность нормативных актов и действий только сторонам в процессе;

- возможность применения только последующего конституционного контроля, когда суд рассматривает конституционность закона или иного правового акта, уже вступившего в законную силу.

При этом вопрос о конституционности акта в рамках конституционного контроля по американскому образцу на уровне низших инстанций не всегда решают судьи, являющиеся профессионалами по вопросам конституционного права (в отличие от Конституционного суда, судьи которого специализируются на разрешении конституционно-правовых дел). Наконец, при данной модели доведение дела до последней инстанции, которая занимается, по существу, вопросами конституционного права и принимает окончательное решение, представляет собой длительный и очень дорогостоящий процесс.

Следующим и, по нашему мнению, заслуживающим особое внимание аргументом сторонников американской модели судебного конституционного контроля является то, что эта модель обеспечивает невмешательство суда при осуществлении конституционного контроля в дела законодателя, обеспечивая таким образом неукоснительное соблюдение принципа жесткого разделения властей. Полагаем, что полемика по этому аргументу, с одной стороны, требует учета особенностей формы правления в постсоциалистических государствах Восточной Европы и СНГ. Подавляющее большинство из них являются смешанными (либо президентско-парламентскими, либо парламентско-президентскими) республиками, а значит, жесткое разделение властей для них не является характерной чертой. С другой стороны, требует учета специфика правовых систем современных го-

сударств Восточной Европы и СНГ, абсолютное большинство которых, несомненно, относится к романо-германской правовой семье. Это, в свою очередь, позволяет конкретизировать предмет обсуждения и привести следующие контраргументы:

– во-первых, как справедливо замечает венгерский конституционалист профессор Шайо, в отличие от США с их жестким разделением властей и особым положением судебной власти, «в Европе в деле защиты Конституции конституционное судопроизводство должно было выделиться в самостоятельную отрасль именно из-за «сговора» ветвей власти, их более взаимосвязанных отношений в отличие от американских»⁹;

– во-вторых, европейские судьи воспринимают закон как нечто неоспоримое. Со времен Великой французской революции по сей день остаются актуальными идеи Ж.Ж. Руссо о верховенстве закона. Поэтому в европейском правосознании важнейший элемент правового государства – господство права воспринимается как господство закона: «Концепция легитимности... совпадает с концепцией легальности, т.е. с необходимостью соответствия публичной и частной деятельности законам, принятым парламентом»¹⁰;

– в-третьих, важнейшей причиной неприятия постсоветскими государствами американской модели конституционного контроля явилась выявившаяся у большинства судей низших инстанций судов общей юрисдикции неспособность осуществлять конституционное правосудие. Итальянский профессор М. Капеллетти выразил это следующими словами: «Судьи континентальной Европы обычно являются карьерными чиновниками судебного ведомства, не очень способными решать задачу контроля законов, которая всегда является творческой и идет гораздо дальше их традиционной функции «простых толкователей» и «верных слуг» закона. Но само толкование конституционных норм и особенно их центрального ядра, таких, как Декларация основных прав или Билль о правах, сильно отличается от толкования обычных законов; оно требует смелого и решительного подхода, который плохо сочетается с традиционной «слабостью и робостью» судьи континентального образца»¹¹.

И действительно, сама профессиональная подготовка и опыт сделали из судей постсоциалистических государств специалистов не по вынесению политико-правовых решений, а по процедурам применения действующих правовых актов. Представляется все же, что нельзя безоговорочно согласиться с уважаемым профессором Капеллетти, по крайней мере с тем, что американские судьи обладают всеми теми «доблестями», в которых он отказывает европейцам. Но его замечание предельно ясно высветило проблему: судьи стран континентальной Европы (и судьи постсоциалистических государств не исключение) рекрутируются на службу совсем по иным критериям, чем их американские коллеги;

– в-четвертых, еще одним аргументом в пользу целесообразности выбора европейской модели судебного конституционного контроля постсоциалистическими государствами Восточной Европы и СНГ является то, что уже со второй половины XX в. в большинстве исследуемых стран существовали параллельные системы специализированных судов, но отсутствовал единый подход к вопросу о специализации судов. Американская же модель может успешно действовать только там, где существует единая специализация судов, то есть в самих США и иных государствах, относящихся к англосаксонской правовой семье, поскольку а) в судебных системах этих государств нет разделения споров по категориям; б) в этих государствах проблема конституционности может быть поднята в любом процессе без риска возникновения разногласий относительно легитимности действий суда при осуществлении конституционного контроля; в) американский судья компетентен рассматривать любое подсудное ему дело. Нелишним также будет указать на то, что осуществление конституционного контроля по американскому образцу основывается на принципах, опирающихся на обычаи и традиции общего права¹², в большинстве своем совершенно неизвестных, если не чуждых, основам континентального права и европейской правоприменительной практике, опирающейся на кодифицированное законодательство¹³.

– в-пятых, наконец, европейская модель судебного конституционного контроля предусматривает осуществление Конституционным судом ряда полномочий, не применимых в рамках американской модели и направленных на контроль конституционности деятельности органов государственной власти, местного самоуправления, должностных лиц, общественных объединений. А это особо актуально в силу ряда объективных причин для постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы и СНГ. К этим полномочиям органа конституционного правосудия следует отнести:

– разрешение споров о компетенции между органами государственной власти (Россия, Чехия);

– осуществление контроля за конституционностью выборов высших органов государственной власти, конституционности назначения и проведения референдумов (Украина, Кыргызстан, Азербайджан);

– осуществление контроля за конституционностью образования и деятельности политических партий и иных общественных объединений (Азербайджан, Армения, Грузия, Молдова, Украина) и др.

Все вышеописанные аргументы свидетельствуют о целесообразности и фактической альтернативности выбора большинством постсоциалистических государств Центральной и Восточной Европы и СНГ именно европейской модели судебного конституционного контроля.

При этом с 20-х гг. XX в., то есть с момента реализации в практике конституционных судов Австрии и Чехословакии, европейская модель конституционного контроля не оставалась неизменной и к XXI в. претерпела значительную модернизацию. В ее процессе существенно изменилась роль и значение Конституционного суда в системе органов государственной власти. Условно указанный процесс модернизации можно разделить на три этапа. Если на первом из них (между двумя мировыми войнами) деятельность Конституционного суда можно было ассоциировать с нормоконтролем – контролем за соблюдением иерархии правовых актов¹⁴, то на втором этапе (с 1945 г. до начала 1980-х гг.) – с защитой основ конституционного строя государств.

Новый этап в развитии института конституционного правосудия начался в 1980-х гг. Он непосредственно связан со смещением социальной направленности в деятельности конституционных судов западноевропейских государств (Германии, Австрии, Испании и др.). В результате доминирующими в деятельности ряда европейских конституционных судов становятся полномочия по защите нарушенных конституционных прав и свобод граждан как в порядке абстрактного, так и конкретного нормоконтроля. А поскольку примерно в этот период происходит становление и развитие института конституционного правосудия в большинстве постсоциалистических стран Восточной Европы и СНГ, то эта тенденция нашла отражение в законодательстве и практике этих государств. Так, институт конституционной жалобы стал важнейшей составляющей компетенции органов конституционного правосудия таких государств, как Чехия, Сербия, Польша, Россия и др. Таким образом, в государствах с европейской моделью Конституционный суд стал еще одним судебным органом наряду с судами общей юрисдикции, иными специализированными судами, стоящими на страже прав и свобод.

И последнее, при создании конституционной юстиции в современных государствах Восточной Европы и СНГ конечно же учитывался опыт организации конституционного контроля таких европейских государств, как ФРГ, Франции, Италии, Испании и других, где институт

конституционного правосудия существовал не один десяток лет. Однако введение органа конституционного правосудия в государственную систему стран Восточной Европы и СНГ не было слепым копированием и неосмысленным подражанием государствам Западной Европы. При введении института конституционного контроля в их правовую систему учитывались особенности государственных механизмов, национальных правовых систем, наконец, исторические предпосылки и социально-экономические реалии каждого конкретного государства. В результате можно говорить, с одной стороны, об особенностях в составе субъектов обращения, в порядке формирования, в объеме полномочий конституционных судов современных государств Восточной Европы и СНГ. С другой стороны, нельзя не заметить то, что в их законодательстве, доктринах появились отдельные институты, которых нет или же которые детально не урегулированы в нормативной базе государств Западной Европы. Поэтому, например, институт официального толкования Конституции, институты запретов, требований к членам органов конституционного контроля являются вкладом постсоциалистических государств в развитие европейской теории и практики конституционного контроля.

Polovchenko K.A. The Institute of Judicial Constitutional Control in the Post-Soviet States.

Summary: *The article presents a comparative analysis of the European and the American model of judicial constitutional control. Exploring the reasons for the implementation of the European model of the constitutional control in the post-Soviet States of Eastern Europe and the CIS, the author comes to the conclusion that the introduction of the institution of the constitutional justice of the European design was a logical step in the establishment of constitutionalism in the region. Experience of the Western European States was taken into consideration while building the system of constitutional justice in the post-Soviet States of Eastern Europe and the CIS. However, we are not talking about blind copying of Western European experience, but rather of its creative processing taking into account the specifics of a particular State and its legal system.*

Ключевые слова

Конституционный суд, Верховный суд, модель конституционного контроля, институт конституционного правосудия, государства Восточной Европы и СНГ, романо-германская правовая семья, англосаксонская правовая семья, континентальное право, общее право.

Keywords

The constitutional court, the Supreme court, the Model of the constitutional control, the Institute of constitutional justice, the States of Eastern Europe and the CIS, the Roman-German legal family, Anglo-Saxon legal family, civil law, common law.

Примечания

1. Так, уже к середине 90-х гг. XX в. органы конституционного правосудия по европейскому образцу существовали в таких постсоветских государствах Восточной Европы и СНГ, как Беларусь, Болгария, Венгрия, Киргизия, Молдова, Польша, Россия, Румыния, Словакия, Украина, Чехия и др.
2. Европейская модель конституционного контроля основана на идеях выдающегося австрийского юриста Ганса Кельзена, основателя нормативного идеализма (нормативизма) и создателя первого в мире Конституционного суда Австрии (1920 г.). В настоящее время органы конституционного контроля европейского образца действуют в большинстве государств мира, из них более 30 – на европейском континенте.
3. См.: Казаклиу А. Актуальные проблемы конституционной юрисдикции Республики Молдова // Конституционное право: Восточно-европейское обозрение. 2001. N 4 (37). Ливеровский А.А., Петров М.В. Органы конституционного нормоконтроля как квазисуды // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3.
4. См.: Бондарь Н.С. Конституционный суд России: не «квазисуд», а больше, чем суд // Журнал конституционного правосудия. 2010. №3. Стрижак А.А. Роль Конституционного суда Украины в обеспечении принципов демократического, правового государства в Украине // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. Зденничи Б. Эффективность права с точки зрения Конституционного трибунала Польской Республики // Журнал конституционного правосудия. 2010. № 4. Бондарь Н.С. Конституционный суд между Сциллой и Харибдой: место конституционного правосудия в системе разделения властей // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2008. Второй выпуск (N 13). Шульженко Ю.Л., Чиркин В.Е. Конституционный суд России между прошлым и будущим // Государство и право. 2011. № 12.
5. См.: Зорькин В.Д. Современный мир, право и Конституция. М.: Норма, 2010. Margareta Mommsen, Angelika Nubberger. Das System Putin. Gelenkte Demokratie und politische Justiz in Russland. Munchen, 2007. Денисов С.А. Защита Конституционным судом РФ принципов демократии и республики // Конституционное и муниципальное право. 2009. №12.
6. К государствам, в которых применяется модель децентрализованного судебного конституционного контроля, относятся Австралия, Аргентина, Бразилия, Канада, Кения, Нигерия, Новая Зеландия, Норвегия, США, Швеция, Япония и др.
7. К государствам, в которых применяется модель централизованного судебного конституционного контроля, относятся Венесуэла, Индия, Ирландия, Колумбия, Эстония и др.
8. См.: Haines Ch. G. The American Doctrine of Judicial Supremacy. Berkeley. 1932.
9. Шайо А. Самоограничение власти: краткий курс конституционализма. М., 2001. С. 243.
10. Capelletti M. The Judicial Process in Comparative Perspective. L. 1982. P. 54.
11. Ibid., p. 43.
12. См.: Friedman L. A History of American Law. N.-Y., 1985.
13. См.: Marcic R. Geschichte der Rechtsphilosophie. Freiburg. 1970.
14. См.: Kelsen H. General Theory of Law and State. 1 ed. Cambridge. Mas., Harvard U. 1945.
15. См.: Половченко К.А. Конституционная юстиция в России и Украине: Сравнительно-правовой анализ: диссертация ... кандидата юридических наук: Москва. 2003. 233. с.: 61 03-12/1362-1

Правовое положение дипломатических работников: права, государственные гарантии, поощрения

Т.А. Занко

В статье проводится анализ правового положения дипломатических работников в Российской Федерации в части предоставляемых прав, государственных гарантий и поощрений. Указанные элементы правового статуса представляются через призму сравнительно-правового исследования законодательства более десятка зарубежных стран, учитывая опыт правового регулирования вопросов дипломатической службы как на постсоветском пространстве, так и в странах дальнего зарубежья.

Правовое положение дипломатического работника представляет собой часть общего правового статуса личности и включает в себя совокупность прав, обязанностей, запретов, ограничений, гарантий, поощрений и мер ответственности, связанных с исполнением функций дипломатического характера, а также обеспечением исполнения полномочий Российской Федерации в сфере международных отношений. В соответствии со ст. 2 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации»¹ правовой статус дипработника регулируется данным Федеральным законом, Федеральным законом от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации»², а в части, не урегулированной этими федеральными законами, – Трудовым кодексом Российской Федерации³ и иными нормативными правовыми актами РФ. Причем необходимо отметить, что

сотрудники дипломатической службы в период работы в загранучреждениях пользуются привилегиями и иммунитетами, установленными нормами международного права⁴.

Дипломатические работники – федеральные государственные гражданские служащие, исполняющие функции дипломатического характера и замещающие в центральном аппарате Министерства иностранных дел РФ, загранучреждениях Министерства иностранных дел РФ, территориальных органах Министерства иностранных дел РФ должности федеральной государственной гражданской службы, по которым предусмотрено присвоение дипломатических рангов.

Дипломатический работник – это не просто государственный служащий, реализующий определенный вид и объем полномочий по соответствующей должности. Это человек, наделенный государственно-властными полномочиями, действующий в системе международных отношений от имени, по поручению и в интересах своего государства. Он является политическим и духовно-нравственным

Занко Тигран Антонович – преподаватель кафедры государственного управления и права МГИМО(У) МИД России. E-mail: tigran@zaiko@gmail.com

носителем и защитником национальных интересов Российского государства и своего народа⁵.

Права дипломатических работников

Основу прав дипломатических работников как федеральных государственных гражданских служащих составляют нормы, закрепленные ст. 14 Федерального закона «О государственной гражданской службе». Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ «Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации» не устанавливает дополнительных прав дипломатических работников по сравнению с законодательством о государственной гражданской службе, но в то же время предусматривает ряд государственных гарантий, которые будут рассмотрены ниже.

В период работы в заграничных учреждениях на дипломатических работников также распространяются права, предусмотренные Венской конвенцией 1961 г. «О дипломатических сношениях», среди которых можно выделить:

- право на свободу передвижения по территории государства пребывания за исключением зон, въезд в которые запрещается или регулируется по соображениям государственной безопасности (ст. 26);
- право на неприкосновенность корреспонденции (ст. 27);
- право на неприкосновенность личности дипломатического агента (ст. 29);
- право на неприкосновенность частной резиденции (ст. 30);
- право на иммунитет от уголовной юрисдикции государства пребывания (ст. 31);
- право на освобождение от большинства налогов, сборов и пошлин личных и имущественных, государственных, районных и муниципальных (ст. 34);
- право на освобождение от всех государственных и трудовых повинностей (ст. 35);
- право на ввоз и освобождение от всех таможенных пошлин, налогов и сборов предметов, предназначенных для личного пользования (ст. 36).

При этом необходимо учитывать, что перечисленные права, а по сути – привилегии и иммунитеты, предоставляются не для выгоды отдельных лиц, а для обеспечения эффективного осуществления функций дипломатических представительств как органов, представляющих государство. Что касается законодательства зарубежных стран, то необходимо отметить, что права дипломатических работников достаточно редко включаются в тексты законов о дипломатической службе (в отличие, например, от обязанностей), в основном дается ссылка на законодательство о государственной службе. Тем не менее в ряде зарубежных законов установлены следующие права дипломатических работников:

– **Аргентина:** право на пользование дипломатическим паспортом (ст. 22 Закона Аргентины от

22 мая 1975 г. № 20957 «О внешнеполитической службе»⁶);

– **Армения:** право на принятие в пределах своих полномочий решений (при необходимости – после консультации с непосредственным руководителем) и участие в рассмотрении вопросов; обеспеченность работой, заработной платой, охрану здоровья, обеспечение безопасными и необходимыми условиями труда; опротестование результатов конкурса и аттестации, в том числе в судебном порядке (ст. 42 Закона Республики Армения 21 ноября 2001 г. № ЗР-249 «О дипломатической службе»⁷);

– **Казахстан:** право на получение выплат за знание иностранных языков; право на ежегодную денежную компенсацию стоимости представительской экипировки (ст. 29 Закона Республики Казахстан от 7 марта 2002 г. № 299-ІІ «О дипломатической службе Республики Казахстан»⁸);

– **Киргизия:** право на осуществление партийной и общественной деятельности во внеслужбное время (ст. 21 Закона Кыргызской Республики от 28 июня 2002 г. «О дипломатической службе Кыргызской Республики»⁹);

– **Молдова:** право на оказание поддержки и помощи с тем, чтобы дипломатический работник мог осуществлять свои обязанности с честью и достоинством, не поддаваясь политическому давлению и другим попыткам заставить его нарушить статус дипломата (ст. 20 Закона Республики Молдова от 27 декабря 2001 г. № 761-ХV «О дипломатической службе»¹⁰);

– **Таджикистан, Туркменистан:** право на переподготовку и повышение квалификации, в том числе с выездом в заграничные командировки (ст. 22 Закона Республики Таджикистан 5 ноября 2002 г. № 726 «О дипломатической службе»¹¹; ст. 17 Закона Туркменистана от 19 декабря 2000 г. «О дипломатической службе»¹²).

Государственные гарантии дипломатическим работникам

Эффективное осуществление служебной деятельности в условиях установления жестких обязанностей, запретов и ограничений невозможно без обеспечения должного уровня социальных государственных гарантий, подчеркивающих исключительность и уникальность статуса дипломатических работников, как государственных служащих, представляющих интересы государства на международной арене. Для обеспечения правовой и социальной защищенности гражданских служащих, повышения мотивации эффективного исполнения ими своих должностных обязанностей, укрепления стабильности профессионального состава кадров гражданской службы гражданским служащим ст. 52 и 53 № 79-ФЗ устанавливаются основные и дополнительные гарантии соответственно.

Особый интерес с точки зрения рассматриваемой темы представляют дополнительные государственные гарантии на дипломатической службе, которые отображают специфику внешнеполитической деятельности и призваны компенсировать

риски, стоящие перед дипломатическими работниками и их семьями. Необходимо отметить, что указанные дополнительные гарантии предоставляются сотруднику дипломатической службы, а в некоторых случаях и членам его семьи, только в условиях работы в загранучреждении МИД России. Рассматриваемые гарантии являются важным практическим и статусным достижением в уточнении правового положения дипломатических работников. МИД России принимает дополнительные усилия для обеспечения безопасности сотрудников и членов их семей, предусматривает механизм оплаты медицинской помощи, а в случае повреждения здоровья – денежные выплаты, в зависимости от степени утраты трудоспособности. Компенсации оплаты обучения несовершеннолетних детей, транспортных, жилищных и иных расходов, связанных с переездом.

В отдельную группу можно выделить гарантии, связанные с работой в государствах со сложной общественно-политической обстановкой, в условиях чрезвычайного положения или при вооруженных конфликтах. Для таких государств устанавливается особый режим учета стажа дипломатической службы и выплачиваются надбавки к окладу (1 день за 1,5 дня и надбавка 20% оклада в иностранной валюте при работе в государстве со сложной общественно-политической обстановкой; 1 день за 2 дня и надбавка 40% при работе в условиях чрезвычайного положения или вооруженного конфликта)¹³.

Зачастую дипломатические служащие работают с риском для собственной жизни и здоровья, поэтому в случае гибели (смерти) дипломатического работника за рубежом либо в течение года после завершения работы в государстве пребывания вследствие повреждения здоровья, полученного в результате действий насильственного характера, его наследникам предоставляется единовременная денежная выплата в размере 180 окладов денежного содержания сотрудника дипломатической службы. Помимо того, государство берет на себя расходы по подготовке и перевозке останков к месту захоронения, а членам семьи предоставляется единовременная денежная выплата и также возмещаются расходы, связанные с возвращением в Россию.

Законодательство зарубежных стран о дипломатической службе также уделяет значительное внимание вопросам социально-бытового обеспечения дипломатических работников, государственным гарантиям:

– **Аргентина:** гарантия признания степеней, присваиваемых зарубежными учебными заведениями начального, высшего и среднего образования, которые окончил дипломатический работник либо члены его семьи (ст. 90 Закона Аргентины от 22 мая 1975 г. № 20957 «О внешнеполитической службе»);

– **Армения:** дипломату, служащему в действующем в иностранном государстве органе дипломатической службы, также выплачивается компенсация из расчета на каждого члена семьи в размере 10 процентов от компенсации расходов, связанных с его службой в иностранном государстве. Выплата в части компенсации супруге (супругу) прекраща-

ется, когда она (он) поступает на работу в данной стране (ст. 46; здесь и далее – Закон Республики Армения 21 ноября 2001 г. № ЗР-249 «О дипломатической службе»); супруга (супруг) дипломата, отбывшего на службу в действующий в иностранном государстве орган дипломатической службы, по возвращении из иностранного государства восстанавливается на работе в государственном учреждении и занимает должность с заработной платой не менее той, которую она (он) получала (получал) до отбытия в иностранное государство, если законом не установлено иное. Период, проведенный супругой (супругом) со своим супругом (супругой), отбывшим (отбывшей) на службу в действующий в иностранном государстве орган дипломатической службы, включается в срок ее (его) государственного социального страхования и ей (ему) обеспечиваются выплаты, предусмотренные в установленном правительством Республики Армения порядке (ст. 47);

– **Германия:** работодатель должен убедиться, насколько это возможно, что служащие и члены их семей не испытывают неудобств в результате их командирования за рубеж. В случае, если трудности неизбежны, должна быть предоставлена соответствующая компенсация (ст. 15; здесь и далее – Закон ФРГ от 30 августа 1990 г. р 1842 «Закон о внешнеполитической службе»); компенсация вреда не производится, если служащий причинил вред здоровью по грубой неосторожности (ст. 16); Министерство иностранных дел, когда этого требуют обстоятельства, создает объекты социального назначения или поощряют создание таких объектов сотрудниками загранучреждения. Указанные объекты могут использоваться совместно с другими государствами, особенно с государствами-членами Европейского союза, и международными организациями (ст. 17); поощряется сопровождение служащих в загранкомандировках их супругами и семьями. Данное положение имеет особое значение для дипломатической службы; МИД оказывает содействие семьям в подготовке к заграничной командировке, особенно в вопросах приобретения, поддержания и расширения языковых компетенций (ст. 19); супруги служащих, помогающих им либо дипломатической миссии в осуществлении деятельности, имеют право на соответствующую поддержку (ст. 20); работодатель должен стремиться к тому, чтобы супруги служащих насколько это возможно продолжали свою карьеру за рубежом и после возвращения в Германию (ст. 24);

– **Казахстан:** в случае гибели сотрудника или работника дипломатической службы при исполнении служебных обязанностей за рубежом семья погибшего имеет право на получение жилья из государственного жилищного фонда (ст. 25 Закона Республики Казахстан от 7 марта 2002 г. № 299-ІІ «О дипломатической службе Республики Казахстан»);

– **Молдова:** для выполнения служебных обязанностей дипломатический агент или консульское должностное лицо обеспечивается служебным автомобилем в зависимости от занимаемой должности; лица, зачисленные на дипломатическую

■ Право

должность в Министерстве иностранных дел, и дипломатические агенты или консульские должностные лица получают компенсации для покрытия затрат на приобретение протокольной одежды; (ст. 27 Закона Республики Молдова от 27 декабря 2001 г. №761-XV «О дипломатической службе»);

– **Украина:** работникам дипломатической службы, нуждающимся в соответствии с действующим законодательством Украины в улучшении жилищных условий, предоставляется земельный участок и беспроцентный кредит на срок до 20 лет; работники дипломатической службы и члены их семей, проживающие вместе с ними, пользуются медицинским обслуживанием, санаторно-курортным лечением; право на медицинское обслуживание и санаторно-курортное лечение сохраняется за работниками дипломатической службы в случае выхода на пенсию или в отставку; время пребывания за границей супруги (супруга) работника дипломатической службы по месту прохождения дипломатической службы, командировки в заграничное дипломатическое учреждение засчитывается в страховой пенсионный стаж, о чем Министерство иностранных дел Украины делает запись в трудовой книжке указанных лиц (ст. 37 Закона Украины от 20 сентября 2001 г. № 2728-III «О дипломатической службе»¹⁴);

– **Филиппины.** Пособие на членов семьи предоставляется каждому дипломатическому работнику, сопровождаемому в заграничной командировке семьей, из расчета на супругу(а) и на каждого не состоящего в браке несовершеннолетнего ребенка (не более трех); если супруги, находящиеся в заграничной командировке, являются дипломатическими работниками, только один из них имеет право претендовать на пособие; не состоящие в браке дети, проживающие с дипломатическим работником, являющиеся умственно или физически отсталыми, и не способными самостоятельно себя обеспечивать, считаются для целей выплаты пособий вне зависимости от возраста несовершеннолетними (ст. 68; здесь и далее – Республиканский Закон Филиппин от 19 сентября 1991 г. №7157 «Закон о дипломатической службе Филиппин 1991 г.»¹⁵); компенсация представительских расходов предоставляется руководителям миссии, специальным посланникам, постоянным представителям при международных организациях, руководящим и высокопоставленным дипломатическим работникам, находящимся за рубежом, для того, чтобы такие работники отстаивали престиж Республики Филиппины, представляли свою страну с достоинством, а также выполняли свои функции более эффективно; представительские расходы допустимы только для целей, которые носят публичный характер, выгодны для интересов государственной службы и связаны с осуществлением функций государства дипломатического характера; средства могут быть израсходованы на необходимые мероприятия развлекательного характера, благотворительные взносы, памятники, цветы, подарки, клубные взносы и т.п. (ст. 70);

– **Эстония:** служащий, профессионально владеющий по меньшей мере тремя иностранными языками на уровне, определяемом министром иностранных дел, получает дополнительные выплаты в размере 5 процентов от своей зарплаты ежемесячно за знание третьего иностранного языка и каждый последующий изученный иностранный язык, но не более 15 процентов; служащему, которому присуждена степень доктора наук или аналогичная, выплачивается надбавка в размере 5 процентов от зарплаты (ст. 57; здесь и далее – Закон Эстонии от 10 мая 2006 г. «О дипломатической службе»¹⁶); неработающей супруге, сопровождающей дипломатического работника в заграничной командировке, выплачивается пособие в размере двойной минимальной заработной платы, установленной в Эстонии (ст. 67).

Все социальные гарантии, устанавливаемые в законах о дипломатической службе, можно разделить на несколько групп:

- гарантии медицинского и пенсионного страхования, социальные гарантии членам семьи;
- компенсации транспортных расходов, аренды жилья, стоимости обучения;
- выплаты, связанные с особыми условиями службы, знанием иностранных языков, причинением вреда здоровью или смертью дипломата.

При этом в зависимости от страны существенно отличается подход к составу лиц, на которые такие гарантии распространяются: наиболее распространено предоставление социальных гарантий дипломатическим работникам, находящимся в заграничной командировке, реже – административно-техническому персоналу заграничного учреждения. Предоставление социальных гарантий дипломатическим работникам «центрального аппарата» министерства практически не встречается.

Отдельно стоит отметить, что далеко не всегда в законодательстве о дипломатической службе закладывается правовой механизм предоставления социальных гарантий и поддержки супруги(а) дипломатического работника, несмотря на то, что, по сути, на супругу(у) дипломатического работника распространяются многие обязанности и ограничения, связанные с дипломатической службой и нахождением в стране пребывания.

Поощрения и награды

Поощрение и награждение дипломатического работника являются формами общественного признания его заслуг, оказания ему почета, имеющего большое моральное значение и влекущего определенные правовые и материальные преимущества. Они применяются к государственному служащему за безупречную работу и эффективную службу, добросовестное исполнение своих должностных обязанностей, успешное выполнение заданий особой важности и сложности. Выделяется два вида поощрений за труд: собственно поощрения и награждения. К поощрениям, как правило, относятся денежные выплаты, а награждения скорее носят моральный характер, являются выражением признания заслуг гражданского служащего. Ст. 55

Федерального закона «О государственной гражданской службе в Российской Федерации» устанавливает следующие виды поощрения и наград:

- 1) объявление благодарности с выплатой единовременного поощрения;
- 2) награждение почетной грамотой государственного органа с выплатой единовременного поощрения или с вручением ценного подарка;
- 3) иные виды поощрения и награждения государственного органа;
- 4) выплата единовременного поощрения в связи с выходом на государственную пенсию за выслугу лет;
- 5) поощрение Правительства Российской Федерации;
- 6) поощрение Президента Российской Федерации;
- 7) присвоение почетных званий Российской Федерации;
- 8) награждение знаками отличия Российской Федерации;
- 9) награждение орденами и медалями Российской Федерации.

Формы поощрения и наград дипломатических работников непосредственно в Федеральном законе № 205-ФЗ не урегулированы, но в то же время существует ряд приказов МИД России, их устанавливающих:

– **Почетная грамота МИД России:** является поощрением за заслуги в разработке и реализации внешнеполитического курса Российской Федерации, активную дипломатическую деятельность, образцовое выполнение должностных обязанностей, высокие достижения в труде, продолжительную и безупречную работу в системе МИД России. К награждению Почетной грамотой могут представляться сотрудники Министерства, проработавшие в его системе не менее 20 лет;

– **Звание «Почетный работник МИД России»:** является ведомственным поощрением за отличия в труде и присваивается:

– за весомый вклад в реализацию внешнеполитического курса Российской Федерации;

– за активное участие в выполнении поручений Президента Российской Федерации и Правительства Российской Федерации по укреплению мира, урегулированию международных конфликтов;

– за значительный вклад в расширение политических, торгово-экономических, научно-технических, культурных и иных международных связей Российской Федерации, в обеспечение прав и интересов Российского государства, его граждан и юридических лиц за рубежом;

– за долголетнюю добросовестную работу (не менее 10 лет) в странах со сложной военно-политической обстановкой, тяжелыми климатическими и санитарно-эпидемиологическими условиями;

– за успехи в подготовке дипломатических кадров;

– за заслуги в решении организационных, финансовых, производственно-хозяйственных и социальных вопросов деятельности министерства;

– за продолжительную и безупречную работу в системе МИД России.

– **Памятная медаль А.М. Горчакова:** медаль и соответствующий диплом вручаются российским и иностранным гражданам в знак признания их заслуг в укреплении мира и развитии международного сотрудничества, утверждении общечеловеческих идеалов и гуманитарных ценностей, а также достижений в дипломатической деятельности. Памятной медалью А.М. Горчакова и дипломом отмечается также вклад российских, иностранных и международных организаций и учреждений в укрепление мира и развитие международного сотрудничества;

– **Нагрудный знак МИД России «За отличие»:** награждаются служащие, проработавшие в системе МИД России не менее 15 лет, за личные заслуги в разработке и реализации внешнеполитического курса Российской Федерации, активную дипломатическую деятельность, образцовое выполнение должностных обязанностей, высокие достижения в труде и безупречную работу¹⁷.

За особые отличия при прохождении дипломатической службы, выполнение особо важных заданий руководства МИДа России, проявленное мужество при исполнении служебных обязанностей дипломатический работник может быть представлен к повышению в дипломатическом ранге до истечения установленного срока пребывания в дипломатическом ранге, а в исключительных случаях – без соблюдения очередности присвоения дипломатических рангов (п. 9 Указа Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1371¹⁸). Помимо того, в МИД России действует Положение¹⁹ об условиях выплаты премии за выполнение особо важных и сложных заданий, материальной помощи, единовременной выплаты к ежегодному оплачиваемому отпуску, иных видов поощрения.

Несмотря на то что в законодательстве иностранных государств о дипломатической службе не находят закрепление категория поощрений и наград, необходимо отметить, что их перечень является не настолько полным и практически всегда шаблонным (благодарность, денежная выплата, внеочередное присвоение дипломатического ранга). В заключение необходимо отметить, что принятие Федерального закона № 205-ФЗ сопровождалось и породило ряд научных и практических споров об отнесении дипломатической службы к подвиду государственной гражданской службы, а не самостоятельному виду государственной службы. Это связано прежде всего с тем, что рассмотренный правовой статус дипломатических работников обладает значительными сущностными отличиями практически во всех элементах по сравнению с правовым статусом государственного гражданского служащего.

В то же самое время принятие указанного закона – несомненный прорыв в регулировании дипломатической службы. Была создана необходимая правовая база формирования и развития современной системы дипломатической службы,

■ Право

база для принятия необходимых подзаконных актов на уровне указов Президента и постановлений Правительства Российской Федерации. Получили закрепление на законодательном уровне дополнительные социальные гарантии дипломатическим работникам, призванные компенсировать сложность, многогранность дипломатической службы, подчеркивающие ее значение для обеспечения внешнеполитических интересов страны.

Zanko T.A. Legal status of diplomatic workers: rights, state guarantees, encouragement.

Summary: This article provides an analysis of the legal status of diplomats in the Russian Federation with regard to their rights, safeguards and rewards. These elements are presented through the prism of comparative research of more than a dozen countries and consider the experience of diplomatic service legal regulation in the former Soviet Union countries as well as in other foreign countries.

Ключевые слова

Дипломатическая служба, дипломатический работник, Министерство иностранных дел, государственная служба, государственная гражданская служба, правовой статус.

Keywords

Foreign service, diplomatic officer, the Ministry of Foreign Affairs, civil service, public civil service, legal status.

Примечания

1. Об особенностях прохождения федеральной государственной гражданской службы в системе Министерства иностранных дел Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 205-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. - 2010. № 31. Ст. 4174.
2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: Федеральный закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2004. № 31. Ст. 3215.
3. Трудовой кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2001 г. № 197-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 1. Ст. 3.
4. Венская конвенция о дипломатических сношениях: заключена в г. Вене 18 апреля 1961 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М., 1996.; Венская конвенция о консульских сношениях: заключена в г. Вене 24.04.1963 г. // Международное публичное право. Сборник документов. Т. 1. М.: БЕК, 1996.
5. Дипломатическая служба. Учебное пособие / Под ред. А.В. Торкунова. М., 2002. С. 127.
6. О внешнеполитической службе («Servicio exterior»): Закон Аргентины от 22 мая 1975 г. № 20957 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел и вероисповедания Аргентинской Республики (Ministerio de Relaciones Exteriores y Culto República Argentina). 2013. Режим доступа: <http://www.mrecic.gov.ar>.
7. О дипломатической службе: Закон Республики Армения от 21 октября 2001 г. № 3Р-249 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Армения (Հայաստանի Հանրապետության արտաքին գործերի նախարարություն). 2013. Режим доступа: <http://www.armenforeignministry.am/>.
8. О дипломатической службе Республики Казахстан: Закон Республики Казахстан от 7 марта 2002 г. № 299-ІІ [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Казахстан (Қазақстан Республикасының Сыртқы істер министрлігі). 2013. Режим доступа: <http://www.mfa.kz/>.
9. О дипломатической службе Кыргызской Республики: Закон Кыргызской Республики от 28 июня 2002 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Кыргызской Республики (Кыргыз Республикасынын Тышкы Иштер Министрлиги). 2013. Режим доступа: <http://www.mfa.kg>.
10. О дипломатической службе: Закон Республики Молдова от 27 декабря 2001 г. №761-XV [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел и европейской интеграции Республики Молдова (Ministerul Afacerilor Externe si Integrării Europeane al RM). 2013. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.md>.
11. О дипломатической службе: Закон Республики Таджикистан от 5 ноября 2002 г. № 726 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Республики Таджикистан (Вазорати Корҳои Хориҷии Ҷумҳурии Тоҷикистон). 2013. Режим доступа: <http://www.mfa.tj>.
12. О дипломатической службе: Закон Туркменистана от 19 декабря 2000 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Туркменистана (Türkmenistan Dışarı İşler Bakanlığı). 2013. Режим доступа: <http://www.mfa.gov.tm>.
13. О порядке предоставления дополнительных гарантий сотрудникам дипломатической службы, работающим в иностранных государствах со сложной общественно-политической обстановкой и в государствах, которые находятся в условиях чрезвычайного положения или в состоянии вооруженного конфликта: Постановление Правительства Российской Федерации от 3 июня 2011 г. № 438 // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 24. Ст. 3492.
14. О дипломатической службе: Закон Украины от 20 сентября 2001 г. № 2728-III [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Украины (Міністерство закордонних справ України). 2013. Режим доступа: <http://mfa.gov.ua>.
15. Закон о дипломатической службе Филиппин 1991 г.: Республиканский Закон Филиппин от 19 сентября 1991 г. №7157 [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Филиппин (Kagawara №g UgNayaNg PaNlabas). 2013. Режим доступа: <http://www.dfa.gov.ph/>.
16. О дипломатической службе: Закон Эстонии от 10 мая 2006 г. [Электронный ресурс] // Сайт Министерства иностранных дел Эстонии (Välisministeerium). 2013. Режим доступа: <http://www.vm.ee/>.
17. Об учреждении нагрудного знака «За отличие» Министерства иностранных дел Российской Федерации: Приказ МИД России от 6 июля 2010 г. № 18356 // Бюллетень нормативных актов федеральных органов исполнительной власти. 2010. № 37.
18. О порядке присвоения и сохранения дипломатических рангов и об установлении месячных окладов федеральным государственным гражданским служащим с соответствии с присвоенными им дипломатическими рангами: Указ Президента Российской Федерации от 15 октября 1999 г. № 1371 // Собрание законодательства Российской Федерации. 1999. № 42. Ст. 5012.
19. Об утверждении Положения об условиях выплаты премии за выполнение особо важных и сложных заданий, материальной помощи, единовременной выплаты к ежегодному оплачиваемому отпуску, иных видов поощрения федеральным государственным гражданским служащим центрального аппарата Министерства иностранных дел Российской Федерации и территориальных органов - представительств Министерства иностранных дел Российской Федерации на территории Российской Федерации: Приказ МИД России от 29 марта 2010 г. № 3934 // Российская газета. 2010. № 124.

XVIII Шишкинские чтения: «Национальный человеческий капитал: морально-этическое измерение»

23 декабря 2012 г. в МГИМО(У) МИД России прошли XVIII «Шишкинские чтения», которые традиционно проводятся кафедрой философии МГИМО в память известного российского философа А.Ф. Шишкина, основателя кафедры философии МГИМО. Непосредственным поводом для выбора темы обсуждения стала недавняя публикация труда А.И. Подберезкина «Национальный человеческий капитал». Следует оговориться, на встрече речь шла не о презентации или анализе работы, а об обсуждении темы. В этой связи, учитывая исконную этическую направленность чтений, в этом году их участникам было предложено поразмышлять над темой: «Национальный человеческий капитал: морально-этические измерения». Вниманию читателей предлагаются выступления А.В. Шестопада, О.В. Гаман-Голутвиной, С.А. Кравченко, К.М. Долгова, В.С. Глаголева, В.И. Коннова, Н.В. Литвака, Е.А. Лукьянченко, А.М. Корнеевой, М.И. Репиной, М.А. Мунтяна, М.В. Силантьевой, Е.В. Неверовой, Т.В. Панфиловой, М.А. Шишкина.

Национальный человеческий капитал в современной России: проблемы и перспективы

А.В. Шестопад

Тема XVIII Шишкинских чтений «Национальный человеческий капитал: морально-этические измерения» была подсказана выходом фундаментального труда одного из ведущих ученых МГИМО А.И. Подберезкина «Национальный человеческий капитал». Во-первых, в этой работе затронуты многие нравственные проблемы современного общества на разных уровнях – глобальном, региональном и национальном, что соответствует традиции Шишкинских чтений. Во-вторых, мы непосредственно продолжаем тему предыдущих чтений «Элиты и нравственность», поскольку один из томов А.И. Подберезкина имеет подзаголовок «Эволюция идеологии российской политической эли-

ты (1990–2011)». Хочу специально подчеркнуть: речь сейчас идет не о презентации и обсуждении авторского труда (к тому же незавершенного, поскольку ожидается публикация еще двух томов), а об обсуждении темы. Вместе с тем я хотел бы привлечь внимание участников наших чтений к ряду вопросов, затронутых в работе А.И. Подберезкина и представляющих интерес для нашей дискуссии.

Книги А.И. Подберезкина привлекли меня тщательным анализом истоков кризисного состояния, переживаемого российским обществом на рубеже XX–XXI вв., и реалистическим видением перспектив национального развития на фоне развития мирового сообщества. В основе

Шестопад Алексей Викторович – д. филос. н., профессор, заведующий кафедрой философии МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Материалы чтений к публикации подготовлены **Медведевой Светланой Михайловной** – к.полит.н., доцентом кафедры философии МГИМО(У) МИД России. Материал подготовлен при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, проект № 12-06-00869.

■ Философия

авторского подхода – проблема ценностей, глубокая уверенность в том, что только восстановление традиционных ценностей русского общества, его духовности, нравственности, культуры дает основу для стабилизации и интенсивного развития.

Работа А.И. Подберезкина строится на прочном фундаменте – концепции «фазового перехода» современного мирового сообщества от постиндустриального (информационного) этапа к этапу культурно-духовному (интеллектуально-духовному), где первенствующую роль играют уже не экономические, финансовые, технологические показатели, а достижения культурные, духовно-нравственные, тесно связанные с состоянием религии, искусства, науки, образования, здравоохранения.

Творческий потенциал общества, опирающийся на творческий потенциал личности, историческое культурное наследие страны, духовное единство народа – таковы, по мнению автора, важнейшие ресурсы на новом витке мирового развития. Существенным методологическим достижением автора является единство и взаимодополняемость формационного (фазового) и цивилизационного подходов, к сожалению, нередко противопоставляемых друг другу. В центре исследования нового этапа развития мирового, региональных и национальных сообществ стоит проблема национального человеческого капитала (НЧК), тщательно разработанная А.И. Подберезкиным с опорой на многочисленные индексы, принятые в отечественной и зарубежной статистике, данные социологических исследований и т.д. Основой национального человеческого капитала автор считает базовые духовные ценности национальной культуры, в соответствии с которыми может происходить нравственное совершенствование личности. Так, пишет автор, по справедливому утверждению Патриарха Кирилла, «нравственное, духовное изменение самого себя является главным залогом и основанием для преобразования жизни общества, народа, страны».

Острой критике подвергнуты гиперэкономические и гиперполитические подходы, уповающие на самодовлеющее значение экономических либо политических институтов и технологий. В частности, весьма интересен анализ ценностной составляющей (либо ее отсутствия) концепций парламентарной демократии и гражданского общества. Основную надежду А.И. Подберезкин возлагает на воспитание творческой личности – основы «креативного класса», ведущей силы национального подъема. Мне близки его размышления о роли Университета в формировании такой творческой личности, о расширяющемся диалоге Университета и Церкви.

Органичный алгоритм развития национального человеческого капитала в условиях глобализации предполагает высокую степень сохранения национальной традиции и системы ценностей при максимальной восприимчивости инноваций. Перекос в ту или иную сторону ведет либо к исчезновению национальной идентичности (в конечном счете, нации и государства), либо к консервации национальной традиции, стагнации. Возрастание национального человеческого капитала, создание условий, обеспечивающих максимальное развитие творческих способностей личности должно быть, по мнению автора, центральной составляющей национальной идеи в современной ситуации.

Разработка такой национальной идеи должна опираться на научный анализ, но и включать в себя свободный выбор политической воли, нравственный подвиг, акт веры. Автор внимательно анализирует мировой опыт удачных модернизационных проектов за последние десятилетия, обеспечивших быстрый рост национального человеческого капитала – в Китае, Индии, Бразилии. При всем отличии традиционных и инновационных элементов в этих странах их успехи основаны на творческом подходе, исключающем слепое копирование чужих образцов.

К числу важных вопросов, связанных с национальным человеческим капиталом и тщательно проанализированных в работе А.И. Подберезкина, относятся вопросы:

- духовно-нравственного состояния национальных элит;
- соотношение «креативного класса» и традиционной интеллигенции, «креативного класса» и «среднего класса»;
- участие власти и гражданского общества, политических партий и сетевых мобилизаций, университетов и конфессий в сохранении и умножении НЧК.

Большое внимание уделено значению НЧК в современных международных отношениях, обеспечении национальной безопасности, лидерства страны в региональной и мировой политике. По этим и многим другим вопросам автор ведет полемику с отечественными и зарубежными оппонентами, опираясь на весь свой многолетний опыт ученого и политика. При всей научной фундаментальности работа А.И. Подберезкина носит очень личностный характер. Автор приглашает читателей к размышлению, к спору, к действию. Я уверен, что труд А.И. Подберезкина вызовет широкий резонанс, выходящий далеко за рамки академического сообщества.

Shestopal A.V. National human capital in modern Russia: problems and prospects.

Переоткрытие человеческого капитала в сложном обществе

С.А. Кравченко

Термин «человеческий капитал» появился сравнительно недавно. В научный оборот его ввел Г. Бейкер. В 1964 г. он написал работу, которая так и называлась «Человеческий капитал». Как изначально определялся «человеческий капитал»? Под человеческим капиталом автор подразумевал прагматизм – прежде всего престижное образование, которое позволяло получить повышенный спрос на рынке труда. Надо сказать, что такой подход до сих пор используется в науке, особенно в экономике. Человеческий капитал определяется по годовому приросту объема производства. А иногда еще проще: по уровню ВВП.

Какой существенный недостаток у этого подхода? Это, естественно, односторонний экономически детерминизм. Определять так социальный капитал, особенно капитал человеческий, просто нельзя. Поэтому на фоне этой критики сразу же появились подходы, в рамках которых стали говорить: «Есть еще и политический, и социальный капитал». Политический капитал стали понимать исходя из уровня участия людей в политической жизни страны. Тут же подсутились психологи и тоже стали вносить свою лепту в определение человеческого капитала. И прежде всего я хотел бы назвать здесь пирамиду А. Маслоу, согласно которой, чем больше людей поднимается по этой пирамиде, тем выше человеческий капитал в той или иной культуре.

Недостатки этих подходов были замечены выдающимся современным социологом П. Бурдье. Как известно, он написал целый ряд работ, которые посвящены проблематике капитала, в том числе человеческого капитала. Этот мыслитель исходит из того, что человеческий капитал многогранен, его нельзя свести к тому или иному аспекту. П. Бурдье выделил четыре основные формы капитала (это не значит, что нет других):

- 1) капитал социальный;
- 2) капитал символический;
- 3) капитал экономический;
- 4) капитал культурный.

Нет надобности приводить их определения, так как все они есть в известных работах П. Бурдье, равно как и в социологических учебниках. Принципиальная значимость метода П. Бурдье состояла в том, что он показал, как эти капиталы могут конвертироваться друг в друга. Если иметь экономический капитал, то запросто можно обрести и политический капитал. А если есть политический капитал, то его легко конвертировать в капитал экономический. Но, по П. Бурдье, есть только один капитал, который категорически не подлежит конвертации, – это культурный капитал. Все можно обменять, а культурный капитал – нет. Если сам трудиться не будешь, не будешь получать образование, ты его просто не приобретешь. Поэтому в социальном капитале П. Бурдье особое влияние уделял культурному капиталу.

Сейчас происходит бум переоткрытия человеческого капитала. Если мы посмотрим тематику как европейских, так и всемирных социологических конгрессов, там всегда присутствуют сессии, посвященные человеческому капиталу, на которых обсуждается проблема инновационных подходов к человеческому капиталу. С чем это связано? По мнению подавляющего большинства современных социологов, общество вступило в совершенно новое качество – качество сложности. Наш выдающийся академик Н.Н. Моисеев написал известную работу, которая называется «Расставание с простотой». Я не буду сейчас ее пересказывать, но обозначу тезисно ряд моментов:

– во-первых, впредь будущее не предугадано, и его детально определить нельзя. Будущее представляет собой возможность выбора из многих альтернатив. Раньше никогда об этом не говорилось;

– во-вторых, нужно иначе посмотреть на достижения техники и технологии. Под углом зрения ценностей того, что имеет место не просто техника как таковая, а нужна техника, которая была бы востребована человеком в гуманистическом плане.

Эти идеи Моисеева и других современных социологов так или иначе присутствуют в понимании того, что есть социальный капитал сегодня. Я тезисно назову некоторые позиции, которые прозвучали на последних европейских и всемирных социологических конгрессах. Это прежде всего суждения У. Бека, озвученные на последнем европейском конгрессе, на сессии, которая называлась «Общество риска двадцать пять лет спустя». Как известно, буквально двадцать пять лет назад У. Бек написал книгу «Общество риска». Так вот, за двадцать пять лет, с точки зрения самого У. Бека, произошли такие изменения, что это заставило его написать новую книгу, которая бы учитывала эти новации. Она была презентована на этом форуме. Эта книга называется «Мировое общество риска», в которой автор говорит, что он пересматривает многие свои положения. Не потому, что они были неправильны для того времени. Для того времени они были верны. А потому, что мы вступили в совершенно новое общество. И это мировое общество риска характеризуется тем, что появились принципиально новые риски. И все эти риски выходят на проблематику человеческого капитала. Этих рисков три:

– эти риски делокализованы, они не находятся в каком-либо конкретном пространстве. Как только они возникают, они сразу же приобретают глобальный характер;

– эти риски неисчислимы. Посчитать их, измерить в экономическом эквиваленте абсолютно невозможно;

– эти риски некомпенсируемы. Вмешательство людей, особенно попытки некоторых современных ученых вторгнуться в генетику человека, может привести к таким необратимым

последствиям, которые компенсировать будет невозможно. Сказанное касается и климатических изменений. Все это, конечно, выходит на проблематику человека.

К проблемам климата в контексте его влияния на судьбу человеческого капитала обратился другой выдающийся современный социолог – Э. Гидденс. В одной из последних работ, которая называется «Политика климатических изменений», он обосновывает эффект, который нескромно назвал «эффектом Гидденса». Суть эффекта заключается в том, что люди не соизмеряют свои действия с возможными негативными последствиями для человечества, для человеческого капитала в самом ближайшем будущем. И это происходит, по мнению Э. Гидденса, как на микро-, так и на макроуровне. Он приводит такой пример. Подросток, юноша или девушка курит. И все прекрасно знают, что курить вредно. Но что значит вредно курить? Сегодня последствия неощутимы, завтра также, через три года они вряд ли проявятся. А вот через 15–20 лет, возможно, они дадут о себе знать. Но уже произойдут те необратимые изменения, которые поправить будет очень и очень сложно.

Но Э. Гидденс, конечно же, тревожит не то, что какой-то подросток закурил или выпил. Его интересует более серьезная проблематика – отношение к климату и природе. Это заключается в том, что все современные политики прекрасно понимают, что так жить нельзя, так хищнически относиться к природе нельзя. Но все исходят из того, что мне сейчас хорошо, я какие-то дивиденды политические, экономические получу. А то, что будет через 10–15 лет, с этим будут разбираться другие политики. Но другие люди могут уже не разобраться, потому что происходят необратимые изменения.

По этому же поводу выпустил книгу и презентовал ее на том же форуме Дж. Урри. Он радуется за три поворота в общественных науках:

– первый поворот – это сложности;

– далее – это поворот мобильности, предполагающий, что надо совершенно иначе посмотреть на миграцию, на мобильность мест. Раньше эту проблематику никто не изучал. Никому и в голову не приходило, что места могут двигаться;

– наконец, это ресурсный поворот, на котором необходимо остановиться несколько подробнее. Проблема заключается не в том, что где-то теплеет или холодает. Проблема в том, что происходит турбулентция климата, и люди должны понимать, что климатические изменения, которые происходят, должны стать в центре социологической науки. Сама социология осмыслить эти проблемы не может. Социология этими проблемами никогда не занималась, и сейчас она выходит на сотрудничество с естественными науками. Поэтому Дж. Урри радуется за интеграцию социологии с естественным знанием. Первые социологии стремились, как известно, отпочковаться и от философии, и от естественных наук. Сейчас имеет место обратный поворот.

Еще один момент, на котором я хотел бы остановиться, имеет прямое отношение к человеческому капиталу. Это эффект «нормальных аварий», который обосновал Ч. Перроу, обосновал достаточно давно, десятилетия назад. В прошлом году он выпустил книгу, которая называется «Следующая катастрофа», где говорит, что эффект нормальных аварий пришел в нашу повседневную жизнь. В чем суть нормальных аварий и как могут быть вообще аварии «нормальными»? Авария не может быть нормальной по определению.

Почему же идет речь о нормальной аварии? Ч. Перроу ведет речь о нормальной аварии в том контексте, что предрасположенность к нормальным авариям характерна для сложных систем, имеющих тенденцию внутреннего саморазвития. И вот это внутреннее саморазвитие, которое зависит только от системы, а не от внешнего фактора, порождает другую сложную причинность. Она выражается в том, что причиной нормальных аварий может стать внутреннее саморазвитие систем. Предугадать возможность такой нормальной аварии почти невозможно. Они, по существу, являются результатом развития новых сложных технологий. С этими нормальными авариями нужно как-то жить.

Что в сухом остатке? Современные социологи, обществоведы повернулись к тому, что для сохранения человеческого капитала, для его приумножения необходима интеграция социальных и естественных наук. Правильно? Да, правильно. Но, на мой взгляд, этого недостаточно. К этому союзу естественных и социальных наук необходимо добавить еще один компонент – союз с гуманитарными науками. Без гуманитарного знания решить эти проблемы просто невозможно.

И особенность российской социальной науки состоит в том, что у нее всегда был гуманитарный стержень. Это характерно и для трудов П.А. Сорокина, и для трудов тех ученых, имена которых были названы сегодня: А.Ф. Шишкина, Г.П. Францева, Г.К. Ашина, А.И. Подберезкина.

В чем квинтэссенция труда Алексея Ивановича? Это три составляющих человеческого капитала:

– первое – это идеология русского социализма;

– второе – это качественное развитие институтов, и прежде всего института государства в направлении поворота лицом к человеку;

– и третье – это формирование креативного класса. С его точки зрения, этот интегральный подход дает понимание человеческого капитала.

Я полностью согласен с этой концепцией. Но тем не менее предлагаю свою концепцию человеческого капитала, которую изложил в своей книге «Становление сложного общества». Она несколько иная:

– это сетевая модель гуманистического капитала. Очень кратко. Почему сетевая? Потому что современное сложное общество – общество сетевое, и мы должны в этом контексте учитывать все компоненты нашего капитала. Как часть нашего национального капитала, мы должны рассматривать, например, тех представителей, которые находятся за рубежом. Мы также должны переосмыслить роль тех людей, которых никогда не считали социальным капиталом, например, лиц, отбывающих наказание в тюрьме. Это тоже наш капитал, особенно в контексте его использования. Длительное время мы не рассматривали как капитал инвалидов. А количество инвалидов растет, и нужно не просто им дать экономическую помощь, а задействовать их так, чтобы они органично вошли в нашу жизнь;

– вторая составляющая моей концепции: я делаю акцент на гуманистической составляющей. Дело в том, что все проходившие модернизации, будь то в нашей стране, будь то в других странах, были модернизациями технологического плана. С моей точки зрения, мы дошли до такой черты, что нам нужна не просто модернизация, а гуманистическая модернизация в интересах развития человеческого капитала;

– и, наконец, чтобы возродить российский человеческий капитал, нам необходимо утверждение принципиально нового мышления – нелинейно-гуманистического. Мышления, которое схватывало бы эти сложности социальных реалий, с одной стороны, а с другой – было бы ориентировано на решение собственно гуманистических проблем человека.

Kravchenko S.A. The rediscovery of the human capital in a complex society.

Человеческий капитал в экономике знаний: управленческий аспект

О.В. Гаман-Голутвина

Полагаю, что постановка вопроса об обсуждении концепта и прикладных измерений человеческого капитала никак не противоречит пониманию человека как «меры всех вещей» (Протагор) и признанию роли человека как творца культуры. Думаю, нет необходимости специально аргументировать тезис о том, что феномен человека многогранен и может рассматриваться в значительном числе контекстов, в том числе как ресурс, фактор и измерение социального и/или экономического развития, или в формате «человеческого капитала».

Обсуждение феномена человеческого капитала актуализировано тем фактом, что именно качество человеческого капитала (или потенциала; эти понятия не вполне тождественны, однако в данном случае их можно использовать как близкие) – важнейшее условие обеспечения конкурентоспособности государства. Именно надлежащее качество человеческого капитала (или человеческого потенциала) является важнейшей предпосылкой создания и эффективного функционирования «экономики знаний» (knowledge based economy). Понятие «человеческий потенциал» вошло в оборот в контексте формирования в 1990-х гг. концепции устойчивого развития. Эксперты Программы развития Организации Объединенных Наций (ПРООН) с 1990 г. ежегодно публикуют Доклады о развитии

человека с целью измерения человеческого потенциала на основе соответствующего индекса (Индекс развития человеческого потенциала, ИРЧП), сравнения показателей развития различных стран и определения тенденций социально-экономической политики. В Российской Федерации такого рода исследования проводятся с 1995 г. представительством ПРООН.

Пристальное внимание к изучению человеческого измерения социально-экономического развития определено тем, что в информационном обществе именно интеллектуальный потенциал является ключевым фактором обеспечения эффективности функционирования социальной системы. Во всяком случае, об этом свидетельствует опыт развития лидеров современного мира, анализ которого показывает, что лидеры конкурентоспособности идут именно этим путем. Примером эффективной политики в плане развития человеческого капитала может служить политика США в 1990-х гг. по созданию knowledge based economy посредством инвестирования в человеческий капитал. В этом контексте заслуживают упоминания действия администрации Б. Клинтона, заявившей о необходимости «изобрести государство заново» и предпринявшей усилия по пересмотру приоритетов государственной политики в рамках широкомасштабных реформ государственного управления.

Гаман-Голутвина Оксана Викторовна – д.полит.н., профессор, заведующая кафедрой сравнительной политологии МГИМО(У) МИД России, президент Российской ассоциации политической науки (РАПН).
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Ключевым направлением этих реформ (наряду с созданием электронного правительства, сокращением и удешевлением содержания госаппарата) стали меры по стимулированию новой экономики посредством развития человеческого потенциала. В частности, были значительно увеличены ассигнования на эти цели. Если в 1990 г. совокупные расходы, в той или иной мере затрагивающие социальное развитие, составляли 49,4% федерального бюджета США, то к 2000 г. этот показатель достиг 62%. Администрация Дж. Буша, увеличившая военные расходы до 3,8% ВВП, вместе с тем увеличила и расходы на социальные цели (политика «сострадательного консерватизма»).

Нехарактерный в целом для традиционной политики республиканцев рост доли федерального бюджета в ВВП США с 18,5% в середине 1990-х гг. до 20,3% к 2004 г. в немалой мере был обусловлен увеличением направленных на развитие человеческого потенциала гражданских программ бюджета. Они возросли на 36%. Газета «Лос-Анджелес таймс» констатировала в феврале 2005 г.: «Республиканцы сегодня не спорят с демократами о том, какое правительство необходимо США: большое или маленькое. Они спорят о том, каким должно быть большое правительство». Иракская кампания и ряд иных неблагоприятных обстоятельств побудили администрацию Буша снизить социальные расходы, однако даже впоследствии их доля в бюджете оставалась весомой. Именно рост социальных расходов, направленных на развитие человеческого потенциала, стал главным фактором роста госрасходов в экономически развитых странах.

В середине 2000-х гг. социальные расходы в развитых странах достигли рекордных показателей. В середине 2000-х гг. на них приходились 40% ВВП Швеции, 36,8 % – Франции, 35,2% – Германии, 21,6 % – США. Безусловным лидером в этом отношении являлись США. Начиная с 1997 г. на социальные цели ежегодно выделялись значительные суммы – свыше 1 трлн долл. Ежегодные социальные расходы федерального бюджета США в 1990–2004 гг. возросли в 2,4 раза и составили 1,5 трлн долл. При этом главным фактором увеличения доли государства в ВВП развитых стран был рост именно социальных расходов, достигших, например, в Германии 18% ВВП, в других крупнейших европейских странах – 13%, в США – 7% ВВП. Социальные трансферты в докризисный период охватывали подавляющее большинство (от 50 до 90%) населения развитых стран. В среднем по Европейскому союзу этот показатель составлял 73%. Конечно, экономический кризис 2008–2009 гг. внес существенные изменения в эту динамику, однако кризис – фактор экстраординарный, и потому детерминированные им характеристики не могут рассматриваться в качестве системных.

Характерно, что рост доли госбюджета в структуре ВВП отмечался также в странах «третьего мира», хотя это соотношение отли-

чается от стандарта развитых стран: из 25% мирового ВВП, которые составляли госрасходы в докризисный период, около 90% приходились на развитые государства (в которых проживает примерно 15% населения). Ни одна страна ОЭСР с высокими доходами не тратит менее 5% своего ВВП на нужды общественного здравоохранения и, как правило, ассигнует более 4% на цели здравоохранения своего ВВП. Средний уровень расходов на образование в структуре ВВП у стран с высоким уровнем развития человеческого потенциала составляет 4,8%, у стран со средним уровнем – 4,2%, в странах низкого уровня – 2,8%. Важной причиной значительной доли государственных расходов в ВВП стало осознание того факта, что именно качество человеческого капитала является ключевым условием конкурентоспособности (неслучайно из примерно 10 критериев конкурентоспособности менее половины имеют чисто экономический характер).

Рассмотрение затрагиваемых проблем в более широком контексте показывает, что стимулирование «экономики знаний» соответствует современному пониманию технологий эффективного экономического развития. Известно, что современный экономический рост отличает приоритетная роль интеллектуализации производства – интенсивность НИОКР определяет уровень экономического развития. Согласно прогнозам экспертов, в XXI в. интеллектуализация труда станет главным фактором глобальной конкуренции. На долю новых знаний, воплощаемых в технологиях, оборудовании, образовании кадров и организации производства, в развитых странах приходится 70–85% прироста ВВП. В этой связи не случаен постоянный рост доли расходов на науку и образование в ВВП развитых стран, которая сегодня составляет 3%; при этом доля государства в этих расходах составляет 35–40%. Высокая степень участия государства в стимулировании НТП обусловлена спецификой инновационных процессов (значительная капиталоемкость научных исследований и высокая степень риска, зависимость от степени развития общей научной среды и информационной инфраструктуры, специфика требований к квалификации кадров, необходимость защиты интеллектуальной собственности и т.п.).

В этой связи возрастание роли государства в политической и общественной жизни западных стран не в последнюю очередь обусловлена его ролью в обеспечении НТП. В случае России возрастание значения интеллектуализации экономики приобретает еще большее значение, так как внедрение новых технологий, освоение которых обеспечивает экономический рост, является эффективным инструментом преодоления системного экономического кризиса. Это означает насущную востребованность инвестиций в человеческий капитал, являющийся основанием «экономики знаний».

■ Философия

Что касается отечественных реалий, то в нашей стране осознание значимости качества человеческого капитала пока не стало императивом практической политики – на протяжении 1990-х гг. приоритетным объектом редукции выступала именно социальная сфера – здравоохранение, образование, фундаментальная наука, социальное обеспечение. В этом направлении работали также осуществленные в начале 2004 г. реформы, предполагавшие широкомасштабную маркетизацию социальной сферы и сокращение ее государственного финансирования. Поэтому полагаю, что масштабное исследование А.И. Подберезкина крайне актуально и может сыграть значимую роль в переосмыслении приоритетов реальной российской социально-экономической политики, определенно может способствовать преодолению устаревших установок социально-экономической политики, доставшихся в наследство от ушедшей эпохи, когда о России говорили как о стране, «обреченной носить выброшенные Европой шляпки». Достоинством исследования А.И. Подберезкина является фундаментальный анализ всего комплекса характеристик человеческого капитала, а также условий, предпосылок и технологий создания и развития человеческого капитала на глобальном уровне и в России.

Несколько слов о сущности обсуждаемого концепта. В течение последних лет в литературе активно используется целое семейство понятий, так или иначе определяющих человеческое измерение социального процесса. В частности, используются такие понятия, как «человеческий потенциал», «человеческий фактор», «человеческий ресурс» и др. В качестве одной из последних по времени работ хочу назвать кол-

лективную монографию «Человеческий капитал российских политических элит», изданной в рамках «Библиотека РАПН» под редакцией Е.Б. Шестопа и А.И. Селезневой в издательстве РОССПЭН. В подготовке этой книге мне также довелось участвовать.

Авторы книги отмечают, что понятие «человеческий капитал» является естественным развитием и обобщением понятий «человеческий фактор» и «человеческий ресурс», однако при этом является более широкой категорией. Проведенное авторским коллективом исследование показало, что, несмотря на общность ряда свойств, таких, как ликвидность, способность к накоплению, включенность в процессы воспроизводства и возрастания стоимости, аналогия между человеческим и материальным капиталом не может быть полной. В числе наиболее значимых специфичных характеристик человеческого капитала отмечаются его неразрывная связь с человеком, возможность эффективного использования не только в рыночном, но и в нерыночном секторе и способность приносить прибыль как в денежной, так и в неденежной форме.

Упомянутое исследование, как и работа А.И. Подберезкина, показывает, что концепция человеческого капитала играет важную роль для развития не только экономической науки, но и всего комплекса общественных исследований, поскольку открывает теоретико-методологические возможности для изучения человеческого «измерения» социально-экономических процессов, анализа зависимости их характера и динамики от человеческой природы и активности.

Gaman-Golutvina O.V. Human capital in the knowledge economy: administrative aspect.

Человеческий капитал и культура

К.М. Долгов

Я очень рад участвовать в ежегодных Шишкинских чтениях, потому что я лично знал Александра Федоровича. Я работал тогда в журнале «Коммунист», в отделе философии, в отделе культуры. Ему лично я заказывал целый ряд статей, которые мы с огромным удовольствием публиковали и которые вызывали большой общественный резонанс. Это были незабываемые встречи. Внутри редакции его называли благородным человеком. Как Конфуций развивал учение о благородном муже, так вот и это был благородный человек во всех отношениях, поражающий эрудицией, знаниями, честностью, достоинством. Думается, что не только МГИМО, но и вся наша философия может гордиться таким человеком. Это был настоящий ученый в самом высоком смысле этого слова. Теперь относительно нашей темы. В 1960-х гг. я написал работу «Анализ современного философско-эстетического и этического сознания», в которой преимущественно рассматривалась западная философия, но затрагивалась также и отечественная мысль. И уже тогда проявились те черты, которые сейчас стали особенно заметными в мире в целом и в России в частности. Прежде всего, обращает на себя внимание лживость, сфальсифицированность идей, идеалов, устоев, нравов и т.п. Я не говорю уже о нравственности, которая, по существу, отсутствует. Древнегреческая мысль выработала две основополагающие идеи. Во-первых, это идея демократии, которая существует до сих пор, но которая полностью фальсифицирована. То, что сейчас называют демократией в большинстве стран мира, имеет мало общего с настоящей демократией. Во-вторых, это идея равенства всех перед законом. К сожалению, эта идея не была развита, начиная с Древней Греции и позже.

Поэтому сейчас невозможно найти ни одного государства, где бы действительно существовало равенство всех граждан перед законом.

В развитие этой мысли можно сказать, что если демократия построена на фальшивых идеях и фальшивых идеалах (речь идет прежде всего об идеях максимальной прибыли, денежных отноше-

ний и т.п.), а не на божественных идеалах, бессмысленно говорить о свободе, справедливости, духовности, культуре, о каких-либо высших человеческих ценностях – истине, добре, красоте и т.д.

В России происходит то же самое. Как относиться к тем людям, которые начинали перестройку: Горбачеву, Ельцину и их преемникам? Советский Союз был величайшим историческим экспериментом. И он был разрушен теми людьми, которые клялись в верности марксизму-ленинизму, социализму и коммунизму, которые построили на этом карьеру, а потом предали свое дело. К этим людям можно относиться только как к изменникам. Я об этом писал в целом ряде своих работ и полемизировал открыто. Я упрекал лично Горбачева в его присутствии.

Относительно человеческого капитала. Я категорически не согласен с прозвучавшими определениями. Ни с человеческим капиталом, ни с человечески фактором, ни с другими категориями, которые применяются к человеку как таковому. Человек – это субъект и объект культуры. Если мы берем западноевропейскую мысль, русскую мысль, то мы увидим, что действительно в основе всего всегда лежала высочайшая культура. Культуру не определяет ни политика, ни экономика. Наоборот, это культура всегда определяла другие сферы жизнедеятельности. Поэтому те революции, которые происходили в Западной Европе и у нас, были великими революциями в культуре. Сорокин говорил, что за всю историю человечества были три-четыре настоящих революции. И это были революции культуры, революции духа.

Недостаток всех политических систем и всех политических режимов, как в Западной Европе, так и в России, по сей день состоит в том, что они не основываются на высочайшей культуре. А если это так, тогда нельзя выработать политическую волю правящих слоев и самого народа. Потому что ни у правящих слоев, ни у народа нет веры в то, что они делают и должны делать. А веры недостает, потому что недостает культуры, которая лежит в основе всех социальных построений, всех

социальных преобразований, всех социальных модернизаций.

Недавно я опубликовал статью и интервью об оптинском старце Амвросии. В своей корреспонденции, которая вышла несколько лет назад, он говорит, что все обращено на культ тела, культ силы, культ какого-то совершенно дикого волюнтаризма. И только человеческая душа остается где-то в стороне, где-то блуждает, остается без всякого внимания человека и человечества. И это величайшая пагуба, которая может привести человечество к катастрофе. Это действительно так.

Недавно я вернулся из Греции, где целую неделю жил на Афоне, общался со старцами Афона именно о духовном возрождении современного мира, а не только России. Надо было слушать эти беседы, надо было слышать, что говорят эти люди, которые отдают свою жизнь выработке внутренней духовной структуры человека, человеческой души, что составляет суть и основу любой культуры. Без этого все остальное – миражи.

Dolgov K.M. Human capital and culture.

Культура творчества – условие расцвета России

В.С. Глаголев

Шишкин А.Ф. отличало неустанное образование и самообразование. И постоянное преломление их результатов в жизни и в науке. Он не был человеком, склонным уходить в джунгли абстрактных хитросплетений. Не склонен был «жить на облаках», что досужая молва обычно приписывает философам и преподавателям философии. Его отличало постоянное стремление соотносить результаты обобщений с реальными тенденциями общественной жизни, определять и оценивать степень их устойчивости и целесообразность включения их характеристики в преподавательскую и научную работу. Сегодня, спустя 35 лет, как Александр Федорович ушел из жизни, уместно задаться вопросом: какие соображения внес бы он в обсуждение проблемы формирования креативного класса в современной России? Можно обратить внимание на следующие моменты:

– во-первых, «ять» в слове «Капиталь», вынесенном в заглавие фундаментального труда профессора А.И. Подберезкина, порождает ассоциацию возвращения к дореволюционной орфографии и к наследию К. Маркса. Труд последнего в дореволюционных изданиях публиковался, как известно, с «Ъ»;

– во-вторых, сам опубликованный трехтомник (а предполагается опубликовать и четвертый том) усиливает компаративное направление в восприятии труда основоположника экономиче-

ской теории капитализма XIX в. В данной связи выявляется потребность в конспективном изложении обстоятельной теории для широких слоев читающей публики. Известно, что такая работа была выполнена К. Каутским – авторитетным лидером западноевропейской социал-демократии. В середине XX в. историк А. Тойнби обобщил восемь томов своего развернутого исследования истории в компактном изложении, занявшем отдельный том. В наши дни аналогичным образом вдова А.И. Солженицына – Н.Д. Солженицына – конспективно изложила «Архипелаг ГУЛАГ» в качестве учебного пособия для старшеклассников. Поэтому авторская версия многотомного труда в сокращенном изложении представляется целесообразной;

– в-третьих, возникают вопросы, касающиеся разделения логического и социологического содержания понятия «креативный класс». Если с логической точки зрения выделение особой группы людей, склонных к самостоятельной творческой деятельности и к обращению ее результатов на пользу обществу в разных сферах его жизнедеятельности, вполне приемлемо, то социологическая характеристика креативного класса воскрешает в сознании проблему отношения этой группы к общественной и государственной собственности. Ведь К. Маркс характеризовал классы по этому признаку, следуя идеям французских историков эпохи Реставрации.

В России после 1991 г. государство позволяет получить собственность отдельным группам людей (что проявляется как в действиях, так и в бездействии государственных структур). Оно же отнимает и перераспределяет собственность через сложную сеть нелинейных политико-экономических связей, включая и коррупционную составляющую. Группы сегодняшних российских собственников не имеют сколько-нибудь длительной истории своего участия в общественном производстве; каких-либо общесоциальных функций в организации общественного труда. Они лишь осуществляют распределительную и потребительскую функции, руководствуясь в первую очередь групповыми эгоистическими и личными интересами. Разумеется, чисто властные инструменты осуществления распределения и потребления замаскированы имитацией организационно-управленческой деятельности, в которой определяющим является опять-таки групповой эгоистический интерес.

Двадцатилетняя история злоупотреблений общественным богатством, лишь отчасти засвеченная в бесчисленных судебных исках и процессах, дает примеры исключительной «креативности» представителей этой группы по присвоению общественных ценностей в их материальном и предметно-духовном выражении. Разумеется, простое рейдерство требует камуфляжа. Однако конечный результат выдает сущностные устремления тех, кто присваивает общественные ценности. Последствия известны. Например, в связи с набором рабочих на лесопильное производство в районах Ленинградской области, примыкающих к границе с Финляндией, менеджер лесопильной установки обнаружил, что 20–25-летние парни практически неграмотны: они не могут расписаться – ставят крестик. На территории страны произошла локальная (пока!) утрата достижений общего образования, последовательно осуществлявшихся еще со второй половины 1920-х гг. в связи с кампанией ликвидации неграмотности в СССР. Возникшая ситуация – прямой результат закрытия малокомплектных школ, бездорожья, слабого развития транспортной инфраструктуры.

Переработка древесины в России отмечена доминированием заготовки так называемых «кругляков», то есть древесных стволов, очищенных от сучьев и выдерживающих критерии экспортного стандарта. Их отправляют в ту же Финляндию и получают оттуда в импортных поставках бумагу, мебель и другие продукты деревопереработки. Собственники спешат: «Прибыль – немедленно». Переработка нефти на большинстве наших нефтеперегонных заводов осуществляется на старой технологии. В результате из каждой тонны нефти получается на четверть (а то и на треть) меньше бензина и других составляющих

крекинг-процесса, чем получают на заводах США. Потери неисчислимы. И к тому же факелы попутного газа на сибирских месторождениях продолжают «отапливать космос», как и 50 лет тому назад.

По сообщениям российской печати, отечественная электронная промышленность обеспечивает лишь на 12,5% потребности наших систем высокой информационной и технологической точности. Это преимущественно потребности российских стратегических сил и сопутствующего их обеспечения. Остальное приходится закупать дорогой ценой и с рисками отказа, сознательно закладываемыми зарубежными изготовителями в электронные изделия определенного типа.

Есть направления, в которых российских креативный класс может проявить себя не только в сфере фундаментальных и прикладных наук, но и в переносе их достижений в отечественный производительный сектор экономики. Нельзя надеяться, что в ближайшие десятилетия чудесным образом исчезнет прямая зависимость бюджетных поступлений от экспорта отечественного сырья. Но сокращение объема этой зависимости путем организации долгосрочной стратегии развития национальной экономики – вот путь освоения российского общественного богатства собственным населением страны.

А.Ф. Шишкин был патриотом Родины. Он защищал ее интересы на красноармейской службе, в организации отечественного образования, в разработке проблем этики как неотъемлемой части отечественного культурного потенциала. Раскрытие его в наши дни предполагает участие творческих людей в организации производительной сферы и всей общественной жизни страны оптимальным образом, обеспечивающим приращение творческой составляющей и последовательной реализации инновационных технологий в системе производства, управления и культуры.

Творить в культуре – это не значит получать наиболее теоретически рациональные и перспективные модели совершенствования общественной жизни. Культурное творчество включает возможность реализации этих моделей в общественной практике. Неотрывность слова от дела, теории вопроса от оптимизации образования отличала творческую жизнь А.Ф. Шишкина. Его пример культуры творчества является исходной аксиомой для учеников и последователей этого выдающегося ученого и педагога.

Glagolev V.S. The culture of creativity - a condition of flourishing Russia.

Экономический и информационный подходы к определению «человеческий капитал»

Н.В. Литвак

Концепции человеческого капитала уже более полувека, и сегодня она довольно часто упоминаема, несмотря на провокационную за это прошедшее время смену типа общества с индустриального на постиндустриальное и информационное. Еще в первой половине XX в. вложения в человека – его воспитание и образование с точки зрения экономических теорий – считались социальными затратами, то есть непроизводительными. К настоящему времени понятие человеческого капитала расширилось и теперь по методике Всемирного банка включает в себя фактически все потребительские расходы – затраты семей на питание, одежду, жилища, образование, здравоохранение, культуру и такие же расходы государства. Поэтому выходит, что из производимого обществом совокупного продукта на накопление человеческого капитала используется уже не четверть, как следовало из теорий начала XX в., а целых три четверти. В абсолютных цифрах к началу нынешнего века стоимость человеческого капитала в США была оценена в 95 трлн долл., или 77% их национального богатства, а в России – 30 трлн долл., или 50%. В этой связи отметим ряд обстоятельств:

1. Если обратиться к классикам экономической теории (А. Смит, Д. Риккардо, К. Маркс), то в целом в классических теориях капитал – это все ресурсы, приносящие доход. При этом капиталом они становятся лишь тогда, когда оборачиваются и приносят сумму, большую по сравнению с первоначально вложенной. Если мы рассмотрим с этих позиций понятие «человеческий капитал», то такие его характеристики, как знания, здоровье или тем более характеристики потребления, то это, по сути, личные качества трудящегося, которые, конечно, характеризуют его, но как товар, продаваемую рабочую силу, а вовсе не самовозрастающую стоимость.

2. Поскольку все-таки употребляется термин «капитал», то есть речь о нем идет в рамках концепции капиталистического способа производства или капиталистической экономики, пусть и в разных ее вариантах, то, может быть, можно найти и в «человеческом капитале» качество самовозрастания? Существует три основных подхода к оценке активов: доходный, рыночный и затратный. В случае с человеческим капиталом предлагается как раз последний: сложить все затраты, которые касаются жизни и деятельности лю-

Литвак Николай Витальевич – к. социол. н., ст. преподаватель кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

дей. Однако ни прямой, ни даже какой-либо относительной связи потребления с доходами от таких «вложений» не наблюдается. Наоборот, эксперты ОЭСР отмечают, что темпы экономического развития очень различаются в странах, где уровень образования примерно одинаковый. Неясно, как быть и с преступниками, которых в каждой крупной стране сегодня сотни тысяч, а то и миллионы, в том числе образованных, и с сотнями миллионов пенсионеров, наконец, с безработными с высшим образованием, число которых постоянно обновляет исторические максимумы?

Отсюда можно заключить, что капитализация каждого отдельного человека и того, что подразумевается под национальным человеческим капиталом, может быть оценена лишь соответственно его персональной зарплатой и совокупным фондом заработной платы в стране. И это потому, что рыночная стоимость чего бы то ни было зависит от спроса – той цены, которую кто-либо в действительности платит за товар или услугу. Это проясняет, почему у нас и во многих других странах человеческий капитал, оцененный по методике Всемирного банка, огромный, а уровень жизни, экономического развития, инфраструктуры и т.д. несравнимо ниже наиболее развитых стран. Потому что нет соответствующего внутреннего спроса на знания, квалификацию и т.п. И касается это не только «человеческого капитала»: в капиталистической экономике любое здание, станок или сырье оцениваются также – приносят они доход или нет. Отсюда огромное и постоянное количество банкротств даже в самых передовых государствах.

3. Концепция человеческого капитала подразумевает качественно новую роль личности вследствие развития ее прежде всего интеллектуальных способностей в современной экономике: человек теперь – все более об-

разованный, созидательный и инициативный, человеческий капитал в целом в современной экономике составляет основную долю национального богатства. И якобы по мере роста количества людей такого нового типа, все чаще определяемых как «креативный класс», доля неквалифицированного труда в ВВП технологически передовых стран уже исчезающе мала.

Однако что в действительности делает, например, такой «белый воротничок» и чуть ли не элита современного бизнеса, как, например, операционист банка? А ведь это массовая профессия. Растут исчисляемые многими и многими миллионами такие категории, как чиновники, военнослужащие, агенты недвижимости, бухгалтеры, страховщики, официанты и др. В реальности только относительно небольшое количество ученых, инженеров, программистов и предпринимателей, которые действительно что-то предпринимают, часть времени расходуют на творческое решение новых проблем, в том числе производство знаний. На деле происходит поляризация трудящихся между небольшим количеством высококвалифицированных творческих кадров и все более массовой низкоквалифицированной занятостью или вообще безработицей.

Таким образом, концепции человеческого капитала, в частности американских авторов, представляют собой слабые в научном отношении теоретические построения, в основном эклектического типа с неразвитым категориальным аппаратом, по сути – близкие к журналистским эссе. Как минимум, необходимы пояснения авторов исследований, какой именно версии капитала они придерживаются при изложении своих результатов.

Litvak N. V. Economic and informational approaches to the definition of "human capital".

Концепция национального человеческого капитала в контексте современного науковедения

В.И. Коннов

Концепция национального человеческого капитала, изложенная в трехтомнике А.И. Подберезкина, в той или иной мере затрагивает весь спектр гуманитарных дисциплин и претендует на то, чтобы заметным образом сдвинуть их с мировоззренческих позиций, на которых они в данный момент находятся. Оценить, как это влияние скажется на развитии отдельных наук, – задача для специалистов, я же попробую взглянуть на концепцию с позиции такого междисциплинарного направления, как науковедение с точки зрения того, как эта концепция может сказаться на теории организации науки.

В принципе науковедение выделяет две основные модели, по которой эта организация может строиться, – условно их можно назвать как либеральная и системная. Последняя исторически напрямую связана с марксистским подходом, в основе которого лежат воззрения известных классиков, полагавших, что наука является частью производительных сил, а значит, развивается вместе с экономикой. Соответственно, как и вся экономика, она должна быть подчинена центральному планированию и ни о какой автономии научного сообщества речи быть не может. Одним из наиболее ярких представителей этой линии был британский химик Джон Бернал, резко выступавший против представлений о «знании ради знания» и указывавший на то, что даже поверхностное ознакомление с историей науки показывает, что основным двигателем ее развития были материальные потребности общества.

Либеральный подход, напротив, утверждает, что наука развивается главным образом в силу особых человеческих устремлений – любознательности, жажды знаний, стремления к самореализации и т.д. Научное сообщество с этой точки зрения является собранием энтузиастов, работающих из своих внутренних мотивов, но при этом периодически

делающих открытия, которые становятся основой переворачивающих мир технологий. Но, поскольку никогда заранее неизвестно, какое научное направление принесет результаты такого рода, общество должно обеспечивать развитие науки по максимально широкому спектру направлений. В рамках этого подхода задача научной политики – обеспечить ученым свободу в выборе исследований и благоприятные условия для занятия любимым делом. Главным идеологом этого подхода был венгерский экономист, а в поздний период своей карьеры – философ Майкл Полани.

Понятно, что в основе советской научной политики лежал марксистский подход, который в 1960-х гг. был дополнен теорией систем в том смысле, что именно данное направление могло обеспечить теоретический аппарат, позволявший строить модели развития науки как процесса. В настоящее время, характеризуя взгляд на науку, рассматривающий ее как составную часть экономики, редко говорят о марксизме – гораздо чаще такой подход именуют системным.

После распада Советского Союза в отечественной научной политике, как и во многих других областях, произошел резкий либеральный поворот. На практике это означало смену приоритетов, которые использовались при обосновании необходимости проведения тех или иных научных исследований. В рамках системного подхода главным аргументом является практическая полезность, при этом она обязательно должна заявляться как гарантированная – вероятная польза в отдаленной перспективе вполне могла рассматриваться как достаточное основание для проведения фундаментального исследования. Либеральная же модель предполагает, что фундаментальная наука не ориентируется на практический результат, а на первый план при обосновании ее целей выходит достоверность. В крайней форме

Коннов Владимир Иванович – к. социол. н., доцент кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

этот критерий был выражен немецким физиком Фридрихом Кольбраушем, который заявил, что был бы доволен, если бы ему удалось точно определить хотя бы скорость течения воды в сточной канаве.

Эта перемена имела самые серьезные последствия для гуманитарных наук. Дело в том, что при таком подходе многие из них фактически теряют право называться науками, что в принципе и происходит в англо-американской научной традиции, где слово «наука» – «science» – не применяется к таким дисциплинам, как психология, филология или философия. Американские советологи в свое время вывели для советской науки «правило меловой доски», согласно которому если для развития какого-либо научного направления достаточно доски и мела, то в Советском Союзе оно скорее всего развито сильнее, чем в США.

В книге «Национальный человеческий капитал» А.И. Подберезкин предлагает путь, двигаясь по которому гуманитарные науки могли бы вернуться на «твердую почву». Связано это с его прямым заявлением о намерении реабилитировать идеологию. Реабилитация заключается в том, чтобы избавиться от того сутубо негативного значения, который оказался связан с этим термином после крушения марксизма. Идеологию предлагается рассматривать как неизбежно существующее смысловое пространство, в котором идет конкуренция. Способность побеждать в этой конкуренции признается столь же, если не более, важной, чем способность завоевывать различные международные рынки.

Автор книги не ограничивается декларациями, он предлагает подробный план составления «Большой стратегии» – свода наиболее общих положений, предназначенного для дальнейших уточнений, интерпретаций и реализации на различных уровнях. Подобный поворот в сторону целенаправленной работы по формированию идеологии может иметь заметные последствия для состояния гуманитарной науки. Если мы признаем, что идеология является частью национального человеческого капитала, к тому же имеющей ключевое значение в контексте международной конкуренции, то это неизменно ведет к появлению государственного заказа на формирование этой идеологии и означает возвращение критерия полезности в обоснование гуманитарных исследований.

Возникновение такой ситуации неизбежно повлечет за собой оживление опасений, связанных с новой идеологизацией науки, прояснить же ситуацию с подобными рисками может как раз науковедение. Последние три десятилетия это направление развивается в выраженном антипозитивистском ключе и оставляет все меньше оснований для утверждения ценностной нейтральности науки. По мнению целого ряда авторов, отсчет которому ведется, как правило, с Томаса Куна, достижение наукой такого нейтрального состояния попросту невозможно, причем это касается не только общественных, но и естественных наук. Общественные же науки практически всегда предполагают возможность различного толкования имеющихся данных и к тому же по определению нацелены на работу с

проблемами, напрямую затрагивающими важнейшие человеческие интересы – власть, распределение благ и т.п. По этому поводу предельно четко высказывался А.Ф. Шишкин: «Если социальная наука не остается на уровне простого описания и классификации явлений, а открывает законы и тенденции общественного развития, она создает научную базу для политических лозунгов, выраженных в императивной форме».

Идеал же нейтральности, если он воспринимается всерьез, приводит к сведению общественных наук к так называемому «glorified common sense» – набору преподносимых с апломбом самоочевидных истин. Еще большая опасность – это описанное известным научным журналистом Джоном Хорганом формирование «иронической науки», которую ученые создают в ответ на предъявление невыполнимых стандартов достоверности и для которой свойственно построение непроверяемых теорий, выдаваемых за последнее слово в исследовательской работе. Превращение такой практики в норму пагубно отражается на моральном климате в научном сообществе.

Таким образом, развитие ценностно-нейтральной науки также сопряжено с определенными рисками. Что же касается проблем, связанных с идеологизацией, то есть с открытым признанием интересов в качестве двигателя исследовательской работы, то путь к их смягчению искал в свое время А.Ф. Шишкин. Защиту от чрезмерного усиления идеологии он находил в сохранении особого положения нравственности как особого регулятора человеческих отношений. Подчеркивая, что человек как социальное явление есть отражение общественных отношений, А.Ф. Шишкин в то же время допускал, что определенной нравственной природой обладает общество как целое: «Принцип достоинства человека (человек как цель, как высшая ценность) и принцип солидарности между людьми (человек человеку друг) – основные принципы морали нового общества, вытекающие из его природы». Эту сферу Шишкин обозначал как «золотой фонд нравственного прогресса», который, как он считал, должен оставаться за рамками идеологии. В принципе эту границу можно рассматривать как естественно установленный предел расширению последней.

И в завершение, наверное, стоит отметить, что вопрос о содержании интеллектуальной составляющей национальной культуры может рассматриваться не только с точки зрения поиска оптимального соотношения в нем объективно-научных и идеологических элементов, но и исходя из динамической перспективы. Итог развития последних двух десятилетий заключается в том, что влияние идеологии в гуманитарной науке находится близко к минимальным отметкам. И независимо от того, расцениваем мы это как желательное явление или нет, в ближайшее время мы, скорее всего, увидим рост этого влияния, возможный путь которого и предлагается в «Национальном человеческом капитале».

Konnov V.I. The concept of national human capital in the context of the modern history of science.

Человеческий капитал: морально-этический аспект

Е.А. Лукьянченко

Если человек тратит деньги на знания, то это уже никто не отнимет у него. Самые лучшие инвестиции – это инвестиции в знания.

Б. Франклин

Понятие «человеческий капитал» было введено Теодором Шульцем и подразумевало совокупность знаний, умений, навыков людей, использующихся для удовлетворения многообразных потребностей человека и общества в целом. Согласно Ю.А. Корчагину, в современном понимании «человеческий капитал – это интенсивный производительный фактор развития экономики и общества, включающий трудовые ресурсы, знания, инструменты интеллектуального и организационного труда, среду обитания и интеллектуальной работы, обеспечивающие эффективное и рациональное функционирование ЧК [человеческого капитала] как производительного фактора развития».

Таким образом, практически каждый человек ценен и потенциально полезен для общества, так как он может обладать знаниями или умениями, применимыми в той или иной области труда. Как источники формирования национального человеческого капитала выделяются образование, здравоохранение, институциональное обслуживание, культура и искусство, наука, воспитание, информационное обслуживание, предпринимательская способность, безопасность, гражданское общество и экономическая свобода, подготовка элиты, приток человеческого капитала извне. Такой подход является комплексным.

Особого внимания с точки зрения человеческого капитала заслуживают такие факторы, как воспитание, культура и искусство. На первый взгляд может показаться, что они не имеют прямого отношения к экономике и развитию страны. Тем не менее это не так. В фантастической антиутопии Р. Бредбери «451 градус по Фаренгейту» описывается технический прогресс, сопровождающийся кризисом общечеловеческой морали. Автор утверждает, что для нормального развития общества нужно, как минимум, три фактора:

- доступ к книгам;
- время на их чтение и спокойный анализ;
- возможность действовать сообразно личным убеждениям читателя, мыслям, почерпнутым им из книг.

Почему автор считает это важным? В современном демократическом обществе есть свобода мысли. Но, будучи «обществом потребления», оно меняет наши взгляды на жизнь. Человек работает каждый день увеличенный рабочий день, берет сверхурочные и подработки не потому, что он голоден, а потому, что он пытается поддерживать статус, успеть за техническим прогрессом, не опоздать, не уронить себя перед лицом окружающих. Есть ли у человека время насладиться жизнью, подумать о прекрасном?

Утечка мозгов, в частности, происходит потому, что люди, уже добившиеся чего-то, мечтают о еще большем и стремятся за рубеж. Для некоторых из них существует понятие *ubi bene ibi patria* (где хорошо, там родина). Почему же за рубежом хорошо? Там начнется та же гонка за материальными благами, только на другом уровне. Возможно, там даже придется начинать все с чистого листа, но это ничего не меняет: по данным ВЦИОМ, за 2011 г. «доля желающих эмигрировать из страны по сравнению с 1991 г. выросла: при ответе на прямой вопрос о желании выехать за границу на постоянное жительство сегодня сообщают 22% респондентов (ранее – 16%)».

Человек продолжает искать лучшей жизни. Возможно, от того, что понятие «смысл жизни» сейчас практически вошло в ранг интеллектуальной табу. Это связано и с политекоррекцией, и с идеологической и религиозной нейтральностью современного школьного и университетского образования. Это совершенно правильно. Образование должно быть свободно от идеологии или религиозной морали. Человек вправе выбирать для себя (разумеется, в рамках конституции), каким идеям следовать. Об этом и писал Брэдбери. Однако культура и воспитание играют большую роль в развитии национального человеческого капитала, так как они, в частности, обеспечивают «правильное функционирование» рабочей силы. Если у человека нет ориентиров, если он ставит культуру других стран выше культуры своей Родины, если он не нашел смысла жизни в своей работе, то ему хочется сорваться с места и уехать.

Современная система образования никоим образом не должна нарушать права и свободы человека, и она этого не делает. Но чтобы приблизить ее к идеалу, нужно, чтобы преподаватель не забывал проповедовать любовь к Родине на всех своих занятиях. Особенно это касается студентов МГИМО, будущих политиков и дипломатов. Они обязаны любить свою страну и готовиться действовать ей на благо. Более того, надо продвигать культуру и следить за чистотой русского языка. Здесь естественный процесс обновления языка не принимается в расчет: лексико-грамматические изменения

идут своим ходом. Никому не навязывается соблюдение устаревших правил. Но есть актуальные правила грамотности, которые должны соблюдаться, например, на радио и телевидении, в литературе и переводах зарубежных книг, в прессе и даже рекламе. Надо, чтобы студенты гордились родным языком и не были готовы так легко сменить его на иностранный.

Надо не стесняться родной культуры, поэтизировать народную музыку, например, как это делают ирландцы. С оговоркой, конечно, что за человеком остается выбор музыкальных предпочтений. Надо, в частности, не стыдиться прошлого страны: в нем, как и в прошлом любого государства, много славных страниц.

Надо гордиться ветеранами войны, дорожить ими и всегда помнить о них. Однажды преподаватель истории спросил нас: «У кого из вас в роду были крестьяне?» Подняли руки из двадцати трех человек только двое. Тогда преподаватель сказал: «Молодцы. А кто не поднял руку, тот не знает своей истории!». В чем-то он был прав.

Кроме того, смысл жизни должен быть найден в работе, в общем деле, в том, чтобы помогать людям. Психологически человек чувствует себя гораздо лучше, когда делает что-то для других и получает взамен их благодарность. Когда человек упорно трудится, а затем покупает новый компьютер, он не так счастлив. Согласно предновогоднему опросу службы «Соцопрос.ги», россияне больше любят дарить, чем получать подарки: 23% против 14%.

То есть настоящее удовлетворение человек получает все-таки от того, что делает что-то для другого, а не для себя любимого.

Таким образом, инвестицией в будущее страны будет всестороннее образование и, главное, воспитание, ставящее целью создать культурного, мыслящего человека, уважающего свою Родину и окружающих его людей, умеющего и любящего трудиться. Это идеал. Он недостижим в своем абсолютном. Но кое-что можно сделать.

Lukianchenko E.A. Human capital: the moral and ethical dimension.

Философские концепции глобальных экологических проблем и человеческий капитал

А.М. Корнеева

В своем выступлении я хотела бы рассмотреть эволюцию философских концепций, которые помогают изучать глобальные экологические проблемы современности. Проблемы взаимодействия человека, общества и природы являются традиционными для философии на протяжении всей истории ее существования и развития. Философия достигла многого в осмыслении экологических проблем, существующих в современном мире:

- философы дают обобщенную мировоззренческую трактовку экологических проблем;

- ими выработан понятийно-категориальный аппарат, что позволяет формировать экологические проблемы общественного сознания;

- активно осуществляется процесс поиска наиболее эффективных путей решения экологических проблем современности.

Рассматривая наиболее известные экологические концепции, следует выделить:

- во-первых, учение В.И. Вернадского и его последователей о ноосфере, которое имеет особое значение, так как в нем предложен путь достижения гармонии между человеком, обществом и природой и на ее основе намечены пути решения экологических проблем. В этом учении в качестве главного фактора, гармонизирующего отношения между обществом и природой, выделена разумная деятельность человека, способная придать естественной среде обитания стабильность и разумные формы ее бытия и развития. Важным этапом необратимой эволюции биосферы В.И. Вернадский считал ее переход в стадию ноосферы;

- во-вторых, А. Швейцер выдвинул тезис о важности этического отношения к природе. основополагающие положения его концепции были сформулированы в книге «Культура и этика», где выдвинут принцип биоэтики «благоговения перед жизнью»;

- в-третьих, нужно отметить важные идеи Н.Н. Моисеева об экологическом императиве, о коэволюции природы и общества, которые отразили современное состояние экологической ситуации в мире и подходы к ее стабилизации и улучшению;

- в-четвертых, научные экологические концепции нашли свое отражение в принятой ООН Концепции устойчивого развития современного человечества. Ее основные идеи и положения уже включены во многие нормативные документы, принятые на международном, региональном и национальном уровнях.

Современные экологические проблемы естественно связаны с проблемами человеческого капитала и его роли в современном мировом развитии. Эти вопросы подробно рассмотрены в трудах А.И. Подберезкина. Особое внимание обращает на себя разработанная этим автором проблема экологической безопасности России в условиях модернизации, когда политика государства, ориентированная на устойчивое развитие, должна опираться на новую систему взглядов правящих элит и общества, на их идеологический и политический выбор. И это при том, что остаются нерешенные вопросы взаимосвязей между модернизацией и экологией, как согласуются между собой социально-экономическая, экологическая и климатическая стратегии России с ее курсом на развитие отношений с Евросоюзом и новыми центрами силы в мире. Ситуация осложняется еще и тем, что на протяжении последних 20 лет у нашей страны не раз менялись внешнеполитические концепции, вследствие чего важные вопросы экологии оказались заложниками внешнеполитических стратегий.

В трудах А.И. Подберезкина рассмотрен феномен одновременного роста национализма и усиления глобальной зависимости в вопросах экологии, автор подчеркивает огромное значение аспекта

Корнеева Анна Михайловна – аспирант кафедры международных проблем ТЭК МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

самоидентификации для России и выбора вектора ее развития с учетом необходимости нахождения баланса между глобальным характером экологических угроз и политикой национальных интересов. Вместе с тем считается, что главным принципом модернизации должны стать экологическая этика и экологический гуманизм, основанные на восприятии природы как морального партнера и ограничении потребностей человека. У экологической этики также обширнейшее поле проблем: от экспертизы строительства нефтепроводов и атомных электростанций до заботы об одиноком дереве.

Необходимо понимать вместе с тем, что экологический кризис в мировоззренческом и идеологическом плане является частью мирового кризиса. Эта проблематика красной нитью проходит во всех трудах А.И. Подберезкина, когда он ставит важнейший идеологический вопрос, вызывающий сегодня острые споры: какова роль государства в развитии современной экономики, общества и человека? Автор

отмечает, что основной акцент в современной идеологии и стратегии модернизации должен быть сделан на приоритетном развитии национального человеческого потенциала как цели развития российского общества и государства.

Успешному государству необходима и собственная идеология, показывающая цель развития, своя «национальная идея». Таковой на современном этапе может стать идеология социогуманизма и экологического гуманизма, утверждающая жизнь высшей ценностью бытия и приоритет гуманитарных ценностей над материальными. Альтернативы этому курсу нет. Время неизбежно заставит пойти по этому пути. Важно не потерять время, являющееся таким же важным ресурсом, как финансы, экономика и политика.

Korneeva A.M. The philosophical concept of global environmental problems and human capital.

Университеты как составляющая национального человеческого капитала

М.И. Репина

В работах А.И. Подберезкина уделяется значимое внимание ведущим российским гуманитарным университетам как важнейшему интеллектуальному и общественному ресурсу страны. Среди прочего, в них раскрываются проблемы искажения за рубежом рейтингов российских гуманитарных университетов, что отрицательно сказывается на их конкурентоспособности на международном рынке.

Будущее государства в современном обществе определяется не только уровнем развития его экономики и используемых технологий, но и возможностями и способностями нации создавать новые идеи. Возникает вопрос: какие институты и социальные слои являются но-

сителями этой способности? Уйти от этого вопроса, ссылаясь на возможность заимствования идей извне, не выйдет, так как все качественно новое невозможно просто перенять. Именно поэтому необходимо поощрять творчество всех слоев российского общества, а также создавать творческую атмосферу.

Главным же центром решения этой задачи являются исследовательские университеты, которые сочетают процессы образования, исследования и производства. Наиболее развита система университетов в США, например МІТ – крупнейший работодатель штата Массачусетс, а Гарвард во многом определяет политику и кадровые назначения Демократической партии США. В России формирование исследовательских университетов находится на начальной

■ Философия

стадии, и основные элементы этого процесса недостаточно четко понимаются правящей элитой. Необходимыми условиями для появления в таких университетах новых идей являются:

- культурное, историческое национальное наследие («питательная среда»);
- современные научные национальные школы (обеспечение полного образовательно-исследовательского развития – от бакалавра до доктора и далее);
- качественный национальный человеческий потенциал (образование, здоровье, социально-экономические условия, владение информацией, научное и культурное общение);
- создание условий для развития научного знания: материальных, моральных, психологических;
- развитие творческого потенциала нации (креативного класса).

Помимо проблем нормативного регулирования и экономической конъюнктуры, развитию творческого потенциала мешает «недружелюбность среды». В России ни общество, ни экономика не оценивают человека по полученным знаниям, следовательно, сами студенты не очень уверены в своем будущем. В 2011 г. только 17% выпускников средних специальных учебных заведений и 9% выпускников высших были уверены, что они без проблем смогут устроиться на работу по специальности.

При этом существует кризис в отечественной социогуманитарной науке, который отражается на эффективности управления обществом и экономикой. Правящая элита, очевидно, недополучает качественной научной информации о состоянии государства, общества и экономики. В свое время выполнявшая эту функцию система исследовательских институтов РАН стремительно деградирует, а высшие учебные учреждения заняты преимущественно платными образовательными услугами, в то время как отраслевые и региональные НИИ фактически исчезли. При этом сама российская элита явно недооценивает роль социогуманитарных знаний: так, среди победивших на конкурсе 12 исследовательских университетов в августе 2009 г. только один был гуманитарным – ВШЭ.

Важность университета проявляется не только в выполнении им своих прямых образовательных и исследовательских функций. Фактически он становится моделью современного общества и государства. Отражением этого служит уже то, что различные рейтинги государств взаимосвязаны с рейтингами их университетов. Так, в Европе один из ведущих центров в области научных исследований и инноваций – Женева, город привлекательный как для студентов, так и для компаний, ориентированных на сотрудничество с научно-исследовательскими институтами.

Качество образования – один из важнейших критериев человеческого капитала, который служит «визитной карточкой» государства, адресованной инвесторам. В силу этих причин международные рейтинги университетов представляют интерес далеко не только для кадровых служб и школьных выпускников. Несмотря на разницу в подходах к составлению рейтингов, в них всех доминируют вузы семи стран: США, далее с большим отрывом идут Великобритания, Германия, Австралия, Япония, Канада и Франция. При этом во всех этих странах преобладает – хотя и в разной степени – американская модель, способствующая мировому продвижению «американского образа жизни». Одно из направлений критики рейтингов – акцент на естественно-научных и медицинских исследованиях и невнимание к гуманитарным наукам.

Российские вузы в принципе плохо вписываются в рейтинговые рамки – сказываются и иная образовательная традиция, не предполагающая повсеместного объединения учебы с исследованиями, и языковой барьер. Для вузов гуманитарной направленности ситуация оказывается особенно неблагоприятной. Так, например, при сравнении МГИМО с двумя лидерами мировых университетских рейтингов – Принстонским и Гарвардским университетами обнаруживается, что качество образования в первом не уступает последним, а по критерию «стоимость – эффективность» МГИМО даже опережает американские университеты. Более того, по ряду показателей МГИМО занимает уникальное положение в мире: например, ему принадлежит первое место по количеству выпускников, работающих в системе ООН, ЮНЕСКО и других международных организациях, а по количеству изучаемых иностранных языков (53) он внесен в «Книгу рекордов Гиннесса».

Этот частный пример, конечно же, не является единственным для отечественных университетов, которые испытывают сложности при включении в международные рейтинги, вынуждающие их «играть по чужим правилам», обрекающих их на постоянную роль «отстающих». Единственный путь к выходу из этого положения – целенаправленное продвижение российского высшего образования как внутри страны, так и за рубежом, что, конечно же, не отменяет необходимости исправлять недостатки – низкий уровень исследовательской активности в большинстве российских вузов и другие, – на которые справедливо указывают рейтинги.

Repina M.I. Universities as part of the national human capital.

Национальный человеческий капитал и будущее России

М.А. Мунтян

Должен признаться, что я собирался выступить на чтениях с несколько иной темой, но начавшаяся в предыдущих выступлениях весьма содержательная и интересная дискуссия по воистину энциклопедическому многотомнику А.И. Подберезкина изменила мои намерения. Тем более что мне еще раньше, чем задумывались нынешние чтения, удалось ознакомиться со всеми тремя изданными Алексеем Ивановичем томами и проспектами готовящихся к публикации еще двух, и, воздавая должное их новаторскому характеру и актуальности, я даже написал большую положительную рецензию.

И это несмотря на то, что, воспитанный на протагоровском постулате о «человеке как мере всех вещей», я был и остаюсь противником измерения его пусть и человеческим, но капиталом. Ведь, по Марксу, капитал – это прежде всего деньги, «делающие» еще большие деньги, или более расширительно – это ресурсы, способные создавать самовозрастающие стоимости в хозяйственно-рыночных оборотах и циклах. И остался верным оценке Протагора не потому, что она льстила моему человеческому самолюбию. Я изначально был настроен против «человеческого капитала» как образца избыточных терминов, которыми социальная теория обогащается всегда, когда она неспособна расшифровать новые вызовы истории, проявляющиеся еще только в виде протуберанцев разного рода кризисов и обществен-

ных катастроф. Неслучайно даже ревнители «человеческого капитала» как его синонимы используют сплошь и рядом такие понятия, как «человеческий потенциал», «человеческий ресурс», «человеческий фактор».

И моим союзником в обосновании такой позиции стал один из крупнейших футурологов современности Э. Тоффлер. В своей книге «Третья волна» он писал о двухсекторности «научной экономики» или «экономики знаний» постиндустриальной эпохи, в которой из капиталистической рыночной экономики должно быть выведено производство самого человека, ибо эта сфера не может подчиняться законам и закономерностям рынка, преобразуя «экономического человека» в «*Homo ingenuus*».

В 2006 г. появляется написанная Тоффлером вместе с женой Хейди книга «Революционное богатство», в которой авторы попытались осмыслить социально-экономические перемены, случившиеся в мире после выхода в свет «Третьей волны». И в ней, словно наперекор господствующим в настоящее время в политике и науке тенденциям, авторы рассуждают о подрыве рыночных отношений в процессе развития самого капитализма, что ведет к возникновению «революционного богатства» – преобразующих человеческий мир «неощутимых», нематериальных благ. По своей природе эти блага не могут быть приватизированными, так как никакие законы об охране интеллектуальной собственности не могут помешать их

транснациональному распространению и использованию, ибо они связаны с процессами «по ту сторону сферы собственно материального производства». Тоффлеры в этой связи заключают, что «просьюмеры» (соединенные воедино производители и потребители одних и тех же нематериальных в основном благ) создают огромную часть «революционного богатства», без которого сегодня эффективной не может быть никакая рыночная экономика.

В конце XX столетия по мере развития теорий постиндустриализма стала шириться критика капитализма и всей цивилизации модернити, начиная с антиглобалистов и альтерглобалистов и кончая представителями «сильных мира сего» – политиков и ученых США. Откровенной тревогой о судьбе капитализма пронизаны появившиеся в это время книги нажившего миллиарды на финансовых спекуляциях Дж. Сороса, ставшего радетелем «свободного общества», и И. Валлерстайна, создателя знаменитой теории мир-системной экономики. Последний из них опубликовал в 1999 г. в журнале «Международная социология» статью под названием «Глобализация или век перехода?». В ней он рассмотрел реальную перспективу исчерпания ресурсов существования экономики, фундаментальной основой которой является накопление капитала. Он выделил три тренда факторов, подрывающих существование возникших вокруг капитала как центрального движущего механизма экономики:

– первый из них связан с накоплением капитала за счет низкой заработной платы работникам – выходцам из сельской местности. Однако в первой четверти XXI в. следует ожидать, согласно данным аналитических служб ООН, исчезновения аграрного мира, так как 5,5 из 7,5 млрд землян к 2025 г. будут жить в городах;

– второй тренд факторов, лимитирующий накопление капитала, касается используемых в производстве материалов в связи с необходимостью включать в стоимость товаров расходы по сохранению природной среды. «Я не вижу какого-либо реального решения этой фатальной дилеммы в рамках капиталистической мир-экономики», – писал Валлерстайн;

– третий действующий в том же направлении тренд факторов касался необходимости увеличения налогов на фирмы, индивидуальных производителей и работников, к чему толкают социальные расходы государства.

По мнению Валлерстайна, совокупное воздействие всех трех этих трендов рано или поздно вызовет «терминальный кризис» в целом капитализма и капиталистической мир-системы. Этот кризис уже идет и продлится, как предполагает американский ученый, до 50 лет. Возникающая в этой связи бифуркация поставит всю современную социальную систему «перед двумя или более альтернативными путями к новой структуре с ее новым равновесием, новыми ритмами циклов с новыми вековыми

трендами». Рассматривая современное состояние мира как переходное, Валлерстайн оценивает осуществляемый транзит как борьбу двух гигантских лагерей. С одной стороны, речь идет, по его мнению, о тех, кто хочет сохранить привилегии существующей системы неравенства, с другой – тех, кто стремится создать новую историческую систему, которая будет более демократичной и эгалитарной, чем прежняя.

Сравнивая современный мир с несущимся без тормозов под гору автомобилем, Валлерстайн ничего не говорит о «мудром шофере», который сможет спасти и автомобиль, и его пассажиров. «Исход политической борьбы частично будет результатом того, кто сможет лучше мобилизоваться, – заключил свои размышления ученый. – Но в большей степени исход станет результатом лучшего анализа происхождения и реальных исторических перспектив, перед которыми мы коллективно стоим». И не «человеческий ли капитал» «золотого миллиарда», во многом превосходя показатели стран полупериферии и периферии, должен мобилизовать первый лагерь, обеспечив ему внутреннюю толерантность и сплоченность, чтобы выступить в роли «мудрого шофера»?

В своем серьезном научном труде А.И. Подберезкин использует понятие «человеческий капитал» для того, чтобы рельефней прочертить уровни, с которых разные страны стартуют в постиндустриальной модернизации для обеспечения фазового перехода к новому цивилизационному этапу развития человечества. Этот термин ему нужен для обоснования понятия «национальный человеческий капитал», под которым подразумевает совокупный культурно-духовный потенциал общества, способный или неспособный сохранить национальную идентичность в условиях глобальных вызовов истории. Как считает автор, в начале XXI в. НЧП выступает «самым эффективным инструментом внутренней и внешней политики» любой страны, ибо он способен:

а) с научно-технической точки зрения: дать качественно новые товары и услуги (а это и есть, строго говоря, инновации по общепринятому определению);

б) с экономической точки зрения: дать опережающие темпы развития экономики (как в Китае, например);

в) с военно-политической точки зрения: создать эффективные национальные вооруженные силы и средства, соответствующие мировым требованиям;

г) с социальной точки зрения: вовлечь в процесс модернизации главную движущую силу современного общества – творческий (креативный) класс.

Использование автором этого тонкого и одновременно точного инструмента позволяет ему убедительно аргументировать зачастую весьма нелицеприятные суждения и оценки в целом курса современной российской модер-

низации, поведения национальной элиты и ее неспособности разобраться в сущности исторических вызовов, стоящих перед страной, неадекватности действий правящего класса национально-государственным интересам. А.И. Подберезкин не только критикует несуразицу и ошибки катастрофического прошлого, но и обосновывает концепцию, которая должна, по мнению автора, вывести Россию на авангардные позиции в меняющемся мире. Отсутствие национальной идеологии не позволило России, по мнению автора, обрести сколько-нибудь оптимальную стратегию развития в последнее трансформационное десятилетие ее истории. Этот же вывод он распространяет на все стороны и аспекты жизни страны в ее недалеком прошлом и в настоящем. Настойчивость автора в выдвигании национальной идеологии во главу угла преобразования жизни российского общества и государства может показаться его приверженностью позиции, что «идеи правят миром».

Спору нет, управляя поведением людей, идеи действительно определяют бытие человеческого мира. Автор также знает и доказывает, что бессмысленна сама постановка вопроса о «деидеологизации» внешней или внутренней политики, ибо убежден в том, что ни экономика, ни политика, ни государственные структуры никакого иного языка, кроме как «идеологии», не имеют. По его мнению, материалистические традиции мировой общественной мысли отнюдь не враждебны тезису о нарастании мощи человеческого духа и сознания, которые все более властно вмешиваются в бытие постиндустриальных обществ. А раз это так, то стране наиболее полезна может быть идеология, основанная на опыте исторического существования ее народа и наработанных им культурно-цивилизационных ценностей, ибо без нее не может быть выработана сколько-нибудь оптимальная стратегия продвижения России в будущее.

Обоснование необходимости национальной идеологии для обеспечения так нужного рывка в развитии России автор завершает представлением русского социализма как сценария модернизации в соответствии с требованиями национальной идентичности. Идеология русского социализма в представлении автора – это «специфическая для российской истории и существующих экономических и социокультурных реальностей форма идеологии социального консерватизма. Похоже, что в начале XXI в. именно эта идеология сохраняет перспективу в развитых странах, а не только в России. ... Основа этой идеологии в своих главных проявлениях уже сложилась за годы президентства В. Путина и Д. Медведева. Ее отдельные элементы – сильное государство, традиции, социальная

ориентированность. Думается, что ближайшие годы станут периодом ее формализации, а может быть, и нормативного оформления в некую идеологическую систему или доктрину, представляющую собой систему доминирующих взглядов российской элиты». «В основе идеологии русского социализма, – пишет автор далее, – лежит главная идея – развитие человека, его потенциала, который выполняет в условиях глобализации ключевую роль цели и одновременно средства развития». При этом Алексей Иванович не апеллирует к русскому крестьянскому социализму XIX в., не ностальгирует по социализму советского образца, а скорее следует подходу мыслителей – сторонников исторического «забегания», которые считают, что индустриальная основа недостаточна для того, чтобы обеспечить реализацию главных гуманистических целей социалистическими средствами, то есть нельзя неадекватными средствами реализовать желаемые цели. В XX в. социализм может быть признан утопией, ибо в большинстве из стран, его реализовавших, он потерпел фиаско. Но это вовсе не означает, что будущее, несущее человечеству новые производительные силы и технологические уклады, не даст возможности людям совершить прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы», что представляется сутью социализма.

Вызывает уважение и всегда новое прочтение в рецензируемой работе А.И. Подберезкина десятков «вечных вопросов» международных отношений и мировой политики, государства и акторов «вне суверенитета», войны и мира, силовой и «мягкой» политики, военных угроз и обеспечения безопасности и т.д. Их перманентно постановочный характер, обуславливаемый всегда «бурлящей» международной средой, позволяет специалистам иначе оценивать и интерпретировать явления и события российской истории и политики последнего десятилетия, нежели это делает А.И. Подберезкин. Но для того, чтобы «на равных» дискутировать с автором рецензируемого труда, его оппоненты должны обладать такой же недюжинной профессиональной эрудицией; быть способными превращать опыт исторической практики в теорию и пользоваться теорией в качестве компаса, помогающего ориентироваться в хитросплетениях внутренней и внешней политики, международных отношений и вызовов будущего, уже присутствующих в современном мире; оставаться ответственными в своей беззаветной любви к Родине, жить ее проблемами, «болеть Россией».

Muntyan M.A. National human capital and the future of Russia.

Человек: мифы и реальность

М.В. Силантьева

Вынесенное в заголовок моего выступления обращение к излюбленным формулировкам фантастов XX в., разумеется, неслучайно. Да и «классические» философские тексты «эпохи постмодерна» («Мифологии» Р. Барта, «Символический обмен и смерть» Ж. Бодрийяра и «Общество спектакля» Г. Дебора) ставят на философском уровне вопрос об имитации как основном способе существования современной цивилизации. Цивилизации, скрепленной в своем социокультурном единстве мифологемами производства и потребления в глобальном масштабе, социальной роли информации в этом процессе и ее влияния на «нового человека» – «пост-человека».

Миф – также ключевое слово современных исследований в области истории, психологии, религиоведения, искусствоведения, лингвистики... Список можно продолжить. Ясно одно: формат идеолого-организационного единства социума действительно определяется сравнительно устойчивыми социокультурными матрицами, самовоспроизводящимися при всех инновационных трендах (точнее, неизменно инкорпорирующими такие тренды). При всех (кажущихся экстремальными) разновидностях ценностных и поведенческих модернизаций, по сути, в обществе не возникает ничего нового. Косвенным показателем этой «старой истины» выступает тот факт, что для всех модернизационных «извращений» в культуре находятся слова – от «содомии» до «прогресса». Любой

«новояз», фабрикуемый по поводу радикально новых событий («спутник», «космонавт», «нанотехнологии» и т.д.) оперирует (по крайней мере, пока что) понятными с аналитической точки зрения конструктами либо обращается к богатому словарю культуры, наработанному ею в течение тысячелетий.

Коль скоро речь зашла о понятиях, хочу вступить и за понятие «человеческий капитал». Ведь если оно столь серьезным образом вошло в научный лексикон, значит, как минимум, оно что-то называет. Какой феномен выражает себя через данное языковое выражение? Прежде чем в буквальном смысле «исправлять имена» (как это любят делать в погоне за истинной предстатель «точного» социогуманитарного знания), стоит, по-моему, обратить внимание на реальность, этими именами названную.

Итак, что же называет имя «человеческий капитал»? Сущность капитала, выделенная еще К. Марксом, – отнюдь не его форма, денежная или иная материальная. По Марксу, она потому и «таинственна», что абстрактна. Это – «способность к самовозрастанию». Если брать понятие «капитал» в экономике в марксовом смысле, оно ничем не хуже ницшеанского концепта «сверхчеловека» как концентрата главной особенности жизни – «воли к власти» (то есть опять же способности к самовозрастанию и самоусилению). Подобная «вирусная» теория жизни, как известно, пересекается со средневековым учением о люциферианском «фрагменте истины»,

Силантьева Маргарита Вениаминовна – д.филос.н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

который, замкнувшись, начинает «работать сам на себя», тиражируя собственную фрагментарность и претендуя таким образом на «полноту» – свойственное ему «заполнение онтологических пустот» экстенсивным способом.

«Человеческий капитал» – это с точки зрения точной аналитики понятия самовоспроизводящийся социокультурный ресурс, человек как материал трансляции мифа (то есть, напомним, в постструктуралистской трактовке сложившегося на протяжении осевого времени формата культуры и общества). «Подводный камень», присутствующий в данном понятии, стал заметным образом проявлять себя лишь в последнее время. Но как данная трансляция осуществляется? Кто ее носитель? Новоевропейская модель культуры (частная мифологема в рамках единого формата культуры «осевого времени») предполагает, что этим носителем является «человек культурный» – автоматически самовоспроизводящийся субъект творческой активности. В «массовидной» трактовке (любимой позитивистами) такой субъект – «человеческий капитал».

Именно здесь происходит системный сбой в прочтении «мифа о человеке». Ведь еще Платон (в своем парадоксе «третьего человека», где человек – отнюдь не случайный пример) показал: в трансляции сущности человека (и общества как «макрочеловека, что показано в «Законах») нет никакого автоматизма. Для того чтобы человек был человеком, ему (и обществу) приходится делать специальное усилие, чтобы быть. Подобное «управленческое усилие» несводимо к воле, хотя и связано с ней. Его «корень» – в интеллектуальной деятельности, желанной субъекту (именно поэтому у Платона познание в «Пире» названо эротичным).

Данный парадокс – необходимость бесперебойной трансляции культуры и невозможность гарантировать автоматизм этой процедуры – «хорошо» дает о себе знать как раз в современной культуре. Речь идет о нежелании учиться, охватившем не только уставшие от разрушительных для экономики реформ страны постсоветского пространства, но и сытую гедонистическую Европу.

Полагаю, что, когда в массовом порядке молодые люди бессознательно «спамируют» почти всю входящую в их головы информацию, не умея отделить «зерна от плевел», – дело тут не в «запущенности» отдельных голов. Перед нами – маркер некоего процесса, а не злая воля отдельных «ленивых» индивидуумов. Рискну высказать очень простое предположение. Современный молодой человек настолько перегружен ненужной ему информацией (включая выбор из «меню» гедонистических блюд), что отказ воспринимать информацию – просто самозащита организма от лишней (действительно лишней и потому опасной) нагрузки.

«Мешки» с тяжелым грузом чужих вкусов и идей наваливаются на потребителя сетевой информации, едва он достиг возраста, когда

способен нажимать пальцем на кнопку. Вместо того чтобы собирать собственный «гербарий», он взваливает на плечи огромное количество чужих. Сам по себе процесс подобного «взваливания» – вообще-то формула образования. Однако сегодня «мешков» явно больше, чем возможно поднять, не говоря уже – дотащить...

Как сказал поэт: «Свободы нет в природе... / Какая тут свобода, когда зима в лесу ...» (Арсений Тарковский «Зима в лесу»). Вот! Ключевое слово найдено! Не Кант заметил, но Кант хорошо сказал, что «человек – гражданин двух миров», мира природы и мира свободы. Миф – это форма организации «природная» (со всеми нюансами интерпретаций сюда же «пойдет» и организация социокультурная, понимаемая как «наследование форм»)...

А как же свобода? Свобода, как сказано в «Ригведе», – это бог Митра, разбивающий каменные города. Каменные города – не только древнейший символ цивилизации. Это еще и символ материи, захватившей внимание человека, создавшего «миф» о своей подчиненности ей. Бог «Ригведы», как и культурный герой у многих народов, добывает из разбитого камня (скалы, омута) чистую воду, символ духовной жизни. Такая свобода в древности связывалась с познанием, с любовью к истине. Не владение вещами, как таковое, а владение, не ставящее человека в зависимость от вещей, – это формула какого-то другого знания, не похожего на «знание – силу». И «формула» другого, не «капитализированного», человека. Человека, подчиняющегося «напрямую» не мифу, а идее, различающего миф и идею и отдающего мифу – «мифово». А не наоборот, что бывает, когда даже духовную жизнь пытаются «переделать» в «духовные стратегии» или «религиозные идеологии».

«Культурная перезагрузка», переход от господства мифа как организации природно-социальной к ориентации на идею, то есть смысл и цель, – если верить предложенному сценарию, – всегда возможна еще и потому, что человек свободен быть человеком. Такая ориентация «проснувшихся» людей проявляется сегодня в необходимости узнавать – узнавать сердцем; значит – бессмысленно. Бескорыстный интерес и любовь, внимание к истине – не такое уж редкое явление в наши дни.

Культура в своем исконном значении, как известно, связана с возделыванием земли и способностью к самоограничению. В этом смысле на ниве отечественного образования еще есть кому пахать. Это необходимо делать, посылно уклоняясь от имитационных практик, стремящихся заполнить все своими бледными фрагментированными копиями. Современный человек действительно стосковался по настоящему делу. Миф о том, что он уже умер, став симулякром «пост-человека», не соответствует реальности.

Silantieva M. V. Man: Myths and Realities.

Человеческий капитал в условиях информационной сложности

Е.В. Неверова

Прежде всего хотелось бы выразить согласие с высказанной здесь позицией, согласно которой именно избыток информации и выбора, которые зачастую являются ненужными и застилают действительность, делают нас инертными и апатичными, уничтожают жажду к поиску знаний, а также какую-либо ось или опору для жизни. Хочется также сделать предположение и связать данное утверждение с постулатом о вступлении человечества в новую стадию «сложности». А именно: не является ли «сложность» продуктом той же перегрузки информацией? Это не было бы удивительно. На первый взгляд человек встречается с новыми проблемами, особенно в связи с развитием технологий и информационного общества. Но достаточно ли этого, чтобы с уверенностью говорить о том, что поменялась его суть, что речь и правда идет о новом качестве? Если вся «сложность» состоит только в множестве таких проблем, то ответ – нет. Более того, возникает ощущение, что этот постулат вполне может быть всего лишь проявлением традиционной для западной научной мысли казуистичности, расщепления явления на мелкие составные части-вопросы, которые совместно могут создать впечатление общей сложности.

Таким образом, «сложность» может быть ложной, может быть иллюзией, тогда как ядро человеческой души остается тем же. Если это так, то заявление о нынешней «сложности» звучит как признание поражения. Это признание выглядит очень привлекательным для инерт-

ных нас – если все сложно, то нечего и пытаться что-то делать. Оно дополняет узаконившийся и популярный для нас эгоизм, которому нет дела не только до общества, государства и, страшно сказать, человечества, но иногда даже и до самых близких людей.

На чтениях, в особенности в блестящем выступлении К.М. Долгова, неоднократно подчеркивалось, что стремление к образованию, культуре и нравственности как к истинной свободе должно быть обоюдным, то есть действовать не только «сверху», но и быть результатом нашего собственного желания. Если совершенные выше выводы справедливы, то это стремление – отнюдь не первая ступень к повышению национального капитала России, потому что такое желание возникает сравнительно редко, поскольку оно требует отказаться от эгоизма и взять на себя обязательства перед обществом.

Думается, что в связи с этим именно чувство ответственности надо воспитывать в первую очередь в себе и других. Чтобы при встрече со «сложностью» существовала цель, ради которой стоит проявить мужество и не опустить руки, а вопреки «сложности» выполнять свой долг перед семьей, обществом, страной и человечеством. Тогда, и только тогда, как справедливо отметила М.В. Силантьева, жизнь перестанет быть простым повторением социокультурной модели прошлого, а обретет смысл...

Neverova E.V. Human capital in terms of information.

Неверова Евгения Владимировна – магистрант МЧГП МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

Человеческий капитал в свете проблемы ценностей

Т.В. Панфилова

Словосочетание «национальный человеческий капитал» представляется спорным. С одной стороны, вроде бы это высокая оценка человека, признание того, что человек – основное богатство страны. С другой стороны, капитал – термин политэкономический, и, стало быть, человек рассматривается как элемент экономической системы, а вовсе не как самодовлеющая ценность. Применительно к России появляются дополнительные, не слишком приятные нюансы в применении этого термина.

Подобно тому, как российские капиталы благодаря «мудрому» экономическому курсу российского руководства переводятся в офшоры и работают не на свою страну, а на обогащение олигархов – своих и чужих, так и человеческий капитал в лице наиболее образованной части населения вытаскивается в эмиграцию и, значит, тоже работает не на свою страну, а на чужую. Видимо, автор книги о национальном человеческом капитале профессор А.И. Подберезкин тоже усомнился в адекватности избранного им термина. Во всяком случае, он используется не во всей книге. Там встречается еще одно словосочетание «национальный человеческий потенциал». В нем тоже присутствует спорный момент, поскольку остается неясным, потенциал для чего? Вспомним Аристотеля, который соотносил возможность (потенцию) с действительностью. Что представляет собой действительность, относительно которой человек является потенциалом?

Идеалом сегодняшнего человека является потребление, а вовсе не производство чего бы то ни было, включая самого себя. Чтобы стать «человеком потребляющим», никаких усилий прилагать не надо. Достаточно «плыть по течению», и господствующая идеология приведет человека в состояние идеального потребителя.

Готова согласиться с коллегами, заявлявшими, что в нашем обществе господствуют ценности не подлинные, а мнимые. Но где взять подлинные, да и как отличить их от мнимых? В выступлениях звучала мысль о духовном возрождении через обращение к носителям православия, так называемым старцам. Тот ли это путь, на котором возможно духовное возрождение? Ничего не могу сказать об афонских старцах. Зато могу сослаться на такого православного

философа, как А.Ф. Лосев, которого сегодня выдают за образец истинной духовности и невинную жертву тоталитарного режима. Но давайте посмотрим, за что он был репрессирован. В работе «Диалектика мифа» профессор Лосев заявил, что католические власти имели полное право отправить Дж. Бруно на костер, поскольку тот своим учением о бесконечности Вселенной подрывал утвержденную ими картину мира.

Советские власти согласились с доводом Лосева и применили его к самому Лосеву. Раз власти имеют право наказывать человека, подрывающего утвержденную ими картину мира, значит, не согласных с ней надо перевоспитывать. Поэтому Лосева отправили на строительство Беломорканала года на три, что заметно лучше, чем на костер. Достаточно вспомнить, что Лосев дожил почти до девяноста лет. Я привела этот пример, чтобы показать, что полагаться на духовность сторонников христианства нет оснований.

Думается, что совместные действия по защите общественных интересов – более надежный способ утверждения гуманистических ценностей, хотя и здесь не все гладко. Трудность в том, что большинство людей не готовы отстаивать даже собственные интересы, не говоря уж об интересах соседа. Так, собирали подписи в защиту Нижегородской консерватории, на помещение которой начала претендовать местная епархия. Собрали шесть тысяч подписей. Кому-то кажется, что это много. По-моему, шесть тысяч на всю Россию – ничтожно мало. Мне казалось, что студенты воспримут эту проблему как свою собственную. Где гарантия, что завтра кто-то не заявит о своих «правах» на здание нашего института? Что же получилось? Студенты, к которым я обращалась, сами, как правило, подписывались под обращением – и этим удовлетворялись. Я-то рассчитывала, что они передадут обращение своим друзьям – и так далее по цепочке. Ничего подобного! Сам сделал доброе дело – и отошел в сторону. Принцип взаимопомощи, увы, не срабатывает.

В заключение риторический вопрос: обладаем ли мы потенциалом к совместным действиям по защите собственных интересов?

Panfilova T.V. The human capital in the light of the problem of values.

Панфилова Татьяна Васильевна – д. филос. н., профессор кафедры философии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

Человеческий капитал и современное естествознание

М.А. Шишкин

Сейчас я не буду рассуждать об определении понятия «человеческий капитал». Но, исходя из сегодняшних выступлений, и прежде всего из выступления К.М. Долгова, одна из главных его составляющих – это нравственные ценности. Что такое нравственные ценности? Всякая общественная система держится на взаимодействии своих частей, на взаимодействии своих динамических переменных. От этого зависит ее устойчивость. Это обеспечивает через обратные связи ее способность к регуляции, к эффективной релаксации возмущений. Утрата этой способности ведет к краху системы. На межличностном уровне эти вырабатываемые исторически регуляционные механизмы воспринимаются как моральные нормы.

Но если мы вернемся к тому, что мы называем человеческим потенциалом или капиталом, конечно, можно попытаться разложить его на какие-то составные части и по частям его анализировать. Однако мой опыт как естествовика учит тому, что самыми содержательными являются общие и целостные объяснения феномена. Они дают возможность для частных дедукций и вообще наиболее продуктивны. Что лежит в основе всего этого? Мы все люди, индивидуумы, члены социальных групп. Мы имеем некоторые характерные модели поведения, которые мотивируют нас поступать таким образом, а не другим. Наше поведение определяется спецификой нашего восприятия действительности. Эта

специфика бывает очень разной. Естественно, она зависит от социальной группы или от исторической ситуации.

Можно привести много примеров. Для какого-нибудь горского народа, который исторически жил в условиях набегов на соседей и подвергался таким же набегам, модель восприятия мира будет одна. Для народов, которые исторически жили в тесном контакте с другими народами и привыкли решать компромиссами свои проблемы, это будет другая модель поведения. То, что здесь кажется совершенно естественным, там будет расцениваться как признак слабости. Также существуют различные модели восприятия для военного человека и для представителя мирных профессий. То, что военному человеку кажется естественным в его условиях жизни, кажется странным нам. Например, то, что приказы не обсуждаются.

Идя немного далее, мы можем сказать, что это касается не только любого человека, но и любого живого существа, то есть та информация, которая воспринимается от окружающего мира, определяется спецификой восприятия реципиента. Вот зеленый луг. Для кузнечика – это среда обитания, для коровы это корм. Возвращаясь к человеку, для ботаника – это гербарий, а для художника – это источник вдохновения. Из этого вытекает следующее. Поскольку мы один и тот же мир воспринимаем по-разному, в терминах разных сигналов, отсюда объективно возникает

Шишкин Михаил Александрович – д.биол.н., главный научный сотрудник Палеонтологического института РАН. E-mail: vestnik@mgimo.ru

трудность взаимопонимания. Из этого вытекает много потенциальных конфликтов в самых разных областях. Есть очень хорошее стихотворение у Маяковского «Стихи о разнице вкусов». Речь идет о том, что лошадь, глядя на верблюда, говорит, какая ублюдочная лошадь! А верблюд, глядя на лошадь, говорит, какая это лошадь, это недоразвитый верблюд! И резюме такое:

И знал только бог седобородый,

Что это животные разной породы.

Это очень типичная ситуация и в отношениях социальных групп, и особенно в области науки. О проблемах в области социальных отношений мы уже сегодня неоднократно говорили. То же самое происходит в мире науки. Представьте себе ученых, которые придерживаются разных теорий. Они не в состоянии оценить противоположную теорию, кроме как в терминах своей собственной. Но получается ерунда, они не понимают друг друга. И это недопонимание не носит злокозненного характера. Возьмем историю науки, историю идей в науке, и прежде всего естественные науки. Нам свойственно думать, что наука движется к умножению знаний, заставляет нас отвергать прежние представления и принимать некоторые другие. В общем это может быть и так, но конкретно победа того или иного направления в науке в конкретный исторический период определяется абсолютно не этим.

Возьмем, например, проблемы эволюции, которыми мне приходилось заниматься. Для немецкой науки характерен целостный, интегральный, холистический подход. Энгельс, кажется, писал в «Антидюринге», что, «меньше чем на систему мироздания, немецкий философ не согласен». Это очень симпатичный подход, потому что целостное восприятие вещей – самое продуктивное. Для русской науки, которая многим обязана немецкой школе, этот подход также свойственен. И благодаря этому мы имеем достаточно высокие достижения в эволюционной мысли.

Но есть и другой подход – редукционистский. С одной стороны, он имеет объективные причины, не зависящие от какого-то национального менталитета. Эти объективные причины прежде всего в том, что любое познание начинается с расщепления объекта познания на части. Как писал Галилей: «Только Господь Бог, Божественный разум может одним взглядом охватить все мироздание во всей совокупности его взаимодействий. А наш удел – это переход от заключения к заключению».

Подобное дробление было типично для науки XVIII–XIX вв., при механистическом подходе ничего другого не знали до появления системных методов. В наше время редукционистский подход в некотором смысле сопрягается с англо-американским менталитетом. Его свойством в науке является то, что (как препарировались продукты в универмаге, когда подсчитывается, сколько чего содержится) также препарировались материалы исследования, чтобы они легко поддавались математической обработке и т.д. Это имеет свои хорошие стороны, но сопряжено с риском недозволенного упрощения, с соблазном воспринимать наши упрощенные конструкции за законы природы.

И вот в истории науки, в истории эволюционизма холистический, организмоцентрический подход, который зародился в немецкой науке и нашел поддержку у нас, сошел на нет, по большей части потому, что великое немецкое естествознание сильно пострадало с приходом нацизма. И сейчас, хотя это и сильная школа, она существует как довесок к англо-американскому подходу. А англо-американский сигнал в науке очень силен по тем же причинам, почему он силен в музыке, кино и т.п. Таким образом, уход в сторону редукционизма, где обилие простых объяснительных моделей, очень заманчивых, обусловлен не столько логикой развития науки, сколько тем, что так проще. И людям свойственно искать решения там, где они уже ожидают их найти.

В результате сейчас наука возвращается к холистическому, организмоцентрическому подходу. Но это подается в паллиативных и оппортунистических решениях, что, мол, для микроэволюции сойдет генетическая теория эволюции, а для макроэволюции – организмоцентрическая теория эволюции. Это смешно, так не бывает. Подход должен быть один. Таким образом, наука делает зигзаги прежде, чем приходит к тому или иному решению.

В итоге свойство человеческого ума, его историческая, национальная и иного плана специфика, то есть то, что мы называем человеческим потенциалом, оказывает влияние на те процессы, в которых мы ожидаем проявления чистой логики. Однако так не бывает.

Shishkin M.A. The human capital in the light of the problem of values.

Реализация принципа взаимопроникновения культур в процессе подготовки специалистов- японистов

А.В. Деркач

В статье исследуется проблема погружения будущих специалистов-японистов в культурную среду Японии. В результате анализа современных теорий, связанных с процессом взаимопроникновения культур, сделан вывод о том, что подготовка специалистов к межкультурному общению на профессиональном уровне требует разработки новых педагогических технологий, которые должны быть нацелены на формирование специалиста-посредника между двумя культурами, обладающего такими качествами, как эмпатия и способность к межкультурному консенсусу.

На фоне интенсивно развивающейся интеграции мирового сообщества в самых различных областях человеческой деятельности в российской системе профессионального образования назрела необходимость разработки педагогических технологий, нацеленных на формирование компетенции межкультурного общения у будущих специалистов со знанием иностранных языков. Это обусловлено тем, что сегодня международное сотрудничество в профессиональной сфере невозможно без полноценного межкультурного общения. Ведь именно общение является сложным, многоплановым процессом установления и развития контактов между представителями различных культур. При этом общение в широком смысле слова включает в себя не только обмен информацией (коммуникацию), но и выработку единой стратегии взаимодействия (интерактивность), восприятие и понимание другого человека (перцепцию). Кроме того, по мнению исследователей (Г.М. Андреева, А.А. Брудный, Б.Ф. Ломов, А.В. Петровский, М.Г. Ярошевский), общение направлено на значимое изменение в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях партнера¹.

Из всего этого следует, что для полноценного участия в общении с представителями других культур специалисту необходимо не просто иметь понятие об этих культурах. Но и, как считает Е.В. Воевода, владеть в этом смысле определенными навыками и умениями, быть способным правильно применить их на практике в соответствии с ситуацией общения, при этом оставаясь носителем родной культуры². Иначе говоря, для эффективного межкультурного взаимодействия от специалиста требуется достаточно полное погружение в другую культуру. С другой стороны, в результате такого погружения он никоим образом не должен утратить свою национальную идентичность, более того, ему следует осознавать, что для носителей другой культуры он сам является представителем великой русской культуры, которая через его поступки и поведение проникает в сознание окружающих иностранцев.

В этом, собственно, и заключается один из аспектов принципа взаимопроникновения культур на уровне межличностных отношений, который должен учитываться как основополагающий в процессе подготовки специалистов, способных к межкультурному общению. Особенно это актуально для организации и осуществления в вузе процесса

Деркач Александр Владимирович – к.пед.н., доцент кафедры переводоведения и восточных языков Камчатского госуниверситета им. Витуса Беринга. E-mail: alexsensei@mail.ru

подготовки специалистов, способных к полноценному общению с носителями японского языка, так как японская культура и японский язык чрезвычайно самобытны и требуют значительных усилий для их постижения иностранцами.

Вместе с тем сегодня не всегда эта цель четко определяется педагогами и методистами при подготовке специалистов, владеющих японским языком. Причина этого, на наш взгляд, заключается в том, что на современном этапе развития педагогической мысли пока еще недостаточно полно определены границы, условия и механизмы взаимопроникновения культур, которые можно применить в процессе подготовки специалистов-международников, переводчиков, учителей иностранного языка. Кроме того, многие педагогические технологии не рассматривают в качестве одного из главных факторов процесса подготовки межкультурную интеграцию как высшую ступень взаимопроникновения.

Они ограничиваются достижением максимум воспитания у обучаемых толерантности в смысле взаимопонимания, уважения и терпимого отношения к представителям других культур, ошибочно считая, что для эффективного профессионального общения этого вполне достаточно. На практике же мы убеждаемся в том, что специалист в области международного сотрудничества не является профессионалом, если он не обогатил свой жизненный опыт и мировоззрение ценностями другой культуры, которые позволяют ему быть «своим» во время общения с носителями этой культуры. С другой стороны, быть «своим» совершенно не означает ассимилироваться, то есть раствориться в другой культуре. Речь идет об адекватном поведении специалиста в условиях естественной языковой и культурной среды другой страны.

Для того чтобы определить степень эффективности с точки зрения профессиональной деятельности взаимопроникновения культур, следует проанализировать известные науке принципы межкультурных отношений на примерах различных моделей. Так, модель М. Биннетта предполагает шесть стадий развития межкультурных отношений, определяющих степень проникновения в другую культуру. Первые три описывают этноцентрические стадии развития отношений, при которых взаимопроникновение невозможно, вторые три – стадии этнорелятивистского развития, которые обеспечивают реализацию рассматриваемого принципа благодаря присутствию в них элементов полноценного общения³.

Наиболее примитивная – этноцентрическая стадия, на которой проникновение в другую культуру вообще отсутствует. По мнению ученого, она начинается с отрицания того, что культурные различия вообще существуют. Люди на этой стадии могут быть физически или психологически изолированы от других культурных групп или могут воздвигать физические или социальные барьеры, чтобы дистанцироваться или отгородиться от подобных различий.

Вторая стадия этноцентризма предполагает признание человеком того, что культурные раз-

личия существуют, но предлагает предохранение себя от них, поскольку различия воспринимаются как угрожающие «Я». Многие люди на этой стадии защищают себя от культурных различий, очерняя других и придерживаясь уничижительных установок по отношению к ним. Родственный процесс предполагает оценку собственной культурной группы как превосходящей другие. К сожалению, иногда идеи национального шовинизма могут находить свое отражение и в учебном процессе, когда в силу различных обстоятельств во время подготовки специалистов отсутствует или искажается достоверная информация о ценностях другой культуры.

Третья стадия этноцентризма включает в себя признание того, что культурные различия существуют, но одновременно преуменьшают их влияние на собственную жизнь или их значимости для нее. Одним из способов, каким человек на этой стадии прибегает к преуменьшению, является «универсализация» культурных различий, когда те дают о себе знать. Подобная тенденция к упрощению и отождествлению часто является причиной коммуникативных провалов во время решения речевых задач будущими специалистами.

На первой стадии этнорелятивистского развития культурные различия не только принимаются, признаются, но и вызывают у людей уважение. Таким образом наблюдается межкультурная толерантность. Необходимо все же отметить, что если для простого обывателя это уже достаточно высокий уровень проникновения в другую культуру, который обеспечивает в конечном счете взаимопонимание между народами, стабильность их мирных намерений по отношению друг к другу и позитивную перспективу взаимного сосуществования, то для межкультурного общения на профессиональном уровне будущему специалисту одного терпимого отношения к носителям другой культуры совершенно недостаточно. Конечно, если рассматривать его как билингвальную, бикультурную личность.

На следующей стадии этнорелятивистского развития, называемой адаптацией, по мнению исследователей, индивиды приспосабливаются к культурным различиям, которые они теперь признают, и начинают приобретать новые навыки для установления отношений и общения с представителями других культур. Одним из наиболее важных навыков является эмпатия – способность ощущать эмоции и переживания другого человека. При этом проявление эмпатии означает, что мы не только понимаем ситуацию этих людей когнитивно, но можем ощущать ее так, как будто она значит для нас то же самое, что и для них.

Второй важный навык относится к понятию плюрализма. Индивиды начинают постигать философию плюрализма применительно к своему пониманию ценностей, идей и установок, мысленно создавая множество культурных контекстов, которые содержат их понятия о множественности и различиях. Плюрализм в этом смысле тесно связан с терминами «бикультурность» и «поликультурность». Несомненно, это высокий уровень межкультурных отношений, при достижении которого границы вза-

имопроникновения культур раздвигаются довольно широко, однако существует стадия еще более глубокого проникновения в другую культуру, на наш взгляд обеспечивающая еще более качественную подготовку будущих специалистов к межкультурному общению, – это интеграция.

Интеграция является наиболее прогрессивной стадией этнорелятивизма и предполагает включение плюрализма как философии и осознанного понимания в способность оценивать культурные различия с точки зрения контекста, в котором они проявляются. Этот уровень интеграции, по мнению М. Биннетта, может привести к конструктивной маргинальности (посредничеству), при которой индивиды могут мысленно жить внутри границ различных культурных систем, адекватно включаясь в эти культурные системы и выходя из них в соответствии с социальным контекстом.

Для реализации принципа взаимопроникновения культур до такого высокого уровня аккультурации будущих специалистов в учебный процесс вуза, на наш взгляд, должны быть включены определенные педагогические условия. К ним мы прежде всего относим погружение обучаемых в условия естественной языковой и культурной среды Японии, обеспеченное соответствующим педагогическим сопровождением, а также поэтапное воспитание специалиста-посредника между двумя культурами с использованием механизмов межкультурной адаптации. Что касается первого условия, то, по мнению Н.Д. Гальсковой и Н.И. Гез, в настоящее время особую актуальность приобретает проблема моделирования образовательного процесса как активного «диалога культур», призванного обеспечить естественную интеграцию культурно-мировоззренческих ценностей мировой цивилизации, народа-носителя изучаемого языка и чужой культуры, а также конкретного социума, представителем которого является учащийся⁴.

Разумеется, обеспечить полноценную интеграцию культурно-мировоззренческих ценностей только в стенах российского вуза ввиду отсутствия естественного аудио-, видео- и ситуативного рядов естественной языковой и культурной среды Японии не представляется возможным. В связи с этим эффективную подготовку будущих специалистов к межкультурному общению с позиции принципа взаимопроникновения культур целесообразно рассматривать как составную часть процесса их постепенной межкультурной адаптации как на базе российского вуза, так и в условиях японских реалий. Имеются в виду языковые практики и языковые стажировки, которые вуз организует совместно со своими зарубежными партнерами в соответствии с международными программами обменов студентами.

В широком смысле слова межкультурная адаптация понимается исследователями как сложный процесс, в случае успешного завершения которого человек достигает совместимости с новой культурной средой, принимая ее традиции как свои собственные и действуя в соответствии с ними в конкретной ситуации. При этом основную трудность

представляет проблема преодоления культурного шока (шок перехода, культурная утомляемость), который в ходе межкультурного общения, по словам В.П. Белянина, «испытывает каждый иностранец»⁵.

Определяя понятие «культурный шок», исследователи исходят из идеи о том, что вхождение в новую культуру сопровождается неприятными чувствами – потери друзей и статуса, отверженности, удивления и дискомфорта при осознании различий между культурами, а также путаницей в ценностных ориентациях, социальной и личностной идентичности. Все это, безусловно, приводит к снижению способности человека к межкультурному общению, а в ряде случаев делает его просто невозможным, поэтому проблема требует более глубокого исследования и поиска эффективных способов ее решения. Как правило, она рассматривается в контексте так называемой кривой процесса адаптации. В соответствии с такой кривой канадский исследователь Х. Триандис выделяет пять этапов адаптации участников межкультурной коммуникации⁶.

Первый этап характеризуется энтузиазмом, приподнятым настроением и большими надеждами. Но этот этап быстро проходит, а на втором этапе адаптации непривычная окружающая среда начинает оказывать свое негативное воздействие. Часто недостаточное знание языка и культурных обычаев обостряются чувством взаимного непонимания с носителями языка и неприятие ими иностранца. Все это приводит к разочарованию, замешательству, фрустрации и депрессии. На третьем этапе симптомы культурного шока могут достигать критической точки, что проявляется в серьезных болезнях и чувстве полной беспомощности. Не сумевшие успешно адаптироваться участники межкультурного общения «выходят» из него раньше планируемого срока. На четвертом этапе депрессия медленно сменяется оптимизмом, ощущением уверенности и удовлетворения, человек чувствует себя более приспособленным и интегрированным в жизнь данного общества. Пятый этап характеризуется полной и долгосрочной адаптацией, которая подразумевает относительно стабильные изменения индивида в ответ на требования среды.

Вместе с тем многочисленные эмпирические исследования, проведенные в последние годы, ставят под сомнение универсальность кривой адаптации. При этом ученые отмечают, что участники межкультурных контактов не всегда проходят все перечисленные этапы. По мнению исследователей, это зависит от их личностных характеристик и уровня подготовленности к межкультурным контактам. Как отмечает исследователь М. Хаммер, на успешность межкультурной адаптации благоприятно влияет наличие доконтактного опыта в виде знакомства с историей, культурой, условиями жизни в определенной стране, а также овладение специфическими коммуникативными умениями, поведенческими стратегиями межкультурного взаимодействия и способами преодоления жизненных трудностей, которым человека можно научить⁷.

Первым шагом к успешной адаптации, по мнению Т.Г. Стефаненко, является уверенное вла-

дение языком, которое не только ослабляет чувство беспомощности и зависимости, но и помогает заслужить уважение со стороны носителей языка.⁸ В этом плане особо хотелось бы отметить японскую традицию одобрительно отзываться об успехах иностранцев в овладении японским языком. Таким образом, мы можем утверждать, что для ослабления и снятия негативного эффекта культурного шока в процесс подготовки необходимо интегрировать систему доконтактной профилактики этого явления, направленную на обучение будущих специалистов японского языка специфическим коммуникативным умениям и поведенческим стратегиям межкультурного взаимодействия перед поездкой в Японию. Кроме того, утверждения ученых о неотвратимости культурного шока для любого иностранца обуславливают необходимость специально организованной педагогической поддержки будущих специалистов в ходе освоения ими навыков межкультурного общения в условиях естественной среды Японии.

Этот вывод также находит подтверждение в результате анализа высказываний различных ученых о возможных последствиях межкультурных контактов для их участников. Так, в модели американского исследователя С. Бокнера перечисляются четыре возможных результата межкультурных контактов для индивида – перебежчик, шовинист, маргинал и посредник⁹. В процессе адаптации перебежчик отбрасывает собственную культуру в пользу чужой, шовинист – чужую в пользу собственной, маргинал колеблется между двумя культурами, посредник синтезирует две культуры, являясь их связующим звеном.

Исследователи предполагают, что достижение наиболее желательного результата – стимуляции предпочтения человеком роли посредника между культурами – требует создания сети социальной поддержки данного типа межкультурного взаимодействия. По их мнению, поддержка такого рода в зависимости от ситуации может включать в себя просвещение, ориентирование, инструктаж и тренинг. Целью просвещения является приобретение знаний о культуре. Отправляясь в другую страну, необходимо получить информацию о ее истории, географии, обычаях и традициях местных жителей. Цель ориентирования – быстрое ознакомление че-

ловека с новым для него окружением, основными нормами, ценностями, убеждениями инокультурной группы. Инструктаж обеспечивает широкий взгляд на возможные проблемы или фокусируется на отдельных аспектах приспособления к новому окружению. Межкультурный тренинг ставит перед собой такие основные задачи, как ознакомление обучаемых с межкультурными различиями в межличностных отношениях, что требует обыгрывания жизненных ситуаций.

В связи с этим содержание педагогической поддержки будущих специалистов со знанием японского языка во время их подготовки к поездке и пребывания в Японии можно определить как совокупность дополнительных языковых курсов, организационных собраний и индивидуальных бесед, в ходе которых необходимо проводить ориентирование, инструктажи и тренинги языкового и культурологического характера. Таким образом, анализ положений передовых теорий, связанных с процессами взаимопроникновения культур и межкультурной адаптации, дает нам возможность утверждать, что подготовка специалистов к межкультурному общению требует разработки новых педагогических технологий, ставящих целью формирование специалиста-посредника между культурами посредством регулируемого системой педагогического сопровождения погружения обучаемого в иную культурную среду для приобретения им таких качеств, как эмпатия и способность к межкультурному консенсусу.

Derkach A.V. Realization of Intercultural Penetration Principle in the Professional Training of Specialists in Japanese Studies.

Summary: The article presents a research in exposing students of Japanese to the indigenous cultural environment. The analysis of modern theories in cultural interpenetration and intercultural adaptation let the author come to the conclusion that professional training of specialists in cross-cultural intercourse at professional level makes it necessary to work out new teaching technologies. According to the author, they are to be aimed at preparing a specialist that can act as an intermediary in the intercultural community, thus possessing such qualities as empathy and ability of intercultural consensus.

Ключевые слова

Межкультурное общение, взаимопроникновение культур, межкультурная адаптация, культурный шок, педагогическое сопровождение.

Keywords

Intercultural community, cultural interpenetration, intercultural adaptation, culture shock, pedagogical support.

Примечания

1. Андреева Г.М. Социальная психология. М., 2002. С.134.
2. Воевода Е.В. Профессиональная языковая подготовка студентов-международников: вопросы дидактики // Вестник МГИМО. 2013. № 1 (28). С. 9-12.
3. Bennett M.J. A developmental approach to training for intercultural sensitivity// International J. of Intercultural Relations. 1986. Vol. 10.– P. 179.
4. Гальскова Н.Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. М., 2004. С. 29.
5. Белянин В.П. Психолингвистика. М., 2004. С.19.
6. Triandis H.C. Culture and social behavior. N.Y., 1994. P. 126.
7. Hammer M.R. Behavioral dimensions of intercultural effectiveness, 1987. – P. 65-88.
8. Стефаненко Т.Г. Этнопсихология. М., 2004. С. 253.
9. Bochner S. The social psychology of cross-cultural relations // Cultures in contact. Oxford, 1982. P. 5-44.

Проблема националистического дискурса в современной социологической науке

А.В. Ломагина

Понятие «дискурс» является заметным новшеством в современной теории национализма. Дискурсивный подход как метод социального исследования продолжает набирать влияние в отечественной и зарубежной науке. Статья посвящена исследованию национализма как специфического общественного дискурса и способа познания и интерпретации социальной реальности.

На протяжении последних десятилетий изучение национализма превратилось в одно из наиболее масштабных направлений развития социальных наук. Фактически все подсистемы гуманитарного знания вносят вклад в исследование данного феномена – от социологии, политологии и социальной психологии до истории, этнологии и философии. Важнейшим новшеством в теории национализма стало появление понятия «националистический дискурс». Его возникновение стало результатом как методологических достижений социологии, так и предшествующих историко-философских исследований национализма. Термин «дискурс», введенный еще в 60-х гг. XX в., остается не вполне осмысленным в современной науке в силу его многозначности. В классической философии он употреблялся для раскрытия процесса мышления, выраженного в понятиях и суждениях.

Дискурсивное мышление противопоставлялось интуитивному, охватывающему целое без последовательного развертывания мысли. Античный философ-идеалист Плотин разделял всеобщий, целостный, индивидуальный ум и дискурсив-

ный ум, охватывающий всю совокупность отдельных смыслов¹. Фома Аквинский противопоставлял дискурсивное знание интуитивному, определяя дискурсивное мышление как движение интеллекта от одного объекта к другому². Подъем науки в XVII–XVIII вв. обусловил разнообразие трактовок интуитивного и дискурсивного. Декарт, Спиноза и Лейбниц объясняли необходимость познания наличием интеллектуальной интуиции, придающей дискурсивному мышлению последовательность и доказательность³. Гоббс определял понимание как последовательность представления одного за другим, которое он называл «речью в уме»; он связывал дискурсивность мышления со способностью слов языка быть знаками общих понятий⁴.

Немецкая философия Просвещения предложила две линии трактовки дискурсивного мышления. Одна из них (Х. Вольф, М. Мендельсон) возводила дискурсивное мышление в абсолют, а другая (Ф.Т. Якоби, И.Г. Гаман) противопоставляла дискурсивному знанию чувство, веру, интуицию⁵. Кант в «Критике чистого разума» противопоставлял дискурсивной ясности понятий интуитивную ясность, достигаемую путем созерцания. Дискурсив-

Ломагина Анна Валерьевна – соискатель кафедры социологии МГИМО(У) МИД России.
E-mail: anna_lomagina@mail.ru

ным мышлением он называл рассудочное познание посредством понятий⁶. Гегель противопоставлял дискурсивное мышление, которое он оценивал как формальное и рассудочное, спекулятивному мышлению, постигающему абстрактные определения в конкретно жизненном понятии⁷. Данное противопоставление двух видов познания сохранялось и в XX в.

Сложность интерпретации дискурса в XX столетии выражалась в том, что под ним одновременно понимались как языково-речевая конструкция (речь или текст), так и последовательность коммуникативных актов (диалог, разговор, письменные тексты, содержащие обоюдные ссылки и т.д.). Дискурс трактовался как языковая деятельность, соответствующая определенной среде и обладающая специфической лексикой⁸.

В 1960–1970-х гг. дискурс понимался в основном как внутренне связанная последовательность предложений или речевых актов⁹. Но уже во второй половине 1980-х гг. таковым стали называть сложное коммуникативное явление, включающее, наряду с текстом, также и экстралингвистические факторы – понятия о мире, суждения, предпосылки, задачи адресата и т.д.

В предельно широком смысле дискурс означает речь или процесс языковой деятельности¹⁰. В узком же, интересующем нас социогуманитарном значении, дискурс – это социально обусловленная организация речевой системы. Иными словами, это совокупность принципов, согласно которым реальность поддается классификации и репрезентации (представлению) в определенный момент времени¹¹. Это специализированное значение термина «дискурс» впервые ввел французский лингвист Э. Бенвенист, разделив понятия «discours» (речь, привязанная к говорящему) и «récit» (речь, не привязанная к говорящему)¹². Данный термин нередко употребляется в социолингвистике, дискурсивной психологии, а также в различных вариантах теорий дискурса.

В современной социологии дискурс – это сложившийся и закрепленный в языке способ упорядочения действительности; это модель видения мира, не только выражаемая в вербальных практиках и таким образом отражающая мир, но проектирующая и творящая его. Понятие «дискурс» включает в себя общественно принятые способы видения и интерпретации окружающего мира и вытекающие из этого видения действия людей и институциональные формы организации общества.

Французский исследователь Мишель Фуко сформировал новую традицию интерпретации дискурса: он предложил поместить в контекст рассмотрения дискурса идеологию и властные отношения. В этих социально значимых сферах дискурс обретает и собственное значение, порождая конкретные социальные последствия для тех или иных общественных групп¹³. В своем труде «Археологии знания» Фуко отмечал: «Задача состоит не в том – уже не в том – чтобы рассматривать дискурсы как совокупности знаков (то есть означающих

элементов, которые отсылают к содержаниям или представлениям), но в том, чтобы рассматривать их как практики, которые систематически образуют объекты, о которых они говорят»¹⁴.

Традиция, заложенная Фуко, обусловила развитие социально-конструктивистского подхода к анализу дискурса. Представители данного подхода (такие, как М. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс) обозначают под дискурсом «общую идею о том, что язык структурирован в соответствии с паттернами, которые обуславливают высказывания людей в различных сферах социальной жизни. Известные примеры – „медицинский дискурс“ или „политический дискурс“»¹⁵. Вывод Фуко предопределили не только методологические изыскания французских социологов, но и предшествующие теоретические исследования проблем нации и национализма. Фактически Фуко ввел понятие и предложил методологию, позволившие соединить и систематизировать наблюдения таких выдающихся исследователей национализма, как К. Дойч, Б. Андерсон, Э. Хобсбаум, М. Грох, Ю. Хлебовчик и др.

В данной работе национализм рассматривается как особый социальный дискурс, иначе говоря, как специфический способ познания и интерпретации социальной действительности. Национализм сделался предметом теоретического интереса относительно недавно – в 20-х гг. XX в. Первопроходцами в этой сфере были американские историки Х. Кон и К. Хайес. Под влиянием этих ученых в 1930–1940-х гг. сформировалось отдельное исследовательское направление – «историческое национализмовеждение», сохранявшее приоритет до 1960-х гг. Среди европейских историков, занимавшихся изучением национализма, стоит выделить Т. Шидера, О. Лемберга и М. Гроха.

В методологическом плане работы классиков исторического национализмовеждения были довольно эклектичными. Эклектизм проявлялся уже в предлагаемых ими типологиях национализма. К. Хайес, в частности, говорил о «дуальной природе» данного явления: он разделял национализм как «исторический процесс» или как «факт» и национализм как «веру». Национализм как «факт», в понимании Хайеса, непрерывно обнаруживал себя на протяжении двух последних веков. Хайес интуитивно ощущал и описывал существование некоего «поля» национализма в современном ему обществе. Фактически ученый использовал дискурсивную логику в понимании национализма еще задолго до ее предметного «осознания» и институционализации в науке.

Исторический национализм довольно рано обнаружил свою методологическую недостаточность. В исследованиях национализма историки неизменно опирались на методы, разработанные в социальной науке. Чаще всего это был позитивистский метод. Именно поэтому большая часть исторических трудов о национализме, написанная до 1980-х гг., исходила из презумпции национализма как некой самостоятельной реальности или «идеи». И Кон, и Хайес полагали, что национализм может

быть описан как некоторая «вещь», как сущность, имеющая те или иные социальные проявления.

В 1950-х гг. монополия историков на изучение национализма была нарушена социологом К. Дойчем. В отличие от теоретиков исторического национализмоведения, Дойч поместил исследование национализма в более строгие теоретические рамки. Ученый определял народ как «группу людей, связанных сходными привычками и средствами коммуникации»¹⁶. Развитие каналов коммуникации сделало возможным накопление информации о прошлом, а также распространение, комбинирование и перекомбинирование информации о настоящем. С разделением труда усилилась социальная мобилизация населения, в результате чего на фоне поступательного развития коммуникационных каналов возник особый тип социальной связи – нация. Таким образом, строительство нации, по Дойчу, является постепенным включением социальных групп в единое социокультурное пространство.

Это означает, что в рамках системы социальной коммуникации рождается специфический культурный контекст, понятный «своим» и непонятный «чужим». Дойч утверждал, что новые средства социальной коммуникации делают этот контекст более «плотным» и насыщенным, что лишает человека извне способности улавливать все нюансы и значения, заключенные в тексте, даже произносимом на родном для него языке. Фактически Дойч говорит о появлении некоего символического универсума, естественного для представителей той или иной нации. Дальнейшего систематического развития данная идея Дойча не получила, однако можно утверждать, что Дойч как социолог предложил принципиально новый взгляд на проблему нации и использовал элементы дискурсивного анализа в своем исследовании, пусть и не оперируя при этом термином «дискурс».

С конца 70-х гг. XX в. формируются три основных направления в исследовании национализма: модернистское, конструктивистское и постмодернистское. Модернизм как направление научной мысли связан с процессом формирования капитализма. Он является не только первоначальным проявлением мысли о нации и национализме, но и наиболее распространенным. Согласно модернистской парадигме, изначально национализм служил некой объединительной силой в границах отдельной культуры. Модернистские теории основывались на признании нации как социальной реальности, исторически сформировавшейся в границах этнической территории, особой культуры и сферы действия национального языка. Модернистскими со второй половины XX в. стали называть теории, построенные на принципах историзма и объективности, признающие нации как культурно-психологические общности.

Современные исследователи нации часто апеллируют к трудам классика модернизма М. Вебера, который писал о воображении нации на основе особого чувства, возникающего на базе национальной культуры, языка и соответствующего

«общностного действования», т.е. поведения, основанного на эмоционально переживаемом чувстве общности¹⁷. Модернизм Вебера – это прежде всего:

- историцизм и исторический подход;
- особое выделение национальных чувств, эмоционально переживаемых в процессе «совместного действования»;
- естественность, независимость и объективность процесса «нациеформирования».

Важную роль в становлении модернистской парадигмы сыграли работы классика социологии Э. Дюркгейма. Идея нации как особой моральной общности с ее коллективными представлениями и сознанием занимала важное место в его работах («О разделении общественного труда», «Элементарные формы религиозной жизни»). Дюркгейм полагал, что коллективные представления и сознание обладают важнейшей мобилизационной функцией самосохранения, саморазвития и самоорганизации общности. Как и религия, национальная общность ощущает потребность периодически утверждать и возобновлять собственное существование через коллективные ритуалы и церемонии.

Среди современных исследователей к продолжателям традиций модернизма можно отнести Э. Смита. Ученый говорит об объективности и непреднамеренности процесса формирования наций. Его теория носит выраженный исторический и этноцентрический характер. Согласно Смиту, основа возникновения современных наций – чувство культурной близости¹⁸. Идея нации переживается членами общности как живое, реальное и конкретное чувство, в котором они могут обрести гарантию собственной идентичности.

В 80-х гг. XX в. формируется конструктивистский подход к изучению национализма. Его родоначальником выступил английский социолог Э. Геллнер, издавший в 1983 г. книгу «Нации и национализм». Нация, по мнению Геллнера, – это прежде всего продукт человеческих убеждений¹⁹. Два человека принадлежат к одной нации лишь в том случае, если они признают принадлежность друг друга к этой нации. В определении «нации» Геллнер обходится без понятия «общность» – вместо этого он предлагает другое понимание, связанное с эмоциональными понятиями: сопричастности и солидарности, общего наследия, свободного выбора и разделяемого противопоставления. Современный национализм, по Геллнеру, возник с началом индустриализации, которая изменила общество – его структуру, способы и направления социальной мобильности.

Геллнер полагает, что в основе современного национализма лежит проблема языка. Суть ее – в огромной роли информации, символов, семиотического ряда современной культуры в жизни человека. Национализм – следствие новой формы социальной организации, опирающейся на обобщественные, постоянно воспроизводящиеся высокие культуры. Культурная норма, в свою очередь, включает в себя определенные ожидания, требования и предписания, накладывающие соответствующие обязательства на своих членов. В

концепции Геллнера власть формирует национальные интересы, пользуясь при этом определенными этническими, лингвистическими, культурными и геополитическими предпосылками. Особая роль в деле «нациестроительства» принадлежит исторической науке, которая создает легенду о происхождении нации, используя различные этнические символы и мифы. Геллнер, как и Дойч, интуитивно обнаруживает некое дискурсивное поле, особый культурно-символический контекст, обуславливающий формирование и развитие нации. При этом ученый, как и его предшественник Дойч, все еще не использует термин «дискурс», хотя в его исследовании и присутствует дискурсивная логика.

К классике конструктивизма относятся также работы социолога Б. Андерсона. Нации, по определению ученого, являются «воображаемыми общностями» (imagined communities), конструктами, созданными интеллектуальными усилиями людей²⁰. Андерсон расценивает нацию и как воображаемый коллектив, и как воображаемый конструкт. Члены национальной общности в его представлении взаимодействуют не напрямую, не в личном порядке, а анонимно, с помощью неких символических связей, и по этой причине они не расценивают себя как однородную общность с повторяющимися чертами характера и общей судьбой. Общность эта сугубо историческая: она обусловлена уровнем развития предпринимательства, прежде всего – «печатного капитализма» – массовой печати, книжного производства, системы образования. Через печатное слово идея нации формируется и передается последующим поколениям. Нация здесь выступает как воображаемая общность, которая с течением времени превращается в реальную, становится социальным фактом в той степени, в какой народные массы верят в эту идею и в то, что нация реально существует. Нация у Андерсона не постепенно формирующаяся концепция, а идея, цель, образ, к которому интуитивно стремятся члены любого общества. Национализм, таким образом, становится двигателем конструирования нации.

В последние десятилетия XX в. начали набирать силу постмодернистские подходы к изучению национализма. Они представлены, в частности, американским социологом Л. Гринфелд. «Национализм, – пишет автор, это особый вид, или стиль, мышления»²¹. Подобный стиль мышления, по мнению Гринфелд, и дает рождение национальной идентичности. Согласно автору, нация – это идея, которая зародилась в Англии в XVI в., затем распространилась по миру и по-разному преобразилась в различных сообществах.

Как ни парадоксально, к постмодернистскому направлению во многом тяготеет и неомарксист Э. Хобсбаум. В его представлении, нацию создает прошлое: именно прошлое нации оправдывает ее и делает реальной в глазах других, а историки являются теми, кто «производит» это прошлое. Хобсбаум определяет историю как ретроспективную мифологию – именно она, и только она, определяет национализм, поскольку иных критериев не существует. Единственный стандартный критерий

определения нации, по Хобсбауму, – этноязыковой, поскольку именно язык, как правило, воспринимается в качестве средства выражения этнической принадлежности²².

Первой попыткой теоретического осмысления национализма как особого социального дискурса явилась статья Т. Бреннана «Национальная жажда формы» (1990), в которой автор опирается на методологические находки М. Фуко. В статье отмечалось, что ««нация» представляет собой именно то, что Фуко называл «дискурсивной формацией» – не просто аллегория или художественный образ, а порождающую политическую структуру»²³. Однако само значение понятия «дискурсивная формация» и его содержание автором не были подробно рассмотрены.

В 1993 г. была опубликована статья К. Калхуна «Национализм и этничность». В ней автор отказался от выявления сходств в содержании различных национализмов и обратил внимание на саму форму их проявления. Калхун указал, что во всех случаях национализмы объединяются общим «дискурсом» или «дискурсивной формацией»²⁴. Таким образом, автор впервые вводит новый и принципиально важный концептуальный инструментарий в исследование национализма – дискурсивный анализ.

Свое исследование Калхун начинает с постановки общего вопроса о том, что такое национализм. Национализм, по мнению автора, – это все, что относится к нации, все национальное сознание, которое принимает различные формы и выражения. Различное понимание национализма, по Калхуну, является следствием различной риторики, образа речи, особого языка. Национализм у Калхуна является «дискурсивной формацией», способом осмысления социальной солидарности, коллективной идентичности и связанных с ними вопросов и играет решающую роль как в производстве националистического самопонимания, так и в признании националистических притязаний другими²⁵. Таким образом, национализм, по Калхуну, является способом конструирования коллективных идентичностей.

Современный дискурс национальной идентичности, по Калхуну, невозможно представить без идеи индивида. Нации у автора конструируются как «сверхиндивиды», с одной стороны, и как категории эквивалентных индивидов – с другой. Между индивидами и нациями устанавливаются прямые и непосредственные отношения. Национальная идентичность обретает особый приоритет при конструировании личной идентичности. Обращение к крупным категориальным идентичностям позволяет дискурсу национализма определять место людей в международном порядке.

Калхун убежден, что национализм – это важный источник значения, вдохновения и взаимных обязательств среди больших групп людей: «Если бы он был просто иллюзией и манипуляцией, он не обладал бы таким влиянием, которое у него есть сегодня»²⁶. Национализм во многом является отражением того влияния, которое государство оказывает на своих граждан. Дискурс национализма,

наоборот, может использоваться как попытка совладать с этим влиянием: он помогает ответить на вопрос о том, кто наделен правом участия в жизни государства.

Калхун приходит к важному заключению: статус нации невозможно определить только на социально-структурных или культурных основаниях. Эти основания существуют не сами по себе, а лишь в контексте национализма. Нация, по Калхуну, это особый вид осмысления того, что означает быть народом и как народ может входить в более широкую мировую систему.

Националистический образ мысли и речи помогают созданию нации. Нет никакого объективного критерия для определения нации; не существует и особых признаков нации, равно как и процессов, способных подтвердить или опровергнуть их существование. «Национализм слишком многообразен, – заключает Калхун, – чтобы его можно было объяснить одной общей теорией... В более общем, теоретическом выражении можно рассмотреть факторы, которые ведут к непрерывному производству и воспроизводству национализма как главной дискурсивной формации в современном мире»²⁷. Подводя итог своему исследованию, Калхун повторяет: «Национализм – это риторика или дискурс, который используется для установления того, что именно представляет собой этот народ. Эта категориальная идентичность конструируется при помощи дискурса национализма»²⁸.

Британский исследователь К. Вердери обратила внимание на символическую природу нации. Значение данного символа состоит в том, что он высвобождает у индивидов целую гамму эмоций и, как любой символ, сложен и многозначен. Вердери называет нацию «базовым оператором в системе социальной классификации», «элементом политического и символическо-идеологического порядка, а также социального взаимодействия и чувствования»²⁹.

Вердери объясняет национализм как «политическое использование символа нации через дискурс и политическую активность, а также как эмоции, заставляющие людей реагировать на использование этого символа»³⁰. Национализм у Вердери не является ни идеологией, ни социальным движением. По ее мнению, политические акторы так или иначе вынуждены бороться за право собственного толкования нации и тем самым становятся участниками националистического дискурса. Они ведут борьбу за этот социальный ресурс, чтобы с его помощью достичь тех или иных политических целей. «Тотальный отказ от национализма, – утверждает вслед за Вердери австралийский ученый Саймон Дюринг, – ведет к отказу от эффективного политического действия».

Данное утверждение справедливо не только для политиков, но и для исследователей. «Все возрастающее число исследований о национализме отражает его неотъемлемое, почти атмосферное присутствие в нашем мышлении», – указывает Бреннан³¹. Это значит, что каждый индивид,

мыслящий категориями нации и национальных интересов, в той или иной степени участвует в националистическом дискурсе.

В современной науке представляется невозможным дать исчерпывающее определение нации. Британский историк Х. Сетон-Уотсон указал на данную проблему вполне четко: нет «научных» способов установить, что является общим для всех наций³². Следовательно, для любого исследователя национализма размышления о собственной включенности в националистический дискурс должны носить регулярный характер.

Важный вывод сделан в статье Дж. Холла «Национализмы: классифицированные и объясненные». Автор констатирует: «Единая, универсальная теория национализма невозможна. Поскольку прошлое различно, различаться должны и наши концепции»³³. Утверждение Холла основывается на важнейшем достижении в исследовании национализма последних трех десятилетий: непрочный консенсус, достигнутый учеными, является продуктом не сходства, а различия точек зрения на причины, обусловившие формирование наций и возникновение национализма. Результатом этих расхождений явилось осмысление множественности факторов, влияющих на зарождение наций, и бесчисленного разнообразия их сочетаний в истории государств.

Существенным методологическим прорывом стало употребление понятий «национализм» и «националист» в социологической науке как оценочно нейтральных. Об этом, в частности, говорится в работе А. Миллера «Теоретические принципы изучения национализма». В советское время негативное значение этих терминов было строго зафиксировано в оппозициях «национализм (буржуазный) – патриотизм (советский)», «космополитизм – интернационализм». Типологически сходные явления получали названия в зависимости от идеологической позиции автора и социально-политического контекста.

Наконец, последний и, пожалуй, ключевой методологический вывод – необходимость ситуативного подхода к анализу националистического дискурса. Разнообразные коллизии происходят как внутри того или иного дискурса, так и между несколькими дискурсами, которые, в свою очередь, претерпевают внешнее и внутреннее воздействие. «Только выявив основные линии противостояния и системы соотношения ценностей, утверждаемых тем или иным национализмом, можно понять логику развития ситуации», – отмечает А. Миллер³⁴.

Сегодня в рамках националистического дискурса сосуществуют и соперничают различные по степени научной и практической состоятельности трактовки нации. Проблема заключается в том, какие из этих интерпретаций становятся доминирующими в том или ином государстве в определенный момент времени. В этом свете фактически сведена на нет ценность традиционных периодизаций и классификаций развития национализма, предложенных Х. Коном, Дж. Пла-

менацем и Э. Геллнером, где различные его типы имеют историко-географическую коннотацию³⁵.

В настоящее время в социальных науках утвердилось два понимания националистического дискурса. Согласно одному из них, к дискурсу относят любые рассуждения, в которых присутствуют категории нации и национальных интересов. Данное понимание дискурса представляется не вполне логичным: в рамках этой интерпретации националистами оказываются даже те акторы, которые критикуют или прямо отрицают этот феномен. Согласно второму подходу, дискурс – это тип рассуждений, который прямо или косвенно связан с национализмом как идеологией: в ней нация трактуется как высшая духовная ценность и призма, сквозь которую оцениваются все социальные, политические и культурные явления общественной жизни.

В рамках второго подхода националистами называют социальных акторов, стремящихся интерпретировать национальные интересы и идею нации как символические ценности. Критерием оценки при этом становятся не субъективные идеалы исследователя, а социальная значимость тех способов реализации национального проекта, которые актор считает целесообразными. Данное понимание представляется более справедливым, поскольку служит объединяющим ядром как для всех научных теорий

национализма, так и для социальных акторов, выступающих апологетами национализма.

Поскольку попытка внедрения единого исследовательского подхода к изучению национализма, по сути, провалилась, дискурсивный подход на этом фоне показал свою эффективность не как дань научной моде, но как следствие развития социологической науки и исчерпанности традиционной методологии.

Дискурсивный подход к исследованию национализма продолжает воспроизводиться и набирать влияние в социологической науке. Современные исследователи приходят к пониманию того, что национализм – продукт деятельности социально-политических акторов, влияющих на определение границ политического сообщества и содержания политических идентичностей. Этим и объясняется научный интерес к понятию «националистический дискурс».

Lomagina A. V. The problem of nationalistic discourse in modern sociologic science.

Summary: *The notion of discourse represents a major novelty in modern theory of nationalism. Discursive approach as a key method of social investigation continues to earn indisputable authority in modern science. The article is dedicated to study of nationalism as a specific social discourse and the way of cognizing and interpreting social reality.*

Ключевые слова

Дискурсивный подход, историческое национализмовеждение, социальная реальность, дискурсивная формация, нациестроительство, социальная мобилизация.

Keywords

Discursive approach, historical nationalism study, social reality, discursive formation, nation-building, social mobilization.

Примечания

1. Рист Дж. М. Плотин: Путь к реальности // Plotinus: the Road to Reality / Пер. с англ. Е. В. Афанасьевой, И. В. Берестова. СПб.: Издательство Олега Абышко, 2005. С. 320.
2. Дзикевич Е. А. Философско-эстетические взгляды Фомы Аквинского. М., 1986.
3. Кирсанов В. С. Научная революция XVII века. М.: Наука, 1987.
4. Там же.
5. Хоркхаймер М., Адорно Т.В. Понятие просвещения // Хоркхаймер М., Адорно Т. В. Диалектика просвещения. Философские фрагменты. М.; СПб, 1997. С. 16-17.
6. Кант И. Трактаты и письма. М.: Наука, 1980. С.550.
7. Бим-Бад Б. М., Гавров С. Н. Гегель как практик и теоретик образования // Модернизация института семьи: макросоциологический, экономический и антрополого-педагогический анализ. Монография. М.: Интеллектуальная книга, Новый хронограф, 2010. С. 230-238.
8. Караулов Ю. Н., Путров В. В. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация: Пер. с англ. / Сост. В. В. Петрова; Под ред. В. И. Герасимова; Вступ. ст. Ю. Н. Караулова и В. В. Петрова. М.: Прогресс, 1989. С. 8.
9. Там же. С. 24.
10. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: СЭ, 1990.
11. Демьянков В. З. Текст и дискурс как термины и как слова обывденного языка // IV Международная научная конференция «Язык, культура, общество». Москва, 27–30 сентября 2007 г.: Пленарные доклады. М.: Московский институт иностранных языков; Российская академия лингвистических наук; Институт языкознания РАН // Вопросы филологии. 2007. С.86–95.
12. Там же. С. 113.

13. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. М., 1996. С. 427–428.
14. Там же. С. 301.
15. Йоргенсен М. В., Филлипс Л. Дж. Дискурс-анализ. Теория и метод / Пер. с англ. 2-е изд., испр. Х.: Изд-во «Гуманитарный центр», 2008. С. 24.
16. Deutsch K. Nationalism and Social Communication. An Inquiry into the Foundations of Nationality 1953. 2nd ed. Cambridge, Mass. And NY: The Technology Press of the Massachusetts Institute of Technology and John Wiley, 1966.
17. Вебер М. Хозяйство и общество / Пер. с нем. Е. Ляпуновой, под ред. Н. Головина; Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft: Grundriss der verstehende Soziologie.- 5., rev. Aufl.- Tubingen: Mohr, 1980; Социологические исследования. 1988. №5.
18. Смит Э. Национализм и модернизм. М.: Праксис, 2004.
19. Геллнер Э. Пришествие национализма // Нации и национализм / Под ред. Б. Андерсона, О. Бауэра, М. Гроха и др.; Пер. с англ. и нем. М.: Праксис, 2002. С. 197.
20. Андерсон Б. Воображаемые сообщества. М., 2001.
21. Greenfeld L. Nationalism. Five roads to Modernity. Cambridge, London, 1992. P. 20.
22. Хобсбаум Э. Принцип этнической принадлежности и национализм в современной Европе // Нации и национализм. М.: 2002. С. 332.
23. Brennan T. The National Longing for Form. In: H. Bhabha (Ed.). Nation and Narration. L., N.Y., 1990. P. 47.
24. Calhoun C. Nationalism and Ethnicity // Annual Review of Sociology. 1993. Vol. 19. P. 211–239.
25. Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 28.
26. Там же. С. 51.
27. Смирнов А. Национализм и публичная сфера. Послесловие к работе // Калхун К. Национализм. М., 2006. С. 267.
28. Verdery K. Whither "Nation" and "Nationalism"? Daedalus, Summer 1993. P. 37.
29. Ibid. P. 38.
30. During S. Literature - Nationalism's other? The Case for Revision. In: H.Bhabha (Ed.) Nation and Narration. L., N.Y., 1990. P. 139.
31. Brennan T. The National Longing for Form. In: H. Bhabha (Ed.). Nation and Narration. L., N.Y., 1990. P. 48.
32. Seton-Watson H. Nations and States: An Enquiry into the Origins of Nations and Politics of Nationalism. Boulder, Col., 1977. P. 5.
33. Hall J. Nationalisms: Classified and Explained. "Daedalus", Summer 1993. P. 5.
34. Миллер А. О дискурсивной природе национализмов // Pro et Contra. 1997. Т. 2, № 4.
35. Kohn H. Nationalism: its Meaning and History. Princeton, N.J., 1955; Idem. The Idea of Nationalism. N.Y., 1967.

Национальные культуры России в условиях трансформации социума в XXI столетии

А.Л. Панищев

Данная статья посвящена проблеме сохранения единства поликультурной страны – России в условиях трансформации правовой среды и кризиса национальной культуры. Автор статьи считает, что национальная культура является единственной возможностью для сохранения целостности государства и гражданского мира.

Россия традиционно является мультикультурным государством, объединяющим в себе множество этносов, народов. С одной стороны, в этом многообразии культур заключается огромная мощь Русского государства, однако, с другой стороны, многообразие такого рода требует непрестанной духовной и интеллектуальной работы народа, прекращение которой означает национальный крах, распад страны, в том числе неконтролируемый. Сам факт того, что нация должна непрерывно работать над своей духовностью, является очевидным преимуществом, поскольку для человеческого сообщества противоестественно прекращение развития.

В данном случае нелишне вспомнить, в чем состоит чуждость человека. Здесь понятие чуждость употребляется в той плоскости, которую задал Аристотель. Заметим, что чуждость человека – это то, без чего он не может быть человеком. *Чуждость* есть такое осмысление вещи, в

котором она сама не содержится, но именуется им и обозначается им. Стало быть, чуждость вещи выражается в ее имени, которое призвано отражать ее смысл. Причем имя и вещь должны выражать формальное сущностное единство. В этом сложном слове выделяются две части: чело и век. Слово «чело», вероятно, является общеславянским суффиксальным образованием от глагольной основы, выступающей в литовском языке как *kelti, keliu* – поднимать (ср. лит. *kalnas – гора*), лит. *excello* – *возвышаюсь, поднимаюсь* (ср. лат. *celsus* – *высокий*). Первоначальное значение слова «чело» – *возвышенность, гора*, откуда далее как *высшее качество*. Другая часть слова «человек» – «вѣкъ» – использовалась в значении «сила».

Исходя из такого этимологического анализа слов «чело» и «век», представленного в «Кратком этимологическом словаре» под редакцией С.Г. Бархударова¹, может быть определено перво-

Панищев Алексей Леонидович – к.филос.н., доцент кафедры философии и социологии Курского института социального образования (филиал) Российского государственного социального университета. E-mail: aleksepanishhe@rambler.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

начальное значение слова «человек» как *обладающий полной силой, взрослый мужчина*. Однако при данной расшифровке слова «человек» остается неясным место для значения слова чело в контексте высшего качества. Понятно, что далеко не каждый взрослый мужчина выражает собой высшее качество. Если мы вновь обратимся к этимологическому разъяснению второй части слова *человек* – слову *вѣкъ*, то, как было уже указано выше, это слово употребляется в значении сила. На латинском языке слово сила пишется так: *voluntas, velle*. Именно от последних двух форм происходит слово *воля*. В «Православной энциклопедии»² понятие «воля» формулируется как сила, неотъемлемо присущая природе разумного существа, благодаря которой оно стремится достигнуть желаемого. В греческом языке этимологически слово «воля» означает то, что природы стремятся к тому, что для них желательно. Иначе говоря, под силой следует понимать активное начало к реализации потенции, заключенной в человеке. В общем так или иначе, но действительно чуждость человека состоит в его стремлении к высшему качеству, постоянной работе над своим внутренним миром. Без этого стремления немислима природа человека. Тем не менее ее вырождение приводит к угасанию силы и стремления к достижению высшего качества.

Надо обратить внимание на то, что поликультурное государство поддерживается непрерывной духовной и интеллектуальной работой своих граждан. Подчеркнем, мышление гражданина мультикультурного государства должно охватывать широкий диапазон понятийного аппарата, опирающегося на словарный состав не только родной культуры, но и на иноязычную лексику, заимствованную от иных этносов, иных культур. Здесь речь идет и об овладении неродными, чужеземными языками, и об усвоении в составе языка своей родины концептов из иных языков. Например, слово «сабантуй» (тюрк. «сабан» плуг + «туй» праздник) означает народный праздник у татар и башкир в честь окончания весенних полевых работ, а со временем оно утвердилось и в русской речи. Добавляя многообразие в богатый лексикон россиян, это слово означает шумное веселье, застолье. Необходимо отметить определенную закономерность: чем богаче языковое многообразие нации, тем мощнее база для развития мышления человека.

Вспомним, что мышление есть отражение мира в понятиях. Карл Густав Юнг давал такое определение понятию мышления: «Мышление есть та психологическая функция, которая, следуя своим собственным законам, приводит данные содержания представлений в понятийную связь». Способность же к направленному мышлению К.Г. Юнг называет интеллектом³. Таким образом, мы видим прямую взаимосвязь между уровнем интеллектуального развития человека и той культурной средой, в которой он живет. Чем больше концептов он способен усвоить, тем мощнее база для развития его мышления. Од-

нако общность, замкнувшаяся в понятийном аппарате исключительно одной культуры, обречена на стагнацию и постепенное разложение.

Л.Н. Гумилев отмечал опасность локализации культуры, видя в таком процессе пагубность для этноса: «Отсутствие частого общения с иноплеменниками неизбежно ведет к стабилизации отношений внутри этноса. Возникает структура, которую мы называем «застойной», а в этносе происходит упрощение системы»⁴. Поэтому понятно, почему так важно беречь многонациональность страны, дорожить поликультурностью как национальным достоянием, служащим фундаментом для интенсивного интеллектуального и духовного развития. Жизнеспособность мультикультурного государства поддерживается духовно живыми, интеллектуально развитыми людьми.

В последнее время в философской антропологии все чаще и чаще приводятся факты, свидетельствующие о смерти человека как такового. П.С. Гуревич пишет: «Человек становится предметом археологии и этнографии, неким символом изживших себя форм биологического существования»⁵. Подобные мысли мы находим и в работах других исследователей, например С.А. Смирнова⁶, С.В. Колычевой⁷, Р.М. Руповой⁸. Впрочем, проявляющие внимание к подобным явлениям люди заметят то, что в странах Западной Европы антропологическая катастрофа приняла более широкий размах, нежели в России. Однако, в отличие от Западной Европы, Россия объединила в своих границах сотни народов, культуры которых не нивелированы и не аннулированы позитивным правом, а потому для России антропологический кризис грозит не только общим падением морали, но и дестабилизацией правовых отношений и межнациональными конфликтами. Примечательно, чем богаче, разнообразнее и мощнее в культурном отношении страна, тем более болезнен и трагичен ее распад. Достаточно сопоставить процесс дезинтеграции Чехословакии (там гражданский раскол общества прошел достаточно спокойно, бескровно) с последствиями распада Югославии, где на осколках крупного европейского государства развернулась страшная братоубийственная война, фактически не прекращающаяся по сей день.

Масштабы же и последствия вероятной смуты в России будут катастрофическими, и здесь невольно приходят на память слова великого поэта: «Страшен русский бунт...». Непростая ситуация во многом подогревается людьми, в памяти которых живы воспоминания о большом международном влиянии своей Родины как в царские времена, так и в советские. Б.В. Марков отмечает: «Парадокс в том, что распавшаяся империя может еще долгое время... в какой-то мере определять решения и поступки людей»⁹. Действительно, великая советская империя распалась, и ее граждане, ощутив когда-то величие своего государства, уже не могут согласиться на

меньшее. В силу этого в их сознании закономерен протест против сложившегося положения дел. Да и мышление, обращенное к огромным географическим пространствам, охватывающее большое количество культур, оказалось, в сущности, загнанным в более ограниченные формы. В этих ограниченных пределах оно не помещается и часто «выпирает» в нелепеприятном, подчас криминальном виде. Народ, привыкший мыслить имперскими категориями, уже не в состоянии свыкнуться с мышлением узконациональным.

Для сохранения стабильности социальной жизни страны и обеспечения ее развития необходимо восстановление национальной культуры, которая являлась бы не неким ингредиентом этнографического материала, служащего делу рентабельности туристического бизнеса, а живой составляющей бытия народов России. Бесспорно, в одной статье невозможно охватить большинство сторон национальной культуры России, поэтому мы ограничимся той ее частью, которая связана с консолидацией различных общностей и их самоидентификацией в отношении своей государственной принадлежности. Думается, что на пространстве русской культуры имеет место быть ярко выраженный диффузионизм (от лат. *Diffusio* – разливание, просачивание), выражаемый в распространении традиций русской культуры на обширных территориях. Спецификой такого распространения стало то, что русская культура подчинила себя нормам православного христианства, а потому ее репрезентантом стали не узконациональные стереотипы, не этнические ценности, а категории наднациональной религии. Именно в таких условиях стал возможен межкультурный диалог.

Концепцию диалога культур предложил русский философ Михаил Михайлович Бахтин (1895–1975 гг.). Согласно воззрениям М.М. Бахтина, диалог культур предполагает межкультурное взаимодействие, ориентированное на объединение участников диалога. Вне диалога невозможно мирное, конструктивное сосуществование культур. Между тем диалог культур заставляет их представителей искать в недрах своих культур те достояния, которыми уместно гордиться, которые поддерживают национальное достоинство. Именно в диалоге культур раскрывается их жизнеспособность, красота и величие. М.М. Бахтин отмечает, что не существует некой единой мировой культуры, но есть единство всех человеческих культур, существуют такого рода ценности, которые свойственны всем людям – именно таковые ценности служат основой для диалога культур. Таким образом, М.М. Бахтин справедливо указал на имеющее принципиальное значение обстоятельство: межкультурный диалог возможен только в условиях приоритета общечеловеческих ценностей. Эталоном культурного диалога может служить пример, который подал русский народ своим жизненным укладом. Русская культура, постулируя ценно-

сти, носящие антропологический смысл, то есть связанные с добротой, целомудрием, ответственностью, охватила своей духовностью культуры иных этносов, привлекла соседние народы тем, что именно в русской культуре они узрели путь к своему духовному выживанию и росту.

Для того чтобы Россия по-прежнему могла представлять собой прочный фундамент национального единства, необходимо соблюсти два условия: во-первых, возродить собственную культуру; во-вторых, обеспечить доступность средств коммуникации на всем пространстве России. В случае невыполнения первого условия России будет нечего предложить другим народам; на международном уровне страна станет ассоциироваться с чем-то отсталым, диким и отталкивающим. К слову сказать, в период активного расширения территории России русский народ как титульная нация являл собой пример высокой духовности и нравственной чистоты. Традиционно русский человек мыслился как образец целомудрия, благочестия. Так, архидиакон Антиохийской церкви Павел Алеппский, бывший в России с 1654 по 1656 г., описывал русских людей как святых. Он так и писал: «Без сомнения, эти русские – все святые, ибо превосходят своим благочестием даже пустынных отшельников. Богу угодно было сделать этот народ Своим – и он стал Божиим – и все его действия – от Духа, а не от плоти...»¹⁰. Вот при таком состоянии нации Россия имеет все основания объединять вокруг себя иные народы, сохраняя и обогащая их культуры. Если же в России по-прежнему будет процветать сквернословие, открытая реклама разврата и иных аддиктивных форм поведения, то кроме обвинений в шовинизме, захватнической политике Россия от зарубежных партнеров не получит ничего.

Непременным условием для сохранения многонациональности является открытость самой культуры, вокруг которой происходит объединение многих этносов и народов. Однако открытость культуры есть черта нравственной чистоты, благородства нации, которая ее несет. Весьма легко быть открытым тому человеку, который не имеет на своей совести особенно тяжких грехов (например, грехов растления других людей, богохульства, жестокости, лицемерия), так и народ тогда открыт к другим этносам, если то, что он им предлагает, составляет подлинное воплощение высоконравственной жизни. Именно такая открытость дает человеку разумное понимание настоящей свободы. «Мы обретаем свободу там, где мы открыты, где сохраняем данные нам возможности в напряженности противоположностей, где в ходе меняющихся ситуаций принимаем решения, исходя из наших исторических истоков, и непредвзято воспринимаем бытие в его новом содержании»¹¹, – писал Карл Ясперс. Такого рода свобода есть непременное условие для формирования и развития многонациональных общностей. Для нее, свободы, нужны люди, в которых нет рабского сознания,

которые готовы пойти на самопожертвование не только ради своей чести, но и ради чести других, способны пойти в «пропасть для свободных людей». Именно такие граждане создают поистине великие государства (великие не в смысле величия наполеоновской Франции или фашистской Германии, а величие в смысле высокодуховной страны). Нация, живущая в чести и достоинстве, сама по себе являет предмет восхищения и желания стать ее неотъемлемой частью.

Второе условие – доступность и развитость средств коммуникации – также важно, а его актуальность обострилась в силу того, что значительная часть населения в современной России живет настолько бедно, что, к примеру, позволить себе авиаперелет из Москвы во Владивосток могут лишь единицы россиян. Несмотря на кажущиеся прозаичность, упрощенность подобных проблем, пренебрежение ими, желание обойти стороной острые вопросы действительности – все это может привести к самым печальным последствиям как на частном, бытовом уровне, так и в общегосударственных масштабах. Недоступность средств коммуникации нередко приводит и к разрыву семейных отношений (поскольку со времен СССР стала обычной ситуация, когда по воле случая дети оказались, например, на Чукотке, а родители – в Крыму...), и к росту недовольства центральной властью, которая стала настолько далекой от Зауралья, что добраться до нее могут лишь «избранные».

Наконец, недоступность путей сообщения для большинства граждан, отсутствие между регионами страны константных связей способны спровоцировать локализацию этнических культур и рост сепаратизма. Здесь необходимо осознать то, что в период включения коренных народов Сибири в состав России у них еще не сформировалось развитое государственное сознание, а православное христианство принималось в силу осознания его разумности и душеполезности. Более того, для многих народов принятие христианства автоматически означало признание власти русского правителя, как например, это было с народами Коми, которые крестились в 1370-х гг. по духовному подвигу Стефана Пермского.

Христианизация и включение народов Коми в состав России являет собой яркий пример культурной открытости самой России и ее отеческой заботы об иных народах, потому мы подробнее остановимся на этом историческом факте. Стефан Пермский не просто пришел и крестил людей, а предложил им эталон духовной жизни и основы интеллектуального развития. Вспомним, что Стефан Пермский в 1370-х гг. разработал азбуку для коми-зырянского языка (древнепермскую письменность или *абур*). Стефану Пермскому суждено было стать и просветителем, и крестителем народов Коми, причем здесь понятия «просвещение» и «крещение» взаимосвязаны. Надо заметить, что

в такой просветительской деятельности Стефана Пермского кроется настоящий духовный подвиг. Помимо огромной интеллектуальной работы, таланта проповедника, бесстрашия перед угрозой смерти, Стефану потребовалась большая любовь к людям, умение видеть ценность в каждом человеке, в том числе и некрещеном. Стефан Пермский был прежде всего представителем русского народа, в среде которого образ жизни Стефана Пермского был распространен, пусть и в не столь яркой форме. Так или иначе, но народы Коми видели в Стефане Пермском не доброе исключение, а пример жизни русского человека, на основе которого составлялось представление обо всех народах, объединяемых Московским княжеством.

В современной России моральный уровень нации уже не тот, который позволял бы ставить русских людей как образец праведности, и почти все народы уже имеют весьма четкие, если не понятия, то представления о государстве. Что касается материальной стороны, то ни в коей мере нельзя преуменьшать ее значения. В советский период во многих дальних регионах страны индустриальная база была обеспечена, она предоставляла достаточные материальные средства к жизни и позволяла организовывать самостоятельное производство ряда вещей. В настоящее время все эти возможности, завоевания, приобретенные в отдаленных районах СССР благодаря трудовому подвигу советских граждан, могут стать основанием для разделения российской территории (к примеру, отделение от России Зауралья).

Поэтому необходимо в кратчайшие сроки обеспечить для большинства россиян доступность средств коммуникации на всех просторах России. Думается, что здесь нельзя полагаться на частный бизнес, поскольку предприниматель не есть купец, традиционно придерживавшийся христианских норм, служивший в своем статусе Богу и православному государю, для которого «купеческое слово» было важнее любых юридических документов. Предприниматель служит прежде всего себе и заинтересован в максимальной личной выгоде в наиболее короткие сроки. Частного предпринимателя не будут заботить глобальные проекты, связанные с освоением космоса, сохранением национальных культур, поддержанием мира на земле... – все это важно для крупных государств, служащих добру, таких, как Россия, но не для частного дельца. Поэтому то сохранение единства России есть вопрос, связанный с общечеловеческими интересами, а заниматься его решением должно государство. Стало быть, необходимо организовать государственные предприятия по обеспечению максимально доступных и стабильных средств коммуникации внутри России.

Если в ближайшие месяцы не предпринять реальных шагов по обеспечению выполнений вышеназванных условий, то негативные процессы могут принять необратимый характер с

катастрофическими итогами для России. Указание на столь короткий промежуток времени – несколько месяцев – является вполне реальным сроком, в течение которого возможно выполнить данные условия если не во всей их полноте, то хотя бы в некоторой степени, позволяющей гражданам увидеть положительные подвижки в деле возрождения национальной культуры России и обеспечения доступных средств коммуникации внутри страны.

Здесь необходимо ясно осознать то, что локализация этнических культур на фоне краха культуры титульной нации способна привести не просто к распаду страны, а к искажению понимания правового государства. Ориентация общности на сугубо свои этнические интересы приведет к нарушениям в самой социальной материи и спровоцирует появление мутированных форм государств – прайдовых. В среде таких по сути антигосударств формируется иной тип права, который я условно назвал бы прайдовым правом. Полагаю, что введение этого понятия в философско-правовой понятийный аппарат обоснованно. Данная дефиниция непосредственно связана с понятием «прайд». Оно употребляется в отношении группы хищных животных (львов), живущей на определенной территории и имеющей лидера. Цель объединения животных в прайд состоит в их биологическом выживании. Характеризуя общество людей, не принято использовать слово «прайд». Однако в истории человечества существуют такие кризисные периоды, когда «очеловеченность» людей минимальна, соответственно степень проявления, раскрытия естественного права весьма ограничена, а позитивное право хотя формально присутствует, но оно неэффективно или малоэффективно.

В таком сообществе правовое поведение людей основано на лидерстве конкретного лица в определенной группе. Здесь источником власти выступает большое сознание индивида, в котором минимальна мера раскрытия естественного права и априорного содержания в целом. Характер законов прайдового права основан на искаженном видении миропорядка и принципов морали. Единство государства в условиях распространности прайдового права условно и поддерживается однородностью правовой обстановки на своей территории. Однако внутренне страна оказывается разделенной на регионы, в которых господствует определенный прайд. Такие регионы невозможно назвать административными единицами – это скорее прайдовые территории, где действуют законы, которые в цивилизованном обществе принято называть законами криминального мира. Несмотря на формальную включенность в государственные границы, жизнь на таких территориях не может характеризоваться в категориях государственного права. Неразвитость или недоступность большинству людей средств коммуникации фактически блокирует всякую попытку государ-

ственной власти установить конституционный порядок в конкретном районе.

В сообществе людей, охваченных прайдовым правом, отсутствует стремление к решению общегосударственных задач; мировоззрение характеризуется узостью, а представления о духовности почти вырождены. Соответственно развитие личности в данных условиях немислимо. Индивид в условиях прайдового права оказывается поработленным узким клановым, этническим мышлением, в структуре которого гармонично уживается язычество и закрытость. Достаточно обратить внимание на территориальные «осколки от СССР» в виде таких государств, как Украина, Грузия, Азербайджан... Если Украина в составе СССР являлась республикой технически развитой, духовно здоровой, то в современной «независимой» Украине мы видим не только спад индустриального производства, но и явную моральную деградацию, очевидное массовое увлечение язычеством, граничащим с богохульством в выступлениях сомнительных женских групп. В таких условиях теряются не только экономические, но и культурно-исторические связи.

Если мы посмотрим на страны Кавказа и Средней Азии, то там увидим исламизм, подпитываемый саляфитским правительством Саудовской Аравии. Причем в этом исламизме налицо не религиозность, а сектантство. При таком положении дел межкультурная коммуникация невозможна, она неизбежно принимает криминальные формы: то на территории Львова законодательно запрещают говорить по-русски, то в Азербайджане человека преследуют по факту наличия Библии... (организация «Open Door» внесла Азербайджан в список стран, где права христиан ущемляются). Эти явления есть закономерный результат неспособности нормально развиваться в условиях локальности, закрытости этнических культур, которые деградируют до уровня прайда. Прежний интеллектуальный потенциал народа, загнанного в монокультурные государства, оказывается уже невосстребованным; в его наиболее образованной среде образуется множество «ненужных» людей.

Зададимся вопросом: насколько остро ощущается нехватка в Туркмении, Грузии, Литве или Украине крупных специалистов в области космонавтики или инженеров военного судостроения, способных, например, спроектировать ракетный крейсер? Такие специалисты оказывались востребованными в СССР, который и являл собой ту мультикультурную среду, где было возможно их формирование. Поэтому-то гибель многонациональной страны так болезненна и трагична; после распада многонациональных государств обычно возникает серия клановых ультранационалистических структур, начинается явное проявление тенденций, ранее находившихся в латентном состоянии и в целом осуждаемых общественностью. В условиях разобщенности людей локализация общностей становится пи-

тательной средой для складывания клановых, языческих группировок и, наконец, прайдового общества.

Главная угроза прайдового права заключена в его стремлении отвергнуть такие качества, как благородство, благочестие, доброта, то есть качества, без которых очеловечение индивида невозможно. Вместе с тем в прайдовом праве и, следовательно, в прайдовом обществе поступки, приводящие к вырождению человека как духовного существа, представляются нормативными. Формирование прайдового права, несмотря на всю свою деструктивность, есть крайне сложный процесс, в котором мутирует сама сущность государственности. Опираясь на опыт многовекового функционирования мощного Римского государства, общество уверовало в силу государства как самого по себе, решило, что в системе государственных отношений все будет работать достаточно эффективно, а в случае отказа одного из механизмов он будет продублирован другим, имеющим более результативный потенциал. Эта убежденность в преимуществе, действенности данной системы, в ее способности существовать самостоятельно в итоге прельстила людей мыслью, что и их насущные проблемы государство сможет решить само собой. В результате государственная машина из полезного, нужного средства для обеспечения порядка и безопасности в обществе в чем-то, по сути, превратилась в некую прелесть, подкупающую людей возможностью жить безответственно, подчас аморально, ссылаясь при этом то на закон, который не запрещает ему что-либо делать, то на право, которое призвано защищать его права.

Между тем государство не может и не должно восприниматься как безликая система, которая рассматривается в качестве способной быть самостоятельной и выстраивать с людьми какие-либо отношения. В Дипломатическом словаре дается такое определение понятия гражданства: «Гражданство – устойчивое политико-правовая связь физического лица с государством, выражающаяся в совокупности их взаимных прав и обязанностей»¹². При таком понимании гражданства человек выстраивает отношения с государством, которое воспринимается как самостоятельная система, способная, в одном случае – быть расположенной к гражданскому лицу, а в другом – выступать против него. Так или иначе, но для безнравственного индивида, оказавшегося в неблагоприятных для него жизненных условиях, остается своеобразная лазейка: сослаться не на собственные просчеты, а на недостатки в правовой системе, иметь возможность воспользоваться ими в личных, порой в корыстных целях. Вместе с тем гражданство – это прежде всего состояние человека, в котором он способен разумно общаться с другими людьми на основе позитивного права. Фактически же люди забывают о том, что государство как форма их бытия есть производная от их же человеческой природы. Поэтому сущность государства может меняться

в зависимости от духовного состояния общества. Сущность государства хотя и устойчива, но не является собой абсолютную неизменную, некую константу. В.С. Петров пишет об этом следующее: «Сущность государства, будучи относительно устойчивым его свойством, тем не менее не является метафизически неизменной субстанцией»¹³.

К этому положению необходимо отнестись очень внимательно. Прайдовое право как раз и есть пример изменения самой сущности государства, причем эти изменения являются регрессом. Естественно, деградации государства предшествует деградация общества, отрыв государства и права от культурных ценностей, наконец, вырождение и гибель культуры. Государство само по себе не обладает способностью к долговременному функционированию – одно, два, максимум три поколения. Далее государство проявляет себя и функционирует по иным законам, которые мы назвали прайдовыми. Постепенно последние принимают характер самодовлеющей силы, которая не просто становится нейтральной к нравственным поступкам, но и прямо подавляющей в людях всякое чувство нравственного. Иначе говоря, так же как закон истинного государства прямо борется со злом и утверждает добро, так и закон прайдового государства прямо борется с добром и утверждает зло, при этом активно вмешиваясь в жизнь той части общества, в которой еще сохраняются чувства человеколюбия, принципы нравственного. В последнем случае имеет место подмена государственных функций, что автоматически усиливает процесс распада общества. Между тем функциональная сторона государственного бытия непосредственно свидетельствует о его сущности. В.С. Петров отмечает: «Функция государства – это категория, в которой выражается его содержание, непосредственно связанное с его сущностью, социальным назначением»¹⁴.

В прайдовом праве государственность как форма волевого утверждения сущности человека продолжает функционировать, однако сущность, утверждаемая государством, оказывается совершенно иной, мало связанной с неписаными законами человечности. Особенно опасным представляется прайдовое право в том смысле, что разъединяет людей на узкие группы, при этом главарь криминальных группировок при отборе их будущих членов подчас руководствуется критерием отсутствия в них твердых моральных правил, каких-то серьезных преставлений о непреходящих культурных ценностях. В прайдовом праве основополагающие ценности культуры игнорируются и подменяются нормами контркультуры и субкультуры, носящими в большей мере сектантский характер. Между тем от степени и характера дробности общества во многом зависит глубина негативных проявлений в его различных структурах, в том числе в государственной жизни. Нельзя забывать о том, что сущность государства во

многим определяется характером социальной структуры. Так, советское общество было классовым, то есть структурированным по принципу вида трудовой деятельности. Снова обратимся к исследованию В.С. Петрова, где ученый отмечает: «Содержание государства есть указатель того, в руках какого или каких классов сосредотачивается политическая власть в обществе и против какого или каких общественных классов эта власть направлена»¹⁵.

В случае деструкции общественных ценностей элементы структуры общества могут быть подменены, заменены, например, кланами. Однако в силу того, что человечество уже довольно-таки давно прошло этап родоплеменного развития, кланы уподобляются прайдам. Это похоже на возвращение христианина к язычеству. Содержание остается богатым, но форма, резко ограниченная, не вмещает в себя прежнего, а поэтому подвержена мутациям, вследствие чего содержание становится предметом гордыни, способом болезненного самоутверждения своего «Я». Чем более богатое наследие оставлено настоящим государством пришедшему ему на смену прайду, тем более прайд становится сильным и опасным. Надо отметить то, что в последнее время среди молодежи возрастает неподдельный интерес к язычеству, однако, как правило, не связанному с истинным желанием изучить свою историю. Интерес к языческой культуре, по сути дела, связан с ростом агрессии в отношении представителей иных народов, которые начинают восприниматься как чужие и даже враждебные. Если князь Владимир в 988 г. принимал Христианство по причине необходимости объединения славянских племен, то современное наступление язычества способно послужить предпосылкой к распаду страны.

Кроме того, надо всегда осознавать то, что государство не является каким-то мертвым механизмом, работающим по каким-то собственным законам. Любое государство есть результат духовной жизни народа, включающего в себя множество национальностей, этносов, есть продолжение его внутренней жизни. Именно в государстве наиболее полно и осознанно кристаллизуются культурные традиции, ментальные особенности народа. Так, в данном контексте представляют определенный интерес речевые характеристики, те языковые образительные средства: эпитеты, сравнения..., обычно прибавляемые к названию некоторых государств для того, чтобы подчеркнуть мироощущение, склад ума, мировосприятие, психологические особенности их населения. Впрочем, в отдельных случаях не исключается и такое, как стремление выдать желаемое за действительное. Если нация называет свою страну доброй, то это значит, что в ее сакраментальном, в течение веков укоренившемся представлении подобная оценка связана с миропониманием, при котором во главу угла людьми ставится прежде всего доброта (как в Великобритании: добрая старая Англия).

Если народ свое государство называет «великим», то это проливает свет на то, что нацией придается большое значение эпитету великий (как в Германии); если же в речевой народной характеристике страны звучит преобладающее определение «святая» – налицо логичное объяснение: дорожат именно таким национальным критерием культуры, как святость (святая Русь).

Замечу кстати, святость не может мыслиться вне добра, вне величия и славы; она всеобъемлюще вбирает в себя все нравственное, одновременно преодолевая границы чисто морального, входя в пределы духовной жизни, захватывая всю глубину человеческого сердца, всякое движение человеческого ума и чувства. Святость заставляет человека мыслить надмирными категориями. Собственно говоря, на Святой Руси всегда были в почете благочестие, добролюбие, благоговение. Именно эти качества русского народа были призваны утвердить государственность, рожденную в недрах его национального характера, а в первую очередь его религиозного опыта. На основе концепции Святой Руси Россия стала многонациональной страной, в которой каждый народ приобщался к христианским ценностям, при этом сохраняя свою культуру. Здесь речь не идет о нивелировке этнических культур, об их оформлении по некоему слепку; как раз наоборот, Святая Русь задавала общее направление духовному росту общностей, в котором раскрывалось богатство их культуры. В этом отношении уместно вспомнить слова христианского философа П. Флоренского, отмечавшего, что Христос есть «не ходячее нравственное правило, но и не модель для копирования; Он – начало новой жизни, которая, раз принятая в сердце от Него, сама уже развивается по собственным законам»¹⁶.

Примечательно, немаловажную роль в решении национально-культурных проблем должны играть инновационные проекты, позволяющие успешно сочетать национальное и интернациональное воспитание населения страны. Народ, вобравший, сохранивший вековые многонациональные традиции, – обладатель уникальной культуры, синтеза разных культур. В статье «Россия: национальный вопрос» В.В. Путин, говоря о российской цивилизации, отмечает: «Стержень, скрепляющий ткань этой уникальной цивилизации, – русский народ, русская культура... и самоопределение русского народа – это полиэтническая цивилизация, скрепленная русским культурным ядром»¹⁷. Бесспорно, в непростых условиях современности, в атмосфере, породившей новые цивилизационные противоречия, проблематично и сохранение, и развитие «русского культурного ядра». Тем не менее поставленная задача, касающаяся сегодняшнего состояния полиэтнической цивилизации – при всестороннем теоретическом осмыслении, серьезной проработке и системной практической реализации – может быть решена успешно. Следует отметить то, что в целях обеспечения

устойчивого и управляемого состояния многонационального общества положительное значение имеет мегакультурная модернизация, в ходе которой в измененном состоянии социума происходит сознательно организованный процесс, исключающий стихийный характер, нередко проявляющийся в себе зло.

В данном контексте невозможно обойти молчанием такое понятие, как зло, ибо оно, как это ни печально, сосуществует рядом с добром. Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев утверждает: «Зло... – это прежде всего отрицание добра, его отражение со знаком минус... Чем сильнее добро, тем опаснее его “противовес” – зло...»¹⁸. Помимо того, Д.С. Лихачев справедливо отмечает, что зло обладает сознанием, способностью целенаправленно действовать, поражая в культуре все то самое драгоценное, на чем она зиждется. Вот именно здесь зло отображает свою природу, которая не имеет никакой самостоятельности, а лишь в состоянии паразитировать, питаться добром, обращая его в нечто отрицательное. «Грех бесплоден, потому что он – не жизнь, а смерть. А Смерть влачит свое призрачное бытие лишь Жизнью... питается от Жизни... То, что есть у Смерти, – это лишь испоганенная ею жизнь»¹⁹. Так и здесь, зло искажает добро, обращает его в свою противоположность. Эта мысль озвучена Д.С. Лихачевым, который для ее иллюстрирования пишет: «Так, например, если народ щедр и щедрость является его наиболее важной чертой, то злое начало в нем будет расточительность, мотовство. Если наиболее приметная черта народа состоит в точности, то злом окажется нестигаемость, доведенная до полной бессердечности и душевной пустоты»²⁰. В данном случае беру на себя смелость добавить следующее: если самой яркой народной чертой является святость, то злое начало вполне способно обернуться проявлением откровенной бесовщины, когда на смену сакраментальному – священному, завещанному народу его предками, – исподволь, но тем не менее явственно заявляют о себе безнравственность, какое-то моральное увечье, духовная опустошенность, наконец – прямое служение Зверю.

Таким образом, мы обосновываем мысль, изложенную в первом абзаце данной статьи: мультикультурность государства сама по себе является большим преимуществом и достоянием, но в обратной своей стороне, при условии смерти национальной культуры, эта мультикультурность способна привести к болезненному распаду общественных отношений, сопряженному с крахом правовой жизни граждан. И здесь уместно дать краткую характеристику общим характерным чертам, присущим устройству общества, где господствует прайдовое сознание. Согласно законам прайдового права, складывается и определенный уклад общества, в повседневной жизни которого вырабатывается и соответствующее ему сознание людей, каковое можно назвать также прайдовым. Выделим не-

которые черты прайдового сознания: доминирование локальных интересов и индифферентное отношение к мировым проблемам; узость мировоззрения; слабая выраженность чувства социальной ответственности; ориентация общества на развлекательную культуру и господство принципа удовольствия; широкая распространенность жаргонной терминологии; оторванность законодательства от культуры.

На этом последнем пункте есть смысл остановиться подробнее. Оторванность законодательства от культуры само по себе в здоровом государстве невозможно, поскольку всякий закон функционирует первоначально в качестве неписаной культурной традиции, а лишь затем институционально закрепляется в государственном праве. Если традиция не получит правового обеспечения или законодательно станет запрещенной, то она все равно будет строго соблюдаться, если культурные ценности predisполагают общество к ней. В этом случае государственные реформы, противоречащие культурным традициям, не будут иметь широкого распространения в обществе. «Инновации, которые не санкционированы в культуре, не воспринимаются в ней как «свои», как нечто привычное, комфортное, могут провоцировать мощное, массовое дискомфортное состояние в обществе»²¹, – пишет А. Ахизер.

Полагаем, что в прайдовом обществе происходит унижение и уничтожение, своеобразное упразднение культуры и, как следствие этого, подъем контркультуры. Между тем нельзя недооценивать силу государственного влияния на быт народов. Достаточно вспомнить деятельность Петра I, которого его подданные с полным основанием называли Антихристом. Этот правитель в ходе своей реформаторской деятельности свел крепостное право к рабству, жестоко подчинил себе Церковь, залил страну кровью и растлил саму государственную власть и, используя государственные механизмы воздействия на социум, переориентировал вектор развития страны. Иначе говоря, государство обладает очень большой силой, часто определяющей весь общественный ход развития.

В начале XXI столетия, когда основные нормы традиционно понимаемой культуры во многом преданы забвению, государство стало особенно действенной силой, подчас недостаточно подвергаемой контролю, а то и вовсе не контролируемой. На таком фоне усиление диктатуры закона может привести к неоднозначным последствиям. С одной стороны, сила государственного закона способна переломить общее положение дел в лучшую сторону, задействовать административный ресурс для разумной организации государственной жизни. Однако если среди представителей власти окажется нечистоплотный, неразборчивый в средствах для достижения корыстной цели чиновник, в котором вырождена человеческая природа, то диктатура закона превратится в тиранию прайдового порядка.

Бесспорно, укрепление власти государства есть процесс благотворный, но без высокого духовного уровня он способен затормозить развитие общества. С одной стороны, укрепление вертикали власти нужно, поскольку к началу XXI в. Россия как многоконфессиональная и многонациональная страна оказалась перед опасностью очередного распада. Однако, с другой стороны, в условиях девальвации традиционных ценностей культуры одни лишь административные меры могут привести к обратному результату, то есть к усилению сепаратизма. Жесткие заявления представителей власти могут быть эффективны в деле укрепления страны, если они сами подадут пример нравственной чистоты. Однако эти же самые заявления из уст властей имущих, не обремененных моральными устоями, могут вызвать, прежде всего в исламских общностях, лишь глубоко пренебрежительное и злобное отношение как к государству, так и к его руководителям.

Бесспорно, власти в России предпринимают целый ряд мер по сохранению гражданского единства, причем мер нужных, правильных, однако для значительной части общества, находящегося на невысоком уровне культурного развития, они явно недостаточны. Так, Б.В. Марков характеризует государственный кризис Римской империи так: «Огромная территория, населенная разными народами, верующими в разных богов и говорящими на разных языках, уже не переживалась как отечество. Рим стал политической фикцией и должен был придумать новую технику сборки коллективного тела империи... Взамен демократически избранной власти Рим опирался на бюрократию и управлял массами при помощи зрелищ, которые, казалось, ведут к одичанию и обесчеловечиванию людей»²².

В ситуации деструкции базовых ценностей культуры закон, как производное от человеческой деятельности, может пойти вразрез с правом, прежде всего с естественным. Социум вне культурных норм оказывается достаточно уязвимым по отношению к манипуляциям общественным сознанием, поэтому не в состоянии в должной степени обеспечить эффективный и целесообразный контроль за деятельностью государственных институтов. В этом случае государство под видом реформ, подчас прикрываясь идеей толерантности (которая сама по себе хороша), способно навязать обществу аддитивные формы поведения, которые в условиях отсутствия культурного ценза получают широкое распространение и общественное признание.

Безусловно, нельзя отрицать саму идею толерантности, либерализма. Вне либерализма крайне затруднительна интеграция и сосуществование многих народов в едином государстве, поэтому для России, объединившей в своих пределах множество культур и религий, особенно важно защищать ценности либерального, толерантного общества. «Либерализм не есть грех; это необходимая составная часть целого, которое без него распадется или замерзнет...»²³. Однако тот ли-

берализм, который ныне нередко выносятся на суд российской общественности, весьма опасен. Кстати, не без причины еще Ф.М. Достоевский, незадолго до революции и девальвации самой российской государственности царского режима, отмечал: «Либерал дошел до того, что отрицает самую Россию... Каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает в нем смех и чуть не восторг... и свою ненависть к России принимает за самый плодотворный либерализм»²⁴. Однако либерализм конца XIX в. был главным образом направлен против государства, но не против человеческой природы, поэтому после свержения царизма молодое советское общество сумело построить мощное государство, оказавшееся весьма жизнеспособным и с которым считались на международной арене. Тот же либерализм, с которым Россия сталкивается с конца XX в., по сути направлен на разрушение, вырождение самой человеческой природы. После того как либерализм такого рода даст свои плоды, будет немисливо не только функционирование существующей формы государственности, но станет невозможным возрождение самой государственности в любой ее форме. Иначе говоря, мы можем оказаться перед фактом полного уничтожения русского народа и православной культуры.

В условиях господства прайдового права особое значение в жизни нации имеет ее способность сохранять человеческое лицо на фоне произвола отдельных лиц. Эта способность может выражаться в сознательном, волевым отказе от действий, допустимых с точки зрения прайдового права, но преступных в контексте позитивного права и аморальных в свете естественного права. Тем не менее эта способность сама по себе хотя и предохраняет человека от духовной деградации, но не способствует росту правосознания и оздоровлению общества в целом. Для эффективной борьбы с прайдовым правом необходимы сила и гибкость позитивного права, его органичная связь с естественным правом, перцепция последнего как значимой ценности.

Особенно важным является сохранение единства страны, предотвращение локализации этнических или конфессиональных общностей; в противном случае мы окажемся перед угрозой клановой и сектантской системы, которая разьет страну и приведет к ее дезинтеграции. Единственной подлинной основой для сохранения целостности страны и гражданского порядка является культура, которая функционирует не на основе административных распоряжений представителей власти, а на основе соблюдения этических норм, нравственной и гражданской ответственности за свой народ. Культура немислива без следования нормам духовной чистоты, строгой нравственности, благородства, поэтому-то так важно законодательно защищать культуру как императив развития и функционирования любого общества. Только при таком положении дела, когда русский народ будет являть собой пример высокой культуры, иные народы посчитают при-

■ Социология

соединение к России или сохранение единства с ней наиболее действенным средством и условием для организации разумной жизни и духовного роста.

Panishchev A.I. National Cultures of Russia in the Conditions of Society Transformation in the XXI Century.

Summary: *This article is devoted to the problem of maintaining state integrity of a multicultural country – Russia – in the situations of transformations of law environment and decay of national culture. Nevertheless national culture is sole capable for keeping state integrity and civil order.*

Ключевые слова

Культура, нация, мультикультурная страна, право, коммуникации.

Keywords

Culture, nation, multicultural state, law, communications.

Примечания

1. Краткий этимологический словарь. М.: Просвещение, 1971. С. 489.
2. Православная энциклопедия под ред. Патриарха Московского и всея Руси Алексия II. Т. II. М., 2005.
3. Юнг К.Г. Психологические типы / К.Г. Юнг. Мн.: ООО «Харвест», 2003. С. 476.
4. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли / Л.Н. Гумилев. М.: АСТ, 2001. С. 119.
5. Гуревич П.С. Феномен деантропологизации человека / П.С. Гуревич // Вопросы философии. 2009. № 3. С. 20.
6. Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор / С.А. Смирнов // Человек. 2003. № 5.
7. Колычев С.В. Проблема антропологической катастрофы в западноевропейской философии XX века / С.В. Колычев // Антропологические конфигурации современной философии. Материалы научной конференции. М.: МГУ, 2004. С. 115.
8. Рупова Р.М. Антропологические модели в социальной философии XX–начала XXI века : автореф. дис. ... канд. философ. наук / Р.М. Рупова. М.: РГСУ, 2008. С. 3.
9. Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2011. С.12.
10. Путешествие Антиохийского Патриарха Макария в России в половине XVII века, описанное его сыном архидиаконом Павлом Алеппским. М., 1896-1900. Цит. по Лебедеву Льву, прот. Москва Патриаршая. М., 1995. С. 213.
11. Смирнов С.А. Современная антропология. Аналитический обзор / С.А. Смирнов // Человек. 2003. № 5. С.168.
12. Петров В.С. Сущность, содержание и форма государства / В.С. Петров. Л.: Наука, 1971. С. 269.
13. Там же. С.15.
14. Там же. С.29.
15. Петров В.С. Тип и формы государства / В.С. Петров. Л.: Изд-во Ленинградского университета, 1967. С.39.
16. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. Флоренский. М.: АСТ, 2003. С. 200.
17. Путин В.В. Россия: национальный вопрос / В.В. Путин // Независимая газета. 2012. № 7. С. 1.
18. Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д.С. Лихачев // Наше Наследие. 1991. VI. С. 15-16.
19. Флоренский П. Столп и утверждение истины: Опыт православной теодицеи / П. Флоренский. М.: АСТ, 2003. С. 153.
20. Лихачев Д.С. Три основы европейской культуры и русский исторический опыт / Д.С. Лихачев // Наше Наследие. 1991. VI. С. 15-16.
21. Ахиезер А. Ценности общества и возможности реформ в России // Общественные науки и современность. 1994. № 1. С. 17.
22. Марков Б.В. Знаки и люди: антропология межличностной коммуникации / Б.В. Марков. СПб.: Наука, 2011. С.9.
23. Достоевский Ф.М. Идиот / Ф.М. Достоевский // Собрание сочинений. В 12 т. Т. 6. М.: Правда, 1982. С.14.
24. Там же. С.16-17.

Инновации как основа оптимизации образовательного процесса в учебных заведениях МВД России

Ю.В. Стригуненко

В статье рассматриваются инновационные аспекты развития системы профессиональной подготовки кадров и оптимизации образовательного процесса в учебных заведениях МВД России. Автор отмечает, что в настоящее время значимость успешной модернизации высшей профессиональной школы в инновационном развитии России осознается как приоритетная задача государства и общества.

Современная образовательная система характеризуется коренными изменениями во всех ее звеньях, направленными на достижение нового качества образования. Правительственная концепция и стратегия модернизации образования определяют основные приоритетные направления таких изменений – обновление целей и содержания образования, методов и технологий обучения на основе современных достижений педагогической науки и инновационных подходов к его совершенствованию.

Именно инновации (нововведения), как результат научных поисков и передового педагогического опыта, являются наиболее оптимальным средством повышения эффективности образования. Инновация означает новшество, новизну, изменение; применительно к педагогическому процессу это введение нового во все компоненты педагогической системы – цели, содержание, методы, средства и формы обучения и воспитания,

организацию совместной деятельности учителя и учащихся, их методическое обеспечение.

Инновационная деятельность – это освоение в образовательных учреждениях новшеств, которые могут вести к изменению состояния функционирования и проектированию развития образовательной системы, ее подсистем и звеньев. Инновационный подход к обучению или воспитанию означает введение и использование в образовательном процессе учебного заведения педагогических инноваций. Инновационные процессы в образовании существуют не изолированно друг от друга, а взаимодействуют между собой. Эта тенденция обусловлена интеграционными процессами в науке, в формировании современного стиля научного мышления человека и интеграционными процессами в самом образовании.

Осуществляемый в настоящее время переход российского общества к инновационному пути развития коренным образом изменяет роль высшей школы, выдвигая новые требования к ка-

Стригуненко Юлия Владимировна – к.соц.н., преподаватель кафедры философии и социологии ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России». E-mail: strigunenkjulija@rambler.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

честву образовательных услуг. На современном этапе ведущими странами мира особое значение в формировании и накоплении человеческого капитала придается образованию. Его уровень определяет интеллектуальный потенциал государства¹. Именно это определяет ту особую роль, которую в развитии России всегда играло и будет играть образование. Невозможно не согласиться с мнением Н.В. Астафьевой, что «в совокупности с наукой, общественно-политическими институтами, культурой система высшего образования становится важнейшим фактором создания в России инновационной экономики на принципиально новой технологической основе, ключевым средством развития человеческого потенциала и обеспечения демократических свобод личности»². В контексте отмеченного вполне закономерно то, что проблемам модернизации отечественной системы образования, в том числе и системы профессионального образования МВД России, уделяется самое пристальное внимание.

Практика последних лет продемонстрировала ряд серьезных организационных проблем в системе управления подготовкой кадров МВД России, препятствующих выполнению возложенных на министерство задач по непрерывному воспроизводству необходимого количества специалистов органов внутренних дел с требуемым набором квалификационных характеристик, соответствующих вызовам XXI в., социальным и экономическим потребностям развития страны, запросам личности, общества и государства. Это обуславливает необходимость дальнейшего поиска инновационных управленческих стратегий, более рациональных организационных механизмов деятельности системы подготовки кадров в системе МВД. Данный вопрос актуализировался задачами, сформулированными в Концепции Федеральной целевой программы развития образования на 2006–2010 гг., приоритетном национальном проекте «Образование», целевой программе «Реформирование системы работы с кадрами и профессионального образования МВД России на период до 2011 г.».

Среди требующих пристального внимания проблем ведомственного образования можно выделить следующие:

- недостаточно качественная система отбора кандидатов для обучения;
- отсутствие эффективного взаимодействия между образовательными учреждениями и комплекующими органами;
- недостаточная практическая подготовленность выпускников ведомственных образовательных учреждений;
- методическое однообразие в проведении учебных занятий;
- практические занятия по дисциплинам специализации проводятся зачастую без использования имеющихся полигонных комплексов, специализированных классов, лабораторий;
- недостаточное материально-техническое обеспечение учебного процесса³.

В этой связи следует констатировать, что одной из важнейших задач, стоящих перед образовательными учреждениями системы МВД России, является формирование современной модели образования, призванной обеспечить эффективное решение задач в сфере профессиональной подготовки сотрудников органов внутренних дел, отвечающей современным требованиям правоохранительной деятельности. Следует отметить, что многое в данном направлении уже делается⁴:

- формируется система мониторинга профессионального образования МВД России, предназначенная для оценки качества обучения в ведомственных вузах. В ней будет учитываться не только оценка качества обучения, основанная на комплексе контрольных тестов для курсантов и слушателей, начиная с третьего курса, но и сумма остаточных знаний выпускников образовательных учреждений МВД России в течение первых трех лет службы. Помимо тестирования, в систему мониторинга входит также и комплекс сбора, обработки и анализа служебных отзывов на качество подготовки выпускников образовательных учреждений МВД России;

- в соответствии с решениями Совета МВД России по науке и передовому опыту в 2008 г. началась реализация проекта по созданию единой системы персонального учета научных работников, адъюнктов и докторантов вузов МВД России, а также проводимых ими научных исследований;

- с 2008 г. ведутся работы по созданию системы информирования граждан о наличии и качестве профессиональных образовательных услуг в учебных заведениях МВД России. В учебном процессе акцент сделан на усиление практической составляющей, что обуславливается прежде всего потребностями практики правоохранительной деятельности. Как отметил М.И. Суходольский, «сегодня мы вынуждены признать, что подготовка полицейского оставляет желать лучшего... Поэтому мы решили постепенно, но кардинально изменить систему профподготовки. В первую очередь акцент будет сделан на практические занятия. По сути, создана инновационная схема обучения людей – блочно-модульная модель учебного процесса..., в основе которой лежит ситуационное моделирование на занятиях. Сотрудников, слушателей и курсантов обучают на конкретных примерах и типичных ситуациях. Это значит, вместо абстрактной теории люди будут получать реальные, практические навыки, отработанные до автоматизма...»⁵;

- формируется централизованная видеотека учебных фильмов. На Центральном образовательном портале МВД создан банк видеоматериалов из 47 фильмов общей продолжительностью более 30 часов. Активно развивается система дистанционного обучения, которая позволяет почти вдвое сократить расходы на подготовку кадров и повысить практическую направленность обучения. Система доказала свою эффективность. В настоящее время с помощью ЕИТКС ОВД в системе дистанционных образовательных технологий работают 30 ОВД, 13 образовательных учреждений, 12 учебных

центров. Ведутся работы по созданию в каждом образовательном учреждении МВД России электронной библиотеки. В перспективе речь идет о формировании межвузовской библиотечной системы с правом доступа к имеющимся методическим материалам каждого заинтересованного курсанта или сотрудника. Одновременно разрабатывается проект «Книга по требованию», предполагающий обеспечение учащихся необходимыми учебно-методическими и программными материалами в электронном виде.

Тенденции развития образовательной системы, самой сферы правоохранительной деятельности предопределяют необходимость изменения ведомственной системы образования, его технологий, методик обучения, усиление их действенности по развитию творческого мышления, его инновационности и прогностичности, формирования так называемого «инновационного образования». Его концепция впервые была предложена широкой общественности в подготовленном в 1979 г. Д. Боткиным, М. Эльмандирой и М. Малицей докладе Римского клуба «Нет пределов обучению»⁶. В нем была предпринята попытка определить роль и место образования в решении глобальных проблем современности, преодолении разрыва, возникшего между человеком и созданной им цивилизацией.

Главными чертами в данной концепции инновационного обучения являются предвосхищение и соучастие⁷. Предвосхищение – это способность понять новые, необычные ситуации, предусмотреть будущие события, оценить последствия принятых решений. Соучастие – это социальная активность, участие индивида в важнейших видах деятельности, его личное влияние на принятие различного вида решений, способность проявлять инициативу. Инновационное образование предполагает обучение в процессе создания новых знаний за счет интеграции фундаментальной науки, непосредственно учебного процесса и производства. Оно представляет собой новую модель обучения, ориентированную на максимальное развитие творческих способностей человека, создание мотивационной потребности к саморазвитию и самообучению как в системе формального образования, так и неформального и информального образования.

Инновационное образование имеет в своей основе личностно-ориентированную парадигму, сущность которой, по мнению Е.В. Бондаревской, состоит «в преодолении противоречия между отношением к человеку как к ученику, то есть как субъекту обучения и воспитания, и его отношением к себе как человеку, субъекту жизни»⁸. «Интегральным критерием качества высшего образования выступает уровень способностей специалиста к различным видам деятельности – профессиональной, инновационной, а также к деятельности в области саморазвития и самообразования»⁹, – подтверждает К.К. Колин.

Личностно-смысловая направленность содержания образования предполагает реализацию в образовательном пространстве таких базисных ценностей личности, как самореализация, жизнет-

ворчество, культурная идентификация, индивидуализация и др. Поэтому становится важным, что в современной системе образования особое внимание должно быть уделено процессам порождения и развития знания, а не его трансляции. Кроме того, по своей сути инновационное образование выступает системообразующим фактором интеграции учебного процесса и научного поиска. Оно не только делает возможным использование в процессе обучения новых знаний, но и включает в инновационный образовательный процесс элемент творческого поиска.

Новая парадигма образования должна помочь человеку жить в гармонии с окружающей природой и людьми. Самым ценным знанием становится знание самостоятельно понятое, осознанное и готовое к применению. На смену технике и технологии, информатизации приходит эра образования. Становится очевидным, что все будет зависеть от культурного состояния человека, от степени развитости его знаний и творческих способностей – одним словом, от эффективности создания творческого пространства и времени. При этом осуществляется переход от педагогических инноваций, направленных на развитие репродуктивного мышления человека, к педагогическим инновациям, направленным на развитие его инновационного мышления.

Следует отметить, что под оптимизацией понимают научно обоснованный выбор и осуществление наилучшего для данных условий варианта обучения с точки зрения успешности решения его задач и затрат времени учащихся и учителя. Концепция оптимизации обучения – теоретические представления об обучении как целостной системе, критериях оптимизации и оптимальности, мерах, обеспечивающих достижение оптимальных результатов в обучении и развитии школьников. Ю.К. Бабанским сформулированы два критерия оптимальности:

– наилучшее для данных условий и возможностей ученика результаты обучения (критерий оптимальности результатов обучения);

– минимально необходимые затраты времени и усилий учителя и ученика на достижение этих результатов (критерий оптимальности времени).

Основными требованиями к выбору оптимального сочетания методов обучения являются: наиболее эффективное решение задач образования, а также учет специфики содержания учебного материала, возможностей учащихся в учебной деятельности, своих возможностей использования различных методов обучения.

Переход к новому обществу, основанному на инновационном потенциале человека, требует и перехода от «поддерживающей системы образования» к «инновационной». Инновационное образование, ориентированное на гибкую систему передачи знаний, не ограничивается определенными сроками обучения и стенами учебных заведений, приобретает черты жизнедеятельности, то есть процесса развития личности в течение всей социально активной жизни, а социальная жизнь – черты непрерывного образовательного процесса.

В качестве непрерывного процесса образование перестает быть в основном внешне организованным процессом и становится в значительной степени личным делом обучающегося (образованием личности). Оно теряет свою обязательность и всеобщность, приобретает персонифицированный, личностно ориентированный характер, определяется потребностями самого обучающегося¹⁰. Инновационное образование является для человека постоянным поставщиком знаний и информации.

Основными путями и условиями совершенствования системы высшего профессионального образования МВД России, по нашему мнению, являются:

- во-первых, системный и всесторонний комплексный анализ результатов управленческой и образовательной деятельности в вузах МВД России;
- во-вторых, выявление специфических условий и факторов, их влияния на образовательный процесс как социальную систему;

- в-третьих, разработка и реализация концепции образовательной политики в МВД.

В Министерстве внутренних дел Российской Федерации уже многие годы функционирует развитая система образовательных учреждений. В настоящее время подготовка юридических кадров для следственных подразделений, полиции общественной безопасности и криминальной полиции в вузах МВД России осуществляется по 5 специализациям: оперативно-розыскная, оперативно-экономическая (БЭП), административно-правовая (участковые уполномоченные), административно-правовая деятельность ГИБДД, экономико-правовая (вневедомственная охрана). В них ведется подготовка широкого круга специалистов для служб и подразделений органов внутренних дел:

- оперативных работников, осуществляющих борьбу с организованной и транснациональной преступностью, незаконным оборотом наркотиков, терроризмом, преступлениями в сфере высоких технологий, в области экономики;

- следователей и дознавателей;

- сотрудников по охране общественного порядка и безопасности;

- экспертов-криминалистов;

- специалистов по международному сотрудничеству;

- радиоинженеров, специалистов в области защиты информации.

Большая часть специалистов, работающих в органах внутренних дел, имеют высшее или среднее специальное образование. Всего в учебных заведениях МВД России ведется обучение по 11 специальностям высшего профессионального образования. Ежегодно учебные заведения МВД России выпускают более 30 тысяч дипломированных специалистов. Теоретическое и практическое изучение системы ВПО в МВД России показало, что в целях совершенствования качества подготовки кадров приоритетными задачами следует считать следующие:

- эффективное обеспечение целевой подготовки кадров для правоохранительных органов;

- создание гибкой системы непрерывной профессиональной подготовки специалистов разного профиля;

- разработка в этих целях отраслевых стандартов, отражающих специфику профессионального использования специалиста;

- удовлетворение потребности органов внутренних дел в квалифицированных специалистах с высшим образованием;

- удовлетворение потребности личности в интеллектуальном, культурном и нравственном развитии, приобретении высшего образования, специальности и квалификации;

- распространение правовых, гуманитарных и технических знаний среди личного состава органов внутренних дел, повышение его общеобразовательного и культурного уровня.

Подготовка кадров для правоохранительных органов, в том числе для МВД России, характеризуется иными, чем в гражданских вузах, условиями и имеет свою специфику, которая выражается в следующем:

- четко определенная сфера профессиональной деятельности;

- прогнозируемая потребность в кадрах;

- наличие целевого набора обучаемых и соответствующего распределения выпускников.

В связи с этим заказчиком (органами внутренних дел) востребованы специалисты, обладающие профессионально значимыми знаниями, навыками и умениями, ориентированностью полученного образования на те профессиональные задачи, которые предстоит решать сотруднику органов внутренних дел.

Анализ положительного опыта ведущих вузов системы, современного состояния и тенденций развития правовой науки показал, что в содержание обучения сотрудников криминальной полиции и полиции общественной безопасности, по численности составляющих основную часть кадров среднего и старшего начальствующего состава органов внутренних дел, требуется внести изменения в подготовку прежде всего специалистов-юристов, имея в виду большую их ориентацию на специфику правоохранительной деятельности. Кроме того, нуждается в изменении содержание и форма управления системой ВПО.

При разработке более действенной концепции образовательной политики в вузах МВД России необходимо учитывать следующие факторы, определяющие современную ситуацию в правоохранительной сфере:

- более высокие требования к уровню юридической подготовки сотрудников правоохранительных органов в области тех отраслей права и законодательства, которые являются предметной областью их деятельности, предъявляют развитие конституционной и судебной реформ, укрепление гражданских прав и процессуальных гарантий их осуществления; обновление значительного массива законодательных актов, регулирующих деятельность правоохранительной системы;

– необходимость существенных изменений форм и методов работы правоохранительных органов диктует увеличение масштабов различной социальной патологии (преступности, террористических проявлений, наркомании, различного рода социальных отклонений);

– более высокие требования к уровню профессионализма, интеллектуальной и специальной подготовки кадров правоохранительных органов предъявляют непрерывный рост «профессионализма» в преступной среде, появление новых видов правонарушений, связанных с использованием достижений научно-технического прогресса, значительное возрастание опасности экономической преступности.

Анализ указанных факторов показывает, что существенное улучшение результатов деятельности системы высшего профессионального образования в МВД на базе профильного юридического образования необходимо осуществлять в рамках современного социокультурного контекста. Осуществленный нами анализ нормативных документов, регламентирующих образовательную деятельность высших учебных заведений МВД России, показал, что основное внимание в них обращено на организацию учебного процесса. Вместе с тем изучение учебного и воспитательного процессов с позиции управленческой науки позволяет утверждать, что недостаточно рассматривать качество подготовки сотрудников органов внутренних дел только с позиции организации учебного процесса. Практика его в вузах МВД показала, что для него характерны определенные недостатки, связанные с нецеленаправленным применением науки управления в образовательном процессе.

Эффективная деятельность системы высшего профессионального образования МВД, как и любой другой социально организованной системы, зависит от степени полноты и взаимосвязи ее компонентов, соответствия результатов деятельности существующим общественным потребностям, от множества других социальных (внутренних и внешних, объективных и субъективных) условий и факторов. Первостепенное значение среди них имеет уровень и качество управления. «Если и есть какой-то кризис в системе образования, – справедливо указывает В.С. Литвиненко, ректор Горного института (первого в России высшего технического учебного заведения, учрежденного Екатериной II 21 октября 1773 г.), – то это кризис управленцев»¹¹.

С точки зрения обеспечения эффективного управления системой образования важнейшее значение имеют:

- профессионализм управленцев;
- обоснованность применяемых стратегий управления;
- точность прогнозирования процессов в обществе и в образовательной сфере;
- учет факторов, определяющих способность данной системы к самоорганизации, то есть к своевременной коррекции методов, способов и форм деятельности в изменяющейся обстановке, в интересах достижения поставленных целей.

Соответствовать требованиям эффективного управления в изменяющейся обстановке будет такая социально организованная система, которая:

- во-первых, обеспечивает достижение стоящих перед ней целей;
- во-вторых, элементы (подсистемы) данной системы обеспечивают ее устойчивое развитие;
- в-третьих, она способна адаптироваться к изменяющимся условиям;
- в-четвертых, субъекты управления, находящиеся в сложной иерархической системе подчиненности, согласованно функционируют в интересах достижения заявленных целей и задач.

При этом для любой социально организованной системы главной целью совершенствования управления выступает его оптимизация, то есть достижение наилучших результатов деятельности при наименее возможных затратах сил, средств и ресурсов. Важно заметить, что содержание этого процесса применительно к системе профессионального образования заключается не только в коррекции целей и средств образовательной деятельности в зависимости от результатов, но и в поиске наиболее рационального построения организационной структуры подсистемы управления, разработке и внедрении новых управленческих моделей и технологий. Как справедливо заметил Ю.П. Адлер: «В последние годы стало особенно ясно, что эффективность управления вносит в конечный результат не меньший вклад, чем эффективность производства, если не больший. Эта проблема существует на многих уровнях – от отрасли до учебной группы. Особенность современного этапа заключается в переориентации управления на системы качества»¹².

Процесс оптимизации подсистемы управления профессиональным образованием в вузах МВД должен охватывать не только ее отдельные структурные составляющие (элементы), но и всю совокупность объектов и субъектов управления, взаимосвязей горизонтального и вертикального порядка, то есть иметь системный характер. Оптимизация подсистемы управления предполагает формулирование и реализацию научно обоснованных целей, принципов, задач деятельности всех структурных звеньев управления. При этом оптимизации (управленческим воздействиям с целью достижения наилучших результатов) должны подвергаться в первую очередь те сферы (уровни структуры, компоненты) деятельности, в которых допускается рассогласование в схеме «цель – средство – результат». Соответственно оптимизация подсистемы управления приобретает характер одного из ведущих приоритетов и в системе высшего профессионального образования МВД.

Под оптимизацией управления системой высшего профессионального образования МВД России следует понимать поиск и применение новейших организационных приемов и технологий, обеспечивающих постоянное и динамичное развитие образовательной системы, максимальную эффективность ее функционирования, а также позволяющих достичь наилучших результатов в

образовательной деятельности учебных заведений при наименьших затратах сил, средств и ресурсов. Говоря иначе, речь идет о такой модели управления системой высшего профессионального образования, которая была бы сбалансирована на всех уровнях и обеспечивала соответствие планируемых целей профессиональной подготовки курсантов и слушателей, применяемых в образовательном процессе средств (интеллектуально-духовных, педагогических, методических, воспитательных, информационных, материально-финансовых и др.) с достигаемыми результатами этой деятельности.

Она позволила бы, с одной стороны, минимизировать усилия всех субъектов управления профессиональным образованием, а с другой – максимально обеспечить подготовку специалистов для органов внутренних дел. На практике «выстраивание» данной модели управления возможно при наличии ряда условий. Одно из них касается четкого соответствия целей и задач управленческих воздействий назревшим потребностям общества в совершенствовании правоохранительной деятельности, современным требованиям к высшему образованию, научно обоснованной модели профессиональных качеств сотрудника полиции.

Одной из главных задач управления системой образовательной деятельности по подготовке специалистов для служб и подразделений органов внутренних дел является выработка обоснованной стратегии развития вузов МВД. Первостепенное значение в современных условиях имеет стратегия, сосредоточивающая внимание на следующих направлениях:

- определение модели оптимальной управленческой деятельности;
- разработка алгоритма формирования содержания высшего профессионального образования;
- обеспечение должного уровня компетентности управленческих, педагогических и научно-педагогических кадров как основных субъектов этой деятельности.

Учитывая, что состояние управления определяется характером управленческой деятельности руководителей всех структурных звеньев системы профессионального образования, представляется актуальным выявление наиболее приемлемой модели руководства применительно к рассматриваемой системе. Оптимальная управленческая деятельность детерминируется комплексом теоретико-методологических, организационных (административных) и социально-психологических условий и факторов. Таким образом, процесс оптимизации управления системой ВПО должен охватывать всю совокупность объектов и субъектов управления (включая и руководство МВД, органов внутренних дел, полномочное в области профессионального образования), взаимосвязей между ними горизонтального и вертикального характера, иметь комплексный, системный характер, нацеленность на решение управленческих задач при минимальном использовании имеющихся сил и средств.

В недавно принятой Национальной доктрине образования в Российской Федерации понятия «гуманизация» и «гуманитаризация» не нашли отражения даже в самом общем плане, в том числе в порядке постановки в числе пятнадцати сформулированных основных целей и задач образования. Не лучше обстоит дело и применительно к ведомственным нормативным документам. В Инструкции по организации и ведению учебного процесса в вузах МВД понятия «гуманизации» и «гуманитаризации» не нашли отражения. Ни в требованиях к содержанию и организации учебно-воспитательного процесса, ни в требованиях к обязательному минимуму содержания основной образовательной программы подготовки специалиста, ни в требованиях к содержанию основных профессиональных образовательных программ.

Современные концепции профессионального образования должны отражать значительно возросшую роль гуманитарных ценностей, объективно набирающих силу процессов гуманизации, гуманитаризации общественных отношений, правоохранительной и правоприменительной практики. В этом плане нужны безотлагательные корректировки правовой основы образовательной сферы, определение важнейших целевых ориентиров, нормативных требований применительно к аспектам гуманизации и гуманитаризации в рамках учебно-воспитательного процесса. Крайне важно дать четкие современные содержательные характеристики понятий гуманизации и гуманитаризации, поскольку в различные исторические эпохи их наполнение отличалось и не было вполне тождественным.

Это тем более важно, что в конце XX в. и начале XXI в. мир столкнулся с феноменом кризиса гуманизма, выразившимся:

- в разжигании множества локальных и региональных войн, в которых гибнут и получают телесные и духовные увечья сотни тысяч людей;
- в бомбежках мирных городов в центре цивилизованной Европы, на севере Африки, Ближнем и Среднем Востоке;
- в массовом обнищании миллионов наших сограждан;
- в разгуле криминалитета, наркомафии и терроризма;
- моральной деградации общества.

Важной составляющей концепции образовательной политики в вузах МВД должна стать, по нашему мнению, и индивидуализация учебно-воспитательной деятельности. Представляется, что в современных условиях должная профессиональная подготовка высококвалифицированных сотрудников для органов внутренних дел возможна лишь на путях решительного поворота от массового обучения, ориентированного на средний уровень подготовленности обучающихся, к индивидуализации учебной деятельности.

Вступление человечества в III тысячелетие отмечено колоссальными достижениями в соци-

альном прогрессе. В немалой мере они обусловлены качественными изменениями в системах обучения и воспитания людей. Вся вторая половина ушедшего XX столетия стала периодом беспрецедентного по своим масштабам развития образования в мире и растущего осознания его жизненно важной роли в обеспечении безопасности и устойчивого социального развития государств, повышении уровня и качества жизни населения. Сегодня уже ни у кого не вызывает сомнения тот факт, что лидирующей нацией XXI в. будет та, которая фундаментом своего роста сделает именно первенство в образовательных технологиях и системах, создаст наиболее эффективное образовательное пространство, максимально развивающее интеллектуальный и духовный потенциал личности и народа в целом. Сегодня, как никогда, важным становится эффективность образовательного процесса и продуктивность приобретаемых знаний. Точно так же от качественных характеристик образования сотрудников формирующейся полиции будут напрямую зависеть состояние законности и правопорядка, степень защищенности законных прав и интересов граждан, уровень социальной стабильности в обществе.

Система высшего профессионального образования МВД Российской Федерации, организационно входящая в систему высшего профессионального образования страны, нуждается в:

- серьезных структурных и качественных преобразованиях;
- качественном совершенствовании учебных планов и программ подготовки специалистов;
- повышении квалификации и педагогического мастерства профессорско-преподавательского состава вузов МВД;
- модернизации учебно-материальной базы.

Изменившаяся роль знаний в современном обществе, информатизация как новый фактор глобального порядка позволяют уверенно констатировать, что образование как вид духовной деятельности существенно трансформирует свою социальную роль. В начале XXI в. образование (в первую очередь его подсистема высшего профессионального образования) из обслуживающей материально-производственную сферу и подчиненного ей института становится ведущим видом деятельности в структуре совокуп-

ной общественной практики. Ибо именно она обуславливает позитивные преобразования в общественных отношениях, функционировании социальных систем, в том числе связанных с обеспечением законности и правопорядка. Смещается и основной вектор его целевой направленности. В условиях информационной и антропоцентрической стадии цивилизационного прогресса приоритетными целями образования становятся:

- преодоление одномерности и однофункциональности человеческого бытия;
- выравнивание уровней человеческого сознания и технико-технологического развития;
- ориентация на синтез культур;
- направление вектора активности обучаемых на формирование целостности внутреннего мира личности и «экологизацию его духа»;
- закрепление жизнесмысловых ориентаций на самоопределение, саморазвитие, самореализацию человека.

Значимость успешной модернизации высшей профессиональной школы в инновационном развитии России осознается как приоритетная задача государства и общества. Вне тесной взаимосвязи качественного вузовского образования, соответствующего современным требованиям социально-экономической жизни, невозможна успешная перспектива устойчивого развития общества. Отмеченное предопределяет выбор инновационного пути развития системы профессиональной подготовки кадров МВД России как необходимого условия повышения ее эффективности в контексте задач, стоящих перед органами внутренних дел на современном этапе развития общества.

Strigunenko J.V. Innovations as a Basis of Optimization of Educational Process in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Summary: In the article innovative aspects of development of system of vocational training of shots and optimization of educational process in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia are considered. The author notes that nowadays the importance of successful modernization of the higher vocational school in innovative development of Russia is realized as a priority problem of the state and society.

Ключевые слова

Инновации, оптимизация образовательного процесса в учебных заведениях МВД России, проблемы образования в учебных заведениях МВД России, специфика подготовки кадров для правоохранительных органов, концепция образовательной политики в вузах МВД России.

Keywords

Innovations, optimization of educational process in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, an education problem in educational institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia, specifics of training for law enforcement agencies, the concept of educational policy in higher education institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Примечания

1. Президент России. Образование для инновационных обществ в XXI веке // <http://www.kremlin.ru/text/docs/2006/07/108823.shtml>.
2. Астафьева Н.В. Методология управления инновационным развитием университетских комплексов: автореф. дис. ...д-ра эконом. наук. Саратов, 2008. С.3.
3. Кикоть В.Я. Система образования МВД России. Вчера. Сегодня. Завтра // Вестник кадровой политики МВД России. 2008. № 3. С.15.
4. Юдин А.В. Инновационные методы подготовки кадров и оптимизация научно-образовательного процесса // Вестник кадровой политики МВД России. 2008. № 2. С. 17–21.
5. Фалалеев М. Чисто учебное убийство. Милицionеров отучат ошибаться // Российская газета. 14.05.2009.
6. Botkin J., Elmanjra M., Malitza M. No limits to Learning. Bridging the Human Gap. A Report to the Club of Rome. Oxford, etc.: Pergamon press, 1979.
7. Струк Е.Н. Инновационная парадигма образования в изменяющемся мире // Высшее образование для XXI века: Третья международная научная конференция. М.: МосГУ, 2006. С. 50.
8. Бондаревская Е.В. Личностно-ориентированное образование. Опыт разработки парадигмы. Ростов-на-Дону: Изд-во РПУ, 1997. С. 13.
9. Колин К.К. Человеческий потенциал и инновационная экономика // Вестник Российской академии естественных наук. 2003. № 4. С. 16.
10. Ильин Г.П. Образование после образования (от педагогической парадигмы к образовательной) // http://www.znanie.org/journal/n1/st_obraz_posle_obraz.html
11. Литвиненко В.С. Есть только один культ – культ профессионализма //НГ – регионы. 28.11. 2000.
12. См. подр.: Системы качества в образовании: Сборник переводов с английского. Вып. 1.4. /Под общ. ред. Ю.П.Адлера. М.: МИ-СИС, 2000. С 11.; Бакштановский В.И. Моральный выбор: цели, средства, результаты. Томск, 1997; Кветной И.С. Деятельность как система. Социально-философский подход. В кн.: Философские и социологические проблемы человеческой деятельности. Краснодар, 2004. С.5-18; Стребков Ю.С. Деятельность как способ присвоения человеком своей сущности. В кн.: Целостность человека в системе деятельности, сознания и общения. М., 2005. С.7-11; Яценко А.И. Целеполагание и идеалы. Киев: Наукова думка, 2007. С.12-13 и др.

Особенность первичной и вторичной модернизации Тульской области в 2000 – 2011 гг.

А.В. Слобожанин

В статье рассматриваются модернизационные процессы в Тульской области за десятилетний период (2000 – 2010 гг.). В основу данного исследования положен подход к изучению модернизации, разработанный профессором Хэ Чуаньци (КНР). Он предлагает комплексное изучение динамики трех типов модернизации – первичной, вторичной и интегрированной. Автор приходит к выводу, что результаты вторичной модернизации в Тульской области соответствуют средним показателям по России и Центральному федеральному округу, характеризуются тенденцией роста. Первичную модернизацию региона можно считать завершенной к середине рассматриваемого периода.

Перед Российской Федерацией стоит задача перестройки экономических, социокультурных и иных характеристик общества в соответствии с глобальными тенденциями развития человечества, тенденциями модернизации. «История всемирной модернизации – часть цивилизационного процесса человечества»¹, но данная проблема не может решаться путем механического подражания ряду высокоразвитых стран. Необходим учет российской специфики, заключающейся прежде всего в большом различии уровня развития отдельных регионов и поликультурности. Необходима концепция, качественно описывающая модернизацию регионов и страны в целом. Для решения подобной задачи можно использовать теоретические подходы, разработанные в странах, в которых

количество административно-территориальных единиц достаточно велико. Разумеется, это требует серьезной адаптации используемого инструментария к традициям российского статистического учета.

Нам кажется перспективным применение инструментария, используемого учеными Китайского центра исследования модернизации. Это обусловлено рядом факторов, обуславливающих сходство положения России и Китая:

- «догоняющим» характером модернизационных процессов в прошлом;
- территориальной близостью;
- сильной дифференцированностью регионов в обеих странах;
- переходом в 1990-х гг. от планово-командной экономики к рыночной.

Слобожанин Алексей Вячеславович – к.филос.н., ст. преподаватель кафедры философии, культурологии, прикладной этики, религиоведения и теологии Тульского государственного педагогического университета имени Л.Н. Толстого. E-mail: tiaen@rambler.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

Именно поэтому в основу данной статьи положен подход к изучению модернизации, разработанный Группой исследования модернизации Китая (Китайский центр исследования модернизации Китайской академии наук) под руководством профессора Хэ Чуаньци. Данный подход был адаптирован Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН для применения к анализу процессов модернизации в Российской Федерации. Он предполагает выделение двух интегративных стадий модернизации: первичной («первая модернизация», «first modernization») и вторичной («вторая модернизация», «second modernization»), а также дополнительного параметра – интегрированной модернизации.

«Первичная модернизация – переход от аграрной цивилизации к промышленной цивилизации и эре, она включает аналогичный переход от аграрной к индустриальной экономике, обществу, культуре и т.п. Вторичная модернизация – переход от промышленных к основанным на знаниях цивилизации и эре, в это время также наблюдается переход от промышленных к информационным экономике, обществу, культуре и т.п.; также наблюдается переход от материальной культуры к экологической», – пишет Хэ Чуаньци.

Каждая стадия, таким образом, связана с соответствующей эрой цивилизационного процесса: первичная модернизация – с индустриальной эрой, вторичная – с информационной эрой или эрой знаний. Каждая стадия, в свою очередь, включает четыре фазы эволюции: начало, развитие, расцвет, переход к следующей стадии. Мы специально не говорим о традиционной стадии, предшествующей первичной модернизации, так как она является завершённой в Тульском регионе и России более века назад.

Рассмотрим более подробно основное содержание указанных линий модернизации. Первичная модернизация характеризует переход от традиционной аграрной цивилизации к индустриальному обществу. Характеристики общества, изменяющиеся в результате этого процесса, многоплановы. Наиболее важные из них: появление индустриальной экономики, урбанизация, провозглашение всеобщности среднего образования, демократизация государственного управления, секуляризация, абсолютизация экономических приоритетов. В используемой нами методике о степени законченности первичной модернизации судят по трем базовым индексам: экономическому, социальному и индексу знаний.

Вторичная модернизация представляет собой переход к новому типу общества – постиндустриальному. Не отрицая положительных изменений, накопленных за предыдущий период, данная стадия развития предполагает отказ от жесткой урбанизации и экономизма. Ее основные черты – это экономика знаний, глобализм, всеобщее высшее образование, приоритет качества жизни и среды над экономическими факторами. В методике Хэ Чуаньци вторичная модернизация характеризуется следующими индексами: инновациями в знаниях,

трансляцией знаний, качеством жизни, качеством экономики. Говоря о модернизации в Тульской области, мы рассмотрим, из каких конкретных субиндексов складываются показатели модернизации.

Интегрированная модернизация отражает процесс модернизации в единстве и охватывает ряд показателей первичной и вторичной модернизации. Для ее оценки используются три категории индикаторов: экономические, социальные, индикаторы знаний. В целом индекс интегрированной модернизации отражает «относительный разрыв между уровнем модернизации объектов оценки и достигнутым мировым уровнем»². Поскольку Тульская область не является самостоятельным государством и зависима от России, данный показатель не может считаться точным применительно к обособленному региону. В данной статье нами будет проведен анализ прежде всего двух первых стадий модернизации (первичной и вторичной), происходящих в Тульской области за период с 2000 по 2011 г. Технические расчеты данных по Тульской области проводились в начале 2012 г. автором статьи совместно с генеральным директором Тульского социологического центра В.И. Мосиным.

Прежде чем перейти к данному анализу, рассмотрим положение Тульской области по основным параметрам модернизации среди других регионов России на начало 2011 г. Тульская область входит в состав Центрального федерального округа Российской Федерации. Численность ее населения на 1 января 2011 г. составила 1550,3 тыс. чел., из них 79,4% – городские жители. Образовательный уровень населения, занятого в экономике, довольно высок. Более половины занятых (57,3%) имеют профессиональное образование, в том числе 18,4% – высшее профессиональное образование. Высокий уровень образованности и преобладание городского населения свидетельствуют о хороших предпосылках для дальнейшего развития модернизации.

Рассмотрим, какое место занимает исследуемый регион по индексам первичной и вторичной модернизации по сравнению с показателями соседних регионов, регионов ЦФО и Российской Федерации в целом. Индекс первичной модернизации (далее – ПМ) Тульской области в 2010 г. составил 96,4; вторичной модернизации (далее – ВМ) – 64. Соответствующие показатели по Российской Федерации – 99 и 72. Учитывая, что модернизация в городах федерального значения идет опережающими темпами, подготовленная ЦИСИ ИФРАН сводная таблица содержит отдельную статистику по России ПМ-98, ВМ-64, без учета Москвы и Санкт-Петербурга. Из нее следует, что вторичные модернизационные процессы в Тульской области почти в точности повторяют индексы по России, а индекс первичной модернизации незначительно отстает от него.

Центральный федеральный округ, одним из регионов которого является Тульская область, – один из ведущих в России по степени модернизированности. Его показатели – 100 (ПМ) и 85 (ВМ). На первый взгляд такие результаты намного превышают значения по Тульскому региону. Однако

нельзя забывать, что в состав округа входит столица России – Москва. Именно из-за нее значение индексов столь высоко. В целом Тульская область занимает 8-е место из 19 областей ЦФО. Среди соседних регионов Тульская область занимает среднее положение: третье место из шести.

Особенности модернизации региона в сравнении с общероссийским развитием процессов модернизации показаны нами в табл. Д.1, отражающей первичную модернизацию.

Таблица Д.1

Особенности модернизации Тульской области в сравнении с общероссийским развитием процессов модернизации

	2000	2005	2008	2009	2010
РФ	91	96	99,7	99,7	99,7
Тульская область	88	93	97	96	96

Как мы видим, первичная модернизация нашего региона незначительно отстает от показателей Российской Федерации, причем отрыв постепенно сокращается. Небольшой особенностью области является то, что в 2007 г. произошло снижение уровня первичной модернизации, что нетипично для России в целом. Скорее всего, причиной является то, что в области кризис затронул не только наукоемкие, но и традиционные сферы экономики (закрываются предприятия, например крупная птицефабрика «Рассвет»). В Центральном федеральном округе наша область к 2010 г. заняла среднее положение по уровню первичной модернизации – 96 (разброс по округу – от 93 в Ивановской области до 100 в г. Москве). Среди соседних регионов Тульская область отстает лишь от Московской и Калужской областей, что обусловлено бурным развитием машиностроения в Калуге и традиционно высоким уровнем модернизированности Московской области из-за близости к столице.

Динамика уровня вторичной модернизации показана в табл. Д.2.

Таблица Д.2

Динамика уровня вторичной модернизации

	2000	2005	2008	2009	2010
РФ	60	66	69	70	72
Тульская область	57	63	64	64	65

Здесь ситуация оказывается более неблагоприятной для региона. Хотя сам уровень вторичной модернизации медленно растет, но отставание от российского показателя становится тоже больше, что показывает уменьшение вклада области в строительство инновационной экономики в нашей стране. Но по сравнению с показателями соседних регионов ситуация оказывается не столь печальной. Тульская область опережает по значению индекса вторичной модернизации Орловскую, Рязанскую, Липецкую области. Среди регионов ЦФО Тульская область входит в пятерку лидеров.

Перейдем теперь к анализу вклада различных субиндексов в первичную модернизацию региона. Результат первичной модернизации (по исполь-

зуемой нами теорией) включает в себя характеристику завершенности перехода от традиционного общества к индустриальному. В оценке первичной модернизации учитываются 10 индикаторов, которые характеризуют три области жизни индустриального общества:

– экономическую: 1) валовый региональный продукт (далее – ВРП) на душу населения; 2) доля лиц, занятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых; 3) доля добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВВП; 4) доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП;

– социальную: 5) процент городского населения; 6) число врачей на 10000 человек; 7) уровень младенческой смертности на 1000 человек и 8) ожидаемая продолжительность жизни;

– уровень знаний: 9) уровень грамотности населения; 10) доля студентов среди молодежи 18–22 лет).

Исходя из вышеприведенных показателей, видно, что Тульская область на настоящий момент полностью завершила процесс первичной модернизации; его индекс в настоящее время составляет 96 (по РФ – 99,7). В табл. Д.3 показаны соотношения величин субиндексов.

Таблица Д.3

Соотношение величин субиндексов модернизации

Субиндекс \ Год	2000	2006	2010
Экономический	73	84	90
Социальный	97	97	99
Знаний	100	100	100

Если в 2006 г. доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП была сравнительно низкой, то теперь она достигла нормы для высокомодернизированных регионов. Близость всех трех показателей к 100 свидетельствует о том, что процессы урбанизации, индустриализации и демократизации можно считать завершенными. Однако, как было отмечено выше, индекс первичной модернизации отстает от общероссийского показателя. Среди негативных факторов, мешающих достижению данного показателя, отметим следующие:

– низкое значение индекса валового регионального продукта, причем этот показатель снижается с максимального значения в 2008 г. почти на 20 пунктов к 2010 г.;

– низкий индекс ожидаемой продолжительности жизни. Однако этот показатель в течение всего исследуемого периода стремительно растет и уже приближается к 100.

Положительным фактом является то, что доля добавленной стоимости в сфере услуг по отношению к ВВП растет и уже перешагнула порог в 50%. Следовательно, мы наблюдаем начало перехода к постиндустриальной экономике. Опишем состояние трех субиндексов первичной модернизации в регионе. Среди экономических показателей ПМ неизменно высокие значения показывают обратные параметры доли лиц, за-

нятых в сельском хозяйстве, в общем числе занятых и доли добавленной стоимости в сельском хозяйстве по отношению к ВРП. На стабильно высоком уровне остаются показатели знаний (третий субиндекс ПМ) – грамотность населения и процент студентов, получающих высшее образование, среди населения в возрасте от 18 до 22 лет. К сожалению, качество их образования не всегда оказывалось высоким, особенно в 2000 г. при слабом контроле деятельности большого числа филиалов негосударственных вузов.

Социальные показатели первичной модернизации таковы. Горожане составляют абсолютное большинство среди жителей Тульского региона, хотя их количество медленно начало снижаться к 2010 г. К сожалению, число врачей на 1000 человек населения в области немного снизилось, но осталось в рамках 100 баллов. Возможно, деятельность медицинского института ТулГУ и развитие системы здравоохранения области вернут показатели к докризисным значениям. Уровень детской смертности в области низкий и продолжает снижаться, а ожидаемая продолжительность жизни существенно выросла.

Для оценки первичной модернизации вводится также среднее фазовое значение данного показателя. Выделяют 5 фаз: традиционная, начальная, развитие, расцвет, переход к вторичной модернизации. Каждый из параметров оценивается по следующим критериям:

- отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к ВВП, %;
- отношение добавленной стоимости в сельском хозяйстве к добавленной стоимости в промышленности (азы);
- отношение занятости в сельском хозяйстве к общей занятости (%);
- отношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности (разы).

По первому и четвертому показателям область находится на уровне «расцвета», по второму и третьему можно констатировать «переход к вторичной модернизации». Последнее верно и для среднего фазового показателя.

Таким образом, исходя из изменений фазовых значений первичной модернизации, можно сделать вывод, что Тульская область перешла от этапа расцвета ПМ к этапу перехода к ВМ. Он был осуществлен в докризисный 2005 г. и во время кризиса изменений в этом аспекте не произошло.

Большой интерес вызывает вторичная модернизация области, так как именно это направление является приоритетным для большинства европейских стран и Российской Федерации в целом. Необходимо учитывать, что вторичная модернизация не может успешно развиваться без завершения первичной, то есть без значительного повышения качества рабочих мест, улучшения благосостояния и здоровья населения, обеспечивающего рост продолжительности жизни. По сути, речь идет об интегрированной модернизации Тульской области – координации

путей и результатов двух стадий модернизации. Как мы увидели выше, первичная модернизационная база в регионе достигла нужного уровня в 2005 г.

Оценка вторичной модернизации относится к информационному обществу, основанному на знаниях. Она включает в себя процесс формирования наукоемкого общества, информатизацию, развитие сферы услуг, сетевое взаимодействие, распространение цифровых технологий, глобализацию, готовность к инновациям, индивидуализацию, экологизацию (процесс и связанные с ним действия по разработке экологических законов), озеленение, снижение доли материального производства, деиндустриализацию, установление равновесия между урбанизированной и аграрной сферами, обучение на протяжении жизни и общедоступное высшее образование.

На данном этапе авторы адаптированного варианта методики учитывают 16 индикаторов, характеризующих четыре области жизни информационного общества: инновации в знаниях, передача знаний, качество жизни, качество экономики. Поскольку вторичная модернизация представляет собой более высокий уровень модернизации, она оказывается более чувствительной к любым кризисным процессам и явлениям. И действительно, индекс вторичной модернизации в большей степени понизился по сравнению с индексом модернизации первичной в период финансово-экономического кризиса. Особенно пострадал в этот период инновационный, наукоемкий сектор экономики.

Вторичная модернизация в регионе идет достаточно вяло. Ее результатом должно стать появление наукоемкой промышленности, экологизация и глобализация производства, чего на данный момент не наблюдается. Сам индекс ВМ медленно растет, но не доходит пока даже до 65 рангов при общероссийском показателе 72. Не очень высокие темпы вторичной модернизации объясняются низкими показателями качества экономики и небольшой долей инноваций в знаниях. Причем если качество экономики медленно, но неуклонно растет (на 7 пунктов за исследуемый период), то инновации в знаниях в условиях финансово-экономического кризиса существенно сократились.

Стабильное снижение доли затрат на НИОКР в ВРП привело к существенному уменьшению числа ученых и инженеров, полностью занятых в НИОКР. Крупнейшим предприятием, реализующим совмещение разработок и производства, является на данный момент только ОАО «Конструкторское бюро приборостроения». В области нет ярко выраженных инновационных предприятий гражданской сферы. Отсюда и низкое количество поданных заявок на патенты, но спад в этой области за период кризиса не произошел. Все это делает показатели области по инновациям очень неблагоприятными. В табл. Д.4 представлен удельный вес субиндексов вторичной модернизации.

Таблица Д.4
Удельный вес субиндексов вторичной модернизации

Субиндекс \ Год	2000	2005	2010
Инноваций в знаниях	55	45	37
Трансляции знаний	57	76	86
Качества жизни	80	88	96
Качества экономики	57	63	65

Качество экономики области оставляет желать лучшего. Прежде всего, очень низкими выглядят показатели валового национального продукта (далее – ВВП) на душу населения и ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности. Доля добавленной стоимости материальной сферы (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП, процент ВВП на душу населения по паритетной покупательной способности все еще остаются довольно высокими, хотя тенденция к их снижению весьма велика.

Индекс качества жизни в регионе постепенно возрастает. Самое большое достижение в области – снижение младенческой смертности (индекс вырос от 31 до 85). Оно обусловлено развитием медицинского обслуживания и сохранением высокого числа врачей на душу населения. Доля городского населения высокая, но еще недостаточная для достижения высшего показателя вторичной модернизации региона по данному параметру. С другой стороны, деурбанизация связана с тем, что, работая в городах, люди часто проживают в близлежащих сельских населенных пунктах, чему способствует и доступность автомобилей. Средняя ожидаемая продолжительность жизни при рождении отстает от 80 лет весьма существенно (на 14 лет).

Параметр потребления энергии на душу населения брался нами из показателей по РФ, поэтому специфику развития области по нему проследить нельзя. Трансляция знаний в регионе активно развивается. Пока еще недостаточным является число телевизоров и особенно, компьютеров на 100 домохозяйств. Но эти показатели неуклонно растут. Доля обучающейся молодежи достаточно высока, но среди возрастного интервала 12–17 лет она снижается. Скорее всего, это вызвано необходимостью зарабатывания денег уже в раннем возрасте из-за кризисных условий. Поэтому обучению молодые люди вынуждены предпочесть работу.

Наиболее печальные итоги по региону касаются инноваций в знаниях. Показатели здесь не просто низкие, тенденция к их снижению очевидна. Хуже всего обстоит дело в области распределения средств на инновации. Их процент в ВРП неуклонно снижается. Аналогичное суждение можно высказать и по поводу количества исследователей на 10000 населения.

Остальные параметры хотя и низкие, но все же существенно за прошедшее десятилетие не снизились.

Индекс интегрированной модернизации, частично перекрывающий предыдущие индексы, для Тульской области немного выше среднего, и его значение выросло на 10 пунктов (от 50 до 60). Наиболее высоким оказывается социальный субиндекс, обусловленный урбанизацией региона, большим числом врачей на душу населения и ростом ожидаемой продолжительности жизни. Существенно выросло и потребление энергии на душу населения. Индекс знаний и экономический индекс хотя и остаются невысокими, но активно растут (на 14 и 13 пунктов соответственно). Основной вклад здесь вносят показатели занятости и продуктивности сферы услуг, рост удельного числа студентов вузов. Существенное снижение произошло лишь по показателю «доля затрат на исследования и разработки в ВВП».

В ЦФО наш регион занимает по уровню интегрированной модернизации третье место, что говорит о сбалансированности его развития. Исходя из изменений фазовых значений первичной модернизации, мы уже сделали вывод, что Тульская область перешла от этапа расцвета ПМ к этапу зрелости. Он был осуществлен в докризисный 2005 г., и во время кризиса изменений в этом аспекте не произошло. Этим Тульский регион слабо отличается от большинства регионов ЦФО. Среди соседних областей наша область отстает по фазовому значению ПМ только лишь от Московской.

Среднее фазовое значение вторичной модернизации определяется следующими параметрами:

- 1) долей добавленной стоимости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в ВВП;
- 2) долей занятости в материальной сфере (сельское хозяйство и промышленность) в общей занятости (%);
- 3) числом персональных компьютеров на 100 домохозяйств;
- 4) долей инновационных товаров, работ, услуг от общего объема отгруженных товаров, выполненных работ, услуг.

С подготовительного этапа вторичной модернизации Тульская область перешла на начальный этап по показателю занятости в сфере материального производства и числа компьютеров на 100 домохозяйств. Но в целом при наличии тенденции к росту среднее фазовое значение ВМ так и осталось на уровне подготовительного этапа. Но в связи с недостижением областью фазового значения 3,75 по первичной модернизации содержательно этап вторичной модернизации определен быть не может (Россия в настоящее время находится на начальном этапе ВМ). Похожая ситуация наблюдается и в других регионах ЦФО, лишь в пяти из которых можно констатировать этап вторичной модернизации. Из соседних областей это касается лишь высоко модернизированной Московской области.

Если сравнивать индексы региона с индексами общероссийскими, то легко увидеть их соответствие. Незначительное занижение объясняется невысоким ВРП области и слабым развитием инновационных исследовательских и производствен-

ных организаций. Среди суверенных государств близкие по значениям индексы модернизации в середине рассматриваемого периода (2006 г.) по индексу ВМ – Ливан и Словакия, а по ИМ – Кувейт. Практически завершенная первичная модернизация по значению индекса соответствует целому ряду высокоразвитых стран. В целом показатели региона соответствуют уровню среднеразвитых стран.

Данные о первичной и вторичной модернизации в регионе за 2011 г. привести не представляется возможным. Это обусловлено тем, что в настоящее время ИФ РАН не разработаны стандартные показатели соответствующих индексов. Кроме того, нет сведений о ряде показателей региона, обусловленных особенностями ведения региональной статистики в Российской Федерации.

Однако ниже мы рассмотрим тенденции модернизации в регионе, опираясь на данные «Тульского статистического ежегодника»³ и пролонгируя стандартные показатели 2010 г. Относительно первичной модернизации представлять интерес могут лишь два показателя: валовый региональный продукт на душу населения и ожидаемая продолжительность жизни. Этот интерес обусловлен тем, что по остальным показателям Тульская область к 2010 г. выполнила требования к значению индекса в 100 единиц. В 2011 г. валовый региональный продукт на душу населения составил 103,6% от значения предшествующего года. Это может вызвать повышение соответствующего индекса лишь на 1 пункт.

Данные об ожидаемой продолжительности жизни отсутствуют. Следовательно, уровень первичной модернизации региона остается прежним. Фазовые показатели первичной модернизации таковы: а) отношение добавленной стоимости в с/х к ВВП составил 7%, что не меняет фазы модернизации; б) отношение занятости в сельском хозяйстве к занятости в промышленности составило 0,26, что также не свидетельствует об изменении фазы модернизации. Можно констатировать в этой связи, что никаких существенных изменений в регионе по параметрам первичной модернизации не произошло.

Изменения в показателях вторичной модернизации сложно назвать существенными. Активность

жителей по подаче патентов осталось на прежнем уровне (индекс – 20), число исследователей стало немногим меньше (индекс – 17), аналогично ситуация обстоит и с долей затрат на НИОКР в ВРП. Индекс трансляций знаний в области в 2011 г. подсчитать не представляется возможным. В рамках индекса качества жизни интерес представляют два субиндекса. Один из них – доля городского населения – остался неизменным, а второй – младенческая смертность – вырос (обратный индекс) и составил значение 92 (в 2010 г. он составлял 86 пунктов), что достаточно существенно. Индекс качества экономики не претерпел существенного изменения.

Поэтому мы можем предварительно констатировать, что модернизация в регионе шла очень медленно, но небольшие позитивные сдвиги все же имеются. Относительно фазовых значений вторичной модернизации можно отметить, что уровень фазы остается переходным от подготовительного к начальному.

Подводя итог нашего исследования, укажем на существенные успехи, достигнутые в модернизации Тульского региона за последнее десятилетие. И хотя темпы, в особенности вторичной модернизации, оставляют желать лучшего, общая тенденция на ее продолжение является хорошим знаком, оставляющим надежду на переход к начальному фазовому уровню вторичной модернизации до 2015 г.

Slobozhanin A.V. Feature of Primary and Secondary Modernization of Tula Region in 2000–2011.

Summary: In article it is considered modernization processes in Tula region for the ten years' period (2000–2010). The approach is put in a basis of this research to the modernization studying, developed by professor He Chuantsi (People's Republic of China). He assumes complex studying of dynamics of three types of modernization – primary, secondary and integrated. The author comes to a conclusion that results of secondary modernization in Tula region correspond to average values across Russia and the Central Federal district, are characterized by a growth tendency. It is possible to consider primary modernization of the region complete to the middle of the considered period.

Ключевые слова

Модернизация, модернизация регионов, виды модернизации, развитие Тульской области, индустриальное и постиндустриальное развитие России.

Keywords

Modernization, modernization of regions, types of modernization, development of Tula region, industrial and post-industrial development of Russia.

Примечания

1. Хэ Чуаньци. Соотношение между человеческой цивилизацией и модернизацией // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под ред. Н.А. Лапина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 33.
2. Хэ Чуаньци. Индексы модернизации в мире и Китае (2006) // Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / Пер. с англ. под ред. Н.А. Лапина. М.: Издательство «Весь Мир», 2011. С. 64.
3. Тульский статистический ежегодник. 2011: Статистический сборник. Тула: Тулостат, 2012. 415 с.

Роль государственного бюджета в социально-экономическом развитии России

А.А. Белостоцкий

В статье анализируется роль государственного бюджета в социально-экономическом развитии страны в первую очередь через финансирование социальных программ и выплат на федеральном и региональном уровнях. В ней рассматривается также проблема эффективного освоения в долгосрочной перспективе бюджетных средств.

Одним из наиболее важных механизмов, позволяющих государству осуществлять социальное-экономическое регулирование, является государственный бюджет. Именно посредством бюджета государство образует централизованные фонды и воздействует на формирование децентрализованных фондов денежных средств, обеспечивая возможность выполнения возложенных на него функций. Государственный бюджет играет определяющую роль в реализации проводимой Правительством РФ экономической политики и способствует эффективному решению социально-экономических задач¹. В статье 7 Конституции РФ отмечено: «Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека»².

Для разработки социальных параметров на перспективу используются варианты долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации, которые определяются степенью реализации следующих ключевых факторов:

– развитием и реализацией сравнительных преимуществ российской экономики в энергетике,

науке и образовании, высоких технологиях и других сферах;

- интенсивностью инновационного обновления обрабатывающих производств и динамикой производительности труда;
- модернизацией транспортной и энергетической инфраструктуры;
- развитием институтов, определяющих предпринимательскую и инвестиционную активность, эффективность государственных институтов;
- укреплением доверия в обществе и социальной справедливости, включая вопросы легитимности собственности;
- интенсивностью повышения качества человеческого капитала и формирования среднего класса;
- интеграцией евразийского экономического пространства.

В зависимости от степени реализации этих факторов выделяются два качественно отличных сценария социально-экономического развития в долгосрочной перспективе – консервативного (энергосырьевого) и инновационного развития³.

Инновационный сценарий (вариант Inn) характеризуется усилением инвестиционной на-

Белостоцкий Алексей Александрович – к.э.н., доцент кафедры социального страхования, экономики и финансового права Курского института социального образования (филиал) ФБГОУ ВПО «Российский государственный социальный университет». E-mail: alybel@rambler.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

правленности экономического роста и укреплением позиций России в мировой экономике. Он опирается на создание современной транспортной инфраструктуры и конкурентоспособного сектора высокотехнологичных производств и экономики знаний наряду с модернизацией энергосырьевого комплекса. Сценарий предполагает превращение инновационных факторов в ведущий источник экономического роста и прорыв в повышении эффективности человеческого капитала на рубеже 2020 – 2022 гг., что позволяет улучшить социальные параметры развития.

Консервативный, или энергосырьевой, сценарий (вариант En) характеризуется умеренными (не более 3,6%) долгосрочными темпами роста экономики на основе активной модернизации топливно-энергетического и сырьевого секторов российской экономики при сохранении относительного отставания в гражданских высокотехнологичных и среднетехнологичных секторах.

Различие сценариев вытекает из разной модели поведения бизнеса и государственной политики развития и обеспечения макроэкономической сбалансированности. Основные преимущества инновационного сценария в динамике экономического роста и доходов населения по сравнению с консервативным проявляются после 2015–2018 гг. Инновационный сценарий отличается повышенной устойчивостью к возможному падению мировых цен на нефть и сырьевые товары, а также к общему ухудшению мировой динамики и усилению глобальных торговых и финансовых дисбалансов. В рамках инновационного сценария дополнительно рассмотрен вариант с форсированными темпами роста (сценарий форсированного роста), который характеризуется повышенной нормой накопления, ростом долгов частного сектора и возросшей макроэкономической несбалансированностью. Среднегодовые темпы роста ВВП повышаются до 4,7 процента.

Основные показатели прогноза социально-экономического развития РФ на 2010–2030 гг. представлены в табл. 1.

Таблица 1
Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на 2010–2030 гг., %

Показатели	Варианты	2010	2011-2015	2012-2018	2016-2020	2021-2025	2026-2030	2011-2030
Валовой внутренний продукт, %	Inn En	4,3	4,1 3,8	4,4 3,6	4,8 3,6	4,4 3,4	4,3 3,3	4,4 3,6
Промышленность, %	Inn En	8,2	3,9 3,6	3,8 3,3	4,0 3,4	4,1 3,3	3,8 3,1	4,0 3,4
Инвестиции в основной капитал, %	Inn En	6,0	7,3 6,5	7,2 6,1	7,0 5,9	6,0 4,6	5,3 4,3	6,4 5,3
Реальная заработная плата, %	Inn En	5,2	5,7 5,1	5,9 4,8	5,6 4,3	4,9 4,2	4,7 3,7	5,2 4,3
Оборот розничной торговли, %	Inn En	6,4	5,9 5,5	5,2 4,4	4,7 3,8	4,4 3,6	4,2 3,6	4,8 4,1
Экспорт – всего (на конец периода), млрд долл. США	Inn En	400	581 580	706 680	805 752	1105 952	1524 1178	
Импорт – всего (на конец периода), млрд долл. США	Inn En	249	485 484	589 568	672 639	926 814	1289 1033	

Сценарий предполагает более интенсивный приток капитала. При этом сальдо счета текущих операций на протяжении всего прогнозного периода будет находиться в отрицательной области, что повышает уязвимость российской экономики по отношению к внешним шокам. Дополнительно сценарий предполагает более благоприятные демографические тренды. К 2030 г. численность населения достигнет 147,7 млн человек против 142 млн человек по основному сценарию. Численность трудоспособного населения сократится в меньшей степени.

Развитие российской экономики в рамках инновационного и консервативного сценариев создает условия для повышения устойчивости и сбалансированности бюджетной системы. Однако качество этой сбалансированности различно. При этом переход к обновленному бюджетному правилу и бюджетный маневр, то есть параметры изменения структуры бюджетных расходов, сами являются важнейшими направляющими долгосрочного экономического роста (см. табл. 2).

Таблица 2
Основные параметры бюджетной системы по инновационному сценарию, % к ВВП

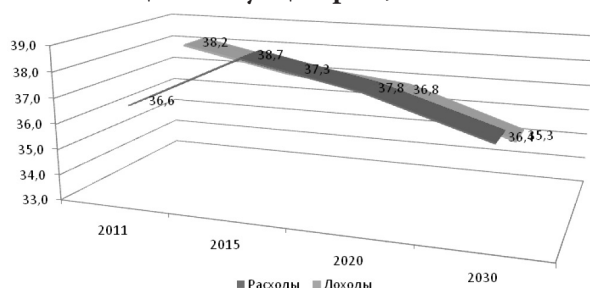
Показатели	2011	2015	2020	2030
Доходы	38,2	37,3	36,8	35,3
Нефтегазовые	10,3	8,2	7,7	5,3
Ненефтегазовые	27,9	29,0	29,1	30,0
Расходы	36,6	38,7	37,8	36,4
Профицит (+) / Дефицит(-)	1,6	-1,5	-1,0	-1,1
Ненефтегазовый дефицит	-8,8	-9,7	-8,7	-6,4

Как видно из табл. 2, в долгосрочной перспективе прогнозируется относительно стабильный уровень доходов бюджетной системы, точнее, их незначительное снижение: с 39,3% ВВП в 2012 г. до 37,3% ВВП в 2020 г. и 35–36% ВВП в 2030 г. Сокращение нефтегазовых доходов с 11% ВВП в 2012 г. до 5–6% ВВП в 2030 г. не в полной мере будет компенсироваться расширением налоговой базы и собираемости основных налогов, таможенных поступлений и страховых взносов. Кроме того, дополнительным фактором уменьшения ненефтегазовых доходов будет понижение уровня пошлин в связи со вступлением в ВТО.

Снижение поступлений от нефтегазового комплекса вызвано сокращением его вклада в ВВП и в экспорт товаров. Уровень налоговой нагрузки на нефтяной комплекс уже достиг своего предела, при этом в прогнозный период предполагается значительное увеличение налоговой нагрузки на газовый комплекс. Предполагается реализация потенциала повышения собираемости налога на добавленную стоимость (НДС), а также рост поступлений от акцизов, налогов на роскошь и недвижимость. Однако часть эффекта расширения налоговой базы будет нивелирована усилением стимулирующей функции налоговой системы (особенно в части инвестиций в оборудование, предложение инжиниринговых услуг).

Развитие бюджетной системы и государственного сектора экономики уже в среднесрочной перспективе будет характеризоваться значительным изменением структуры государственных расходов. Бюджетный маневр более ярко выражен в инновационном сценарии и характеризуется повышением доли расходов на образование, здравоохранение, науку и развитие транспортной инфраструктуры. Структура расходов бюджетной системы достаточно инерционна. Доля расходов на оплату труда, социальные и пенсионные выплаты и прочие текущие затраты составляет в бюджете более 50%, или 18 – 19% ВВП. Расходы собственно инновационного характера занимают всего 2,2% ВВП (или 6% всех расходов бюджетной системы) и к 2020 г. они вырастают в инновационном варианте до 2,8% ВВП (см. рис. 1)⁴.

Рис. 1
Динамика параметров бюджетной системы по инновационному сценарию, % ВВП

В консервативном (энергосырьевом) сценарии предполагается ограниченное увеличение расходов социальной направленности, а также расходов на образование и здравоохранение при стагнации (снижении) расходов на развитие науки, технологий и транспортной инфраструктуры. Формула бюджетного маневра (на периоде до 2020 г.) = +1% ВВП на здравоохранение и образование и (–) 0,5% ВВП на экономику при + 0,8% на оборону и безопасность. В результате расходы бюджетной системы в консервативном варианте сократятся с 36,6% ВВП в 2011 г. до 36,4% ВВП в 2030 г. В этих условиях федеральный бюджет становится бездефицитным после 2015 г., что позволяет обеспечить и существенное снижение нефтегазового дефицита.

В табл. 3 представлена динамика общего и нефтегазового баланса бюджетов разного уровня.

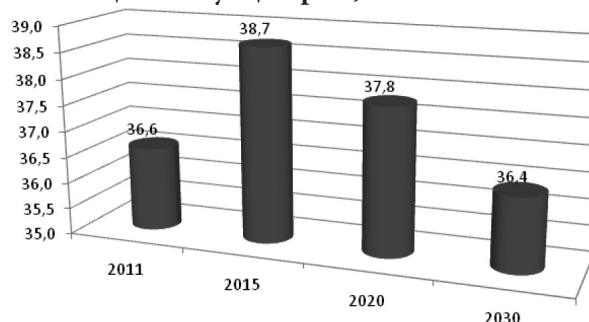
Таблица 3
Расходы бюджетной системы по инновационному сценарию, в % к ВВП

Показатели	2011	2015	2020	2030
Расходы, всего	36,6	38,7	37,8	36,4
Расходы на экономику	5,1	4,7	5,3	7,0
Расходы на образование	4,1	4,3	5,2	5,3
Расходы на здравоохранение	3,5	4,5	4,7	5,1
Расходы на оборону и безопасность	5,6	7,2	6,2	3,8
Расходы на социальное и пенсионное обеспечение	11,9	12,7	11,5	11,4
Прочие расходы	6,4	5,2	4,8	3,6

В консервативном сценарии «эффективный контракт» распространяется лишь на 50% медицинских, педагогических, научных работников и работников культуры. Предполагается значительная оптимизация расходов на оборону и безопасность за счет уменьшения государственного оборонного заказа и индексация денежного довольствия военнослужащих и приравненных к ним лиц только по инфляции, что возвращает соотношение денежного довольствия и средней заработной платы к прошлогоднему уровню.

В инновационном сценарии долгосрочного развития бюджетный маневр характеризуется значительным повышением доли расходов на образование, здравоохранение, науку и развитие транспортной инфраструктуры при выполнении намеченных мероприятий по модернизации вооруженных сил и сил безопасности. Формула бюджетного маневра (на периоде до 2020 г.) = +2% ВВП на здравоохранение, образование, науку, +0,5% ВВП на экономику (в том числе на развитие транспортной инфраструктуры) и +1% на оборону и безопасность.

Рис. 2
Объем расходов бюджетной системы по инновационному сценарию, % ВВП

Оптимизация бюджетных расходов идет в основном за счет сокращения субсидий, в том числе на ЖКХ и относительного сокращения общегосударственных управленческих расходов (в том числе за счет сокращения численности). В результате расходы бюджетной системы в инновационном сценарии увеличатся с 36,6% ВВП в 2011 г. до 37,8% ВВП в 2020 г., затем произойдет снижение до 36,4% ВВП в 2030 г. (рис. 2).

В этих условиях бюджетная система остается дефицитной, не удастся существенно снизить нефтегазовый дефицит. В то же время бюджетная система становится способной поддерживать модернизацию экономики. Ее стабильность обеспечивается ограниченным уровнем дефицита (1,5–2% ВВП до 2025 г.) и роста государственного долга до уровня 20–25% ВВП, который можно профинансировать преимущественно за счет внутренних источников. Прогнозируемый бюджетный дефицит полностью определяется дефицитом пенсионной системы. Сохранение ставки страховых взносов на уровне 2012–2013 гг. приведет к росту дисбаланса бюджета Пенсионного фонда Российской Федерации до 3,5–4% в 2025–2030 гг. ВВП по сравнению с 2,5% в 2012 г. Это в два раза превышает прогнозируемый дефицит, вызванный расходами

на развитие экономики и человеческого капитала. В этих условиях проведение реформы пенсионной системы становится ключевым фактором, определяющим уровень рисков бюджетной системы и ее устойчивости.

В рамках инновационного сценария прогноза предлагается накопление бюджетных фондов ограничить в совокупном объеме на уровне 5–6% ВВП, который предполагается достигнуть уже к 2020–2025 гг. Стабилизация уровня бюджетных фондов (Фонда благосостояния и Резервного фонда) позволит вовлечь часть средств Фонда благосостояния в инвестиции внутри и вне страны. В том числе для реализации долгосрочных стратегических проектов со значительным потенциалом роста капитализации. При таком подходе рост будущих накоплений определяется не динамикой экспортных доходов от нефти и газа, а потенциалом роста российской экономики и капитализации перспективных инвестиционных проектов.

Баланс бюджетной системы (разница между доходами и расходами бюджетов бюджетной системы) будет положительным в рассматриваемый период планирования. Это обусловлено наличием поступлений в накопительную часть пенсий, которые практически не будут расходоваться в течение периода планирования. Вместе с тем величина профицита будет последовательно снижаться. В табл. 4 представлена динамика общего и нефтегазового баланса бюджетов разного уровня.

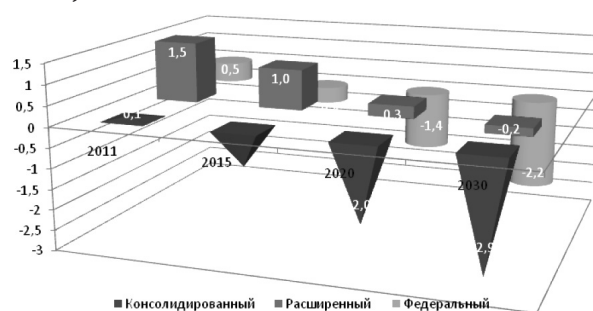
Таблица 4

Балансы бюджетов разного уровня (% ВВП)

Показатели	2011	2015	2020	2030
Баланс				
Расширенный	1,5%	1,0%	0,3%	-0,2%
Консолидированный	0,1%	-0,9%	-2,0%	-2,9%
Федеральный	0,5%	-0,4%	-1,4%	-2,2%
Нефтегазовый баланс				
Расширенный	-5,1%	-3,9%	-3,3%	-3,3%
Консолидированный	-6,5%	-5,8%	-5,6%	-6,0%
Федеральный	-6,1%	-5,3%	-5,0%	-5,3%

Рис. 3

Прогноз параметров расширенного бюджета, % ВВП

Баланс по располагаемым доходам, согласно оценке, будет в целом соответствовать нормативно установленной величине нефтегазового

трансферта 3,7% ВВП, и с учетом заложенных при подготовке прогноза гипотез не потребуются привлечения дополнительных источников для финансирования расходов бюджетной системы (рис. 3).

Таким образом, при изложенных параметрах бюджетных расходов обеспечивается долгосрочная устойчивость бюджетной системы, поскольку в этом случае к 2030 г. расходы бюджетов будут покрываться располагаемыми доходами и нефтегазовым трансфертом, что приведет к повышению эффективности расходов бюджета и будет выступать сдерживающим фактором для необоснованного роста расходов. Создание условий для будущего развития – важнейшая миссия социально ответственного государства. Развитие природного и научного потенциала, конкурентоспособной системы образования, формирование инновационной среды, поддержка передовых технологий, обеспечение прав и свобод граждан, развитие демократии и гражданского общества, эффективная организация самого государства, борьба с коррупцией – необходимые предпосылки для достижения этой цели. Непосредственный вклад в ее достижение должно внести комплексное решение демографической проблемы.

Основа для решения перечисленных проблем – высокие темпы устойчивого экономического роста, обеспечивающего создание новых рабочих мест, увеличение доходов граждан и расширение финансовых возможностей государства. Это требует прежде всего поддержания макроэкономической стабильности, которая играет решающую роль в формировании инвестиционной привлекательности страны. Должно быть также обеспечено безусловное выполнение государством своих обязательств независимо от колебаний внешней конъюнктуры, поддержание стабильного уровня цен и стоимости национальной валюты и устранение других макроэкономических рисков.

Принимая во внимание состав бедных домохозяйств, для ослабления социального неравенства необходимо разработать программу, направленную на повышение качества жизни социально незащищенных категорий граждан (инвалидов, многодетных, неполных семей, пенсионеров и т.д.). При этом важно понимать, что традиционные методы борьбы с бедностью в виде социальных трансфертов в лучшем случае позволяют поднять уровень потребления низкодоходных слоев населения. Значительная часть российских бедных сконцентрирована у черты бедности, и только для десятой их части бедность означает практически отсутствие средств к существованию. Сравнительно низкая глубина бедности может рассматриваться как позитивный результат с точки зрения динамики уровня жизни, а концентрация бедных преимущественно около черты бедности также указывает на возможную временную бедность.

В плоскости принятия управленческих решений это позволяет определить два принципиально разных направления социально-экономической политики:

– во-первых, за счет программ, направленных на поддержку тех, кто находится у черты бедности, можно существенно сократить численность бедного населения при минимальных издержках;

– во-вторых, поскольку 9–10% бедных семей будут продолжать оставаться таковыми, даже если к ним перераспределить существенную часть доходов, поэтому для них необходимы специальные меры, направленные на сокращение глубины бедности.

Вовлечение и социальная адаптация инвалидов в российскую систему занятости наряду с совершенствованием мер поддержки этих слоев населения со стороны государства способно не только улучшить материальное положение и самосознание инвалидов, но и внести важный вклад в решение проблем дефицитности рабочей силы. Стоит также отметить, что существует разница в способах реабилитации между инвалидами с рождения и лицами, получившими инвалидность в зрелом возрасте и имеющими опыт работы. Если первым помимо медицинской помощи для интеграции в общество необходима социальная адаптация в полном объеме, то вторым для продолжения активного образа жизни нужна прежде всего профессиональная переподготовка и психологическая помощь. Необходимо провести коренные преобразования, направленные на интеграцию инвалидов в полноценную жизнь общества. Более того, эти преобразования должны иметь комплексный характер и охватывать весь диапазон проблем этой категории граждан, начиная с возможности получения достойного образования и заканчивая внедрением специальной инфраструктуры во всех областях жизни общества.

С целью обеспечения методологического единства прогнозов, выполненных регионами, и прогнозов федерального уровня построение сценариев социально-экономического развития Курской области их реализация должна опираться на средне- и долгосрочный прогноз роста российской экономики с учетом неравномерности ее развития (табл. 5)⁵.

В прогнозируемом периоде выделяются три основных периода или фазы развития. Для Курской области предлагаются следующие варианты сценария развития:

– первый (базовый) – сценарий инерционного развития, который реализуется на практике и связан с сохранением существующих темпов роста, конкурентоспособности и эффективности экономики, не предполагает новых масштабных региональных проектов или стратегий. Данный сценарий усиливает сырьевую ориентацию региональной экономики (стабилизация добычи ресурсов в связи с инфраструктурными ограничениями). Среднегодовой темп роста ВРП при таком сценарии в 2007–2008 гг. может составить 104,0% и увеличиться к 2009–2010 гг. до 105,4% и незначительно снизиться до 105,2% в 2011–2015 гг. Удвоение ВВП в этом случае достигается в 2014 г.;

– второй (целевой) – сценарий инновационно-прорывной, включающий три стратегических направления развития: а) ресурсный регион; б) индустриально-инновационный центр; в) возвращение агропромышленного статуса⁶.

Инновационно-прорывной сценарий по приоритетному направлению «ресурсный регион» реализуется при условии осуществления на макроуровне целевого сценария развития, однако возможен и при инерционном сценарии на уровне РФ. В данном случае предполагается достаточно высокая инновационная и инвестиционная активность хозяйствующих субъектов, поддержка со стороны региональных и федеральных органов власти осуществляться в ограниченных масштабах. Удельный вес промышленности в ВРП растет за счет базовых отраслей – электроэнергетики и черной металлургии. Предполагается, что инвестиционная активность будет направлена на разработку новых месторождений полезных ископаемых, а также на создание обрабатывающих производств для их переработки на месте.

Внедрение инновационных технологий будет способствовать увеличению объемов добычи и переработки полезных ископаемых, созданию в регионе энергоемких производств. Рост инвестиций в основной капитал будет выше, чем на

Таблица 5

Расходы бюджетной системы по инновационному сценарию, в % к ВВП

Показатели	Вариант прогноза*	2004 год	2005 год	Прогноз (среднегодовой темп роста)			
				2006-2008	2009-2010	2011-2015	2016-2020
ВРП	1	107,5	105,5	104,6	105,4	105,2	105,2
	2			106,1	109,7	108,3	108,7
Индекс промышленного производства	1	104,9	104,5	104,5	104,7	103,0	103,0
	2			107,2	111,2	109,0	109,0
Индекс физического объема продукции сельского хозяйства	1	106,3	101,1	102,8	103,0	103,0	103,0
	2			104,1	105,2	106,2	108,4
Индекс физического объема работ, выполненных по виду деятельности «строительство»	1	112,1	105,3	102,1	104,5	105,4	107,0
	2			104,0	109,5	110,4	111,8
Индекс физического объема оборота розничной и оптовой торговли	1	110,2	116,8	115,3	110,5	110,0	109,0
	2			116,0	114,0	112,0	110,0
Индекс физического объема транспорта и связи	1	105,6	109,0	107,6	107,0	107,8	109,0
	2			109,5	110,0	111,0	112,0

* 1-й вариант – инерционный; 2-й вариант – инновационно-прорывной.

настоящий момент, дополнительные инвестиции потребуются для дополнительной разведки и разработки новых месторождений полезных ископаемых и для усовершенствования имеющихся производств. Предполагается высокая активность иностранных инвесторов в отрасли добычи и переработки полезных ископаемых. Денежные доходы населения будут расти большими темпами, чем в предыдущем сценарии. Рост экспорта обусловливается поиском рынков сбыта продукции черной металлургии и электроэнергетики за рубежом. Импорт продукции будет постепенно сокращаться после весомого его увеличения, обусловленного вступлением России в ВТО⁷.

При приоритетном направлении «индустриально-инновационный регион» курс может быть взят на превращение Курской области в регион-локомотив инновационного центра ЦФО. Сценарий может реализовываться только при активном целевом развитии РФ, он требует активного участия региональных властей и федерального центра. Это важно при формировании конкурентоспособных кластеров, а также при привлечении в регион инвесторов. Учитывая тот факт, что формирование кластеров и реализация инвестиционных проектов в производственном секторе требуют значительного времени и существенных капитальных вложений, данный вариант инновационно активного сценария не может привести к мгновенному росту ВРП, а потребует достаточно длительных сроков кропотливой работы до получения результатов.

На первом этапе запуска данного сценария потребуются вложения со стороны государства (стимулирование развития кластеров, создание технологических и индустриальных парков, инфраструктурное обустройство новых промышленных зон, вложения в профессиональное образование и проч.). Важнейшим источником доходов региона должна стать инновационная продукция в промышленности. Значительно растет удельный вес доходов от науки и научного обслуживания в структуре ВРП. Реализация сценария предполагает инновационную и инвестиционную активность экономических субъектов на территории региона, связанную в первую очередь с созданием наукоемких производств, научных центров на базе городов: Курск (разработка инновационных технологий преимущественно для обрабатывающих производств), Железногорск (активная разработка инновационных технологий в сфере добычи и переработки полезных ископаемых), Курчатова (разработка инновационных технологий в сфере атомной энергетики).

Внедрение сети центров трансфера технологий, предполагающей международное сотрудничество. Этот вариант сценария в настоящее время будет реализовываться в ситуации конкуренции области с соседними регионами, которые как и в России, так и на Украине предпринимают усилия за приход к ним новых производств, реализации на их территории инвестиционно-инновационных проектов. Кроме того, привлекательность

области будет зависеть от реализации крупных инфраструктурных проектов федерального уровня. На первых этапах реализации сценария предполагаются невысокие приросты ВРП, производства промышленной продукции, денежных доходов населения, что связано с невысокой эффективностью инновационной продукции на этапе ее разработки. К 2015–2020 гг. предполагаемые результаты значительно превысят показатели приведенных выше сценариев⁸.

Сценарий «возвращение региону агропромышленного статуса» может реализовываться при условии осуществления на макроуровне целевого сценария развития. В таком случае предполагается достаточно высокая инновационная и инвестиционная активность хозяйствующих субъектов, поддержка со стороны региональных и федеральных органов власти. Удельный вес промышленности в ВРП остается весомым за счет базовых отраслей – электроэнергетики и черной металлургии, а также пищевой промышленности. Рост удельного веса сельского хозяйства в структуре ВРП происходит за счет повышения эффективности управления сельскохозяйственными предприятиями и внедрения инновационных технологий в отрасль при условии инновационной активности российских и иностранных инвесторов, в том числе при условии привлечения инвестиций за счет средств бюджета.

Рост инвестиций в основной капитал будет выше, чем на настоящий момент. Общественной предпосылкой для реализации сценария будет активность инвесторов в сельском хозяйстве и пищевой промышленности и инвестиции за счет бюджетных средств. Следует учитывать, что основная часть территории области принадлежит к поясу российского Черноземья. Данный земельный ресурс является уникальным и так или иначе будет востребован. Уже начался интенсивный процесс модернизации зернового хозяйства, включения его в производственно-технологические цепочки экспортных поставок зерна.

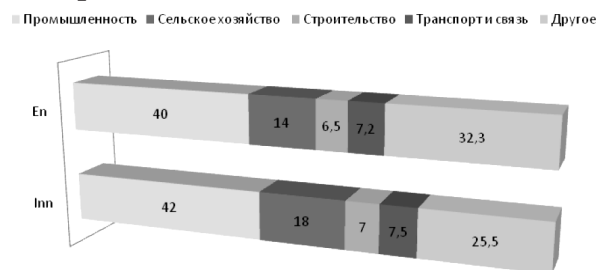
Структура ВРП по инновационно-прорывному сценарию (Inn) и инерционному сценарию (En) представлена на рис. 4. На первых этапах реализации сценария денежные доходы населения будут расти не очень быстро, затем, вследствие повышения рентабельности предприятий, вырастут и денежные доходы населения. Рост экспорта товаров и снижение импорта в первую очередь в сфере продуктов питания обусловливается ростом конкурентоспособности продукции отрасли за счет использования инновационных технологий.

В настоящее время мы все чаще слышим о приоритетах социально-экономического развития нашего государства, Государственный бюджет РФ становится все более и более социально ориентированным. В Бюджетном послании на 2013–2015 гг. Президент РФ В.В. Путин отметил: «Главным критерием эффективности нашей бюджетной политики должно стать достижение заявленных приоритетов. Речь идет о формирова-

нии новой структуры экономики, благоприятных условий для привлечения инвестиций, об улучшении работы образования и здравоохранения, всей социальной сферы»⁹.

Рис. 4

Изменения структуры ВРП по инновационно-прорывному сценарию (Inn) и инерционному сценарию (En), %

И в этих условиях главная цель формирования государственного бюджета – создание условий и предпосылок для максимально эффективного управления государственными финансами в соответствии с приоритетами социально-экономического развития государства. Это значит, что следует сместить бюджетный процесс от управления ресурсами бюджета, то есть затратами, к управлению результатами. При концепции «управления ресурсами» бюджет формируется через индексацию сложившихся расходов с детальной «раскладкой» их по статьям бюджета. При соблюдении жестких бюджетных ограничений этот метод обеспечивает сбалансированность бюджета и выполнение бюджетных проектов. Но недостаток такого метода заключается в том, что ожидаемые результаты бюджетных расходов не прописываются, а управление бюджетом сводится к контролю соответствия фактических и плановых показателей.

Качество финансовой отчетности органов государственной власти и крупных государственных организаций должно подтверждаться независимыми и авторитетными аудиторами. Необходимость перехода к системе государственного аудита непосредственно связана с современными направлениями развития системы государственного финансирования. Международные тенденции показывают, что существенно сокращается прямое финансирование из бюджета, то есть выделение средств под смету расходов. Такое расходное финансирование малоэффективно и требует больших издержек на контроль реализации сметы.

Неэффективность этой системы также связана и с тенденцией завышения организациями смет с целью получить больше средств, а в конце года их израсходовать. Недостатком этой системы является и избыточное регулирование статей расходов, что связывает деятельность учреждений, лишает их возможности гибкого реагирования на изменения экономической ситуации, что ведет к снижению эффективности отдачи от вложенных средств. Преодоление указанных недостатков в международной практике связывают с переходом к иной

системе выделения государственных средств и заменой финансирования затрат на финансирование программ. При внедрении финансирования под программы возникает государственный заказ на определенный социальный продукт и заключаются договоренности на цену этого продукта, которая обосновывается сметой. Чтобы эффективно управлять ими и гибко реагировать на изменение цен на рынке, бюджетное учреждение должно быть самостоятельным. Достигнутым конечным результатом являются объемы и качество социального продукта. Такая система позволяет проводить конкурс на государственный заказ. При этом возрастает роль последующего контроля, который должен выступать в форме государственного аудита.

Как показывает международный опыт, для перехода к новой системе бюджетного планирования необходима не только стабильность бюджета, но и структурные преобразования всей системы государственного управления. Основные направления таких преобразований:

- комплекс мер по обеспечению полного финансирования обязательств, взятых на себя государственными органами власти федерального и регионального уровней, а также органами государственного самоуправления. Здесь требуется планомерная работа по инвентаризации бюджетных обязательств. Итогом такой инвентаризации должна стать выработка предложений по отказу от финансирования тех мероприятий, которые не способствуют устойчивому экономическому росту, но ложатся «тяжелым грузом» на бюджетную систему;
- внедрение программно-целевого принципа в бюджетном процессе. В рамках этого направления необходимо разработать и внедрить систему распределения бюджетных средств по подведомственным программам, которые нацелены на решение острых социальных и экономических проблем.

Несмотря на принимаемые в последнее время меры по более эффективному использованию преимуществ федеральных целевых программ, сложившиеся процедуры и методология их разработки и реализации не полностью соответствует требованиям бюджетного планирования, ориентированного на результат. Поэтому средства, выделяемые на большинство федеральных целевых программ, фактически являются:

- во-первых, разновидностью дополнительного финансирования текущих функций, выполняемых министерствами и ведомствами;
- во-вторых, эти программы постоянно подвергаются изменениям, что вызвано размытостью целей и результатов программ и недостатком ответственности за их достижение.

Для устранения этих недостатков необходимо внести изменения и дополнения в законодательные акты правительства, которые определяют порядок разработки, утверждения и реализации федеральных целевых программ и помогают улучшить соответствующие процедуры в рамках ведомств и министерств. Долгосрочные целевые программы должны быть сосредоточены на реализации крупномасштабных инвестиционных, структурных и

■ Социология

научно-технических проектов, которые направлены на решение проблем, входящих в сферу ответственности федеральных органов государственной власти.

Реформирование системы государственных и муниципальных унитарных, казенных предприятий и бюджетных учреждений должны привести к сокращению государственного сектора и одновременно повысить его эффективность. Сокращение государственного сектора должно происходить за счет перехода части бюджетных организаций в частный сектор на добровольной основе при поэтапном сокращении бюджетной составляющей их финансирования. Это прежде всего касается отрас-

лей социальной сферы, в особенности образования, здравоохранения. Такие организации участвуют на конкурсной основе в распределении бюджетных средств и несут полную ответственность по своим обязательствам.

Belostotskiy A.A. Socio-Economic Priorities State Budget Formation in the Long Term.

Summary: *In the research study analyzes the socio-economic development, the role of the state budget in the financing of social activities at the federal and regional levels and the direction of the effective budget implementation in the long term.*

Ключевые слова

Государственный бюджет, долгосрочная перспектива, социально-экономическое развитие, приоритеты бюджетной политики.

Keywords

State budget, long-term perspective, the socio-economic development, priorities of fiscal policy.

Примечания

1. Министерство финансов Российской Федерации: <http://www1.minfin.ru/index.html>
2. Конституция Российской Федерации. Официальный текст от 12.12.1993 (с учетом поправок, внесенных Законами РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ). – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации до 2030 года. Министерство экономического развития РФ: <http://www.economy.gov.ru>
4. Концепция долгосрочного развития Российской Федерации до 2020 года.
5. Официальная Курская область. Сервер органов власти Курской области: <http://rkursk.ru/>
6. Закон Курской области от 28 февраля 2011 г. № 15-ЗКО «О программе социально-экономического развития Курской области на 2011 – 2015 годы».
7. Паспорт региона Курская область. Приложение №3 к Договору № 51-09/2008 от «05» сентября 2008 г.
8. Проект бюджетной стратегии РФ на период до 2023 года. Министерство финансов Российской Федерации: <http://www1.minfin.ru/>
9. Бюджетное послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации «О бюджетной политике на 2013–2015 годы».

Тенденции развития молодежного экстремизма в условиях прогресса информационно- компьютерных технологий

Е.О. Кубякин

Современное общество характеризуется стремительно возрастающими информационными потоками. В результате развития Интернета, возрастания скорости передачи сообщений традиционные средства и способы анализа характера, контекста, направленности сообщений утрачивают свою значимость. Одно из негативных явлений в России на сегодняшний день – это экстремизм, который интегрируется в интернет-среду. Эффективное противодействие данному явлению в ближайшем будущем будет состоять в совершенствовании программных средств интернет-мониторинга, позволяющих в режиме реального времени осуществлять компьютерный контент-анализ, лингвистический анализ текстовых потоков, содержащих различные материалы глобальной сети, в том числе и экстремистские.

Ситуация с молодежным экстремизмом в России осложняется с каждым годом. Прежде всего это связано с социокоммуникативными трансформациями начала XXI в. Становление глобального информационного общества на основе использования компьютерных и информационных технологий протекает с разной степенью интенсивности во всем мире, в том числе и в нашей стране. Изменяются функции различных социальных институтов, социальные явления и процессы приобретают новые, ранее не изученные исследователями черты. Претерпевает существенные изменения и молодежный экстремизм, а также каналы его распространения и формы проявления. Новые средства и способы коммуникации, упрощение доступа к информационным ресурсам оказали заметное влияние на масштабы распространения

молодежного экстремизма. Очевидно, что глобализация информационно-коммуникационной среды не препятствует, а в ряде случаев способствует возникновению условий для экстремистской экспансии.

Глобализация и информатизация социума, сопровождающиеся минимизацией контроля и управления информационными потоками, расширяют возможности для самоорганизации молодежи на основе экстремизма, формирования молодежных экстремистских движений. Если еще 10–15 лет назад деятельность экстремистских движений локализовывалась пространственными границами города, района, области, то в настоящее время благодаря информационно-коммуникационным технологиям (прежде всего Интернету) экстремистская деятельность расширяется в масштабах

Кубякин Евгений Олегович – к.соц.н., заместитель начальника кафедры философии и социологии ФГКОУ ВПО «Краснодарский университет МВД России». E-mail: tsporz@yandex.ru

Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

страны. Сотовая связь, мультимедиа, компьютерные технологии трансформировали межличностную и групповую коммуникацию до масштабов массовой (форумы, чаты, блоги и прочие стали достоянием широких слоев интернет-аудитории).

В итоге члены экстремистских движений и групп получили возможность распространять свою идеологию, убеждения в интернет-ресурсах, где численность аудитории может колебаться от нескольких десятков до сотен тысяч человек. Такие ресурсы воздействия на молодежное сознание сравнимы с потенциалом традиционных СМИ, только не контролируемых государством и обществом. Под видом «обмена мнениями» в Интернете экстремисты могут вести пропаганду, вербовать новых сторонников и увеличивать количество «сочувствующих», используя в своих целях несформировавшееся молодежное сознание. Эта проблема, на наш взгляд, в настоящее время недооценивается в России.

Весьма противоречивую роль играют и средства массовых коммуникаций (СМК). С одной стороны, они расширяют информационное пространство для молодежи, а с другой – их влияние в глобализирующемся информационном обществе не всегда имеет общественно значимую направленность. Нередко вследствие влияния СМК в системе ценностных предпочтений молодого человека формируются ложные установки и антиценности. Приходится констатировать, что в современной ситуации российская молодежь оказывается уязвимой перед массированным воздействием экстремистского характера. Не всегда позитивную роль играет неформальная среда общения, где происходит активная социализация молодых людей. Все чаще неформальные объединения способствуют проникновению в сознание молодежи, особенно подростков, экстремистских взглядов, используя для этого интернет-ресурсы, провоцируя спонтанные экстремистские действия.

Сегодняшний экстремизм в редких случаях носит открытый характер, он глубоко законспирирован и адаптируется к современным условиям, в частности через Интернет. Для того чтобы общаться с единомышленниками, сейчас не обязательно собираться на конспиративных квартирах и входить в «тайные кружки», достаточно иметь персональный компьютер (а то и просто современный мобильный телефон – «смартфон», коммуникатор) и выход в Интернет. Так виртуализированные экстремистские проявления беспрепятственно и бесконтрольно проникают в каждый дом. В связи с этим роль информационного фактора и массовых коммуникаций в распространении экстремистских настроений в молодежной среде усиливается.

Процесс глобализации информационно-коммуникационной среды как определяющий тренд системной трансформации современного российского общества, к сожалению, сопровождается и появлением новых форм распространения экстремизма в молодежной среде. Данная проблема остается наименее изученной в современной социологии. Несмотря на появление в последние

годы ряда публикаций, содержащих некоторые аспекты ее социологического исследования, пока отсутствует целостный подход к изучению молодежного экстремизма в контексте социокоммуникативных трансформаций общества. Нуждаются в теоретической разработке особенности формирования экстремизма в условиях глобализации информационного пространства, влияние глобальных информационных сетей на распространение экстремистских настроений среди молодежи.

С каждым годом возрастает социальная значимость коммуникативно-технологической составляющей. В результате опосредуются формы социального взаимодействия индивидов, групп, общностей. Происходит виртуализация социального пространства на базе сети Интернет, компьютерных игр и пр. Трансформации, связанные с вхождением в жизнь новых информационно-коммуникационных технологий, происходят не только в технологически развитых странах. Этот процесс затрагивает большинство стран на планете, в том числе и Россию. В результате происходят изменения в социальных взаимодействиях людей, формах социальной организации. Под воздействием процесса информатизации меняется социальная реальность, возникают новые формы социального пространства. Ключевой социальной технологией становится глобальная компьютерная сеть.

В глобализирующемся обществе существенно возрастает роль института массмедиа. В результате социокоммуникативных трансформаций и включения России в процессы глобализации система средств массовой коммуникации охватывает своим воздействием практически все население. В этой связи стоит констатировать, что СМИ, культурная элита, политики, общественные и религиозные деятели не смогли сформировать действенных механизмов влияния гражданского общества на подрастающее поколение. Молодежи не объясняют, какой она должна стать через несколько лет, не задают ориентиров социального развития. Несмотря на многочисленные публикации по данной проблематике (не только научные, но и журналистские материалы), в настоящее время не возникает ощущения, что проблема отсутствия ориентиров, целей социального развития российской молодежи успешно решена.

Процесс социального развития выглядит спонтанным, никем не управляемым. Молодежи, как никакой другой группе, необходимо показывать, что государство заинтересовано в их социальном взрослении, в успешном включении во взрослую жизнь. Постепенно отошел на «второй план» ключевой тезис советских времен о том, что молодежь – ресурс развития государства и от того, какой станет нынешняя молодежь через 10–15 лет, зависит будущее страны. Нельзя допускать ситуацию, когда критерии социального развития молодежи криминализируются, подвергаются аморальной, антинравственной «правке».

Указанные проблемы осложняются прогрессом коммуникативных технологий и всепоглощающим воздействием массовой культуры, предлагающей

молодежи заведомо нереализуемые жизненные ориентиры, недостижимые идеалы. Культурная глобализация создала благоприятные условия для формирования массового потребительского общества западного образца. Массовая культура, многие элементы которой не соответствуют мало-мальским принципам морали, развращает, «заряжает» отрицательной энергией молодежь, способствует различного рода девиациям. Благодаря интеграции России в мировые коммуникативные и экономические структуры остановить данное влияние не представляется возможным.

Развитие коммуникативных технологий привело к выходу на первый план в воспитательном, социализационном процессе СМК, особенно телевидение и глобальную компьютерную сеть. Они все чаще отодвигают на «второй план» семью и образовательные учреждения, объясняя молодежь, как нужно жить и вести себя в обществе, что такое любовь, дружба, добро, зло и т.п. Известно, что СМК обладают способностью создания «иллюзорного мира», в который постепенно погружается молодежь, сама того не осознавая. Стоит подчеркнуть, что в молодежном возрасте часто наблюдается конфликт личностного развития, так как не совпадают реальность и иллюзорный, виртуальный мир. Однако проблема заключается и в том, что одновременно с прогрессом коммуникативных технологий произошла «культурная экспансия», ведущую роль стала играть массовая потребительская культура. Этот тип духовной культуры крайне опасен для молодого поколения, особенно в аспекте воспитания, социализации, так как способен формировать идеалы, жизненные притязания, ценности, мировоззренческие принципы, реализация которых большинством молодежи невозможна без нарушения норм, в том числе и юридических.

Учитывая то обстоятельство, что базовые потребности молодежи не удовлетворяются и не реализуются, растут агрессивные настроения и формируется ожидание социального реванша, общество сталкивается с рядом негативных социальных последствий, в том числе с различного рода девиациями, а также молодежным экстремизмом. Очевидно, что в современной России не преодолен глубокий экономический, нравственный и социокультурный кризис, начавшийся в 1990-х гг. На острие его оказалась молодежь как одна из самых незащищенных и социально нестабильных групп общества. Многие каналы восходящей социальной мобильности оказались закрыты для молодежи, особенно так называемой «провинциальной». Большинству молодых россиян 1990–2000-х гг. была предоставлена возможность самовыражения в сфере духовной культуры путем включения в различные субкультурные и контркультурные объединения, движения, группы и пр. Однако такая перспектива оказалась востребованной лишь малой частью российской молодежи.

Стоит отметить, что важной особенностью рассматриваемого возраста является самоидентификация и поиск своего «Я».

В социологическом аспекте это есть процесс отождествления индивидом себя с другим человеком, группой, образом, происходящий в ходе социализации, посредством которого приобретаются или усваиваются нормы, ценности, социальные роли, моральные качества представителей тех социальных групп, к которым принадлежит или стремится принадлежать индивид. Необходимость самоидентификации и самовыражения являются важным стимулом, влияющим на поведение молодежи, ее социальные действия и взаимодействия. Кризис духовной культуры, аноμία в обществе, морально-нравственная деградация многих людей сделали актуальными асоциальные и антисоциальные способы самоидентификации и самовыражения молодежи. Это также способствовало росту девиаций и укреплению позиций молодежного экстремизма в России 1990–2000-х гг. под воздействием тенденций глобализации и информатизации.

Кроме того, существуют проблемы социализации и социального развития молодежи в контексте изменений, происходящих в сфере информации и коммуникаций, так называемой «информационной революции», становления глобального информационного общества. В результате указанных социальных изменений произошла трансформация социализирующих и инкультурирующих механизмов молодежи. Если раньше процесс социализации носил «классический» характер, в нем центральную роль играли семья, школа, то сейчас в нем доминируют СМК, многие из которых контролируются глобальными транснациональными корпорациями.

Процесс усвоения информации молодежью принял стихийный, неуправляемый характер, нежелательный и даже вредный для процесса воспитания и социального развития. «Взрослое» общество вследствие прогресса коммуникативных технологий, их всепроникающего глобального статуса фактически лишилось социализирующей инициативы. Многочисленные сериалы, ток-шоу конструируют мощные негативные стереотипы, которые определяют направленность социокультурного развития и социальных практик российской молодежи, к тому же претерпели существенные изменения и критерии социального развития молодежи.

Следовательно, положение российской молодежи в условиях социальной реальности начала XXI в., которую ряд авторов справедливо именуют «обществом риска», детерминирует генезис и развитие различного рода девиаций, в том числе молодежного экстремизма. Возникновение и развитие молодежного экстремизма обусловлено рядом объективных и субъективных факторов, связанных как с особенностями духовного, личностного облика молодежи, так и с социальными, экономическими, культурными условиями ее существования в 1990–2000-х гг. Распространенность экстремистских идей и поступков, увеличение численности экстремистских движений и

группировок обусловлены рядом объективных и субъективных факторов молодежной среды. К числу объективных факторов генезиса молодежного экстремизма можно отнести:

- системные, не решаемые годами проблемы российского общества в виде коррупции, кризиса правоохранительной системы, теневой экономики, резкого расслоения общества на «богатых» и «бедных» и т. д.;
- падение духовно-нравственного уровня населения России вследствие «засилья» образцов массовой культуры, культы наживы, успеха, физической силы, гедонизма, «легких денег»;
- дисбаланс системы социализации, воспитания, социального развития молодого поколения;
- дисфункциональность системы средств массовой коммуникации, ее отказ от обсуждения множества социальных проблем с одновременным усилением пропаганды ксенофобии в отношении, в частности, выходцев из регионов Северного Кавказа и Средней Азии;
- негативные последствия войны в Чечне и непродуманной миграционной политики;
- социокоммуникативные изменения и становление глобального информационного общества, бурное развитие инновационных СМК, в первую очередь Интернета, что привело к практически полной потере контроля государства над процессом коммуникации с молодым поколением.

К числу субъективных факторов генезиса молодежного экстремизма, непосредственно связанных с социально-возрастными, социально-психологическими и социокультурными характеристиками молодежи, можно отнести:

- экстремальность как имманентное свойство сознания и поведения молодежи, в ряде случаев способное трансформироваться в экстремизм;
- не сформировавшееся до конца сознание, социокультурный облик, в результате чего молодой человек рискует попасть под влияние идеологов экстремизма;
- маргинальный, неустойчивый переходный социальный статус молодежи (во многих случаях отсутствие семьи, детей, престижной работы и т. п.) приводит ее к мысли о том, что «нечего терять»;
- эмоционально-чувственное, аффективное восприятие окружающей действительности, в результате чего молодые люди «думают сердцем», сначала совершая какой-то поступок, а потом задумываясь о его необходимости;
- инновационная активность, жажда новизны, поиск способов самореализации, к сожалению, участие в экстремистской деятельности в ряде случаев удовлетворяют данные потребности молодежи;
- некритическое, парадоксальное мышление и отсутствие жизненного опыта, неумение анализировать причины и последствия социальных действий и взаимодействий.

Каким бы комплексом факторов не был обусловлен экстремальный тип сознания молодежи (психофизиологическим, социокультурным, социально-статусным), очевидно, что он выступает «фактором риска» в молодежной среде в аспекте

потенциального генезиса экстремизма. Несмотря на то что прямой зависимости между экстремальностью молодежного сознания и экстремизмом нет, все же в целом ряде случаев возможно превращение экстремального сознания в экстремизм. Именно поэтому государственные управленческие структуры должны так организовывать молодежную политику, чтобы экстремальность сознания молодежи (которая является атрибутом молодежного возраста, с чем необходимо считаться) использовалась и направлялась для достижения социально одобряемых целей и не приобретала формы антисоциальной направленности (экстремизм, терроризм и пр.).

Аналогичная проблема возникла и с социально-групповой самоорганизацией молодежи. Сам по себе феномен социально-групповой самоорганизации молодежи напрямую не влияет на генезис экстремизма. Однако в ряде случаев наблюдается трансформация малочисленных самоорганизованных групп молодежи в экстремистские. Государственные управленческие структуры должны учитывать особенности социально-групповой самоорганизации молодежи и использовать данный феномен как «блокировку» экстремизма, не допуская развития ситуации, когда возникают предпосылки трансформации самоорганизованных групп молодежи в экстремистские. Необходима и оптимизация социальной политики, своевременное решение системных социальных проблем.

В современном обществе молодежный экстремизм активно осваивает интернет-среду. Данный процесс в условиях глобализации и информатизации существенным образом меняет облик «классического» экстремизма, придает ему новые, ранее не фиксировавшиеся черты и особенности. Прежде всего стоит указать на резкое увеличение потенциальной аудитории экстремистского воздействия. Если еще 10–15 лет назад экстремисты выпускали собственные СМИ «самиздатовского» формата и изредка их идеи озвучивали некоторые федеральные и региональные СМИ, то сейчас данная тенденция во многом стала неактуальной. Объясняется это как успехами государственных управленческих структур в деле противодействия экстремистской коммуникации, так и осознанием самими экстремистами неэффективности, а следовательно, бесперспективности подобной деятельности. В настоящее время основной акцент экстремисты сделали на глобальную компьютерную сеть.

Молодежный экстремизм существенно приобрел и в плане конспирации своих действий. Интегрировавшись в пространство виртуальной реальности, экстремисты в значительной мере смогли обезопасить себя от социальных санкций, существующих в реальности. Возможность совершения киберпреступлений, высокий потенциал сокрытия истинного лица преступников в глобальной сети, несовершенство законодательства, отсутствие взаимопонимания между Россией и зарубежными странами в данном вопросе (прежде всего Великобританией и США) существенно «развязало руки» экстремистам.

Информационное неравенство и виртуализация социума способствуют нарастанию социальной дезорганизации и соответственно генезису и развитию молодежного экстремизма. В России данные факторы риска усиливаются в результате «внутренних» процессов социальной дезорганизации и аномии, длящихся на протяжении двух десятилетий. Все перечисленное способствует генезису и развитию молодежного экстремизма. Стоит признать, что научная мысль и государственные управленческие структуры оказались недостаточно подготовлены к успешной адаптации молодежного экстремизма к условиям виртуальной реальности начала XXI в. Данное утверждение актуально не только для России, но и для целого ряда государств, испытывавших на себе действие виртуального экстремизма.

Социальные сети Интернета играют важную роль в самоорганизации молодежного экстремизма. Уже в нескольких странах социальные сети позволили экстремистам координировать свои акции, а в Египте и Тунисе даже произошло насильственное свержение правящих режимов. Именно поэтому нельзя недооценивать опасность социальных сетей Интернета и их потенциал в аспекте генезиса молодежного экстремизма. Вместе с тем было бы ошибкой ограничиваться только запретительными мерами: закрытием доступа к экстремистским интернет-ресурсам или решением привлечь к уголовной ответственности тех, кто инспирирует сетевой экстремизм. Дело в том, что проблема сетевого экстремизма носит глобальный характер. В информационном обществе начала XXI в. Интернет превратился в общемировую медиaplощадку, и усилий одного или нескольких государств по борьбе с интернет-экстремизмом будет явно недостаточно. Учитывая сложные взаимоотношения России с рядом государств (с той же Великобританией), вряд ли стоит ожидать в ближайшее время согласованных вариантов противодействия сетевому экстремизму в мировом масштабе.

Думается, выходом из положения для современной России будет создание высокотехнологичных, передовых компьютерных программ для осуществления постоянного онлайн-мониторинга. Без таких программ борьба с интернет-экстремистами напоминает печально известную борьбу с «ветряными мельницами». Экстремисты, имея значительный ресурс времени, спокойно совершают свои противоправные деяния и уходят от ответственности. Один закрытый сайт сменяет другой, аналогичной направленности. Компьютерная программа должна в режиме реального времени выявлять акты экстремизма и позволять оперативно реагировать на это силовым структурам. Необходимо корректировать и антиэкстремистское законодательство. Только комплексными мероприятиями можно решить проблему интернет-экстремизма.

Стоит отметить, что в процессе анализа содержания интернет-ресурсов автору стало понятно, что традиционные методы и методики социологического исследования уже не соответствуют ре-

алиям глобального информационного общества начала XXI в. Скорость обработки и анализа существующих интернет-ресурсов существенно меньше, чем скорость появления новых или закрытия ранее существовавших. Кроме того, «традиционный» контент-анализ вступает в противоречие с такой электронной коммуникационной структурой, как Интернет. Объем и скорость распространения информации в Интернете никак не соответствует возможностям традиционного контент-анализа.

Именно поэтому можно утверждать, что в настоящее время назрела необходимость активного внедрения программного обеспечения для проведения компьютерного контент-анализа интернет-ресурсов. «Ручной» мониторинг сети не успевает за развитием событий в ней. Безусловно, речь идет об огромном массиве информации, который следует анализировать. Это могут быть десятки и сотни тысяч ответов на поисковые запросы со ссылками на соответствующие сайты. Также не стоит сбрасывать со счетов трудоемкость и методическую сложность анализа интернет-коммуникации, представленной различными чатами, форумами, блогами и т.п. Известно, что данный сегмент интернет-пространства имеет свои поисковые системы, которые не всегда совпадают по информационному содержанию с общеизвестными поисковыми системами «Yandex», «Google» и пр.

И наконец, язык неформальной коммуникации представляет собой сложный объект для научного анализа, это скорее социолингвистическая, чем социологическая проблема. Дело в том, что многие посетители чатов, форумов используют ненормативную лексику, жаргон, сленг, что затрудняет оперативный научный анализ этих массивов информации. Указанные методологические и методические проблемы реализации контент-анализа интернет-ресурсов не позволяют пока результативно и эффективно использовать данный метод, особенно в практике социального управления.

В результате проделанной работы появилась возможность представить научному сообществу для обсуждения концептуальную разработку, которая поможет решить проблемы мониторинга экстремизма в глобальной сети Интернет. Принципиальные основы, которые заложены в программное обеспечение, можно изложить в следующих тезисах:

1. На основе теоретических данных разрабатывается комплекс для интернет-мониторинга.

2. Комплекс представляет собой набор программных средств, позволяющих осуществлять поиск контента по заданным ключевым словам, а также формирующих отчет о результатах поиска.

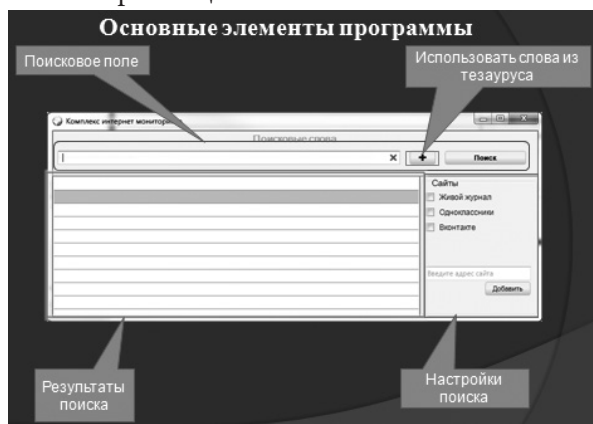
3. Основными составляющими комплекса являются:

- тезаурус – словарь поисковых слов;
- поисковый модуль – служебный модуль, осуществляющий поиск контента по ключевым словам.

4. Комплекс позволяет осуществлять поиск как по введенным словам, так и по хранящимся в памяти (тезаурусу). Тезаурус представляет собой

■ Социология

базу данных, в которой располагаются наиболее часто встречающиеся поисковые слова.

5. Работа комплекса:

- осуществляется выбор ресурса, на котором будет осуществляться мониторинг;
- вводим или выбираем поисковое слово, осуществляем поиск;
- в результате поисков появляются записи, соответствующие условиям поиска;
- появляется возможность более подробно изучить выбранную запись.

Традиционный контент-анализ сообщений в Интернете, как показывает наш опыт, занимает не менее 1,5 месяцев и дает достаточно интересные результаты, в том числе и информацию об очагах, хронологии распространения сообщений, но теряется драгоценное время. Стоит все же отметить, что на сегодняшний день продолжается поиск научно-го решения упомянутых проблем и перспективы компьютерного контент-анализа уже не выглядят такими туманными, как несколько лет назад.

Таким образом, тенденции информатизации и глобализации социума, стремительное внедрение новых информационных технологий неоднозначно влияют на российскую молодежь. С одной стороны, повышается ее роль в качестве субъекта трансформационных процессов в обществе, что позитивно влияет на ее социальное развитие, с другой – недооценка негативных последствий глобализации в государственной молодежной политике отражается в деформации сознания молодых людей. Несформировавшееся и деформированное сознание находит питательную среду в информационных потоках, спонтанно возникающих или целенаправленно формируемых в неконтролируемых глобальных сетях, все чаще используемых для распространения экстремистских взглядов. Это становится причиной роста и изменения форм проявления молодежного экстремизма.

Экстремистские сайты, форумы, чаты, группы в социальных сетях выполняют роль коммуника-

тивного продвижения идей молодежного экстремизма, построения первоначального контакта с неопределившейся молодежью. В дальнейшем лидеры мнения усиливают и акцентируют достигнутый эффект групповой экстремистской коммуникации, чем способствуют увеличению численности молодежи, приверженной или сочувствующей экстремистским идеям. Учитывая трансформацию облика молодежного экстремизма, необходимо создавать и внедрять соответствующие средства и способы противодействия данному явлению, в том числе научные разработки на основе компьютерного мониторинга интернет-ресурсов.

Целью компьютерного мониторингового исследования может стать как восстановление хронологического порядка распространения экстремистской информации (поиск интернет-ресурсов, где произошел генезис такой информации, составление базы данных наиболее активных интернет-пользователей, которые способствовали распространению информации экстремистского характера), режим профилактического мониторинга Интернета посредством интеграции программы в основные поисковые системы. Таким образом, у компьютерного мониторинга глобальной сети Интернет большое исследовательское будущее. Однако в настоящее время подобного рода программы находятся лишь в стадии разработки. В российских условиях им хронически не хватает финансирования (особенно в научной сфере). Для того чтобы подобные программы эффективно заработали, необходимо время и значительное число проведенных опытов. В ситуации дефицита внимания со стороны заказчиков и академической среды сложно рассчитывать на полноценную, планомерную подготовку программного обеспечения компьютерного интернет-мониторинга.

Kubyakin E.O. Tendencies of development of youth extremism in the conditions of progress of information and computer technologies.

Summary: Society is modern is characterized by promptly increasing information streams. As a result of development of the Internet, increase of speed of transmission of messages traditional means and ways of the analysis of character, a context, an orientation of messages lose the importance. One of the negative phenomena in Russia is today an extremism who in modern conditions is integrated into an Internet environment. Effektivnoye counteraction to this phenomenon, in the near future, will consist in improvement of software of the Internet monitoring allowing in real time to carry out the computer content analysis, the linguistic analysis of text streams containing various materials of a global network, including the extremist.

Ключевые слова

Интернет, информационно-компьютерные технологии, мониторинг, информационный экстремизм, противодействие экстремизму, социальные сети, компьютерный контент-анализ.

Keywords

Internet, information and computer technologies, monitoring, information extremism, counteraction to extremism, social networks, computer content analysis.

Социально-экономические проблемы перехода России к инновационному типу развития

И.Г. Куфтырев

В статье рассматривается категория развития работника, выступающего как результат и одновременно как предпосылка становления инновационного уклада экономики. В качестве количественного критерия, определяющего социально-экономическую эффективность инноваций на основе экономии рабочего времени, предложен показатель инновационности экономики. Отмечается, что развитие инвестиций в человеческий капитал является существенным фактором развития работника и формирования новой парадигмы партнерства в системе взаимоотношений «работодатель – работник».

Принцип экономического развития, основанный на инновациях и, в частности, на максимально полном использовании новейших достижений науки и техники, эффективен прежде всего потому, что он является залогом не просто экстенсивного и даже интенсивного экономического роста, а способен качественно изменить саму экономическую структуру, смещая приоритеты развития в сторону большей наукоемкости, ресурсосбережения, а значит, и большей социально-экономической эффективности.

Условия научно-технического развития, повышения производительности труда и, как следствие, его абсолютной экономии создают предпосылки для превращения данной экономики в рост общественного свободного времени.

Следовательно, справедлива посылка, что чем выше уровень развития инновационных процессов, чем ярче выражен в экономике инновационный характер ее развития, тем большим количеством свободного времени располагает население страны. Поэтому показатель свободного времени может выступать в роли качественного показателя социально-экономической эффективности. Тенденция сокращения годового фонда рабочего времени, приходящегося на одного работающего, наблюдается в индустриальных экономиках в течение более чем ста тридцати последних лет (табл.1):

В течение последних 35 лет сокращение рабочего времени приобрело не только количественный, но и качественный характер. Оно приводило не только к созданию новых рабочих

Куфтырев Илья Геннадьевич – к.э.н., доцент кафедры экономики народного хозяйства, экономический факультет, Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. E-mail: intkig@unn.ru
Статья подготовлена при выполнении НИР по теме «Новые теоретические подходы к исследованиям модернизации России в контексте усложняющегося социума», проводимой в рамках реализации ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009 – 2013 гг. (Соглашение № 8812 от 15 ноября 2012 г.).

Таблица 1

Среднее число рабочих часов на человека в год, 1870 – 2000 гг.¹

	1870	1890	1900	1913	1938	1960	1970	1979	1990	1995	2000
Канада	2964	2789	2707	2605	2240	2025	1891	1836	1771	1780	1797
Франция	2945	2770	2688	2588	1848	1983	1888	1810	1543	1638	1599
Германия	2941	2765	2684	2584	2316	2145	1938	1742	1610	1561	1422
Италия	2886	2714	2634	2536	1927	2059	1787	1635	1613	1607	1672
Япония	2945	2770	2688	2588	2391	2432	2252	2114	2052	1909	1859
Велико-британия	2984	2807	2725	2624	2267	1913	1945	1815	1704	1740	1684
США	2964	2789	2707	2605	2062	2001	1980	1905	1807	1952	1869

мест, но и к снижению уровня конъюнктурно обусловленной безработицы. Качественно это проявилось в виде различных комбинаций растущей трудовой нагрузки в течение неполного рабочего дня, сокращающей число как оговоренных в трудовых договорах-контрактах, так и действительно отработанных часов в неделе, месяце, году и на протяжении всей жизни. Вместе с тем действие принципа «прочих равных условий» для сокращения рабочего времени не соблюдается, поскольку при рассмотрении всего жизненного цикла работников следует учитывать, с одной стороны, тенденцию более позднего выхода на рынок труда, а с другой – значительный рост в некоторых странах продолжительности рабочего времени. Частично этот рост скрывается за счет увеличения числа рабочих мест.

Тот же исторический анализ свидетельствует, что произошедшее за последнее столетие сокращение рабочего времени сопровождалось ростом реальной заработной платы работников. Такая неоспоримая закономерность имела место как за рубежом, так и в экономике бывшего СССР. Можно утверждать, что в росте свободного времени общества проявляется смысл качественного прогресса производительных сил, а также создается основа для развития открытого сложного общества. Между показателями экономического развития и свободного времени общества существует непосредственная прямая связь. Так, например, США превосходит Россию по показателю свободного времени и уступает ей по величине трудовой нагрузки как для мужчин, так и для женщин (рис. 2):

Рис. 1
Бюджет времени мужчин и женщин, на человека в часах за неделю в США².

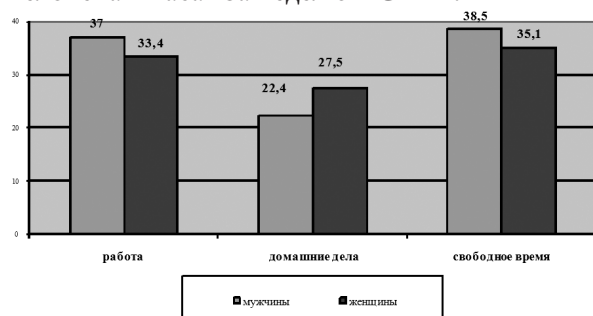
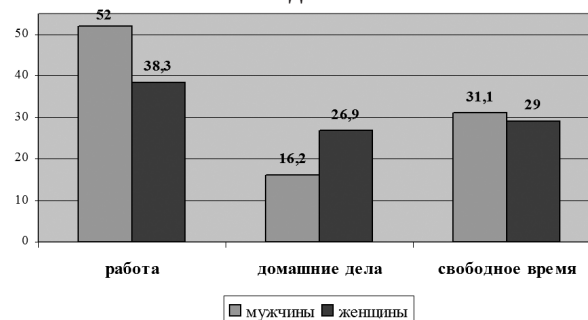

Рис. 2
Бюджет времени мужчин и женщин, на человека в часах за неделю в России³.

Как свидетельствуют представленные данные, в России продолжительность оплачиваемой работы у мужчин на 15, а у женщин на 5 часов в неделю больше, чем в США. При этом необходимо учесть, что показатель продолжительности рабочего времени в США самый высокий по сравнению с другими высокоразвитыми странами (см. рис. 1). У россиян величина свободного времени не только меньше, чем у жителей США, но и хуже структура его использования, а именно в США население в целом больше времени, чем в России, затрачивает на получение образовательных услуг⁴. Данные сравнительные итоги являются закономерным, поскольку в 90-х гг. XX в. в России стала отчетливо проявляться тенденция роста продолжительности рабочего времени. Она выражалась в форме широкого использования сверхурочных работ, по своей продолжительности зачастую выходящих за рамки, предусмотренные трудовым законодательством; резкого сокращения продолжительности отпусков; распространения вторичной занятости.

В связи с этим одним из решений проблемы количественного определения социально-экономической эффективности в рамках анализа инновационной экономики может стать предлагаемый нами показатель инновационности экономики (ПИЭ). В основе ПИЭ лежит использование нормы свободного времени общества – показателя, предложенного В.Я. Ельмеевым и А.В.Золотовым⁵. Данный показатель рассчитывается путем соотношения показателей нормы сэкономленного времени для работников инновационно активных предприятий с нормой сэкономленного времени работников, занятых в целом по экономике. Таким образом, он характеризует удельный вес инновационного сектора в рамках всей экономики. Но в данном случае

этот удельный вес обнаруживает себя не в большем размере прибыли, а в большей величине свободного времени, отражающей интенсивный процесс экономии труда.

Для современной экономической системы норму экономии рабочего времени для занятых по отраслям национальной экономики целесообразно рассчитывать по следующей формуле:

$$N = \frac{\sum_{i=1}^k m_i(\bar{T}_i)}{\sum_{i=1}^k m_i(T_i + \hat{T}_i)}, \quad [1]$$

где N – годовая норма сэкономленного (высвобожденного) рабочего времени работников, занятых в соответствующих отраслях экономики;

m_i – среднегодовая численность i -й группы работников ($i=1...k$);

$\bar{T}_i$ – среднегодовое количество часов сэкономленного (высвобожденного) рабочего времени работника, входящего в i -ю группу;

T_i – среднегодовое количество часов общественного труда в расчете на одного входящего в i -ю группу;

$\hat{T}_i$ – среднегодовое количество часов труда в домашнем хозяйстве в расчете на одного входящего в i -ю группу.

Преимуществом данной формулы является учет всех элементов времени производительного труда и высвобожденного времени работников, занятых различными видами деятельности⁶. Измерение времени в часах позволяет с максимальной возможной точностью установить величину затрат и результатов труда. Среднегодовая численность различных социальных групп, принимаемых во внимание приведенной формулой, может быть определена из данных современной статистики. Продолжительность различных составляющих времени труда и деятельности в высвобожденное время определяется исходя из данных бюджетов времени.

Аналогичным образом определяется и годовая норма сэкономленного (высвобожденного) рабочего времени работников, занятых на предприятиях, относимых к числу инновационно активных (N_{innov}):

$$N_{innov} = \frac{\sum_{j=1}^l Z_j(\bar{T}_j)}{\sum_{j=1}^l Z_j(T_j + \hat{T}_j)}, \quad [2]$$

где Z_j – среднегодовая численность работников j -й группы инновационно активных предприятий ($j=1...l$);

$\bar{T}_j$ – среднегодовое количество часов сэкономленного (высвобожденного) рабочего времени работника, входящего в j -ю группу;

T_j – среднегодовое количество часов общественного труда в расчете на одного входящего в j -ю группу;

$\hat{T}_j$ – среднегодовое количество часов труда в домашнем хозяйстве в расчете на одного входящего в j -ю группу.

$$\text{Следовательно, ПИЭ} = \frac{N_{innov}}{N}. \quad [3]$$

Таким образом, можно предположить, что значение $\text{ПИЭ} > 1$ будет свидетельствовать о наличии предпосылки, или своеобразного резерва роста свободного времени для общества в целом. С другой стороны, чем ближе значение ПИЭ к единице, тем в большей степени данная предпосылка реализуется, т.е. тем выше будет при данном уровне развития производительных сил социально-экономическая эффективность инноваций, выражающаяся в абсолютной экономии затрат, или в росте свободного времени общества.

Однако выполнение условия $\text{ПИЭ} > 1$ возможно и при низких уровнях соответствующих норм свободного времени. Но и в этом случае, то есть при значительном превосходстве рабочего времени над временем свободной деятельности, ПИЭ не теряет своего смысла как качественной характеристики социально-экономической эффективности. В то же время необходимо подчеркнуть, что для достижения большей объективности исследования анализ ПИЭ необходимо проводить во взаимосвязи с комплексом других показателей эффективности.

Закрепление ПИЭ как показателя социально-экономической эффективности требует особого внимания к проблеме сокращения рабочего времени как к важному фактору дальнейших социально-экономических изменений. Для выявления непосредственных социально-экономических результатов сокращения рабочего времени было бы целесообразно обратиться к соответствующему опыту зарубежных стран, например Франции.

Продолжительность рабочего времени и оплата труда – факторы, существенно влияющие на трудовые отношения и возможности развития личности работника. Неслучайно, что в историческом плане сокращение продолжительности рабочего времени было одним из первых требований трудящихся, объектом первых трудовых законодательных норм в странах Европы и первым международным стандартом (Конвенция МОТ № 1). Во второй половине 90-х гг. XX в. государственные органы Франции стали рассматривать сокращение рабочего времени как средство снижения уровня безработицы и преодоления экономического спада конца 90-х гг. XX в. В частности, принимаемые в данной сфере законы имели своей приоритетной задачей стимулировать занятость среди работников низкооплачиваемых специальностей, а также среди представителей приоритетных групп населения (молодых специалистов, лиц с ограниченной дееспособностью; лиц, длительное время находящихся без работы). В целом прирост занятости в стране по данным законам должен был составить в среднем не менее 9 %.

Однако в краткосрочном периоде сокращение рабочего времени привело к неоднозначным и неожиданным итогам. При введении в 1998 г. 35-часовой рабочей недели для наемных работников, занятых полный рабочий день, рост занятости по различным группам предприятий в среднем соста-

вил значительно менее 10%. Если в 1997 г. ее рост составил 450 тыс. чел, а в 2000 г. – 500 тыс. чел., то по итогам 2003 г. он уже не превысил 58 тыс. чел.⁷ В связи с этим первоначальные оптимистичные прогнозы по росту занятости были пересмотрены в сторону понижения. Впоследствии Франция, как и большинство европейских стран, и вовсе оставила попытки подсчитывать количество рабочих мест, сохраненных или созданных в результате уменьшения общего количества рабочих часов основного персонала.

Таким образом, международный опыт последних десятилетий по увеличению занятости за счет сокращения продолжительности рабочего времени не показал экономически эффективных результатов. С другой стороны, очевиден и тот факт, что в нынешней ситуации существенно сократить рабочее время нереально, однако его можно реструктурировать. Поэтому вопрос о гибкости рабочего времени приобретает сегодня все большую актуальность. Гибкость труда является важным фактором, воздействующим на производительность, а в конечном счете и на эффективность. Необходимо отметить, что сам феномен гибкости труда является результатом развития инновационных процессов в части увеличения гибкости производственных программ, а не только роста производительности и экономии труда.

В рамках фордистской парадигмы уменьшение рабочего времени, приходившееся на одного работающего, сочеталось с возрастающей однородностью и упорядочением рабочего времени как части общественного договора, на котором основывалось государство всеобщего благосостояния. Инновационные тенденции качественно модифицировали институт рабочего времени. В настоящее время главный вопрос заключается уже не в том, позволяет ли та или иная технология затрачивать меньше труда на ту же единицу выпуска, а в том, насколько гибко (т.е. разнообразно) используется рабочее время, зависящее от фирм, сетей, структуры рабочих мест, профессий и характеристик работников.

Весьма интересен в этом отношении опыт европейских стран, где использование гибких рабочих графиков становится все более интенсивным. Практика гибкой организации рабочего времени не только позволяет найти оптимальные решения для процесса труда, как, например, сочетание полной и сокращенной рабочей недели, но и содействует созданию новых рабочих мест в виде временной или частичной занятости. Например, в Нидерландах и Швейцарии доля тех, кто трудится неполный рабочий день, составляет более 25%, в Германии – 18%. При этом, согласно данным опросов в Германии, четыре из десяти наемных работников заинтересованы в неполном рабочем дне и шесть из десяти рабочих мест уже сегодня готовы к введению графика неполного рабочего дня. В США 11,9% (7,6 млн чел.) несельскохозяйственных наемных работников, занятых полный рабочий день, трудятся по гибким графикам; среди служащих – 25%, работников обрабатывающей промышленности – 7,9%. Во Фран-

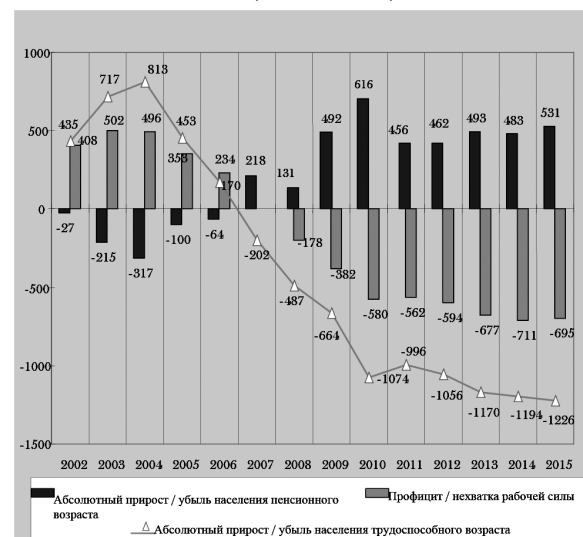
ции гибкие графики рабочего времени действуют на 20 тыс. предприятий, по таким графикам трудятся примерно 70% административного персонала банков, 30% сотрудников страховых компаний, 25% работников химической и фармацевтической промышленности, 17% работников, занятых в электроэнергетике, 10% работников автомобилестроения. Примечательно, что если на Западе гибкие графики работы стали использоваться в 60-х гг. XX в., то в бывшем СССР он также начал применяться, но чуть позднее, а именно с начала 70-х гг.

Таким образом, гибкая система труда, содействуя развитию работника, превращается из результата в важную предпосылку становления инновационного характера экономики и фактор развития общества как сложной системы.

Другим важным фактором, способствующим становлению и развитию инновационного характера экономики, являются инвестиции в человеческий капитал. На фоне российской тенденции нехватки рабочей силы (рис. 3) задача по наращиванию человеческого потенциала должна быть абсолютным приоритетом для российского корпоративного сектора.

Рис. 3

Динамика изменения предложения рабочей силы в России (в тыс. чел.)⁸

В российских условиях целесообразно ставить вопрос об инновационной ориентации экономики не только в широком смысле этого слова, но и в качественном отношении, т.е. как ориентации на развитие каждого работника. Развитие работника – процесс, выражающийся не только в накоплении, но и в приложении, реализации работником своего интеллектуального (человеческого) капитала, а также в совершенствовании своих профессиональных компетенций, профессионально-образовательного уровня и творческого потенциала. Соответственно задачи содействия развитию трудовых коллективов, инициативности, трудовой мотивации, а значит, и развитию каждого работника становятся для предприятий и для государства более приоритетными, чем когда бы то ни было.

Растущее разнообразие профессий и сфер деятельности в условиях растущей инновационности экономики делает недостаточным кейнсианский принцип создания спроса на рабочую силу вообще. В современных условиях уровень производительности работника снижается в силу опережающего роста научно-технического прогресса и старения накопленных знаний и навыков. Следствием этого является снижение объема прибавочного продукта, производимого работником, и соответственно получаемой предприятием прибыли. Поэтому, чтобы быть востребованным на рынке труда, работник должен не только иметь адекватный профессиональный уровень, но и постоянно его актуализировать. Для успешного осуществления инновационных процессов работник (т.е. непосредственный производитель) должен соответствовать параметрам инновационной экономики, куда входят непрерывное повышение квалификации, овладение основами научных знаний, рационализаторство, умение работать в коллективе, определенная возможность самостоятельного выбора управленческих решений. Поэтому, если индустриальная экономика потребовала легко заменимых рабочих, то экономика будущего будет нуждаться в разностороннем, творческом работнике, заменить которого гораздо сложнее.

Поэтому экономический рост в России должен обеспечиваться не только технологическим прогрессом, но и соответствующей кадровой базой, отвечающей принципу синхронизации между технологическими изменениями и изменениями в области профессиональной подготовки специалистов. Более того, уровень развития работника должен расти темпами, опережающими технологическую инерционность, присущую даже экономике с интенсивным ростом.

Инвестиции в развитие работника ведут к росту производительности труда, что чрезвычайно важно для России, так как по данному показателю Россия отстает от США и других высокоразвитых стран в 4–5 раз. А рост производительности труда, как правило, ведет и к росту прибыли – одного из основных источников инвестиций в инновации. Стратегическая цель развития компаний за счет инноваций достижима только за счет эффективного использования человеческого капитала. Причем, чем долгосрочней будет период инвестирования в работника, тем более высокой будет отдача от человеческого капитала и тем большей будет заинтересованность работодателя в данном работнике.

Вместе с тем очевидно, что процессы инвестирования в человеческий капитал на разных предприятиях и в разных отраслях имеют разную интенсивность. Таким образом, можно предположить, что в будущем, в виду ускорения НТП, это приведет к большей дифференциации между более квалифицированными и менее квалифицированными работниками по целому ряду показателей: по показателям гарантий занятости, размерам заработной платы и социальных выплат, уровню личных доходов.

Многие экономисты (Робэн, Р. Сюэ, Р. Пассе, А. Горц; Дж. Рифкин, К.Рейх) в своих сценарных

оценках предполагают, что такой процесс приведет в долгосрочном периоде не к положительным, а к отрицательным экономическим последствиям. В частности, утверждается, что высококвалифицированный труд, создавая большую экономию времени при своей высочайшей производительности, приведет к разрушению всей системы занятости. Дальнейшее увеличение инвестиций в новые информационные и коммуникационные технологии уже не будет, как раньше, содействовать занятости в целом, а лишь усилит отрыв немногочисленной элиты – высокооплачиваемых специалистов в области высоких технологий и менеджеров высшего звена – от других работников. Высококвалифицированные кадры будут иметь долговременные гарантии занятости, конкурентный уровень оплаты труда, обладать высокой нормой свободного времени. В то же время малоквалифицированные работники, наоборот, будут сталкиваться с конкуренцией как на внутреннем, так и на внешнем рынке труда в силу обострения конкуренции со стороны экономик новых индустриальных стран, характеризующихся (хотя уже и не повсеместно) низкими издержками на труд и соответственно низким уровнем реальных доходов населения.

Далее утверждается, что в целях повышения уровня личных доходов, менее квалифицированный работник будет использовать резервы своего свободного времени не для деятельности в производственной сфере, а для вторичной занятости, что приведет не к росту, а к сокращению нормы свободного времени. Принимая во внимание растущие темпы производительности труда, можно предположить, что исчезновение рабочих мест в промышленности (вслед за рабочими местами в сельском хозяйстве) будет недостаточно компенсировано рабочими местами в сфере услуг, поскольку рабочие места в сфере услуг сами быстро автоматизируются и вытесняются, и движение это ускоряется. Значит, такое развитие еще более углубит диспропорции в доходах и социальную напряженность.

Таким образом, возникнет резкая дифференциация, в частности, в норме свободного времени между более квалифицированными и менее квалифицированными работниками, что противоречит принципу развития каждого работника. Но и низкоквалифицированный труд – в силу высокой нормы замещения труда капиталом – будет заменен трудом «умных машин». Как ни парадоксально, научно-технический прогресс в этом случае будет усиливать социальную несправедливость в обществе, а не содействовать его процветанию, а в конечном итоге приведет к разрушению рынков труда, то есть всей социальной структуры под массивным воздействием трудосберегающих технологий.

Следовательно, выступая фактором инновационного характера экономики, повышение уровня квалификации не отвечает принципу социальной ориентированности экономики, если она распространяется не на всех, а на некоторых. По нашему мнению, подобный сценарий маловероятен.

тен. Во-первых, благодаря дальнейшему развитию сектора услуг будут появляться вакансии для работников разной квалификации. При этом вряд ли занятость среди менее квалифицированных работников уменьшится до критически малых показателей, поскольку под дальнейшим воздействием научно-технического прогресса будут появляться новые секторы экономики, где также потребуются рабочая сила самых разных квалификаций. Статистика свидетельствует, что в целом численность оплачиваемых рабочих мест в мире достигла высочайшего в истории пика и продолжает расти. В частности, коэффициенты участия в рабочей силе возросли благодаря беспрецедентному включению женщин в участие на рынке труда.

Во-вторых, дифференциация в доходах отнюдь не является следствием именно инновационного принципа развития. Хотя и необходимо признать, что процесс «созидательного разрушения» приводит к определенным диспропорциям в доходах между менее квалифицированными и более квалифицированными работниками, последние не имеют в этом отношении какого-либо стратегического преимущества. Комбинация производительных сил – всегда динамический процесс. В этом смысле современных специалистов в области программирования, например, можно условно сравнить с ткачами начала XIX в., чьи доходы резко возросли после механизации только прядильного процесса, но потом также стремительно упали, когда технологическая революция достигла их собственного ремесла.

В-третьих, быстрое действие новой техники (компьютеров и вычислительных средств) еще не означает разумность. Несмотря на то что машины способны имитировать отдельные аспекты разумного поведения человека, они не способны к сложным оценочным суждениям и не обладают интуицией⁹. В соединении «человек–компьютер» системообразующую функцию по-прежнему будет выполнять человек. Машины и квалифицированные рабочие скорее дополняют, а не заменяют друг друга. Действительно, чем выше становится норма замещения труда капиталом, тем более зависимым последний становится от производительной силы работника.

Наконец, вряд ли в обозримом будущем экономия времени под воздействием роста производительности факторов производства достигнет таких больших показателей, которые бы означали резкий и неуправляемый рост безработицы. Несмотря на то что количество часов, отработанных одним человеком в течение жизни, существенно сократилось за последние 40 лет, зачастую сокращение рабочего времени скрывает значительный рост суммарного количества труда за счет роста числа рабочих мест и того обстоятельства, что агрегированная занятость в меньшей степени является функцией технологии, нежели функцией расширения инвестиций и спроса, зависящей от социальной и институциональной системы.

Поэтому мы считаем, что сценарий декалфикации рабочей силы, предсказанный целым ря-

дом экономистов, не подтвердится. Представление о том, что сдвиг в занятости от физического труда к умственному и, в частности, сокращение занятости в промышленности и ее увеличение в сфере услуг приведет к «краху экономики», по нашему мнению, также является неверным. Такой взгляд соответствует, например, взглядам французских физиократов XVIII в., которые были неспособны представить себе индустриальную экономику и считали сельскохозяйственное производство единственно «продуктивным» занятием.

Есть и другие точки зрения, согласно которым такой феномен, как индивидуализация интеллектуального труда, обернется в конечном итоге потерей трудом своего общественного характера. Несомненно, высокоинтеллектуальная рабочая сила становится более индивидуализированной: она включает иррациональные элементы, связанные с эмоциями, интуицией, подсознанием, специфической восприимчивостью и самоанализом, т.е. уникальными, глубоко личностными категориями. Развивается способность человека к преобразованию реальности, т.е. формируется этика экзистенциальная взамен утилитарно-процедурной¹⁰. Однако, с нашей точки зрения, данная этика не отменяет необходимости и возможности удовлетворения общественных материальных потребностей. Даже если труд становится индивидуализированным, то его человеческий капитал в любом случае создается и накапливается на основе достижений прошлого труда знаний предшествующих периодов, а также интегрируется в совокупный человеческий капитал членов сообщества, которое проявляет интерес к развитию его как своей составной части.

Примечательно, что в большинстве европейских стран преобразования по изменению условий труда, в частности регламента рабочего времени, для повышения эффективности новых технологических процессов осуществляются на основе коллективных соглашений, таких, как общенациональные межпрофессиональные коллективные соглашения (в Дании, Нидерландах, Бельгии) или отраслевые соглашения (в Германии и Великобритании). Подобные соглашения свидетельствуют об относительном консенсусе между социальными партнерами этих стран или, по меньшей мере, об их готовности к социальным компромиссам, которые одновременно учитывают экономические и социальные факторы, влияющие на предприятия и интересы наемных работников.

Специфика современного капиталистического способа производства заключается в том, что капитал все острее нуждается в более развитой рабочей силе. Все более ясным становится понимание того, что перспектива устойчивого, долгосрочного развития производительных сил в эпоху инноваций невозможна без более прогрессивных производственных отношений как формы их развития. Чем быстрее наступит понимание этого среди работодателей в России, тем быстрее примет она вызовы инновационной эпохи. Более прогрессивный характер этих отношений означает прежде всего разрешение противоречий между участниками

данных отношений путем согласования интересов на основе взаимной заинтересованности.

Предпосылки для разрешения данных противоречий уже обнаруживают себя в современной хозяйственной практике. Так, например, процесс найма работников все в меньшей степени выступает как акт купли-продажи рабочей силы в чистом виде. В случае, когда работникам обеспечиваются достойные условия труда, на наш взгляд, можно предположить, что отношения купли-продажи рабочей силы вообще перестают существовать; следовательно, нет и рабочей силы как специфического товара. Но поскольку цена не может существовать без товара, то заработная плата более не является ценой рабочей силы¹¹, понимаемой только как сумма издержек по содержанию работника. Такая постановка вопроса подтверждает необходимость расширения стоимостной трактовки заработной платы только как средства обеспечения воспроизводства рабочей силы, для которого необходим определенный набор благ (товаров и услуг). Можно предположить, что современные трудовые отношения обусловлены не столько отношениями собственности, сколько обменом результатов труда работников на определенное вознаграждение. Следовательно, если рассматривать трудовые отношения в рамках парадигмы обмена, то получается, что работники передают результаты своего труда, а работодатель выплачивает им определенное вознаграждение за труд (в котором в принципе должны содержаться и проценты на образовательные инвестиции работника), а также обеспечивает нормальные условия работы и участие работников в некоторых аспектах управления.

Однако наиболее адекватной парадигмой, в рамках которой необходимо рассматривать современные трудовые отношения, является, на наш взгляд, парадигма партнерства. Именно активное

равноправное партнерство труда и капитала способно наиболее адекватно отвечать вызовам экономики, основанной на инновациях и принципах усложняющегося общества. В ситуации, когда растет уровень жизни непосредственных производителей, крепнет средний класс, конфликтность отношений труда и капитала рискует обернуться катастрофой для обеих сторон.

В заключение необходимо подчеркнуть, что развитие работника является критическим фактором становления инновационного характера экономики. Дальнейшее развитие инновационных процессов будет определяться не столько возможностями научно-технического прогресса (который, в свою очередь, также определяется научным человеческим потенциалом) или перспективами макроэкономической политики, сколько уровнем развития непосредственных производителей. С другой стороны, поскольку цель любой экономической политики – это обеспечение благосостояния людей и высокого жизненного уровня общества, социальная ориентация экономики также должна начинаться с содействия развитию каждого, а инновационное развитие должно рассматриваться как средство достижения этой цели.

Kufyrev I.G. Employee Development as Social and Economic Precondition of Russia's Transition to Innovation-based Type of Development.

Summary: The article's focus is the employee development as an economic category viewed simultaneously as a result and a precondition of becoming innovation-based economy. A quantitative criterion based on the economies of working time and defining social and economic efficiency of innovations is introduced. The author suggests that the investments into the human capital is a critical factor of employee development and a milestone of a new paradigm of partnership between an employer and an employee.

Ключевые слова

Развитие работника, инновационная экономика, человеческий капитал, социально-экономическая эффективность, свободное время общества.

Keywords

Employee development, innovation-based economy, human capital, social and economic efficiency, free time of the society.

Примечания

1. Maddison, 1982; Bosch et al. (eds), 1994: 8, tab. 1; OCDE – Perspectives de l'Emploi – Juillet 1996; Обзор занятости в России. 1991-2000 гг. Выпуск 1. М.: ТЭИС, 2002. С. 272-295; Employment Outlook OECD. - Paris: OECD, 2001; Report of the European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2003.
2. Источники: Maddison, 1982; Bosch et al. (eds), 1994: 8, tab. 1; OCDE – Perspectives de l'Emploi – Juillet 1996; Обзор занятости в России. 1991-2000 гг. Выпуск 1. М.: ТЭИС, 2002. С. 272-295; Employment Outlook OECD. - Paris: OECD, 2001; Report of the European Foundation for the Improvement of Living and Working Conditions, 2003.
3. Источник: Патрушев В. Д. Бюджет времени городского работающего населения США и России // Социологические исследования. 2003. №12. С. 33.
4. Там же. С. 38.
5. См.: Золотов А.В. Диалектика свободного развития работника. Н.Новгород: Изд-во ННГУ, 2001. С.35.
6. Там же.
7. Источник: CSERC, 2003.
8. Источники: MOT 2011; Российский статистический ежегодник 2011 и предшествующие ежегодники; Демографический ежегодник России 2011 и предшествующие ежегодники.
9. Ходжсон Дж. Социально-экономические последствия прогресса знаний и нарастания сложности // Вопросы экономики. №8. 2001. С.36.
10. Вильховченко Э. Прогресс труда на современном этапе НТР (соотношение детерминизма технологического, организационного и социокультурного) (статья вторая) // Международные экономические отношения. 1992. №10. С. 40.
11. Шкурко С., Король С. Устарело ли марксово представление о купле-продаже рабочей силы? // Человек и труд. 2000. № 10. С. 73.

Искусства эристики, диалектики и софистики как предпосылки развития правового дискурса

К.Х. Рекош

Искусства словесности Древней Греции демонстрируют в V в. до н.э. размежевание дискурсов и предстают как предпосылки риторики, которая маркировала институциональную дифференциацию речей и привела к правовому дискурсу. Смысл нижеследующего анализа в том, чтобы показать взаимоувязанность, взаимообусловленность искусств словесности как предшественников риторики. Софисты своим примером подтвердили дихотомии высказываний, и хотя они не создали искусства красноречия, все же проложили путь к риторике, заложили основы изучения языка, вычленив его из логоса, а также способствовали разработке техники составления судебных речей, то есть правового дискурса. Критикуя софистов, используя их положительные приемы, Сократ, Платон, а позднее и Аристотель определили направление движения риторики не как практического красноречия, а главным образом как методологии наук и искусств.

Истина не нуждается в доказательстве, остается неизменной, изменяется наше мнение, суждение о ней. Как известно, объект предстает всякий раз в зависимости от нашего взгляда на него. Хотя в развитии дискурса западной традиции права словесность Древней Греции сыграла основополагающую роль, она стала тем не менее предметом изучения главным образом философов и филологов и в меньшей степени юристов, а пальма первенства в развитии западной традиции права отданы не Греции, а Риму.

Анализ истоков дискурса западной традиции права будет неполным без изучения искусств словесности Греции V в. до н.э., хотя право Древней Греции признается «ускользающим», «правом без юристов». Началом западной традиции права считается римское право, возникновение которого, по легенде, принято относить к 304 г. до н.э., когда писец Гней Флавий опубликовал календарь присутственных и неприсутственных дней и судеб-

ные формулы (*jus flavianum*), скрываемые жрецами-понтификами.

Подтверждая первенство Древней Греции, следует отметить признаваемую уже в античности бедность латинского языка по сравнению с греческим, а значит, недостаточную развитость и правового дискурса в античном Риме. Римский поэт и философ Тит Лукреций Кар (99 – 55 гг. до н.э.), автор поэмы «О природе вещей», о латинском языке пишет следующее: «А нам передать это слово не позволяет язык и наречия нашего скудость». Выражение «наречия нашего скудость» повторяется в Книге третьей (260)¹.

Институции и Дигесты Юстиниана показывают, что юристы Рима восприняли идеи греческого мировоззрения, опираются на философско-этические принципы, разработанные в Греции, хотя специально их не эксплицируют. Несмотря на тесное взаимодействие греческой и латинской культур не все юристы признают за

Рекош Карина Хаджиевна – к.филол.н., доцент кафедры французского языка №1 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: karinarekosh@mail.ru

Древней Греции первенство в развитии западной традиции права. Слова, оканчивающиеся на – ике (диалектике, эристике, софистике), в сочетании со словом искусство (техне) являются прилагательными в греческом языке, в наше время в русском и французском языках они стали самостоятельными существительными. Изучаемые явления и соответственно значения терминов постоянно изменяются даже в пределах ограниченного периода, но при этом на фоне некоторой преемственности и протяженности. «Есть ведь какая-то удивительная связь и последовательность в предметах, так что, видимо, они взаимно переплетаются и все между собою соединены и связаны», – утверждает Цицерон².

«Логос» по-гречески – это речь, слово, понятие, смысл, рассуждение (нет значения язык). Как из логоса формируются такие разные смыслы, в какой последовательности они появлялись, это, без сомнения, имеет значение. V век до н.э., когда проза оказалась на первом плане, сменив поэтику, она стала публичной, институализированной. Этому способствовали четыре словесных искусства Древней Греции, их истинная значимость может быть выявлена при рассмотрении их взаимосвязи, взаимообусловленности, соположенности друг с другом. Только вместе в их эволюционной перспективе они дадут возможность адекватно описать особенности дискурса.

Эристика – диалектика

В период оро-акустической культуры ведение споров и бесед было распространенным явлением. Эристика³ – это искусство ведения спора, полемики, ставившее цель выигрыша в споре практически любой ценой. Эристика особенно была развита в Мегарской школе, основателем которой был Евклид, а ее представители назывались эристиком. Мегара была центром оппозиции против Афин⁴. Различая разные градации спора⁵ – мягкий спор, диспут, грубый спор и диалектику, – Сократ противопоставляет эристические рассуждения диалектическим.

В отличие от эристики диалектика – это тоже спор, но с целью нахождения истины через раскрытие противоречий в высказываниях противников. «Того, кто умеет ставить вопросы и давать ответы, мы называем диалектиком»⁶. Изобретателем диалектики Аристотель назвал учителя Демокрита Левкиппа. В диалоге Филеб⁷ Сократ говорит: «Все, в ком есть хоть немного ума, считают познание бытия, подлинного и вечно тождественного по своей природе, гораздо более истинным». То есть диалектику он связывает с истиной. В диалоге Менон⁸ Сократ определяет проблему спора, спрашивая, какова цель спора: спор ради спора, ради выигрыша спорящего или ради отыскания истины, что как раз и отражает сущность исследуемых искусств словесности.

Благодаря математическому методу многократного разбиения целого на две части, данный метод приводил к отысканию и объяснению понятийных дихотомических пар. Именно поэтому мы выявляем в диалогах Платона оппозиции: знание –

мнение, благо – зло, истинность – ложность, справедливость – несправедливость, наука – искусство, теория – практика. Иногда Сократ спрашивает, являются ли некоторые понятия действительно противоположенными. Например, является ли мнение действительно оппозицией или оно лишь промежуточное звено в триаде: знание – мнение – незнание. Приводимые оппозиции различаются по своей противопоставленности (употребительность метода отражена в четырех терминах: дихотомия, антиномия, антитеза, антитезис (pro et contra в Риме). На оппозициях основывается юридическое рассуждение и в наше время.

Диалектика

Для Платона диалектика – это метод приобретения знаний путем диалога, вопросов и ответов. Зенон был первым, кто стал употреблять диалогическую форму. Диалог ведется так, чтобы утверждающий впал в противоречие с самим собой. Форма диалога используется и в наше время, например Хайдеггером: в понятии интерактивности. Принцип диалога, диалогических отношений как принцип взаимодействия лежит в основе лингвистической теории речевой деятельности, которую разрабатывали М. Бахтин и другие философы

Сократовский метод вопросов и ответов имеет целью установить общее родовое понятие и частное. Этот метод заставляет собеседника убедиться в несостоятельности своих выводов. В «Государстве» Платон пишет: «Никто не докажет нам, будто можно сделать попытку каким-нибудь иным путем последовательно охватить все, то есть сущность любой вещи, ведь все другие способы исследования либо имеют отношение к человеческим мнениям и вожелениям, либо направлены на возникновение и сочетание (вещей) или же целиком на поддержание того, что растет и сочетается». «Конечно, ты называешь диалектиком того, кому доступно доказательство сущности каждой вещи». Системность, целостность подхода отражена в следующем утверждении Платона: «У кого началом служит то, чего он не знает, а заключение и середина состоят из того, что нельзя сплести воедино, может ли подобного рода несогласованность когда-либо стать знанием?» Лишь диалектический метод придерживается правильного пути⁹. Познание, размышление, вера, уподобление – это разделы диалектического метода. В своем последнем произведении Платон выступил против диалектики, заменив ее математикой и астрономией.

Искусство диалектики Сократ называет «майевтикой» – «искусством повивальной бабки», которое он, по его словам, унаследовал от своей матери: «искусством помогать мысли, уже содержащейся в самом сознании каждого человека, появляться на свет». Сократ держится при этом вопрошающе, поэтому такой метод вопросов и ответов был назван сократовским методом. Но в этом методе содержится больше, чем обыкновенно дается в вопросах и ответах¹⁰. Итак, это искусство выводит молодых людей на истину, подобно повивальной бабке, помогающей родить человека. В то же время

в последнем абзаце диалога Тезет Сократ называет свои беседы-диалоги упражнениями¹¹. (Современный французский философ П. Адо также считает диалоги Платона упражнениями для обучения технике рассуждения.)

Диалектический метод использует приемы других искусств. В главе одиннадцатой трактата «О софистических опровержениях»¹² Аристотель утверждает, что диалектика – это искусство испытания, «тот, кто на самом деле исследует общие (всем начала) есть диалектик, а тот, кто делает это лишь по видимости, – софист. Эристическое и софистическое умозаключение – это, во-первых, мнимое умозаключение относительно того, чем занимается диалектика как искусство испытания, даже если заключение истинно, ибо оно обманчиво в отношении причины». Эристическое заключение мнимое, даже если оно построено правильно. Один и тот же довод может быть софистическим и эристическим, «но не для одного и того же: эристический – ради мнимой победы, софистический – ради мнимой мудрости». Здесь противопоставляются истинное и мнимое, а в более широком плане – цели и результаты.

Дальнейшим развитием диалектики как метода познания была описанная Аристотелем силлогистика, при этом диалектика у Аристотеля получила определение уже как учение о вероятном, а не об истине, ибо диалектический силлогизм строится из вероятных суждений. Вопрос об истине будет ключевым по отношению к судебному процессу, особенно в более поздние периоды, когда он будет противопоставлен «правдоподобию». Силлогизм, строящийся на аксиоматических достоверных посылах, называется аподиктическим. Таким образом, в небольшой промежуток времени – от Сократа до Аристотеля – мы уже видим изменение значения слова «диалектика».

В качестве дальнейшего развития диалектики (в значениях, близких к первоначальным) в трудах философов Нового времени для целей данного исследования следует упомянуть работу А. Шопенгауэра «Эристическая диалектика»¹³. Он представляет диалектику «искусством оставаться правым». «Нужно строго разграничивать изыскание объективной истины от искусства придавать своим положениям видимость истины». «Ибо если мы поставим себе целью чистую истину, то мы возвратимся к простой логике; если, напротив, мы поставим целью проведение ложных положений, то у нас получится чистая софистика». Для него эристическая диалектика – это «искусство духовного фехтования с целью остаться правым в споре», независимо от истинности или ложности положений.

Софисты прибегают ради победы к словесным ухищрениям, а не к поиску истины. Этот древний спор так и остался нерешенным в праве, в суде часто не удается найти истину, поэтому ограничиваются правдоподобием. Как не решен и вопрос о добродетели, при этом у судьи своя, у адвоката своя, у прокурора своя добродетель.

Хорошо ли это или плохо, решает этика. Этически справедливость должна быть одна, и хотя истину доказывать не надо, в суде однако приходится.

Диалектика, которую Платон называет царским искусством, – это искусство управления познанием в стремлении к высшему благу. Он выстраивает свои рассуждения в виде пирамиды, на вершине которой находится благо как телеологическое понятие. Он демонстрирует стремление определить это понятие, комбинируя его из нескольких частей: «Итак, если мы не в состоянии уловить благо одной идеей, то поймем его тремя – красотой, соразмерностью и истиной. Сложив их как бы воедино, мы скажем, что это и есть действительная причина того, что содержится в смеси, и благодаря ее благости самая смесь становится благом»¹⁴. В этом случае выделенные понятия используются в отношении познания.

Для нас поучителен прием построения понятия «благо» из нескольких элементов. Диалектика в этом смысле экстраполируется на управление вообще, в том числе и государством. Таким образом, метод познания заключается, как мы видели, в разложении на составляющие элементы (анализ) и в соединении их вместе (синтез), в том числе и в разных комбинациях ради достижения цели – познания истины. Обратим внимание на этот описанный Платоном (пирамидальный, иерархический) тип рассуждения, ибо таким образом действительно выстраиваются иерархия и пирамида ценностей и целей в правовом дискурсе.

Подобно эристам цель, выигрыша в споре любой ценой ставили и софисты.

Софистика в конце V в. до н.э.

Сначала софистами называли людей, искусных в какой-либо премудрости (например, Геродот называл софистами Солона и Пифагора). С.Н. Трубецкой писал, что до появления софистов философы искали истину в тесном кругу друзей и не стремились к публичности, к распространению идей. Софисты же сделали ремесло из мудрости. И действительно, в конце V века до н.э. значение этого слова сузилось: софистами стали называть учителей мудрости, поэтов и мудрецов. В V в. до н.э. в Греции наемные преподаватели мудрости популяризировали научные знания, преподавали грамматику, философию и риторику. В противовес прежним философам, диалектикам, которые занимались только поиском истины, софисты путешествовали, предлагая за плату свои услуги, организуя публичные выступления, демонстрировали свое искусство красноречия, привлекая к себе внимание, в том числе и необычными одеяниями: одевались в пурпур, подобно поэтам и аздам. Они торговали своей мудростью.

Слово «софист» происходит от прилагательного *sophos* «мудрый» *sophisomai* – выдумывать, мудрствовать. Софистами называли и великих поэтов, и философов, и музыкантов, и семь мудрецов. Позднее слово «софист» приобрело несколько неодобрительный оттенок, с недоверием стали относиться к философам-натуралистам.

Греки не испытывали большого уважения к ремесленникам. По свидетельству Геродота, пренебрежение к ремеслам греки унаследовали от египтян: в Фивах был закон, позволявший избирать на должность лиц, 10 лет не работавших в торговле. Общественным уважением пользовалось лишь небольшое число ремесел. «Применение умственного труда в пользу другого, который вознаграждался платой, считалось особенно унижительным. Это было как бы добровольным рабством. Специальность составителя речей или адвоката при самом возникновении своем подверглась насмешкам в комедиях, не меньшим, чем софисты»¹⁵. Известно, что, получая гонорар после открытия им школы ораторского искусства, Исократ плакал от стыда. В противовес софистам Сократ денег за обучение не брал. Софист Горгий, ученик Эмпедокла, относящийся, как и Протагор, к старшему поколению софистов, брал огромные деньги за обучение.

Эмпедокл из Сицилии считается основателем софистической философии, он же основал риторику. Как сообщает Марк Туллий Цицерон в трактате «Об ораторе», в Дельфах ему была поставлена золотая статуя. Такое разное отношение провоцировало среди самих софистов зависть и соперничество, что не способствовало их доброй славе. Аристотель, подробно описавший исследуемые словесные искусства в своих сочинениях, соглашается с некоторыми приемами софистов. «Что касается шуток, которые, по-видимому, занимают некоторое место в прениях, то, как говорит Горгий, следует серьезность противника отражать посредством шутки, а шутку посредством серьезности»¹⁶, – утверждал мыслитель, но в то же время называет софистику коварной.

Платон особенно критикует не старших софистов, а скорее софистов-эристов, которые были учениками Сократа или учениками его учеников. Данный термин представляет интерес, так как отражает эволюцию значения софист, а также сочетаемость этих искусств словесности в разных конфигурациях. Деятельность софистов-эристов привела к тому, что термин «софист» приобрел отрицательное значение, а так как несведущие люди не очень хорошо понимали различия, софистом называли и Платона, и Аристотеля, и Сократа, «софистом обозвал Лукиан и основателя христианства»¹⁷.

На искусство софистов, на их языковую технику оказало особое влияние следующее высказывание Протагора: «О всякой вещи существуют два противоположных утверждения» (это высказывание оказалось полной противоположностью господствовавшей тогда мысли о том, что двух мнений относительно одной и той же вещи утверждать невозможно), при этом утверждений может быть очень много. Иллюстрацией этой идеи являются Антилогии Протагора – противоположные доводы в отношении одной и той же темы, которые сходны с приемами убеждения. На основе постулата Протагора искусство ораторов определялось как умение «возбудить борьбу двух речей из всякой вещи». Диалектика Зенона и Сократа, которую представляли «сократические мегарики, была,

по-видимому, чужда Протагору. Его диалектика была более риторического характера»¹⁸.

Диалектический (перекрестный) метод ведения беседы Сократом, который состоял из коротких вопросов и ответов, имевших целью запутать противника и привести к противоречию с самим собой, отличался от метода Протагора, практиковавшего длинные речи, следовавшие одна за другой, которые составляли основу его искусства спора. На это ссылался Сократ во время процесса над ним, сообщив, что он не искусен в длинных речах. Это означает, что он не выполнил риторических требований, существовавших в судах того времени. И, может, это было одной из причин, по которой он проиграл процесс. В Горгии Сократ говорит о том, что произошло бы, если бы ему было предъявлено обвинение, как бы он защищался в суде¹⁹: он не угождает собеседнику, говорит ради высшего блага (словно объясняет, почему в результате проиграл процесс). Здесь важен вопрос Калликла: неужели человек «так беззащитен в своем городе и не в силах себе помочь»? Имеется в виду помочь себе словом. На этот вопрос цивилизация ответит развитием способов и типов рассуждения, в том числе и юридического.

Диалектический метод отличается от силлогистического тем, что силлогизм – это краткий путь доказывания (Аристотель), а диалектика – долгий путь. Во время судебного процесса Сократ говорит о том, что он смог бы доказать свою правоту, но для этого необходимо много времени, он имел в виду диалектический способ убеждения с помощью вопросов и ответов, в котором он был искусен.

Релятивизм софистов выражен в основополагающих словах Протагора: «Мера всех вещей – человек, существующих, что они существуют, а не существующих, что они не существуют»²⁰. Это давало возможность обо всяком предмете иметь противоположные друг другу антиномические суждения. Итак, для софистов, говоря словами С.Н. Трубецкого, «истины нет, знания нет, есть только мнения и убеждения»²¹.

В диалоге Федр Сократ говорит, что софисты «силою своего слова они заставляют малое казаться большим, а большое – малым, новое умеют подать по-древнему, а противоположное – по-новому»²². Основываясь на таких идеях, как: «Ты как таковой одновременно и существуешь и не существуешь в одном и том же отношении», в диалоге Евтидем софист Дионисидор говорит: «Что бы ни ответил мальчик, он будет все равно опровергнут»²³.

Как говорил Сократ, софистическое искусство очень древнее, но, опасаясь враждебности, мужи скрывали его – одним служила прикрытием поэзия Гомера, Гесиода, другим тайнства и прорицания как ученикам Орфея и Мусея, а некоторым даже гимнастика, а также и музыка²⁴.

Показывая двойственность красноречия, его «угодливость, постыдное заискивание перед народом», с одной стороны, а с другой стороны, «попечение о душах сограждан, бесстрашную защиту самого лучшего, нравится это слушателям или нет», Сократ отмечает, что хотя речей, делающих

человека лучше, никто не видел, «речи достойного человека всегда направлены к высшему благу»²⁵.

Он, таким образом, определяет этическую цель речей, сравнивая порядок и слаженность в душе с законностью и законом, «через них становятся люди почтительны к законам и порядочны, а это и есть справедливость и воздержность». Красноречие спасает человека в судах, однако Сократ отличает истинное красноречие от лъстивого²⁶.

Резко отрицательное отношение Сократа и Платона к софистам выражено в многочисленных диалогах. Как пишет С.Н. Трубецкой²⁷, своим равнодушием к истине софисты внесли скептическую струю в свое философское убеждение. Для них «знание – это не что иное, как ощущение»²⁸. Платон показал бессмысленность софистического спора, исходящего из ложного основания. Исходя из того, что «правильное мнение и знание – вещи разные»²⁹, Сократ считал, что только истинное мнение, как и разум, ведет к правильным действиям. «И хорошо, и полезно то, что правильно руководит нами», а это истинное мнение и знание. В связи с этим Сократ утверждал: «По-моему, нет для человека зла опаснее, чем ложное мнение»³⁰.

Многие диалоги с софистами нацелены на обсуждение философско-правовых вопросов. В греческих представлениях о законе, государстве, политике совмещались религия, нравственность, этика. Олицетворением этих представлений, как пишет С.Н. Трубецкой³¹, было «понятие о таком законе, представление о вечной правде, которую блюдут, которая царствует в мире, пробуждается до начала всякой философии».

В Древней Греции наблюдается некоторая зависимость между законами общества, государственным устройством и развитием словесности, о чем пишет Цицерон, указывая, что там, где религии становится меньше, соответственно права больше. Это подтверждается, например, следующим заявлением Сократа: «Лакедемон (Спарта) имеет хорошие законы, а в государствах с хорошими законами выше всего ценится добродетель». При этом «изменять законы и воспитывать сыновей вопреки установившимся обычаям несогласно у лакедемонян с заветами отцов», «у них несогласно с законами» давать чужеземное воспитание и поэтому, по объяснению Гиппия, софисты там не пользовались успехом. Законы устанавливаются ради блага государства, «без этого разве можно жить по закону?», – спрашивал Сократ³².

Как известно, законы играют особую роль в праве. Уже в эпоху архаики греки различали божественные законы и человеческие. Благодаря законам Солона, Драконта и других греки пришли к осознанию правового позитивизма. Закон стал основой полиса, благом. Властвует только закон, только благодаря ему образуется сообщество. Закон гарантировал свободу. Настоящая свобода заключалась в подчинении закону. Несмотря на большое уважение к закону, в У в. до н.э. его начали оспаривать. Релятивистская доктрина софистов заключалась в том, чтобы во всем сомневаться, так как законы, лишённые божественной основы,

становились лишь делом рук человеческих, значит, в них можно усомниться. Законы, по их мнению, не являются неизменными, они отражают место, время, эпоху, простое соглашение, конвенциональность, интересы. Софисты вообще отрицали абсолютные ценности, соответственно, по их мнению, человеческий закон не мог быть отражением истины и справедливости. Псефисмы были постановлениями Народного собрания, то есть устанавливались по уговору, а значит, их можно изменять.

Философы (среди них Сократ) пытались в софистике найти добродетель и возможность ей научиться. Несмотря на обещания, софисты не могли научить добродетели, то есть этическая цель не могла быть достигнута. По мнению Сократа, если добродетель – знание, то ей научить можно, если она что-то иное, то нельзя. Софисты имели в виду искусство государственного управления и обещали делать людей хорошими гражданами. Софист Протагор считал, что можно научить добродетели: «Без добродетели нет государства, и ей надо учить». Однако часто софисты впадали в противоречие со своими собственными утверждениями: «Софисты – учителя мудрости – в остальном действительно мудры, но в одном случае поступают нелепо: они называют себя наставниками добродетели, но часто жалуются на учеников, которые их обижают, отказывая в вознаграждении и других знаках благодарности за науку и доброе обхождение. Это же верх бессмыслицы!». Одним только ораторам и софистам, на мой взгляд, не пристало бранить своих воспитанников в неблагодарности, ибо тем самым они обвиняют и самих себя – в том, что не принесли пользы, которую обещали»³³. Знаменитый софизм Эватла хорошо иллюстрирует эту ситуацию.

В постановке вопроса о добродетели просматривается поиск правил поведения, соответствующих благу государства. Хотя софисты обещают научить добродетели, в Никомаховой этике Аристотель пишет следующее: «А кто из софистов обещает научить (искусству управлять государством), слишком явно далек от того, чтобы это сделать. Софисты ведь вообще не знают ни того, что такое (политика), ни к чему она имеет отношение, иначе они бы не ставили ее в один ряд с риторикой или ниже ее и не думали, что легко дать законодательство, собрав законы, пользующиеся доброй славой»³⁴.

Во времена Аристотеля процесс размежевания искусств проявился еще четче и, судя по жанрам речей, приобрел институциональный характер. Это может служить подтверждением рождения искусств (в том числе и права) из словесности. Отметим, что толпа плохо видела тонкие различия между софистами. Аристофан в своей пьесе «Облака» высмеивает Сократа, для него он софист, сидящий в своей «мыслильне». Сократ действительно был «софистом», но в положительном смысле слова, «философский метод – рассуждать против всех положений и ни об одном предмете не высказывать прямо своего мнения – получил начало от Сократа...»³⁵.

В диалоге Горгий Платон представляет суть искусства софистов. Сам Горгий предлагает называть себя оратором, ибо он сведущ в красноречии и готов другого сделать оратором. Особенностью рассматриваемого этапа культуры является то, что «дело» (решение суда, Народного собрания), решения частных споров достигаются теперь словом, а не ордалиями, не кулачным правом и не криком. Все достигается словом – окончательный переход к дискурсу произошел. Именно в этом ключе следует толковать слова Горгия «способность убеждать словом и судей в суде, и советников в Совете, и народ – величайшее благо и дает людям свободу и власть над другими людьми». Это явление было относительно новым. На поиск Сократом справедливости Горгий отвечает: «К красноречию надо относиться так же, как ко всякому прочему средству состязания»³⁶. Не к этому ли моменту восходит идея состязательности процесса?

Пытаясь разобраться, чем оратор отличается от знатока, Сократ отмечает, что красноречие – это мастерство убеждения, внушающее только веру в справедливое и несправедливое. При этом задачу поучения оратор не ставит. Вопрос о состязательности, агоне, выигрыша, который получил развитие в судебном процессе, был вполне актуальным в словесности V в. до н.э. Сократ критиковал софистов за их приемы: «Они ловят «в словесные силки»³⁷. Он показал, как действуют софисты, как они играют словами, используя двойные смыслы и многозначность слов. Их рассуждения так искусно изобретены, что в самый небольшой срок они обучают словесным трюкам, готовым аргументам, дающим возможность одержать верх в споре, но сути предмета обучающийся от них не узнает. Как подчеркивает Сократ, если им придется выступать среди специалистов, например среди врачей, то врачи сразу поймут, что софисты по сути совершенно несведущи, однако речь их будет ловко организована. Объясняя технику софистов, Сократ различает два вида сути: с одной стороны, знание предмета (понятно, что этому быстро нельзя научиться); с другой стороны, морально-этические принципы – истина, справедливость, добро, добродетель и т.д. Он доказал, что софисты не стремятся к установлению истины, для них важнее правдоподобие, чтобы выиграть в споре, убедить, одержать победу в словесной игре. И опять антиномия: правдоподобие – истина. Эта антиномия есть и в судебном процессе.

Когда трудно установить истину, устанавливается правдоподобие (по-французски *plausibilité*), которое происходит от латинского *plaudere* – аплодировать, хлопать, одобрять, *plausibilis* – заслуживающий одобрения, достойный похвалы. Вопрос об истине так и остался нерешенным, как не решен вопрос о добродетели, при этом у судьи своя добродетель, у прокурора своя. Хорошо ли это или плохо – решает этика. Этически справедливость должна быть одна. Как указывалось, истину доказывать не надо, когда надо доказать то, что не является истиной, возникает риторика.

Софисты обучают искусству сочинения речей с целью завораживания и заговаривания судей, народных представителей и толпы, как говорит Сократ. Красноречие не искусство, это скорее сноровка, ловкость, угодничество. «Ведь каждый радуется, когда слышит речи себе по нраву, а когда не по нраву – сердится»³⁸. По этой причине Сократ не смог защититься в суде, так как он не стал прибегать к хитрым уловкам, чтобы убедить толпу, что и описано в «Апологии Сократа».

Если софисты такие плохие, ничему не учат, вводят в заблуждение, откуда у них такая слава, почему им платили деньги за обучение? Как Протагор мог в течение 40 лет учить таким образом, незаметно для всей Эллады? И добрая слава его не покидала? С одной стороны, софисты пользовались большой популярностью, спросом. К ним шли учиться ораторскому искусству, а они прибывали в разные города, рекламировали свое искусство, делали публичные выступления. Это является подтверждением практической роли слова в жизни Греции того периода. Благодаря слову стало возможным выиграть процесс, и этому учили софисты, риторы.

С другой стороны, отрицательное отношение к ним приводило к тому, что в Спарте им вообще не дозволялось появляться, некоторые совсем не хотели посылать к ним детей на учебу. Сократ говорил: «Речи вроде ваших любезны лишь немногим людям, похожим на вас, другие же о них столь низкого мнения, что, я знаю, более стыдились бы опровергать с их помощью собеседников, чем быть опровергнутыми»³⁹.

Эта фраза объясняет, почему во время процесса Сократ не унился до приемов софистов, хотя прекрасно знал их технику и мог бы воспользоваться ею, чтобы склонить судей на свою сторону. Сократ их критикует за то, что они обещают за деньги научить всему, но, по существу, учат лишь искусству ведения спора (Гиппий использовал заготовленные образцы доказательств) безотносительно к конкретным сферам и знаниям. Это значит, что они были сильны среди толпы, среди невежд, а не среди специалистов в какой-либо конкретной области.

Софист «приобретает доверие толпы не наставлением, а убеждением», по мнению Сократа, «у толпы», значит, у невежд. «Толпа ведь, попросту говоря, ничего не понимает, и что те затянут, тому и подпевает». «Знать существо дела красноречию нет никакой нужды, надо только отыскать какое-то средство убеждения, чтобы казаться невеждам большим знатоком, чем истинные знатоки»⁴⁰. Необходимость знания существа дела была подтверждена в дальнейшем. В I в. до н.э. ораторов будет критиковать Цицерон за то, что они не знают существа дела.

Сократ не отказывает софистам в ловкости, умении играть словами, создать впечатление, убедить – вполне положительное качество, если его правильно использовать. Эти навыки заставляли их обращаться к словесности, грамматике, риторике. Но Платон и Сократ озабочены государственными делами, вопросами философии и права и

влиянием софистики и риторики на воспитание молодежи в связи с основополагающими задачами общества: благом, справедливостью, истиной. Они считали воспитание молодежи главной целью в жизни, которое также объясняется стремлением к благу.

Приемы софистов были основаны на заключенных в одном слове противоположных смыслах, в том числе и в отношении истины, поэтому всегда можно утверждать и за и против (*pro et contra*). Горгий «обещает ответить на любой вопрос». Ни один вопрос его не озадачил, «как ни мало говорил Пол, а уже ясно, что он больше искушен в так называемой риторике, чем в умении вести беседу»⁴¹ (здесь видно отличие риторики от умения вести беседу, то есть диалектики). Надо дать точный ответ на вопрос «что за искусство и как нужно Горгия называть», если он сведущ в ораторском искусстве, его надо называть «оратором», и другого он может сделать «оратором».

Положительное у софистов – внимательное отношение к языку. Поскольку методы софистов были основаны на использовании «словесных уловок», они работали с языком и способствовали его развитию. Софисты разрабатывали теорию словесности, «значение букв и слогов, ритмов и гармоний». Они обратили внимание на форму языка, так как им нужен был тонко разработанный язык (неразработанность языка приводила к многочисленным ошибкам). Продик призывает изучать «правильность имен». Софисты внесли свой положительный вклад в дело изучения языка, синонимии (Продик), философии языка (Горгий), иначе говоря, языка как самостоятельной сущности.

О вкладе софистов в дело изучения языка отдельно от логоса пишет Т.Гомперц⁴². Несмотря на то что практическое владение словом было очень высоким, до софистов «не было сделано даже попытки отдать себе отчет в правилах языка». Софист Протагор был искусным и просвещенным учителем, он первым ввел преподавание грамматики, «до него не было ни одной, хотя бы самой скромной попытки различать и расчленять формы языка и сводить их к основным положениям». Хотя различия между глаголом и существительным были видны в языке, точно установлены они не были.

Грамматические исследования Протагора отражены в его книге «Правильность речи», в которой, познавая нормы языка, он дал руководство к правильному употреблению. «Он первый указал на различие времен глаголов и на формы предложений», разделяя их на «желание, вопрос, ответ, приказание». Эти последние выражались 4 наклонениями: условным, сослагательным, изъявительным и повелительным». Интересны попытки Протагора присвоить тот или иной род существительному. Он считал, что род существительного *ménis* (гнев), например, должен быть мужским, а не женским. Как пишет Т. Гомперц, «ни в какой части языка не сохранились так ясно следы процесса роста языка, как в грамматическом роде существительных неодушевленных». Многие языки смотрят на неживое как на одушевленное, а значит, различая мужское и

женское. Т. Гомперц пытается объяснить родовые различия существительных семантикой, присущей тому или иному роду, так как именно «в эпоху еще свежей творческой силы языка влияние содержания превышало влияние форм».

В диалоге Горгий Сократ говорит об искусстве правосудия, признавая его выше всего остального⁴³: «Значит, опять-таки если оно всего прекраснее, то либо доставляет наибольшее удовольствие, либо наибольшую пользу, либо то и другое вместе?» Сократ довольно редко использует термин «право». Мы его встречаем в Кратиле⁴⁴. В этом диалоге, посвященном именованию вещей и установлению имен, Сократ отводит праву основополагающее место, подчеркивая его верховенство и указывая, что имя «справедливость» установлено ведению права, «а вот самое имя «право» понять трудно», поскольку «большая часть вещей просто движется, а есть еще нечто такое, что проникает все остальное, благодаря чему и возникает все рождающееся... Если это проникающее начало правит всем остальным, то оно справедливо называется «правом»».

Всепроницающий характер права он подтверждает следующими словами: «Право есть то же, что и причина, ведь то, что правит возникновением вещей, это же одновременно и их причина...». И еще одно определение права, подтверждающее, что «право – это ум, как указывает Анаксагор, ибо ум независимый и ни с чем не смешанный все упорядочивает, проникая все вещи». В этом объяснении имени «право», с одной стороны, виден диалектический путь поступательного рассуждения Сократа, с помощью которого он «узнает», что такое право. С другой стороны, значение этих рассуждений содержится в самом определении права как всеобщем проникающем начале.

Обучая технике составления судебных речей, софисты также обсуждали вопросы права. Например, кого признать виновным, если в военной игре один из участников копьем убил своего товарища: метателя копья, устроителя игр или само копье. Третья альтернатива не является экстраординарной, так как в древности (в Средние века и в более позднее время) организовывали процессы, например, над животными. Они были известны греческому праву, римскому, славянскому и т.д.). В «Афинах очищали оружие и другие предметы, причинившие смерть кому-нибудь, и относили их на границу страны»⁴⁵. Особое отношение к чистоте своей земли, неосквернение ее, по-видимому, тоже один из элементов регулирования. Подтверждением этому являются формы суда над преступниками, которые не должны были ступать на священную землю, или изгнание осужденных из страны.

Релятивизм софистов проявлялся и в отношении к религии. Известно знаменитое изречение Протагора: «О богах не могу знать ни то, что они есть, ни то, что их нет...». Хотя софисты работали над красноречием (так Сократ называет «риторику») и убеждением, их приемы с методологической точки зрения искусством не стали. Ответ софистам дал прежде всего Платон. В лице Сократа он по-

казал, каким должен быть софист в положительном смысле. Вслед за ним Аристотель, критикуя софистов и используя их положительные приемы, практически указал путь к риторике, определив направление ее движения не по пути к красноречию, а по пути к методологии наук и искусств, то есть риторика должна не убеждать, а «искать пути убеждения».

Таким образом, на основе общефилософского релятивистского подхода человек – «мера всех вещей» софисты пошли по пути использования возможностей слова, словесных манипуляций, ухищрений, в то время как Сократ призывал использовать суть предмета, но для этого необходимо знать существо дела и стремиться к выяснению истины. Вклад софистов следует оценивать, как было показано, с точки зрения перехода от материальности отношений в сторону виртуальности – развития словесности, отделения языка от логоса. При переходе к виртуальности произошло расщепление понятий. Оказалось, что виртуальность имеет внешнюю форму (язык) и внутреннее содержание (логос). Оценка релятивизма софистов с позиции развития субъективных прав, а тем более прав человека (что иногда делают юристы) представляется неправомерной, ибо это приводит к перенесению современных понятий на чуждую им почву.

Анализ, проведенный в данной статье, показал распределение целей и предназначений искусств словесности, основанное на неоднозначности, двойственности смыслов. Эристика (выигрыш в

споре), диалектика (поиск истины с помощью вопросов и ответов), софистика (выигрыш в споре любой ценой безотносительно к истине) демонстрируют взаимосвязь и целостность и являются предпосылками возникновения риторики. Риторика пришла им на смену, вобрав их приемы, поставив цель выигрыша в споре, воздействия на группу людей, а не на отдельного собеседника, как это было в диалектике, путем переубеждения. Поэтому неправильно рассматривать риторику отдельно от этих искусств и от действовавших в обществе институтов.

Rekoch K.H. Arts of eristic, of dialectic and of sophistry as premises of legal discourse development.

Summary: Discourse arts of ancient Greece demonstrate in the V century BC division of discourses, and are seen as premises of rhetoric, which marked institutional differentiation of speeches and predestinated legal discourse. The purpose of the following analysis is to show cohesion, coherence and mutual dependence of discourse arts as premises of rhetoric. Sophists confirmed with their example the dichotomies of utterance meanings and though they didn't create eloquence art, they laid a way to rhetoric, laid down foundation for language studying, having isolated it from Logos, and also developed techniques of judicial speeches and legal discourse. Criticizing sophists, using their positive methods, Socrat, Platon and later Aristotle defined, on the basis of syllogism, the direction of evolution of rhetoric not as practical eloquence but mainly as methodology of sciences and arts.

Ключевые слова

Искусства диалектики, эристики, софистики, риторика, оратор, релятивизм софистов, словесная игра, знание существа дела, истина, правдоподобие, составительность, добродетель, противоположные смыслы.

Keywords

Arts of dialectics, of eristic, of sophistry, rhetoric, orator, relativism of the sophists, words game, knowledge of substance, truth, plausibility, competitiveness, virtue, opposite meanings.

Примечания

1. Тит Лукреций Кар. О природе вещей /Пер. с латин. Ф.Петровского; Вступ. статья Т.Васильевой; Худож. В.Носков. М.: Худож. лит. 1983. 383 с. 7л. ил. (Б-ка античн. лит-ры). Книга первая (832). С. 48, Книга третья, С. 100.
2. Цицерон Марк Туллий. О природе богов/ Пер. с лат. С.Блажеевского. СПб.: Азбука-классика, 2002. С.39.
3. В отличие от эристики (от греч eristikos – спорящий) эвристика (от греч heurisko – отыскиваю, открываю) – наука, изучающая творческую деятельность, методы, используемые для открытия нового и в обучении Философский словарь. С. 543, 530)
4. Гомперц Т. Греческие мыслители. Мн.: Харвест, 1999. 752 с. (Классическая философская мысль). С. 679.
5. Платон, Собрание сочинений, Т. 1, Изд. «Мысль», 1994, 860с. Менон, С.581.
6. Ibid. Кратил. С. 622.
7. Платон, Собрание сочинений, Т. 3, М.: Изд. «Мысль», 1994, 654с, Филеб, С.67.
8. Ibid. т.1. Менон. С. 581.
9. Ibid. т.3. Государство. С.317, 319, 317.
10. Гегель Г.В.Ф. Лекции по истории философии. Книга вторая. СПб.: Наука. 2001. 423 с. (Публ. по изданию: Гегель. Сочинения. т.Х. Партийное издательство. 1932). С.47.
11. Платон. Собрание сочинений, т. 2. 528с. С. 274.
12. Аристотель. Сочинения в четырех томах, М.: Изд. «Мысль», Т.2, 1984, 830 с., С. 555–556.
13. А. Шопенгауэр. Эристическая диалектика в сб. Логика и риторика: хрестоматия: учеб. пособие для студентов гуманитар. Специальностей учпеждений, обеспечивающих получение высш. образования/ авт.-сост. В.Ф. Берков, Я.С. Яскевич 2-е изд., доп и перераб. Мн.: Тетра Системс. 2007. 786с. 1-е изд. 1997. С. 414, 415.

■ Филология

14. Платон, Собрание сочинений, Т. 1, с.182, Т.2 С.75.
 15. Гомперц Т. Греческие мыслители., С. 427.
 16. Аристотель. Риторика, III,18, 1419, С. 163.
 17. Гомперц Т. Греческие мыслители, С. 432, 471.
 18. Ibid. С. 471,
 19. Платон. Собрание сочинений. т. 1, С.568-569.
 20. Ibid. т.2. Теэтет. С. 203.
 21. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии. С.248.
 22. Платон. Собрание сочинений. т. 2. С.177.
 23. Ibid. т.1. С.162.
 24. Ibid. т1. С.426.
 25. Ibid. т.1. Горгий, С.547.
 26. Ibid. С. 548, 555-563.
 27. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии, С.244.
 28. Ibid., Т.2. Теэтет, С.203.
 29. Ibid., Т.1. Менон, С. 610.
 30. Ibid., Т.1. Горгий, С.490.
 31. Трубецкой С.Н. Курс истории древней философии, С.80.
 32. Платон., Т.1. С. 389, 390.
 33. Ibid. Т.1. С. 436-437, 565.
 34. Аристотель. Сочинения в четырех томах, т.4. С.292.
 35. Цицерон Марк Туллий. О природе богов. С.40
 36. Платон. Собрание сочинений. т.1. С. 484, 488.
 37. Ibid. т.1. С. 188.
 38. Ibid. т.1. С.558.
 39. Ibid. т.1. С. 199.
 40. Ibid. т.1. С.491, 492.
 41. Ibid. т.1. С.478, 479.
 42. Гомперц Т. Греческие мыслители., С. 449, 450, 451
 43. Платон. Собрание сочинений, Т. 1, С.516, 517.
 44. Ibid. Т.1 С. 648-649.
 45. Гомперц Т. Греческие мыслители, С. 454.
-

Дни науки МГИМО(У) – 2013 на кафедре философии:
межкультурная коммуникация VS – философская компаративистика

Замечательное мероприятие

М.В. Силантьева

Дни науки МГИМО(У) – замечательное мероприятие. Оно дает возможность соединить усилия маститых профессоров, ведущих целые направления научной деятельности нашего Университета, и совсем молодых, начинающих ученых. Выступать, тем более письменно, решаются пока только аспиранты; студенты остаются на таких собраниях «молчаливым большинством». «Молчаливым» – не значит инертным: способность внимательно слушать – едва ли не главное условие умения думать, делать самостоятельные выводы и создавать обоснованные прогнозы.

Стоит отметить: культурология, лингвокультурология и философия культуры в нашем Университете идут сегодня вместе, находя уверенную поддержку в междисци-

плинарном подходе. Умение «разглядеть» своеобразие аксиоматик различных культур на вербальном и невербальном уровне – важный навык, уверенно применяемый участниками наших дискуссий. Особенно интересны сопоставления лингвокультурологических изысканий с исследованиями в области артефактов культуры, созданных в различных областях искусства.

Философская компаративистика, таким образом, объединяя представителей различных научных направлений, дает возможность направить усилия в изучении процессов межкультурной коммуникации в сторону дальнейшего уточнения перспективных моделей общения, сдвигающих баланс сил мирового сообщества в сторону добра и культуры.

Некоторые особенности каузальной связи в различных культурах

Е.А. Долгова

В статье рассматривается понятие «каузальность» и его роль в формировании и функционировании языковой и культурной картины мира. Автор приходит к выводу, что при рассмотрении проблем, связанных со способами организации каузальной связи, выявляются национально-специфические особенности отношения различных народов к таким категориям, как причина и следствие. Знания о том, в чем представители того или иного этноса видят причины событий и явлений, происходящих в социуме, способствует более успешному осуществлению межкультурной коммуникации.

Причинно-следственная связь, или каузальность, представляется нам как нечто весьма привычное, как некий инструмент, которым мы оперируем, чтобы найти адекватное объяснение процессам, происходящим в объективной действительности. По мнению «Философского словаря», причина и следствие существуют объективно: отношения между ними и называются каузальностью¹. Она представляет собой один из основных путей взаимосвязи объектов, процессов и явлений, отражая отношения, присущие объективной реальности.

Важность рассмотрения категории каузальности в контексте культуры становится понятной, если рассматривать человека с точки зрения субъекта речевой деятельности, носителя национального языка и культуры, через язык выражающего свой национальный менталитет. Культурологическая значимость концепта причины состоит в том, что он характеризует интерпретатора, то есть говорящего, с точки зрения его культурных особенностей.

Понятия причины и следствия занимают одно из важнейших мест в обыденном сознании человека. Причем если интерпретация причин и следствий простых явлений (например, того, что дуновение ветра является причиной колыхания листьев на деревьях) будет совпадать у людей, принадлежащих к разным национальностям и говорящих на разных языках, то построение причинно-следственных связей в других, более сложных для интерпретации ситуациях, у людей разных национальностей может отличаться.

Особое внимание следует обратить на каузальную атрибуцию – одну из основательно исследованных областей в психологии, социологии и других

науках. Теория атрибуции анализирует то, как мы объясняем поведение окружающих. Как правило, при упоминании атрибутивных процессов имеется в виду именно каузальная атрибуция, которая имеет дело в большей степени с социальным восприятием, чем с восприятием физических объектов и явлений. Исследователи склонны чаще рассматривать влияние культурных особенностей на каузальное восприятие социальной сферы и только сравнительно недавно обратили внимание на их влияние на каузальное восприятие физической сферы.

Различия каузальной атрибуции у народов разных стран и разных этнических групп было обнаружено при проведении эмпирических исследований, однако для адекватного понимания и описания подобных различий необходимо принимать во внимание данные этнологии, культурологии и лингвистики и других наук. Каждая наука сталкивается с трактовкой и анализом каузальности как одной из важнейших философских категорий. Так, в языке, объекте изучения лингвистики, каузальность проявляет себя через грамматические и лексические конструкции и единицы, то есть может быть выражена разными способами и на разных уровнях языка. Анализ этих единиц и конструкций, способов и контекстов их употребления позволяет посредством языка выявить особенности национального менталитета, те уникальные конфигурации смыслов, которые сливаются в каждом языке в свой образ мира².

Так, исследователями было установлено, что в западной культурной парадигме причину события или явления принято искать не в контексте ситуации, а в людях, ее породивших. Д. Майерс приводит

пример такого отношения к причинности: «Он составил предложение из слов "ворота", "рукав", "зацепить", "Том", "за" таким образом: "Ворота зацепили Тома за рукав". Учитель, применяя теоретические положения западной культуры в программе обучения, назвал его неправильным. "Правильно" было бы показать, что причина данной ситуации в самом Томе: "Том зацепился своим рукавом за ворота"»³.

Однако и представители западных культур могут искать причину вне человека, в неких не зависящих от него проявлениях жизни. Тем не менее в отличие от восточных культур, где причина нередко может быть невинна, растворена в контексте и ответственность за события возложена на случай, для западных языков такая аргументация нехарактерна. Например, вместо того чтобы сказать "Я опоздал", испанец может воспользоваться идиомой: "Часы явились причиной моего опоздания"⁴, то есть он делает причину своего опоздания вполне конкретной, а не размытой.

Такое отношение к способам выражения каузальности связано прежде всего с тем, что большинство западных культур являются низкоконтекстными, то есть обращают на содержание сообщения, на то, что сказано, а не на то, как их коммуникация в слабой степени зависит от контекста. Но при продвижении на восток ситуация меняется: чем восточнее обитает народ, тем больше в его языке будет отсылка на причину, заключенную в ситуации, появляется все больший уклон в сторону независимости следствия от причины. Многие восточные культуры являются высококонтекстными, то есть при передаче информации люди склонны в большей степени обращать внимание на контекст сообщения, на то, с кем и при какой ситуации происходит общение.

Уже в русском языке мы видим такую тенденцию. Это связано с высококонтекстностью русской культуры, здесь поле неопределенности и ее понимание носителями языка шире, чем у носителей западных языков. Поэтому и причинно-следственные связи в русском становятся неопределенными, нечеткими. Появляется "так получилось, что..." и знаменитые "авось" и "небось". В русском языке существуют безличные предложения типа "Мне не спалось", "Мне захотелось" и т.д., перевод которых с сохранением оттенка безличности, например на английский, крайне затруднен. В этих предложениях отсутствует указание на причину, существует только следствие, то есть каузальная связь между ними разорвана.

Японская культура является еще более высококонтекстной, чем русская, соответственно и уклон в сторону независимости причины от следствия

будет еще большим. Отсюда происходит нюансировка грамматических форм, выражающих общее значение "так получилось", но имеющих разные смысловые оттенки. Самая частая из них – КОТО НИ НАТТА – на русский буквально переводится "так стало", то есть, как и безличные формы в русском языке выражают следствие, полностью зависимое от внешних, не подвластных деятелю обстоятельств. Это происходит оттого, что японец "вписан" в контекст происходящего и часто не указывает прямо на причину, считая ее самоочевидной для слушателя.

Однако Т.М. Гуревич указывает и на то, что терпимость японцев, ставшая национальным стереотипом, влечет за собой умение приспосабливаться к окружению, искать причины неприятностей, происходящих с тобой, не в других, а прежде всего в себе самом. Это выражено в японской поговорке: ХИТО-НО КОТО ЁРИ АСИМОТО-НО МАМЭ-О ХИРОЭ – "Чем обращать внимание на то, что у других, собери бобы у себя под ногами", ХИТО-НО ХАЭ-О ОУ ЁРИ ОНОРЭ-НО ХАЭ-О ОЭ – "Прежде чем разгонять мух у других, прогони своих мух"⁵.

Из вышесказанного можно сделать вывод, что хотя человеческое сознание и отражает причинно-следственные связи, существующие в объективной действительности, но само это отражение может не быть точным, в нем будут заметны искривления, вызванные не только личными особенностями интерпретатора, но и предпосылками, обусловленными культурными и национальными особенностями. Человеческое сознание имеет собственные, отличные от материального мира логику и законы. Иначе говоря, причинно-следственные связи имеют свои особенности на уровне мышления как отдельного индивида, так и общности людей, объединенных по национальному и языковому признаку. Очень важно выявлять такие особенности и учитывать их в ситуациях межкультурного общения.

Dolgova E.A. Some features of the causal links in different cultures.

Summary: This article touches upon the problem of the meaning of causation and its role in forming and functioning of linguistic and cultural map of the world. The author comes to the conclusion, that in a process of consideration of problems concerned with methods of causal connection organization some specific national features of different nations' relations to some categories, like cause and effect are exposed. The knowledge of the reasons of different events and phenomena occurring in a society assists in a much more successful realization of multicultural communication.

Ключевые слова

Каузальность, каузальная атрибуция, причина, следствие, низкоконтекстные культуры, высококонтекстные культуры, межкультурная коммуникация.

Keywords

Causation, causational attribution, cause, effect, high context culture, low context culture, intercultural communication.

Примечания

1. Философский энциклопедический словарь. М., 1987. С.383.
2. Радбиль Т. Б. Основы изучения языкового менталитета. М., 2012. С. 87.
3. Майерс Д. Социальная психология. СПб., 1997. С.112.
4. Там же. С.113.
5. Гуревич Т. М. Японская грамматика как зеркало национального менталитета / Т.М. Гуревич // Россия и Запад: диалог культур: сб. статей XII международной конференции. МГУ 28-30 ноября 2007. Ч.2. М., 2008. С. 26-32.

Концепт «время» как мировоззренческое основание культурной идентичности

А.А. Королева

Автор рассматривает время как универсальную категорию человеческого познания. Культурная идентичность тесно связана с концептуальной картиной мира. На примере фразеологизмов в русском и испанском языках рассматриваются культурно-национальные особенности восприятия времени.

В результате взаимодействия природных ритмов и социального времени постепенно возникает время культуры, во многом являющееся противоположностью естественного времени. Такая особенность времени культуры позволяет говорить о нем как о пространстве человеческой духовности. Время является одной из сложнейших онтологических категорий. Это абстрактное понятие, но человеческому мышлению свойственно описывать его в конкретных терминах, доступных чувственному опыту. Представления о времени чаще носят антропоцентрический характер. Греческие философы Антифонт и Крптолай «признавали время мыслью и мерой, а не объективной субстанцией»¹. Августин Блаженный считал время внутренним переживанием души. С точки зрения И. Канта, времени невозможно дать определение, так как в нашем сознании не существует понятий, предшествующих ему. О. Шпенглер писал, что «мы сами являемся временем»².

Отношение к категории времени различных языковых культур дает представление

об истории развития этнических сообществ, их традициях, нормах поведения и отношении к жизненным ценностям³. Особенно ярко культурно-национальные особенности окружающей действительности представлены во фразеологии. «Наличие культурно-языковых универсалий, к которым относится концепт «время», обусловлено универсальным характером человеческого мышления, общим поступательным развитием культуры, всеобщностью бытия и познания»⁴.

Субъективное стремление замедлить или ускорить движение времени, повернуть его назад, стереть из памяти отдельные периоды, приблизить будущее, перескочить через этапы типично для человека. Это доказывает существование в испанском и русском языках фразеологизмов о бесповоротности времени: *Lo pasado no tiene vuelta de hojas* (Прожитого не пережить, а прошедшего не воротить) *El destino no se pone a prueba dos veces, no hay que tentar la suerte dos veces* (судьбу два раза не испытывают) *Agua pasada no mueve molino* (Утекшая вода обратно не возвращается).

Королева Алина Алексеевна – аспирант кафедры связей с общественностью МГИМО(У) МИД России.
E-mail: alkoroleva@gmail.com

Россия и Испания относятся к типичным полихронным культурам. В этих культурах большую роль играют межличностные человеческие отношения. Общение с человеком важнее, чем принятый план деятельности. Из-за чего пунктуальности и распорядку дня не придается большого значения, что выражено в следующих фразеологизмах: El tiempo es el mejor remedio (Время – лучший лекарь); Dar tiempo a tiempo (Время терпит); El tiempo trae las rosas (Все прошло и быльем поросло); Cada cosa a su tiempo (Всему свой черед); A más prisa, gran vagar (Поспешишь – людей насмешишь) и т.д.

Концептуальная картина мира складывается исходя из универсальных категорий че-

ловеческого сознания, к которым относится время. Отношение к концепту «время» в разных культурах раскрывает особенности культурной идентичности, на которых основывается целостность ее мировоззренческих основ.

Koroleva A.A. The Concept of "Time" as the Ideological Foundation of Cultural Identity.

Summary: The author considers time as a universal category of human cognition. Cultural identity is closely linked with the conceptual view of the world. On the example of phraseology in the Russian and Spanish are considered cultural and national peculiarities of perception of time.

Ключевые слова

Концепт «время», полихронные культуры, культурная идентичность, концептуальная картина мира.

Keywords

Concept of time, polycronic cultures, cultural identity, conceptual view of world.

Примечания

1. Налимов В.В. Разбрасываю мысли. В пути и на перепутье. М.: Прогресс-Традиция, 2000. С.66.
2. Шпенглер О. Закат Европы. Очерки мировой истории. Т.1. / Пер. с нем., вступ. ст. и примеч. К.А. Свасьяна. М.: Мысль, 1993. С.327.
3. Воевода Е.В. Формирование межкультурной компетенции: проблемы и пути их решения // Языковой дискурс в социальной практике: материалы Международной научно-практической конференции. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2013. С. 39-44.
4. Федяева А.В. Концепт «время» во фразеологии немецкого и русского языков // Гуманитарное знание: проблемность и междисциплинарность: материалы 13-й научно-практической конференции с международным участием (Бийск, 28 апреля 2011 г.). В 2-х частях. Часть 1 / Отв. ред. Л.Н. Уланская; Алтайская гос. академия образования им. В. М. Шукшина. Бийск: ФГБОУ ВПО «АГАО», 2011. С.52.

Проблема культурного кода в семиотике Ю.М. Лотмана

М.М. Пенцова

Статья рассматривает понятие «культурный код» в понимании Ю.М. Лотмана. Культурный код представляется в виде взрыва, который противопоставляется постепенному движению. Анализируется динамика процесса развития взрыва.

Межкультурная коммуникация есть совокупность разнообразных форм отношений и общения между индивидами и группами, принадлежащими к разным культурам. Культура – это система знаков, которая предписывает человеческую жизнедеятельность (деятельность, поведение и общение) и обеспечивает воспроизводство и изменение социальной жизни во всех ее основных проявлениях. При межкультурной коммуникации вскрываются существенные особенности языка и тем более культуры. Но если языковой барьер абсолютно очевиден, то барьер культур становится явным только при столкновении родной культуры с культурами чужими, отличными от нее. Таким образом, чтобы преодолеть барьер культур, необходимо ее декодирование.

Понятия «код» и «культурный код» являются одними из основополагающих понятий в семиотике. Как самостоятельная наука, семиотика появилась относительно недавно. Значительное развитие она получила в середине XX в. при «скрещении» структурной лингвистики, теории информации, кибернетики и логики¹. Юрий Михайлович Лотман – выдающийся русский филолог, культуролог и создатель концепции семиосферы. Как он определяет понятие «культурный код»? Описывая концепцию

семиосферы, Ю.М. Лотман оперирует такими терминами, как «взрыв» и «постепенное движение». Для того чтобы определить эти термины, Ю.М. Лотман прибегает к описанию всякой семиотической системы, которое заключается в отношении системы к миру, лежащему за ее пределами, и отношении статики к динамике. Пространство, попадая в сферу языка, превращается в «содержание», таким образом язык создает свой мир. Однако насколько мир, созданный языком, совпадает с миром, лежащим за пределами языка?

Здесь можно говорить о существовании двух ступеней адекватности: адекватности мира, описанного языком, и адекватности мира, находящегося за пределами языка. На точке пересечения этих двух ступеней оказывается вопрос перевода содержания запредельной системы в мир языка, откуда вытекают два частных положения: для перевода запредельной реальности необходим более чем один язык (минимально два языка), так как самостоятельно ни один язык не может охватить внешний мир. Неспособность одного языка охватить внешний мир рассматривается как условие существования². Пересекаясь и отражая одно и то же, языки располагаются в «одной плоскости», тем самым формируют ее внутренние границы.

Пенцова Мария Михайловна – преподаватель кафедры английского языка №3 факультета международной журналистики МГИМО(У) МИД России. E-mail: maria.pentsova@gmail.com

На основе множественности языков создается стремление к универсальному языку, который образуется культурой.

Обратимся также к традиционной модели коммуникации, усовершенствованной Р.О. Якобсоном: передающий – язык – принимающий. Целью коммуникации является адекватность, которая предполагает пользование одним и тем же кодом и одинаковым объемом памяти у передающего и принимающего. Термин «код» подразумевает искусственную структуру, созданную на основе договоренности. Код не предполагает истории. «Язык» бессознательно вызывает представление об истории. «Язык» – это код и история. Если представить ситуацию, в которой передающий и принимающий обладают одинаковыми кодами и лишены памяти, то понимание между ними будет идеальным, а ценность передаваемой информации будет минимальной, сама же информация будет ограниченной. Подобная система не выполняет функций языка. Если же идентичности участников общения будут полностью отличными, то общение не предполагается возможным. Таким образом, для нормального общения необходимо лишь определенное совпадение идентичностей передающего и принимающего. В этом случае можно говорить о двух тенденциях: стремлению к обладанию одинаковыми кодами, то есть совпадению идентичностей, а значит, к облегчению общения и стремлению к увеличению количества отличных кодов, то есть несовпадению идентичностей, что затрудняет общение.

Но, с другой стороны, общение, которое основано на одинаковой идентичности, «страдает пороком тривиальности», а ценностью общения оказывается передача информации между несовпадающей идентичностью. Более того, чем труднее и затруднительней перевод кодов пересекающихся идентичностей участников общения, тем ценнее в информационном и социальном плане становится общение. Так, перевод при относительной близости языков, например перевод нехудожественного текста с одного естественного языка на другой, будет легким, тогда как перевод различных языков, например с языка поэзии на язык музыки, окажется сложным, а достижение однозначной точности – невозможным. Каково отношение статистики к динамике при описании семиотической системы? Общение осуществляется двумя путями. «Наши органы чувств реагируют на небольшие порции раздражений, которые на уровне сознания воспринимаются как некое непрерывное движение»³. Непрерывное движение подразумевает «осмысленную предсказуемость».

Антитезой предсказуемости является «непредсказуемость», то есть «изменение, реализуемое в порядке взрыва»⁴. Наравне со взрывом движение к новому осуществляется и путем постепенного изменения. Рассматривая соотно-

шение научных открытий и их технических реализаций, интересным представляется тот факт, что происхождение научных открытий подобно взрыву (в этом научные открытия схожи с искусством), тогда как техническая реализация научных открытий «развивается по законам постепенной динамики»⁵. Постепенный процесс и взрыв взаимно необходимы друг другу. Одно невозможно без другого, так как одно стимулирует другое. Однако отношение взрыва и постепенного изменения можно наблюдать не только в диахроническом пространстве, но и в синхронном. Лотман говорит, что «культура – сложное целое», состоящее из «пластов разной скорости развития». Так, взрывы в одних пластах могут сочетаться с постепенным развитием в других пластах. При этом сами пласты могут взаимодействовать. Например, динамике процессов в сфере языка и политики свойственна разная скорость движения. Постепенные движения и взрывы выполняют определенные функции: «одни обеспечивают новаторство, а другие – преемственность»⁶.

Итак, момент взрыва – это момент непредсказуемости. Однако момент непредсказуемости не означает переход из одного состояния в абсолютно новое, полностью отличное от предыдущего состояния. Говоря о непредсказуемости, Ю.М. Лотман подразумевает «определенный набор равновероятных возможностей, из которых реализуется одна»⁷. Каждая возможность имеет набор вариантов. До момента взрыва варианты рассматриваются синонимами, но после взрыва «они становятся носителями смысловой разницы»⁸. Вслед за взрывом происходит «ретроспективный ответ». Характер произошедшего меняется: случившееся из состояния вероятного переходит в состояние факта и рассматривается как нечто единственно возможное, а нереализованные возможности «приобретают эфемерность»⁹. Динамика культуры не может рассматриваться ни как «изолированный имманентный процесс», ни как «пассивная сфера внешних влияний». Обе тенденции взаимодействуют друг с другом. Пересечение с другими культурными структурами требует определенные преобразования. Так, культура, находящаяся за пределами нашей культуры, то есть культуры, отображаемой нашим языком, или «внутренняя» культура, должна перестать быть для нас «внешней». Для этого она должна найти себе имя и место в культуре, в которую она вторгается. Но следует иметь в виду, что процесс переименования влияет на содержание того, что получает новое имя¹⁰.

Таким образом, в понимании Ю.М. Лотмана «культурный код» – это взрыв, который представляет собой отношение минимально двух знаков культуры. Знаки взаимодействуют друг с другом: они могут сталкиваться в семиотическом пространстве как полностью тождественные или абсолютно несовпадающие. Совокуп-

■ Свежий взгляд

ность возможных связей между смысловыми элементами, знаками, создает объемный смысл, который постигается в полной мере только из отношения всех элементов между собой и каждого из них к целому. Смысловое пространство обладает памятью о своих прошедших состояниях и потенциальным «предчувствием» будущего. Смысловой элемент, прошедший момент взрыва, меняется. Он приобретает четкие границы и более высокую степень унификации. Полагаю, что перспективы применения данно-

го подхода к сопоставительному анализу различных лингвокультур – в частности русской и шотландской – очевидны.

Pentsova M.M. Yuri Lotman's view of the cultural code.

Summary: *The article reveals Y. Lotman's view of the cultural code as an explosion, which is opposed to a gradual movement. The stages of the explosion are depicted.*

Ключевые слова

Коммуникация, общение, код, культурный код, взрыв, семиотическое пространство, язык, передающий, принимающий, культура.

Keywords

Communication, code, cultural code, explosion, semiotic space, language, transmitter, receiver, culture.

Примечания

1. Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб.: «Искусство–СПб», 2010. С. 8.
 2. Там же. С. 13.
 3. Там же. С. 17.
 4. Там же. С. 17.
 5. Там же. С. 17.
 6. Там же. С. 21.
 7. Там же. С. 108.
 8. Там же. С. 110.
 9. Там же. С. 110.
 10. Там же. С. 116.
-

Современные проблемы светско-религиозной коммуникации и пути их решения

Ф.С. Францев

В статье рассматриваются вопросы современной коммуникации в рамках общественно-политической деятельности между религиозными и светскими акторами. Автор затрагивает проблемы, обусловленные высокой степенью секуляризованности современного общества, и предлагает их возможное решение на основе одной из работ крупнейшего современного западноевропейского философа.

В современную эпоху, которую выдающийся историк религии Ч.Тейлор называет «секулярным веком»¹, Церковь и духовенство продолжают играть существенную роль, если не всегда как пастырь, то как духовно-нравственный ориентир для людей, причисляющих себя к европейской (в обобщенном смысле), а значит, христианской по своему генезису цивилизации. В этой связи Церковь в наше время находится в двойственном положении: с одной стороны, она должна выступать хранителем и транслятором нравственных основ христианской религии, неотделимых от буквы Священного Писания. С другой стороны, она считает нужным оказывать воздействие на политические события в той плоскости, в которой призывает их участников не забывать нравственные идеалы христианства. Ибо они тесно связаны с моральным фундаментом современной, пусть и секуляризованной, европейской цивилизации, а также с сущностью светского гуманизма, идеалы которого в целом сохраняют свое влияние для современного общества.

Церковь призвана еще и содействовать поддержанию толерантности и продуктивного диалога между конфессиями мира. Для выполнения этой функции служит экуменическое движение, в первую очередь такая международная межконфессиональная организация, как Всемирный совет церквей. Вторая и третья задачи Церкви ставят ее перед необходимостью актов коммуникации с секулярными политическими деятелями, со светским обществом с целью выражения своей нравственной позиции, а также диалогической коммуникации с иными христианскими конфессиями мира. И здесь такие традиционалистски ориентированные христианские церкви, как православная и католическая, сталкиваются с культурными последствиями Реформации

XVI – XVII вв. и Просвещения XVIII в.: ни политики, ни протестантские церкви, ни обыватели не говорят с ними на одном языке.

Более того, светский дискурс, доминирующий в современной цивилизации, ставит традиционалистские конфессии в неравноправное коммуникативное положение, подталкивает их к осовремениванию. Для протестантского духовенства характерна свобода в отношении со словом, дискурс протестантизма может легко трансформироваться в соответствии с актуальными социально-политическими реалиями, вбирать в себя новые культурные явления, порождая быстрое развитие современной европейской цивилизации. Это зачастую приводит к выхолащиванию богословского дискурса из актов внешнего коммуникационного взаимодействия протестантов как в диалоге со светскими собеседниками, так и в межконфессиональных актах (например, в рамках экуменического движения, которое включает в себя все три основные христианские конфессии, но где преобладает влияние протестантских церквей).

Для католической, равно как и для православной церквей, такая гибкость зачастую неприемлема по теологическим причинам, ведь для них дух и текст Священного Писания слиты в нераздельное целое. Поэтому если светский дискурс не представляет никаких коммуникационных проблем для протестантов, то православие и католицизм он ставит перед острой дилеммой. Должны ли они ставить свою подпись под документами экуменического движения? Ведь, как указывает председатель ОБЦС РПЦ митрополит Волоколамский Иларион, вследствие доминирования западноевропейских и североамериканских протестантов, их язык «тот же, что и у секулярного безрелигиозного гражданского общества», в них «иной раз трудно отыскать

■ Свежий взгляд

следы традиционной христианской богословской рефлексии»².

Могут ли они в рамках своей коммуникации со светским субъектом выходить за пределы религиозного дискурса – по образцу «Послания людям искусства»³ покойного Иоанна Павла II? Речь идет о духовном воззвании к светской художественной интеллигенции, написанном понтификом в 2000 г. Поэтесса и публицист О. Седакова (имплицитно одобряя «выход за пределы дискурса») следующим образом характеризует текст воззвания: «Но что это, как не классический гуманизм? – спросит человек, знакомый с богословскими азами. – Разве мы не знаем, что между гуманизмом и богословским образом человека – пропасть?» И тем не менее Папа, прибегая к, строго говоря, секулярной гуманистической риторике, по мнению О. Седаковой, обосновывает такой подход важностью диалога Церкви с «разуверившимся современником»: «В каждом человеке есть место для скинии Божией. Дело же пастыря – приготовить это место»⁴.

В то же время подобные тексты для традиционалистски настроенного адепта христианской религии, католика или православного (если тексты такого рода возникнут под пером кого-либо из православного духовенства) могут оказаться неприемлемыми, подрывающими такую основополагающую духовную функцию Церкви, как роль хранителя нравственных основ христианства, содержащихся в Священном Писании и транслируемых, следуя его букве.

Итак, правомерно ли такое положение дел, что в рамках европейской цивилизации светский дискурс поглощает религиозный? Как облегчить задачу коммуникации с внешним миром для традиционалистских христианских конфессий? Крупнейший современный немецкий философ Ю. Хабермас высказывает следующее мнение по этим вопросам: «Понимание толерантности в либеральных плюралистических обществах заставляет не только верующих в обращении с неверующими и инаковерующими считаться с постоянным существованием расхождений. В рамках либеральной политической культуры такое же понимание должно возникать и у неверующих по отношению к верующим.

Уверенность «неверующих» в том, что несогласие веры и знания будет пребывать всегда, только в том случае заслуживает определения «разумная», если религиозные убеждения получают при этом и с точки зрения секулярного знания некий эписте-

мический статус, не являющийся всецело иррациональным. Поэтому натуралистические картины мира <...> в политической общественной дискуссии вовсе не заслуживают автоматического признания своего приоритета перед конкурирующими мировоззренческими или религиозными представлениями.

Мировоззренческая нейтральность государственной власти, гарантирующей равные этические свободы каждому гражданину, несовместима с политическим распространением секуляристского мировоззрения на всех людей. Нерелигиозные граждане, поскольку они выступают в роли граждан государства, не должны принципиально отказывать религиозному видению мира в потенциале истинности и не должны отнимать у верующих сограждан права вносить с помощью религиозных понятий свой вклад в общественную дискуссию. Более того, либеральная политическая культура вправе ожидать от нерелигиозных граждан, что они будут прилагать усилия к «переводу» важных для общества религиозных понятий с религиозного языка на общедоступный»⁵.

Иными словами, сознательные светские политические и общественные акторы в религиозно-светских коммуникативных ситуациях не должны автоматически требовать от духовенства и христиан близкого им светского языка. Они должны сами на себя брать роль «переводчиков» с религиозного языка на общедоступный как для своих нужд, так и для общественных. Но поскольку сами светские субъекты коммуникации далеко не всегда могут справиться с задачей такого «перевода», то, вероятно, необходимо привлекать для выполнения этой функции квалифицированных специалистов. И прежде всего государство как политический субъект, обладающий наибольшими ресурсами из числа религиоведов, должно взять на себя эту задачу, возможно, придумать новые соответствующие специальности и обеспечить процесс обучения им.

Frantsev F.S. On Contemporary Problems of Communication between Secular and Religious Actors and Ways of its Solution.

Summary: The article enlightens questions of communication between secular and religious actors during their political and civil activities. The author draws the reader's attention towards problems that occur in light of high-level secularisation of modern society and suggests their possible solution based on a work by one of the most outstanding west-european philosophers of our time.

Ключевые слова

Церковь, межкультурная коммуникация, православие, католицизм, протестантизм, дискурс, язык, перевод.

Keywords

Church, intercultural communication, Orthodoxy, Catholicism, Protestantism, discourse, language, translation.

Примечания

1. Taylor C.A Secular Age. Cambridge: Harvard University Press, 2007.
2. Митрополит Волоколамский Иларион. Традиционные ценности – вызов секулярному мировоззрению // Электронный ресурс: <http://www.patriarchia.ru/db/text/2746870.html> (дата обращения: 30.04.2013).
3. См. перевод на русский: Послание Иоанна Павла II людям искусства // Новая Европа. Международное обозрение культуры и религии. 2000. № 13.
4. Седакова О. В день милосердия // Два отклика на кончину Папы Иоанна Павла II // URL: <http://www.olgasedakova.com>
5. Хабермас Ю., Ратцингер Й. (Бенедикт XVI). Диалектика секуляризации. О разуме и религии. М.: Библийско-богословский институт св. апостола Андрея. 2006. С.73-75.

Парадокс Шарля де Голля

М.Д. Романова

В статье рассматриваются события студенческого мятежа 1968 г., который произошел во Франции в период правления Шарля де Голля с аксиологической точки зрения. Проанализированы основные причины волнений, изменение культурных ценностей общества после войны. В результате теоретического анализа делается вывод, что кризис внутренней политики Шарля де Голля был во многом обусловлен сменой культурных установок нового поколения.

Трудно переоценить личность Шарля де Голля, сыгравшего огромную роль в истории Франции. Президент Пятой республики до сих пор считается одним из самых выдающихся французских политиков. Сформировавший свое мировоззрение на идеях Бутру и Бергсона¹, де Голль считал своей основной целью вернуть Франции былое величие. Придя к власти, де Голль сумел дважды вывести страну из кризиса и добился для нее звания «сверхдержавы». Однако политические методы де Голля и жесткий авторитаризм, на котором строилась его политика, не вызвали одобрения народа, особенно среди молодежи. Десять лет плодотворного правления привели к кровавым демонстрациям, мятежу образованной элиты и смене власти.

Основной общепризнанной причиной «красного мая» 1968 г. считается упущение из виду де Голлем интересов послевоенного поколения и промахи во внутренней политике. Однако в нашем понимании основным составляющим фактором стало изменение культурной атмосферы в обществе, что и явилось причиной включения молодежи в политическую систему. Изменились ценности, которые формировали нормы французского общества. Существуют различные подходы к определению понятия «ценность» в философии. Согласно типологии психолога Шалом Шварца, они подразделяются на коллективные и индивидуалистические.

Исходя из данной классификации, мы будем рассматривать ценности как фундаментальные принципы, формирующие поведенческие установки и мировоззрение человека, группы и, наконец, общества в целом.

Огромное влияние на события «красного мая» оказали идеи экзистенциалиста Жана Поля Сартра². Бунтующую молодежь привлекла идея «тотальной свободы», однако с той оговоркой, что Сартр подразумевал под этой свободой также и ответственность человека за собственный выбор. Возникший после Первой мировой войны как протест против бессмысленной жестокости, дадаизм оказался как нельзя кстати после Второй мировой войны, когда произошла кардинальная смена ценностных ориентаций французской молодежи. Многие течения и идеи повлияли на умы возмущенной молодежи 1960-х гг. Большое влияние оказало ситуационистское движение, которое объединило в себе идеи дадаизма, сюрреализма и марксизма. Ситуационисты во главе с Ги Дебором³ отрицали рациональность, не признавали каких бы то ни было канонов, отказывались от подчинения государству и общепризнанных социальных норм и устоев.

Однако большинство идей, которые были взяты за основу протестного движения, были восприняты интеллектуальной элитой Франции (образованные студенты) сквозь призму романтического бунта и трактовались с иным,

■ Свежий взгляд

удобным для зарождавшегося движения смыслом, что позволяет объединить эти идеи под общим термином «гошизм» (gaushisme). Кардинальные перемены в общей картине мира 1960-х гг. способствовали изменению системы ценностей французской молодежи. Расцвет феминизма, раскрепощение нравов, послевоенный кризис – все это способствовало отрицанию существовавших традиций. Общество требовало новых морали, правил, норм.

Подводя итог, можно сказать, что неприятие внутренней политики Шарля де Голля обусловлено именно изменением культурных ценностей в новом, послевоенном обществе. Анархизм, который зародился в умах молодого, образованного поколения, основывался не на коллективных ценностях, таких, как безопасность, традиция, конформность, благожелательность. Эти ценности стали неактуальны для нового общества, которое больше не нуждалось в установлении стабильности, социальной гармонии и благополучия. Ведь де Голль сумел не только вывести страну из кризиса, но и восстановить репутацию Французской республики, вернуть ей статус сверхдержавы.

Новое поколение стало явно провозглашать те ценности, которые выражают интересы индивида. Власть – как желание предъявлять и диктовать свои собственные предпочтения. Гедонизм – как чувственная и эмоциональная раскрепощенность, наряду с удовольствием от

насыщения своих биологических потребностей. И наконец, самостоятельность – как свобода мысли и действия, возможность делать независимый личный выбор, творить так, как хочешь, и познавать то, что жаждешь. И этот крен в сторону индивидуализма не случаен. Согласно индексам, изученным по методике Хофстеда⁴, Франция является одной из культур индивидуалистического типа.

Таким образом, закономерно, что политика де Голля, заботившегося прежде всего о величии Франции, вскоре перестала пользоваться популярностью. Противоборство «левых» и «правых» уже давно укоренилось в системе культурно-политических традиций Республики. Однако и события 1968 г., и последние выборы 2012 г. ясно демонстрируют, какие ценности на самом деле преобладают во французском самосознании.

Romanova M.D. Charles de Gaulle's Paradox.

Summary: In article events of student's mutiny of 1968 which happened in France in the period of Charles de Gaulle's board from the axiological point of view are considered. The main reasons for excitements, change of cultural values of society after war are analysed. As a result of the theoretical analysis the conclusion is drawn that crisis of domestic policy of Charles de Gaulle was in many respects caused by change of cultural installations of new generation.

Ключевые слова

Культурные ценности, «гошизм», типология культур, внутренняя политика, Франция, «красный май».

Keywords

Cultural values, "gaushisme", cultural typology, domestic policy, France, "may 1968".

Примечания

1. Молчанов Н.Н. Генерал де Голль. М.: «Международные отношения», 1980. 502 с.
2. Schwartz S.H. Value orientations: Measurement, antecedents and consequences across nations. In Roger Jowell, Caroline Roberts, Rory Fitzgerald & Gillian Eva, Eds. Measuring attitudes cross-nationality: Lessons from the European Social Survey (pp. 169-203). London: Sage.
3. Jean-Philippe Legois. La Sorbonne avant mai 68 (Mémoire de maîtrise, Paris I, 1993), 163-164.
4. Hofstede G. Culture and organization: Software of the mind. – New York: McGraw-Hill. 1997.

Понятие субъективной и объективной модальности в языке

Т.А. Селезнева

Цель данной статьи дать общее представление о категориях субъективной и объективной модальности в языке. Дается обзор и обобщение основных теоретических подходов к проблеме соотношения объективности и субъективности в отечественной и зарубежной лингвистике.

Научные исследования середины XX – начала XXI в. характеризуются своей антропоцентрической направленностью. Отныне современная лингвистика изучает язык не только ради него самого, но язык в неразрывной связи с человеком, с его сознанием и мышлением, духовной жизнью и культурой, язык не просто как орудие межличностной коммуникации, но и как способ отражения окружающего мира и себя в этом мире¹. Ведь «именно в языке и благодаря языку человек конституируется как субъект, ибо только язык придает реальность, свою реальность, которая есть свойство быть, – понятию «Его» – «мое я»². Поэтому в лингвистике приобретает большое значение изучение эгоцентричных категорий, с помощью которых человек не просто передает суждение об окружающей действительности, но делает это, пропуская все через себя и собственный жизненный опыт.

Одной из таких категорий является категория модальности, выражающая различные виды соотносительности высказывания к действительности и отношения говорящего к высказыванию³, то есть категория, семантическим ядром которой являются понятия объективности, субъективности и межсубъективности, потому что модальность присуща «языку в действии»⁴. Большинство лингвистов принято дифференцировать модальность на субъективную и объективную, но не все специалисты вкладывают в эти понятия одинаковый смысл.

Среди них есть те, кто в принципе сомневаются в правомерности такого разграничения, отдавая приоритет только одной стороне модальности. В результате формируется весьма противоречивая картина, причину которой невозможно понять без более глубокого изучения данной проблемы. В лингвистике одним из первых о соотношении объективного и субъективного заговорил немец В. фон Гумбольдт. Он заявил, что язык «есть средство преобразования субъективной деятельности даже в самых своих простейших проявлениях есть соединение индивидуальных восприятий с общей природой человека»⁵.

Другая точка зрения возводит нас к субъективной природе языка. Во французском языкознании об этом впервые упомянул в 1897 г. стоящий у истоков французской семантики М. Бреаль, утверждавший, что «все в языке идет от человека и адресуется человеку»⁶. Но наиболее полно данную проблему затронул несколько позднее Э. Бенвенист в своей статье «О субъективности в языке»⁷. Бенвенист согласен, что язык и речь, понимаемая как актуализация языка, по своей природе являются субъективными. Под субъективностью же Бенвенист понимает «способность говорящего представлять себя в качестве субъекта», которая проявляется не в ощущении себя как такового, а в языке: «Тот есть «Его», кто говорит «Его»»⁸. Бенвенист говорит также о полярности процесса коммуникации, в котором происходит взаимоотражение

■ Свежий взгляд

собеседников по отношению друг к другу. Это явление он называет межсубъективностью или двусторонней субъективностью в рамках коммуникации⁹.

В отечественном языкознании к позиции Бенвениста близок Г.Я. Солганик, также возводящий в абсолют субъективный критерий: «Язык как система знаков обозначает предметы, понятия, явления независимо от воли и желания человека. Однако [...] языковые процессы (номинация, предикация и др.) осуществляются с точки зрения коллективного языкового сознания, в конечном счете – с точки зрения говорящего»¹⁰.

Следующая точка зрения восходит к В.В. Виноградову, согласно которому модальность отражает отношение содержания высказывания к действительности со стороны говорящего. Речь идет о любом выражении мыслей, чувств, побуждений, что проявляется в использовании основных глагольных наклонений¹¹. Понимание модальности как субъективно-объективной соотносительности высказывания с действительностью свойственно и Г.А. Золотовой. Модальность рассматривается с точки зрения противопоставления реальности/нереальности и бывает двух видов: реальная (прямая) и гипотетическая (косвенная). Оба значения обозначают объективную модальность, средством выражения которой в первом случае является изъявительное наклонение, а во втором – побудительное и условное¹².

На фоне всех этих мнений выделяется позиция Ю.С. Степанова, полагающего, что модальность «не является ни субъективной, ни объективной категорией, она является категорией объективно-относительной. Модальность есть представление действительности с точки зрения субъекта речи – «Я» говорящего, но с

точки зрения типизированной, объективизированной «раз и навсегда» – для данного состояния языка – средствами самого языка»¹³.

Все эти подходы к изучению модальности по-своему интересны, тем не менее возведение в абсолют той или иной характеристики модальности кажется не вполне правомерным. Ведь не во всех высказываниях содержится субъективная оценка говорящего, к тому же нельзя также полностью исключать из высказывания прагматический критерий, то есть субъекта речи. Соглашаясь с тем, что язык по своей природе является субъективным в том смысле, что порожден и является орудием, присущим человеку в целом, мы также признаем, что язык располагает как средствами для выражения субъективности, так и объективности.

Поэтому близким нам является традиционное в лингвистике понимание субъективности и объективности, согласно которому к объективной модальности относятся те положения дел, которые можно рассмотреть с позиции реальности/нереальности, что тесно связано с понятием и наклонения и времени; а к субъективной модальности относится все, что связано с личной позицией говорящего, что находит свое выражение как в различных видах наклонений, так и в других способах в зависимости от конкретного языка (модальные глаголы, частицы, вводные слова и т.п.).

Selezneva T.A. The Notion of Subjective and Objective Modality in Language.

Summary: The purpose of this article consists in giving a general notion of the categories of subjective and objective modality in language. The author notices and summarizes the most important theoretical approaches to the problem of objectivity and subjectivity in russian and foreign linguistics.

Ключевые слова

Модальность, виды модальности, объективность, субъективность, наклонение, время.

Keywords

Modality, modality types, , objectivity, subjectivity mood, time.

Примечания

1. Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ: глобальные следствия модернизационных процессов // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 203-206.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 2002. С. 293.
3. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. М., 2000. С. 303.
4. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования / Отв. ред. Г.В. Степанов. М., 2009. С. 113.
5. Краснова Т.И. Субъективность – модальность (материалы активной грамматики). СПб., 2002. С. 23.
6. Balatchi R. Les deictiques –des subjectivèmes? Université Stefan cel Mare, Suceava. Электронный ресурс: <http://www.extpdf.com/deictiques-pdf.html#pdf> (дата обращения: 27.03.2013).
7. Бенвенист Э. Ук. соч. С. 293.
8. Там же. С. 294.
9. Там же.
10. Солганик Г.Я. Очерки модального синтаксиса. Монография. М., 2010. С. 1-10.
11. Зеленщиков А.В. Пропозиция и модальность. Изд. 2-е, доп. М., 2010. С. 67.
12. Зеленщиков А.В. Указ. соч. С. 68.
13. Агеева И.В. К вопросу о языковой категории модальности // Актуальные проблемы лингвистики XXI века: сборник статей по материалам международной научной конференции / Отв. ред. В. Н. Оношко. Киров: Изд-во ВятГГУ, 2006. - С. 17-19.

Представления о душе в японской и русской лингвокультурах

Д.А. Татарская

Статья посвящена сопоставлению разницы представлений японцев и русских о «душе». В статье затрагиваются вопросы места данного концепта в общей системе ценностей японского и русского народа, а также приводится ряд аргументов в пользу имеющих схожих представлений о душе у японцев и русских.

Этими строками начинается знаменитое стихотворение Редьярда Киплинга «Баллада о Востоке и Западе»: «О, Запад есть Запад, Восток есть Восток, и с мест они не сойдут, Пока не предстанет Небо с Землей на Страшный Господень суд». Действительно, попытки Запада понять Восток и Востока понять Запад нередко терпят полный крах и провал, ибо человек Запада и человек Востока слеплены совершенно из «разного теста» и замешаны на разных ингредиентах. Борис Пильняк в своей известной работе «Корни японского солнца» писал: «Человек Запада засасывается Востоком, деформируется, заболевает болезнью, имя которой «фебрис ориентис», — и все же выкидывается впоследствии Востоком»¹.

Но интерес к Востоку велик. В нашей стране на данный момент переживается очередной бум интереса к японской культуре. Такой же бум переживался нашей страной на рубеже XIX–XX вв. Этот культурный винегрет, когда русские девушки поголовно хотят быть похожими на героев анимэ, а по соседству с традиционными русскими блинами мы видим японские суши (суси), о предельно имеет свои позитивные воздействия. Русская культура, вглядываясь в столь далекую от нее и экзотичную японскую культуру, как бы заново переоценивает, переосознает себя на рубеже веков.

Одним из ключевых понятий, олицетворяющих русскую культуру, является понятие «Душа». Миф о «загадочной русской душе»

давно известен на Западе. Как ни странно, в Японии о загадке русской души не говорят. В Японии есть свое понятие – «кокоро», олицетворяющее, одновременно «ум, сердце, душу, сознание». И именно через понятие «душа» две эти великие и загадочные культуры, возможно, смогут найти точки соприкосновения. Древние архаические понятия о душе у многих народов являются схожими². Японская и русская культура в этом не исключение. Славяне часто олицетворяли душу в виде огня, звезды, дыма, молнии, ветра, птицы и летающих насекомых³.

У японцев есть понятие *тама*, которое существовало уже в VIII в., и происходит оно от древнего *тама-си-хи* – «дух/в виде/шара»⁴. Считалось, что души покойников могут появляться из могилы в виде голубоватых огней, шаров фосфоресцирующего огня, которые передвигаются в воздухе. У славян также имелись подобные представления. «Однокоренные слова «дух» и «душа», судя по данным славянских языков, были известны славянам еще в праславянский период, с древнерусским словом «душа» были связаны верования язычников. Слово «дух», по данным словарей, появляется в древнерусском языке с XI в. С этого времени формирование семантики данных лексем в русском языке происходит под влиянием христианского вероучения»⁵.

Помимо *тама* еще одним из понятий, обозначающих духовные воззрения японцев, является понятие «кокоро» (сердце, душа).

■ Свежий взгляд

Е.С. Бакшеев пишет: «Исконно японское слово «кокоро» имеет параллели в алтайских (корейском, тунгусо-маньчжурских и тюркских) языках, и изначально обозначало часть тела: сердце (в биологическом смысле), грудь»⁶. Начиная с VIII в. данное понятие начинает утрачивать физические характеристики и приобретать психологические и эмоциональные. «Кокоро», записываясь разными иероглифами, могло иметь значения: сердце, душа; намерение, желание, воля; мысли. Данное положение находится свое прямое отражение и в русской лингвокультуре, где сердце рассматривается как орган чувств и познания Бога. В японской культурной традиции душа-сердце кокоро является органом познания мира. Позднее кокоро, под влиянием китайской традиции, развилось в важнейшую категорию японской эстетики.

Так архаические представления о душе как о некой бестелесной субстанции, сходные по своей природе у многих народов, трансформировались в национальные универсальные суперконцепты, вобравшие в себя и архаические, и религиозные, и философские воззрения народов. Здесь между японскими и русскими концептами, выражающими понятие «душа» возникают некоторые различия. Поскольку, если на развитие представлений японцев о душе сильное влияние оказала китайская традиция (даосизм, дзен-буддизм, буддизм), то концептуализация данного понятия в сознании русского человека во многом обусловлена христианской традицией и мировоззрением. Если в русской языковой картине мира понятие «душа» занимает центральное место в представлениях об устройстве человека, то в японской традиции оно превратилось скорее в эстетическую и морально-нравственную категорию.

«Кокоро есть точка соприкосновения с Небом, именно через кокоро Небо выражает себя и вещь соприкасается с другой (каждая вещь обладает своим кокоро), оно – знак всеобщности, единства мира. (Говоря словами Кавабата,

«если у Вселенной одно сердце, значит, каждое сердце – Вселенная»)). Понятие кокоро стало неотъемлемой составляющей японского искусства. В поэзии кокоро выражает сокровенную суть произведения. Японцы говорят: «Тядо ва ниппон но кокоро»⁷ – «Путь чая – душа Японии». «Сердце Японии» – это цветение горной сакуры, благоухающей при восходе солнца», – возвещает танка Мотоори Норианага⁸. Именно Красота очищает человеческое сердце, душу и сознание – считают японцы. Все традиционные искусства Пути: путь чая, путь каратэ, путь икэбана, путь каллиграфии и т.д. делают сердце человека Прекрасным. В русской традиции к очищению души и сердца ведет покаяние (нравственное очищение), о котором японцы не знают.

Как бы не были далеки друг от друга наши культурные традиции, несомненно, есть что-то общее между душой японца и русского. Недаром из всех литературных произведений, которые хлынули в Японию после реставрации Мейдзи, японцы в первую очередь восприняли именно русскую литературу. В том числе данное положение было отмечено на прошедшем недавно российско-японском форуме «Точки соприкосновения: Технологии. Бизнес. Культура» ректором Токийского государственного института иностранных языков, русистом, переводчиком Достоевского, профессором Икуо Камэяма: «Считаю, что «русская душа» и «японская душа» дополняют друг друга. Существует что-то общее между россиянами и японцами, что помогает находить нам общий язык в самых различных сферах взаимодействия»⁹.

Tatarskaya D.A. Idea of the Soul in the Japanese and Russian Lingvocultures.

Summary: The article is devoted to the comparison of Japanese and Russian idea of soul. It touches upon the subject of the place of this concept in the system of values of Japanese and Russian. The author gives a number of arguments for the fact that there is some similarity between Japanese and Russian views on the soul.

Ключевые слова

Концепт, лингвокультура, кокоро, тама, русская душа, японская душа.

Keywords

Concept, lingvoculture, kokoro, tama, Japanese, Russian soul.

Примечания

1. Борис Пильняк. Корни японского солнца. Дани Савелли. Борис Пильняк в Японии: 1926. М.: Три квадрата, 2004. С. 17
2. Силантьева М.В. Пространственно-временной континуум в синхронных контекстах современных (художественных) практик: возвращение архаики? / Синхрония и модели смыслополагания в современной эстетике. V Овсянниковская международная эстетическая конференция. 27-28 ноября 2012. Философский факультет МГУ, кафедра эстетики. М., 2012.
3. Афанасьев А.И. Поэтические воззрения славян на природу: в 3 т. М., 1995. Т.3. С. 100-111.
4. Бакшеев Е.С. У японца есть три души. Электронный ресурс: <http://www.ru-jp.org/baksheev04.htm> (дата обращения: 30.04.2012).
5. Петрухина Е.В. Закономерности изменений в русской языковой картине мира: представления о духе и душе // Вопросы когнитивной лингвистики. 2012. № 3. С. 15.
6. Бакшеев Е.С. У японца есть три души. Электронный ресурс: <http://www.ru-jp.org/baksheev04.htm> (дата обращения: 30.04.2013).
7. Григорьева Т.П. Японская художественная традиция. М.: Наука, 1979. С. 218.
8. Там же. С. 218. Если спросишь: / В чем душа/Островов Японии?/ В аромате горных вишен/ На заре.
9. Российская газета <http://www.rg.ru/2013/02/28/kommentarii-site.html>

Функции языковой игры в интернет-дискурсе

Е.С. Ефремова

Цель данной статьи – дать общее представление о функциях языковой игры в интернет-дискурсе. В статье представлена классификация функций, выполняемых языковой игрой в процессе интернет-коммуникации.

Современное общество определяется как информационное, что связано с повышением роли информации и коммуникации в жизни индивида. Особое место в системе человеческой коммуникации занимает всемирная сеть Интернет, представляющая собой не только телекоммуникацию, но и социальный, психологический и культурный феномен. Интернет как особый канал связи накладывает отпечаток на коммуникации в виртуальном пространстве. Особый интерес для лингвистов представляет молодежное общение в интернет - дискурсе. Молодежь, общаясь в интернете, стремится отличаться, выглядеть оригинальными, выразить свое критическое или ироническое отношение к миру взрослых, показать себя более независимыми, завоевать популярность среди сверстников. Для этого молодежь играет с языком и тем самым бросает вызов другим. Именно поэтому в интернет-коммуникации становится все более востребованной языковая игра.

Термин «языковая игра» принадлежит философу Л. Витгенштейну. Базовым понятием языковой игры является плюрализм, неоднозначность смыслов. В рамках его теории все акты речевой коммуникации являются тем или иным видом языковой игры. Когда говорящий «играет» с формой речи, ее неожиданность получает эстетическую нагрузку, от самой не-

притязательной до изощренной. Это может быть и незатейливая шутка, и более или менее удачная острота, и каламбур, и разные виды тропов: сравнения, метафоры, перифразы и т.д. Используя языковую игру при построении высказывания, говорящий обращает внимание на саму форму речи с целью не просто сообщить что-либо, а вызвать то или иное эстетическое чувство, что делает языковую игру неотъемлемым атрибутом межкультурной коммуникации¹.

В интернет-дискурсе молодежи можно выделить несколько функций, присущих языковой игре. Прежде всего, это ludic (игровая) функция², которая служит для того, чтобы вызвать улыбку, создать шутливое настроение или ироническое отношение. Тут необходимо отметить, что языковая игра – реакция на комические свойства объекта. Близкой к ludic является развлекательная функция³, в которой говорящий не ставит перед собой никаких содержательных задач, а скорее пытается выразиться необычно, не быть скучным. Самовыражение посредством языка представляет характерологическую (индивидуализующую, самопрезентирующую) функцию⁴.

Языковая игра в таком случае является способом реализации индивидуального стиля говорящего. За счет оригинального использова-

■ Свежий взгляд

ния языка и самовыражения, говорящие могут насыщать текст новыми смыслами, в этом случае, языковая игра может выступать средством создания новых смыслов, ассоциативных связей между смыслами слов. Такое использование языковой игры характеризуется смыслообразующей функцией⁵. В последнее время, с ростом популярности интернета, можно выделить компрессивную функцию языковой игры⁶. Сюда можно отнести употребление специфической орфографии, использование различных сокращений, аббревиатур, искажение нормативного правописания и употребления фонетического письма. Следует также выделить еще одну чрезвычайно важную функцию языковой игры – языкотворческую⁷. Она создает возможность создания новых словесных элементов, тем самым обогащая словарный запас. Еще одна немаловажная функция языковой игры – пародийная⁸. Языковая игра в этом случае служит показателем принадлежности говорящего к какой-либо группе. Эта функция языковой игры в основном присуща жаргону. В молодежном жаргоне могут также присутствовать и общепринятые сокращения. Таким образом, функ-

ции языковой игры в интернет-дискурсе служат для проявления индивидуальной личности говорящего, прежде всего в связи со стремлением сказать что-то, не повторяясь и не прибегая к «избитым формулировкам», потерявшим уже не только образность, но и четко различимый смысл. Языковая игра часто выступает в качестве одного из ключевых языковых средств воздействия в процессе коммуникации. Она вносит в коммуникацию оттенок условности, ассоциативности, вторичности. Приемы языковой игры перестали выполнять исключительно эстетическую функцию и стали выступать в качестве языкового воплощения комплекса коммуникативных стратегий и тактик.

Efremova E.S. Functions of the Language Game in the Internet Discourse.

Summary: *The purpose of this article consists in giving a general notion of the functions of the language game in the Internet discourse. Here is represented the classification of the functions which are carried out by the language game in the Internet communication.*

Ключевые слова

интернет-дискурс, компрессивная, развлекательная, самопрезентирующая, смыслообразующая функции языковой игры.

Keywords

Internet discourse, compressive, entertainment, self-representing, sense-formative functions of the language game.

Примечания

1. Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи : монография. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. - с.41-43.
2. Там же.
3. Земская Е.А. Языковая игра [Текст]/Е.А.Земская, М.А. Китайгородская, Н.Н. Розанова//Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. - М.: Наука, 1983. Глава V. С.39-54.
4. Коновалова О.Ю. Указ.соч. С.41-43.
5. Якоба И.А. Особенности интернет-коммуникации (лингвистический, социальный, гендерный аспекты) //Вестник ИрГТУ, 2012. № 3. С.365- 372.
6. Там же.
7. Санников В.З. Русский язык в зеркале языковой игры [Текст]/ В.З.Санников. - М.: Языки русской культуры, 199 Коновалова О.Ю. Языковая игра в современной русской разговорной речи : монография. - Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2008. - с.41-43
8. Якоба И.А. Указ. раб. С.365-372.

Речевой имидж немецких политиков как выражение языковой картины мира Германии (на примере речей Ангелы Меркель)

А.П. Крячкова

Цель данной статьи – дать общее представление о понятиях «языковая картина мира» и «речевой имидж» и выявить их взаимосвязь в лингвокультурологии. Дана также характеристика языковой картины мира Германии и ее отражение в речевом имидже немецких политиков.

Каждый народ обладает своей уникальной, своеобразной картиной мира. Это обусловлено тем, что в различных культурах люди по-разному воспринимают и ощущают окружающий мир. Культурная картина мира находит свое отражение в мифах, системе религиозных верований, обрядах и, наконец, культурная картина мира закреплена в языке. Основы современного рассмотрения языка как культурного кода нации были заложены Вильгельмом фон Гумбольдтом. Гумбольдт писал, что именно язык является духом народа. Е.Ф. Тарасов отмечает, что в языке заключено знание о реальной действительности в полной мере на каждом этапе ее исторического развития¹. Таким образом, понятие «реальность» является тем, что человек может выразить через язык. Выражая через язык понятия окружающего мира, человек преломляет их через свое сознание.

Под языковой картиной мира понимается исторически сложившаяся в обыденном сознании данного языкового коллектива и отраженная в языке совокупность представлений о мире, определенный способ концептуализации действительности. В «Теории культурной грамотности» Э. Хирш заметил, что для эффективной коммуникации необходимо обладать достаточным уровнем культурной грамотности, который предусматривает понимание фоновых знаний, ценностных установок, психологической и социальной идентичности, характерных для данной культуры, в данном случае для немецкой национальной культуры².

Согласно теории Г. Хофштеде, Германия является страной со свободной социальной структурой и относится наряду с Америкой, Австралией, Кана-

дой и Великобританией к индивидуалистской культуре. В Германии ценится умение самостоятельно принимать решения, право каждого индивида на личную точку зрения и собственность³. В Германии доминируют такие ценности, как настойчивость, открытость, независимость. Следует отметить неприязнь представителей немецкой культуры к неопределенности, так называемому, «подвешенному состоянию». Эти ценности выражаются в речи следующими признаками:

- немцам свойственна прямая и выразительная манера речи;
- недосказанность оценивается как недостаточная компетентность собеседника в данном вопросе;
- недовольство выражается достаточно открыто;
- дается четкая и ясная оценка всех обсуждаемых тем.

Поскольку в данной работе рассматривается взаимосвязь понятий «речевой имидж» и «языковая картина мира», заслуживать внимания будут те культурные концепты и ценности, которые напрямую связаны с образом и репутацией человека. Но прежде чем выявить данную взаимосвязь, следует дать определение понятию «имидж». Впервые понятие «имидж» ввел, как известно, Эрвинг Гофман, определив его как «искусство управлять впечатлением». Слово «image» в переводе с английского языка означает «образ». Под имиджем понимают общие черты автопортрета человека, представляющие собой предмет уважения или самоуважения. Понятие «имидж» тесно связано с такими понятиями, как «репутация», «доброе имя»⁴. Для протекания успешной коммуникации важно поддерживать не только свой имидж, но и имидж коммуниканта.

■ Свежий взгляд

Имидж играет особую роль в политическом дискурсе. Для понятия «политический имидж» в языковой картине мира Германии важны следующие культурные концепты: практичность, организованность, самодостаточность, дипломатичность. Немецкий политик должен быть приближен к народу и открыт для дискуссии. Так, например, речевой имидж нынешнего канцлера Германии Ангелы Меркель во многом соответствует основным культурным концептам языковой картины мира Германии. Согласно опросам, большинство немцев считают ее компетентным и сильным политиком. В своих высказываниях А. Меркель представляется последовательной и прогнозируемой. Следует также отметить дипломатичность госпожи Меркель. Она редко возражает напрямую и не позволяет себе оскорблений в адрес других. Так, во время дебатов на тему введения войск в Афганистан Ангела Меркель игнорирует выпады со стороны членов партии DIE LINKE в свой адрес⁵.

Свое негативное отношение А. Меркель может выразить иронией, например: Die Linke hat wie immer eine Sonderrolle. Entschuldigung, dass ich Sie mit einbezogen habe. Das werde ich natürlich nicht mehr tun (А у партии левых, как всегда, своя особая роль. Извините, что я причислила вас (к согласившимся). Безусловно, этого с моей стороны больше не повторится)⁶. В то же время в речах Ангелы Меркель можно встретить прямое выражение недовольства и тактику критики: Auch ich sage: Es geht verdammt langsam; ja, das stimmt (И я скажу: дела идут чертовски медленно: да, это так)⁷ // Es hat keinen Sinn, die ganze Zeit über eine Theorie zu diskutieren, und sich dabei die Köpfe heiß zu reden... (Нет смысла

все время вести теоретические рассуждения и при этом спорить до одурения)⁸.

В приведенных высказываниях Ангела Меркель открыто и ярко выражает свою позицию. Использование выражений „verdammt langsam“ (чертовски медленно), „sich Köpfe reden“ (спорить до одурения) усиливает эффект и выражает индивидуальность госпожи Меркель. Она часто использует в своих речах тактику единения с народом и обращается к эмоциям адресатов: Es gibt – das ist meine Überzeugung – keinen besseren Platz für unser Leben in Europa als unser gemeinsames europäisches Haus (По моему убеждению, не существует места для нашей жизни лучше, чем наш общий европейский дом)⁹. В данном случае указанная тактика реализуется с помощью местоимения „unser“ (наш) и словосочетания „unser gemeinsames... Haus“ (наш ... общий дом). Таким образом, можно сделать вывод, что речевое поведение Ангелы Меркель отражает основные культурные концепты и ценности Германии. Госпожа Меркель дает четкую оценку происходящим событиям или возникающим проблемам и производит впечатление практичного и последовательного человека.

Kryachkova A. P. Speech Image of German Politicians as an Expression of Language Picture of the World.

Summary: The purpose of the article is to give a general notion of the meanings “language picture of the world” and “speech image” and identify the relationship of these meanings in cultural linguistics. The author describes German language picture of the world and its development in German politicians’ speech image.

Ключевые слова

Картина мира, языковая картина мира, имидж, немецкие культурные ценности.

Keywords

Picture of the world, linguistic picture of the world, image, German cultural values.

Примечания

1. Тарасов Е.Ф. Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения //Национально-культурная специфика речевого поведения. С. 14 – 38.
2. Hirsch E. D. Jr. Cultural Literacy: What Every American Needs to Know, New York: Vintage Books, 1988.
3. Hofstede G. Interkulturelle Zusammenarbeit. Kulturen – Organisationen – Management, Wiesbaden, 1993.
4. Goffman E. Interactional Ritual. Essays on Face to Face Behavior, New York: Anchor Books, 1967.
5. Дебаты в бундестаге. Электронный ресурс: <http://www.ag-friedensforschung.de/regionen/Afghanistan/bt-debatte2.html> (дата обращения: 25.03.2013).
6. Дебаты в бундестаге. Электронный ресурс: <http://www.ag-friedensforschung.de/themen/Kernkraft/bt-debatte.html> (дата обращения: 25.03.2013).
7. Bundesregierung (федеральное правительство). Электронный ресурс: <http://www.bundesregierung.de/Content/DE/Rede/2010/05/2010-05-14-kirchentag-podiumsdiskussion.html> (дата обращения: 25.03.2013).
8. Bundesregierung (федеральное правительство). Электронный ресурс: http://www.bundesregierung.de/statisch/klimakonferenz/Content/DE/Rede/2010/05/2010-05-02-rede-petersberger-klimadialog_layoutVariant-Druckansicht.html (дата обращения: 25.03.2013).
9. Евросоюз 2007. Электронный ресурс: http://www.eu2007.de/de/News/Speeches_Interviews/January/Rede_Bundeskanzlerin2.html (дата обращения: 25.03.2013).

Символика в коптском христианском искусстве как проблема культурологического исследования

Д.Ю.Позднякова

В диалоге коптской и русской религиозных культур раскрывается значение символа буквы Йота, десятой буквы коптского алфавита, с которой начинается имя Иисуса Христа. Символика написания буквы сравнивается с произнесением имени Иисуса и чтению Иисусовой молитвы.

В современном Египте сосуществуют несколько культур: древнеегипетская (в виде памятников и артефактов); «живая» арабская (мусульманская); коптская¹, тоже «живая» (христианская). Понятийный состав и символический язык коптской христианской культуры открыт для понимания последователями Русской православной церкви. Разумеется, данное утверждение не претендует на некий экклезиологический вывод, оно принадлежит скорее к ряду констатаций коммуникативного плана. Множество общих проявлений культуры – храмосоздательство, организация монастырей, иконопись, фрески, книжная миниатюра, почитание святых, обрядовые особенности богослужения – позволяет не только сравнивать две культуры – русскую и коптскую, – но и вести полноценный межкультурный диалог, несмотря на территориальную отдаленность, конфессиональные и иные различия².

Как известно, образы и символы изобразительного христианского искусства появились в эпоху Римской империи, когда еще не существовало деления христианских конфессий в

современном его понимании. Язык христианского искусства этого времени включал в себя символические (агнец, рыба) и аллегорические изображения (Пастырь Добрый, Орфей), а также буквенные символы (хрисма). С утверждением христианства в качестве государственной религии отпала острая нужда в аллегорических изображениях. С этого времени преимущественно развилась образная сторона христианского искусства – иконопись, мозаика, фреска. Однако главным символом христианства по-прежнему оставалось изображение креста.

Несмотря на повышенный интерес к оригинальным чертам искусства, сохраненным древними ориенталистскими церквями (в том числе коптской), которые символы остаются до сих пор неописанными и нерасшифрованными в отечественной науке. К их числу принадлежит такой элемент коптской христианской культуры, как «Йота» – буква коптского алфавита и вместе с тем важный богослужебный буквенный символ. В украшении коптских богослужебных книг можно видеть миниатюры с включением плетеного орнамента, в котором доминирует

■ Свежий взгляд

изображение креста. Один из фрагментов орнамента, воспринимаемый как элемент плетения, несет символическую нагрузку, имея подобие букве «Йота» коптского алфавита (имеет графическое сходство с английской «I»).

В коптской трактовке, однако, эта буква имеет значительно более развернутую символику, приравниваясь в начертании к произнесению имени «Иисус» и чтению Иисусовой молитвы, – важного момента культовой практики христианина. Затем к трактовке данного элемента «добавляется» символика числа десять (Йота – с которой начинается имя Иисуса Христа, десятая буква коптского алфавита; число «десять» символично и само по себе, указывая, на десять заповедей и т.д.). Далее, в имясловном благословении большой палец соединяется с десятой фалангой пальцев (средняя фаланга безымянного пальца), одновременно в сложении перстов изображается как буквы имени Христа: IC XC, так и указание на десятую букву, как на букву начала имени Христа.

Орнаменты миниатюр имеют дополнительную цветовую символическую нагрузку. Для них характерно использование трех цветов – красного, желтого и зеленого; или четырех, где, наряду с перечисленными, употребляется также белый цвет. «Цвета – зеленый, символизирует жизнь, ту, что православные люди получают от креста. Желтый представляет сияние и славу, которые Христос вернул человечеству.

Красный представляет драгоценную Кровь Христову, которая очищает христиан»³. Белый цвет символизирует «путь чистоты, которая восстанавливает человека в первоначальное состояние, возвращая потерянную славу, которая дана была ему с дыханием жизни»⁴. Однако для стороннего наблюдателя в орнаментах миниатюр буква «Йота» не явна, присутствуя в виде вплетенного между крестов шнура, который пересекается горизонтальными отрезками орнамента, идущего в другом направлении. Именно прерывистые отрезки орнамента, подобные букве «I», несут смысловую нагрузку имени Иисуса Христа, другие элементы плетения образуют форму крестов. До сих пор в отечественной научной литературе нет развернутого описания построения коптских крестов, орнаментированных буквой «Йота». Как показывает практика, предварительное ознакомление с семантикой организации артефактов такого рода способствует лучшему проникновению в «дух и букву» коптского искусства.

Pozdnyakova D.Y. Coptic Christian Symbolism in Art as a Problem of Cultural Studies.

Summary: In dialogue Coptic and Russian religious culture reveals value of the symbol letter Iota, the tenth letter of the Coptic alphabet, which begins the name of Jesus Christ. Symbols of letter writing is compared with pronouncing the name of Jesus and reading the prayer of Jesus.

Ключевые слова

Символ, мистика, Египет, христианское искусство, коптское искусство, орнамент, орнаментальная декорация, искусствоведение, йота, крест.

Keywords

Symbol, mysticism, Egypt, Christian art, Coptic art, ornament, ornamental decoration, art history, iota, cross.

Примечания

1. Мона Халиль. Мифы о коптах. Электронный ресурс: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1230> (дата обращения: 30.04.2013).
2. Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 206-210.
3. Электронный ресурс: Монастырь Барамус. www.sant-mary.net/iota/ (дата обращения: 22.03.2013).
4. The Monastery of Saint Mary the virgin BARAMOS. Iota Art. A Catalogue of Crosses, Forms & Decorations. – Egypt, 2008. C.VIII.

Символика в коптском христианском искусстве как проблема культурологического исследования

Д.Ю.Позднякова

В диалоге коптской и русской религиозных культур раскрывается значение символа буквы Йота, десятой буквы коптского алфавита, с которой начинается имя Иисуса Христа. Символика написания буквы сравнивается с произнесением имени Иисуса и чтению Иисусовой молитвы.

В современном Египте сосуществуют несколько культур: древнеегипетская (в виде памятников и артефактов); «живая» арабская (мусульманская); коптская¹, тоже «живая» (христианская). Понятийный состав и символический язык коптской христианской культуры открыт для понимания последователями Русской православной церкви. Разумеется, данное утверждение не претендует на некий экклезиологический вывод, оно принадлежит скорее к ряду констатаций коммуникативного плана. Множество общих проявлений культуры – храмосоздательство, организация монастырей, иконопись, фрески, книжная миниатюра, почитание святых, обрядовые особенности богослужения – позволяет не только сравнивать две культуры – русскую и коптскую, – но и вести полноценный межкультурный диалог, несмотря на территориальную отдаленность, конфессиональные и иные различия².

Как известно, образы и символы изобразительного христианского искусства появились в эпоху Римской империи, когда еще не существовало деления христианских конфессий в современном его понимании. Язык христианского искусства этого времени включал в себя

символические (агнец, рыба) и аллегорические изображения (Пастырь Добрый, Орфей), а также буквенные символы (хрисма). С утверждением христианства в качестве государственной религии отпала острая нужда в аллегорических изображениях. С этого времени преимущественно развилась образная сторона христианского искусства – иконопись, мозаика, фреска. Однако главным символом христианства по-прежнему оставалось изображение креста.

Несмотря на повышенный интерес к оригинальным чертам искусства, сохранным древними ориенталистскими церквями (в том числе коптской), которые символы остаются до сих пор неописанными и нерасшифрованными в отечественной науке. К их числу принадлежит такой элемент коптской христианской культуры, как «Йота» – буква коптского алфавита и вместе с тем важный богослужебный буквенный символ. В украшении коптских богослужебных книг можно видеть миниатюры с включением плетеного орнамента, в котором доминирует изображение креста. Один из фрагментов орнамента, воспринимаемый как элемент плетения, несет символическую нагрузку, имея подобие букве «Йота» коптского алфавита (имеет гра-

■ Свежий взгляд

фическое сходство с английской «I»).

В коптской трактовке, однако, эта буква имеет значительно более развернутую символику, приравниваясь в начертании к произнесению имени «Иисус» и чтению Иисусовой молитвы, – важного момента культовой практики христианина. Затем к трактовке данного элемента «добавляется» символика числа десять (Йота – с которой начинается имя Иисуса Христа, десятая буква коптского алфавита; число «десять» символично и само по себе, указывая, на десять заповедей и т.д.). Далее, в имясловном благословении большой палец соединяется с десятой фалангой пальцев (средняя фаланга безымянного пальца), одновременно в сложении перстов изображается как буквы имени Христа: IC XC, так и указание на десятую букву, как на букву начала имени Христа.

Орнаменты миниатюр имеют дополнительную символическую нагрузку. Для них характерно использование трех цветов – красного, желтого и зеленого; или четырех, где, наряду с перечисленными, употребляется также белый цвет. «Цвета – зеленый, символизирует жизнь, ту, что православные люди получают от креста. Желтый представляет сияние и славу, которые Христос вернул человечеству. Красный представляет драгоценную Кровь Христову, которая очищает христиан»³. Белый

цвет символизирует «путь чистоты, которая восстанавливает человека в первоначальное состояние, возвращая потерянную славу, которая дана была ему с дыханием жизни»⁴. Однако для стороннего наблюдателя в орнаментах миниатюр буква «Йота» не явна, присутствуя в виде вплетенного между крестов шнура, который пересекается горизонтальными отрезками орнамента, идущего в другом направлении. Именно прерывистые отрезки орнамента, подобные букве «I», несут смысловую нагрузку имени Иисуса Христа, другие элементы плетения образуют форму крестов. До сих пор в отечественной научной литературе нет развернутого описания построения коптских крестов, орнаментированных буквой «Йота». Как показывает практика, предварительное ознакомление с семантикой организации артефактов такого рода способствует лучшему проникновению в «дух и букву» коптского искусства.

Pozdnyakova D.Y. Coptic Christian Symbolism in Art as a Problem of Cultural Studies.

Summary: In dialogue Coptic and Russian religious culture reveals value of the symbol letter Iota, the tenth letter of the Coptic alphabet, which begins the name of Jesus Christ. Symbols of letter writing is compared with pronouncing the name of Jesus and reading the prayer of Jesus.

Ключевые слова

Символ, мистика, Египет, христианское искусство, коптское искусство, орнамент, орнаментальная декорация, искусствознание, йота, крест.

Keywords

Symbol, mysticism, Egypt, Christian art, Coptic art, ornament, ornamental decoration, art history, iota, cross.

Примечания

1. Мона Халиль. Мифы о коптах. Электронный ресурс: <http://www.portal-credo.ru/site/?act=fresh&id=1230> (дата обращения: 30.04.2013).
2. Силантьева М.В. Метаморфозы социальных организмов в свете трансформации культурных границ // Вестник МГИМО-Университета. 2012. № 6. С. 206-210.
3. Электронный ресурс: Монастырь Барамус. www.sant-mary.net/iota/ (дата обращения: 22.03.2013).
4. The Monastery of Saint Mary the virgin BARAMOS. Iota Art. A Catalogue of Crosses, Forms & Decorations. – Egypt, 2008. С.VIII.

Философско-эстетические компоненты художественного стиля барокко: западный и восточный ракурсы

Е.В. Поздняков

В статье рассматривается влияние возникшего в процессе Контрреформации, стиля барокко на становление философских взглядов, их эстетическое проявление, символику и воплощение в христианском храмовом искусстве эпохи барокко.

Общий исторический контекст возникновения стиля барокко и философское его осмысление достаточно хорошо известны. После того, как Лютер в 1517 г. прибил на вратах церкви Виттенберга свои тезисы, католическая церковь сталкивается с угрозой Реформации. Вместе с обострившейся политической ситуацией это создало определенный культурный кризис. Потребовалось создать новую философскую концепцию и ее воплощение, в том числе через эстетическое восприятие, в искусстве. «Решением Тридентского собора (1545-1563 гг.) церковь подтвердила приверженность своим традиционным догмам и, ослабив строгость первых лет Контрреформации, с невиданным со времен средневековья рвением попыталась как можно убедительнее облечь вечные истины в вечные формы»¹.

В данной работе мы рассмотрим воплощение миропонимания эпохи барокко через христианское храмовое искусство. Как только христианское храмоздательство оформилось как отдельное направление в архитектуре, оно стремится позиционировать Храм, как образ

Царства Небесного на земле, наполнить его смыслами и знаками, призванными привести зрителя к созерцанию вечных истин или, согласно Василию Великому, – «через образы видимые привести к созерцанию невидимого».

Пол храма воспринимался как путь вся земли и быть погребенным в храме считалось за честь. В эстетике надгробных плит, подобных яркой мозаике, стиля барокко прослеживается обостренное воплощение идеи «memento more», при этом отсутствует какая либо мрачность в украшении, наоборот, изобразительные средства говорят об уповании, что лежащий здесь достиг вечного утешения. (Соборный храм св. Иоанна Крестителя в Валетте 1572-1577 гг., Мальта).

Внутреннее пространство, что особенно прослеживается в многопрестольном храме, воплощает идею Евангельской притчи о умножении талантов. Здесь художник как бы стремится, используя все возможные материалы (мрамор, дерево, металл), воплотить идею

Центральная часть храма – Престол и иконо-

■ Свежий взгляд

стас. Не смотря на пышность декора и кажущийся хаос, убранство иконостаса подчинено четкой иерархии образов и смыслов, присутствует четкое членение форм, деталей и объемов, подчиненных общей идее. В отличие от Западной Европы, храмы эпохи барокко (здесь мы рассматриваем комплексы, сохранившие внутреннее убранство) в России не столь многочисленны. Тем более интересен новооткрытый памятник-Храм Климента папы Римского в Замоскворечье (Москва). Здесь сохранился барочный комплекс из пяти иконостасов и двух киотов, решающий внутреннее пространство храма. В соответствии с требованиями высокого стиля и эстетики барокко иконостас богато декорирован, приобретает иногда причудливые формы, тем не менее, сохраняя четкую иерархию символов, образов и смыслов.

Эстетика в искусстве барокко направлена на человека через многообразие форм и средств художественного выражения, вовлечение его в общее действо.

В храме Климента иконостас отступает от прямой линии и стремится «проникнуть» в пространство. Интересны технические средства, которыми достигается возможность достижения эстетической концепции. Изменение традиционной прямолинейной, тябловой конструкции иконостаса в

пользу рамной и планом виде «ширмы», и разгрузка конструкций (перегруженных многими элементами) с помощью тяг на стены.

Философские концепции находят свое эстетическое выражение через искусство. Интерпретация идей стиля барокко в храмовом искусстве достаточно изучена, но, имея новооткрытый памятник, представляет интерес проследить, как здесь философские идеи барокко через эстетику находят выражение в искусстве, в том числе и технические способы их выполнения, – как происходит гармоническая взаимосвязь различных областей знания для достижения поставленной цели.

Представляет интерес, что при разности конфессиональной традиции и большой территориальной разнесенности смысловая нагрузка в искусстве через стиль может быть одинаковой и способной объединять на эстетическом, понятийном уровне.

Pozdnyakov E. V. Philosophical and Aesthetic Components of the Art of the Baroque Style.

Summary: *In this paper considers the impact of the historical process of the formation of the Counter-Reformation in the philosophical views of aesthetic expression, symbolism and personification of the Christian temple art of the Baroque.*

Ключевые слова

Философия, эстетика, барокко, символика, христианский храм, христианское искусство, история церкви, архитектура.

Keywords

Philosophy, aesthetics, baroque, symbols, Christian church, Christian art, church history, architecture.

Примечания

1. Уоткин Д. История Западноевропейской архитектуры. Komann, 2001. С.163.

Соотношение образа Пресвятой Троицы и парадигмы любви в русской религиозной философии

Н.В. Михайлова

В статье рассматривается проявление образа Пресвятой Троицы в русской религиозной философии через категорию соборности и парадигму любви. Тринитарность утверждается как одна из характерных черт традиционной русской культуры. Впервые выделяются три плана существования основных характеристик культуры.

Для самоидентификации любой нации в современных глобализационных процессах необходимо выделить основные черты той или иной культуры, формирующие менталитет и особенности мировоззрения данной социокультурной группы. Так, одной из главных характеристик традиционной русской культуры является тринитарность. Любую категорию культуры можно условно выявить в трех планах ее проявления: архетипический или план наследования культуры, символическо-семиотический – план выражения и план внутреннего воздействия, непосредственно влияющий на первые два. По отношению к образу Пресвятой Троицы таким планом воздействия является русская религиозная философия и богословие. В отечественной философской традиции тринитарность проявляется через категорию соборности и парадигму любви.

Празднование Дня Святой Троицы – особенность именно русской богослужебной практики. Византийская традиция не знала такого праздника, и на 50-й день после Воскресения Христова отмечался исключительно День сошествия Святого Духа. Духов день, как и большинство

христианских праздников, имел историческое значение, заключающееся в воспоминании, прославлении и экзегезе основных этапов истории сoterиологии. В России же праздник Троицы, предвещающий Пятидесятницу, носит онтологический характер и с момента своего появления является основой русской богословской традиции.

Чтобы проследить связь между образом Троицы и идеей соборной любви, необходимо обратиться к понятию перихорезиса – взаимопроникновению и общению Лиц Единсущной Троицы, Которая Сама по Себе является Всесовершеннейшей Любовью. «Общение» Лиц отождествляется с самоотдачей и открытостью к ответному действию любви¹. Идеал соборности утверждается на сотворении человека по образу и подобию Бога а значит, Троицы, и пронизывает всю русскую культуру.

В отечественной философской традиции Бог осмысливается как совершенная полнота бытия, возможная только в неразложимости и простоте Единсущной Троицы. Любое представление о Боге как о системе или иерархии возвращает к иудаизму: отвергается единосущие Сына, а

■ Свежий взгляд

значит, утрачивается сотериологический смысл воплощения Христа и, как следствие, возникает тип отношений «Господин и раб/наемник», в котором очевидно отчуждение Творца и творения – нет любви, которая лежит в основе христианства. Соборность же бессистемна и неиерархична, основана на духовном взаимопроникновении с Богом и друг с другом.

Отцы Церкви противостояли ересям, приводившим Бога к плюрализму и системности. Их позиция пришла в русскую религиозную философию, в частности от Василия Великого² и Оригена: «Бога же, Который служит началом всего, не должно считать сложным, иначе окажется, что элементы, из которых слагается все то, что называется сложным, существовали раньше самого начала»³. Н.О. Лосский также пишет о Боге как о сверхсистемном начале: «Абсолютное не содержится в себе частей и не дробится на части <...> само является условием системности»⁴. К тому же любая система существует за счет связей между ее элементами и выполнении ими своих функций, чего нет в церковной соборности: например, отпадение человека от Церкви или отрицание им Бога не влияет на существование организма Церкви, но только на него лично.

Поскольку в каждом человеке как в личности есть образ и подобие Божии, очевидным становится единство человеческого рода. По этой же причине природа всего человечества была повреждена грехопадением, и грех передается через весь род как через единый организм. Сын Божий пришел на землю, чтобы возродить человечество таким, каким оно было до падения. Этот образ единосущия восстановлен Христом через устройство Церкви: по Кириллу Александрийскому, должно быть единство не только в единомыслии и единомудии, но и по природе – «сотелесности»⁵ Христу и друг другу через причастие, создание Церкви как Тела Христова.

Грехопадение заключалось в себялюбивом обособлении и отступлении от единства с Богом. В силу искаженной после падения человеческой природы, мы не можем постичь единосущие Троицы и переносим свойственные человеку разде-

ление и множественность в план Божественного Бытия, что является особенностью языческого сознания. Восстановление изначальной природы заключается в освобождении от себялюбия, а искупление и спасение – в единении любви. «У множества же уверовавших было одно сердце и одна душа» (Деян. 4:32).

Человек разделяет общество по принципу «я» и «не-я»⁶ – противоположных существ, чуждых друг другу. Отношение к другим, как к «не-я», – особенность искаженной природы. Пока человек не увидит в других себя и не «возлюбит ближних, как самого себя», единство не достижимо. По Быт. 2:20-25 человек познал суть всех вещей в окружающем его мире, и не нашел подобного себе. Тогда для человека было создано такое же по сути и природе существо, общение с которым осознавалось как «я»-«я». Так, в работе «Смысл любви» у В.С. Соловьева единство рассматривается через призму половой любви – к абсолютно противоположному по всем признакам существу, но единому по сути. Для восстановления единства необходимо подобное осознание «я» во всем человечестве и каждой отдельной личности.

Таким образом, парадигма любви, выраженная русскими религиозными философами через категорию соборности, базируется непосредственно на перихорезисе Пресвятой Троицы, выведенным и обоснованным Отцами Церкви, и выявляет влияние идей тринитарности на всю традиционную русскую культуру. Без учета этой особенности выявленного плана воздействия невозможно объективное изучение большинства культурных феноменов в России.

Mikhaylova N. V. Correlation of Image of Holy Trinity and Paradigm of Love in Russian Religious Philosophy.

Summary: Holy Trinity in Russian religious philosophy through category of catholicity image of the and paradigm of the manifestation of the love. Trinitarian stated as one of the characteristics of traditional Russian culture. For the first time determined three plans of exist of the basic characteristics of culture.

Ключевые слова

Пресвятая Троица, русская религиозная философия, тринитарность, соборность, перихорезис, любовь, единосущность, сверхсистемность.

Keywords

Holy Trinity, Russian religious philosophy, Trinitarian, community, perihorezis, love, consubstantial, extra-systemic.

Примечания

1. Давыденков Олег, иерей. Догматическое богословие. Курс лекций. Часть 2. О Боге в Себе Самом. [Электронный ресурс]. URL: http://azbyka.ru/vera_i_neverie/o_boge2/davydenkov_dogmaticheskoe_bogoslovie_260-all.shtml (дата обращения: 17.03.2013).
2. См., напр.: Василий Великий, святитель. Против саввелян, Ария и аномеев. Беседа 24.
3. Ориген. О началах. Самара, 1993. С.44.
4. Лосский Н.О. Мир как органическое целое // Лосский Н.О. Избранное. М.: Правда, 1991. С.335-480. С.389.
5. Кирилл Александрийский, святитель. Толкование на евангелие от Иоанна, 11, XI // Творения. В 15 томах. Т. 15. Сергиев Посад, 2002. С.756.
6. Антоний (Храповицкий), митрополит. Нравственная идея догмата Пресвятой Троицы // Прообраз Святой Троицы. Сборник богословских статей. Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 2009. С.5-37. С.28.

А.М. Белоногов – «один из наших выдающихся дипломатов»

А.Б. Подцероб

Министр иностранных дел России С.В. Лавров в обращении к читателям, которое он предпослал к книге А.М. Белоногова «Посол в стране пирамид», назвал ее автора одним из наших выдающихся дипломатов. Мне, как и С.В. Лаврову, довелось в свое время работать под руководством Александра Михайловича (причем дважды – в Каире и Нью-Йорке), и я могу полностью присоединиться к такой оценке личности А.М. Белоногова. Дело даже не в весомости послужного списка А.М. Белоногова (а он прошел путь от референта до заместителя министра), сколько в высокой эффективности его деятельности на поручавшихся ему трудных и ответственных участках нашей внешней политики.

Для достижения результатов, которых он каждый раз добивался, требовались не только знания и опыт, но и такие качества, как самоотдача, деловая хватка, интуиция, терпение, такт, понимание подлинных национальных интересов, способность видеть и правильно оценивать перспективу, умение в процессе переговоров сочетать твердость с гибкостью, искать и находить устраивающие нас развязки. Кстати сказать, на долю Александра Михайловича как раз и выпадало по большей части заниматься разного рода сложными ситуациями, возникавшими либо в двусторонних отношениях нашей страны, либо в связи с застарелыми или новыми международными конфликтами, кризисами и «горячими точками».

А.М. Белоногов родился в Москве 15 мая 1931 г. в семье служащих. Судя по тому, что среднюю школу он окончил с золотой медалью, а международно-правовой факультет МГИМО с красным дипломом, сдав все сессии, кроме одной, на одни пятерки, у него от природы

были хорошие способности. Как пишет Александр Михайлович в своей автобиографической книге «Мой путь», его дальнейшая жизнь могла бы сложиться совсем иначе. Дело в том, что кафедра международного права МГИМО, которой тогда руководили корифеи этой отрасли права профессора С.Б. Крылов и В.Н. Дурденевский, рекомендовала А.М. Белоногова к себе в аспирантуру, а Комиссия по распределению выпускников эту рекомендацию утвердила. Но когда неожиданно возникла вакансия в Договорно-правовом

Подцероб Алексей Борисович – к.и.н., ведущий научный сотрудник Центра арабских и исламских исследований Института востоковедения РАН, Чрезвычайный и Полномочный Посол в отставке.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

■ Золотой фонд МГИМО

отделе МИД СССР, где эти профессора работали экспертами-консультантами, они же перерешили его судьбу. С их подачи вместо аспирантуры он был принят на работу в ДПО. Там в августе 1954 г. и началась дипломатическая стезя Александра Михайловича. В упомянутой книге он тепло вспоминает МГИМО, давший ему хорошую общегуманитарную, языковую и юридическую подготовку.

За пять лет работы в ДПО начинающий дипломат получил нужные практические навыки и первый международный опыт, участвуя в сессиях Комиссии ООН по правам человека, Генассамблее ООН и в переговорах. Потом к этому добавились три года юридической работы в Отделе международных экономических организаций МИД. Следующей стадией формирования А.М. Белоногова как дипломата стала его почти пятилетняя работа в Посольстве СССР в Лондоне, где он приобрел весьма разносторонний опыт, занимаясь вопросами внутренней и внешней политики Великобритании, а также как пресс-секретарь посольства.

Но, как он сам считает, настоящей академией для него с 1967 г. стала работа в тогдашнем мозговом центре МИДа – Управлении по планированию внешнеполитических мероприятий. Многопрофильность этого подразделения (своего рода МИД в миниатюре) и исключительно сильный состав сотрудников открывали широкие возможности для профессионального совершенствования, чем А.М. Белоногов воспользовался в полной мере. В УПВМ ему как советнику Отдела стран Америки было поручено заниматься США. Это новое для себя направление Александр Михайлович постарался освоить основательно, в том числе защитил в МГИМО кандидатскую диссертацию, взяв в качестве темы взаимодействие президента США и Конгресса в процессе принятия на себя Соединенными Штатами международных обязательств.

Поскольку внешняя политика США носит глобальный характер и американский аспект есть во многих международных проблемах, он был задействован в подготовке самых разных документов УПВМ и быстро стал одним из ведущих сотрудников Управления. Это нашло отражение и в служебном росте: в 1970 г. А.М. Белоногова назначают старшим советником, а в 1973 г. – главным советником УПВМ (в МИДе эти должности тогда котиrowались очень высоко). Он принимал активное участие в подготовке всех советско-американских саммитов 1970-х гг. и, в частности, был автором подписанного на первом из них генеральным секретарем ЦК КПСС Л.И. Брежневым и президентом Р. Никсоном документа «Основы взаимоотношений между Союзом Советских Социалистических Республик и Соединенными Штатами Америки». В этот же период Александр Михайлович опубликовал ряд научных работ в области американистики.

Следующими ступенями служебного роста стали назначения его сначала заведующим От-

делом стран Ближнего Востока и Африки УПВМ, потом Отдела стран Америки, а в январе 1980 г. А.М. Белоногова поставили во главе уже всего Управления, сохранив за ним руководство американским отделом. В УПВМ он приобрел богатый опыт подготовки оценочно-аналитических и предложенческих записок МИД в ЦК КПСС по самым разным вопросам внешней политики СССР. Но было много и другого:

- участие А.М. Белоногова в международных переговорах и конференциях;
- проведение им политических консультаций с МИДаами иностранных государств;
- работа в группах по подготовке выступлений Л.И. Брежнева и Отчетного доклада ЦК XXVI съезду партии;
- руководство рабочей группой при Политбюро ЦК КПСС по Польше в связи с развивавшемся в ней политическим кризисом;
- участие в подготовке выступлений министра иностранных дел СССР А.А. Громыко;
- руководство мидовскими научно-практическими конференциями и т.д.

Его работа в УПВМ была отмечена присвоением высшего в дипслужбе ранга – Чрезвычайного и Полномочного Посла, а также награждением орденами и медалями. В общем, это был очень интересный и плодотворный период, но, как считает сам Александр Михайлович, слишком затянувшийся (17 лет): ему давно хотелось сменить штабную работу на самостоятельную за рубежом. В 1984 г. желание исполнилось – он был назначен послом в Египет. Предстоявшая миссия А.М. Белоногова была заведомо трудной. Объявление президентом Анваром Садатом в 1981 г. предыдущего посла СССР персоной нон грата лишь завершило демонтаж им масштабных дружественных советско-египетских отношений, какими они сложились при президенте Гамале Абдель Насере.

Преемник А. Садата президент Хосни Мубарак долго выжидал, прежде чем решился на обмен с Москвой послами. Было известно, что США и просадатовские силы в самом Египте всячески противились этому шагу. Москве, понятно, хотелось полной нормализации отношений с Египтом, но и «приплачивать» Каиру за согласие обменяться послами она не собиралась. Тем более что в АРЕ пока сохраняли силу все другие дискриминирующие нас меры. Александру Михайловичу как раз и предстояло добиваться их отмены.

Как показал ход событий, он правильно разобрался в личности Х. Мубарака, его политическом кредо, стратегии и тактике на советском направлении и возможностях, которые это открывало перед нами. А.М. Белоногов считал неизбежным возвращение Египта в арабские ряды, из которых он был исключен при А. Садате, и советовал Москве, как минимум, этому не мешать, видя в этом, в частности, путь к ослаблению зависимости Египта от США. Он также советовал возобновить военное сотрудничество с Египтом, особенно поставки запчастей, с тем чтобы не создавать

дополнительного стимула к замене имевшегося там советского оружия на американское. Александр Михайлович рекомендовал рассматривать Х. Мубарака как одного из наиболее перспективных партнеров СССР в арабском мире.

Он сумел наладить хорошие личные отношения с Х. Мубараком, имел с ним частые встречи, в которых не обходилось и без споров, но которые позволяли им совместно вести дело к урегулированию разногласий и поэтапной расчистке завалов, доставшихся в наследство от эпохи А. Садата. В этой работе А.М. Белоногову помогали и его регулярные контакты с другими членами египетского руководства, особенно с помощником президента Усамой аль-Базой. В результате за неполные два года не осталось и следа от прежней политической изоляции, в которую до этого было поставлено наше посольство, а сами отношения с Египтом вновь были переведены на нужные рельсы, по которым и продолжилось их успешное движение в течение следующих десятилетий.

Работа у А.М. Белоногова в Каире шла хорошо, но руководство, видимо, решило, что главное там уже сделано, и в 1986 г. направило его в Нью-Йорк постоянным представителем СССР при ООН и в Совете Безопасности. В дипслужбе это один из самых престижных, ответственных, но и сложных зарубежных постов – сложных в силу чрезвычайного многообразия и подчас остроты и срочности обсуждаемых в ООН вопросов и особой публичности самой должности постпреда, предполагающей его частые выступления в СБ, на сессиях Генассамблеи и других органов ООН, пресс-конференции и иное общение с журналистами, выступления в различных американских аудиториях и т.д. Постпреду все время приходится держать палец на пульсе международных событий и, если требуется, оперативно реагировать. Думается, к этой работе Александр Михайлович был хорошо подготовлен всей своей предшествовавшей деятельностью. Он быстро встроился в многостороннюю ооновскую дипломатию, установил нужные связи, в том числе с Генеральным секретарем ООН Х.Пересом де Куэльярм.

Это было время серьезного переосмысления Москвой своего отношения к ООН. Видная роль в этом процессе принадлежала Постпредству СССР при ООН, и лично А.М. Белоногову. Констатируя, что реальная политика государств все чаще обходила стороной штаб-квартиру ООН и что терялась вера в ООН как институт, где может твориться необходимая миру политика, он так описывает свои мысли на пути в Нью-Йорк: «Напрашивался вывод: конфронтация подкашивает ООН. Если мы хотим от ООН пользы, надо возрождать и укреплять ее авторитет. А поскольку не приходилось ожидать, что этим озаботятся США и их союзники (это было время Рональда Рейгана), надо самим существенно менять манеру поведения в ООН: не упражняться в пропаганде и демагогии, не стараться почувствительнее уколоть оппонента и во что бы то ни стало его переиграть. Значит, упор надо делать на всемер-

ную готовность к сотрудничеству, к поискам разумных компромиссов, самим предлагать их варианты, словом, демонстрировать и новый подход к самой ООН, и к ее возможностям, и новый стиль поведения».

Говоря обобщенно, время диктовало тогда две взаимосвязанные задачи. Во-первых, изменить политический климат в самой ООН, по возможности освободив ее от бесконечных словесных противоборств по линиям Восток–Запад и Север–Юг, что держало ООН в состоянии полупаралича, и поставив в центр усилий делегаций спокойный деловой поиск решений там, где они проглядывались. Во-вторых, постараться максимально использовать прерогативы и возможности ООН для ликвидации бушевавших в разных концах планеты военных пожаров, которые не только накаляли общую международную обстановку, но и вытягивали из нашей буксовавшей экономики значительные ресурсы. Тут дело было за Советом Безопасности, но и в нем противоборства по тем же линиям (особенно между постоянными членами СБ) лишали его действенности.

Несмотря, казалось бы, на крайне неблагоприятные условия, ситуацию в ООН удалось переломить, хотя и не сразу. «Разумеется, – пишет А.М.Белоногов в своей книге об ООН, – политический климат зависел не только от СССР и соцстран, но и от наших традиционных оппонентов. Но как нужны двое, чтобы станцевать танго, так и для словесных дуэлей нужны, как минимум, два дуэлянта, а когда один (СССР и соцстраны) изменил манеру поведения, то и второму волей-неволей в конце концов пришлось перестраиваться. Дольше всех в ООН за холодную войну держались США, но даже Рональд Рейган в конце своего президентства стал менять позицию*». Показателем происшедших изменений явились не только перемены к лучшему в самой атмосфере сессий Генассамблеи, но и то, что примерно две трети ее резолюций стали приниматься без голосования, то есть со всеобщего согласия. Тем самым сессии Ассамблеи стали лучше помогать формированию в мировом сообществе единых оценок и ориентиров. Важно и то, что именно в эти годы ООН стала разворачиваться лицом к таким значимым и актуальным темам, как экология, международный терроризм, наемничество, организованная преступность. От Генассамблеи стало больше полезной отдачи и по многим другим вопросам.

Самой насущной и острой для нас проблемой была афганская. Представительство СССР при ООН ею тогда занималось постоянно и плотно, с главным прицелом сначала на достижение при посредничестве Генсекретаря ООН Женевских соглашений по Афганистану, а потом на их реализацию. Женевские соглашения создали условия для достойного и спокойного завершения миссии в Афганистане советского военного контингента. Но после его вывода Вашингтон, сделав ставку на талибов, отошел от выполнения остальных условий Женевских соглашений, открывавших путь к прекращению гражданской войны, что,

как показали события, было для США стратегической и дорого обошедшейся им и афганскому народу ошибкой.

Ища пути активизации Совета Безопасности, работа которого особенно страдала от раздора между его постоянными членами, А.М. Белоногов очень удачно инициировал в 1986 г. начало сугубо неформальных совместных встреч постпредов «пятерки» вне стен ООН для «обзора горизонтов». И дело постепенно пошло. В конечном счете такие встречи превратились в механизм подготовки наиболее важных решений СБ. Именно в рамках этого механизма были найдены решения Совета, с помощью которых было погашено пламя наиболее опасных военных конфликтов:

- сначала удалось прекратить кровопролитную восьмилетнюю войну между Ираком и Ираном;

- затем путем проведения сложной миротворческой операции ООН освободить от юаровской оккупации Намибию, сделав ее независимым государством и обезопасив тем самым от военных вылазок ЮАР так называемые прифронтовые государства африканского юга;

- потом «пятерка» сосредоточилась на нормализации обстановки в Центральной Америке, где шла война между сандинистским правительством Никарагуа и так называемыми «контрас». СБ инициировал проведение там миротворческих операций ООН, в результате которых «контрас» были разоружены, а в Никарагуа состоялись под контролем ООН парламентские выборы. Так был ликвидирован еще один очаг напряженности;

- и наконец с помощью «пятерки» и некоторых других форм переговорного процесса была начата подготовка масштабной миротворческой операции ООН в Камбодже, где свергнутые полпотовцы вели при поддержке извне войну против демократического правительства страны и вооруженных сил Вьетнама.

Разумеется, во всех перечисленных случаях соответствующие резолюции принимались всем составом Совета Безопасности после согласования их проектов с непостоянными членами СБ, но успех каждого такого начинания определялся именно совместной работой членов «пятерки». В истории ООН еще не было такого периода, когда бы за короткий срок было погашено столько «горячих точек». Сказанное не значит, что в Совете Безопасности воцарились тогда лад и покой. Было много и острых схваток по тому же Афганистану или арабо-израильскому конфликту. Но искусство дипломатии состоит, в частности, в том, чтобы не оказываться припертым к стене. А.М. Белоногов, например, за 4 года ни разу не воспользовался правом вето, а делегация США прибегала к нему в этот же период 22 раза.

Это говорит о том, что США по многим вопросам не могли найти общего языка со странами Движения неприсоединения, составлявшими в ООН подавляющее большинство. Чему мы, напротив, уделяли очень большое внимание и с кем, как правило, выступали с единых или

очень близких позиций. Итоги происшедшей в Организации Объединенных Наций трансформации были весьма значительны. В ней были начаты внутренние реформы, была снята угроза острого финансового кризиса Организации, возникшего из-за хронических недоплат государствами своих членских взносов, введена новая система принятия бюджета ООН, нацеленная на экономию средств.

По ходу дела нам самим пришлось внести ряд существенных корректив в свои позиции. Одно из самых важных изменений произошло в нашем отношении к миротворческим операциям ООН, которое до этого носило довольно непоследовательный и в основном негативный характер. Получая 9 января 1989 г. Нобелевскую премию мира, присужденную ооновским миротворческим операциям, Х. Перес де Куэльяр отметил: «Особенно ободряет изменение советского подхода. Новые советские предложения, как относительно будущего развития операций по поддержанию мира, так и более широкого использования таких операций, указывают, что устранено одно из основных препятствий прогрессу»*.

А в марте 1990 г. А.М. Белоногов как координатор «пятерки» передал Х. Пересу де Куэльяру от ее имени подробный меморандум, где были изложены коллективные соображения постоянных членов СБ по большому кругу вопросов, связанных с операциями ООН по поддержанию мира. Он работал в ООН увлеченно и результативно. Вместе с тем весной 1990 г. в его дипломатической судьбе произошел новый поворот. «Ваша работа в Нью-Йорке, – писал ему Э.А. Шеварднадзе, – получила самую высокую оценку. Признано целесообразным внести предложение о назначении Вас заместителем министра иностранных дел СССР. Мы придаем большое значение Вашему участию в работе руководства министерства на данном ответственном этапе во внешней политике нашей страны»*.

Так у А.М. Белоногова завершился очень важный этап его дипломатической карьеры и начался новый. В МИДе ему было поручено заниматься странами Ближнего Востока, Среднего Востока и всей Африки (всего порядка 70 государств). Этот обширный и сложный регион заведомо не обещал спокойной жизни. Ее и не получилось: к афганской проблеме, арабо-израильскому противостоянию и другим остававшимся конфликтам неожиданно добавился в августе 1990 г. новый серьезнейший международный кризис – захват Ираком Кувейта. Александр Михайлович, с первых же часов оказавшийся в самой гуще событий, с начала и до конца кризиса (а он длился многие месяцы) был плотно вовлечен во все связанные с ним политические перипетии.

Москва сделала максимум, чтобы уговорить президента Саддама Хусейна вывести войска из Кувейта. Важно также, что все предпринимаемые мировым сообществом меры для освобождения Кувейта, а потом для контроля над капитулировавшим Ираком делались не иначе

как во исполнение соответствующих решений СБ. В своей книге «МИД. Кремль. Кувейтский кризис» А.М.Белоногов обстоятельно рассказал о событиях тех дней, в том числе своих контактах с иракскими деятелями, о беседах с президентами Сирии, Египта, Йемена, ОАЭ, королем Саудовской Аравии, руководителями Катара и Бахрейна, о поездках в Анкару и Тегеран и прочей своей деятельности в связи с кризисом. Кстати сказать, в этой книге Александр Михайлович предупреждал: «Страсти, связанные с кувейтским кризисом, до сих пор в регионе не улеглись. Угли еще тлеют, и, если не доглядеть, пожар того или иного масштаба может вспыхнуть вновь»*. Он позже и вспыхнул, когда США при президенте Дж. Буше-младшем в обход Совета Безопасности ООН двинули свои войска на Багдад, надолго превратив Ирак в кровотокающую рану.

По завершении в 1991 г. кувейтского кризиса фокус внимания А.М. Белоногова сместился на организацию Международной конференции по ближневосточному урегулированию. Этому предшествовала нормализация отношений СССР с Израилем, что тоже было его частью работы. На Мадридской конференции по БВУ (октябрь–ноябрь 1991 г.), проходившей под советско-американской эгидой, Александр Михайлович был заместителем главы делегации СССР. Он же был одним из организаторов созданного во исполнение принятых в Мадриде решений арабо-израильского диалога в Вашингтоне (декабрь 1991 г.) и Московской организационной встречи по многосторонним переговорам по БВУ в январе 1992 г.

После распада СССР А.М.Белоногов был направлен Послом РФ в Канаду. Шестилетний период работы в Канаде стал завершающим этапом в его дипломатической карьере. Это были годы большой активности в отношениях между Москвой и Оттавой, что в определенной мере определялось спецификой сложившейся тогда для России ситуации, когда страна остро нуждалась в поддержке извне. Посольству тогда пришлось немало над этим потрудиться, а также над проведением под российско-канадские отношения новой договорной базы, созданием новых механизмов межгосударственного сотрудничества и новых форм делового взаимодействия между субъектами двух федераций и между частными предпринимателями двух стран. За эти годы президент Б.Н. Ельцин 4 раза побывал в Канаде, состоялись визиты туда председателя Правительства В.С. Черномырдина, Е.М. Примакова, многих других министров, губернаторов, парламентариев и бизнесменов. Неоднократно посещали Россию и канадские премьер-министры, министры и другие деятели. Руководители обеих стран не раз выражали свое удовлетворение тем, как активно

и широко в те годы происходило развитие российско-канадских отношений. Канада была тогда одним из наших основных западных партнеров.

И в заключение пара примеров, чтобы показать личные качества А.М. Белоногова. Когда в 1986 г. в Каире произошло восстание Сил центральной безопасности, он отправил домой всех дипломатов, не занятых в оперативной работе, а сам остался в посольстве. Когда мы с советником-посланником М.С.Цвигуном явились к нему и заявили, что не оставим его одного в посольстве, он, будучи сдержанным человеком, на этот раз взорвался и направил нас прямо домой. И еще один эпизод. Один из дипломатов Постпредства допустил ошибку во время подготовки визита Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева. Прибывшие из Москвы сотрудники «девятки» потребовали его высылки, но Александр Михайлович отказался это сделать.

В общей сложности на дипломатической службе А.М. Белоногов находился 44 года. Его вклад в нашу внешнюю политику достоин уважения. С осени 1998 г. он – посол в отставке. МИД попрощался с ним почетной грамотой за, как в ней сказано, «многолетнюю плодотворную дипломатическую деятельность и образцовое выполнение профессионального долга». Вручал грамоту на заседании коллегии МИД министр Е.М. Примаков. Александр Михайлович сохраняет живой интерес к тому, что происходит на мировой арене, является членом Российского совета по международным делам и совета Ассоциации российских дипломатов, участвует в конференциях, симпозиумах и круглых столах, выступает в СМИ, пишет книги.

Книги А.М.Белоногова

Белый дом и Капитолий – партнеры и соперники. М., 1974.

СССР–США: перестройка отношений. М., 1977 (совместно с В.Ф. Петровским под псевдонимами Ал.Белов, Вл.Петров).

МИД. Кремль. Кувейтский кризис. Замминистра иностранных дел СССР рассказывает. М., 2001.

Посол в стране пирамид. Из воспоминаний дипломата. М., 2008.

(на арабском языке. Каир, 2009).

На дипломатической авансцене. Записки Постоянного представителя СССР при ООН. М., 2009 г.

Миссия в Канаду. М., 2011.

Мой путь. Записки Посла СССР и России. т. 1,2. М., 2011.

Podtserob A.B. A.M. Belonogov – "one of our outstanding diplomats".

Востоковед Владимир Иванович Горюнов

Е.Л. Гладкова

В жизни каждого студента бывают преподаватели, встреча с которыми запоминается навсегда. Именно таким был Владимир Иванович Горюнов. Один из старейших преподавателей кафедры индийских, а впоследствии индоиранских и африканских языков, востоковед-индолог, ученый и практик, Владимир Иванович входит в плеяду тех талантливых и видных специалистов-индологов, которые привнесли в МГИМО лучшие традиции отечественного востоковедения.

Владимир Иванович родился в 1929 г. В 1952 г. окончил Московский институт востоковедения. Работал над изданием словарей по языку хинди, был автором многих важных работ по этому языку. Работал на строительстве завода в далекой Индии. В 1961 г. В.И. Горюнов пришел на работу в МГИМО, где прошел путь от преподавателя до профессора. В 1971 г. защитил диссертацию и стал кандидатом филологических наук. За укрепление индийско-советской дружбы стал лауреатом Международной премии им. Дж. Неру.

Владимир Иванович был не только прекрасным преподавателем, но и блестящим переводчиком, экспертом языка хинди мирового уровня. Его знания позволяли ему работать переводчиком с первыми лицами государства, участвовать во многих международных семинарах. Свои знания он использовал и в работе кафедры над словарями, учебниками и пособиями по языку хинди. Так, в 1969 г. вышел первый учебник языка хинди (авторский коллектив – профессора З.М. Дымшиц, О.Г. Ульциферов и В.И. Горюнов), который был удостоен премии имени Дж. Неру за укрепление индо-советской дружбы. Много лет Владимир Иванович работал в деканате по работе с иностранными студентами. В течение нескольких лет возглавлял это подразделение МГИМО.

Без тени сомнения можно сказать, что Владимир Иванович был одним из тех педагогов, которые прилагают все усилия не только для того, чтобы заинтересовать студентов изучением языка, истории и политики, но и привить любовь к культуре и искусству стран изучаемых языков. Профессор В.И. Горюнов пользовался заслуженным уважением и любовью студентов, многие из которых воспринимали его не просто как преподавателя, но как Учителя с большой буквы.

Хотелось бы особо сказать о человеческих качествах Владимира Ивановича. Это был человек удивительного трудолюбия, порядочно-

Гладкова Елена Львовна – к.филол.н., доцент, зав. кафедрой индоиранских и африканских языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

сти, оптимизма. Его чувство юмора создавало незабываемую атмосферу на кафедре. Опытный преподаватель, грамотный лингвист, Владимир Иванович был не просто коллегой, но и мудрым наставником для молодых преподавателей. При этом в нем никогда не чувствовалось высокомерия или снисходительности по отношению к начинающим педагогам, в его поведении не было нарочитой «поучительности» или назидательности. Он просто своим примером показывал, как надо относиться к институту, к работе, к студентам, вообще к жизни.

Преданность своему делу, беззаветное служение науке, отеческое отношение к ученикам – это те качества, которые передавал профессор В.И. Горюнов молодым коллегам. Владимир Иванович всегда был отзывчив, готов прийти на помощь, подсказать, посоветовать, искренне переживал за чужие неудачи и ошибки. Довольно часто он просто рассказывал об интересных случаях из своей многолетней переводческой и преподавательской практики, и это был лучший способ передать профессиональный опыт. При этом все это он делал с неизменным чувством юмора и оптимизма. Поистине оригинальны были его советы, когда он делился «маленькими преподавательскими хитростями». Чего стоит только его идея учить числительные со студентами с помощью игры в лото! Этот метод так и прижился на кафедре, и не только среди преподавателей-хиндистов.

Студенты разных поколений, учившиеся у Владимира Ивановича, сколько бы лет ни прошло с момента окончания института, всегда с особым чувством благодарности, теплоты и уважения вспоминали своего педагога. Навсегда запомнилась его яркая, неповторимая манера ведения занятий, сочетавшая высочайшую требовательность к ученикам и в то же время уважительное, доброе и ироническое отношение к ним. На встречах с Владимиром Ивановичем студенты получали невероятный заряд бодрости, а его шутками и поговорками бывшие студенты пользуются до сих пор – настолько остры, умны и практичны они были. Это был его стиль. Не только в общении со студентами, а вообще в жизни. Владимира Ивановича, несмотря на всю его напускную суровость, всегда искренно любили и уважали.

Есть еще одна запоминающаяся особенность профессора В.И. Горюнова. На занятиях хинди он с большим вниманием подходил к переводам на русский язык. Перевести текст, что называется, «тяп-ляп», лишь бы был понятен смысл, с плохо подобранным словом или фразой на русском языке, – подобная «халтура» студентам с рук не сходила. И за некачественный перевод на родной язык можно было уйти с плохой оценкой за весь экзамен.

Владимир Иванович был поистине уникальным педагогом. Его самобытная манера преподавания запомнилась многим. Он был одним из тех, кого выпускники помнят всю

жизнь. Примечательно, что о нем говорят не только с уважением и благодарностью, но и любовью выпускники разных поколений. А.М. Кадакин, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Индии, выпускник МГИМО 1972 г.: «Владимир Иванович был мудрым Учителем, самым строгим, но самым любимым преподавателем, к встрече с которым мы готовились с трепетом в душе и дрожью в коленках, но от того прочнее становились наши знания. Человек прекрасной эрудиции и искрометного юмора, за грозным взглядом серьезных глаз и сдвинутыми бровями которого внимательный ученик всегда видел широту его души, безмерную любовь и уважение к людям, отеческое и дружеское отношение к нам, как он иногда называл студентов, – «хиндолухам». Владимир Иванович передавал нам весь свой бесценный опыт и бесконечную любовь к Индии».

С.В. Величкин, Чрезвычайный и Полномочный Посол России в Непале, выпускник МГИМО 1971 г.: «Как урдист, я «технически» не принадлежу к плеяде тех, кто учился у Владимира Ивановича. Однако в далекие 1960-е мы, студенты-индологи, как-то воспринимали друг друга как часть единой семьи, своих гуру – как общих, равно почитаемых наставников. Владимир Иванович со свойственной ему участливой интеллигентностью, склонностью к неспешным, но метким и западающим в память обобщениям, занимал особое место рядом с Евгением Петровичем Чельшевым, Семеном Моисеевичем Дымшицом и Олегом Георгиевичем Ульцифоровым на этом олимпе. Ему не один из нас обязан началом выработки чувства достоинства и неразрывно с ним связанной должной требовательности к себе».

А.А. Новиков, Генеральный консул России в Мумбаи, выпускник МГИМО 1987 г.: «Владимир Иванович – замечательный человек, учитель и наставник, сыгравший важную роль в становлении целого поколения российских дипломатов, ныне работающих на южноазиатском направлении. Владимир Иванович прожил большую и яркую творческую жизнь, получил широкую известность как ученый и исследователь с поистине энциклопедическими знаниями. Требовательный в учебе, но добрый в жизни, он пользовался незыблемым авторитетом в студенческой среде. Его научные труды и по сей день являются основой современной индологии. Владимир Иванович завоевал любовь и уважение всех, кто его знал».

Семенова Е.А., выпускница МГИМО 2007 г., второй секретарь МИД России: «К сожалению, Владимир Иванович Горюнов преподавал в нашей группе совсем немного – около полутора лет, уже на старших курсах. Но еще задолго до наших занятий мы были наслышаны о нем от наших старших товарищей, ведь его преподавательский стиль, юмор и доброе отношение к студентам давно стали легендарными. Занятия с Владимиром Ивановичем зачастую стояли пер-

■ Золотой фонд МГИМО

вой парой, поэтому волей-неволей опоздания случались. А опаздывать было страшно, так как провинившийся, к восторгу остальной группы, выслушивал язвительнейшие комментарии. И все равно, к нему лучше было опоздать, чем пропустить урок. Знаю, что многие поколения студентов вели тетрадки, в которые записывали высказывания и эпитеты, которые щедро и с неистощимой придумкой раздавал Владимир Иванович. Помню, однажды под удар попала и я. В мой адрес раздалось: «Пирожок без начинки». А знаменитое «хиндолухи»! Наверно, так собирательно можно назвать всех студентов, прошедших школу Владимира Ивановича.

Хотелось бы сказать еще об одном качестве Владимира Ивановича – каким прекрасным мужем и отцом он был. Он принадлежал к той категории мужчин, которых отличают такие качества, как надежность, умение принимать решение, брать на себя ответственность за своих родных. Это был человек с очень сильным внутренним стержнем, человек, который не боялся жизненных трудностей.

Наш коллега и Учитель Владимир Иванович навсегда вписал свое имя в славную историю отечественной индологии.

Научные и учебные труды В.И. Горюнова

– Русско-хинди словарь. И.С. Рабинович, М.Г. Грызунова, Н.И.Добрякова/ Под общ. ре-

дакцией В.М. Бескровного. М., 1957.

– Учебник языка хинди (ч.1). З.М. Дымшиц, О.Г.Ульциферов. М., 1980.

– Учебник языка хинди (ч.2). З.М.Дымшиц, О.Г.Ульциферов. М., 1980.

– Учебник языка хинди (ч.2). З.М.Дымшиц, О.Г.Ульциферов. М., 1983.

– Учебное пособие по двустороннему переводу для V–VI курсов: (Яз. хинди) / В. И. Горюнов. Под ред. З.М. Дымшица. М.: МГИМО, 1987.

– Условный союз «джо» в современном языке хинди. М.: МГИМО, 1992. (Деп. в ИНИОН).

– Классификация сложных предложений с придаточным приместоименным вводным союзным словом «джо» и интерфикация преподавания языка хинди. М.: МГИМО, 1992. (Деп. в ИНИОН).

– Учебник языка хинди. 3-е изд., испр. и доп. М.: Муравей. 1999. 688 с. - Совм. с З.М. Дымшицем и О.Г. Ульциферовым.

– Учебное пособие по политическому переводу для старший курсов. М., 2000. Дискета. - Совм. с А.А. Сигорским.

– Индия: пособие по лингвокультурологии. М., 2002.

Gladkova E.I. Orientalist Vladimir Ivanovich Goryunov.

Дарившая счастье Марина Львовна Рытова, почетный профессор МГИМО(У)

И.О.Толстикова

*«Все, что мной делалось для греков, – это
от огромной любви к этому народу.
...В прошлой своей жизни я была гречанкой»*
М.Л.Рытова

Предметом истинной гордости МГИМО является его лингвистическая школа. Одним из основополагающих принципов, заложенных в основу подготовки кадров для советской внешней политики, было хорошее знание языка страны пребывания. Поэтому в МИД всегда уделялось огромное внимание изучению иностранных языков, не только используемых повсеместно в мире и широко преподаваемых в школах и вузах (английского, французского, немецкого, испанского), но и редких, малораспространенных.

Действительно, знание языков малых стран, малочисленных народов и племен открывало для советских дипломатов совершенно иные возможности в их работе как с источниками информации, так и с представителями политических, общественных и торговых кругов этих стран. Ведь сам факт владения дипломатом столь крупной державы таким «редким» языком воспринимался как жест доброй воли и акт уважения. Поэтому в 50–60-х гг. XX в. была проведена колоссальная работа по подбору специалистов, хорошо владеющих этими «редкими» языками, для укомплектования преподавательского состава МГИМО – основной в то время кузницы кадров для Министерства иностранных дел и Министерства внешней торговли. Именно тогда, в 1960 г., Марина Львовна Рытова получила приглашение преподавать греческий язык в МГИМО. Не сразу, а после мучительных раздумий, она приняла решение согласиться...

Марина Львовна Рытова родилась 26 декабря 1924 г. в Москве. Семья была довольно большая: кроме нее, в семье было еще три дочери. Маленькая Марина всегда во всем помогала родителям, но уже с ранних лет мечтала стать

Толстикова Ирина Олеговна – к.филол.н., доцент кафедры скандинавских, финского и греческого языков МГИМО(У) МИД России. E-mail: vestnik@mgimo.ru

актрисой: обожала петь, танцевать, читать стихи. Когда началась Великая Отечественная война и отец ушел воевать, ей было 16 лет. Несмотря на многочисленные попытки уйти на фронт добровольцем, ее на войну не взяли. Вот что вспоминала об этом времени сама Марина Львовна в интервью корреспонденту газеты «Вестник Кипра» М. Николайчевой: «Я была настолько маленькая, худая да еще близорукая, что военком, увидя меня, сказал: «Ну куда тебе... Мы из детского сада не берем». Поэтому сначала я работала военным почтальоном, возила в старом разбитом «газике» из подмосковного Черкизова на Можайское направление почту. Тушили с товарищами зажигалки, помогали старикам при бомбежке, копали окопы. Вскоре я была оглушена взрывом бомбы, контужена и отправлена в эвакуацию в Ташкент. Когда здоровье восстановилось, я узнала о наборе в Театр Революции. Я отправилась туда и прошла конкурс! Написала об этом отцу на фронт и получила ответ: «Скоморохом в наше время быть – предательство». На этом закончилась моя актерская карьера. Там же, в Ташкенте, я поступила в эвакуированный Ленинградский университет на истфак. Меня, отличницу, официально мобилизовали лишь в 1944 году, и я работала переводчицей в разведывательных частях. После окончания войны была награждена медалью «За победу над Германией». Вернувшись на истфак, чуть позже я была отобрана специальной комиссией для учебы в Военном институте иностранных языков».

Когда курсантам распределяли языки, председатель комиссии, посмотрев на Марину Львовну, сказал, что она будет учить греческий. Каково же было ее удивление! Никакой тяги к греческому языку у нее отродясь не было, она о нем и знать не знала. Попробовала возразить, отметив, что совсем не похожа на гречанку (светловолосая, с серо-зелеными глазами), она с досады просто расплакалась. На что генерал отрезал: «Плохо вы знаете историю и мифологию, древние греки именно такими и были: светловолосыми, голубоглазыми и очень красивыми». Как рассказывала Марина Львовна, любовь к греческому языку пришла к ней со временем, а приехав впервые в Грецию, она абсолютно поверила в реинкарнацию душ. До того ей пришлось побывать во многих странах Европы и в Америке, но нигде она не чувствовала себя так комфортно, всегда стремилась поскорее вернуться домой. Но в Греции у нее создалось впечатление, что она уже здесь как будто бывала, что все ей здесь знакомо и что ее все знают – полное ощущение дежавю. Впервые тогда уезжала она из чужой страны чуть ли не со слезами на глазах.

Окончив Военный институт иностранных языков (ныне – Военный университет Министерства обороны РФ) в 1949 г., Марина Львовна была направлена переводчиком в часть особого назначения. После демобилизации в 1954 г. работала в международном отделе Выставки

достижений народного хозяйства СССР – знаменитой ВДНХ сначала переводчиком английского и греческого языков, а затем заместителем начальника отдела. В то время ВДНХ была предметом гордости нашего государства. В ее павильонах очень доходчиво, в общедоступной форме рассказывалось о самых современных достижениях Страны Советов в различных отраслях экономики, науки, общественной и политической жизни, и поэтому в программу пребывания в Москве всех высокопоставленных иностранных делегаций обязательно включали посещение выставки. Немудрено, что в ее международном отделе был собран прекрасный коллектив переводчиков со знанием различных языков, который часто привлекался к работе с делегациями самого высокого уровня по линии международного отдела ЦК КПСС и различных государственных органов. В то время Марине Львовне довелось работать в качестве переводчика с успешным американским кукурузоводом Рокуэллом Гарстом, который впервые посетил нашу страну в 1955 г. в составе делегации фермеров США. Узнав о достижениях Гарста, Первый секретарь ЦК КПСС, Председатель Совета министров СССР Никита Сергеевич Хрущев очень заинтересовался американцем, так как сам был одержим желанием выращивать кукурузу во всех регионах Советского Союза. Он лично принял представительную делегацию из США. Так, работая переводчицей с фермерами из США, Марина Львовна впервые лично познакомилась и с советским руководителем, с которым проработала впоследствии целых шесть лет. Вот какую оценку Марина Львовна дала Н.С. Хрущеву в интервью газете «Вечерняя Москва», опубликованном под заголовком «Вот такая кузькина мать» (24.10.2000 г.), автор материала Лада Ермолинская: «Хрущева я вспоминаю с большой теплотой. Редкий был человек! Я даже преподавала английский его младшей дочери... Этот ступок сумасшедшей энергии иногда было очень тяжело переводить... Особенно когда речь заходила о кузькиной маме, а такое случалось достаточно часто. Однажды к нему пришел греческий посол, о котором было известно, что это фашиствующая личность. Я пошла переводить. И все шло вроде бы гладко, как вдруг посол говорит: «Господин премьер! Думаю, что вы понимаете: мы представляем собой юго-восточное крыло НАТО. И в случае возникновения военного конфликта на нашей территории могут разместить установки с зрядами. Неужели в таком случае вы направите свои ракеты на Акрополь?» А Хрущев ему отвечает: «Да вы только попробуйте, вашу мать! Мы вам такой Акрополь покажем...». И матом его. После того как беседа закончилась, посол мне и говорит: «По-моему, вы переводили сокращенно. Я слышал, речь шла о матери...».

«Так это вы и без меня поняли! Зачем же мне вам лишний раз об этом говорить?» Одним словом, Никита ему показал, почем фунт лиха!».

В тот период времени Марине Львовне довелось работать с Патриархом Московским и всея Руси Алексием I, огромным числом выдающихся политических и общественных деятелей. Вот интересный момент из воспоминаний Марины Львовны, связанный с работой на Московском фестивале молодежи и студентов в 1957 г.: «...это был первый период «оттепели», и впервые мы, советская молодежь, встретились с иностранцами. Встретились, и мы могли с ними говорить, танцевать, беседовать. ...Возникла уникальная атмосфера близости, дружбы. Все иностранные делегации, так получилось, перевели на свои языки песню «Подмосковные вечера». Все, кроме греческой – нашей, делегации! В ее составе были поэт Никифорос Вреттакос, композитор Микис Теодоракис. Я их призываю: «Ребята, давайте, чем мы хуже других!» Но, увы, безрезультатно. ...На следующий день я беру в экскурсионном автобусе микрофон и пою «Подмосковные вечера» на греческом! Все окидывают взглядами Теодоракиса и Вреттакоса, кого-то еще, но те не признают своего авторства – всем становится ясно, что авторство переложения этой популярной песни на греческий принадлежит мне».

В этом спонтанно сделанном Мариной Львовной переводе эта столь популярная русская песня затем неоднократно звучала на греческом в исполнении делегаций из Греции и Кипра на различных международных мероприятиях:

*Δεν ακούεται ούτε θόρυβος
Νουχία παντού ως τις αυγές
Αν το ήξερες, πόσο είναι μονακριβές
Μοσχολίτικες βραδιές ...*

Много приходилось работать как в стране, так и за рубежом, часто ездить в командировки. Такая загруженность по работе и постоянные отлучки из дома не могли понравиться ее горячо любимому супругу Григорию Борисовичу, и он взбунтовался. Ему с дочуркой Инной хотелось, чтобы Марина-жена и Марина-мама больше времени проводила с ними. Это и было решающим аргументом для принятия ею серьезного решения сменить жизненный ритм и попробовать себя в качестве преподавателя...

Так была открыта еще одна страница в жизни Марины Львовны, связанная с совершенно новой для нее деятельностью. Началась кропотливая работа по разработке методики преподавания греческого языка с учетом специфики политического вуза и богатого переводческого опыта. Дело в том, что тогда не было никаких учебников, учебных пособий по греческому языку, и необходимо было их создать. Учебником и словарем для нас, студентов, была сама Марина Львовна. Мы жадно ловили каждое ее слово в аудитории, старательно списывали объясненный материал с классной доски в свои тетради. Каждый ее искрометный урок был просто произведением искусства, огромным счастьем общения. Созданная М.Л. Рытовой методика получила свое материальное воплощение в «Практическом курсе греческого языка», увидевшем свет в 1974 г., а затем неоднократно переиздававшемся как в России, так и за рубежом. Именно эта методика и легла в основу диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук, с блеском защищенной Мариной Львовной в 1976 г. Вот что говорила Марина Львовна в одном из интервью о своей работе над учебником: «Учебник стоил мне «большой крови». Впервые он был издан в 1974 г., а в 2004 г. вышло четвертое издание. Работая переводчиком, я запоминала те трудности, с которыми сталкивалась. И когда я писала учебник, мне хотелось, учитывая

■ Золотой фонд МГИМО

приобретенный опыт, предупредить будущих пользователей о возможных сложных ситуациях, смоделировать их и дать правильное разрешение с точки зрения переводчика. Когда я встречаю людей, кто знает мой учебник и доволен им, испытываю самую большую радость. Я старалась сделать так, чтобы там не было лишнего, ненужного. Греческий язык – невероятно трудный (впрочем, как и русский), поэтому принцип в изучении должен быть такой – от простого к более сложному».

За годы педагогической деятельности в МГИМО, пройдя путь от преподавателя до профессора (это звание было присвоено ей в 1989 г.), Марина Львовна воспитала множество питомцев с блестящим знанием новогреческого языка. Покинув университетские стены, они трудятся на различных поприщах. Среди них и государственные деятели, и видные дипломаты, и преуспевающие политики, и известные ученые, и исключительные переводчики, и талантливые преподаватели, и успешные бизнесмены. Причем это не только россияне, но и немцы, и болгары, и венгры, и поляки, и румыны, и чехи, и словаки, и украинцы, и молдаване, и албанцы. Все они с благодарностью вспоминают студенческие годы и свою дорогую «греческую маму».

Марина Львовна успешно сочетала свою преподавательскую деятельность с переводческой практикой, что позволяло ей постоянно совершенствовать язык и мастерство устного перевода, как последовательного, так и синхронного. В то время специалистов с греческим язы-

ком было очень мало, и Марина Львовна была востребована многими учреждениями, нуждавшимися в ее помощи и как преподавателя, и как переводчика – от Московской Патриархии и КГБ СССР до ЦК КПСС, ВЦСПС и Комитета советских женщин. В помощь себе она часто привлекала нас, своих студентов. Для нас это было прекрасной практикой, возможностью общаться на греческом с носителями языка и великолепной школой.

За долгие годы кому только не доводилось Марине Львовне переводить. Это и первые лица нашего государства, и главы Греции и Кипра, и видные политики, и известнейшие общественные деятели, и космонавты, и спортсмены, и лучшие представители мира искусства, и сильные мира сего – богатейшие люди планеты. «Я горжусь тем, что была личным переводчиком архиепископа Макариоса. Он ко мне очень тепло относился, я много раз с ним встречалась, бывала у него в гостях в Президентском дворце. Всегда поражалась его удивительной глубокой проницательности и необыкновенному чувству юмора. Конечно, мне приходилось работать и с Глафкосом Клиридисом, и с Васосом Лиссаридисом, Спиросом Киприану», – вспоминала Марина Львовна в своем интервью газете «Вестник Кипра».

Своим переводческими навыками и высокопрофессиональными приемами Марина Львовна щедро делилась со своими учениками, обучая их практике перевода. Она всегда говорила: «Ребята, когда переводите, никогда ничего не домысливайте. Если не поняли чего-нибудь, не врите. Лучше переспросить, чтобы понять, чем

придумывать отсебятину. Это табу! Так легко попасть в очень неловкое положение. Единажды солгав, можно навсегда потерять доверие». И приводила такой пример: «Мне пришлось сопровождать в качестве переводчика Анастаса Ивановича Микояна, бывшего тогда заместителем Председателя Совета министров СССР, министром внешней торговли в Грецию. В Афинах спускаемся с трапа самолета, а по расстеленной ковровой дорожке к нему бежит очаровательная девчушка с огромным букетом роз. Микоян поднимает ее на руки. Она начинает говорить, а я ни единого слова не понимаю. Думаю – все, провал. Микоян поворачивается ко мне: «А почему вы не переводите?». Отвечаю честно: «Я ничего не понимаю». И Микоян говорит мне: «Молодец, что не врешь! Девочка по-армянски говорит». Представляете, если бы я начала фантазировать, так сказать, «переводить» приветствие девочки?...»

Марина Львовна была очень мужественным и смелым человеком. И то, что она сделала для обретения советскими греками родного языка, иначе как подвигом назвать нельзя. Вот что рассказывала она в своем интервью журналисту Никосу Сидиропулосу: «В 1980 г. я была приглашена в ЦК КПСС, где мне поручили очень ответственное задание – оказать помощь этническим грекам, компактно проживающим на территории Грузии, в изучении родного греческого языка. ...В адрес высших руководителей партии и государства в Кремль в предверии 26-го съезда КПСС пришло гневное письмо от греческих матерей из Сухуми (Абхазия), в котором они заявили, что если их дети не получают право изучать свой родной язык, то к следующему учебному году они их в школу не пустят!

Это было, конечно, сенсационно. ...ЦК принял решение сделать все, чтобы как-то исправить ситуацию. ...Встреча с заместителем министра просвещения Татьяной Рогачевой в Сухуми. С ее стороны чувствовалось сочувствие по отношению к грекам... Встреча с греками. В их глазах напряжение... В самом начале разговора они сказали, что уже многократно встречались с людьми из Москвы и Тбилиси. Общие слова, обещания, которые заканчивались ничем. ...Я им тогда сказала: «Είμαστε μαζί σας» (мы с вами). Тогда наши греческие друзья сказали, что на данном этапе их главное требование – публикация на передовой странице газеты «Советская Абхазия», в которой бы на официальном уровне подтверждалось, что министерством просвещения Абхазии принято решение об обучении греческих детей греческому языку. ...Тогда, помню, бурлящей греческой аудитории в Сухуми мной было сказано, что такая публикация будет... Публикация вышла – интервью с министром просвещения Абхазии Канония, а потом интервью со мной и с Т. Рогачевой. Это был праздник для всех! Впервые после 1938 г. официально было заявлено, что греки получили признание. ...Личное знакомство с Грузией напрочь опровергло мое представление об особом чувстве интернационализма в этой республике. Конечно, я могу говорить только об этнических греках. Не нужно было быть большим политиком, чтобы с первых дней пребывания в Грузии ощутить четкую дискриминационную политику, которую проводило в отношении них тогдашнее грузинское правительство. Достаточно сказать, что даже министр просвещения Грузии Кинкладзе, зная о моем прибытии по поручению ЦК КПСС с четкой программой оказания помощи и поддержки местным грекам в изучении ими их родного языка, без обиняков предложил мне отказаться от своего решения. Он утверждал, что этнические греки уже стали грузинами, что им теперь свойственен грузинский менталитет – многие из них поменяли свои имена и фамилии на грузинский лад и комфортно при этом себя чувствуют.

– «Скажите, товарищ Рытова, они, греки, вам платят за учебники, которые вы для них издаете? Мы вам заплатим за все учебники на сто лет вперед! Оставьте наших грузинских греков в покое! У них жизненный быт, уклад, обиход – грузинский. Что вы нам создаете головную боль с этим греческим образованием!» Однако, быстро поняв, что эти доводы для меня абсолютно не представляют какого-либо интереса, завершил свою беседу словами: «Я еще раз вам говорю, что это глупая, ненужная затея, и она никогда не сможет быть реализована в Грузии».

Эта встреча во многом открыла мне глаза на то, что такое интернационализм в понимании министра просвещения Грузии. ...Тогда, в Грузии, я увидела этот двойной стандарт, где официально все прекрасно, все равны в своих правах и где существует оборотная сторона медали».

После решения руководства страны в 1980 г. о введении преподавания греческого языка в средних школах в местах компактного проживания греков на территории бывшего СССР Марина Львовна возглавила работу по написанию учебников и подготовке школьных учителей греческого языка. В результате была создана не имеющая аналогов серия учебников для 5–11 классов с методическими рекомендациями для учителей. Дважды в год на протяжении многих лет (1981–1996 гг.) она проводила с привлечением лучших вузовских преподавателей специальные учительские семинары в различных уголках Грузии, где проживали наиболее многочисленные этнические колонии греков. Кроме того, в Московском педагогическом университете открылось греческое отделение, которое также возглавила Марина Львовна. В результате средняя школа была полностью укомплектована прекрасными учебными материалами по греческому языку и высококвалифицированными учительскими кадрами. Сейчас многие из педагогов–учеников Марины Львовны, получив соответствующую лицензию, продолжают учить детей понтийских греков, но уже в школах Греции, куда большинство из них уехало в период военных действий на территории Грузии. Все понтийские греки испытывают чувство глубокой признательности к Марине Львовне, благодаря усилиям которой их дети получили возможность изучать свой родной язык.

Труды Марины Львовны Рыковой, общий объем которых составил свыше 100 печатных листов, не только пользуются большой популярностью в России и странах СНГ, но и широко известны во всем мире. Она являлась почетным доктором Лейпцигского университета (1984 г.), почетным доктором университета Патр (1997 г.), действительным членом Российской Академии педагогических наук (1997 г.), академиком Международной Академии духовного единства народов мира (1996 г.), почетным гражданином городов Цалка, Дманиси (Грузия), Олимпия (Греция). В 2004 г. ей было присвоено звание почетного профессора МГИМО(У) МИД России.

Помимо колоссальной методической, педагогической и научной работы Марина Львовна являлась неугомонным общественным деятелем и на протяжении многих лет возглавляла Общество дружбы России и Греции, была вице-прези-

дентом Общества дружбы России и Кипра. Ведя огромную работу по укреплению дружественных связей с народами Греции и Кипра, Марина Львовна обрела широкую известность в этих странах и непререкаемый авторитет.

В этой связи вспоминается один случай, который произошел с нами в Греции. Мы с Мариной Львовной участвовали в одной научной конференции по греческому языку в Салоникском университете. После окончания работы на конференции мы решили заехать на три дня в Афины уже по делам Общества дружбы: надо было встретиться с руководством греческого Общества и обсудить вопросы сотрудничества с ректором Афинского университета.

Надо сказать, что незадолго до этого прошел официальный визит президента Греции Константиноса Стефанопулоса в Россию, в программе которого было несколько встреч с преподавателями греческого языка, с руководством российской Ассоциации культурного и делового сотрудничества с народами Греции и Кипра «Филия». В этих встречах, которые проходили в очень теплой и конструктивной атмосфере, активное участие принимала Марина Львовна. Она была, как всегда, на высоте, и у нее с президентом сложились очень доверительные, дружеские отношения. Прощаясь, он взял с нее слово, что она обязательно свяжется с ним, когда будет в Афинах.

Когда мы приехали в Афины, нас, конечно же, опекало все посольство, ведь большинство его сотрудников – наши бывшие студенты. В разговоре с советником посольства Марина Львовна изложила ситуацию и попросила о содействии в организации встречи с президентом. В ответ мы услышали скептическое замечание: «Ну что вы, Марина Львовна, это наверняка была просто фраза вежливости. Получить так спонтанно аудиенцию у президента немыслимо. Наш посол уже три месяца не может к нему попасть». Вернувшись домой, а остановились мы в представительской квартире посольства, любезно предоставленной нам по распоряжению посла, мы обсудили ситуацию и решили позвонить в секретариат президента сами. Когда на следующий день в нашем посольстве раздался звонок с подтверждением аудиенции в Президентском дворце, изумлению не было предела. На встрече с президентом Греции мы отправились в сопровождении Посла РФ в Греческой Республике Михаила Николаевича Бочарникова. Президент принял нас очень тепло, охарактеризовал свой визит в Россию как исключительно плодотворный, мы обсудили многие вопросы сотрудничества в гуманитарной сфере, в том числе и вопрос открытия отделения русского языка в Афинском университете. Прощаясь после этой встречи, Михаил Николаевич горячо поблагодарил Марину Львовну за помощь в организации аудиенции у президента.

Заслуги профессора Рыковой Марины Львовны как ученого, педагога-методиста и

просветителя, внесшего огромный вклад в дело распространения знаний греческого языка и греческой культуры, укрепления дружбы с народами Греции и Кипра, признаны и высоко оценены. Она была награждена орденом Каподистрии – высшей наградой Греции, Золотой медалью – высшей наградой Кипра Золотой амфорой – премией Министерства культуры Греции, Золотой медалью мэра Афин, Золотой медалью Союза понтийских греков, наградой Патриарха Московского и всея Руси – орденом Святой Ольги 3-й степени. В 2001 г. Марина Львовна Рытова Указом Президента России В.В. Путина была удостоена государственной награды России – ордена Дружбы.

Хоть она и не стала актрисой, свой врожденный артистизм Марина Львовна блестяще использовала в переводческой, преподавательской и общественной деятельности. Она прекрасно умела держать аудиторию, была непревзойденным рассказчиком, душой любого общества. Несколько лет подряд была бессменной ведущей новогодних вечеров профессорско-преподавательского состава в МГИМО. А как она пела, как танцевала, своей замечательной энергетикой заряжая всех вокруг. Да еще и какой очаровательной женщиной она была! Все окружающие были в нее влюблены. Удивительно одаренным и харизматичным человеком была Марина Львовна. Господь наградил ее столькими талантами: великий педагог, замечательный переводчик, глубокопорядочный человек, очаровательная женщина, прекрасная жена, мать, дочь, сестра, необыкновенно творческая поэтичная душа. Для меня она была всегда примером, эталоном на который надо равняться. Мы прошли с ней по жизни рядом, в одной упряжке 41 год, и я на протяжении всех этих лет никогда не переставала и продолжаю до сих пор восхищаться ее высоким профессионализмом, умом, красотой души и силой духа.

12 мая 2009 г. Марии Львовны не стало. Похоронена она на Хованском кладбище в Москве.

Ее имя носит теперь одна из мультимедийных аудиторий МГИМО(У) МИД России, где находится собранная и ее стараниями богатейшая греческая библиотека. Марина Львовна продолжает жить в нашей памяти, в памяти всех, кому она дарила счастье общения с ней: в памяти своих коллег, в памяти своих многочисленных благодарных учеников, которым она отдала часть своего сердца, в памяти своих детей, внуков и правнуков, которые тоже по-своему продолжают Ее дело. Дочка Инна стала прекрасным педагогом английского языка и трудится в МГУ им. Ломоносова, выучили греческий язык внучка Татьяна и сын Александр (выпускник МГИМО, кандидат исторических наук). Именно в нем с особой силой отозвалась артистическая душа Марины Львовны – он пишет стихи и занимается литературными переводами с греческого языка на русский. В этом году в издательстве «Ателье Вентура» вышла книга «Балканский аккордеон» со стихами 55 греческих поэтов в переводе Александра Рытова. Эту работу он посвятил памяти своей матери: «Жизнь моей Мама всегда была наполнена поэзией и романтикой. И это не только ее путешествия, которые она так любила, но и удивительно радостная повседневность. Каждый ее день был счастьем. Каждый... Она умела обулаивать пространство вокруг, пространство вещей и людей. Все свое детство я слушал мамин истории о ее детстве, войне, эвакуации, мы играли в шахматы, мы играли в карты, мы говорили обо всем и обо всех. Мир счастливой семьи всегда окружал меня. И это тоже была Ее архитектура благоденствия и любви. Таков закон. Счастливые рожают счастливых и помогают несчастным. Это особая миссия. Нет сомнений, что Мама была рождена на этот свет, чтобы не-

■ Золотой фонд МГИМО

сти ее. Сложно передать чувство защищенности и тепла, которые до сих пор живут во мне, даже теперь, когда моих родителей нет. Но в этом и есть смысл бытия – появиться ненадолго на этой планете, чтобы освятить ее, рассеять густой мрак, который ползет по ней и проглатывает ее живых. Мама дружила с замечательным греческим поэтом Никифоросом Вреттакосом. Вот мой перевод одного из его стихотворений:

Семья вместе

*Куда ты собрался? Опять на мороз?
Зима на дворе, а ты весь промок...
Одежда твоя протерлась за годы,
и молнии выжгли цвет темных волос.
Но здесь, где лампада сияет, твой дом.
Садись рядом с камнем, у очага,
так как всегда...*

*Отец разбирает внимательно почту,
а мама - в делах своих, тихих, несрочных.
Так можно мне руку легко положить
на круглую гладь твоих мокрых колен?
Пусть бьется огонь в сердце дома родного,
Прошу, не спеши в землю бренную снова!
Мир радует глаз,
и все впереди.
Украсим деревья ракушками мидий,
свое полотно создадим,
а сейчас
закроем все двери, зашторим окно,
чтоб слезы о прошлом никто не увидел...»*

***Tolstikova I.O. Giving Happiness: Rytova
Marina Lvovna, Honourable Professor of
MGIMO(U).***

Андрей Иванович Степанов – ученый и дипломат

А.А. Ахтамзян

Степанов Андрей Иванович родился 13 февраля 1930 г. в Калуге. Родители: отец Иван Федорович Степанов по профессии агроном, мать Лидия Ивановна – аптечный работник. В предвоенные годы семья обосновалась на рязанской земле, природа и люди которой оставили глубокий след в душе будущего ученого и дипломата. Таинства грамоты постигал в деревне Песочня Путятинского р-на. В ней подросток мог почувствовать, какой дорогой ценой доставался людям хлеб насущный, и одновременно прикоснуться к несметным богатствам родной природы, испытать ее очарование.

По окончании в 1948 г. с золотой медалью средней школы в областном центре поступил на исторический факультет МГУ имени М.В.Ломоносова. Как вспоминает сам А.И. Степанов, в университет он пришел за знаниями, учился самозабвенно, впитывал в себя все самое ценное, что щедро давала столица великого государства. В университете слушал лекции корифеев отечественной науки. Многие дали ему насыщенная культурная жизнь в студенческом общении в Сокольниках, дружба со старшими товарищами, пришедшими в МГУ после фронта.

Трудовая биография и, по существу, вся жизнь А.И.Степанова связана с Министерством иностранных дел СССР/РФ. Это были годы работы в загранпредставительствах – в ГДР, Австрии и Швейцарии, Центральном аппарате внешнеполитического ведомства, в Высшей дипломатической школе (Дипломатической академии) и МГИМО, коллектив которого в 1990 г. избрал его ректором.

А.И.Степанов – профессиональный дипломат, видный российский ученый, доктор исторических наук, автор многих трудов и мемуарных произведений. Отличительной чертой его дипломатической, научно-исследовательской, педагогической и общественной деятельности является умение соединять усилия на каждом из

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России, выпускник 1954 г. E-mail: vestnik@mgimo.ru

этих направлений во имя достижения поставленных задач. Длительное время в поле зрения ученого и дипломата находится германская проблематика и европейская безопасность после Второй мировой войны. Новейшей историей Германии Андрей Иванович начал заниматься на старших курсах университета. Постепенно это направление выдвигалось на главную роль в его служебной и научной деятельности. Не обошлось без везения: когда он работал в ВДШ, получил доступ к трофейным документам министерства иностранных дел веймарской Германии. Они легли в основу диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук. Работа «Советско-германские отношения в 1925–1926 гг.», была защищена в 1958 г. на Ученом совете МГИМО.

В 1956–1960 гг. А.И. Степанов находился на дипломатической работе в ГДР (вице-консул Консульства СССР в Росток, 2-й секретарь Посольства СССР в ГДР). Это позволило взглянуть на германскую проблему с «восточного угла», реально оценить коренные политические, экономические и социальные перемены в ГДР. После служебной командировки в Австрию – Управление планирования внешнеполитических мероприятий (1982–1987 гг.). А.И. Степанов продолжал заниматься германской проблематикой в УПВМ, где участвовал в подготовке ответственных документов, в проведении важных визитов и переговоров.

Ряд лет А.И. Степанов посвятил исследованию новой для отечественной историографии темы, связанной с политикой ФРГ в отношении КНР в впервые послевоенные десятилетия. Особую роль сыграла его научная командировка в ФРГ в 1969 г. Практическим результатом стали монографии «ФРГ и Китай. (К истории отношений. 1949–1974 гг.)». М., 1974; «RFN a Ciny. Przyczynek do wzajemnych stosunkow w latach 1949–1976», Warszawa. 1977; «BRD und China. Zur Geschichte der Beziehungen 1949 bis 1977». Fr. am Main. 1978. В том же году была защищена диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук на тему «Отношения между ФРГ и КНР и европейская безопасность (1949–1975 гг.)», имеющая серьезное научное и практическое значение.

В минувшие два десятилетия из-под пера ученого и дипломата вышли солидные труды, раскрывающие отношения СССР/РФ с государствами Центральной и Восточной Европы. Интерес к ним историк проявил еще в 1960-х гг., когда журнал «Международная жизнь» опубликовал его аналитическое эссе «Малые страны перед альтернативой»¹. Несколько лет назад Институт Европы РАН выпустил комплексное исследование, посвященное государствам альпийского региона и странам Бенилюкс. Заметный вклад в коллективный труд принадлежит А.И. Степанову².

О постоянном внимании ученого к странам региона свидетельствует, помимо сказанного,

анализ им выходящих в свет изданий. Так, внимание академических кругов было привлечено к глубокому анализу серьезного трехтомного издания «Россия и Центрально-Восточная Европа. Трансформация в конце XX – начале XXI века»³. Хотелось подчеркнуть, что сегодня профессор А.И. Степанов является одним из ведущих специалистов по истории отношений России/СССР/РФ со Швейцарской Конфедерацией и Княжеством Лихтенштейн. Достижению такого уровня способствовала его продуктивная деятельность в 1992–1999 гг. на посту Чрезвычайного и Полномочного Посла РФ в Швейцарии и (по совместительству) в Лихтенштейне.

В первом десятилетии текущего столетия А.И. Степанов опубликовал три цельных труда: «Незнакомый Лихтенштейн глазами первого российского посла» (2002 г.), «Русские и швейцарцы. Записки дипломата» (2006 г.), «Бернский дневник Посла России. 1992–1999» (2011 г.). Их объем составляет более 130 печатных листов. Автор сумел проанализировать важнейшие тенденции и события в двусторонних отношениях на протяжении нескольких веков, охарактеризовать действовавшие на исторической сцене политические и общественные силы, их лидеров, наконец, проследить в целом эволюцию международных отношений и дипломатические баталии в Европе.

Содержащаяся в книге «Незнакомый Лихтенштейн» всесторонняя характеристика истории и современного облика Лихтенштейна является существенным вкладом в научное страноведение. Не менее важно и то, что крохотное княжество оказалось в последнем десятилетии прошедшего столетия той дипломатической площадкой, где велись важные переговоры о возвращении в РФ «Архива Соколова», от которого в значительной степени зависело завершение расследования дела об убийстве царской семьи и ее захоронении. В указанных переговорах деятельное участие приняло Посольство РФ. А.И. Степанов, используя уникальные документы, впервые воссоздает исчерпывающую картину непростых переговоров в Москве, Берне и Вадуце и неоднозначную атмосферу вокруг них. Анализ дан всесторонний, глубокий, можно сказать, исчерпывающий. Это – пример тесного соединения научного исследования и претворения в жизнь задач государственного уровня.

О серьезном внимании А.И. Степанова к Швейцарии и Лихтенштейну свидетельствуют его исследование «Русские и швейцарцы» (2006 г.) и оригинальный по содержанию и форме «Бернский дневник Посла России» (2011 г.). Упомянутые труды⁴ отличаются глубиной анализа и масштабностью обобщений применительно к целому комплексу исторических проблем. Вполне закономерно, что они получили весьма положительную оценку в научных и широких читательских кругах у нас и за рубежом. В первой из названных книг содержится развернутая характеристика по существу разных аспектов,

позволяющих увидеть и рассмотреть колоритный облик Швейцарии. Здесь и привлекающий внимание развернутый ответ на вопрос: «Какой мне видится Швейцария?»

Чтобы удовлетворить интерес читателей, автор затрагивает, по сути дела, десятки компонентов:

- особенности территории;
- экономический феномен;
- культ образования и науки;
- культуру и искусство;
- мировосприятие швейцарцев;
- психологию населения;
- уклад жизни и менталитет швейцарцев;
- армию;
- одну из старейших демократий в мире;
- уникальный конфедерализм;
- оправдавшую себя традиционную политику нейтралитета.

И две трети монографии отводятся теме «Россия и Швейцария». Автор отвечает на вопросы: почему мы тянемся друг к другу, как складывались (не без трудностей) отношения взаимовыгодного сотрудничества и партнерства? Автор не обходит следующую деликатную постановку вопроса: почему значительное время (с 1919 по 1946 г.), к сожалению, стало периодом «упущенных возможностей», на смену которому наступила нормализация отношений? Только тогда реализм и правильно понятые национальные интересы взяли вверх. Значительный интерес вызывает весьма весомая часть монографии, где содержится объемная характеристика исторического феномена — швейцарцы в России и русские в Швейцарии.

Эту монографию, как и другие публикации автора, отмечают исключительно богатый, по сути уникальный и, конечно, интересный фактический материал, в том числе почерпнутый из разных государственных и личных архивов, из собственной практической работы, из бесед с политиками и коллегами, приложения в виде документов. Обогащают труды А.И. Степанова хронологические справки, именные указатели, яркие иллюстрации, фотографии, сделанные автором. Научный аппарат — выше всяческих похвал.

Завершением трилогии является богатый по содержанию, яркий по языку и стилю изложения «Бернский дневник». Автор показывает, как после десятилетий взаимного недоверия и отчужденности времен холодной войны закладывался фундамент качественно новых отношений России с небольшим, но весьма важным в европейском и международном контексте государством — Швейцарией. Именно тогда общими усилиями двух стран было положено начало тем позитивным процессам, которые вывели российско-швейцарские отношения на нынешний уровень зрелого партнерства.

Существенной особенностью этой поучительной книги является то, что она, если оценивать круг и значение поднятых в ней тем и

вопросов, выходит далеко за рамки заглавия, выводов из введения и заключения. Автор выступает как историк и здесь же как участник многих крупных событий нашего времени. Одновременно перед нами — политолог, философ, глубоко анализирующий происходящее, переживающий нахлынувшие на нас проблемы и горести, радующийся малейшим просветам в туннеле. Его размышления и рассуждения помогают преодолеть свалившиеся на нас трудности, решить малоподъемные проблемы. И не только, а порой и не столько внутри страны. Книга «Бернский дневник» вызвала небывалое число аналитических статей и рецензий. В разных городах состоялись презентации книги. На нее откликнулись официальные лица и ученые, общественные деятели и журналисты, читатели — российские и швейцарские.

К перечисленным изданиям стоит прибавить серию статей, затрагивающих важные события и памятные даты во взаимоотношениях нашей страны с государствами Центральной и Восточной Европы⁵. В 1996 г. прошло празднование 50-летия восстановления отношений со Швейцарией⁶, а в 1998 г. — 200-летие перехода армии А.В. Суворова через Альпы⁷.

А.И. Степанов обладает исключительно широким кругозором, искусным пером, утонченным слогом, образным языком, в котором нет-нет да и появляется словосочетания и образы из давних времен. Ему присущ интерес к крупным международным проблемам. Ведь неслучайно, что в 1983–1984 гг. в качестве советника советской делегации он принимал участие в Венских переговорах о сокращении вооруженных сил и вооружений в Центральной Европе. Руководство МИД СССР поручало ему ответственные задания, как, например, проведение переговоров и обмен мнениями с коллегами в США и КНР. Плюсом его биографии является то, что он посетил большинство государств Европы и Азии.

Являясь историком по образованию и дипломатом по профессии, А.И. Степанов давно scrupulously изучает и основательно знает собственную страну. Он побывал во многих областях ее европейской части, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. С восхищением рассказывает о своих поездках в Сибирь и на Дальний Восток. О своих выступлениях перед жителями Чукотки, Магадана, Якутии, Мурманска он поведал в многочисленных статьях, опубликованных «далеко от Москвы».

Служебно-творческую биографию А.И. Степанова знает не одно поколение дипломатов, работавших с ним вместе в Москве и за рубежом, учившегося у него в ВДШ и МГИМО. Период его работы в качестве ректора МГИМО был сравнительно коротким (1990–1992 гг.), но весьма успешным. По его инициативе в трудное время был принят ряд мер, которые позволили безболезненно преодолеть трудности. Именно с должности ректора Института международных отношений он был направлен в Швейцарию в

■ Золотой фонд МГИМО

качестве Чрезвычайного и Полномочного Посла России. А.И. Степанов внес существенный вклад в развитие научной школы международников. Под его научным руководством подготовлены и успешно защищены примерно десять кандидатских диссертаций.

О таких, как он, кадровых работников в МИДе с почтением говорят: «Это – профессиональный дипломат». И это действительно так. Его трудовая книжка, начиная с 1953 г., неизменно находилась на 15-м этаже высотного здания на Смоленской площади. Трудовой путь А.И.Степанова проходил в непростых внешних условиях – противостояния Востока и Запада по острейшей германской проблеме, формирования новой системы безопасности в Европе, налаживания равноправных и взаимовыгодных отношений расположенных здесь больших и ма-

лых государств. При этом было неизменно важнейшей задачей внешней политики и дипломатической службой обеспечение благоприятных мирных условий для созидательного труда, благополучия и счастливой жизни наших народов.

А.И. Степанову довелось трудиться на ответственных участках дипломатического противостояния. Родина высоко оценила его многолетние и неутолимые усилия на дипломатическом, научном и общественном поприще. Завершив дипломатическую службу, он активно включился в обобщение накопленного опыта, в подготовку дипломатических кадров в созвучии с новыми требованиями и вызовами времени.

Akhtamzyan A.A. Andrey Ivanovich Stepanov – the scientist and the diplomat.

Примечания

1. См.:Международная жизнь. 1965. №4.
 2. Государства альпийского региона и страны Бенилюкс в меняющейся Европе/ Под ред. В.Я.Швейцера. М., 2009. Ч. II и III.
 3. См.:Современная Европа. 2006 . №3.
 4. Степанов А.И. Русские и швейцарцы. Записки дипломата. М., 2006; Степанов А.И. Бернский дневник Посла России. 1992–1999. М., 2011.
 5. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии. Новая и новейшая история. 2006. №1. С.120-151.
 6. Россия и Швейцария // Международная жизнь. 1996. №3.
 7. Проходили мы непроходимые места через швейцарские горы, где всюду неприятеля поражали // Международная жизнь. 1996. №9.
-

Анатолий Андреевич Красиков – журналист, ученый и общественный деятель

В.В. Журкин

Сначала биографическая справка из «Википедии»: Анатолий Андреевич Красиков. Родился в 1931 г. в Москве. В 1954 окончил Исторический факультет Московского государственного института международных отношений (МГИМО) МИД по специальности «историк-международник» и в 1955 г. – Курсы усовершенствования знания иностранных языков при том же институте по специальности «переводчик итальянского языка». В течение 37 лет работал в информационном агентстве ТАСС. Был редактором, корреспондентом в Италии и при Ватикане. Первоначально был единственным советским корреспондентом, аккредитованным при Ватикане, освещал работу II Ватиканского собора. С 1966 г. – заведующий отделением ТАССа во Франции. С 1972 г. – член коллегии, с 1978 г. – заместитель генерального директора агентства. С лета 1992 г. по весну 1996 г. – в администрации Б.Н. Ельцина (руководитель пресс-службы президента, ответственный секретарь Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте РФ).

Ученый и общественный деятель. После возвращения из Италии в середине 1960-х гг. в хотел написать диссертацию о II Ватиканском соборе, сдал кандидатские экзамены на фило-софском факультете МГУ и уже приступил к работе на текстом, когда, по его собственным словам, узнал, что от него ждут «четко ориентированного текста воинственно атеистической направленности». Отказался от такой перспективы и вернулся к научной деятельности позднее, занявшись проблемами современной политической истории Испании, «в которую „влюбился”

после нескольких поездок в эту страну в годы ее уникального перехода от диктатуры к демократии». Вновь занялся религиоведением лишь в конце 1980-х гг. В 1997–2003 гг. – президент, с 2004 г. – почетный президент Российской ассоциации религиозной свободы. С 2004 г. – также член Большого жюри Союза журналистов России. Является членом попечительского совета Свято-Филаретовского православно-христианского института.

Журкин Виталий Владимирович – академик РАН, почетный директор Института Европы РАН.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

К этой биографической справке добавлю, что я познакомился с А.А. Красиковым на ниве общественной работы. Участь на четвертом курсе, я отвечал в институтском комитете комсомола за «внешний агитпроп», то есть за проведение бесед о международном положении среди рабочих московских предприятий, а он, недавний абитуриент, занимался тем же самым на своем курсе. Потом, когда институт уже был позади, он не раз выступал по радио (а моим первым местом работы стало как раз Гостелерадио). В последующие годы жизнь направляла нас в разные точки земного шара, однако в конечном итоге наши пути сошлись в одной точке.

По убеждению Анатолия Андреевича, его интерес к Европе, ее истории и культуре связан с тем, что он прошел в Институте через «школу Тарле» – человека, чьи лекции проходили в переполненном зале, а экзамены заканчивались почти поголовными пятерками. Высочайший уровень знаний этого неординарного человека, буквально в последний момент ускользнувшего от катка репрессий, не давал ему возможности отличить студента от преподавателя, и, ставя четверку, он почти извинялся перед каждым трепетавшим от страха молодым человеком. Правда, этот интерес начал зарождаться у моего коллеги еще раньше, как говорится, с молоком матери – школьной учительницы-«исторички». В комнате Красиковых, проживавших в обычной московской коммуналке, стояли два книжных шкафа, заполненных, наряду с беллетристикой и политической литературой, многочисленными книгами по истории. Некоторые особо ценные издания сохранились у него до сих пор.

В сборнике, посвященном 65-летию нашего Института, А.А. Красиков был назван испанистом. И это верно в том смысле, что он посвятил много времени и сил изучению испанского опыта мирного перехода от франкистской диктатуры к современной демократии. Об истории появления интереса к Испании уже упомянуто в «википедиевской» справке. Но этот интерес мирно сосуществует с главной темой его полувековых исследований – роли религиозного фактора в российской, европейской и мировой политике. Свидетельство тому – множество статей Анатолия Андреевича в научных сборниках и журналах: от «Науки и религии» начала 1960-х гг. до издающейся нашим Институтом «Современной Европы». Так, в опубликованной нами статье «Эхо Второго Ватиканского собора от Атлантики до Урала» один из разделов был полностью посвящен Испании. Автор показал эволюцию этой страны в направлении, подсказанном высшим форумом РКЦ, через призму своих бесед с духовником короля Хуана Карлоса о. Висенсом Фьюлем и последним генсеком франкистского «Национального движения», ревностным католиком Адольфо Суаресом, который, возглавив правительство семь с половиной месяцев спустя после смерти Франко, принял кардинальный поворот к демократии.

Своего рода пиком «испанского периода» научных интересов А.А. Красикова стала защита им в Академии общественных наук сначала кандидатской, а затем и докторской диссертации, причем во втором случае я был одним из его официальных оппонентов. Анатолий Андреевич в свою очередь выступил как официальный оппонент при защите в 2009 г. докторской диссертации ведущего испаниста МГИМО Натальи Евгеньевны Аникеевой, которая, успешно продолжив его (и не только его) исследования, расширила их хронологические рамки до первого десятилетия нынешнего XXI в.

О разносторонности творческих возможностей А.А. Красикова говорит и тот факт, что, став в 1978 г. заместителем директора ТАСС, он вскоре был назначен представителем нашей страны в Межправительственном совете Международной программы развития коммуникации ЮНЕСКО, вошел в состав Национальной комиссии по делам ЮНЕСКО в качестве ее члена, а затем и заместителя председателя и исполнял эти обязанности до 1993 г. Это не мешало ему в течение десяти лет (1978–1988 гг.) отвечать за информационное обеспечение подготовки и проведения празднования 1000-летнего юбилея Крещения Руси.

Служба в Кремле и на Старой площади дала Анатолию Андреевичу необычный для него опыт соприкосновения с высшими сферами Российского государства, хотя он достаточно быстро начал тяготиться своим новым положением. В 1994 г. я подписал его письмо с просьбой о переводе из Администрации Президента в Институт Европы.

Перевод, правда, в тот момент не состоялся, так как наш нынешний коллега принял альтернативное предложение потрудиться над созданием структуры, призванной обеспечить взаимодействие главы государства с религиозными объединениями в условиях их равноправия перед законом и обеспечения провозглашенного Конституцией РФ светского характера государства. Проект готовился несколько месяцев, поскольку затрагивал отнюдь не всегда совпадающие интересы нескольких влиятельных структур, но все же в конце концов он «состоялся» в форме двух письменных распоряжений Ельцина, предварительно согласованных как с религиозными лидерами, так и с Главным правовым управлением президента. В состав нового совещательного органа – Совета по взаимодействию – вошли члены Священного синода РПЦ и высшие руководители российских мусульман, христиан-протестантов, старообрядцев, буддистов, последователей иудаизма и известные ученые-религиоведы. Функционирует этот Совет и по сей день.

Что касается А.А. Красикова, какое-то время он еще поработал в кабинете с кремлевскими «вертушками», однако вопрос о дальнейшей судьбе был для него самого предreshен. Заявление об отставке было доложено президенту, и

Анатолий Андреевич пришел-таки к нам, создав – уже в рамках ИЕ РАН – Центр по изучению проблем религии и общества. С тех пор мы регулярно видим в наших стенах представителей как традиционных, так и новых для России религиозных движений, руководящих сотрудников профильных государственных структур и конечно же видных деятелей науки – экспертов в данной области знаний. Ежегодно у нас проходят конференции и семинары, издаются коллективные и авторские монографии по тематике Центра, институт принимает достойных гостей из-за рубежа, а наших сотрудников приглашают для выступлений с докладами и лекциями в другие страны. Среди почетных гостей ИЕ РАН – 97-летний итальянский исследователь, бывший первый помощник «папы мира» Иоанна XXIII и личный друг Анатолия Андреевича архиепископ Римско-католической церкви Лорис Франческо Каповилла.

А.А. Красиков был отмечен государственными наградами: четырьмя орденами (два Трудового Красного Знамени, Дружбы народов и «Знак Почета»), а также двумя медалями («За доблестный труд» и «Ветеран труда») и званием «Заслуженный работник культуры».

В числе его наиболее резонансных публикаций книги:

Испания после Франко. М.: Знание, 1982.
From Dictatorship to Democracy. Oxford-New York-Toronto-Paris: Pergamon-Press, 1984.

Accreditato presso il Vaticano. Moscow: APN, 1988.

Испания в мировой политике. Полвека дипломатической истории. М.: Международные отношения, 1989.

Ватиканский репортаж. М.: Советская Россия, 1990.

Ватикан: история и современность. М.: Знание, 1991.

Религиозный фактор в европейской и российской политике. М.: XXI век-Согласие, 2000.

Россия на перепутье. Религиозный фактор выбора пути в будущее. М.: ДИЕ РАН, 2009.

Ватикан 2000 лет спустя. Римско-католичество между прошлым и будущим. М.: ДИЕ РАН, 2012.

Zhurkin V.V. Anatoly Andriyovych Krasikov – the journalist, the scientist and the public figure.

Содержание процесса самообразования студентов как педагогическая проблема

Н.М. Романенко

В статье рассматриваются методологические проблемы содержания процесса самообразования студентов как педагогической проблемы, представлена специфика преподавательской деятельности в вузе. Категория «самообразование студентов» анализируется в работах разных авторов советского и постсоветского периода; дается сущность и особенности процесса самообразования студентов, которые показаны с позиции возрастной особенности юношеского возраста и требований высшей школы; подчеркивается значимость средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ) в процессе формирования самообразовательных навыков студентов.

Двадцать первый век – век информационного взрыва – остро усложнил задачи высшей школы. Сегодня образование, полученное в каком-либо учебном заведении, составляет лишь фундамент для непрерывного образования, получаемого, главным образом, за счет самообразования студентов. Актуализация процесса самообразования – не личное дело студента, поскольку постоянное повышение квалификации – требование времени. Специфика преподавательского труда призывает будущего педагога постоянно пополнять свои знания в области теории преподаваемого предмета и методики обучения¹.

Одной из важнейших задач современного обучения в высшей школе является усвоение не только готовой системы знаний, но и методов самообразования. Усвоение необходимой информации может быть достигнуто лишь благодаря собственной активности человека, стремящегося к познанию, творчески относящегося к предмету своей деятельности. Готовность человека к постоянному обогащению своих знаний основывается на глубокой общеобразовательной подготовке, которая является

исходным фундаментом дальнейшего образования и самообразования. Педагогика ориентирует на прочную систему развиваемых в вузе умений и навыков, методов и приемов самостоятельной работы с различными источниками знаний и, наконец, на выработку стремления к самообразованию на основе развития потребностей, интересов и формирования мотивов, направленных на приобретение и осмысление новых знаний. Задача высшей школы – дальнейшее развитие творческих познавательных способностей студентов, подготовка из них специалистов, умеющих хорошо ориентироваться в условиях интенсивного роста научно-технической информации, самостоятельно разбираться в новейшей литературе, особенно по своей специальности. Сущность и особенности самообразования студентов, по мнению А.В. Дмитриева и Н.Л. Филиппова, заключаются в следующем:

– самообразование студентов – особая сфера их познавательно-практической деятельности, которая имеет относительную самостоятельность, законченность и нуждается в соответствующей педагогической организации;

Романенко Надежда Михайловна – д.пед.н., профессор, зав. кафедрой семейной, гендерной политики и ювенологии Российского государственного социального университета. E-mail: vestnik@mgimo.ru

– самообразование – это внутренняя потребность. Оно предполагает наличие у студента интереса к такой работе, желание постоянно добывать, расширять, углублять и совершенствовать свои знания, умения и навыки творческого труда без какого-либо внешнего побуждения;

– самообразование – это такая форма творческой деятельности студентов, в процессе которой они не только достигают цели самообучения (получают систему знания, совершенствуют умения и навыки, овладевают

методикой и техникой такой работы), но и осуществляют самовоспитание (развивают чувства, формируют убеждения, вырабатывают критичность ума и т.д.²).

Другой советский педагог, С.И. Зиновьев, под самообразованием понимал следующее: «Самостоятельная подготовка студентов, идущая параллельно с учебным процессом, в органической связи с ним, в одних случаях по установленным программам и учебникам, в других – с отходом от них, с самостоятельным расширением задач и привлечением дополнительного теоретического и практического материала в зависимости от возникших научных и профессиональных интересов, склонностей и способностей, от предварительной подготовки, понимания своих задач и обязанностей и, наконец, от умения работать самостоятельно»³.

Самообразование предусматривает целенаправленную и планомерную работу, организованную таким образом, чтобы вся самообразовательная деятельность студентов стремительнее получила бы практический выход, что приведет к повышению качества знаний и уровня их воспитанности. В вузе непосредственное руководство приобретением знаний, умений, развитием навыков у студентов, по сравнению со школой, ослабевает в связи с предоставлением студентам большей независимости и свободы.

Еще русский публицист и литературный критик Д.И. Писарев отмечал, что «настоящее образование можно получить только путем самообразовательной деятельности»⁴. Поэтому уже в стенах вуза самообразовательная работа становится важным средством обучения студентов, которым разъясняется, что образование, полученное в студенческие годы, – это лишь база, требующая постоянного пополнения собственных знаний. По этой причине особо важное значение приобретает воспитание у студентов личной установки и привычки на постоянную самостоятельную деятельность и самообразование, на дальнейшее повышение профессионализма и усвоение новых научных достижений. Все перечисленное будет способствовать предотвращению устаревания информации, накопленной за годы обучения в вузе, увеличению научного и образовательного потенциала собственного банка знаний. Собственные наблюдения автора свидетельствуют, что наибольший интерес к проблемам самообразования проявляют студенты, имеющие высокий уровень учебного самосознания.

Понятно, что специалисту любой профессии необходимо учиться всю свою жизнь, поскольку знаний, полученных в высшей школе, недостаточно не только для того, чтобы плодотворно работать, творить, строить что-то новое в условиях быстрого развития науки и техники, но порой и для того, чтобы по окончании вуза стать полноправным членом общества. Чтобы не отстать от жизни, выпускник высшей школы должен не переставать учиться и повышать квалификацию, но интенсивность усвоения знаний различна в разные периоды жизни личности. Главный максимум времени познания относится, по мнению Р.В. Хохлова, к студенческим годам, «к сложному процессу получения знаний в институте или в университете». По мнению ученого, «именно студенческие годы – это самое лучшее время для того, чтобы учиться, это время познания. ...Учитывая данную особенность, важно еще в стенах вуза выработать не только привычку, но и потребность к самообразованию, усвоить систему рациональных приемов и методов умственного труда»⁵.

В процессе формирования самообразовательных навыков студентов увеличиваются возможности средств информационных и коммуникационных технологий (ИКТ). Под ними следует понимать и программные, программно-аппаратные, и технические средства и устройства, функционирующие на базе микропроцессорной, вычислительной техники, а также современных средств и систем транслирования информации, информационного обмена, обеспечивающие операции по сбору, воспроизведению, накоплению, хранению, обработке, передаче информации, обеспечивающие возможность доступа к информационным ресурсам компьютерных сетей.

Иногда самообразование рассматривают как специально организуемую работу над собой. По определению «Педагогической энциклопедии», «самообразование – образование, приобретаемое вне учебных заведений путем самостоятельной работы»⁶. Применительно к высшей школе понятие «самообразование» можно рассматривать значительно шире. К примеру, некоторые виды и формы самостоятельной работы, выполняемые студентами уже в учебном заведении, могут быть средством самообразования: постановка задачи поиска своего, улучшенного решения, стремление к своей, более совершенной конструкции, поиск своих формулировок и выводов при изучении литературы и т.д.

Подобного рода методы самостоятельности приобретаются не сразу, а при условии постоянной целеустремленной работы, при выполнении различного вида заданий, что в полной мере относится к студентам, обучающимся в высшей школе. Особый акцент может быть сделан на использовании предложенных Н.В. Матяш, М.В. Ретивых и В.Д. Симоненко творческих, активных и комплексных методов: дизайн-анализа изделий, творческих проектов, мозговой атаки, деловой игры, компьютерной поддержки, учебного эксперимента, олимпиады, экскурсий, функционально-стоимостного анализа, алгоритмического метода⁷.

■ Педагогика

Переход на новые программы образования в вузах показал, что многие выпускники не умеют восполнять дефицит научно-педагогических знаний путем самообразования. Эффективность формирования у студентов умений работать с научной и учебной литературой обеспечит эффективность самостоятельной работы, которая определяется степенью интенсивности самостоятельной работы студентов по предметам, активности на лекциях, семинарских и лабораторных занятиях, интенсивностью практики, участием в работе спецсеминаров, спецкурсов, а также при выполнении курсовых и дипломных работ по выбранной специальности. В данном определении, на наш взгляд, отражается самообразовательная работа в самом учебном процессе, усматривается единство самостоятельной работы студентов и самообразования, хотя в некоторых случаях ученые отождествляют самообразование с самостоятельной работой.

Таким образом, система работы по формированию у будущих специалистов готовности

к профессиональному самообразованию представляется как комплекс взаимосвязанных специальных педагогических мер, осуществляемых в процессе учебно-воспитательной работы в вузе и вне его, но объединенных общей целью.

Romanenko N.M. Content of Poces of Self-Education of Students as a Pedagogical Problem.

Summary: *The article considers methodological problems of the content of process of self-education of students as a pedagogical problem showing the specifics of teaching activities in institutions of higher education. The author analyzes the category "self-education of students" is analyzed in the works of different authors of the Soviet and post-Soviet period and stresses the peculiarities of students self-education with reference to their age and stage of learning in the higher school. The article stresses the significance of information and communication technologies (ICT) in the course of building self-educational skills of university students.*

Ключевые слова

Студент, самообразование, самообразовательные навыки, вуз, особенности юношеского возраста, самостоятельная работа, самостоятельная деятельность, информационные и коммуникационные технологии.

Keywords

Student, self-education, self-educational skills, institution of higher education, independent operation, independent activities, information and communication technologists.

Примечания

1. Торкунов А.В. Педагогика и подготовка специалистов-международников // Вестник МГИМО-Университета. 2013. № 1. С. 7.
2. Дмитриев А.В., Филиппов Н.Л. Научная организация учебного труда слушателей: Уч. пособие. Уфа: Уфимская высшая школа МВД РФ, 2005. С. 44.
3. Зиновьев С.И. Учебный процесс в советской высшей школе. М.: Высшая школа, 1968. С. 89-90.
4. Писарев Д.И. Избр. пед. соч. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1984. С. 23.
5. Хохлов Р.В. Время познания // Наука и жизнь. 2003. №9. С. 8-11.
6. Педагогическая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1964. Т.1. С. 211.
7. Матяш Н.В., Ретивых М.В., Симоненко В.Д. Методы технологического образования школьников // Актуальные проблемы технологического образования в школе и в вузе: Межвузовский сб. науч. раб. Новокузнецк, 1999. С. 25-33.

Использование межкультурного подхода для становления иноязычной профессиональной компетентности специалиста (педагогический аспект)

О.В. Немирович

В статье сравниваются компетентностный и межкультурный подходы к преподаванию иностранных языков в вузе. Автор приходит к выводу, что они вызваны к жизни одними и теми же доминантными процессами, происходящими в современном мире. Автор дает определение понятиям «компетентный специалист» и «компетентность». В статье также рассматривается понятие «готовность» как результат обучения.

Проблема формирования специалиста с высшим образованием (в широком, неспециальном смысле этого термина) интерферируется «тектоническими сдвигами переходной эпохи»¹, происходящими в глобализирующемся, унифицирующемся и подвергающемся регионализации мире. Компетентностный подход в образовании и межкультурный подход в преподавании иностранных языков вызван к жизни одними и теми же доминантными процессами: наличием геоэкономического мира и транснациональной реальности; существованием поликультурного и мультилингвального контекста; необходимостью этнокультурной самоидентификации личности; возможностями обмена информацией (в том числе профессиональной) и ее доступностью в любой точке мира; распространением международных стандартов на различные сферы деятельности и жизни современного человека.

Эта синонимия в порождающих процессах дает основание говорить о возможности их взаимного усиления в определенных условиях, а именно

в условиях образования в области иностранных языков. Результатом такого образования в профессиональном вузе может считаться иноязычная компетентность специалиста как его способность принимать полноценное участие в межкультурной коммуникации. Формирование способностей и готовностей к осуществлению речевых поступков обуславливается субъективными и психологическими факторами. С учетом выше обозначенных трендов высшее образование должно сформировать компетентного специалиста, который является человеком знающим, опытным и готовым к тому, чтобы:

- материально обеспечивать себя и свою семью в условиях подвижного рынка рабочих мест;
- жить в гармонии с другими людьми в условиях мультикультурности окружающего мира;
- жить в гармонии с собой в условиях множественности самоидентификаций и самоопределений;
- жить в гармонии с Богом и истиной в условиях противоречивого мира и быть готовым «ко

Немирович Ольга Васильевна – к.пед.н., доцент кафедры иностранного языка № 5 МГИМО(У) МИД России.
E-mail: nemirovolga@yandex.ru

всему» – «fit for all», – как необходимость для человека, живущего в быстроменяющемся мире и работающего в условиях мобилизационной экономики.

У человека, знающего иностранный язык, набор готовностей отличается от готовностей одноязычного человека по их набору и количеству не только в области осуществления речевых поступков. Между коммуникативно-деятельностными потребностями и уровнями готовности личности к их удовлетворению существуют определенные взаимосвязи. Потребности выступают в качестве основных единиц мотивационного уровня, выражая запрос на умение осуществлять прямой и обратный перевод текстов по специальности, вступать в устную и письменную коммуникацию на иностранном языке.

Тексты по специальности обладают более высоким мотивационным потенциалом, поскольку коррелируют с профессиональной областью студента. Данное утверждение основано на исследовании готовности студентов IV курса ФПЭК МГИМО(У) к устной и письменной коммуникации в профессиональной деятельности. Под «готовностью» мы понимаем подготовленность студента к выполнению заданий, наличие у него соответствующих компетенций, а также настроенность на его успешное выполнение. Целью двух констатирующих экспериментов на I и на IV курсах было определение уровней (высокий, достаточный, недостаточный, низкий) различных аспектов готовности. Мы выделили следующие аспекты готовности:

- когнитивный (знания-1 по специальности и знания-2 по иностранному языку);
- компетентностный или исполнительский;
- аффективный;
- мотивационный;
- поведенческий;
- операциональный.

В задачи исследования также входило ранжирование аспектов готовности по степени эффективности ее повышения в процессе изучения иностранного языка в вузе. Выводы о результатах были сделаны на основе анкетирования студентов и педагогического наблюдения за предпочтениями студентов при выборе уровня сложности текстов для дополнительного чтения и педагогическом анализе результатов их учебной деятельности.

Готовность студентов представляет собой интегративное свойство личности, приобретаемое в результате специально направленного обучения. Она обеспечивает переход на более сложный этап вузовской подготовки, а также переход из системы вузовской подготовки в систему профессиональной деятельности. Именно поэтапное достижение готовности к все более сложным заданиям приводит к формированию иноязычной и профессиональной компетентности.

В иноязычной компетентности специалиста содержится его способность к межкультурной коммуникации, точнее, способности к общению на межкультурном уровне. Данные способности складываются из овладения вербально-семантическим кодом изучаемого языка, то есть «языковой карти-

ной мира» носителей этого языка (формирование иноязычного сознания специалиста) и «глобальной (концептуальной) картины мира», позволяющей человеку понять новую для него социальную действительность. В нашем исследовании это соответствует формированию иноязычной и общей культуре специалиста. Способность к общению предполагает овладение двумя видами компетенций: иноязычной коммуникативной компетенцией и общей компетенцией.

Иноязычная компетентность специалиста формируется с учетом тех процессов, которые происходят в личности в ходе овладения ею неродным для нее языком. Языки отличаются друг от друга своей вербально-семантической «сетью». Выделим две понятийные сферы для усвоения студентами их содержания: понятия I – «глобальная картина мира» и понятия II – «языковая картина мира» (формирование в иноязычной компетентности специалиста его когнитивного сознания). Это соответствует «знаниям-1» и «знаниям-2» в представленных выше аспектах готовности.

Формирование глобальной картины мира – сложная задача, так как речь идет о развитии умений распознавать мотивы и установки личности, принадлежащей иной общности, где действует иная система ценностей, норм и оценок. Овладеть суммой знаний о картине мира – значит выйти на когнитивно-понятийный уровень языковой личности. При подготовке специалиста, активного участника межкультурной коммуникации, владеющего наряду с родным и иностранным языком как средством профессионального общения, важно научить носителя образа мира одной социально-культурной общности понимать (постигать) носителя иного языкового образа мира. Использование понятия языковой картины мира и понятийной системы личности как способа организации знаний позволяет утверждать, что понять какую-нибудь фразу или текст – значит, пропустить ее через свой понятийный ряд, соответствующий со своими знаниями и найти соответствующее ее содержанию место в картине мира. Этот результат может быть достигнут при неполном, приблизительном знании семантики слов, но адекватном соотношении их смысла с областями применения понятий, в нашем случае это области международной деятельности.

Принятие концепции иноязычной профессиональной компетентности в качестве основы для организации педагогической деятельности означает, что в процессе обучения иностранным языкам делается акцент на сопоставлении не столько разных языковых явлений, сколько на различии концептуальных систем в контексте мировой и национальной культур. Это сопоставление предполагает и, как мы утверждаем, приводит к осознанию студентами собственной уникальной сущности как культурно-исторического субъекта. Взаимосвязанное коммуникативное, социокультурное и когнитивное развитие студентов, являясь средством и результатом формирования иноязычной компетентности специалиста, призвано помочь им:

– во-первых, активизировать процессы познания путем усвоения чужого образа жизни/поведения;

– во-вторых, научиться употреблять иностранный язык во всех его проявлениях в аутентичных ситуациях межкультурного общения (формирования навыков и умений);

– в-третьих, расширить собственное сознание за счет приобщения к «языковой картине мира» носителей изучаемого языка (развитие).

Эти процессы приводят к самоактуализации личности, ее восхождению к «Я – идеальное», «Я – идеальное, профессиональное». Следовательно, иноязычная компетентность специалиста есть категория, имеющая связь с такими качествами личности индивидуума, как способность строить взаимодействие и взаимопонимание с партнерами по деятельности и общению (социальное взаимодействие), умение включаться в современные мировые процессы развития науки и техники, совершенствовать их, приводя к свободе в общении, творчеству, самостоятельности.

Следует заметить, что иноязычная компетентность специалиста есть идеальная конструкция. Ее реализация в условиях вуза вряд ли возможна в современных условиях в полном объеме, однако, несмотря на это, принятие иноязычной компетентности специалиста в качестве исходного конструкта и моделирование ее структурной организации активизируют процесс саморазвития педагога, который позволяет ему быть организатором соответствующих личностно-развивающих ситуаций для студентов.

Раскрывая природу и условия реализации концепции формирования иноязычной профессиональной компетентности путем формирования готовности студента к жизни и профессиональной деятельности, необходимо обеспечить естественную интеграцию культурно-мировоззренческих ценностей социума, представителем которого является студент, и культурно-мировоззренческих ценностей народа изучаемого языка. Разумное сочетание этих ценностей создает благоприятные условия для самосознания студентом себя в «родном» социуме, развития представлений о самобытности этого социума и одновременно устраняет иллюзию «относительно самодостаточности этой самобытности»², открывает мир для студента и студента для мира.

Успех взаимопонимания между носителями разных лингвокультур в условиях межкультурной коммуникации определяется степенью совпадения образов их сознания. Это, в свою очередь, ставит задачу формирования у студентов готовности к осмыслению социокультурного портрета стран изучаемого языка, этнической, расовой и социальной терпимости, речевого такта и социокультурной вежливости, склонности к поиску ненасильственных способов разрешения конфликтов. Реализация указанной выше задачи возможна только в том случае, если процесс обучения будет осуществляться в контексте диалога культур. Обучение иностранным языкам в контексте диалога

культур является мощным фактором личностного развития учащегося. В процессе приобщения к чужой культуре в контексте диалога культур студент опирается на познавательные средства своей культуры, привлекаемые для осознания средств чужой культуры, на новые знания о чужой культуре, сформированные в процессе ее познания, и на новые знания о своей культуре, созданные при познании чужой культуры.

Развитие личности студента, находящегося в соизмерении разных лингвокультур, осуществляется на основе его мировидения и миропонимания и предполагает восприятие и рефлексию собственных ценностей и общественных взаимосвязей. Понимание непонятого в чужой культуре, рефлексия им собственных процессов познания, интерпретация понятого может привести в качестве результата обучения к положительным изменениям в общей структуре поведения студента, к появлению у него новых способностей, а также к порождению им новых видов и форм культуротворчества в профессиональной деятельности.

Профессионализация и гуманитаризация являются центральными дидактическими линиями социально-проектируемого вузовского учебного процесса. Они отражают раздвоение общественных требований к человеку на производственные (требования к нему как будущему работнику) и нравственные, духовные (требования к нему как гражданину). Разрешение этого противоречия определяет главную задачу высшей школы в современный период. К числу планетарных тенденций развития высшего образования относят:

- широкую диверсификацию его типов;
- постоянную адаптацию образовательных программ к будущим потребностям;
- повышение адекватности высшего образования;
- переход высшего образования к парадигме «образование в течение всей жизни»;
- предоставление студентам оптимального диапазона выбора;
- придание гибкого характера «началу» и «прекращению» получения высшего образования;
- усиление роли высшего образования в формировании у студентов готовности понимать, интерпретировать, сохранять, распространять и развивать национальные, региональные, межнациональные и исторические культуры в условиях их разнообразия;
- реализацию установки на воспитание студентов в духе гражданственности и подготовку их к активному участию в жизни общества;
- формирование необходимых потенциалов и стратегий развития высшего образования на основе социального партнерства, расширения связей высшего образования с миром труда;
- достижение сбалансированности между когнитивным освоением учебных дисциплин и овладением навыками в сфере коммуникаций, творческого и критического анализа;

■ Педагогика

– возрастание направленности на междисциплинарные и трансдисциплинарные образовательные программы;

– появление новой учебной сферы, основанной на современных технологиях и видах образовательного обслуживания;

– внедрение модульных учебных программ в качестве новых организационных рамок для обучения и преподавания.

Учебный предмет «иностранный язык» имеет возможности сформировать у студента осознание окружающего мира как мультикультурного объекта, что является первой ступенью в формировании его представлений о глобальном мире. На второй ступени формируется осознание этого мира как мультикультурного объекта, пронизанного общечеловеческими, унифицированными характеристиками. Третья и предельная форма возможности человека в осознании глобального мира – это способность видеть за множественностью культур единые общечеловеческие ценности и целостность человеческой жизни. Таким образом, формируя столь сложные фундаментальные представления человека, мы обеспечиваем его пригодность и готовность к вхождению в глобальный мир и активное взаимодействие с ним.

С учетом всего вышеизложенного можно сказать, что компетентность – это интегральное универсальное качество личности, ее фитнес-готовность к любым ситуациям в жизни, а в нашем случае – к любым ситуациям профессионального взаимодействия в области иноязычной и инокультурной коммуникации. Наличие пространства иноязычной культуры в структуре общей культуры личности формирует способность к переносу знаний (феноменологической редукции) и готовность принять и допустить, что существует как-то иначе сформированная онтология бытия другого народа. Эта готовность позволяет быстрее сориентироваться в ситуации пребывания в любой другой стране, а не только в стране изучаемого языка, про традиции и культуру которой студенты получили знания на занятиях.

В современных условиях формированию такого качества могут служить такие способы и виды межкультурного взаимодействия, как участие в международных проектах, зарубежных поездках и учебе за рубежом, переписка. Специалист или профессионал будет способен не только эффективно функционировать в «предлагаемых обстоятельствах», но сможет постоянно развивать себя – свои качества, способности, сознание и деятельность. Педагогическая система, ориентированная на воспитание и развитие таких качеств человека, должна обладать средствами и технологиями хорошо отлаженной тренинговой системы.

Например, для развития навыков устной и письменной речи используются учебные ситуации общения, которые можно подразделить на стандартные – нестандартные, так называемые

«case-studies». Возможности использования метода ситуационного анализа («case-study») для формирования иноязычной профессиональной компетентности студентов на занятиях по иностранному языку в неязыковом вузе связаны с технологией учебной реконструкции профессиональной деятельности студентов в соответствии с принципом изоморфности содержания обучения иностранным языкам вероятному содержанию профессиональной деятельности.

Учебная деятельность (УД) как специфический вид человеческой деятельности наиболее тесно связана с профессиональной деятельностью. В ней отражаются все основные психологические характеристики труда. Согласно взгляду В.В. Давыдова, оформление УД как самостоятельного вида деятельности определяется развитием самого производительного труда. В УД индивид выступает как прообраз будущей производительной силы общества, которая задает основные параметры его развития. «Выпускник профессиональной школы, особенно высшей, должен быть способен к целесообразному общественному труду и культуротворчеству, к строительству собственной жизни, среды обитания и общения»³.

Поэтому чрезвычайно важной является взаимосвязь учебной деятельности обучающегося и аспектов и параметров его будущего производительного труда. В процессе учебной деятельности происходит формирование системы практических и теоретических знаний, которые являются предпосылкой построения способов выполнения практических действий и условием формирования профессиональной компетенции.

Сравнительно-сопоставительный анализ уровней готовности на I и на IV курсах показал, что увеличивается общий уровень готовности. Анализ показателей готовности по ее различным аспектам дает интересный материал для педагогического осмысления. Уровень готовности студентов IV курса, связанный с когнитивным аспектом готовности, со знаниями по специальности (знания-1), вырос от недостаточного до высокого уровня по сравнению с уровнем готовности по этому же аспекту студентов первого курса и на четвертом курсе является базовой основой при переводе текстов по специальности. Уровень знаний-2 (знания по иностранному языку) увеличился от «достаточного» до «высокого». Компетентностный и аффективные аспекты готовности остались почти без изменений.

Интересным для анализа является результат, связанный с мотивационной готовностью. У студентов первого курса он значительно выше, чем у студентов четвертого курса. Причины такого снижения уровня готовности требуют дополнительного исследования и анализа, но уже сейчас можно сказать, что причинами этого явления, скорее всего, являются недостаточная осведомленность первокурсников о мире труда в целом, романтизация ими сферы будущей деятельности. К четвертому курсу студенты приобретают

более реальные знания о сфере труда, но еще не имеют отчетливых представлений о сфере конкретного приложения своего образования. Именно это и снижает на четвертом курсе уровень мотивационной готовности.

Способы повышения этого вида готовности, как нам кажется, связаны с диверсификацией сфер образования и образовательных структур, которые значительно масштабнее, чем структура преподавания иностранного языка в вузе. Являясь звеном системы высшего образования, учебный предмет «иностранное языко» может вносить свою долю содействия в получение запрограммированного и ожидаемого результата, а именно компетентного специалиста за счет формирования его иноязычной профессиональной компетентности. Эта компетентность есть индивидуальный набор актуализированных в процессе профессионального развития и саморазвития, пережитых и отрефлектированных, с целью саморегуляции и коррекции умений, навыков и способов осуществления иноязычной коммуникации и взаимодействия, которые интегрированы личностью и находятся в состо-

янии готовности их переноса на другие ситуации иноязычной, профессиональной межкультурной коммуникации.

Рассмотренные выше виды готовности, ее аспекты и уровни, позволяют осуществлять педагогический мониторинг процесса формирования иноязычной профессиональной компетентности. Результат проведенного исследования позволяет ранжировать аспекты готовности от наиболее к наименее поддающимся влиянию ее аспектам в процессе изучения иностранного языка – когнитивному, аффективному, компетентностному, поведенческому и мотивационному.

Nemirovich O. V. The Usage of the Intercultural Approach for the Expert Professional Competence Development.

Summary: The article is devoted to competence and intercultural approaches in foreign language teaching. The author comes to conclusion, that they are caused by the same processes occurring in modern world. The author makes the definition of the terms «competent expert» and «competence».

Ключевые слова

Педагогика высшей школы, иностранное языко в вузе, формирование личности будущего специалиста, компетентность, методика преподавания иностранного языка.

Keywords

Higher school pedagogic, foreign language study, approaches in teaching foreign language, formation of the person of the future expert, competence, a technique of teaching of foreign language.

Примечания

1. Торкунов А.В. Современная история России в международном контексте. – URL : http://www.mgimo.ru/234625/hist_torkunov/pdf
2. Гальскова Н. Д., Гез Н.И. Теория обучения иностранным языкам. Лингводидактика и методика: учеб. пособие для студ. лингв. ун-тов и фак. ин. яз. высш. пед. учеб. заведений / Н. Д. Гальскова, Н.И. Гез. 4-е изд.. М.: Академия, 2007. С. 16.
3. Педагогика профессионального образования: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Е.П. Белозерцев, А.Д. Гонеев, А.Г. Пашков и др.; под ред. В.А. Сластенина. 3-е изд., стер. М.: Издательский центр «Академия». 2007. С. 7.

Актуальные проблемы лингводидактики: определение целей и задач обучения иностранному языку

Т.К. Цветкова

Автор предлагает собственную трактовку целей и задач обучения иностранному языку на основе авторской концепции овладения иностранным языком как процесса формирования билингвизма. Конечная цель обучения должна определять не сумму компетенций, а форму билингвизма. Промежуточные цели и задачи обучения должны определяться задачами формирования каждого блока механизма владения иностранным языком.

Определение целей – важный компонент системы обучения, так как цели определяют содержание обучения, то есть предмет системы как деятельности (чему обучать, чтобы достигнуть цели), методы и средства обучения (как и с помощью чего обучать, чтобы достигнуть цели). Цель определяется как потребность, которая удовлетворяется деятельностью, как предмет, на который направлена деятельность в качестве непосредственного результата¹. Ведущей в обучении иностранному языку является практическая цель. Г.В. Рогова, в частности, понимает ее как результат решения большой, всеобъемлющей задачи, которая заключается в том, чтобы привести учащегося от незнания иностранного языка к определенному владению им².

Но овладение иностранным языком также оказывает влияние на мировоззрение учащегося, обогащая его новыми сведениями о языке и через посредство языка об окружающем мире и самом себе. Поэтому помимо практической в обучении иностранному языку планируется также достижение воспитательной, общеобразовательной и

развивающей целей (А.Л.Бердичевский, Г.В.Рогова, А.А.Леонтьев и др.). В современной трактовке цель обучения иностранному языку понимается как развитие у обучающегося способности к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия. В такой формулировке цели обучения иностранному языку взаимосвязанно проявляются все ее аспекты – прагматический, когнитивный и педагогический:

- прагматический аспект связан с формированием у обучающегося коммуникативной компетенции;

- когнитивный – с использованием иностранного языка в качестве инструмента познания иной лингвокультуры и соответственно как средства развития межкультурной компетенции и личности в целом;

- педагогический аспект предусматривает развитие таких качеств бикультурной личности, как самостоятельность, активность, эмпатия³.

Цели обучения представляют собой многоуровневую систему, которая складывается из ко-

Цветкова Татьяна Константиновна – к.психол.н., профессор МГУ. E-mail: vestnik@mgimo.ru

нечных целей по видам речевой деятельности или компетенциям, подцелей каждого года обучения и задач каждого конкретного занятия. Конечные цели управляют иерархией промежуточных целей и задач, которые управляют всеми элементами системы обучения. Цель достигается путем решения множества задач. Если цель определяет стратегию обучения, то задачи – это его тактика. Каждая задача ставится с учетом достижения общей поставленной цели и является этапом на пути достижения общей цели обучения (Г.В. Рогова, А.Л. Бердичевский, И.Л. Бим, Р.П. Мильруд и др.).

Практическая цель обучения иностранному языку может быть сформулирована в разных терминах. Ранее в качестве практической цели выдвигалось формирование у обучающихся умения пользоваться иностранным языком в разных видах речевой деятельности в пределах требований программы по этапам обучения (Г.В. Рогова, А.А. Леонтьев, М.А. Давыдова и др.). Как подчеркивает А.А. Леонтьев, любое обучение – это обучение той или иной деятельности. Применительно к иностранному языку обучать деятельности означает учить правильно строить акт этой деятельности, то есть формировать входящие в него действия и операции и соединять их в единую систему. Основная задача обучения здесь – построить нужные речевые операции и «сложить» из них нужные речевые действия. Практическая цель обучения, таким образом, заключается в формировании у обучающихся коммуникативно-речевых умений и лежащих в их основе навыков во всех видах речевой деятельности, которые обеспечивали бы удовлетворение их коммуникативных потребностей⁴.

Отметим, что овладение деятельностью перевода, не менее значимой в контексте осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком в отрыве от естественной для этого языка среды общения, как правило, не включается в практическую цель обучения. В настоящее время практическая цель обучения иностранному языку формулируется в терминах компетенций: лингвистической, лингвострановедческой, коммуникативной и др. (А.Л. Бердичевский, Н.Д. Гальскова, И.Л. Бим, Ж.Л. Витлин и др.).

Коммуникативная компетенция рассматривается как общее понятие, интегрирующее целый ряд частных компетенций, и предполагает способность субъекта «к межкультурному взаимодействию и к использованию изучаемого языка как инструмента этого взаимодействия»⁵.

Она понимается как сформированная способность человека выступать в качестве субъекта коммуникативной деятельности общения⁶. В идеале коммуникативная компетенция предусматривает присвоение иностранного языка до степени его ощущения субъектом как «моя способность». Однако эта идеальная цель трудно достижима, поэтому чаще выдвигается конкретная цель обучения – обучение общению в определенных регламентируемых и расширяющихся по программе ситуациях на предусмотренные и не предусмотренные программой темы, обе-

спеченные иноязычными средствами (И.Л. Бим, Н.Д. Гальскова, И.А. Зимняя, Р.П. Мильруд, Ж.Л. Витлин и др.). Для этого определяются уровни развития коммуникативной компетенции⁷.

В задачи данной статьи не входит анализ всех точек зрения на проблему определения целей обучения иностранному языку. Приведенные выше мнения свидетельствуют, что обучение иностранному языку трактуется так же, как и обучение другим предметам. Однако, изучая другие учебные дисциплины, обучающийся осмысливает их в пределах собственной, монологичной картины мира, ему не нужно формировать у себя понятия, отсутствующие в родной культуре. Иностранный язык имеет принципиальное отличие: чтобы его усвоить, субъект должен выйти за пределы собственной картины мира и усвоить целый ряд новых понятий и концептов, то есть стать бикультурным. В противном случае его понимание иностранного языка будет ограничено концептуальной картиной родной культуры, и проникновения к смыслам иной культуры не произойдет.

Тем не менее в лингводидактике цели и задачи обучения иностранному языку обычно рассматриваются безотносительно к формированию билингвизма. Исключение составляют исследования, проводимые в рамках теории языкового сознания (П.Я. Гальперин, О.Я. Кабанова, Т.А. Абрамкина, Э.В. Маруга и др.) и вторичной языковой личности (И.И. Халеева, К.Н. Хитрик, Л.М. Орбодоева, В.П. Федорова и др.). Эти подходы непосредственно соотносятся с проблематикой формирования билингвизма, хотя и не пользуются соответствующей терминологией.

Можно по-разному определять цели изучения иностранного языка в зависимости от того, что ставится во главу угла. С точки зрения изучающего язык субъекта конечная цель состоит в том, чтобы уметь сказать, написать, понять и перевести то, что нужно. В продуктивных видах речевой деятельности иностранный язык должен обслуживать потребности самовыражения человека как субъекта коммуникации. Обучающийся должен уметь выражать свои мысли на иностранном языке, строя нормообразные иноязычные высказывания на основе имеющихся у него критериев правильности (чувства языка).

В рецептивных видах речевой деятельности субъект должен уметь извлекать необходимую ему информацию из письменного или звучащего текста на иностранном языке. Кроме этого, обучающийся должен уметь правильно осмысливать иноязычные высказывания (включать их в контекст иноязычной, а не русскоязычной картины мира), замечать отличия иноязычных способов выражения от принятых в родном языке и осознавать свое непонимание. В последнем случае всегда есть соблазн осмыслить иноязычное высказывание в контексте родной культуры.

Наконец, в реальных условиях профессиональной деятельности постоянно возникает необходимость перевода на родной язык и обратно. В данном случае мы не говорим о деятельности про-

фессионального переводчика. Перевод, который осуществляется спонтанно в условиях профессиональной деятельности, служит обычно средством понимания информации и донесения ее до других. Поскольку имеется реальная потребность в умениях такого рода у людей, владеющих иностранным языком и не являющихся профессиональными переводчиками, формирование переводческих умений, на наш взгляд, также должно быть включено в список целей изучения иностранного языка.

Исходя из этого, можно определить цели обучения иностранному языку в терминах умений, которые должны быть сформированы у изучающего иностранный язык субъекта. Но любой человек, изучающий иностранный язык, уже является языковой личностью, владеющей родным языком. Родной язык, будучи носителем определенной картины мира, задает формат не только общения, но и восприятия окружающей действительности. Владение иностранным языком становится возможным при соответствующем изменении личности обучающегося, которая, постигая особенности иноязычной картины мира, становится билингвальной и бикультурной. Поэтому владение иностранным языком не может быть сведено к некоторой сумме знаний, навыков и умений (компетенций).

Овладение вторым языком представляет собой процесс постепенной трансформации субъекта учебной и речевой деятельности из монолингва в билингва. Отсюда следует, что цели обучения иностранному языку целесообразно формулировать в соответствии с закономерностями становления искусственного билингвизма, то есть такой формы билингвизма, формирование которой является результатом специально организованного обучения. Поскольку второй язык изучается личностью, уверенно владеющей родным языком, такой билингвизм неизбежно является смешанным. Это значит, что два языка в сознании субъекта имеют общую семантическую основу, то есть имеющаяся у субъекта система значений и смыслов может быть выражена средствами любого из двух языков. В процессе изучения иностранного языка первым формируется субординативный билингвизм, в котором родной язык занимает доминирующую позицию. Это значит, что осмысление всей информации об изучаемом языке осуществляется в концептуальном поле родного языка, а порождение и восприятие иноязычных высказываний осуществляется как перевод с или на родной язык.

По мере совершенствования в изучаемом языке субъект переходит на стадию скоординированного билингвизма. Это значит, что действие внутреннего перевода, необходимое для производства и восприятия иноязычных высказываний, принимает свернутую автоматизированную форму, и появляется ощущение непосредственного производства высказываний на иностранном языке. Однако родной язык сохраняет доминирующую позицию как инструмент познания, то есть осмысление новой информации по-прежнему происходит в концептуальном поле родного языка. Наконец, высшим этапом развития билингвизма, необходимым для

осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком, является уравнившийся билингвизм, когда оба языка занимают более или менее равноправные позиции в сознании субъекта и он приобретает способность осмысливать явления иностранных языков и культуры в их родном поле смыслов, не прибегая к объяснениям на родном языке.

Таким образом, конечная цель обучения иностранному языку с точки зрения формирования билингвизма заключается в достижении обучающимся стадии уравнившегося смешанного билингвизма, которая является оптимальной для осуществления профессиональной деятельности с иностранным языком. Достижение этой стадии предполагает формирование у обучающегося дополнительного целостного механизма владения языком, отвечающего за производство и восприятие высказываний на иностранном языке.

Формулировка частных целей и задач обучения будет определяться спецификой содержания и функций каждого из блоков механизма владения языком. Согласно нашей гипотезе, механизм владения языком включает три блока: «образ языка», блок внутренних перекодировок, блок реализации⁸. Формирование блока реализации для иностранного языка будет определяться достижением двух целей: формирования артикуляционно-интонационных навыков и накопления слов, а также некоторого фонда синтаксиса⁹, обеспечивающих возможность дальнейших образований по аналогии в соответствии с законами изучаемого языка. Для блока внутренних перекодировок основной целью обучения будет формирование программ построения высказывания на иностранном языке и механизма переключения с языка на язык. Для блока «образ языка» такой целью является формирование адекватного образа изучаемого языка, базирующегося на понимании различий между картинами мира и системами родного и изучаемого языков.

Из этого следует, что основной задачей обучающегося является представление изучаемого языка обучающимся, с одной стороны, как системы смыслов, отражающей образ мира говорящего на нем народа, в противопоставлении образу мира, представленному родным языком, а с другой – как рабочей модели, усвоение которой обеспечит порождение и восприятие высказываний на этом языке. Вторая основная задача обучения – обеспечить усвоение этой модели, то есть сформировать систему действий для порождения и восприятия речи на иностранном языке.

Определяя промежуточные цели обучения иностранному языку, также необходимо учитывать закономерности формирования и развития билингвизма. На стадии субординативного билингвизма овладение иностранным языком происходит путем установления соответствий между способами выражения мыслей на родном и изучаемом языках. Порождение иноязычных высказываний осуществляется через перевод с родного языка, это объективный факт, который признается всеми исследователями. Значит, основной целью обуче-

ния иностранному языку на стадии субординативного билингвизма должно стать формирование действия перекодирования содержания с родного языка на иностранный, которое даст обучающемуся возможность правильно выражать свои мысли средствами иностранного языка. На первом этапе становления билингвизма перекодирование не только составляет основу продуктивной речи на изучаемом языке. С его помощью оптимизируются процессы понимания иноязычных текстов, которые на этой стадии осмысливаются также с помощью родного языка. Автоматизация и свертывание действия перекодирования закладывает основы механизма переключения с языка на язык в билингвальной языковой системе. Кроме того, в начале своего становления действие перекодирования – это фактически перевод с родного языка на иностранный. Поэтому обучение этому действию представляет собой, по сути, формирование начальных переводческих умений.

В отличие от принятой практики, необходимо специально отметить, что на этой стадии бесполезно использовать иностранный язык для объяснения учащимся правил этого языка. Как уже говорилось, они пока неспособны понимать их в

поле смыслов изучаемого языка. Они неизбежно будут переводить объяснения на родной язык, и качество усвоения будет в значительной степени определяться качеством перевода. Поэтому настоятельным требованием является представление и объяснение явлений иностранного языка на родном языке обучающихся.

Таким образом, введение теории билингвизма как основы для рассмотрения закономерностей усвоения иностранного языка обуславливает необходимость полного пересмотра целей и задач обучения.

Tsvetkova T.K. Contemporary Lingvodidactics: Defining Goals and Objectives of Foreign Language Teaching.

Summary: The author suggests her own interpretation of goals and objectives of foreign language teaching based on the author's original conception of mastering a foreign language as a process of bilingual development. The final goal should be described not as a set of competencies, but as a form of bilingualism. Intermediate goals and objectives should be determined by the task of developing each block of the mechanism of language command.

Ключевые слова

Билингвизм, механизм владения языком, цели и задачи обучения иностранному языку.

Keywords

Bilingualism, language command mechanism, goals and objectives of foreign language teaching.

Примечания

1. Бердичевский А.Л. Оптимизация системы обучения иностранному языку. М.: Высшая школа, 1989. 104 с.
2. Рогова Г.В. Цели и задачи обучения иностранным языкам// Общая методика обучения иностранным языкам/ под ред. А.А.Миролюбова. М.: Русский язык, 1991. С.75-82.
3. Гальскова Н.Д. Межкультурное обучение: проблема целей и содержания обучения иностранным языкам. 2004. № 1. С.3–8.
4. Методика/ под ред А.А.Леонтьева. М.: Русский язык, 1988. 180 с.
5. Гальскова Н.Д. Современная методика обучения иностранным языкам. М.: Аркти, 2004. С.6.
6. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989. 220 с.
7. Бим И.Л. Цели обучения иностранному языку в рамках базового курса. Иностранные языки в школе. 1996. №1. С.48–52.
8. Цветкова Т.К. Механизм владения языком как основа для моделирования процессов формирования билингвизма. Филологические науки в МГИМО: сборник научных трудов. №39. М.: МГИМО(У) МИД России, 2010. С. 80–88.
9. Караулов Ю.Н. Ассоциативная грамматика и ассоциативно-вербальная сеть. М.: ИРЯ РАН, 1999. 180 с.

Одиннадцать томов «Великой Победы»

М.В. Харкевич

*Главный ресурс мощи России, ее будущего –
в нашей исторической памяти.*
В.В. Путин

Многотомное продолжающееся издание под общим названием «Великая Победа», насчитывает уже 11 томов, состоящих из 34 книг. Это один из наиболее успешных и грандиозных научных проектов МГИМО-Университета последних лет, реализация которого начиналась совместно с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России в 2010 г. К 65-й годовщине Великой Победы были подготовлены первые 6 томов: «Канун трагедии», «Вставай, страна огромная», «Победа», «Другое лицо войны», «Утраченные перспективы» и «За честную историю». К печальному юбилею 70-летия начала Великой Отечественной войны в 2011 г. вышли 7-й и 8-й тома издания, посвященные трагичному первоначальному этапу войны («Испытание») и международным судам над военными преступниками («Расплата»). В 2012 г. уже без участия Комиссии, которая к этому времени прекратила свое существование, вышли еще три тома «Война в эфире», «Сталин в годы войны» и «Сражение за Москву и Сталинград».

Издания «Великой победы» выходят под общей редакцией председателя Государственной думы Российской Федерации С.Е. Нарышкина и академика РАН, ректора МГИМО(У) МИД России А.В. Торкунова. «Великая Победа» является приложением к университетскому журналу «Вестник МГИМО-Университет». Научная и педагогическая актуальность исследований по истории Второй мировой войны заключается в необходимости повышения исторической составляющей в гуманитарном образовании. Особенно это касается образования будущих дипломатов и специалистов-международников широкого профиля деятельности. Так, на открытии заседания Учебно-методического объединения вузов РФ по образованию в области международных отношений в 2013 г. председатель данного объединения, ректор МГИМО(У) МИД России академик А.В. Торкунов,

в своем выступлении отметил, что «если для специалиста в области точных наук лучшей тренировкой и основой профессионализма является математика, то для международника эту задачу выполняет история»¹. Поэтому «предельно важно, чтобы история международных отношений полноценно вернулась в образовательный процесс не просто ярким нарративом времен Тарле, но как всеобъемлющее, аналитическое понимание международной среды, в которую органично вписана внешняя политика России, в исторической эволюции ее внешнеполитических интересов и ресурсов»².

Вторая мировая война имеет важнейшее значение для понимания политической истории второй половины XX в. Поэтому «Великая Победа» может стать хорошим учебным пособием по истории международных отношений указанного периода для магистерского и аспирантского уровней обучения. «Великая Победа» призвана также выполнить просветительскую миссию в России, где историческая память становится все более размытой и уязвимой для вольных и невольных искажений. Директор ВЦИОМа В.В. Федоров вместе с соавтором показывают в многотомнике следующие тенденции в подходах россиян к событиям военных лет:

«– этноцентричность в подходах к общему прошлому;

– низкий уровень фактического знания и незначительная реальная вовлеченность в процесс сохранения памяти о Великой Отечественной войне на фоне сохраняющегося высокого интереса к событиям тех лет;

– «рубеж поколений и школ» — нисходящая возрастная и образовательная направленность знаний и оценки;

– «геополитический водораздел»: расхождение в оценках, мотивациях и тенденциях изучения, знания и памяти о Второй мировой войне по трем основным страновым группам (победители — побежденные — жертвы);

Харкевич Максим Владимирович – к.полит.н., старший преподаватель кафедры мировых политических процессов МГИМО(У) МИД России. Email: vestnik@mgimo.ru

– незавершенность дискуссионного процесса в отношении болевых точек и «фона» войн (например, сталинизма);

– виктимизация (акцент на трагедиях, нежели достижениях сложного XX века)»³.

Многотомник отвечает на все вышеперечисленные вызовы российской исторической памяти о Второй мировой и Великой Отечественной войне. К примеру, четвертый том «Другое лицо войны» затрагивает «болевы точки» исторической памяти, связанные в том числе и с предательством, и коллаборационизмом. Девятый том полностью посвящен фигуре И.В. Сталина, его роли в войне.

Многотомник не лишен также внешнеполитической актуальности. Она связана с острой необходимостью перехода европейской системы безопасности от блокового мышления к неделимой архитектуре безопасности. Министр иностранных дел В.С. Лавров отмечает в этой связи в многотомнике, что «сегодня Европа вновь находится перед выбором. Уже никто не отрицает системной проблемы в сложившейся архитектуре евробезопасности, суть которой – в необходимости преодоления блоковых, конфронтационных подходов к ее обеспечению. Убеждены, что это возможно только на путях создания механизмов, гарантирующих неделимость безопасности на всем пространстве от Ванкувера до Владивостока»⁴. Блоковое сознание основывается во многом на различных интерпретациях сложных вопросов истории Второй мировой войны, порой на сознательном искажении исторических фактов для сохранения блоковой ментальности и поддержания существующей архитектуры институтов безопасности. Поэтому восстановление исторической истины военного периода сегодня – акт в высшей мере политический, от которого будет зависеть безопасность народов не только Европы, но и всего мира.

Речь идет об изменении понимания безопасности в отношениях между Россией и Западом. К сожалению, большая часть истории этих отношений характеризуется дилеммой безопасности. Пожалуй, только в рамках «Европейского концерта» и антигитлеровской коалиции России и Западу удавалось уходить от игры с нулевой суммой. Попытки полного отождествления СССР (Сталина) с нацистской Германией (Гитлером), сомнение в определяющей роли Красной армии в победе над Третьим рейхом и в освобождении народов Европы от «коричневой чумы» искажают живую историческую память сотрудничества СССР с западными союзниками по антигитлеровской коалиции, в которой безопасность была неделимой. Устранение искажений в исторических интерпретациях позволит создать условия для построения общеевропейской безопасности на новых кооперативных принципах. Академик А.В. Торкунов убежден, что «весь опыт межвоенного периода — от Версальского мира до начала Второй мировой войны — убедительно свидетельствует о невозможности создания эффективной системы коллективной безопасности в Европе без действенного участия крупнейшей европейской державы — России»⁵.

Многотомник «Великая Победа» выполняет, таким образом, высокую миссию восстановления исторической памяти общемировой борьбы против фашизма/нацизма, в которой СССР сыграл ключевую роль и понес наибольшие потери. Память о единстве в антигитлеровской коалиции сегодня более актуальна, чем память о разделенности в годы холодной войны. Ответ на общие вызовы современности возможен только на основе единства. Эту прописную истину должны понимать те, кто искажает историю Второй мировой войны.

Многотомник играет и важную внутриполитическую роль охранения и консолидации на государственном уровне исторической легитимности современного политического режима в России, истоки которой, согласно академику Ю.С. Пивоварову, директору ИНИОН РАН, находятся в историческом факте победы СССР во Второй мировой войне. Современный политический режим считает себя, по мнению Ю.С. Пивоварова, преемником того коммунистического режима, который одержал победу во Второй мировой войне и уже характеризовался отказом от тотального насилия и частичным восстановлением традиций российской власти⁶. Пересмотр итогов Второй мировой войны, таким образом, разрушает историческую легитимность современной России.

По своей структуре многотомник напоминает летопись, включающую в себя подробное описание отдельных событий и вопросов Второй мировой войны. Многотомник многолик: здесь рассматриваются и история антигитлеровской коалиции, и сложные вопросы истории Второй мировой войны (Мюнхенский договор, пакт о ненападении между СССР и Германией от 1939 г., национальные движения в Прибалтике и на Украине, проблема второго фронта), и вопросы военного планирования, геополитики, военной дипломатии, а также ход и решения послевоенных трибуналов.

В таком летописном повествовании довольно сложно выделить систему или единую линию. Знакомство с названиями всех 11 томов и входящих в них книг (см. табл. 1) позволяет сделать вывод о наличии определенной тематической последовательности только на протяжении первых шести томов. Летописание войны развивается в этих шести томах логически и хронологически: от методологической дискуссии о вариативности подходов к описанию истории Второй мировой войны до анализа причин и событий, приведших в конечном итоге Антигитлеровскую коалицию к победе. Затем, в четвертом томе, раскрывается неприглядное, другое лицо войны с гримасами предательства, измены и янусовской двойственностью вопросов исторической и нравственной оценки деятельности национальных движений на Украине и в Прибалтике в годы войны. Пятый том рассказывает об утраченных перспективах послевоенного сотрудничества между СССР и его западными союзниками по антигитлеровской коалиции. И, наконец, шестой том посвящен проблеме сознательной фальсификации истории.

Таблица 1

Название томов и книг многотомника.

№ тома	Название тома	Название книг тома
I.	Канун трагедии	книга первая «На весах истории». книга вторая «Истоки мирового пожара». книга третья «На азиатском направлении».
II.	Вставай страна огромная	книга четвертая «Перед германским нападением». книга пятая «Позади Москва». книга шестая «Перелом и освобождение».
III.	Победа	книга седьмая «Дипломатические аккорды «большой войны»». книга восьмая «Путь к избавлению».
IV.	Другое лицо войны	книга девятая «Операция «Марс»». книга десятая «Герои или преступники?». книга одиннадцатая «Коллаборационизм и предательство». книга двенадцатая «Судьба лимитрофной Прибалтики».
V.	Утраченные перспективы	книга тринадцатая «Высокая политика». книга четырнадцатая «Испытание победой». книга пятнадцатая «Несостоявшаяся гармония».
VI.	За честную историю	книга шестнадцатая «Президентская комиссия». книга семнадцатая «К правде через историю». книга восемнадцатая «Мгновения военных лет».
VII.	Испытание	книга девятнадцатая «Чистые руки. грязные руки». книга двадцатая «Накануне». книга двадцать первая «На щите и без щита». книга двадцать вторая «Сталинградская Мадонна». книга двадцать третья «Помним».
VIII.	Расплата	книга двадцать четвертая «Научая конференция в МГИМО». книга двадцать пятая «Чем наше слово отзовется».
IX.	Сталин во время войны	книга двадцать шестая «Дипломат». книга двадцать седьмая «Руководитель». книга двадцать восьмая «Ближняя дача».
X.	Война в эфире	книга двадцать девятая «Криптографы вступают в бой». книга тридцатая «Шифры разведчиков и партизан». книга тридцать первая «Контрразведка». книга тридцать вторая «Противник».
XI.	Сражения за Москву и Сталинград	книга тридцать третья «Их остановили под Москвой». книга тридцать четвертая «Сталинград».

В последующих томах логика развития первых шести томов утрачивается. Повествование в седьмом томе делает хронологический прыжок назад, к началу войны, и подробно освещает трагедию начального этапа Отечественной войны. В восьмом томе речь уже идет о расплате нацисткой Германии и ее союзниц на судебных процессах в Нюрнберге (1945–1946 гг.), Токио (1946–1948 гг.) и Хабаровске (1949 г.), подготовке, проведении и результатах Сан-Францисской мирной конференции (1951 г.), а также отражении в исторической науке и в школьных учебниках, издаваемых в странах СНГ и ряде западных стран, событий Второй мировой и Великой Отечественной войн. Девятый том полностью отдан одной из наиболее противоречивых исторических фигур XX в. – генералис-

симусу И.В. Сталину. Десятый том рассказывает читателю об отдельной инструментальной сфере ведения боевых действий – военной криптографии, а также о противоборстве разведок враждующих государств. В одиннадцатом томе рассматриваются две поворотные битвы Второй мировой войны – Московская и Сталинградская.

Из представленного выше видно, что логика описания истории Второй мировой войны в 7–11 томах строилась на анализе различных компонентов структуры этой войны: ее трагического начала; юридической оценки итогов войны; роли Сталина как руководителя СССР в годы войны; ключевого значения новых технологий в годы войны на примере криптографии и разведки; поворотных битв – за Москву и за Сталинград. Несмотря на разрыв логики между шестым и седьмым томами для всего многотомника можно выделить две ключевые линии, о которых уже говорилось выше: развитие идеи международного сотрудничества в борьбе с «коричневой чумой» и противодействие преднамеренной фальсификации истории.

В первую линию, развивающую идеи международного сотрудничества с общими угрозами, выстраиваются третий том («Победа»), пятый том («Утраченные перспективы») и восьмой том («Расплата»). Вторая линия, укрепляющая основы устоявшейся интерпретации истории Второй мировой войны, сформирована первым томом («Канун трагедии»), четвертым томом («Другое лицо войны»), шестым томом («За честную историю») и девятым томом («Сталин в годы войны»). В качестве иллюстраций материалов, представленных в многотомнике, по каждой из упомянутых выше линий, можно привести следующие размышления и доводы авторов рассматриваемой летописи Второй мировой войны.

К примеру, одно из направлений фальсификации военной истории XX в. заключается в полном отождествлении нацистского и советского режимов. Несмотря на схожесть, между Сталиным и Гитлером были и важные различия. А.В. Торкунов доказывает во второй книге «Истоки мирового пожара», что «в корне неверно ставить знак равенства между политикой Сталина и Гитлера и тем более – считать их одинаково ответственными за развязывание Второй мировой войны. Источником войны была агрессивная сущность фашизма, окрепшего и обнаглевшего благодаря западной политике умиротворения. Советская политика решала оборонительные, а не наступательные задачи, хотя на последнем этапе действовала очень грубыми методами»⁷. Оценивая значение дискуссионного советско-германского договора о ненападении, М.М. Наринский отмечает: «В сложной международной ситуации сталинское руководство предпочло заключить договор о ненападении с гитлеровской Германией в августе 1939 г. и пойти с Берлином на раздел сфер интересов в Восточной Европе. Договор о ненападении и секретный дополнительный протокол стали тактическим успехом И. В. Сталина, но его стратегическим просчетом.

Договор был выгоден А. Гитлеру и позволил ему развязать Вторую мировую войну в благоприятных для него условиях»⁸.

Анализируя статьи и выступления И.В. Сталина в период 1920–1930-х гг., А.О. Чубарьян еще раз приходит к выводу, что «для Сталина (может быть, во многом в отличие от В.И. Ленина и ряда других сталинских соратников) практика и идеология интернационализма и коммунизма во многих случаях являлись скорее средством, чем целью, а на первое место выдвигались идеи национализма и прагматических национальных интересов»⁹. При этом А.О. Чубарьян далек от изображения Сталина в качестве великого прагматика. «Расширение экономического сотрудничества и доверительных отношений с Германией, перенос идеологической борьбы со стран «оси» на западные демократии, отказ от тактики единого фронта в деятельности Коминтерна, заигрывание с идеей присоединения к антикоминтерновскому пакту не были оправданы рациональными соображениями «баланса сил» и ограничивали свободу рук Москвы в лавировании между двумя враждующими группировками. Этот крен в сторону нацистской Германии, пишет Чубарьян, означал, что Сталин «утратил чувство меры и ощущение реальности», и привел к тому, что «Советский Союз стал как бы заложником Германии и ее действий»¹⁰.

А.А. Ахтамзян в статье «К историографии Великой Отечественной войны. Полководцы Победы» приводит краткий, но емкий историографический обзор, рассматривая работы как отечественных, так и зарубежных ученых. Среди них он выделяет как наиболее объективный труд М.А. Гареева¹¹. Автор развенчивает мифы, окружающие историю Второй мировой войны, и широко распространенные в литературе искажения, в том числе миф о возможной превентивной войне Германии против СССР, что не соответствует исторической действительности. Автор также анализирует «цену победы», человеческие потери со стороны каждой из сторон. «Обобщенные данные дают возможность сравнить потери СССР и Германии. Безвозвратные потери советских вооруженных сил составили около 9 млн личного состава. Потери фашистского блока составили 9,3 млн чел., в том числе 7,4 млн германских граждан. ... Однако надо учитывать и потери союзников Германии. Значительное превышение потерь Советской армии объясняется и тем, что из 4,5 млн советских солдат, попавших в плен, более 2 млн погибли от голода и репрессий в германских лагерях, тогда как из примерно 2 млн германских пленных большая часть выжила в суровых климатических условиях России и вернулись домой после определенного срока»¹².

Вторая из выделенных линий повествования в многотомнике связана с анализом успехов и неудач сотрудничества в рамках антигитлеровской коалиции. Так, в статье «Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнерства» М.А. Мунтян рассматривает историю образования и принципы деятельности Антигитлеровской коалиции, дипломатические переговоры,

предшествовавшие открытию второго фронта, а также анализирует роль СССР в формировании послевоенного мирового порядка. В статье также приведен анализ работы Московской конференции министров иностранных дел СССР, США и Великобритании, Конференции «Большой тройки» в Тегеране и дипломатические переговоры по решению проблем послевоенного урегулирования югославского, польского и французского вопросов, в ходе которых СССР показал образец союзнического поведения.

Автор охарактеризовал причины кризиса и распада блока агрессоров. Отдельно рассмотрен ход Ялтинской и Потсдамской конференций. М.А. Мунтян делает вывод, что «мир после Второй мировой войны из многополярного превратился в биполярный. Союзники на время войны стали соперниками, превратив весь земной шар в арену политико-идеологического противостояния и военного противостояния. ... Антигитлеровская коалиция сумела обеспечить победу над фашистской Германией и милитаристской Японией, показав широкие возможности демократического сотрудничества среди большинства государств мира. Она прекратила свое существование с началом холодной войны, не выдержав испытания миром»¹³.

Джон Байерли, Чрезвычайный и Полномочный Посол США в Российской Федерации (2008–2011 гг.), анализируя предпосылки и последствия высадки союзников в Нормандии, рассматривает успех Нормандской операции как общую победу для всех участников антигитлеровской коалиции. Сотрудничество союзников в ходе Второй мировой войны стало, по его мнению, залогом успеха как высадки в Нормандии, так и окончательной победы над фашистской Германией¹⁴. Господин Байерли особенно подчеркивает тот факт, что «члены антигитлеровской коалиции смогли подняться над имевшимися между ними глубокими идеологическими противоречиями во имя достижения общей цели – победы во Второй мировой войне»¹⁵.

А.А. Орлов изучает историю создания ООН, наиболее представительной и авторитетной международной организации. Александр Арсеньевич полагает, что «одним из главных результатов победы антигитлеровской коалиции над фашизмом стало создание Организации Объединенных Наций»¹⁶. Относительно будущего ООН, которая, согласно распространенному мнению, в настоящее время переживает кризис, автор полагает, что «у ООН есть огромный ресурс развития. Она может и должна успешно адаптироваться к реалиям меняющегося мира. В рамках рационального реформирования ООН, являющегося не разовой кампанией, а последовательным процессом, в Совет Безопасности могут войти новые страны, в том числе на правах постоянных членов. Это только укрепит Организацию, повысит легитимность ее Совета Безопасности прежде всего в глазах развивающихся стран. При этом важно, чтобы сохраняли свою силу базовые принципы ООН, заложенные в ее фундамент «отцами-основателями»»¹⁷.

Обе выделенные линии в многотомнике объединяются в названии статьи редактора «Великой Победы» С.Е. Нарышкина «Честная история – ключ к формированию доверительных отношений между народами»¹⁸. Действительно, схожесть интерпретаций истории свидетельствует о схожести ценностей, от которых невозможно уйти даже наиболее позитивно мыслящим историкам. Стремление к научной объективности может существенно сблизить Россию и Запад. С.Е. Нарышкин отмечает, что «история не должна являться предметом манипулирования, а историческую правду, какой бы она ни была, следует искать на основе первоисточников»¹⁹. «Эффективным способом противодействия фальсификации истории, – полагает С.Е. Нарышкин, – является максимально широкое введение в научный оборот новых, в том числе и рассекреченных, документов»²⁰.

Следует отметить, что в многотомнике в полной мере реализована предложенная С.Е. Нарышкиным методология противодействия фальсификации. На страницах «Великой Победы» опубликовано и введено в научный оборот более 1000 архивных документов и почти столько же уникальных фотоматериалов.

Единственное направление, в котором сборник можно продолжать совершенствовать, касается даже не самого сборника, а его распространения. Приобрести все одиннадцать томов многотомника сегодня практически невозможно. Первые шесть томов доступны в Интернете на сайте, посвященном 65-летию Великой Победы <http://www.victory65.mgimo.ru> Кроме того, в «бумажном» формате шеститомник доступен в книжных интернет-магазинах. Там же можно приобрести седьмой и восьмой тома. К сожалению, девятый, десятый и одиннадцатый тома пока остаются недоступными широкому читателю.

Многотомник «Великая Победа» является значительным событием в отечественной исторической науке и обладает широкой научной, учебной, просветительской и политической миссией. Принять участие в этом событии в роли читателя и комментатора будет полезно всем интересующимся или профессионально занимающимся историей Второй мировой войны.

Kharkevich M. V. Eleven volumes of the Great Victory.

Примечания

1. Торкунов А.В. Создание университетов мирового уровня: новые тенденции в российском высшем образовании // Вестник МГИМО-Университета. 2013. №2. С. 8.
2. Там же.
3. Каменчук О.Н., Федоров В.В. Война, ставшая Великой и Отечественной: о восприятии Второй мировой войны в российском обществе. 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 81.
4. Лавров С.В. История реальная и мнимая // 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 35.
5. Торкунов А.В. Предвоенные уроки нашему времени. 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 38.
6. Пивоваров Ю.С. Вторая Отечественная и современная Россия (К вопросу о родословии послесоветского строя) // Россия и современный мир. 2011. № 2. С. 134–159.
7. Торкунов А.В. Мюнхен: роковой перекресток на дороге войны. 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 102.
8. Наринский М.М. Международно-политический кризис кануна Второй мировой войны. 1: Канун трагедии / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 142–143.
9. Чубарьян А.О. Российско-германские отношения (август 1939 – июнь 1941). «Смена вех» в теории, идеологии и пропаганде. Т. 2: Вставай, страна огромная / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 7.
10. Торкунов А.В. Уроки трагедии, в которой не было героев. Т. 2: Вставай, страна огромная / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 17.
11. См.: Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004.
12. Ахтамзян А.А. К историографии Великой Отечественной войны. Полководцы Победы. Т. 3 Победа / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 289.
13. Мунтян М.А. Антигитлеровская коалиция: достижения и проблемы союзнического партнерства Т. 3: Победа / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 50.
14. Байерли Д. «60 лет высадки в Нормандии» (Москва, май 2004) Т. 3 Победа / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО Университет, 2010. С. 193.
15. Там же. С. 196.
16. Орлов А.А. Создание Организации Объединенных Наций – результат победы над фашизмом. Т. 3 Победа / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 269.
17. Там же. С. 272.
18. Нарышкин С.Е. Честная история – ключ к формированию доверительных отношений между народами Т. 6: За честную историю / 65 лет Великой Победы : в 6 т. / под общ. ред. С. Е. Нарышкина, акад. А. В. Торкунова; Моск. гос. ин-т междунар. отношений (ун-т) МИД России. М.: МГИМО-Университет, 2010. С. 10–12.
19. Там же. С. 12.
20. Там же.

«Красные» полководцы 1930-х: состав, взаимоотношения, судьбы

А.А. Падерин

С.Е. Лазарев. *Социокультурный состав советской военной элиты 1931–1938 гг. и ее оценка в прессе русского зарубежья. Воронеж: Воронежский ЦНТИ Минэнерго России, 2012. 312 с.)*

Рецензируемая монография – результат исследования ее автором одной из острейших проблем социальной и социокультурной истории советского общества периода 1930-х гг. Такой подход отражает ведущую тенденцию распределения исследовательских усилий: нынешние историки не стремятся как можно шире охватить проблемное поле, общая картина которого в той или иной степени отчетливо прописана. Они сосредотачиваются на углубленном изучении лишь отдельных сегментов, но это позволяет им вносить определенные коррективы и обогащать существующую общую картину советской жизни.

Безусловно, вышесказанному в значительной мере способствуют изменившаяся общественно-политическая обстановка в России и связанный с этим расширившийся доступ к архивным документам и материалам. Вместе с тем в историографии отечественной исторической науки еще немало проблем, требующих дальнейшего более глубокого и объективного исследования. Обосновывая свой выбор, автор, по нашему мнению, вполне справедливо подчеркивает: «Нынешняя реформа Российской армии неизбежно влечет изменение ее высшего командного состава. Вновь возникают вопросы о том, какой должна быть военная элита, какими качествами и профессиональными навыка-

ми она обязана обладать, какое положение должна занимать в обществе» (с.5).

Изучив конъюнктуру в области военно-исторических исследований, С.Е. Лазарев, по нашему мнению, вполне справедливо заключил, что «проблема формирования и эволюции советской военной элиты относится к числу наименее исследованных» (с. 6). Еще и поэтому его научная работа может быть оценена как весьма актуальная, вносящая существенный вклад в исследование социокультурного состава советской военной элиты 1931–1938 гг., необоснованного, противозаконного уничтожения по указанию И.В. Сталина большого числа ее лучших представителей.

Автор четко формулирует цель своей работы: «проанализировать социокультурный состав советской военной элиты 1931 – 1938 гг., гибель значительной ее части в период репрессий и отражение этих трагических событий в прессе русского зарубежья» (с. 26). Исходя из намеченной цели, он предусматривает решение следующих весьма непростых исследовательских задач:

- выявить социально-демографические характеристики советской военной элиты указанного периода;
- изучить проблемы взаимоотношений между представителями армейской верхушки, выделить основные группировки и наиболее яркие фигуры;

Падерин Александр Александрович – к.и.н., член-корреспондент РАЕН, полковник в отставке.
Email: paderin41@mail.ru

- проанализировать взаимоотношения между военной и политической элитой;
- изучить вопрос о присвоении персональных воинских званий;
- раскрыть факторы, повлиявшие на решение И.В. Сталина о массовых репрессиях против военных;
- исследовать процесс выдвижения новых командных и начальствующих кадров во 2-й половине 1930-х гг.;
- изучить вопрос о влиянии репрессий на боеготовность Красной армии;
- проанализировать воздействие периодических эмигрантских изданий на общественное мнение в СССР и за рубежом;
- исследовать реакцию русского зарубежья на репрессии в Красной армии (с. 26 – 27).

Как известно, важным основополагающим признаком серьезной научной работы является ее богатая библиография. Во введении к монографии представлен, на наш взгляд, весьма обстоятельный анализ отечественной, а также частично зарубежной научной литературы, имеющейся на нынешнем этапе развития историографии исследуемой проблемы, в том числе источниковой базы (стр. 6 – 39).

При решении исследовательских задач автор опирался на многочисленные и разнообразные источники. В первую очередь это архивные документы. Им использованы материалы 11 фондов из 4 архивов: 8 фондов Российского государственного военного архива (РГВА), по одному фонду Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА), Российского государственного архива социально-политической истории (РГАСПИ) и Государственного архива Орловской области (ГАОО). Из хранящихся в РГАСПИ им использованы, в частности, материалы личного фонда И.В. Сталина.

Хорошим подспорьем для исследователя являлись уже опубликованные архивные материалы. По признанию автора, в решении соответствующих исследовательских задач ему очень помогла публикация ранее засекреченных стенограмм заседаний Военного совета при наркомате обороны СССР (1934 – 1940 гг.). Они содержат ценную информацию об отношениях военной элиты с политическим руководством, затрагивают важнейшие вопросы строительства Вооруженных сил. На заседаниях Совета обсуждались сложные кадровые проблемы, порожденные репрессиями против военных, а также личные и профессиональные конфликты между военачальниками. Эти трения отражены и в рассекреченных документах Центрального архива ФСБ РФ о «деле военных», которые были опубликованы Ю.З. Кантор в «Истории государства и права» в 2006 г.

Этот далеко не полный перечень использованных С.Е. Лазаревым источников дает нам основание согласиться с его следующим выводом: «Введение в научный оборот столь обширного круга источников позволяет решить поставленные задачи. Современное состояние источ-

никовой базы дает возможность с достаточной полнотой осветить вопрос о советской военной элите 1931–1938 гг.» (с. 39). Важным фактором, способствовавшим успешному достижению намеченной исследователем цели, безусловно, является опора на большой массив научной литературы. Об этом свидетельствует впечатляющий библиографический список, представленный в конце монографии (с. 245–272).

Список изученных исследователем научной литературы и источников, как показывает содержание его научной работы, достаточно репрезентативен. Весьма убедительным свидетельством существенного личного вклада автора монографии в историографию разрабатываемой им темы является солидный перечень его статей в периодических изданиях и различных научных сборниках, текстов докладов в публикуемых материалах научных конференций и т.д. (всего 30 публикаций). Опора на весь освоенный библиографический «багаж» позволила С.Е. Лазареву, по сути, достаточно полно разработать избранную проблему, хотя и с различной степенью глубины, в основном решить все исследовательские задачи.

Прежде всего позволила раскрыть в первой главе выявленные в процессе исследования социально-демографические характеристики советской военной элиты 1931–1938 гг. В центре внимания автора находятся персональный состав элиты, ее лидеры, внутрикорпоративные межличностные связи и отношения, степень их влияния на решение профессиональных и политических вопросов. Это, на наш взгляд, наиболее успешная часть рецензируемой научной работы. В главе на основе глубокого комплексного исследования охарактеризован социокультурный состав советской военной элиты 1930-х гг. Дана развернутая характеристика высших руководителей Вооруженных сил СССР: наркома по военным и морским делам (с июня 1934 г. – наркома обороны), председателя РВС СССР К.Е. Ворошилова, трех его заместителей – Я.Б. Гамарника, М.Н. Тухачевского, С.С. Каменева.

Одновременно с переименованием Наркомата по военным и морским делам в Наркомат обороны был упразднен РВС СССР. Вместо него в ноябре 1934 г. был образован Военный совет при наркомате обороны СССР – коллективный орган руководства Вооруженными силами с совещательными функциями. В монографии показана эволюция количественного и персонального состава Военного совета вплоть до 1937 г. По состоянию на этот год автор осуществил весьма важный статистический анализ сообщества членов Совета – по возрасту, социальному происхождению, национальной принадлежности, партийному стажу, службе в старой русской армии, военному образованию, имеющимся наградам.

Наряду с отмеченной выше кропотливой исследовательской работой автор скрупулезно изучил взаимоотношения между представителями армейской верхушки, выделил основные группировки и наиболее яркие фигуры. Посвя-

щенный полученным результатам раздел монографии читается с интересом, привлекает своей аргументированностью, новизной оценок. «Взаимоотношения в среде высшего командного состава Красной армии отличались большой сложностью», – подчеркивает автор (с. 71). Он выделяет три влиятельные группы, объединявшие старых приятелей, боевых соратников, единомышленников в вопросах военного строительства:

– первая из них — группа К.Е. Ворошилова, находившаяся под покровительством И.В. Сталина. К ворошиловской группе, помимо соратников по Первой Конной армии, примыкали сослуживцы по Юго-Западному фронту в период советско-польской войны 1920 г. Членов этой группы объединяла неприязнь к М.Н. Тухачевскому, И.П. Уборевичу. В то же время она была неоднородна по своему составу и дробилась на части. Существовала, например, «команда» Буденного, Дыбенко и Егорова;

– автор условно выделяет вторую влиятельную группу М.Н. Тухачевского – И.П. Уборевича. В нее входили командиры – единомышленники в вопросах военного строительства в 1930-х гг.: Н.А. Ефимов, А.И. Корк, А.Я. Лапин, С.А. Меженинов, Н.М. Роговский, Б.М. Фельдман, И.А. Халепский, Р.П. Эйдеман. Этих военачальников объединяли образованность, безоговорочная поддержка радикальной технической модернизации РККА, новых родов войск, плодотворная работа над теорией глубокой наступательной операции. При этом между военачальниками часто возникали трения в деловых вопросах: Уборевич имел репутацию германофила, в то время как Тухачевский постоянно указывал на Гитлера как на самого вероятного и непримиримого противника;

– третью группу возглавляли Я.Б. Гамарник и И.Э. Якир – соратники по Южной группе войск в 1919 г. К ним примыкали И.И. Гарькавый, И.Н. Дубовой, В.Н. Левичев, С.А. Туровский, С.П. Урицкий. Некоторые историки называют эту группу «украинской». Их объединяли совместная служба, единство взглядов на процессы и явления общественной жизни, развитие военного дела. Гамарника некоторое время связывали хорошие отношения с Ворошиловым и Блюхером. Однако в 1935 – 1936 гг. они заметно испортились. Начальник Политуправления РККА и командующий Киевским военным округом неоднократно поддерживали Тухачевского в деловых вопросах. Известно, что, когда в 1929 – 1930 гг. двое арестованных военных на очной ставке показали на связь Тухачевского с «враждебными элементами», Гамарник, Дубовой и Якир вступились за Михаила Николаевича.

Вопреки сложившемуся мнению, Гамарник и Якир играли вполне самостоятельную роль. Они обладали большим авторитетом в военной элите, претендовали в ней на лидерские позиции, и с Тухачевским и Уборевичем у них существовала очевидная конкуренция. Недаром на процессе 11 июня 1937 г. Тухачевский говорил о Яне Борисовиче, что среди военных «авторитет его был

выше, чем у меня» (с. 74). Указанные группировки конфликтовали между собой. Прирожденные командиры, воспитатели войск Тухачевский, Уборевич, Якир внедряли в боевую подготовку новейшие достижения военной науки и практики, терпеть не могли самодовольных неучей, не желавших повышать свой профессиональный уровень, единственным достоинством которых было рабоче-крестьянское происхождение. Таких командиров Тухачевский, Уборевич, Якир называли «безкультурными». В свою очередь бывшие фельдфебели и унтер-офицеры, не получившие достаточного образования, смотрели на военспецов с завистью и с подозрением. Например, Белов, Дыбенко, Кулик неоднократно жаловались, что Тухачевский, Уборевич, Якир принижали командиров пролетарского происхождения, презрительно называли их безграмотными, отсталыми «ворошиловскими холоуями».

«Взаимоотношения между представителями военной элиты находились в плену политической конъюнктуры. Это отчетливо видно на примере Тухачевского, у которого еще с периода Гражданской войны имелись конфликты и противоречия со Сталиным и его окружением. Возможно, если бы Сталин как член РВС Юго-Западного фронта не воспротивился передаче Конной армии Буденного в распоряжение Тухачевского во время советско-польской войны, события могли пойти по другому сценарию. Не только Михаил Николаевич, но и другие участники кампании считали, что своим губительным планом главного удара на львовском направлении Сталин помешал Красной армии победить в этой войне. Сам же вождь был убежден, что поражение под Варшавой было результатом «большой оплошности» Тухачевского» (с. 75 – 76).

Тухачевский и некоторые другие представители высшего командования Красной армии занимали в 1930-х гг. активную антифашистскую позицию, что препятствовало попыткам Сталина сблизиться с гитлеровской Германией. Михаил Николаевич еще в 1923 г. отметил, что Красная армия «должна быть готова к нападению мирового фашизма и должна быть готова в свою очередь нанести ему смертельный удар». При этом он полагал, что «руководство рейхсвера не стоит на высоте с точки зрения использования новейших технических средств... Над всеми этими генералами довлеет опыт империалистической войны и слава былой организации и тактики германской армии» (с. 77).

«Сталин недолюбливал независимого военачальника и искусственно создавал вокруг него атмосферу подозрительности и недоверия. Поэтому положение Тухачевского в Красной армии никогда не было прочным. Нельзя при этом сказать, что Сталин не уважал Тухачевского как полководца и теоретика, не отдавал должного его способностям и заслугам. Однако страх перед военным заговором победил здравый смысл. К командованию войсками Тухачевского в 1930-х гг. не допускали» (с. 76 – 77).

Тухачевский неоднократно затрагивал вопрос о роли конницы в будущей войне и делал вывод, что значение ее будет уменьшаться, а роль авиации, бронетанковых войск и артиллерии возрастет. Однако Ворошилов и Буденный по-прежнему считали, что решающую роль будет играть конница. Отношения между Тухачевским и Ворошиловым не складывались. «Я Тухачевского, вы это отлично знаете, не особенно жаловал, не особенно любил, – признавался Климент Ефремович. – У меня с ним были натянутые отношения. Я Тухачевского невысоко ценил как работника, я знал, что Тухачевский больше болтает, треплет» (с. 78).

При обсуждении проблем обороны и военного строительства Климент Ефремович возражал против радикальных требований и «фантазий» Тухачевского. В своих практических рассуждениях нарком исходил не из модели будущего, а из потребностей настоящего. Нарком обороны проявил непонимание основ глубокого боя, считал, что, несмотря на новое оружие в армии, тактика должна остаться старой. Сталин знал о конфликте между военачальниками и рассматривал Ворошилова в качестве противовеса Тухачевскому. Сталин поощрял критику Тухачевского в адрес Ворошилова, срабатывая их между собой. При формировании военной верхушки вождь явно стремился, чтобы в ней не было единства, заключает автор монографии.

22 сентября 1935 г. ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О введении персональных военных званий начальствующего состава Рабоче-Крестьянской Красной армии» и об утверждении «Положения о прохождении службы командным и начальствующим составом Рабоче-Крестьянской Красной армии». «Введение персональных званий и регламентация порядка прохождения службы... способствовали дальнейшему росту профессиональной подготовки военных кадров и повышению их авторитета, а в целом – укреплению боевой мощи Красной армии» (с. 80). Автор научной работы пришел к следующему выводу: «Во время присвоения званий Сталин предполагал посеять рознь в советской военной элите, лишить ее единства. Ведь карьера военачальников развивалась примерно в одинаковых условиях, многие были ровесниками, имели серьезные заслуги в Гражданской войне, а звания получили разные» (с. 80). Всего звания высшего комсостава были присвоены 622 комкорам, 201 комдиву, 474 комбригам, 1713 полковникам. Именно эти люди должны были в будущей войне командовать армиями, корпусами, дивизиями, бригадами и полками (с. 83).

«Во время присвоения персональных воинских званий в Красной армии оказалось много командиров, считавших себя недооцененными. Свое негодование они обращали как в адрес наркома обороны, контролировавшего эту реформу, так и в адрес своих соратников, получивших более высокое признание своих заслуг. В советской военной элите развивались зависть, глубокие обиды и противоречия, мешавшие объединению перед

лицом общей опасности – грядущих репрессий» (с. 86).

Весьма информативным и аналитическим является также раздел монографии, посвященный так называемым земляческим группировкам, объединявшим ветеранов легендарных соединений по признаку совместной службы. Среди них автор условно выделяет следующие: «дальневосточники», «конармейцы», «котовцы», «примаковцы», «самарцы», «чапаевцы», «щорсовцы и т.д.» (с. 86). Между ними развернулось соперничество за власть и привилегии в армии, возникали разногласия по поводу боевых заслуг тех или иных соединений. Симпатии руководства страны находились на стороне «конармейцев» – соратников И.В. Сталина по Гражданской войне. Это, в частности, отразилось во время присвоения персональных воинских званий в 1935 г., когда многие выходцы из Первой Конной армии получили звания выше, чем их конкуренты. В отношении других группировок военное руководство проводило политику «рассеивания»: лидеры различных соединений направлялись на второстепенные посты или в дальние округа, их заслуги всячески принижались. В разделе даются весьма обстоятельные и нелицеприятные характеристики лидерам земляческих группировок. Их патриотизм по отношению к своим соединениям доходил до антагонизма с соперниками, стремления присвоить себе их заслуги.

Специальный раздел посвящен еще двум лидерам советской военной элиты – командармам И.П. Уборевичу и И.Э. Якиру, возглавлявшим в 1930-х гг. соответственно Белорусский и Киевский военные округа. Оба полководца пользовались большим авторитетом в Красной армии. Им неслучайно было поручено дело особой государственной важности: в их приграничных округах проводились эксперименты по формированию новых механизированных соединений, проходила войсковые испытания новая боевая техника, на специальных учениях проверялись новейшие формы и способы ведения боевых действий. В монографии всесторонне показан большой вклад этих талантливых военачальников в строительство Вооруженных сил, их модернизацию, в обучение и воспитание командных кадров.

На наш взгляд, вполне логично, что главу о советской военной элите автор монографии завершает анализом состояния боевой подготовки РККА на период 1935 – 1937 гг. Ведь, как он справедливо подчеркивает, «одним из главных критериев компетентности военной элиты является ее способность действовать в боевой обстановке» (с. 121). А в мирное время наиболее объективной проверкой уровня выучки войск и подготовленности командования руководить ими были и остаются поныне учения в обстановке, максимально приближенной к боевой.

В 1935 – 1936 гг. были проведены крупные маневры войск Киевского и Белорусского военных округов. Маневры в основном подтвердили высокий уровень развития советского военного искусства, показали хорошую выучку личного

состава. Командиры и штабы умело управляли боем, обеспечивали взаимодействие всех родов войск в быстро меняющейся обстановке. Войска продемонстрировали умение смело десантироваться, быстро вступать в бой и решительно вести боевые действия. Маневры подтвердили верность основных положений теорий глубокой операции и глубокого боя. Их опыт использован при доработке проекта Временного Полевого устава РККА, введенного в действие приказом наркома обороны СССР от 30 декабря 1936 года.

Согласно официальным документам, обстановка в армии характеризовалась высоким уровнем боевой подготовки, готовностью военных кадров к выполнению задач по защите Родины, их преданностью воинскому долгу и Советскому правительству. Особых похвал удостоились командующие Белорусского и Киевского военных округов Уборевич и Якир. По признанию М.Н. Тухачевского и других военачальников, эти округа «за предыдущие годы настолько ушли вперед, что не так-то просто их догнать» (с. 122).

В приказе наркома обороны СССР № 00105 от 3 ноября 1936 г. о результатах боевой подготовки за 1936 г. было отмечено: «Успех маневров, достижение ими поставленных учебных целей, отсутствие потерь и аварий с личным составом и техникой при больших ее количествах свидетельствует о возросшей способности войск вести современный бой и способности командиров управлять этим современным боем...». В приказах Наркомата обороны столь высокая оценка оперативно-тактического мастерства командных кадров была дана впервые: ее не было как в предыдущие годы, так и в последующие (с. 123).

В то же время в выступлениях на Военном совете в октябре 1936 г. звучала не только похвала, но и критика, подчас весьма жесткая. Овладение новой техникой, поступавшей в больших количествах на вооружение войск, стало одной из важнейших задач боевой подготовки. Но эта задача решалась с большим трудом, так как командный состав РККА по своей общей и военной подготовке не всегда был в состоянии осваивать ее (с. 124). Отмечались и другие серьезные недостатки. Хромала боевая работа штабов, особенно из-за отсутствия надежной бесперебойной связи. Плохо было поставлено дело с обеспечением флангов и стыков с соседями, ведением разведки, медленно развивался Тыл Вооруженных сил. Таким образом, маневры 1935 – 1936 гг. выявили и серьезные недостатки в боевой подготовке РККА. Срочно были приняты конкретные меры по их устранению. В частности, в апреле 1936 г. начальником Управления боевой подготовки РККА – 1-м заместителем наркома обороны назначили М.Н. Тухачевского. Морские силы предполагалось вывести в отдельный Наркомат.

«Маневры 1935 – 1936 гг., – заключает автор монографии, – поставили вопрос о смене советской военной элиты. Ответственность за низкий уровень подготовки войск несли офицеры. Неудачи «генералов» развязали Сталину руки для про-

ведения масштабных «чисток». Возможно, вождь смело пошел на уничтожение высшего комсостава потому, что уже не считал его подготовленным для руководства армией в современных условиях» (с. 127). В связи с этим встал вопрос о подготовке новой военной элиты. Высших и старших офицеров обучала Военная академия Генштаба РККА. Одновременно она являлась ведущим военным образовательным учреждением по проведению научных исследований в области обеспечения военной безопасности государства и военного строительства.

Командиров оперативно-тактического уровня готовила Военная академия имени М.В. Фрунзе. С августа 1931 г. при ней существовал специальный Оперативный факультет, готовивший офицеров оперативных органов корпусов, армий, фронтов и Штаба РККА. Однако к 1936 г. он перестал отвечать возросшим требованиям.

Для подготовки специалистов Генерального штаба, высших соединений и объединений была вновь создана Военная академия Генерального штаба РККА. В нее были приняты молодые, перспективные офицеры, обладавшие к середине 1930-х гг. богатым жизненным и военным опытом, но до определенного момента находившиеся в Красной армии «на вторых ролях».

На этом заканчивается глава первая, в три раза превосходящая каждую из последующих. И, самое главное, наиболее фундаментальная по объему и значимости изложенных в ней результатов проведенной автором кропотливой исследовательской работы. В то же время вызывает сожаление тот факт, что столь большой систематизированный материал (почти 100 страниц) резко оборван, не «вдохновил» автора на соответствующие обобщения и выводы.

Вторая глава монографии, на наш взгляд, логически вытекает из первой. В ней автор раскрывает процесс «чистки» советской военной элиты в 1935 – 1938 гг. Она содержит анализ весьма сложных по характеру вопросов. Один из них – о факторах, повлиявших на решение И.В. Сталина осуществить массовые репрессии против военных. После смерти В.И. Ленина, когда Сталин оказался во главе большевистской партии, на рубеже 1920–1930-х гг. произошла подмена ленинской концепции социализма сталинским видением нового общественного строя. Вождь, в частности, считал – и это можно доказать на основе его «сочинений», а главное – подтвердить практикой тех лет, – что построить социализм – это значит прежде всего огосударствить все средства производства в промышленности и обеспечить стопроцентную коллективизацию крестьянских хозяйств. При этом вождь считал, что для достижения данной цели вполне приемлемы и незаконные, и массовые репрессии.

Что повлияло на формирование у Сталина такого убеждения? Он, несомненно, обладал сильной волей и недюжинными организаторскими способностями, был упрям и жесток при достижении намеченных целей. Навязав свое пони-

мание социализма и партии, и государственному аппарату, он, организовав с их помощью повседневную деятельность масс, добился своего: в СССР к концу 1930-х гг. было реализовано его видение социалистического строя. Одним из проявлений этого «казарменного» социализма явилось во многом чрезвычайное по своему характеру уголовное законодательство, служившее «юридической базой» для сталинского произвола¹. С принятием целой серии драконовских законов резко усилились репрессии и сильно ограничивались (можно даже сказать, уничтожались) элементарные судебные-процессуальные права и гарантии советских граждан. Развязанная Сталиным и его окружением кампания массовых репрессий, начавшаяся с 1929 г. и достигшая своего апогея в 1937 – 1938 гг., принесла неисчислимый вред Советскому государству. Она использовалась прежде всего для утверждения культа личности Сталина. Террором и социальной демагогией «вождь всех времен и народов» добился своей цели: установления личной диктатуры. Демократические институты, введенные Конституцией СССР 1936 г., остались на бумаге, превратившись в ширму сталинского режима.

Репрессии были направлены прежде всего против тех, кто имел большой политический опыт. Физически уничтожались буквально все, кто хотя бы внутренне, так сказать, мысленно мог быть в чем-то не согласен со сталинскими «методами» строительства социализма, в том числе – организации Вооруженных сил государства. Политические репрессии в РККА, заключает автор монографии, негативно сказались на боеспособности войск и сил флота, на обороноспособности страны в целом.

«Аресты как «врагов народа» и «предателей», тысяч командиров и политработников привели к подрыву доверия солдат к своим командирам и к тому, что сами командиры стали бояться проявлять инициативу, принимать самостоятельные решения, пассивно ожидали указаний «сверху». Вина Сталина в организации репрессий по отношению к советским гражданам, в том числе к военным кадрам, общепризнанна.

Как нам представляется, наиболее убедительно пишет об этом В.В. Кожин: «В конце концов, даже если характер Сталина и был уникально «злодейским»..., все равно объяснение террора 1937 г. индивидуальной сталинской психикой – это крайне примитивное занятие ... То, что происходило в 1937 г., было своего рода завершением громадного и многогранного движения самой истории страны, начавшегося примерно в 1934 г. после периода коллективизации»². Автор монографии подводит читателя именно к такому пониманию истоков трагедии 1930-х гг. Но, к сожалению, он недостаточно глубоко раскрыл связь между социокультурными особенностями советской военной элиты и весьма специфическим стилем руководства страной, вошедшим в историю под названием культа личности Сталина, сталинизма и даже сталинщины.

Нельзя считать научно-продуктивным подход, при котором «исследования, концентрирующиеся на проводившемся сталинским режимом терроре, часто оставляют в стороне культ вождя. На самом деле оба эти явления тесно переплетены»³. Комплексное раскрытие автором монографии этих явлений обеспечило бы, в частности, более точное понимание и строгое документальное подтверждение причин арестов групп военачальников, межличностных отношений среди них, а также достоверное объяснение поведения столь высокопоставленных персон в период «чистки».

Между тем автор монографии делает это недостаточно аргументированно. Например, он обвинил Уборевича и Якира в том, что они не заступились за своих соратников, которых хорошо знали. «Видимо, Уборевич и Якир не захотели себя компрометировать, интересы личной безопасности поставили выше дружбы» (с. 146). Правда, далее автор сам себя невольно поправляет. Так, в сюжете о Говорове (с. 181) он пишет: «Оставаться так долго на плаву командиру заметному, имевшему генеральское звание, было возможно лишь при условии благосклонности к нему самого вождя. Ведь даже поддержка других высокопоставленных «заступников» в те годы могла не сработать». К тому же едва ли чьи-то протесты Сталина остановили. Скорее всего, это просто подвигло бы его на новые аресты и расправы. Кстати, такие примеры в монографии приводятся.

Особо отметим четвертый, самый крупный раздел 2-й главы – о судьбе первых выпускников Академии Генерального штаба. На наш взгляд, материал этого раздела весьма информативен. В целом же по второй главе выскажем то же пожелание, что и по первой. Имеется в виду необходимость обобщений на основе проведенного анализа имевшихся документов и материалов, формулирования соответствующих выводов по главе. Тем более что в тексте есть мысли обобщающего характера. Например, о том, что «расправа Сталина и его окружения с подобными полководцами нанесла огромный ущерб интересам Советского Союза. Можно предположить, что тяжелых последствий начального этапа войны с Германией в 1941 г. удалось бы избежать, если бы комсостав РККА, обладавший большим опытом, знавший стратегию и тактику германской армии, не был ликвидирован» (с. 148). Или мысль о том, что «версия о «заговоре» в Красной армии до сих пор не подтверждена никакими документами.

Особое место в монографии занимает третья глава, содержащая анализ публикаций прессы русского зарубежья о репрессиях против высшего командования Красной армии в середине 1930-х гг. Интерес автора к материалам таких многотиражных изданий, как «Новая Россия», «Возрождение», «Последние новости», «Русский инвалид», «Часовой», не случаен. «Все они, – пишет он, – выходили в Париже, который считался в предвоенные годы одним из главных центров свободной и творческой мысли. Указанные издания были тесно связаны с общественными и политическими кругами

западных стран, через них шел обмен информацией с зарубежной прессой» (с. 201).

Отслеживая внутриполитическое развитие Советской Республики, публицисты «Новой России» обращали внимание на противоречие между пропагандируемыми достижениями социализма, идеалами «светлого будущего» и реальной политикой властей, направленной на ограничение гражданских прав и свобод, установлением культа личности вождя. Они высказывали сомнение по поводу того, являются ли многочисленные арестованные военачальники действительно «врагами народа» или это все-таки политика Сталина, направленная на борьбу с остатками оппозиции. Причем в одних публикациях сквозило сомнение, а в других – откровенное недоумение по поводу происходившего.

Существовавшие происходивших в Красной армии событий публицисты, по его мнению, трактовали в основном верно: «Сталин смещает всех красных командиров, в которых он не может быть до конца уверен, и назначает на их место своих людей, если даже они годятся всего лишь в денщики». Как отмечалось в «Русском инвалиде» и других изданиях, «чистка» верхов Красной армии совершенно изменила их внешний облик и внутреннее содержание. А именно: «Все мало-мальски грамотное и годное изгнано или расстреляно и на его место выдвинуты совершенно безграмотные командиры», единственным достоинством которых являлась их «беззаветная преданность отцу народов и гениальному вождю».

Автор приводит мнение о самом Сталине, сформулированное очень кратко, но весьма емко историком Е.Э. Месснером: «Военная история полна имен людей, прославившихся победами над вражескими армиями... Сталин войдет в Историю как человек, разгромивший собственную армию. Подвиг, единственный в своем роде. Разгром этот – военное поражение страны в дни мира» (с. 231). В связи с вышесказанным автор монографии, на наш взгляд, справедливо заключает, что для военно-политического руководства нацистской Германии эти «чистки» в Красной армии стали дополнительным стимулом к скорейшему развертыванию агрессии против Советского Союза, в успехе которой тогда на Западе мало кто сомневался (с. 232)⁴.

Автор, по нашему мнению, очень верно подметил еще одну общую характерную особенность деятельности эмигрантских изданий. Публикуемыми слухами о взаимоотношениях советского руководства с армией они вольно или невольно

провоцировали Сталина на жесткие действия. Особенно этим отличалась газета «Возрождение». Поставившая своей целью борьбу с большевизмом, она с удовлетворением воспринимала вести, доходившие с начала 1937 г. о «все возрастающем» разложении кремлевской власти, «о распрях не на жизнь, а на смерть на советских верхах, об арестах виднейших партийцев, о расстрелах».

«Не могли пройти мимо репрессий в Красной армии, – отмечает автор, – и офицеры-белоэмигранты, выпускавшие в Париже собственные печатные органы – газету «Русский инвалид» и журнал «Часовой». Для них характерны неприимчивость к коммунизму, всемерная борьба против большевиков, непризнание (советской. – А.П.) государственной формы правления, верность заветам основателей белого движения» (с.223). «Русский инвалид» на события мая – июня 1937 г. откликнулся статьями Н.Н. Головина («Расстрел Тухачевского») и А.А. Зайцова («Разгром в Красной армии или разгром Красной армии?»). Обе вышли в июльском номере газеты. Головин утверждал, что между большевистским режимом и жизненными интересами армии существовало непримиримое противоречие. А именно: как только «Красная армия пытается переродиться в народную, она становится опасной большевистскому режиму. И обратное, как только большевистские диктаторы принимают меры к упрочению своей власти над армией, они неминуемо подрывают ее боеспособность» (с. 225).

Главу автор завершает цитатами из публикаций газеты «Последние новости»: «Сталин расправился с вождями армии «на всякий случай»; «Никакой государственной измены не было»; «Сталин уничтожил верхушку собственной армии накануне мировой войны. Что могло быть нелепей? Отныне от России можно было ожидать чего угодно – таким был естественный вывод недоумевающей заграницы» (с.239).

К сожалению, ограничившись приведенными выше цитатами, автор монографии не высказывает четко и ясно собственную точку зрения, основанную на проведенном исследовании. Монография фактически не имеет настоящего заключения, в котором ее автор изложил бы результаты реализации заявленных во введении исследовательских задач (с. 26 – 27), раскрыл их научную новизну. Вместо всего этого мы читаем в концовке монографии под названием «Заключение» выхваченные из текста ее глав уже знакомые абзацы.

Paderin A.A. "Red" Captains 1930: Structure, Relationships, Destiny.

Примечания

1. См.: в частности: Мозохин О.Б. Право на репрессии. Внесудебные полномочия органов государственной безопасности. Статистические сведения о деятельности ВЧК – ОГПУ – НКВД – МГБ СССР (1918 – 1953): Монография. 2-е изд., расш. и доп. М.: Кучково поле, 2011. 752 с.
2. Кожин В.В. Правда сталинских репрессий. М.: Изд-во «Алгоритм», Изд-во «Эксмо». 2005. С. 227,231.
3. История сталинизма... С. 446.
4. Дневники Йозефа Геббельса. 1940–1941 гг.// Новая и новейшая история. 1995. № 3. С. 219.

Правительство ИСРП у власти

А.В. Шестопап

Аникеева Н.Е. Испания в период правления Хосе Луиса Родригеса Сапатеро (2004–2011 гг): учеб. пособие/ Н.Е. Аникеева. Моск.гос. ин-т международных отношений (ун-т МИД России, каф. истории и политики стран Европы и Америки, Иберо-американский центр МГИМО. М.:МГИМО-Университет. 2013.74 с.)

Исследование д.и.н., профессора кафедры ИПСЕА Н.Е. Аникеевой по своему жанру – учебное пособие, которое посвящено деятельности правительства Испанской социалистической рабочей партии во главе с Хосе Луисом Родригесом Сапатеро в период с 2004 по 2011 г. Цель данной работы состоит в том, чтобы:

- сформировать объективное представление о деятельности Х.Л. Родригеса Сапатеро на посту главы правительства ИСРП;
- изучить политические и экономические аспекты жизни Испании в этот период;
- представить особенности внешнеполитического курса Испании в исследуемый период.

Н.Е. Аникеева уделила значительное внимание взаимосвязи внутренней и внешней политики правительства испанских социалистов в этот непростой этап в новейшей истории Испании, учитывая тот факт, что страну не обошел стороной мировой экономический кризис 2008 г. При написании работы были изучены выступления видных политических деятелей Испании: Х.Л.Родригеса Сапатеро, А.П. Рубалькабы,

М.Рахоя, Х.Тринидад, Х.М.Гарсиа-Маргальо. С этими документами, а также с трудами испанских исследователей А.Боско, И. Санчес-Куэнка, С. де Торо, И. Мармоль, Х. Моралес, Х.А. Сарсалехос, Х.С. Хименес Редондо, П. Шварц автор ознакомилась в ходе научной командировки в Мадрид (Университет Комплутенсе, факультет политических наук и социологии), которая была осуществлена в рамках сотрудничества между Банком Сантандер и МГИМО(У) МИД России в марте 2012 г. В библиографии работы представлены также исследования отечественных авторов: А.В. Авиловой, С.П. Пожарской, А.А. Орлова, С.М. Хенкина, И.Л. Прохоренко, П.П. Яковлева и др.

Первая глава учебного пособия посвящена внутренней политике правительства Х.Л. Родригеса Сапатеро, в частности, внутривнутриполитической ситуации в Испании после победы испанских социалистов на парламентских выборах в 2004 и 2008 гг. В этой главе создан политический портрет лидера испанских социалистов. Отмечается, что «Сапатеро славится способностью сохранять самообладание в непростых ситуа-

Шестопап Алексей Викторович – д.филос.н., профессор, зав. кафедрой философии МГИМО(У) МИД России, председатель Иберо-американского центра МГИМО. Email: vestnik@mgimo.ru

циях» и что «неизвестно ни одного негативного высказывания о нем как о человеке со стороны лидера оппозиционной Консервативной партии Мариано Рахоя».

В этой главе также уделено внимание политическим биографиям ведущих политических деятелей Испании – нынешнего главы правительства Народной партии Мариано Рахоя, преемника Сапатеро – лидера социалистов Альфредо Переса Рубалькабы. Важная роль в ней отводится развитию политической ситуации в Испании. Речь идет о таких вопросах, как проблемы сепаратизма, которые были рассмотрены на примере Страны Басков и Каталонии. В книге отмечается, что «Сапатеро являлся сторонником децентрализации испанского государства и считал, что этот путь является важным шагом в деле модернизации страны и не угрожает ее территориальной целостности». Значительное место в пособии отведено теме влияния мирового экономического кризиса на экономику Испании и анализу антикризисных мер, предпринятых правительством Сапатеро. В частности, Н.Е. Аникеева приходит к выводу о том, что правительство ИСРП не смогло найти разумный компромисс между требованиями, предъявляемыми ЕС к экономической политике страны, с одной стороны, и интересами своих избирателей – с другой.

Вторая глава посвящена внешней политике испанских социалистов, в частности внешнеполитическим ориентирам правительства Х.Л. Родригеса Сапатеро, отношениям Испании и Евросоюза, проблемам безопасности в Европе. Н.Е. Аникеева отмечает, что «ИСРП одержала уверенную победу на парламентских выборах 2004 г. во многом благодаря тому, что Сапатеро пообещал вывести испанский контингент из Ирака, что соответствовало интересам большинства граждан Испании». Вместе с тем тот факт, что «Сапатеро принял участие в военной операции в Ливии в 2011 г. изменило мнение мирового сообщества о нем. Ведь после вывода испанских войск из Ирака его привыкли считать миролюбивым политиком».

Важным этапом в деятельности правительства Сапатеро стал этап председательства Испании в ЕС в 2010 г. В этот период «Мадрид возглавил Евросоюз в абсолютно новых инсти-

туционально-правовых условиях, определенных Лиссабонским договором». Автор отмечает, что «в целом председательство Испании в ЕС можно оценить позитивно».

В параграфе, посвященном российско-испанским отношениям, отмечается, что позиции ИСРП и НП, направленные на сотрудничество с Россией, схожи, их потенциал далеко не исчерпан. Особый раздел затрагивает тему «Перекрестного года России–Испании 2011г.», который стал своего рода продолжением традиции межкультурного диалога двух стран.

Важное место отводится теме испано-американских и испано-британских отношений, а также латиноамериканскому, средиземноморскому направлениям во внешней политике Испании. Большое внимание уделяется сотрудничеству Испании с Азиатско-Тихоокеанским регионом.

Заключение содержит выводы, отражающие основные положения работы, а также раздел, который посвящен итогам правления ИСРП и возвращению к власти Народной партии во главе с Мариано Рахоем. Автор считает, что поражение испанских социалистов на выборах в 2011 г. стало политической закономерностью. В непростой внутривнутриполитической ситуации, сложившейся в Испании на тот момент, меры правительства, направленные на преодоления последствий мирового экономического кризиса, оказались запоздалыми. Что касается внешней политики, то в программе ИСРП акцент был сделан на приоритет европеизма во внешней политике. Правительство Сапатеро проявило себя как последовательный сторонник европейской интеграции. В 2005 г. в Испании была одобрена Конституция Европейского союза, а в 2008 г. в Мадриде поддержали Лиссабонский договор.

Как представляется, данный научный труд ценен не только анализом проблематики современной Испании, но имеет и практическое предназначение. Он будет полезным в качестве учебно-методического пособия для студентов, обучающихся по специальностям «Международные отношения» и «Регионоведение».

Shestopal A.V. The government of Spanish socialists rules the country.

20 лет Иберо-американскому центру МГИМО-Университета МИД России

М.В. Ларионова, Ю.В. Сливчикова

В статье рассматриваются ключевые вопросы подготовки новых поколений иберо-американистов в МГИМО. Эта тема стала центральной на круглом столе, проведенном в МГИМО МИД России 4 апреля 2013 г. в рамках празднования 20-летия Иберо-американского центра. В дискуссии приняли участие гости из МИД России, Института Латинской Америки, редакции журнала «Латинская Америка», руководители Иберо-американского клуба МГИМО, преподаватели и студенты университета.

Иберо-американский центр МГИМО-Университета МИД России отпраздновал свой 20-летний юбилей 4 апреля 2013 г., организовав круглый стол и пригласив друзей из МИД России, Института Латинской Америки, редакции журнала «Латинская Америка». В заседании приняли участие руководители Иберо-американского клуба МГИМО, преподаватели и студенты университета. Речь пошла о подготовке молодого поколения иберо-американистов в МГИМО-Университете.

Актуальность данной темы очевидна. На сегодняшний день Латинская Америка является одним из наиболее динамично развивающихся регионов мира. Это в первую очередь касается экономического развития. Латинская Америка по темпам экономического роста опережает большинство развитых стран мира, а колоссальные природные ресурсы и высокий уровень развития человеческого капитала позволяют утверждать, что это еще и один из самых перспективных регионов. Бразилия, Мексика и Аргентина занимают ведущие позиции не просто в региональном, а в мировом масштабе. Бразилия уже входит в семерку крупнейших экономик мира и опережает такие развитые государства, как Франция, Великобритания, Италия. Подобные по-

казатели хозяйственного роста приводят к изменению политико-экономической и геополитической роли стран региона в мире. Возрастает значение БРИКС и интеграционных группировок, прежде всего МЕРКОСУР. Важно и то, что растет осознание нового значения этого региона и в России. Все это говорит о важности и актуальности изучения такого региона, как Латинская Америка сегодня. В последнее время Латинская Америка является очень важным и активным вектором российской внешней политики. За последние 2 года состоялось более 10 саммитов и около 30 взаимных визитов министров иностранных дел. Поэтому остро встает вопрос о дефиците молодых иберо-американистов, переводчиков, в посольствах и самом латиноамериканском департаменте МИД.

В своей вступительной речи бессменный председатель совета Иберо-американского центра профессор А.В. Шестопал напомнил, как ровно 20 лет назад в период весьма непростых отношений со странами Иберо-америки возникла идея поддержать традиции подготовки испанистов-международников, специализирующихся по странам данного региона. Ассоциация выпускников МГИМО, которую на тот момент возглавлял известный дипломат и посол в Мексике Р.А. Сергеев,

Ларионова Марина Владимировна – к.филол.н., профессор кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: larionova.m@list.ru

Сливчикова Юлия Владимировна – преподаватель кафедры испанского языка МГИМО(У) МИД России. E-mail: aurora85@bk.ru

совместно с кафедрой романских языков выступила с инициативой создания центра. Данную инициативу поддержало руководство Университета, постоянным вниманием которого центр пользуется все 20 лет своей работы. Особую поддержку инициативам центра всегда оказывал и оказывает ректор Университета А.В. Торкунов. Искреннюю благодарность А.В. Шестопаля выразил А.В. Силантьеву, проректору по международному сотрудничеству и общественным связям, также профессионалу по странам Иbero-америки, за его искренний интерес и помощь работе центра.

Особые слова признательности А.В. Шестопаля адресовал представителям банка Сантандер. В рамках договора о сотрудничестве, подписанного с университетом МГИМО, банк Сантандер оказывает финансовую помощь развитию испанистики и иbero-американистики в МГИМО. Из средств банка финансируются научные стажировки преподавателей университета, выплачиваются стипендии студентам МГИМО, проходящим обучение в испанских университетах, переводятся и издаются книги и сборники научных трудов, проводятся научные конференции и круглые столы.

А.В. Силантьев поздравил всех собравшихся с юбилеем центра. Он передал поздравления А.В. Торкунова и, объявив благодарность ректора, вручил почетные грамоты МГИМО (У) МИД России за многолетнюю активную работу в Иbero-американском центре:

- доктору философских наук, профессору, заведующему кафедрой философии А.В. Шестопаля;
- кандидату филологических наук, доценту, профессору кафедры испанского языка Г.С. Романовой;
- Чрезвычайному и Полномочному Послу, почетному профессору МГИМО Р.А. Сергееву;
- Чрезвычайному и Полномочному Послу, профессору кафедры дипломатии Е.М. Астахову;
- доктору филологических наук, профессору, заведующему кафедрой испанского языка В.А. Ювченко;
- директору Института международных исследований, кандидату исторических наук, профессору А.А. Орлову;
- доктору исторических наук, профессору кафедры истории и политики стран Европы и Америки Л.С. Окунева;
- доктору исторических наук, профессору кафедры истории и политики стран Европы и Америки Н.Е. Аникеевой;
- доктору исторических наук, профессору кафедры сравнительной политологии С.М. Хенкину;
- кандидату филологических наук, доценту, профессору кафедры испанского языка М.В. Ларионовой;
- старшему преподавателю кафедры испанского языка А.Л. Зенькович;
- кандидату исторических наук, доценту кафедры испанского языка Е.В. Астаховой;
- кандидату филологических наук, доценту кафедры испанского языка Е.А. Грининой.

Л.С. Окунева подвела итоги студенческого конкурса на лучшую исследовательскую работу, отметив, что работы лауреатов ежегодно публикуются в журнале «Латинская Америка», и поблагодарила за подобную возможность главного редактора журнала «Латинская Америка» В.Е. Травкина. За 20 лет существования конкурса многие его лауреаты стали квалифицированными специалистами, прекрасно зарекомендовавшими себя в МИД. Студенческие работы представляют собой первый опыт аналитического анализа, что является необходимым навыком дипломата. Тематика работ затрагивает внутриэкономические проблемы стран Латинской Америки, Испании и Португалии, особенности политического развития данных стран, внешнеполитические вопросы. Особой популярностью последнее время пользуются политические портреты лидеров стран региона. Дипломы, подписанные ректором, были вручены С. Кретову, занявшему первое место («Геополитическое измерение Мальвинского конфликта»), К. Волкову за второе место («История Панамского канала в XX веке»), М. Главице («Бразилия в годы Второй мировой войны»), Д. Жуковой («Политика Альберта Фухиморе в Перу: 1990–2000 гг»), Э. Нургалиеву («Российско-испанские отношения на современном этапе»).

Лауреат конкурса студенческих работ К. Волков (4-й курс МО) поделился впечатлениями студентов от уроков страноведения, испанского и португальского языков, об их пользе в будущей карьере дипломата. Он отметил, что освоение любой регионоведческой дисциплины невозможно без знания языка. Использование источников на испанском и португальском языках позволяет глубже понять тему, изучить вопрос с точки зрения того или иного государства региона, то есть учесть взгляд изнутри. Это позволяет разобраться в непростых политических и экономических обстоятельствах, складывающихся в иbero-американских странах, часто не имеющих аналогов в российской действительности. Без данного подхода невозможно достичь объективности и глубины рассмотрения вопроса. В заключение К. Волков поздравил центр с юбилеем и поблагодарил преподавателей за знания, помощь и терпение.

Поскольку работа центра проходит всегда в тесном контакте с Министерством иностранных дел, особую признательность А.В. Шестопаля выразил руководителям Латиноамериканского и Первого европейского департаментов и предоставил слово заместителю директора ЛАД И.В. Морозову. Тот в свою очередь, поприветствовав собравшихся, передал искренние поздравления заместителя министра иностранных дел С.А. Рябкова, а также наилучшие пожелания от директора ЛАД А.В. Щетинина. Он также отметил высокий уровень выпускников МГИМО, пополняющих ряды сотрудников ЛАД, за что поблагодарил преподавателей и членов Иbero-американского центра.

Е.М. Астахов, Чрезвычайный и Полномочный Посол РФ, приняв эстафету поздравлений, начал свое выступление, подчеркнув неосценимую роль

А.В. Шестопада как руководителя центра. Он также поблагодарил преподавателей испанского, португальского языков, истории, экономики, дипломатии, которые составляют прочную базу, обеспечивающую успех работы центра. Посол подчеркнул искренний интерес студентов МГИМО к региону, который, как он надеется, строится на энтузиазме и увлеченности, но не на консумистских стремлениях, в которые все глубже погружается определенная часть российской элиты. С нашей стороны необходимо готовить специалистов более широкого профиля, не только для МИД, но и для сферы бизнеса, экономики, журналистики и т.д.; важно поддерживать отношения с дипкорпусом в Москве, проводя встречи послов стран ЛА со студентами; нужно устраивать встречи с представителями МИДа, журналистами, экономистами. Но инициатива должна исходить не только от центра и преподавателей, но также от самих студентов. Имеет смысл подтолкнуть их к созданию Иbero-американского студенческого клуба, сообщества, которое способствовало бы продвижению Иbero-американского мира среди студентов.

Руководитель секции испанистики ряда конвентов РАМИ С.М. Хенкин сообщил о выходе новой книги «Баскский конфликт: история, характер, метаморфозы», написанной в соавторстве с Е.С. Самсонкиной. В своей презентации С.М. Хенкин подчеркнул универсальность ситуации, сложившейся в Стране Басков. Он отметил, что опыт анализа данного конфликта применим и вне границ испанского государства. Баскский конфликт многогранен. В первую очередь это касается деятельности ЭТА, радикальной националистической организации с полувековой историей борьбы против испанского государства. Но существуют также радикальные националисты, которые стремятся к независимости мирным путем. Третьей гранью конфликта является глубокий раскол самого баскского общества. Национализм, сепаратизм и терроризм – три компонента, которые придают особое своеобразие баскскому региональному конфликту. Данная проблема, несомненно, актуальна, поскольку перекликается с аналогичными конфликтами в Шотландии, Фландрии, Северной Италии, Баварии, Каталонии.

В.Е. Травкин, главный редактор журнала «Латинская Америка», основной трибуны отечественных иbero-американистов, призвал членов центра не только участвовать в подписной компании, но и становиться авторами публикаций, тем более что журнал ежегодно проводит конкурс на лучшую научную статью.

Профессор кафедры испанского языка Г.С. Романова обратилась к истории преподавания лингвострановедения в Университете. В советские времена знания о странах изучаемого языка студенты черпали у своих коллег, студентов из стран Латинской Америки. Затем сложилась ситуация лингвострановедческого вакуума. Кафедра стала искать новые контакты. Так были организованы первые визиты в посольства стран региона и их ответные посещения Университета. Значительный

вклад внесли и жены советских и позже российских послов, ставшие по возвращении на Родину преподавателями МГИМО: Е.В. Астахова, А.А. Ермакова, О.В. Романченко, Е.А. Заемская, Е.А. Громова, Л.Г. Тюрденева, А.Л. Зенькович. Г.С. Романова выразила надежду на возможность вернуть традицию прохождения преподавателями МГИМО-Университета практики в МИД, что способствовало бы формированию общей картины знаний с целью улучшения качества преподавания и формирования профессиональных компетенций, необходимых студентам как будущим сотрудникам министерства. Что касается переводческой практики, то командировки преподавателей в посольства для выполнения переводов на самых разных уровнях приносили колоссальный опыт. Благодаря практической работе в странах испанского языка ко многим преподавателям пришло понимание необходимости лингвострановедческого подхода при преподавании иностранного языка.

Заведующий кафедрой испанского языка В.А. Иовенко выразил идею близости кафедры и Иbero-американского центра в концептуальном, профессиональном и духовном отношении. Без него работа кафедры ограничивалась бы сугубо лингвистическими аспектами. Центр привносит в деятельность кафедры лингвострановедческий, дипломатический и культурологический компонент, что помогает и преподавателям, и студентам. В.А. Иовенко подробно рассказал о традиции проведения на кафедре испанского языка переводческого конкурса, который с недавних пор носит узкоспециализированный характер. Особое внимание он уделил уникальному курсу лекций по страноведению «Мир испанского языка», который читают на испанском 12 преподавателей кафедры для студентов 3-х курсов факультета международных отношений и международной журналистики. Интересно, что лекции пользуются большой популярностью и на других факультетах и курсах университета МГИМО.

Профессор кафедры романских языков, преподаватель португальского языка Г.В. Петрова поделилась особенностями преподавания португальского языка в МГИМО. Кафедра активно поддерживает работу португальского театра, привлекая в спектакли студентов всех курсов. Примечательно, что курс лингвострановедения на кафедре романских языков читает носитель языка Жоау Мендонса. Португалисты также проводят переводческие конкурсы. Недавно в свет вышел новый учебник для первого курса, основанный на современных коммуникативных ситуациях и разработанный Г.В. Петровой и Жоау Мендонсой, рассчитанный на активно говорящего студента.

А.Л. Зенькович подчеркнула важность организации встреч студентов с представителями дипкорпуса в рамках воспитания будущих дипломатов. Можно констатировать, что все аккредитованные посольства региона посетили Университет. Встречи проходят раз в месяц.

Кроме того, Университет принимал в своих стенах ректоров университетов, группу испанцев, составлявших текст Конституции, журналистов, писателей, деятелей науки и культуры стран Иbero-американского региона. Другим аспектом международной деятельности Иbero-американского клуба совместно с кафедрой испанского языка является обмен студентами и преподавателями с университетами латиноамериканских стран, и традицию эту необходимо активно поддерживать. А.Л. Зенькович, пользуясь случаем, представила свой перевод книги «Наш Чавес», написанной двумя кубинскими журналистами, книги, которая стала по воле судьбы своего рода прощальным словом официальной переводчицы венесуэльскому лидеру.

Профессор кафедры испанского языка М.В. Ларионова рассказала об истории организации международных встреч испанистов, начало которым было положено в 2002 г., когда Университет гостеприимно распахнул свои двери для участников международного colloquium Европейской ассоциации преподавателей испанского языка (ЕАПИ), приехавших из 12 стран мира. А Первая Международная научная конференция испанистов прошла в МГИМО в феврале 2004 г. под названием «Испания в мировой истории и культуре: язык, традиции, современность». С тех пор конференция проводится каждые два года и интерес к ней все возрастает. В 2014 г. здесь планируется провести шестую Международную конференцию испанистов и иbero-американистов, участвовать в которой приглашаются все желающие.

Специфика проходящих в Университете конференций испанистов состоит в том, что в них участвуют не только филологи и преподаватели языка, но и дипломаты, политологи, экономисты, юристы из ведущих университетов Европы и США. Еще одна особенность таких конференций заключается в том, что они проводятся на испанском языке. А отличительной чертой конференции 2012 г. стало участие в ней студентов, которой провели круглый стол на тему «Иbero-американский мир в контексте политической и социокультурной действительности». М.В. Ларионова рассказала о и новых планах научных публикаций: Иbero-американский центр совместно с Институтом международных исследований с 2013 г. будет регулярно издавать «Иbero-американские тетради».

Г.И. Волкова, доцент факультета мировой политики МГУ им. М.В. Ломоносова, отметила

актуальность научных исследований в области испанистики и иbero-американистики, подчеркнув необходимость сочетать их с практикой, что имеет особую важность для воспитания нового поколения профессионалов-международников.

Е.В. Астахова отметила, как важно изучать язык в экстралингвистическом контексте, поскольку иначе изучение его сводится к клише, штампам и стереотипам, без каких-либо нюансов, которые необходимо знать будущим специалистам, выпускникам Университета, собирающимся связать свою судьбу с дипломатией. Для молодого поколения иbero-американистов важно знакомство не со штампами и стереотипами, а с реальными образами стран Иbero-американского региона. С этой целью мы ведем курс лекций по страноведению «Мир испанского языка», организуем студенческие круглые столы, на которых обсуждаются самые разные темы – от культуры до политики.

Секретарь Иbero-американского центра Ю.В. Сливчикова поделилась своими впечатлениями от участия в работе секций Латинской Америки (председатель – проф. Л.С. Окунева) и Испании (председатель – проф. С.М. Хенкин) VII Конвента РАМИ, который прошел в МГИМО в сентябре 2012 г. Организуете РАМИ конвен-ты являются важнейшей научной площадкой для обмена опытом испанистов и иbero-американистов.

В заключение участники круглого стола были приглашены на концерт испанского театра МГИМО-Университета, который также отмечает в этом году свой двадцатилетний юбилей. Его бессменным руководителем является доцент кафедры испанского языка Е.А. Гринина.

MGIMO Ibero-American Center: the vicennial tradition of the foreign affairs experts education.

Summary: The article is devoted to the key issues of preparation of new generations of ibero-americanists at MGIMO University. This subject took the central place in the round table conference that was celebrated at MGIMO University on April 4, 2013 within the celebration of the 20th anniversary of the Ibero-American center. The discussion was participated by the guests from the MFA of Russia, Institute of Latin America, editor in chief of the Latin America magazine, heads of Ibero-American club of MGIMO, professors and students of the University.

Ключевые слова

МГИМО-Университет, Иbero-американский центр МГИМО-Университета, круглый стол, юбилей, иbero-американистика.

Keywords

MGIMO University, MGIMO Ibero-American Center, roundtable conference, anniversary, Ibero-American studies.

Генералу армии М.А.Гарееву исполняется в этом году 90 лет

А.А. Ахтамзян

Возраст сам по себе дает повод для уважения человека, достойно прожившего жизнь. В данном случае речь идет о выдающемся человеке, на жизнь которого легла жесткая печать судьбы страны. Махмут Гареев родился 23 июля 1923 г. в глубокой российской провинции – в Челябинской губернии в трудовой татарской семье, которая ушла туда из охваченного голодом Поволжья в поисках счастья, точнее, чтобы остаться в живых. В те годы дети рано становились взрослыми. Жизнь втягивала людей в свой круговорот, не считаясь с желанием детей оставаться детьми, учиться в школе, заниматься спортом. Обстоятельства требовали приспособливаться к реальным условиям жизни. Так 15-летний татарчонок стал воспитанником кавалерийского полка. Тут тебе и спорт, и грамота, и военное дело.

Махмут Ахметович Гареев принадлежит к тому поколению граждан страны, которое волею судеб стало героическим поколением народа в XX в. Суровая статистика за годы Великой Отечественной войны зафиксировала непреложный факт: из каждой сотни мужчин, родившихся в 1922–1924 гг., выжили всего только три человека. В числе этих трех из ста человек – наш Махмут Гареев, который с ноября 1941 г. до окончания войны был в рядах действующей армии, на передовой линии фронта. Он получил здесь четыре ранения и контузию, вновь и вновь возвращался в строй в качестве боевого командира, офицера штаба.

Война, как известно, дело смертельно опасное: солдат и офицер в современной войне рискует жизнью не только ежедневно и ежечасно, но и каждую минуту, и каждую секунду. Выдержать такое напряжение могут, разумеется, только смелые, мужественные люди. Никакого преувеличения в обозначении участников Великой Отечественной войны как героического поколения народа не усматривается. Еще до начала войны в 1941 г. М.А. Гареев добровольно поступил в Ташкентское военное училище и прошел сокращенный курс обучения, получил звание младшего лейтенанта и командира роты (не взвода), когда ему едва исполнилось 18 лет. Офицер М.А. Гареев воевал на Западном и 3-м

Белорусском фронте. В августе 1942 г. он получил первое тяжелое ранение. После возвращения в строй в 50-ю лыжную бригаду летом 1943 г. на Западном фронте капитан М.А. Гареев за умелое руководство боем подразделения получил первую боевую награду – орден Красной Звезды. Фронтовики помнят, что этим орденом командование отмечало солдат и офицеров за проявление личного мужества, за подвиг. Этим орденом М.Гареев был отмечен в ходе войны трижды. Он был награжден также орденом Отечественной войны 1-й степени и тремя орденами Боевого Красного Знамени. Этот факт сам по себе – свидетельство доблести офицера на войне.

В своей автобиографии М.А.Гареев кратко сообщает о своем участии в боях на различных направлениях: в составе 50-й отдельной бригады,

Ахтамзян Абдулхан Абдурахманович – д.и.н., почетный профессор МГИМО(У) МИД России.
E-mail: vestnik@mgimo.ru

в боях под Вязьмой и Гжатском, затем в тяжелых боях под Витебском зимой 1943–1944 гг., в освобождении Белоруссии, Литвы, Польши. В составе 5-й армии весной 1945 г. он участвовал в операциях в Восточной Пруссии, где получил контузию. Отсюда в составе 5-й армии был направлен на Дальний Восток, где участвовал в операциях против японских войск в Маньчжурии. В сентябре 1945 г. боевые заслуги майора М.А. Гареева были отмечены орденом Александра Невского. Приведенные выше сведения получены из документов периода войны: из «Наградных листов», заполненных непосредственно на месте событий командирами соответствующих подразделений и соединений.

В победном 1945 г. Махмуду Ахметовичу исполнилось 22 года. Молодость прошла на войне. Но из рядов Вооруженных сил он не ушел, решив посвятить жизнь военному делу – благородной профессии защитника Отечества. В конце Второй мировой войны получил назначение командования 5-й армии заняться изучением опыта войны. Для этого понадобилось углубление теоретических научных знаний. В сентябре 1947 г. он прибыл в Военную академию имени М.В. Фрунзе, которую окончил с золотой медалью в 1950 г. И получил назначение в штаб Белорусского военного округа. С 1955 по 1957 г. работал начальником штаба 120-й гвардейской стрелковой дивизии. В 1957 г. поступил в Высшую военную академию Генерального штаба, окончив которую с отличием, защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата военных наук. И вновь служба в войсках – должность командира мотострелкового полка, потом танковой дивизии, начальника штаба 28-й армии.

После окончания двух военных академий М.А. Гареев продолжает научную работу.

Если первоначально военный специалист как историк изучает опыт полководцев периода Гражданской войны, отход от партизанских методов ведения боевых действий, то вскоре он по службе и по науке занялся изучением операций Великой Отечественной войны. Одной из первых публикаций стала монография, посвященная анализу полководческого мастерства Михаила Васильевича Фрунзе¹.

В 1970 г. М.А. Гареев получает назначение на должность начальника штаба Главного военного советника в Египте. По существу, с этого времени начался новый этап жизни и творческой деятельности генерала – участие в выполнении военно-дипломатических заданий государства. Об этом руководители государства позже вновь вспомнили, когда сочли необходимым свернуть военное присутствие и выполнение интернационального долга на территории Афганистана, когда принимали решение о выводе своих войск из этой страны, из жизненно важного для государственных стратегических интересов страны региона. Известно, что одновременно с постановлением о выводе войск решено было «вести» генерала М.А. Гареева в Афганистан в качестве военного советника законного правительства страны. Позже генерал армии М.А. Гареев рассказал об обстоятельствах, сложив-

шихся в регионе в результате «исторического решения», в книгах с выразительными названиями: «Моя последняя война» и «Афганская страда»².

Для историков международных отношений эти публикации имеют ценность не только как свидетельства мемуариста, но участника событий, то есть ценность первоклассного исторического источника наряду с официальными документами, хранящимися до поры в архивах. Книга о миссии генерала армии Гареева в Афганистане получила международный резонанс. Она была издана в Швейцарии в переводе на немецкий язык. Плодотворная работа в Генеральном штабе – мозговом центре Вооруженных сил страны получила высокую оценку государства: в ноябре 1989 г. ему присвоено воинское звание генерала армии.

Генерал армии и президент Академии военных наук М.А. Гареев известен в странах мира как видный военачальник, имеющий боевой опыт, но и как военный теоретик – автор нескольких учебных пособий, переведенных на иностранные языки и используемых для обучения военнослужащих на оперативно-тактических учениях.

М.А. Гареев подготовил и успешно защитил две докторские диссертации: на соискание ученой степени доктора военных наук и ученой степени доктора исторических наук. В этом отношении он уникальная личность: ученый, непрерывно работающий на стыке отраслей науки и делающий серьезные обобщения в каждой из областей знаний. Во многих странах мира военные специалисты знают учебные пособия, изданные М.А. Гареевым. Такие, как «Общевойсковые учения», «Тактические учения и маневры», а также монография «Контурь вооруженной борьбы будущего», которая в 1990-х гг. была издана в переводе на немецкий язык в Германии и получила отклики в прессе.

Можно сказать, что читающей публике в нашей стране и за ее рубежами он больше известен как исследователь истории Второй мировой войны. Работая в Генеральном штабе, а затем в Академии военных наук, он основательно изучал опыт стратегических операций Второй мировой войны, особенно деятельность военачальников и Верховного Главнокомандования Вооруженных сил. По многим проблемам и дискуссионным темам он выступает с докладами и статьями, которые получают широкий отклик в общественном мнении. Не только теоретическое, но и практическое значение имела произведенная по инициативе и при активном участии генерала классификация военных специальностей в Вооруженных силах страны.

Высокое общественное признание получило его исследование творчества маршала Г.К. Жукова³. Этот труд получил не только широкое общественное признание, но и государственную оценку. Доктор военных наук и доктор исторических наук М.А. Гареев за книгу «Маршал Жуков» удостоен в 1998 г. звания лауреата Государственной премии⁴.

Выдающимся достижением творчества генерала армии М.А. Гареева стало исследование под названием «Полководцы Победы и их военное

наследие», которое было опубликовано тиражом в 3000 экземпляров в 2003 г. с подзаголовком «Очерки о военном искусстве полководцев, завершивших Великую Отечественную войну». Уже в следующем году (к 60-летию Победы в Великой Отечественной войне) том вышел тиражом 5000 экземпляров. Для книг такого формата и объема тираж можно считать весьма редким⁵. Ценность данного труда заключается в том, что видный военный специалист, участник Великой Отечественной войны, знающий войну не из книг историков, а по своему жизненному опыту, дает объективную оценку реального вклада в Победу над фашизмом народа, страны в целом и каждого из видных военачальников, на которых легла особенно большая ответственность в тяжелые годы войны. Автор противопоставил разного рода тонким и грубым фальсификациям истории, а также разного рода «рейтингам» факты и документы, а в качестве весомого аргумента – итоги Второй мировой войны.

Из опыта мировой войны и Великой Отечественной войны М.А. Гареев призывает извлекать уроки, а не дивиденды для приобретения лавров. Рейтинг историка М.А. Гареева прост как правда: Верховное Главнокомандование Советской армии в годы войны – Сталин, маршал Жуков, маршал Василевский, генерал армии Антонов, адмирал флота Кузнецов. Далее командующие фронтами в той последовательности, в которой они вышли на Парад Победы на Красной площади в Москве в 1945 г. Автор воздаст должное лидерам держав-союзников и военачальникам этих стран. Пять лет тому назад вышел новый фундаментальный труд генерала армии М. А. Гареева⁶.

В военно-технической терминологии издавна прижилось понятие «калибр». Теперь никто не задумывается над тем, от чего образовано понятие. Между тем оно происходит от итальянского выражения: «Ква либра?» (Сколько весит?). Имелся в виду вес ядра или заряда простой пушки. Со временем мощность орудия или калибр стали обозначать в миллиметрах – по диаметру снаряда.

Эта присказка понадобилась, чтобы сказать: фундаментальный труд генерала армии Махмута Ахметовича Гареева – это орудие не просто крупного калибра. Это орудие главного калибра, предназначенное для защиты великого наследия советской, российской военной науки, наследия Великой Победы 1945 г. Сегодня это наследие надо защищать и от чужих, от «своих» злопыхателей.

У нас есть основание гордиться тем, что наш славный представитель Махмут Ахметович, то есть Мохаммад Эхмэт улы, известный военачальник, взял на себя эту почетную и трудную миссию. Достаточно ознакомиться с названиями глав этой фундаментальной монографии объемом более 70 печатных листов, чтобы понять, что перед нами труд, в котором обобщен опыт всех основных операций Великой Отечественной войны, развитие стратегической мысли в XX в. По существу, этот том

представляет собой энциклопедию современной военной науки. Книга издана тиражом, примерно равным количеству генералов Российской армии на начало XXI в. Для страны было бы полезно ознакомиться с книгой генерала армии М.А. Гареева всех российских офицеров, особенно будущих генералов.

Представленный труд можно приравнять к научному подвигу. «НВО» – Независимое Военное Обозрение в июле 2003 г. в связи с 80-летием М.А. Гареева присвоило ему почетное звание Генералиссимуса военной науки. Как историк международных отношений, я уверен, что Махмут Гареев – мыслитель мирового уровня. Военные теоретики практики прошлых веков мыслили и действовали на уровне своего времени. Со времен Александра Суворова и Карла Клаузевица, Свечина и Тухачевского военная наука ушла далеко вперед. Труды М.А. Гареева выполнены на современном высоком уровне. Одновременно они отличаются простотой изложения, доступны грамотному офицеру. Они должны быть настольной, но не застольной книгой старших офицеров. Однако выходят они тиражами, которые не превышают количество генералов в стране. Армия, в которой не читают книги своих генералов, едва ли может отвечать требованиям времени, особенно принципу: «Си виц пацем—пара беллум», то есть если хочешь мира – готовься к войне.

Осмысливая опыт большой коалиционной войны, советские генералы и офицеры сделали свои выводы о факторе внезапности, боеспособности и боеготовности и т.п. Однако в современной пропаганде почему-то сведен на нет фактор морально-политический. Выступления М.А. Гареева вновь и вновь напоминают стране об этом. Может быть, в ядерную эпоху этот фактор не имеет уже значения? Неужели все сводится к финансированию? Да, «Пекуниа ет нервус белли», то есть деньги – это нерв войны. Однако история не знает войн, выигранных наемными армиями. Наемники служат тому, кто больше обещает. Правда, город может захватить и осел, груженный золотом.

Из трудов генерала армии М.А. Гареева мы узнаем, что для победы в справедливой войне (а он пережил семь военных конфликтов) имеет значение вся совокупность факторов, которые надо изучать и знать. Для обороны страны нужны не иконы и не мебель, а мощное оружие и знания. Эта книга об этом и повествует.

Лет 15 тому назад мне довелось ознакомиться с документами военных лет, в частности с «Наградными листами» лейтенанта, капитана, майора М. Гареева. Что такое «Наградной лист», написанный на бруствере окопа, на пне или в блиндаже? Это летопись и дневник войны, в котором нет места для лишних слов и фальши. Это подлинные документы истории. Из этих документов я знаю, что в самые тяжелые годы войны М. Гареев находился на передовой, в окопах, вместе с солдатами, затем он в штабе до конца войны на Западе, а затем и на Дальнем Востоке. Ряд боевых орденов – это релик-

вии, свидетельства мужества и героизма – героизма целого поколения наших соотечественников.

Большая заслуга генерала М.Гареева заключается в том, что он в свое время дал классификацию военных специальностей, обобщил опыт оперативных учений, знает специфику локальных войн. Но самая большая заслуга его – это систематизация военных знаний. Как профессиональный военачальник, он ясно представляет себе реалии современной войны. Смысл публикации трудов доктора военных наук в том, чтобы передать свои знания и опыт новому поколению защитников Отечества. Генерал обобщает исторический опыт. В ряду книг М.А. Гареева монография о полководце Гражданской войны М.В. Фрунзе, полководце Великой Отечественной войны Г.К. Жукове, наконец, фундаментальный труд «Полководцы Победы», который повествует о командующих фронтами, участниках Парада Победы 1945 г. «Моя последняя война», «Афганская страда» – это не мемуары в обычном смысле слова. Это обобщение опыта войны, это научное исследование. Для истории советской, российской культуры ценна книга о Константине Симонове, с которым автор был близко знаком.

И вот теперь – том большого калибра (более 70 печатных листов), в котором собраны главы и статьи на темы, которые не теряют актуальности. М. А. Гареев снова на передовой позиции – на историческом фронте борьбы против фальсификаторов истории Великой Отечественной войны и Второй мировой войны в целом. В кратком отклике нет возможности хотя бы назвать темы, поднимаемые автором. Мало сказать, что М.А. Гареев энциклопедически образованный военачальник. Он сам энциклопедист. Энциклопедия – это полный цикл знаний в определенной сфере. Труд генерала М. Гареева – это энциклопедия военных знаний. Академия военных наук, которую создал и возглавил М.А. Гареев в 1995 г., сама по себе явление уникальное. Существование и развитие Академии – залог сохранения и повышения обороноспособности страны, преемственности и продолжения традиций Вооруженных сил страны.

Многие свидетельства генерала армии М.А. Гареева имеют ценность исторического источника. Возможно, уже скоро они обретут особую остроту. Для меня лично, как гражданина и историка, навсегда сохранится неизгладимое впечатление от очерка «Человек чести и долга» – очерка о трагической судьбе Маршала Советского Союза Сергея Федоровича Ахромеева.

Книги, как и люди, имеют свою судьбу. Уверен, что книгам М.А. Гареева суждена счастливая

судьба. Они предназначены новым поколениям защитников Отечества. Они актуальны сегодня и будут востребованы в будущем. Автор этой книги может сказать словами старых мастеров: «Я сделал, что мог, пусть кто может, сделает лучше».

В кратком обзоре трудов генерала армии М.Гареева мы не рассмотрели участие его в коллективных исторических исследовательских публикациях, особенно в изданиях, противостоящих фальсификациям истории Великой Отечественной войны. В 90-х гг. XX столетия и особенно в первой декаде нового века генерал армии М.А. Гареев активно сотрудничал с историческими кафедрами МГИМО, в частности с кафедрой истории стран Европы и Америки. В общем курсе истории стран Европы и Америки им прочитан цикл лекций по узловым проблемам истории Второй мировой войны и истории Великой Отечественной войны. Он оказал заметное влияние на поддержание и развитие традиционной российской концепции происхождения Второй мировой войны, причин возникновения всемирного конфликта, уделяя особое внимание политике СССР, проблемам укрепления обороноспособности страны перед Великой Отечественной войной. Его участие в коллективной монографии «Великая Отечественная война», выпущенной издательством «МГИМО-Университет» к 65-летию окончания Второй мировой войны, имело большое значение для воспитания нового поколения специалистов-международников в патриотическом духе⁷. Большой вклад в научное объективное освещение истории Второй мировой войны и Великой Отечественной войны внесли главы и статьи М.А. Гареева, включенные в фундаментальное издание, подготовленное в МГИМО к годовщине Великой Победы. Многотомное издание продолжается выпуском в свет все новых томов, в которые включено беспрецедентно огромное количество документов, предоставленных для опубликования государственными архивами. Эта публикация документов и комментариев ведущих специалистов страны имеет большое значение для объективного освещения Второй мировой войны новым поколением исследователей.

Статьи и главы книг, написанные военным историком, президентом Академии военных наук М.А. Гареевым, весьма значительны не только по их количеству, но и по содержанию. Они несут свою службу на военно-историческом фронте.

Akhtamzyan A.A. To General M.A. Gareev 90 Years Are Executed this Year.

Примечания

1. Гареев М.А. М.В.Фрунзе – военный теоретик. М., 1960.
2. Гареев М.А. Моя последняя война. Афганистан без советских войск. М., 1996. Гареев М.А. Афганская страда. Издание третье, уточненное и дополненное. М., 2002.
3. Гареев М.А. Маршал Жуков. Величие и уникальность полководческого искусства. Москва-Уфа, 1996.
4. Указ Президента Российской Федерации № 583 от 25 мая 1998 г.
5. Гареев М.А. Полководцы Победы и их военное наследие. М., 2004.
6. Гареев М.А.. Сражения на военно-историческом фронте. М., 2008.
7. Великая Отечественная война: происхождение, основные события, исход. Составитель А.А.Ахтамзян. М., 2010.

О первом круглом столе экспертов-тюркологов и V Общероссийской конференции студентов- тюркологов в МГИМО

В.А. Аватков

В стенах МГИМО-Университета 4 апреля 2013 г. был «турецкий день»: с обеда и до позднего вечера шли мероприятия, в которых участвовали студенты, аспиранты и эксперты, специализирующиеся на изучении Турции, российско-турецких отношений. Речь идет об уже завоевавшей общероссийскую известность V конференции студентов-тюркологов и проводившемся впервые круглом столе экспертов-тюркологов.

Первым из названных мероприятий стал круглый стол экспертов. На нем собрался весь цвет московской тюркологии – преподаватели и научные сотрудники МГИМО, Института востоковедения РАН, Российского института стратегических исследований, Института мировой экономики и международных отношений, Института стран Азии и Африки при МГУ, Дипломатической академии МИД России, а также представители посольства Турции и прессы. Встреча была организована директором Центра ближневосточных исследований ИМИ А.Федорченко, профессором кафедры востоковедения С. Дружиловским и преподавателем кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока В. Аватковым.

К собравшимся с приветственным словом обратился директор Института международных исследований МГИМО Александр Орлов,

который отметил важное место, занимаемое Турцией в системе внешнеполитических связей России. Он подчеркнул, что, несмотря на определенные расхождения по ряду вопросов (например, относительно путей урегулирования сирийского конфликта), дипломатические ведомства обеих стран активно ищут возможности для сближения позиций. Затем состоялись выступления соведущих круглого стола А. Федорченко и С. Дружиловского, в которых они подробно остановились на существующих позитивных моментах, проблемах и перспективах отношений между Россией и Турцией. В частности, профессор Федорченко отметил, что изучение Турции и российско-турецких отношений представляет большой научный и практический интерес. Преодолев немало препятствий, двусторонние отношения вышли на уровень многопланового партнерства, а в ряде сфер – таких, как энергетика, – носят стратегический характер. В свою очередь, профессор Дружиловский, выделив значимость экономических контактов двух стран, остановился на имеющихся противоречиях, путях их преодоления и особо подчеркнул необходимость беспристрастного изучения происходящих процессов.

После целого ряда докладов и бурного обсуждения эксперты отправились на пленарное заседание V Общероссийской конференции

Аватков Владимир Алексеевич – преподаватель военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока, аспирант кафедры востоковедения МГИМО(У) МИД России. E-mail: v.avatkov@gmail.com

студентов-туркологов «Социально-гуманитарное и экономическое сотрудничество России и Турции: 2002–2012». Конференция была организована Турецким клубом НСО при поддержке кафедр языков стран Ближнего и Среднего Востока и востоковедения. Научное кураторство мероприятия осуществляли А. Штанов, С. Дружиловский и В. Аватков.

На пленарном заседании к собравшимся с приветственным словом обратились проректор МГИМО по научной работе А. Подберезкин, заведующий кафедрой языков стран Ближнего и Среднего Востока А. Штанов, профессор кафедры востоковедения С. Дружиловский, советник МИД России А. Епифанов, а также Чрезвычайный и Полномочный Посол Турции Айдын Аднан Сезгин. Затем с докладами выступили старший научный сотрудник РИСИ И. Свистунова, доцент К. Белова, преподаватель военной кафедры и кафедры языков стран Ближнего и Среднего Востока В. Аватков, магистрант К. Усов. Вел заседание председатель Турецкого клуба МГИМО Н. Рыжичкин (2 МО).

После пленарного заседания состоялись секционные заседания, которые курировали заведующая сектором Ирана Института востоковедения РАН, доцент кафедры мировой экономики МГИМО Н. Мамедова, преподаватель кафедры отечественной и всемирной истории Н. Масумова, В. Аватков, И. Свистунова и сотрудник МИД России А. Бураков.

В конференции приняли участие студенты и аспиранты МГИМО, РУДН, ДА МИД РФ, ИВ РАН, ИМЭМО РАН, ИГП РАН, РГГУ, а также представители Санкт-Петербурга, Минска, Нижнего Новгорода, Ростова-на-Дону, Махачкалы, Челябинска и Казани. Конференция была ознаменована ярким событием – выпуском очередного номера газеты Турецкого клуба «Niyet Hayır Yaşamak Güzel» («С добрыми намерениями жизнь прекрасна»). По традиции над номером работали студенты двух факультетов — международной журналистики и международных отношений. На двенадцати полосах газеты, отпечатанной издательством МГИМО, удалось рассказать о деятельности Турецкого клуба и студенческой жизни в МГИМО ребят, изучающих турецкий язык.

По итогам круглого стола и конференции ожидается выпуск сборников докладов. Прошедшие мероприятия – прекрасная возможность для коллег встретиться и обменяться мнениями. Хочется надеяться, что такие встречи профессионалов и студентов станут доброй традицией и будут привлекать все новых участников, формируя позитивный имидж МГИМО как признанного учебно-научного центра тюркологии.

Avatkov V.A. About the First Round Table of Experts of Tyurkology and the V Russian Conference of Students Turkology in MGIMO.

Ф.СП-1	АБОНЕМЕНТ на журнал Вестник МГИМО- Университета	66009 (индекс издания) количество комплектов 1																								
На 2014 год по месяцам																										
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 5%;">1</td><td style="width: 5%;">2</td><td style="width: 5%;">3</td><td style="width: 5%;">4</td><td style="width: 5%;">5</td><td style="width: 5%;">6</td><td style="width: 5%;">7</td><td style="width: 5%;">8</td><td style="width: 5%;">9</td><td style="width: 5%;">10</td><td style="width: 5%;">11</td><td style="width: 5%;">12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда (почтовый индекс) (адрес)																										
Кому (фамилия, инициалы)																										

Ф.СП-1	ДОСТАВочНАЯ КАРТОЧКА на журнал Вестник МГИМО-Университета	66009 (индекс издания)																								
На 2014 год по месяцам																										
<table border="1" style="width: 100%; border-collapse: collapse;"> <tr> <td style="width: 5%;">1</td><td style="width: 5%;">2</td><td style="width: 5%;">3</td><td style="width: 5%;">4</td><td style="width: 5%;">5</td><td style="width: 5%;">6</td><td style="width: 5%;">7</td><td style="width: 5%;">8</td><td style="width: 5%;">9</td><td style="width: 5%;">10</td><td style="width: 5%;">11</td><td style="width: 5%;">12</td> </tr> <tr> <td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td><td> </td> </tr> </table>			1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12												
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12															
Куда (почтовый индекс) (адрес)																										
Кому (фамилия, инициалы)																										

Открыта подписка на первое полугодие 2014 г. Наш подписной индекс в ОАО «Роспечать» - **66099**

© МГИМО(У) МИД России.

Учредитель: Федеральное государственное образовательное бюджетное учреждение высшего профессионального образования «Московский государственный институт международных отношений (университет) Министерства иностранных дел Российской Федерации».

Зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации средства массовой информации ПИ № ФС77-29004 от 3 августа 2007 года.

Адрес редакции: 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76, комн. 14. Тел./факс: 8(495)433-27-74;

веб-сайт: www.vestnik.mgimo.ru

e-mail: Vestnik@mgimo.ru

ISSN 2071 – 8160. Выходит 6 раз в год.

Дизайн - Шанкин К.Г., корректор - Малышева Н.М., верстка - Волкова Е.А. Отпечатано в отделе оперативной полиграфии и множительной техники МГИМО(У) МИД России. 119454 г. Москва, проспект Вернадского, д. 76

Тираж 2000 экз. Объем 38 усл. п. л. Заказ №500